В. А. Белов

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Том II
Общая часть
Книга 2
Факты

УЧЕБНИК
ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

2-е издание, переработанное и дополненное

Рекомендовано Учебно-методическим отделом высшего образования в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

ВЫБОР РЕДАКЦИИ

Москва ▪ Юрайт ▪ 2016

УДК 34
ББК 67.404я73
Б43

***Автор*:**

Белов Вадим Анатольевич — доктор юридических наук, профессор кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

***Рецензенты первого издания*:**

Бевзенко Р. С. — начальник Управления частного права Высшего Арбитражного Суда РФ, кандидат юридических наук, действительный государственный советник юстиции III класса;

Коршунов Н. М. — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы;

Мареев Ю. Л. — кандидат юридических наук, доцент Приволжского филиала Российской академии правосудия;

Тарасенко Ю. А. — кандидат юридических наук, старший юрисконсульт ООО «Традиции качества»;

Хохлов В. А. — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Самарского государственного экономического университета.

Белов, В. А.

Б43 Гражданское право. В 4 т. Т. II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для академического бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 497 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс.

ISBN 978-5-9916-7210-8 (кн. 2)
ISBN 978-5-9916-7211-5 (т. 2)
ISBN 978-5-9916-7134-7

Настоящая книга — вторая книга второго тома Общей части авторского учебного курса гражданского права, в котором рассматривается материал по теории субъектов и объектов отношений, регулируемых гражданским правом (объектов и субъектов гражданского права), а также основаниям возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей (юридическим фактам).

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов юридических вузов и факультетов, обучающихся по образовательным программам академического бакалавриата; учебник может быть использован для самоподготовки лицами, не имеющими юридического образования (экономистами, финансовыми и банковскими работниками), а также всеми интересующимися гражданским правом.

УДК 34
ББК 67.404я73

Delphi Law Company

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-9916-7210-8 (кн. 2)
ISBN 978-5-9916-7211-5 (т. 2)
ISBN 978-5-9916-7134-7

© Белов В. А., 2011
© Белов В. А., 2014, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2016

Оглавление

Раздел VI. Факты

Глава 16. Гражданско-правовые факты: Общее учение 9

Основная литература 9

§ 1. Область понятия о гражданско-правовых фактах (п. 475—479) 10

§ 2. Виды юридических фактов (п. 480—487) 24

§ 3. Фактический (юридический) состав (п. 488—491) 39

§ 4. Юридические аналоги фактов и составов (п. 492—497) 45

Глава 17. Правомерные действия 59

Основная литература 59

§ 1. Понятие и виды правомерных действий (п. 500—504) 61

§ 2. Осуществление прав и исполнение обязанностей, в том числе распоряжение ими (п. 505—512) 70

§ 3. Охрана и защита гражданских прав (п. 513—520) 89

§ 4. Реализация чужой гражданской правосубъектности (в том числе представительство) (п. 521—532) 107

Глава 18. Сделки 126

Основная литература 126

§ 1. Общее учение о сделке (п. 533—541) 127

§ 2. Форма сделок (п. 542—550) 143

§ 3. Государственная регистрация сделок (п. 551, 552) 153

§ 4. Классификации сделок (п. 553—556) 156

§ 5. Оспоримые сделки (п. 557—562) 164

Глава 19. Договоры 178

Основная литература 178

§ 1. Общее учение о договоре (п. 563—567) 179

§ 2. Свобода договора и ее пределы (п. 568—574) 193

§ 3. Содержание и форма договоров (п. 575—581) 209

§ 4. Классификации договоров (п. 582—586) 219

§ 5. Заключение договоров (п. 587—593) 227

§ 6. Изменение и расторжение договоров (п. 594—600) 242

Глава 20. Корпоративные акты 251

Основная литература 251

§ 1. Понятие и юридическая природа корпоративных актов (п. 601—605) 252

§ 2. Действие корпоративных актов (п. 606—609) 268

§ 3. Виды корпоративных актов (п. 610—614) 274

Глава 21. Акты публичной власти 285

Основная литература 285

§ 1. Акты публичной власти: понятие и признаки (п. 615—621) 286

§ 2. Общее учение об административных актах (п. 622—624) 299

§ 3. Отдельные виды административных актов (п. 625—631) 306

§ 4. Судебные акты (п. 632—635) 320

Глава 22. Неправомерные действия 329

Основная литература 329

§ 1. Понятие и система неправомерных действий (п. 636—639) 331

§ 2. Гражданские правонарушения в узком смысле (вредоносные деяния) (п. 640—647) 340

§ 3. Недействительные сделки (п. 648—652) 354

§ 4. Недействительные корпоративные акты (п. 653—656) 362

§ 5. Недействительные (незаконные) акты власти (п. 657—660) 366
§ 6. Иные виды неправомерных действий (п. 661—664) 374

Глава 23. Юридические события 381

Основная литература 381
§ 1. Понятие и виды событий в гражданском праве (п. 665—668) 382
§ 2. Случай и непреодолимая сила (п. 669—671) 393
§ 3. Неосновательное обогащение (п. 672—675) 403
§ 4. Сроки (п. 676—680) 415
§ 5. Исковая давность (п. 681—688) 428

Приложение. Указатели к тому II

Указатель сокращений 453
Алфавитно-предметный указатель 455
Именной указатель 480
Указатель статей ГК, цитированных и упомянутых в томе II 487

Раздел VI

Факты

ГЛАВА 16
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ФАКТЫ: ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ

ГЛАВА 17
ПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 18
СДЕЛКИ

ГЛАВА 19
ДОГОВОРЫ

ГЛАВА 20
КОРПОРАТИВНЫЕ АКТЫ

ГЛАВА 21
АКТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

ГЛАВА 22
НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

ГЛАВА 23
ЮРИДИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ

ГЛАВА 16

Гражданско-правовые факты: Общее учение

Основная литература

Бабаев В. К. Презумпции в советском праве : учеб. пособие. Горький, 1974 (рецензию см.: Советское государство и право. 1975. № 3. С. 150—151); *Бакирова Е. Ю.* Юридические факты в современном жилищном праве. М., 2006; *Ее же.* Теория фактических составов в жилищном праве современной России. М., 2009 (рецензию см.: Гражданское право. 2009. № 2. С. 46—47); *Безруков А. М.* Преюдициальная связь судебных актов. М., 2007; *Бондаренко Э. Н.* Юридические факты в трудовом правоотношении. Барнаул, 2005; *Горюнова Е. Н.* Диалектика юридических фактов в системе правовых норм. Белгород, 2002; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 346—373; *Гримм Д. Д.* Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. СПб., 1900; *Данилин В. И., Реутов С. И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск, 1989 (рецензию см.: Правоведение. 1990. № 4. С. 110—111); *Зинченко С. А.* Юридические факты в механизме правового регулирования. М., 2007; *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 622—648; *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980 (рецензию см.: Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1982. № 5. С. 85—87); *Его же.* Юридические факты в советском праве. М., 1984 (рецензию см.: Советское государство и право. 1986. № 2. С. 135—137; Правоведение. 1986. № 3. С. 112—114); *Его же.* Юридические факты в российском праве : учеб. пособие. М., 1998; *Косарева И. А.* Нотариальные действия как юридические факты в гражданском праве : учеб. пособие. Хабаровск, 2001; *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958;

Категории науки гражданского права: Избранные труды. М., 2005. Т. 2. С. 49—241; *Кудрявцев В. Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986; *Кузнецова О. А.* Презумпции в гражданском праве. 2-е изд. СПб., 2004; *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве. М., 2006 (рецензию см.: Юридическая техника. 2007. № 1. С. 266—277); *Маркосян А. В.* Юридические факты в семейном праве РФ. М., 2007; *Ойгензихт В. А.* Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976; *Полищук Н. И.* Правовые отношения и юридические факты: вопросы теории и практики. Рязань, 2006; *Пучинский В. К.* Признание стороны в советском гражданском процессе. М., 1955 (рецензию см.: Советское государство и право. 1956. № 5. С. 140—143); *Рожкова М. А.* Юридические факты в гражданском праве. М., 2006 (в издании: «Приложение к ежемесячному юридическому журналу «Хозяйство и право». 2006. № 7); *Ее же.* Юридические факты гражданского и процессуального права: Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009; *Сериков Ю. А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве. М., 2006/08; *Якушев П. А.* Юридические акты и поступки как основания правоотношений. Владимир, 2003; *Чудиновская Н. А.* Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе. М., 2008; *Ширвиндт А. М.* Значение фикции в римском праве. М., 2013; *Ярков В. В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права. Екатеринбург, 1992 (рецензию см.: Российский юридический журнал. 1993. № 2. С. 143—145).

§ 1. Область понятия о гражданско-правовых фактах (п. 475—479)

475. **Постановка вопроса.** Гражданско-правовое регулирование, будучи по своему существу не *воздействием* на общественные отношения, но лишь их *социальной* (в первую очередь — государственно-властной) *оценкой*, «включается» всякий раз с *возникновением* тех или иных конкретных общественных отношений, подходящих по своим типическим признакам под определенный род или вид общественных отношений, «оцененный» (урегулированный) той или иной нормой гражданского права и «выключается» (становится беспредметным, т.е. обессмысливается) с *изменением* или *прекращением* соответствующего общественного отношения. В этом (буквальном) смысле только *сами общественные отношения* — более или менее долго длящиеся социальные процессы — и являются теми факторами, которые вызывают к себе внимание гражданско-правовых норм, а следом, благодаря действию этих норм, приводят к появлению различного свойства *гражданско-правовых форм*, в первую очередь *гражданских правоотношений*. Но понятие общественного

отношения — понятие чрезмерно абстрактное, само по себе практическому наблюдению недоступное. Не имея возможности воспринять общественные отношения непосредственно, мы можем ощущать их *внешние проявления*. Всякому наблюдателю любые общественные отношения, в том числе регулируемые гражданским правом, будут представляться не чем иным, как *совокупностями последовательно сменяющих друг друга, а также параллельно существующих обстоятельств реальной действительности — фактических обстоятельств,* или *фактов*. Думается, что именно это соображение практической наглядности и привело в конце концов к мысли связывать активность правового регулирования вообще и гражданско-правового в частности не с самими общественными отношениями (явлением малопонятным и наблюдению недоступным), а с теми *фактическими обстоятельствами*, в которых эти отношения себя проявляют, в которых они живут, которыми ограничивается во времени их существование и описывается их существо.

Нормативное признание за тем или иным фактом реальной действительности того или иного юридического значения предопределяется тем *влиянием*, которое он оказывает на *интересы и фактические отношения* частных лиц, их объединений и общества в целом в лице государства. Неправильное определение или оценка этого влияния приводит к появлению «мертвых» норм, которые либо просто не применяются, либо их содержание настолько выхолащивается, что их применение оказывается чистой формальностью. Напротив, недооценка того влияния, которое те или иные факты реальной действительности оказывают на общественно-значимые интересы отдельных людей и их групп, приводит к появлению рядом с нормами писаного (положительного) права также и норм юридических обычаев. Они-то и связывают с наступлением соответствующих фактов те правовые последствия, которых требует жизнь, восполняя тем самым проявленное к ним государственное (законодательное) невнимание.

476. **Определение, природа и значение гражданско-правовых фактов.** Факты реальной действительности, с которыми, в силу подлежащих применению правовых норм, связывается возникновение, изменение или прекращение правоотношений, называют *юридическими фактами*. Фактические обстоятельства, с которыми связываются гражданско-правовые последствия, в том числе возникновение, изменение или прекращение (динамику) гражданских правоотношений[1], называются *юридическими фактами гражданского права* или *гражданско-правовыми фактами*.

Подобно тому, как *понятия о субъектах и объектах гражданских правоотношений*, сформировавшиеся в период господства представления о правоотношении как реальном (жизненном, фактическом)

1 О понятии гражданско-правовых последствий см. гл. 8 Учебника.

общественном отношении, урегулированном нормами права, *не могут быть отнесены ни к какой другой сфере, кроме как к сфере фактических общественных отношений*[2], точно так же ей принадлежит и понятие *юридического факта*[3]. *Юридическим* называется *факт реальной действительности, имеющий юридическое значение*, а вовсе не некий особый факт, имеющий место в правовой (юридической) реальности. «Юридические факты отличаются от других фактов реальной действительности только с точки зрения значимости данных фактов для права»[4], — писал О. А. Красавчиков. Подобно тому, как *субъект права* — это элемент фактических отношений, рассматриваемый правом и юриспруденцией как активная точка приражения прав и обязанностей, а *объект права* — это элемент фактических отношений, рассматриваемый правом и юриспруденцией как пассивная точка приражения прав и обязанностей, точно так же и *юридический* факт (несмотря на свое название *юридический*) — это факт *реальной действительности*, «замечаемый» правом и юриспруденцией в качестве *источника* (основания (причины), предпосылки или условия) *возникновения, существования и прекращения* (*динамики*) *правовых форм* (прежде всего *прав и обязанностей*).

Сказанное позволяет понять сущность традиционного и в целом правильного взгляда на юридический факт как связующее (промежуточное, посредничающее) звено между гражданским правом в объективном смысле (нормой гражданского права) и субъективным гражданским правом (гражданским правоотношением). В гл. 4 о гражданско-правовых нормах и их применении* отмечалось, что процесс применения норм представляет собой умозаключение, имеющее вид простого категорического силлогизма, в котором *меньшая* посылка — это суждение о *фактическом обстоятельстве*, имеющем юридическое значение, *большая — норма права*, а вывод — суждение о *существе того правового эффекта*, наступление которого связано нормой права с фактическими обстоятельствами того же рода и вида, что и наступившее[5]. В гл. 8, посвященной динамике гражданских пра-

*см. п. 136, 137

---

2 А выражения «субъект права (правоотношения)» и «объект права (правоотношения)» должны быть, следовательно, признаны метафорическими, образными**.

**см. п. 263 и 388

3 В этом смысле абсолютно адекватными являются словосочетания *юридический субъект* и *юридический объект*, обозначающие субстанции, являющиеся соответственно участниками или предметами фактических отношений, регулируемых правом.

4 *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 14.

5 Для того чтобы подчеркнуть, что нормы объективного права не связывают юридических последствий с конкретными (единичными) фактическими обстоятельствами, М. А. Рожкова (Юридические факты гражданского и процессуального права. М., 2009. С. 8—14, 38 и др.) вводит такое понятие, как «правовая модель юридического факта», обозначающее роды и виды юридических фактов, которые вместо конкретных фактических обстоятельств фиксируются в нормах права и под признаки которых подводятся в процессе применения норм права к конкретным случаям обстоятельства этих последних.
Думается, что речь идет всего лишь о *двойственном словоупотреблении*: подобно тому, как под правоотношениями могут разуметься не только *формы конкретных общественных отношений*, но и *правовые модели таких форм*, закрепленные (описанные) в нормах права («правоотношения-отношения» и «правоотношения-модели», по терминологии Ю. Г. Ткаченко (см. п. 208 Учебника)), точно так же и термин «юридический факт» повсеместно употребляется для обозначения двух различных,➲

воотношений*, мы говорили о таковой как о *результате конкретизации* (сгущения), с одной стороны, нормы объективного права и, с другой — элементов гражданской правоспособности лиц-участников урегулированных правом общественных отношений. Фактором, приводящим в действие механизм такой конкретизации, определяющим ее содержание и пределы, является *юридический факт*, выступающий той «линзой», преломляясь через которую *абстрактное* юридическое предписание и элемент гражданской правоспособности получают применение к *конкретной* ситуации, определяя существо той правовой формы, в которую облекается единичное конкретное общественное отношение. «Норма права может быть применена, а лица могут выступать в качестве субъектов права лишь тогда, когда в общественном отношении имеются факты, признанные данной нормой юридическими»[6]. Юридический факт, таким образом — это *главное условие возникновения и динамики частноправовых отношений*, в определенном (хотя и переносном) смысле — *причина* такой динамики. В науке и законодательстве юридические факты принято называть также *основаниями* возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений.

*см. п. 236, 237, 246, 254

Весьма распространенным в литературе является мнение, в соответствии с которым возникновение, изменение или прекращение гражданского правоотношения может произойти *непосредственно в силу вновь принятого закона или нормативного акта*. Проявления этой позиции можно обнаружить в частности, в гражданском законодательстве[7]. Эта точка зрения, конечно, не согласуется с самим понятием о *законе* как *нормативно-правовом* акте — акте, который не имеет конкретного адресата и рассчитан на неопределенное число случаев применения, — и *правовой норме* как элементе (предписании) закона[8]. Правовая норма создает только *юридическую* и к тому же *аб-*

➲аналогичным образом сконструированных и соотносящихся понятий — абстрактного (описанного в норме) и конкретного (наступившего в жизни). В норме права описывается «юридический факт вообще», в жизни наступает «данный конкретный юридический факт». О закреплении гипотезой юридической нормы не самих фактов и составов, а их «*юридических моделей*», писал, в частности, В. Б. Исаков (Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 9). В оправдание такой (ставшей традиционной) неточности определения юридических фактов можно сказать лишь то, что определение это никто никогда не понимал буквально: никто не имел в виду издание норм права, уделяющих внимание *всем* текущим жизненным превратностям («если Иванов 18 декабря 2009 г. вечером на улице побил Петрова, то...», «если Сидоров не заплатил Семенову по такому-то договору, то...»). Правовые последствия связываются с конкретными жизненными обстоятельствами *не самими нормами права непосредственно*, но *лицами, применяющими нормы права к обстоятельствам конкретного случая*, т.е. такая связь не существует «от веку», но *искусственно устанавливается* в правоприменительной практике.

6 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 27.

7 Так, например, ст. 306 ГК рассматривает случай «...принятия Российской Федерацией *закона, прекращающего право собственности*...»; ст. 387 говорит о перемене лиц в обязательстве «*на основании закона*» и др.

8 Соответственно, принятие закона или иного нормативного акта, который был бы адресован конкретному лицу и, скажем, был бы направлен только на прекращение его права собственности на определенную конкретную вещь, невозможно по определению. Будучи принятым, это будет индивидуальный (административный или судебный), но никак не нормативный акт. Подробнее см. § 5 гл. 3 и § 1 гл. 4 Учебника.

стрaктную возможность возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений, причем не единичных (конкретных), но лишь правоотношений *определенного типа*. Правовая норма редко указывает на единичные *конкретные* фактические обстоятельства как основания динамики правоотношений; разве только они касались бы неопределенно широкого круга лиц (например, конкретные военные действия или индивидуально-определенное стихийное бедствие); обыкновенно же в ней содержится указание на *типические* юридические факты, на их родовую и (реже) видовую принадлежность (военные действия *вообще*, стихийные бедствия *как таковые* и т.д.). «...Норма права выступает в качестве *одной из общих* юридических предпосылок возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений»[9], — пишет О. А. Красавчиков. В отличие от нормы права юридические факты является *основаниями возникновения, изменения или прекращения единичных, конкретных правоотношений*, т.е. создают *фактическую* и *конкретную* возможность их возникновения и динамики.

477. **Факты в широком и узком (собственном) смысле.** Словом «факт» обычно обозначают нечто существующее, достоверно установленное, происшедшее, наступившее или свершившееся. Благодаря *смысловой законченности* — этому центру тяжести представления о факте — обыденное сознание ассоциирует его с чем-то если и не обязательно *одномоментным*, то с таким, что с точки зрения текущего положения дел *может быть рассмотрено* как одномоментное[10]. Именно такое — обыденное — понимание в свое время и было положено в основу специально-юридического представления о факте.

С течением времени, однако, стало понятно, что правовое значение могут получить не только факты как одномоментные обстоятельства — *юридически значимые результаты* (*эффекты*) *закон-*

---

9 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 27.

10 Вот только одна иллюстрация сказанного: несмотря на то что процесс согласования договорных условий может занять довольно длительное время, договор после своего заключения рассматривается как одномоментный факт.
На условный, чисто технический характер отождествления *длительного жизненного процесса* с его *юридически значимым результатом* (на примере действия) указывалось еще в дореволюционной литературе: «...действие представляет собой известный совершающийся во времени *процесс*, именно процесс выражения волевого акта во вне, тогда как достигнутый при посредстве него результат есть некий окончательный, приуроченный к определенному моменту времени *факт*, составляющий *последствие* этого процесса, производное его. Это так ясно и просто, реальная и логическая противоположность между обоими моментами настолько очевидна, что самая необходимость разграничения их, будучи раз отчетливо установлена, едва ли может вызвать какие бы то ни было возражения. В самом деле, нельзя же не делать различия между процессом написания письма и результатом его — письмом, между процессом печатания газеты и газетой, между процессом передачи заявления или приказания и самым заявлением или приказанием, и т.д. и т.д.» (*Гримм Д. Д.* Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. СПб., 1900. С. 207). Но именно следствием «неделания» описанного различия и является традиционное представление о факте как результате процесса, оторванном от самого этого процесса, т.е. о факте как чем-то одномоментном.

чившихся социально-значимых процессов (*действий и событий*), т.е. факты в собственном (узком) смысле слова, но также и *сами текущие* (*продолжающиеся, не окончившиеся*) *явления и процессы объективной действительности*. Некоторые из них вовсе не имеют способности заканчиваться: они существуют неопределенно длительное время, например, столько, сколько существует сам феномен гражданско-правового регулирования, тот или иной субъект гражданских отношений или их объект. Такие явления и процессы нет никакой возможности рассматривать как одномоментные, ибо они не дают финального юридически значимого результата. По этой причине их весьма затруднительно подвести под сложившееся (узкое) представление о факте. Сюда относятся, в частности, такие явления, как *действие правовых норм и индивидуальных предписаний* (продолжающееся, как правило, в течение известного (а иногда и неизвестного) срока), состояния *гражданской правосубъектности* и *объектности*, юридически значимые *свойства физических лиц и организаций* (юридические состояния), а также *объектов* общественных отношений, урегулированных правом (юридические обстоятельства), *существование самих общественных отношений* (и, стало быть, правоотношений) и, наконец, различного рода *предписания* о тех или иных, значимых для права, явлениях — таких как *фикции*, *презумпции* (предположения) и *формально* (*документально*) *установленные положения*.

В результате узкое понятие юридических фактов стало претерпевать постепенные изменения, которые у различных ученых приняли различный вид. Многие авторы пошли по наименее плодотворному пути — по пути игнорирования отмеченного очевидного обстоятельства[11]; вынужденная неполнота их работ по тематике юридических фактов — вот единственный закономерный результат такого рода подхода. Другие ученые предложили традиционному понятию о фактах «потесниться», разделив свою монополию в деле влияния на гражданские правоотношения со смежными (конкурирующими) понятиями, чаще всего — об *абстрактных предпосылках* и *конкретных условиях* возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений, в том числе о юридических состояниях и обстоятельствах[12]. Представители третьей группы развили предыдущий взгляд, сперва отказавшись от понимания фактов исключительно

11 Так, например, О. А. Красавчиков (Указ. соч. С. 83, 84—85) считал пресловутые юридические состояния «...не более как правоотношениями, характерной чертой которых (в отличие от большинства гражданско-правовых обязательств) является относительная стабильность», а юридические обстоятельства (свойства вещей) причислял к разряду юридических событий. Это возражение, однако, не снимает проблемы, ибо является не столь универсальным, каким, возможно, кажется: существует масса состояний — право- и дееспособности, недееспособности, невменяемости (адееспособности), сильного душевного волнения, опьянения, заблуждения, несовершеннолетия, беспомощности, болезни, бедности и т.п. — которые никак не могут быть признаны правоотношениями.

12 Понятие о юридических состояниях принято связывать со статьей А. К. Стальгевича «Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 23—32); о юридических обстоятельствах — с именем О. С. Иоффе (Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 122—123). Последнее завершенное учение этого рода — см.: *Исаков В. Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 20—23, 34—38.

как одномоментных законченных явлений и сконструировав понятие о *фактах в широком смысле слова* (в него были зачислены не только *одномоментные*, но и так называемые *длящиеся факты* (факты-состояния)), а затем классифицировав факты каждого вида на ... действия и события[13] и таким образом вернувшись к тому, от чего пытались уйти (к игнорированию юридического значения длящихся фактов).

В настоящем Учебнике предлагается руководствоваться следующими воззрениями.

Необходимое основание динамики гражданских правоотношений составляют *юридические факты в традиционном* (*узком*) *смысле слова*, обычно разделяемые на действия и события. Вместе с тем *существует целый ряд явлений реальной действительности, не охватываемых понятием факта в узком смысле, но тем не менее имеющих известное гражданско-правовое значение*, между прочим, не исчерпывающееся влиянием на одни только гражданские правоотношения[14]. Весь круг таких феноменов можно было бы называть юридическими (гражданско-правовыми) *фактами в широком смысле слова* или обозначить каким-нибудь специальным термином, например *юридические* (*гражданско-правовые*) *явления*. Наряду с *собственно фактами* (фактами в узком смысле — одномоментными фактическими обстоятельствами) туда абсолютно необходимо включить не только *юридические состояния* (юридически значимые свойства лиц) и *юридические обстоятельства* (юридически значимые свойства благ)[15], но и, как было отмечено выше, *заменители* (*суррогаты*) *фактических обстоятельств* — предустановленные положения о фактах, представляющие собой *фикции*, *презумпции* (предположения) и *документы*[16].

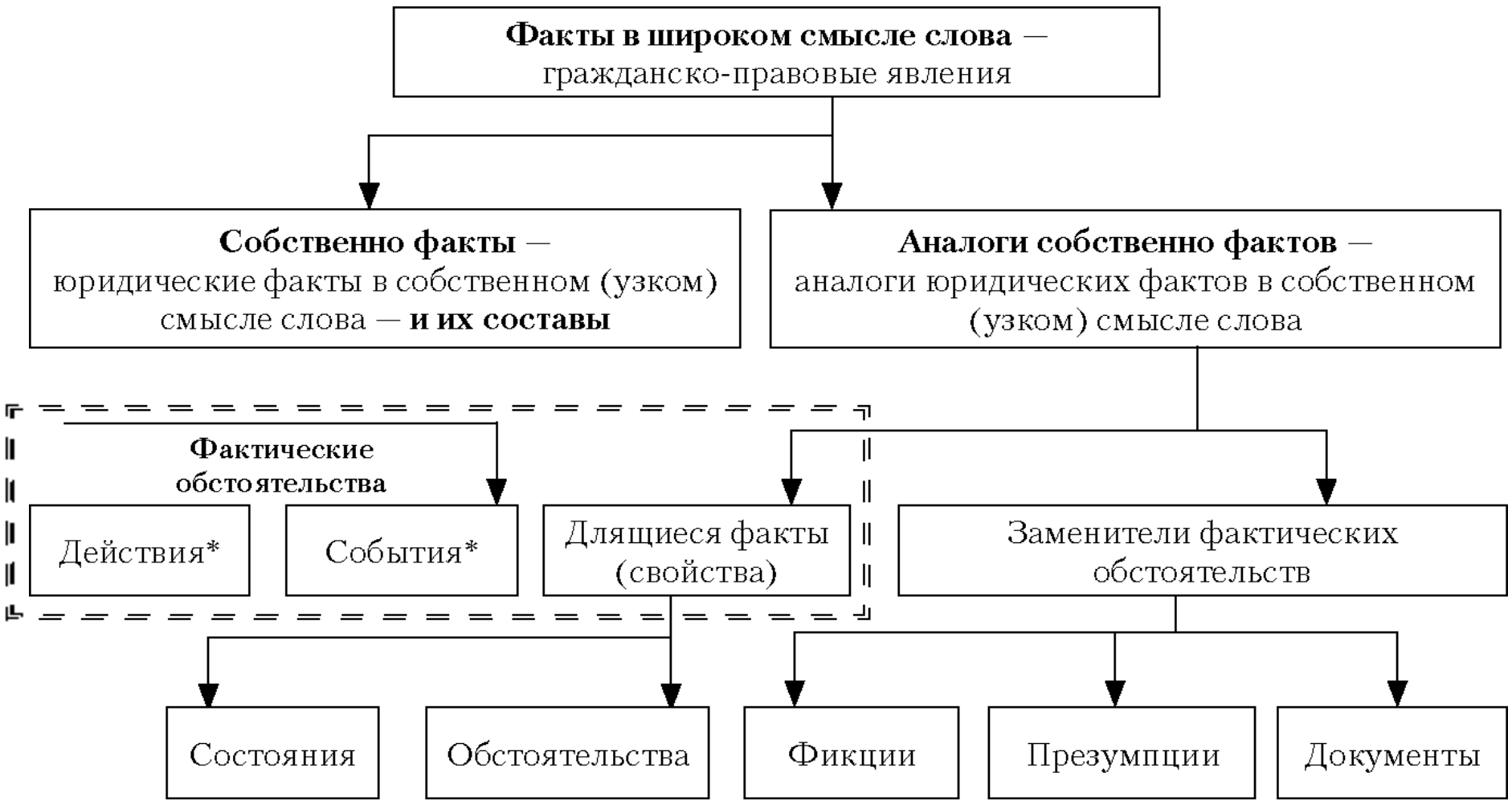
13 В своем первоначальном виде — см.: *Курылев С. В.* Доказывание и его место в процессе судебного познания (в аспекте гражданско-процессуального права) // Труды Иркутского Государственного университета. Т. XIII. Серия юридическая. Иркутск, 1955. С. 37—67 (особенно с. 45—46). В своем окончательном (доведенном до логического конца) виде (т.е. с выделением таких небезынтересных «фактов», как «состояния-действия» и «состояния-события») — см. в указ. монографии М. А. Рожковой (С. 62—67).

14 Так, за *рождением человека* или *созданием юридического лица* — обстоятельствами, которые сами по себе не порождают никаких гражданских правоотношений — вряд ли кто-нибудь решится отрицать гражданско-правовое значение, выражающееся в возникновении новых субъектов гражданского права. Точно так же и *получение* (*аннулирование*, *отзыв*) *лицензии* на занятие определенным видом деятельности, никак не влияя на гражданские правоотношения, производит совсем другой эффект — изменение объема гражданской правоспособности лицензиата. Вступление в брак, смерть, осуществление гражданских прав, предъявление претензий и исков, использование выгод, предоставляемых ограничениями и обременениями чужих прав, а также эффектов от рефлексивного действия чужих прав и др. — все это примеры фактических обстоятельств, юридическое значение которых выходит далеко за пределы влияния на гражданские правоотношения.

15 В их объединении под наименованием «длящихся фактов» мы не видим, честно говоря, особой необходимости; тем не менее в чисто методических целях его можно было бы все же произвести.

16 А вот эти виды юридических фактов — т.е. юридические состояния, обстоятельства, а также аналоги фактических обстоятельств — действительно стоило бы объединить в рамках одного понятия, противопоставляющего их собственно юридическим фактам — фактам в узком смысле слова. Для его обозначения мы предлагаем пользоваться словосочетанием *аналоги юридических фактов*.

Схематически данная классификация может быть представлена так:

* Классификации действий и событий описываются далее.

Следует помнить, что пресловутое *гражданско-правовое значение* — та роль, которую те или иные факты играют в гражданском праве — может быть различным. Сообразно этому критерию можно выделить *факты-предпосылки*, *факты-условия* и *факты-основания* гражданско-правовых последствий. Традиционное учение о юридических фактах имеет главным предметом своего внимания только факты последней категории (факты-основания); поскольку Учебник — не место для научных изысканий, не станем отступать от этого правила и мы. Тем не менее подчеркиваем, что именно из-за возможной разницы в той роли, которую те или иные фактические обстоятельства играют в той или иной конкретной ситуации, мы отказались от использования традиционного в цивилистической науке термина «основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений», как не в полной мере отражающего содержательное богатство освещаемой тематики, заменив его более общим и нейтральным «*гражданско-правовые факты*», т.е. *факты, значимые для гражданского права*. Еще раз обратим внимание на то, что, во-первых, факты — это *не только основания* гражданско-правовых последствий, а во-вторых, факты влияют *не только на правоотношения*.

478. **Функции гражданско-правовых фактов.** Различные гражданско-правовые факты — т.е. реально имевшие место явления действительности или *фактические обстоятельства*[17], их системы (фактические составы), а также их заменители — могут выполнять

17 Включающие в себя, как видно из вышеприведенной схемы, факты в собственном (узком) смысле (одномоментные факты), факты-состояния и обстоятельства (длящиеся факты), т.е. группы явлений, объединенных в прямоугольник с «пунктирным» контуром.

различные с точки зрения своей гражданско-правовой значимости функции. Поскольку круг исследовавшихся учеными гражданско-правовых последствий традиционно ограничивался динамикой гражданских правоотношений, случилось так, что функции юридических фактов стали определять по признаку их влияния *именно на гражданские правоотношения* (а не на другие гражданско-правовые формы). С учетом этого условия наука гражданского права выработала две основные функциональные классификации юридических фактов, а именно: 1) по критерию своей *логической значимости* — различаются *основания*, *условия* и *предпосылки динамики гражданских правоотношений*; 2) по *критерию результативности — правообразующие*, *правопрекращающие* и *правоизменяющие* юридические факты. Если вспомнить, что гражданские правоотношения — не единственная возможная гражданско-правовая форма, то станет очевидно существование и третьей функциональной классификации — 3) по *роду* тех правовых последствий, к которым приводят юридические факты, таковые делятся на те, что влияют на *гражданские правоотношения*, и те, что вызывают движение *иных гражданско-правовых форм*.

1) **Классификация по критерию логической значимости** обычно не вызывает затруднений при объяснении понятия об *основаниях* динамики гражданских правоотношений. С точки зрения логики данное понятие весьма близко к понятию *логической причины* — обстоятельства, являющегося той «последней каплей», которая «переполняет» «чашу» фактических обстоятельств, а вместе с нею и «чашу индифферентного отношения» субъекта правотворчества, стимулируя последнего оценивать соответствующее обстоятельство как причину урегулирования общественных отношений известного типа нормой права определенного содержания. Подобно тому, как логическая причина отвечает на вопрос о том, *почему* наступило то или иное последствие, точно так же и основание гражданских отношений — это ответ на вопрос о том, *почему* законодатель связал с фактическими обстоятельствами известного типа определенные юридические последствия. Основание — это такое явление реальной действительности, которое вызывает динамику конкретного жизненного отношения, а вместе с ней и его правовую регламентацию (*следствие*), *непосредственно* и *необходимо* (*неизбежно*). Вместе с тем понятие причины и причинности (причинного отношения) *в праве*, конечно, не тождественно одноименным понятиям ни *в логике*, ни *в естественных науках*[18]. Представление о причинном (непосредственном и необходимом) характере генетической связи некоторого юридического факта с гражданским правоотношением (да и в конечном счете само понятие юридического факта) нашли себе пристанище в теории права прежде всего потому, что они оказались удобными для целей *объяснения смысла и назначения* (а вместе с ними и *сущности*) правового регулирования, а также *описания бытия гражданско-правовых форм во времени*.

18 Подробнее см. об этом, например: *Исаков В. Б.* Юридические факты. С. 14—23.

Выделяемые наряду с фактами-основаниями также *факты-предпосылки* и *факты-условия* не имеют столь однозначного определения и (главное) разграничения друг с другом[19]. Не будучи способными к тому, чтобы произвести изменения в гражданско-правовых формах *самостоятельно* (вне связи с фактами-основаниями), факты-предпосылки и факты-условия становятся тем непременным «фоном», на котором только и могут развиваться и проявлять себя гражданско-правовые факты-основания. Если собственно юридические факты (факты-обстоятельства) — это такие явления реальной действительности, которые сами по себе оказывают влияние только на *бытие* (существование), но не на существо (не на содержание, не на качество) правоотношений, то *предпосылки и условия* — это такие явления, которые предопределяют именно последнее. Как отмечалось выше, к разряду фактов-предпосылок и фактов-условий обыкновенно относят *естественные и юридические свойства, имманентно присущие субъектам или объектам гражданских правоотношений*, их *юридически значимые характеристики*. Это верно, но не следует забывать, что и традиционные фактические обстоятельства (единичные факты) также могут выполнять роль не только оснований, но также *предпосылок* и *условий* движения гражданско-правовых форм к их известному виду (или, наоборот, их сохранения в известном виде[20]). Факты-предпосылки и факты-условия можно также охарактеризовать как *второстепенные*, *по-*

19 Так, О. А. Красавчиков (Указ. соч. С. 5) различает «...1) нормативные предпосылки; 2) правосубъектные предпосылки и 3) фактическую основу возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений» (т.е. не выделяет в особую группу предпосылок, относимых нами к разряду юридических обстоятельств). Далее (с. 5, 13 и др.) предпосылки и основания он обозначает термином «*внешние условия*» динамики гражданских правоотношений, *закрепляемые в норме права*; внешние условия таким образом для данного цивилиста — это не отдельная категория фактических обстоятельств, но лишь терминологическое обозначение элементов гипотезы гражданско-правовой нормы.
Напротив, В. Б. Исаков (Фактический состав. С. 9—14 и Юридические факты. С. 18—19 (про предпосылки) и 20—21 (про условия)) различает и *предпосылки*, и *условия*, и *основания* динамики гражданских правоотношений как *различные виды фактических обстоятельств*; при этом критерий их разграничения остается неясным. Думается, что предпосылки и условия имело бы смысл противопоставить *по временной последовательности своего наступления*: предпосылки должны сложиться *до* момента наступления юридического факта и сохраняться в процессе его наступления, в то время как условия могут сложиться и *после* наступления такового. Возможно, впрочем, и разграничение содержательное: под *условиями* можно понимать такие юридические факты, наличие которых необходимо для возникновения, изменения или прекращения *правоотношений определенного рода*, а под *предпосылками* — фактические обстоятельства, требуемые для динамики правоотношений *известного вида* или даже *данного конкретного* правоотношения. Так, для возникновения *правовых отношений в сфере наследования по завещанию* необходимо наличие действительного и вступившего в силу завещания; стало быть, смерть наследодателя и наличие действительного завещания будут *условиями возникновения* правоотношений интересующего нас рода — наследственных правоотношений; что же касается наследственных правоотношений *с участием определенного лица*, то для их возникновения необходимы не просто *общие условия*, но и *конкретная предпосылка — вхождение интересующего нас лица в круг наследников по завещанию*. Различие это, впрочем, носит больше теоретический характер, ибо никакой практической разницы от того, что мы отнесем определенный факт к условиям или предпосылкам динамики правоотношений, мы не обнаружим.

20 Такие условия нередко именуют *правопрепятствующими юридическими фактами*.

бочные, косвенные или *сопутствующие* непосредственным причинам, факторы, которые в одних случаях выполняют роль катализаторов, облегчая наступление правовых последствий или усугубляя их, а в других — напротив, изменяют качество или облегчают меру этих последствий, затрудняют или даже делают невозможным их наступление.

Кроме того, благодаря наличию и действию фактов-условий и фактов-предпосылок существование и динамика гражданских правоотношений не просто становятся возможными, но и протекают по-разному. Коротко говоря, один и тот же факт-основание может проявить себя различным образом, в зависимости от того, в каких условиях он наступил и при наличии каких предпосылок ему приходится «функционировать». Можно сказать, что каждый *конкретный* факт приобретает *свое индивидуальное* юридическое значение тогда и постольку, когда и поскольку имеются *необходимые, располагающие к этому предпосылки и условия*. Последние, в отличие от юридических фактов, никогда не приводят к динамике гражданских правоотношений непосредственно и необходимо, но проявляют себя благодаря наступлению фактов-оснований.

2) **По критерию результативности** или **характера правовых последствий**, которые вызываются юридическими фактами, их принято классифицировать на *правообразующие, правоизменяющие* и *правопрекращающие*[21]; этимология этих терминов такова, что особых пояснений, конечно, не требует. В литературе уже отмечалось, что «... один и тот же юридический факт может выполнять одновременно две и более функций»[22]: так, например, передача вещи по договору, направленному на передачу имущества в собственность, влечет, с одной стороны, возникновение права собственности приобретателя, с другой — прекращение права собственности, а также обязательства отчуждателя по передаче вещи, т.е. имеет значение как правообразующего, так и правопрекращающего факта.

Можно указать и на то, что значение *одного и того* же фактического обстоятельства *в различных условиях* может оказаться *различным*. Так, уже упоминавшаяся передача вещи по договору, направленному на передачу имущества в собственность, повлечет описанные выше последствия лишь в том случае, когда передаваемая вещь является *движимой*. Передача же вещи *недвижимой* будет иметь значение лишь факта, прекращающего обязательство ее отчуждателя, но не факта, порождающего и прекращающего право собственности: для последнего эффекта необходимо, чтобы передача недвижимости соединилась в *сложный фактический состав* с *актом государственной регистрации перехода права собственности*, а в некоторых случаях и с *актом государственной регистрации самого договора*. Но заключать отсюда, как это иногда делается, что «...четкое однозначное и окончательное подразделение юридических фактов на правообразующие, правоизменяющие, правопрекращающие и правопрепятствующие невозможно»[23], конечно, не-

---

21 Иногда выделяют еще и четвертую функциональную категорию юридических фактов — *правопрепятствующие*. Выше было показано, что их наличие является одним из *условий*, препятствующих динамике гражданско-правовых форм.

22 *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 58.

23 Там же. С. 57.

правильно. Речь вовсе не о том, чтобы раз и навсегда зачислить одни факты в категорию правообразующих, а другие — в разряд правопрекращающих, но лишь о том, чтобы определить характер влияния того или иного фактического обстоятельства *в конкретных условиях на одно-единственное данное конкретное гражданское правоотношение.*

Более того, может случиться даже так, что в одном случае то или иное явление реальной действительности имеет самостоятельное юридическое значение, в другом — имеет, но только в совокупности с другими обстоятельствами, в третьем — не имеет вовсе. Правильно ли сделать отсюда вывод о том, что (парафраз М. А. Рожковой) «...четкое однозначное и окончательное подразделение обстоятельств реальной действительности на факты, являющиеся юридическими, и факты, не являющиеся таковыми, невозможно»? Конечно, нет. Нельзя обсуждать юридические факты в принципе — можно обсуждать их только применительно к данной конкретной ситуации (данным конкретным отношениям). Вероятно, можно говорить, что в известных условиях то или другое фактическое обстоятельство может иметь *самостоятельное юридическое значение*, а может иметь значение *несамостоятельное*: обстоятельства первого вида порождают правовые последствия сами по себе, вторые — только в совокупности с другими фактами (т.е. будучи объединенными с ними в так называемый *фактический состав*[*]). [*]см. § 3 гл. 16

Итак, будучи соединенными с *различными* фактами, наступая и протекая в различных условиях, на фоне различных обстоятельств, производя свое действие по отношению к различным лицам, определенные (заданные) факты могут порождать *различные* юридические последствия.

3) Юридические факты могут вызывать **гражданско-правовые последствия различного рода**. Главнейший и самый разработанный из них (см. гл. 8 настоящего Учебника) — динамика *гражданских правоотношений*; наряду с ними существуют юридические факты, вызывающие движение *иных гражданско-правовых форм*, или, по выражению М. А. Рожковой, «...иные юридические последствия, не предполагающие движение гражданского правоотношения»[24], каковые могут состоять в «...последствиях реализации гражданской правосубъектности ... в том числе осуществления субъективных гражданских прав и обязанностей ... и в последствиях защиты нарушенных субъективных гражданских прав»[25]. В принципе выделение иных категорий юридических последствий является правильным; другое дело, что нужно их не только выделить, но и описать, в чем они состоят. Используя материал гл. 6 (о гражданско-правовых формах) и 8 (о движении гражданских правоотношений) Учебника, читатель сам сможет составить представление о том, насколько много- и разнообразными могут быть пресловутые «иные последствия», терпеливо ожидающие своих исследователей.

479. **«Проблема» состава (структуры) юридического факта.** С подачи проф. Н. Г. Александрова в отечественной литературе вот

24 *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 58.

25 Там же. С. 17, 59.

уже более полувека периодически обсуждается вопрос о так называемом *составе* (*или структуре*) *юридического факта*[26]. Под составом юридического факта сторонники данной категории предлагают понимать совокупность признаков, которым должен отвечать юридический факт, дабы быть способным к созданию предусмотренных за ним нормой права юридических последствий, или (по выражению М. А. Рожковой, отличающей юридический факт как конкретное фактическое обстоятельство от описанной в норме «правовой модели обстоятельства») «...совокупность признаков, которые установлены нормой права *применительно к правовой модели обстоятельства*»[27]. По нашему мнению, юридический факт — факт реальной действительности — относится к разряду конечных, неделимых (неразложимых на составные части) субстанций, в силу чего понятие о составе юридического факта оказывается в лучшем случае образным, если не бессодержательным. Данная позиция диктуется рядом соображений, главным из которых является принцип воздержания от умножения сущностей без необходимости.

Еще О. А. Красавчиков, критикуя предложенное проф. Н. Г. Александровым понятие состава юридического факта, заметил, что в его основе лежит, конечно, понятие *состава преступления* — одна из ключевых категорий науки уголовного права[28]; нельзя не добавить, что сходная категория — *состав гражданского правонарушения* — известна и цивилистической науке. В обоих случаях идет речь вовсе не о каком-то особенном сложносоставном факте, как почему-то считается, но *об одном или нескольких фактических обстоятельствах*, каждое из которых является единым (неразложимым на элементы) явлением, *наступающим и происходящим* (*имеющим место*) *на фоне известных предпосылок* (*условий*).

Так, под *преступлением* понимают определенный вид общественно-опасного *деяния* (действия или бездействия), характеризующегося признаками, предусмотренными нормами уголовного закона (кодекса). *Деяние* — это и есть тот самый *юридический факт* (единое, неразложимое далее, атомарное, а не молекулярное образование), который квалифицируется как преступление. Характеристика этого деяния называется характеристикой *объективной стороны* преступления, в дополнение к которой характеризуют также его объект, субъект и субъективную сторону. В действительности последние характеристики вовсе не представляют собой каких-то элементов *преступления как деяния*, а являются самостоятельными юридически значимыми обстоятельствами и состояниями. Так, деяние (хотя бы и подпадающее под признаки преступления) не может быть признано таковым,

---

26 Два противоположных мнения по данному вопросу — см.: *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 27; *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 18–21 («за» признание понятия о составе юридического факта) и *Красавчиков О. А.* Указ. соч. с. 17—19 («против» его признания).

27 *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 18 (выделено нами. — *В. Б.*).

28 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 17—18.

если оно совершено 1) таким образом, что не посягает на определенные общественные отношения (юридическое обстоятельство), либо 2) лицом, не обладающим уголовной правосубъектностью, либо 3) невиновно (юридические состояния).

Нечто подобное можно сказать и о понятии *гражданского правонарушения*, которое традиционно составляют из четырех элементов: 1) противоправного деяния, 2) вреда или убытков, 3) причинной связи между противоправным деянием с одной стороны, и вредом либо убытками, с другой, и 4) вины (точнее — презумпции вины). Здесь речь идет обыкновенно о *двух* юридических фактах, первым из которых является 1) *противоправное деяние*, а вторым 2) *возникновение имущественного вреда*. Данный тезис лучше всего доказывается тем очевидным соображением, что существуют случаи применения гражданско-правовой ответственности 1) безотносительно к наличию вреда, т.е. *за один только факт противоправного деяния* (см. п. 1 ст. 330 ГК); 2) при наличии одного только факта причинения вреда, т.е. *за правомерные действия* (см. п. 3 ст. 1064, п. 2 ст. 1065, ст. 1067 ГК) и 3) безотносительно как к неправомерности действия, так и к наличию вреда, т.е. *за правомерные действия, не являющиеся вредоносными* (см. п. 1 ст. 1065 ГК). Но даже наступив, данные обстоятельства не повлекут возникновения правоотношений по применению мер гражданско-правовой ответственности, если их наступлению не сопутствуют два условия: 1) *причинно-следственное соотношение* противоправного деяния с причиненным им вредом и 2) не опровергнутая правонарушителем *презумпция его вины*. Иными словами, противоправное деяние может стать юридическим фактом лишь тогда, когда ему сопутствовали известные условия совершения или же его совершение сопровождалось известными последствиями. Это — те самые предпосылки и условия, о которых мы говорили выше — самостоятельные разновидности юридических фактов в широком смысле слова.

Позднее В. П. Шахматов попытался воспользоваться понятием «состав» для объяснения особенностей правового режима некоторых видов недействительных сделок[29]. Судя по монографии М. А. Рожковой, для этой же цели требуется понятие состава юридического факта и ей: различая *два вида дефектов составов юридических фактов* — «...отсутствие какого-либо признака, свойства, *условия* наступления жизненного обстоятельства»[30] и «*незапрещенное несоответствие* какого-либо признака или свойства реального жизненного обстоятельства требованиям нормы права»[31], она пытается с их помощью объяснить различия между понятиями несостоявшейся и недействительной сделок. Иными словами, понятие состава юридического факта, притязающее на общетеоретическое значение, конструируется с целью решения одной или нескольких конкретно-практических за-

---

29 Сам автор признается, что примером для подражания ему служило понятие состава преступления. См.: *Шахматов В. П.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967. С. 20—21, 23; см. также далее, с. 24—31 (учение о составе сделки).

30 *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 28 (выделение наше. — *В. Б.*).

31 Там же. С. 28—30 (выделение наше. — *В. Б.*).

дач. Само по себе это обстоятельство уже подает повод к сомнениям и вопросам, но дело в конечном счете не в этом, а в том, что для решения этих задач нет никакой необходимости в конструировании подобных понятий. Довольно просто констатировать очевидность: фактическое обстоятельство производит юридические последствия не всякий раз, но *лишь тогда, когда оно наступает на фоне известных предпосылок и условий*. Возьмем такие действия, как *сделки*, и ответим на следующий вопрос: при каких условиях (!) законодатель мог бы игнорировать намерения их сторон и признать за ними совсем иные, нежели намечавшиеся, последствия, а то и не признать вовсе никаких? Так могло бы произойти, например, в том случае, если бы сделка была совершена *с намерением* потрясти основы правопорядка и нравственности, или же *недееспособным* лицом, или же лицом, действовавшим под влиянием *обмана*. Что же представляют собой намерение, недееспособность и заблуждение, вызванные обманом? Разве это элементы (признаки) *самой сделки* (действия)? Ничуть — *условия ее совершения*, характеризующие отнюдь не действие (сделку), а *состояние лица, ее совершившего*, т.е. условия, относящиеся к разряду юридических состояний.

С так называемыми несостоявшимися сделками, во имя разграничения которых со сделками недействительными М. А. Рожкова прибегает к несколько неестественному понятию «незапрещенное несоответствие», на самом деле все обстоит еще проще. Возьмем *договор продажи недвижимого имущества* (*жилого дома*) *под выплату ренты*: согласно требованиям ст. 550, 558 и 584 ГК он должен быть заключен в форме одного документа, подписанного сторонами и нотариально удостоверен. Как описать на языке гражданского права ситуацию, в которой договор продажи недвижимости заключен, но без соблюдения одного из этих требований? Сторонники теории состава юридического факта считают, что договор продажи жилого дома под выплату ренты все равно (несмотря на несоблюдения требований закона) есть, но (именно потому, что он не соответствует одному из законодательных требований) *он дефектен*; мы же полагаем, что *соответствующего договора в подобном случае просто нет*, ибо с точки зрения логики понятие, не обладающее хотя бы одним из своих обязательных признаков, становится другим понятием[32].

Думается, что сказанное в достаточной степени объясняет наш исходный тезис: конструкция состава юридического факта умножает сущности без необходимости, а потому не имеет права на существование.

§ 2. Виды юридических фактов (п. 480—487)

480. **Юридические факты в ст. 8 ГК.** Согласно п. 1 ст. 8 ГК «...гражданские права и обязанности возникают из *оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами*, а также *из правомерных*

32 На всякий случай подкрепим формальную логику необходимыми ссылками — см. п. 2 ст. 162, п. 1 ст. 165 и п. 1 ст. 432 ГК.

действий граждан и юридических лиц, *которые хотя и не предусмотрены правовыми актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают права и обязанности*». Затем статья перечисляет (исчерпывающим перечнем, но имеющим отдельные незакрытые позиции) основания возникновения гражданских прав и обязанностей:

1) *сделки*, предусмотренные законом, а также сделки, хотя и не предусмотренные законом, но не противоречащие ему (см. об этом п. 2 и 3 ст. 421 и ст. 156);

2) *решения собраний* в случаях, предусмотренных законом (см. о них новые ст. 181.1—181.5 (гл. 9.1) ГК РФ), а говоря шире — *корпоративные акты*;

3) *акты государственных органов и органов местного самоуправления* или, говоря обобщенно, *административные акты*;

4) *судебные решения*, устанавливающие гражданские права и обязанности (т.е. решения по так называемым преобразовательным искам);

5) акты *приобретения имущества* по основаниям, допускаемым законом (это, конечно, не юридические факты, а их последствия; фактами здесь будут те самые «основания, допускаемые законом», которые эти последствия влекут);

6) *акты создания результатов интеллектуальной деятельности*;

7) *случаи причинения вреда* (в соответствии с п. 1 ст. 1065 ГК сюда можно было бы добавить также и случаи *угрозы его причинения*);

8) *случаи неосновательного обогащения*, т.е. приобретения или сбережения имущественных благ за счет другого лица без законных оснований (подобно актам приобретения имущества мы говорим здесь не о самих фактах, а об их последствиях — приобретении или сбережении имущества);

9) *иные действия* граждан и юридических лиц (в соответствии с указанием абз. 1 п. 1 ст. 8 следовало бы сказать об «иных *правомерных* действиях»);

10) *юридические события* (рождение и смерть, истечение исковой или приобретательной давности, открытие навигации, действие обстоятельств непреодолимой силы и др.).

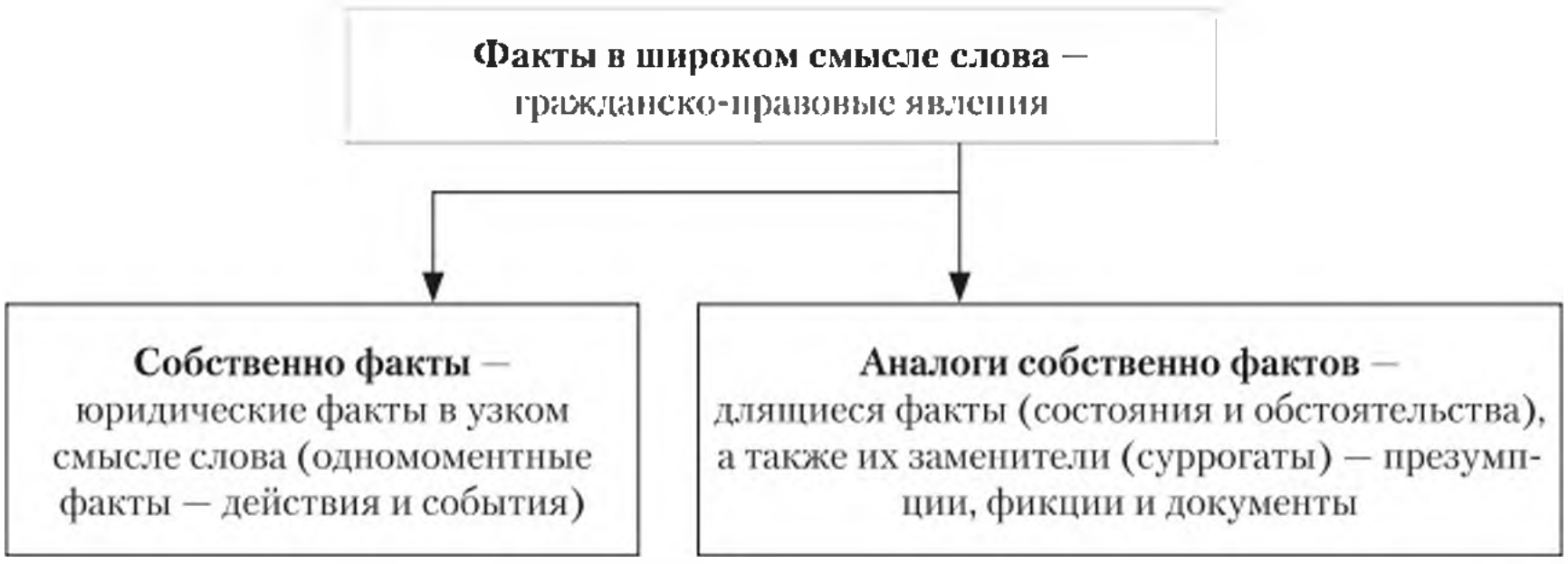
Легко заметить, что приведенный перечень видов (типов) юридических фактов, известных российскому законодательству, не является *ни исчерпывающим, ни последовательным*. Перед нами, следовательно, не классификация, а лишь *более или менее случайный перечень тех видов* (*типов*) *юридических фактов*, которые выделены законодателем по довольно произвольным основаниям, видимо, исходя из представлений о том, какие из фактов наиболее значимы для практики или встречаются в ней чаще других. Кроме того, в перечень этот попали две позиции — основательное приобретение и неосновательное обогащение — к фактам вовсе не относящиеся.

ГК и иными федеральными законами нормы ст. 8 ГК не только конкретизируются, но и существенно дополняются. Так, например, п. 1 и 2 ст. 10 ГК придают определенное юридическое значение действиям, известным под названием *злоупотребления правом*; ст. 13 и 16 — *незаконным и недействительным актам* государственных органов и органов местного самоуправления; ст. 42, 43 и 45 — *состоянию длительного безвестного отсутствия* гражданина в месте его жительства; ст. 47 выделяет специальную категорию юридических фактов — *акты гражданского состояния*; ст. 181.1—181.5 ГК, а также многочисленные нормы специальных законов (Законов об АО, ООО и Федерального закона «О производственных кооперативах») привлекают внимание к актам общих собраний участников (акционеров, членов) корпораций, т.е. *корпоративным актам*; ст. 166, 167, 169, 171 и др. — к *недействительным сделкам* и т.д. Важно помнить, что сведения о юридических фактах *гражданского* права можно почерпнуть из источников не только *комплексных*, но и даже нормативных актов *иной отраслевой принадлежности*.

481. **Классификация фактов в широком смысле слова.** Первая ступенька систематизации юридических фактов в широком смысле слова — т.е. любых явлений, имеющих юридическое (гражданско-правовое) значение — может быть пройдена двумя различными способами; оба они были отражены на схеме, предложенной вниманию читателя выше*.

*п. 477

Прежде всего, факты в целом можно разделить по критерию *собственного происхождения, соединенного с временной природой*, на *факты в узком смысле слова* (*обстоятельства реальной действительности*, рассматриваемые правом как *одномоментные* явления) и их *юридические аналоги* (длящиеся обстоятельства реальной действительности, а также их юридические суррогаты или заменители). Именно в таком виде мы и представили основной вариант упомянутой выше схемы:

Но существо (природа) фактов можно и не связывать с временным моментом: достаточно сказать о фактических обстоятельствах вообще и противопоставить последние своим юридическим заменителям (суррогатам). В этом случае первая ступень классификации юридических фактов приобретет следующий вид:

Первая классификация *традиционна*; по этой причине мы использовали ее при первом знакомстве с областью понятия о юридических фактах. Вторая классификация *логична*; по этой причине мы станем пользоваться ею в дальнейшем при изложении материала. Следовательно, далее нам предстоит рассмотреть вопрос о критериях классификации *фактических обстоятельств*, с одной стороны, и их *юридических суррогатов*, с другой.

482. **Классификация фактических обстоятельств.** Первая ступень такой классификации образуется, как это опять-таки ясно из вышесказанного, при классификации фактов по критерию *значимости для гражданского права их временной природы*. Если гражданское право считает достаточным рассматривать жизненные явления и процессы (в том числе протекающие в течение известного, нередко довольно длительного промежутка времени) как обстоятельства одномоментные, говорят о *собственно фактах*. Если же гражданское право находит нужным считаться с временной продолжительностью соответствующих явлений и процессов, говорят о *фактах длящихся*.

Схематическое изображение второй ступени классификации:

Интересно, что одно и то же явление, один и тот же процесс, гражданское право может рассматривать по-разному. Все будет зависеть от тех целей, для которых такое рассмотрение осуществляется, а вернее — от того гражданско-правового значения, которое норма права связывает с соответствующим обстоятельством. Так, *стихийное бедствие* (например, наводнение, вызванное необыкновенно высоким весенним паводком), продолжавшееся в течение, допустим, *двух недель*, в целях рассмотрения вопросов о возмещении вреда, причиненного застрахованному имуществу (ст. 929, 930 ГК), будет рассматривать-

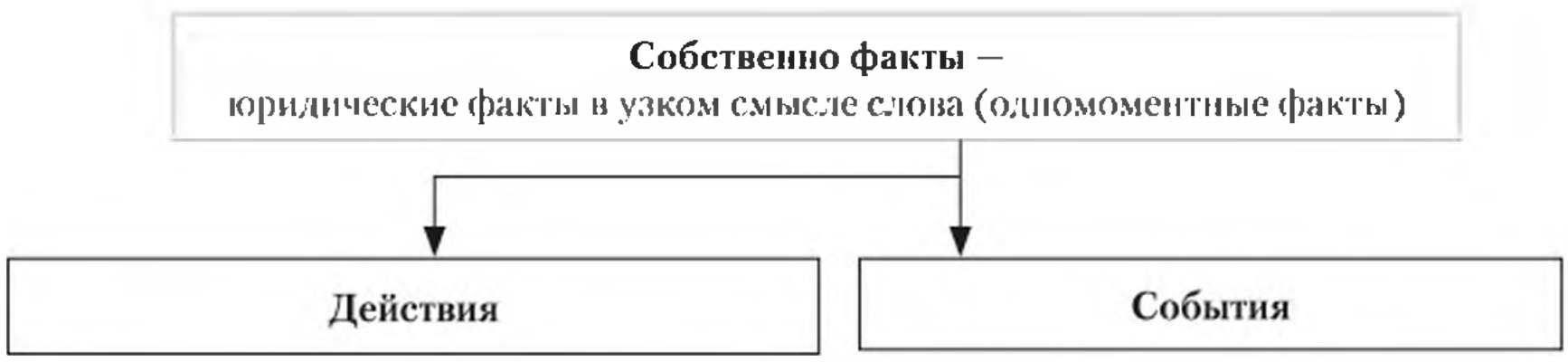
ся как *одномоментное юридическое событие*. А вот для целей ответа на вопрос о том, на какое время следовало бы приостановить течение давности по искам, предъявлению которых воспрепятствовало наводнение (подп. 1 п. 1 ст. 202 ГК), или о том, на какое время нужно отодвинуть срок исполнения обязательств должниками, отрезанными наводком от «большой земли» (п. 3 ст. 401 ГК), наводнение нужно будет рассматривать как *длящийся факт* (процесс, протекавший две недели). *Исполнение обязательства по поставке нескольких однородных партий продукции* для целей перехода права собственности на вещи, составляющие соответствующие партии, — явление *одномоментное*, а для определения того, было ли исполнение надлежащим, в частности своевременным, придется принять во внимание, среди прочих обстоятельств, и продолжительность исполнения, т.е. рассмотреть его как *длящийся* факт. *Просрочка платежа* для целей взыскания однократного штрафа — явление *одномоментное*, а для начисления пени за каждый день просрочки — *длящееся*. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью гражданина для целей правоотношения по возмещению такого вреда — *одномоментный факт*, в то время как для целей компенсации морального вреда, понесенного гражданином вследствие такого деяния, — *факт длящийся*, ибо продолжительностью процесса причинения вреда, несомненно, будет предопределяться, в числе прочего, степень физических и нравственных страданий потерпевшего. И так далее.

С учетом сказанного, вероятно, следовало бы сказать о том, что все юридические факты — не только состояния и обстоятельства, но также действия и события — могут относиться к разряду фактов длящихся; что же касается фактов одномоментных, то их, по всей видимости, правильно было бы переименовать, назвав, скажем, *юридически значимыми эффектами действий и событий*. Осознавая, что такая перестройка терминологии в рамках Учебника выглядела бы нежелательной, мы будем продолжать пользоваться классическими обозначениями, хотя и призываем при этом учащихся не забывать об их условности.

483. **Классификация фактов в собственном (узком) смысле слова (действия и события).** По критерию *зависимости своего наступления и существования от воли частных лиц* — участников тех общественных отношений, применительно к которым обсуждается юридическое значение конкретного факта — различаются *юридические действия* (волевые поведенческие акты людей и их организаций, являющихся субъектами гражданского права) и *юридические события* (явления и процессы, возникающие и протекающие безотносительно к участию в них частных лиц). Именно эта классификация является основой для дальнейшей систематизации и научного изучения юридических фактов частного права. Не подлежит сомнению, что в громадном большинстве своем юридическими признаются факты реальной действительности, относящиеся к категории *действий* — сознательных и волевых, активных либо пассивных деяний лиц, направленных на достижение определенного результата

(не обязательно юридического). Это и понятно, ибо самое предназначение права как раз и заключается в оценке, «измерении» человеческих действий как возможных, должных (необходимых) или запрещенных. В противоположность действиям, *события* — это такие явления или процессы, которые возникают, длятся и прекращаются независимо от воли и сознания людей. Приписывание действиям или событиям того или другого юридического значения обусловливается их влиянием на общественно значимые интересы отдельных лиц и их групп.

Схематическое изображение данной ступени классификации:

Сказанное не должно быть основанием для вывода о существовании абсолютно непреодолимого барьера между действиями и событиями. Классификация эта не абсолютна — уточним, что за ее критерий берется не *волевой критерий вообще* (чья-нибудь воля есть — ничьей воли нет), но юридически значимая воля лиц-участников тех общественных отношений, для которых мы определяем юридическое значение фактического обстоятельства. Конечно, существуют такие явления и процессы, которые могут считаться *только событиями* и не могут быть отнесены к числу действий ни с какой точки зрения — примерами их могут служить уже упоминавшиеся стихийные бедствия, рождение, смерть, болезнь, случайное повреждение здоровья и т.п. Но большинство юридических фактов, традиционно считающихся действиями, таковы, что для целей одних правоотношений они могут быть квалифицированы как действия, а для других — как события.

Рассмотрим несколько примеров.

Гражданин застраховал от пожара дачу; через некоторое время пожар произошел, и дача сгорела. Экспертиза установила, что пожар стал следствием поджога. Какое место займет *поджог* в системе юридических фактов? Ответ на этот вопрос может быть двояким: смотря по тому, о *каком* юридическом значении поджога мы будем вести речь. В отношениях потерпевшего с поджигателем поджог будет рассматриваться как деликт, т.е. как противоправное вредоносное *действие*, а вот в отношениях потерпевшего (страхователя) с компанией, застраховавшей дачу от пожара (страховщиком), — как *событие*. Впрочем, после суброгации к страховщику прав потерпевшего (см. ст. 965 ГК) страховая компания, оказавшись в отношениях с участием причинителя вреда, тоже станет рассматривать поджог как *действие*, причем противоправное и вредоносное — деликт.

Производственное предприятие не смогло вовремя выпустить количество продукции, необходимое для исполнения своих обяза-

тельств по поставкам, из-за неисправности своих смежников — поставщиков сырья и материалов. Чем будет *нарушение обязательства со стороны смежников* — действием или событием? Для нашего производственного предприятия, пострадавшего от нарушения, — *неправомерным действием* (нарушением обязательства); для контрагентов, не получивших вовремя продукции, — *событием*[33].

Гражданин-должник, направляющийся в место нахождения кредитора для того, чтобы произвести исполнение обязательства, подвергся нападению грабителей, отнявших у него предмет предполагаемого исполнения. Как квалифицировать такое *нападение*? С точки зрения потерпевшего гражданина (а также с позиции уголовного права) — это *противоправное действие*; с точки зрения кредитора, которому исполнение не было доставлено, — *событие*.

484. **Основная классификация действий (правомерные и неправомерные действия; юридические акты и поступки).** Юридически значимые действия принято подразделять на *правомерные* и *неправомерные*[*]. *Правомерными* называются *действия, совершаемые в рамках реализации принадлежащих лицам юридических способностей и возможностей*. По этой причине они находят понимание и покровительство со стороны закона, выражающиеся в признании за такими действиями выгодных для совершивших их лиц правовых последствий. *Неправомерные* же, или *противоправные* (правонарушения), — это такие действия, которые выходят за рамки тех юридических способностей и возможностей, что признаны законом за совершающими их лицами; по этой причине уважения и покровительства закона подобные действия не заслуживают[34]. Как правило, на этой ступеньке классификации не останавливаются, но движутся далее, традиционно подразделяя *правомерные действия* на *юридические акты*, т.е. действия, с которыми закон связывает те гражданско-правовые последствия, на достижение которых эти действия, судя по их внешним признакам, *непосредственно направлены*, и *юридические поступки*, т.е. такие действия, юридические последствия которых определяются непосредственно законом, безотносительно к тому, на достижение какого именно гражданско-правового результата они направлены, да и направлены ли вообще. При этом *неправомерные* (*противоправные*) *действия* дальнейшему разделению обычно не подвергаются.

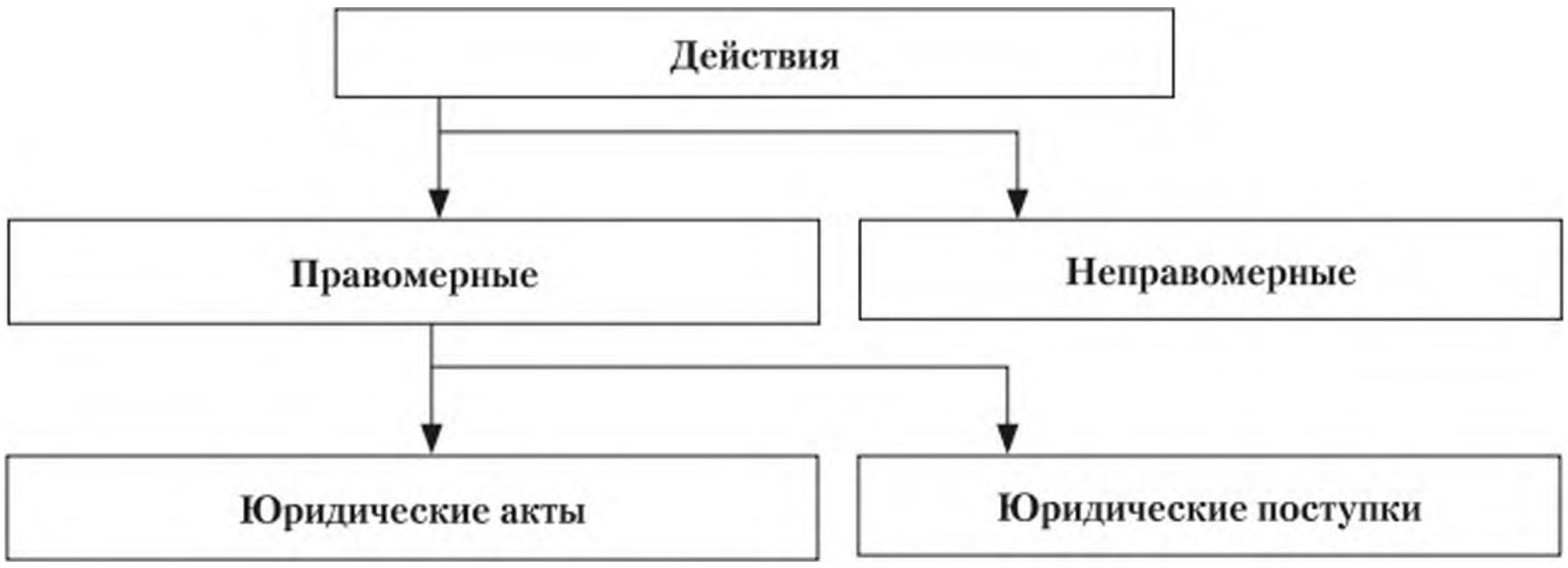
[*] см. п. 2 и 196

Схематически сказанное не представляет собой ничего нового и изображается следующим образом:

---

33 И к тому же, следуя п. 3 ст. 401 ГК, юридически безразличным.

34 Предлагаемая М. А. Рожковой (Указ. соч. С. 68—71) классификация действий на *дозволенные* и *недозволенные* в конечном счете сводится (на наш взгляд) к традиционной классификации действий на *правомерные* или *законные* (т.е. не нарушающие закона, не умаляющие ни чужих прав ни охраняемых законом интересов), с одной стороны, и *неправомерные* или *незаконные* (противоречащие законным), с другой.

С содержательной же точки зрения *именно этот пункт является одним из наиважнейших во всем Учебнике*; точное усвоение его содержания и, главное, его принципиальных отличий от канонического подхода к пониманию актов и поступков, является залогом успешного овладения гражданским правом в целом. Дело в том, что традиционно юридические акты и поступки разграничиваются учеными *«по критерию направленности»* на достижение юридических последствий: юридическими актами обычно называются действия, такой направленностью *непременно обладающие*, а юридическими поступками — действия, которые могут *как обладать такой направленностью, так и не обладать ею*. На самом деле критерий разграничения здесь иной — не наличие или отсутствие направленности действия на юридические последствия, и даже не обязательность или необязательность наличия такой направленности, а *отношение положительного права к тем гражданско-правовым последствиям, на достижение которых направлены те или иные юридические действия*[35].

Отношение права к тем юридическим последствиям действий, которые были намечены совершившими их частными лицами, обыкновенно трактуется как *двоякое* — 1) *позитивное* и 2) *негативное*. В действительности же оно может быть *трояким* — не только 1) *позитивным* или 2) *негативным*, но и 3) *индифферентным* (безразличным, равнодушным). С учетом этой поправки многое встает на свои места.

Положительное право может, во-первых, приняв во внимание внешне выраженную юридическую направленность действия, *санкционировать намеченные действующим лицом или лицами правовые последствия*, т.е. выразить *позитивное отношение* к ним. Такое отношение закон проявляет только и исключительно к тем действиям, которые совершаются частными лицами *в рамках реализации признанных за ними юридических способностей и возможностей к автономной правовой регламентации отношений с участием известного круга лиц*, в первую очередь со своим собственным участием*. Эти действия называются *юридическими актами*.

*см. п. 96

Во-вторых, норма позитивного права может, приняв в соображение намеченные последствия, *категорически отвергнуть их* и решить

35 Разумеется, такое отношение позитивного права мыслимо лишь к тем действиям, которые (как можно предположить по их внешним признакам) имеют соответствующую направленность. Это, впрочем, не мешает позитивному праву соединять определенные юридические последствия с некоторыми действиями, вовсе не имевшими в виду создание гражданско-правовых последствий.

вопрос о юридических последствиях действий *вопреки намерениям действующего лица (лиц) самостоятельно*[36], руководствуясь при этом какими-то своими соображениями, т.е. выразить *негативное отношение* к правовым последствиям, достижения которых желали бы частные лица.

Наконец, в-третьих, право может *определить последствия некоторых действий, никак не выражая при этом своего отношения к тем последствиям, которые наметили действующие частные лица*, т.е. напрямую и не отвергая, и не одобряя их. Чаще всего так происходит с такими действиями, по отношению к которым позитивное право *вовсе не считает нужным выяснять вопрос о юридических намерениях действующих лиц*; их последствия определяются либо по прямому указанию нормы права, либо посредством применения норм, регулирующих сходные отношения, по аналогии или по противоположности.

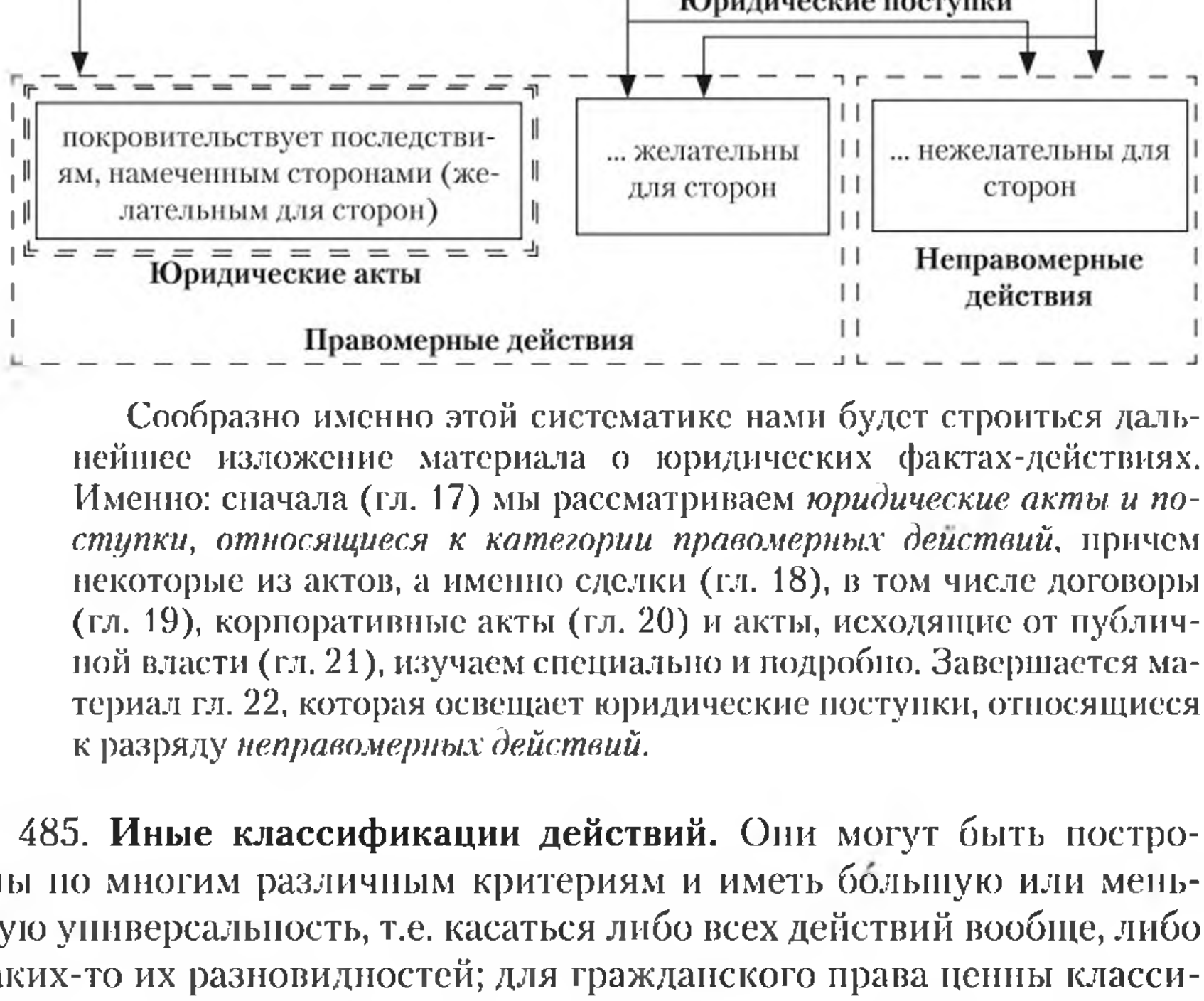
Действия второй и третьей групп называются *юридическими поступками*. Ясно, что позитивное или негативное отношение действующего права к тому или иному поступку может быть различным и зависеть от целого ряда обстоятельств, т.е. *от наличия или отсутствия тех либо иных условий и предпосылок его совершения*. Так, например, отношение права к сделке купли-продажи, заключенной дееспособным и недееспособным продавцом, конечно же, будет различным: в первом случае позитивным, во втором — негативным; это значит, что в первом случае сделка купли-продажи будет причисляться к разряду юридических актов, во втором — к категории юридических поступков. Одно и то же действие в различных условиях может получить различную юридическую квалификацию. Но, очевидно, следующее: *позитивное (желательное, выгодное) для действующих лиц гражданско-правовое значение может быть признано только за такими юридическими поступками, которые совершаются в рамках реализации принадлежащих частным лицам юридических способностей или возможностей (правомочий или прав)*.

В зависимости от того, насколько гражданско-правовые последствия, признанные или приписанные положительным правом действиям частных лиц будут желательны или нежелательны для последних, различают *правомерные* (юридически мыслимые и возможные, а оттого пользующиеся покровительством объективного права) и *неправомерные* (юридически недолжные или невозможные, а потому и не встречающие такого покровительства) действия. Ясно, что правовые последствия, *намеченные частными лицами и признанные правом*, будут во всех случаях последствиями, для действующих лиц *желательными* — иначе зачем бы они ими намечались? Юридические же последствия поступков, т.е. таких действий, к юридическим устремлениям сторон которых право относится негативно или индифферентно, могут быть как желательными, так и нежелательными для них. Соответственно, только юридические поступки (а вовсе не всякие действия) и подлежат разделению на *правомерные* и *неправомерные*; юридические же акты (в силу признаваемой за ними

36 В том числе в том смысле, что эти действия *не имеют вовсе никаких* правовых последствий, т.е. *не являются юридическими фактами*.

законом правовой регламентационной направленности) могут быть *только правомерными*, что называется, по определению.

Сообразно сказанному предложенную выше схему, отражающую классификацию юридически значимых действий, нужно преобразовать в следующую:

Сообразно именно этой систематике нами будет строиться дальнейшее изложение материала о юридических фактах-действиях. Именно: сначала (гл. 17) мы рассматриваем *юридические акты и поступки, относящиеся к категории правомерных действий*, причем некоторые из актов, а именно сделки (гл. 18), в том числе договоры (гл. 19), корпоративные акты (гл. 20) и акты, исходящие от публичной власти (гл. 21), изучаем специально и подробно. Завершается материал гл. 22, которая освещает юридические поступки, относящиеся к разряду *неправомерных действий*.

485. **Иные классификации действий.** Они могут быть построены по многим различным критериям и иметь бóльшую или меньшую универсальность, т.е. касаться либо всех действий вообще, либо каких-то их разновидностей; для гражданского права ценны классификации, основаниями которых являются: 1) *правовое положение* (правовой статус) *лица*, совершающего гражданско-правовое действие; 2) *содержание* действия.

1) По **правовому положению личности**, совершающей те или другие юридически значимые действия, в первую очередь те из них, что направлены на достижение юридических последствий, признаваемых положительным правом, данные действия (в первую очередь юриди-

ческие акты) подразделяются на *акты частных лиц* и *акты публичной* (административной и судебной) *власти*[37]. Правомерные юридические акты частных лиц до недавнего времени традиционно отождествлялись со *сделками* (сводились к одним лишь только сделкам), но в настоящее время, думается, такое отождествление должно быть оставлено. В действительности правомерные юридические акты частных лиц не исчерпываются одними сделками, наряду с которыми в их круг входят также и *акты корпоративного волеизъявления* (корпоративные акты). Критерием разграничения сделок и корпоративных актов является, очевидно, *природа* той воли, которая ими выражается: *сделки* — это акты-выразители *индивидуальной эгоистической воли*, *корпоративные же акты* — это акты-выразители *сонаправленной коллективной воли* (общей или воли большинства). Сделки (среди которых в настоящее время центральное место занимают двусторонние сделки или *договоры*) представляют собой акты, объединяющие *различные по направленности воли* частных лиц. *Корпоративные же акты* (решения собственников и сокредиторов, акты общей воли товарищей, участников хозяйственных обществ, акционеров, советов директоров и т.п.), — это акты *коллективной воли* всех или большинства лиц, их принявших — акты, выражающие волю *одной единой направленности*.

2) С точки зрения своего **содержания** любые (правомерные и неправомерные) действия могут представлять собой *активное поведение* (действия в собственном смысле слова), либо *воздержание от активного поведения* в виде *бездействия* (намеренного воздержания), либо *претерпевание* последствий (в первую очередь юридических) совершаемых в отношении себя чужих действий (вынужденного воздержания)[38]. Например, исполнение обязательства, скажем, по поставке продукции, влечет такое юридическое последствие, как прекращение этого обязательства. Поставка продукции — деяние, относящееся к разряду *активных действий*[39]. Напротив, неисполнение обязанностей по поставке влечет возникновение у кредитора права требовать возмещения убытков, причиненных неисполнением, а у должника — обязанности эти убытки возместить. Возмещение убытков (коль скоро оно состоится) будет, конечно, *активным действием*, но вот неисполнение обязательства, приведшее к возникновению такой обязанности, — юридически значимым *бездействием*[40].

---

37 Существуют, конечно, еще акты законодательной власти (нормативные акты). Однако, поскольку таковые являются основополагающим источником современного гражданского положительного права, т.е. одной из предпосылок возникновения гражданских правоотношений, в качестве юридических фактов они не рассматриваются.

38 В науке уголовного права употребляется понятие о *деянии*, объединяющее собой собственно действия (активные поведенческие акты) и бездействие. Претерпевания как деяния особого содержания в уголовном праве не выделяется.

39 Совершение сделки, участие в принятии корпоративного акта, производство и получение платежа, передача и принятие вещи, реализация правомочий владения и пользования вещами, осуществление творческой деятельности, принятие наследства, убийство, нанесение тяжких телесных повреждений, уничтожение имущества и т.п. — все это примеры *активных действий*.

40 Весьма ярким примером юридически значимого бездействия может быть *молчание* лица: если по общему правилу оно означает *отказ* лица от создания юридических➲

Необходимость принять во внимание последствия совершения кредитором действий по выбору предмета исполнения в альтернативном обязательстве, по уступке принадлежащего ему права или по обращению взыскания (принудительному отчуждению имущества), связывающая обязанного лица, описывает *состояние претерпевания* должником юридических (а в случае с обращением взыскания — и фактических) последствий правомерных действий кредитора.

486. **Классификации событий. Сроки.** Значительно менее богатый материал предоставляет наука гражданского права по вопросу о систематизации юридических событий. Причиной этого обстоятельства является весьма большое разнообразие событий, затрудняющее, конечно, построение их универсальных юридически значимых систематизаций. Нам представляется, что единственным критерием такой классификации может быть только *характер квалификации* явления реальной действительности в качестве события — будет ли таковое считаться событием в собственном смысле, т.е. рассматриваться как событие *всегда* (т.е. для целей любых правоотношений), или же при известных условиях оно может рассматриваться и *как действие* (см. выше примеры с поджогом, нарушением обязательства и нападением грабителей*). Вместе с тем в литературе можно встретить 1) разделение событий на *абсолютные* и *относительные*; 2) противопоставление и событиям, и действиям в качестве особой группы юридических фактов *сроков*. Несколько забегая вперед, отметим, что эти классификации относятся к событиям в узком смысле слова — фактическим обстоятельствам, которые всегда (для любых гражданско-правовых целей) будут квалифицироваться как события. Более подробно вопрос о гражданско-правовых событиях и их видах будет рассмотрен в завершающей гл. 23 Общей части настоящего Учебника.

*п. 483

1) Разграничение событий на **абсолютные** (возникающие и развивающиеся независимо от человеческой воли) и **относительные** (возникающие по воле человека, но в дальнейшем развивающиеся самостоятельно)[41] является, с нашей точки зрения, следствием нежелания провести чисто умозрительное разделение двух различных юридических фактов. То, что на практике эти обстоятельства реальной действительности оказываются слиты не просто весьма тесно, но неразрывно, — отнюдь не препятствует их расчленению в научно-исследовательских целях. Так, если в качестве примера *абсолютного* события приводят *стихийное бедствие* (оно и вызывается силами природы и протекает под их исключительным воздействием), то *относи-*

➲последствий (заключения договора), то в тех случаях, когда есть основания считать молчание квалифицированным (намеренным), в ситуации, требующей ответа, молчание (бездействие) рассматривается как деяние, *создающее* юридические последствия (например, акцепт оферты и, следовательно, заключение договора).

41 См., например: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 164—166.

тельного — насильственную смерть, которая наступает из-за *происходящих в организме жертвы необратимых патологических процессов природного (объективного) свойства*, хотя последние вызываются *действиями убийцы*. Очевидно, однако, что речь здесь идет о *двух разных юридических фактах* — убийстве (действии) и смерти (событии)[42]. Об этом свидетельствует хотя бы то, что данные факты порождают *различные* юридические последствия. Так, например, прекращение брака убитого и открытие наследства — правовые последствия *любой смерти*, неважно, по какой причине (из-за убийства или чего-то другого) наступившей. Возникновение же различного рода уголовно-правовых последствий, а также деликтных правоотношений (по возмещению вреда, причиненного смертью кормильца) — последствия *убийства* (действий делинквента, ставших причиной смерти потерпевшего).

2) Из числа событий, имеющих частноправовое значение, традиционно исключают и выделяют в особую группу юридических фактов такие факты, как **сроки**. Происходит это из-за распространенного заблуждения об их двойственной (объективно-субъективной) природе: время течет *объективно*, но момент начала течения срока и его продолжительность всецело зависят от законодателя или иного субъекта правотворчества, суда, а также от частных лиц — участников сделок, т.е. в этом последнем аспекте сроки *субъективны*[43]. На языке философии это утверждение может быть выражено высказыванием о том, что только человек умеет исчислять время и жить, сообразуясь с ним. Это, конечно, верно, но само по себе ничего не доказывает: юридическое значение *абсолютно любого факта* определяется при непосредственном участии законодателя, иных субъектов правотворчества и судебных органов; *юридическое значение фактических обстоятельств любого типа может быть определено и частными лицами*. Предположим, например, что стороны известного договора придают особое юридическое значение какому-нибудь стихийному бедствию — неужели же на этом основании можно отстаивать мнение о «двойственной» объективно-субъективной природе стихийных бедствий (протекают объективно, но юридическое значение им сообщают участники сделки)? Конечно, нет.

Разделение юридических фактов на действия и события производится вовсе не по *субъекту, определяющему их юридическое значение*, а по критерию *зависимости в своем наступлении и существовании от воли частных лиц* — участников тех общественных отношений, применительно к которым обсуждается юридическое значение кон-

---

*см. п. 479

42 Данные факты входят в уже упоминавшийся прежде* фактический состав, именуемый *гражданским правонарушением*. Ср. ту же двойственность в типичном случае гражданского правонарушения: *противоправное деяние* — несомненно, *действие*, однако *возникновение у потерпевшего имущественного или морального вреда* — безусловно, *событие*. Только точное различение двух разных (хотя и непосредственно друг с другом связанных) юридических фактов в составе гражданского правонарушения дает возможность обосновать двойственность начал института юридической ответственности — ответственности *за сами действия* (по принципу вины) и ответственности *за события, вызванные действиями* (ответственность по принципу причинения, т.е. без вины).

43 См.: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 624. Подробнее об этой и некоторых других проблемах, связанных со сроками как юридическими фактами см.: *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 71—74.

кретного факта*. С этой точки зрения как само течение и истечение определенного промежутка времени, так и наступление (ненаступление) известного его момента, являются обстоятельствами (процессами), возникшими и протекающими *безотносительно к участию в них частных лиц*, т.е. *событиями*. Вовсе не касается существа дела аргумент «к субъектам правотворчества и судьям», деятельность которых не имеет никакого отношения к критериям классификации юридических фактов. Наше отношение к проблеме определения места сроков в системе юридических фактов — см. в п. 678 Учебника.

*см. п. 483

487. **К «проблеме» так называемых отрицательных фактов.** О. А. Красавчикову принадлежит попытка возрождения интереса к одной из древнейших классификаций юридических фактов — к их разделению на *положительные* и *отрицательные*. «Под *положительным* юридическим фактом понимается такой юридический факт, содержание которого представляет собой наличное (или имевшее место ранее) явление действительности»[44]; под *отрицательным* — «...юридический факт, отражающий в своем содержании отсутствие определенного явления (обстоятельства) в известных условиях, с которым (отсутствием соответствующего явления) закон связывает юридические последствия»[45]. «Отличие отрицательных фактов от положительных состоит *в форме их проявления*: в первом случае явления, составляющего содержание факта, быть не должно, во втором — оно должно быть»[46]. Заключение договора, присвоение клада, причинение вреда и т.п. — это положительные юридические факты; несостояние в зарегистрированном браке, ненахождение в родственных отношениях, неуплата денег, невыполнение работ, неоказание услуг[47], вообще всякое юридически значимое бездействие — все это отрицательные факты.

На наш взгляд, понятие отрицательного факта является *внутренне противоречивым*, а потому и пресловутая «проблема» может быть квалифицирована как надуманная и схоластическая. По существу мы имеем здесь частный случай философского рассуждения с многотысячелетней историей на тему «Что есть небытие (пустота) — оно *ничто́* (состояние, когда нет чего бы то ни было) или все-таки *не́что* (состояние, когда есть ничто)?»[48]. Понятие о *юридическом факте* —

44 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 91.

45 Там же. С. 92.

46 Там же. С. 92 (выделено нами. — *В. Б.*).

47 Посредством прибавления приставки «не-» едва ли не к каждому его отглагольному существительному (герундию) и многим причастиям современная арбитражная практика и юридическая литература создали целый пласт «русского юридического языка». Чего стоят понятия о *несостоявшейся* сделке, *незаключенном* договоре и *незавершенном* строительстве: неподписание, неуплата, непередача, непоставка, недопоставка, невыполнение, неисполнение, непричинение, незавершение, несовершение, неоказание, невыяснение, незаполнение, непредъявление, неуказание — это самые безобидные примеры подобного «словообразования».

48 Если пустота представляет собой *ничто*, то пустоты не должно быть, но пустота есть, следовательно, она — *нечто*. Вместе с тем это нечто таково, что заключается *в от-* ➲

это понятие об обстоятельстве, имевшем место в реальной действительности; понятие же об *отрицательном факте* — это понятие об обстоятельстве, которое в действительности так и не наступило. Ясно, что понятие о *том, чего не произошло* (не наступило, не имело места), никак не может быть видом понятия о *том, что произошло* (наступило, имело место). Приводимые в литературе примеры так называемых отрицательных фактов в действительности описывают ситуации, в которых нормальные (положительные) факты или не имели места, или не были доказаны.

Что есть «несостояние лица в зарегистрированном браке», как не *ситуация, в которой отсутствуют доказательства регистрации брака с участием этого лица*? что есть «незаключенный договор», как не *отсутствие доказательств его заключения*? что есть «неисполнение обязательства», как не *отсутствие доказательств его исполнения*? Юридическое значение связывается здесь не с отсутствием факта, как нередко утверждается, а с наличием *совершенно других фактических обстоятельств*, которые и привели к определенному юридическому состоянию или положению. В самом деле, разве основанием приобретения гражданином способности к вступлению в брак является «факт отсутствия зарегистрированного брака»? Ничуть не бывало! — таким основанием является *гражданская правосубъектность* физического лица. Зарегистрированный брак мог бы воспрепятствовать реализации одного из элементов гражданской правоспособности — способности к вступлению в брак — но в данном случае, как легко заметить, пошла бы речь о нормальном (положительном) факте. Основанием к утверждению об отсутствии обязанностей из определенного договора является вовсе не «факт незаключения» этого договора, а правовая аксиома, согласно которой все люди свободны от каких-либо обязанностей, пока они не возникнут для кого-либо из какого-либо положительного (!) действия или события (например, договора). Наконец, основанием к утверждению о наличии долга по совершению определенного действия служит вовсе не «факт неисполнения» обязательства, а факт его возникновения, т.е. опять-таки договор или иное фактическое обстоятельство *положительного содержания*, ставшее основанием возникновения долга.

Сказанное вполне объясняет традиционный взгляд на понятие отрицательного факта, а точнее, на понятие об *отрицании факта*, в соответствии с которым оно признается имеющим значение, но не материальное, а *процессуальное*. Оно выражается в различном распределении бремени доказывания. Логика и жизненный опыт не позволяют доказывать отрицания; предметом доказательства могут быть только ут-

---

➲*сутствии чего бы то ни было*; следовательно, пустота — это состояние, когда ничего нет; следовательно, она — *ничто*. Но если она ничто... и так далее, по кругу, «у попа была собака». Другой пример подобных умственных упражнений дает дискуссия на тему «Сколько ангелов может уместиться на кончике иглы?». Между прочим, некоторую роль в поддержании подобных словесных баталий играют не только логические, но и языковые особенности. Так, например, стандартная русская фраза «У меня *ничего нет*» по-английски будет звучать как «I have nothing» (дословный перевод — «У меня *есть ничто*»). Отсюда вопрос: «ничего» — это ситуация, когда чего-либо нет (как в русском), или же ситуация, когда есть, по крайней мере, само это «ничего» (как в английском)?

верждения. Доказать можно только то, что имело место в реальной действительности и, следовательно, оставило в ней какие-либо изменения, «следы», которые и смогут выполнить роль доказательств. Доказать же то, чего не происходило, по общему правилу, невозможно. Еще раз вернемся к примеру с неисполненным обязательством позитивного содержания: кредитору не нужно доказывать *факт неисполнения* — достаточно доказать наступление факта, послужившего основанием возникновения требования. Тем самым кредитор создает *презумпцию долга*, опровержение которой ложится на должника, которому следует доказать, что он *исполнил* лежащее на нем обязательство (совершил активное действие — *положительный* факт!) и долг, тем самым, *погасил*. Можно, впрочем, доказывать и наступление иного факта, послужившего основанием для прекращения обязательства иным способом, нежели исполнение (см. нормы гл. 26 ГК); но опять-таки речь пойдет о доказывании *положительного факта*.

§ 3. Фактический (юридический) состав (п. 488—491)

488. **Общее понятие.** Субъективные гражданские права и обязанности почти никогда не возникают, не изменяются и не прекращаются при наличии одного только юридического факта, хотя бы и на фоне необходимых для проявления им себя предпосылок и условий. Для динамики гражданских правоотношений какого-нибудь *одного* юридического факта обычно недостаточно. Наступление большинства юридических последствий связывается с одновременным либо последовательным наступлением *нескольких* (*двух или более*) *фактических обстоятельств*, каждое из которых само по себе, либо некоторые из них, но не все вместе, имеет какое-нибудь другое юридическое значение, либо вовсе не имеет его. Система фактических обстоятельств, приводящая (в совокупности с необходимыми предпосылками и условиями) к наступлению известных гражданско-правовых последствий, называется *фактическим составом*[49]. Отдельные факты, составляющие эту систему, называются *элементами фактического состава*.

Так, например, для *возникновения права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимость* необходимо накопление следующих юридических фактов: (1) наличие бесхозяйной недвижимой вещи; (2) постановка ее на учет уполномоченным органом; (3) истечение одного года со дня учета этой вещи и сохранение в течение

49 Ср. два определения фактического состава, данные В. Б. Исаковым, — предварительное (Фактический состав. С. 3) и окончательное: «Во введении настоящей работы фактический состав определялся как *комплекс* юридических фактов, *в совокупности* влекущих правовое последствие ... Это определение фактического состава следует уточнить. Более правильным будет определять фактический состав не как комплекс, а как *систему* юридических фактов» (Там же. С. 25; последний курсив автора. — *В. Б.*).

всего этого времени вещи именно как бесхозяйной; (4) обращение органа, уполномоченного управлять муниципальным имуществом, в суд с требованием о признании права муниципальной собственности на бесхозяйную вещь; (5) вынесение судом решения, признающего данное право собственности и (6) его вступление в законную силу. Шесть перечисленных фактов образуют фактический состав.

Другой пример: *обязательство покупателя оплатить товар*. Принято считать, что основанием его возникновения является договор купли-продажи. В действительности же (в этом убеждают, в частности, нормы п. 2 ст. 487 ГК и его же ст. 328, к которой первая из норм нас отсылает) такое обязательство не возникнет прежде, чем продавец не исполнит своей (возникшей действительно из договора) обязанности по передаче вещи, являющейся предметом договора. Два факта — договор купли-продажи и передача вещи — также образуют фактический состав.

В фактические составы включаются только факты в собственном смысле слова (действия и события) либо их юридические заменители (суррогаты). *Ни условия, ни предпосылки динамики гражданско-правовых эффектов в фактические составы включать не следует*, поскольку без них создание ни одного юридического последствия невозможно. Вообще при включении предпосылок и условий в фактические составы пропадет смысл в понятии об отдельном юридическом факте, ибо ни одно фактическое обстоятельство само по себе (вне связи с предпосылками и условиями) не сможет произвести никаких юридических последствий.

Отличительная черта понятия фактического состава — его *системность*. Фактический состав — это именно система, но не обыкновенный хаотический набор фактов реальной действительности. Системность фактического состава проявляется, в частности, в том, что отсутствие в нем хотя бы одного, даже самого ничтожного (по жизненным меркам) обстоятельства, юридически обессмысливает все остальные факты. Как и всякая система, фактический состав дает *новое качество* — те юридические последствия, которые в отсутствие любого из элементов состава наступить просто не могут. Такое значение связывается с *составом в целом*, а отнюдь не с *последним* из заполнивших его собой фактов, непосредственно предшествующих юридическим последствиям, как это может показаться на первый взгляд[50]. Последний элемент состава отнюдь не заменяет собой всего состава, не «перечеркивает», не «поглощает» и не «уничтожает» его прежде накопившихся элементов[51] «за ненадобностью» — напротив, он скрепляет, связывает, цементирует их в пресловутую систему, подчеркивая важность именно *накопления фактов*. В этом смысле лучшей аллегорической иллюстрацией существа понятия о фактическом составе[52] служит известная русская народная сказка, в которой

---

50 О системности фактов, образующих состав, см.: *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 26—27.

51 Как пишет М. А. Рожкова (Указ. соч. С. 43—45). Ср. с соответствующим местом книги О. А. Красавчикова (Указ. соч. С. 62): написано о том же, но не в столь радикальной форме.

52 А также о системе вообще и о втором законе диалектики — законе перехода количественных изменений в качественные.

именно постепенное *накопление усилий* Деда, Бабки, Внучки, Жучки, Кошки и Мышки позволило в конце концов вытащить Репку; увязка юридических последствий не с составом в целом, а с одним только фактом, которому «повезло» завершить собой состав, подобна, следовательно, мнению о том, что Репку вытащила одна только Мышка.

489. **Юридическое значение элементов фактического состава.** Сказанное в предыдущем пункте не нужно понимать в том смысле, что до накопления определенного количества фактов, необходимых для создания *определенных* правовых последствий, отдельные наступившие обстоятельства непременно остаются *только* фактическими и не имеют *вовсе никакого* юридического значения. Так тоже может быть[53], но это не обязательно[54]. Подобно тому, как один и тот же юридический факт, наступая на фоне различных предпосылок и «действуя» в различных условиях, может получить различное юридическое значение, а может и не получить вовсе никакого, точно так же обстоит дело и с отдельными элементами фактического состава, равно как и с их определенным «скопившимся» количеством. Они — некоторые, но не все, в том числе отдельно взятые (единичные) — тоже могут получить юридическое значение, хотя и *не то самое, к которому в конечном итоге должен привести фактический состав в целом.* Такие юридические последствия станут своеобразным «промежуточным» звеном, необходимым (хотя и недостаточным) для достижения заданного юридического результата, *по отношению к которому* эти последствия только и могут именоваться «незавершенными»[55], а порождающие их факты — «потенциально

---

53 См. приведенный выше пример с возникновением права муниципальной собственности на бесхозяйную недвижимость.

54 См. приведенный выше пример с договором купли-продажи.

55 Следовательно, никакой «классификации» фактических составов на «завершенные» и «незавершенные», по крайней мере, в том ее виде, в каком ее описывают В. Б. Исаков (Фактический состав. С. 37—38) и М. А. Рожкова (Указ. соч. С. 46—48), нет и быть не может, ибо в абсолютном понимании является завершенным любой фактический состав; «незавершенным» состав можно называть *только по отношению к какому-то другому фактическому составу*, объединяющему большее число элементов, чем то, что входит в рассматриваемый состав. Подобно тому, как не существует таких объектов права, как часть земельного участка или часть предприятия (незавершенный участок и незавершенное предприятие), точно так же нет и не может быть таких оснований для юридических последствий, как незавершенные составы (части составов). Между прочим, В. Б. Исаков (Фактический состав. С. 60) прямо пишет, что «понятие завершенности или незавершенности всегда предполагает сравнение. Если нет образца, эталона, модели, нельзя решить, завершен объект или нет. ... — Оценка степени завершенности фактического состава предполагает сравнение фактов, составляющих основу фактического состава, с его юридической моделью. Фактический состав завершен, когда его фактическая основа полностью соответствует юридической модели, закрепленной в гипотезе юридической нормы, и не завершен, если отсутствует хотя бы один элемент». К этому — совершенно правильному — замечанию добавить, собственно, и нечего, разве что отметить, что это не мешает автору далее (на с. 94—106) чрезвычайно детально рассматривать вопрос о так называемых *промежуточных* правовых последствиях накопления фактов в составе — о перспективе (ожидании) накопления очередного факта и о секундарных правах.

юридическими» и «правоподготовляющими»[56]. Впрочем, подчеркиваем это еще раз, «промежуточных звеньев», дающих «незавершенные юридические последствия» (а значит, и сами эти последствия), может и не быть — возможно, что элементы известного состава, взятые сами по себе (вне состава), будут фактами, юридически безразличными.

Рассмотрим несколько примеров.

Направление оферты, будучи стадией, необходимой для заключения договора межу отсутствующими лицами (п. 1 ст. 435 ГК), само по себе не создает *договорного правоотношения*, однако *связывает* лицо, ее направившее (оферента) с момента ее получения адресатом (п. 2 ст. 435). «Связанность» оферента ожиданием акцепта (ст. 438 ГК) означает возложение на оферента бремени претерпевания юридических последствий акцепта и отказа от него. Конечно, это совсем иное последствие, нежели то, наступление которого оферент планировал спровоцировать с помощью оферты, от чего оно, однако, не перестает быть менее «юридическим».

Совершение договора купли-продажи под отлагательным условием (п. 1 ст. 157 ГК) само по себе (до наступления условия) еще не создает *обязанностей для продавца и покупателя*. Если заявить, что такой договор вовсе не создает никаких последствий, возникает вопрос — а в чем же тогда смысл самого договора? Зачем его подписывать (заключать), если до наступления (точнее — разрешения) условия правовое положение его сторон не изменяется? Изменяется: стороны попадают в состояние ожидания эффекта разрешения условия: если оно разрешится одним образом, то стороны сделки окажутся еще и участниками правоотношений купли-продажи, если иным — то перспектива установления такой обязательственно-правовой связи отпадет.

Заключение договора о принятии (*переводе*) *долга* (п. 1 ст. 391 ГК), не соединенное с согласием кредитора на такой перевод, не порождает главного своего последствия — замены должника в обязательстве. Вместе с тем такой договор порождает, вне всякого сомнения, промежуточные правовые последствия, непременным из которых является, по крайней мере, *связанность сторон необходимостью ожидания* в течение известного срока реакции кредитора на запланированное ими изменение обязательства. Нет препятствий и к тому, чтобы такой договор предусматривал наступление и каких-нибудь других гражданско-правовых последствий, например, обязанность «нового должника» присоединиться к обязательству в качестве солидарного содолжника, его обязанность поручиться за прежнего должника или снабдить его к сроку средствами, необходимыми для исполнения обязательства и т.п.

Предварительное согласие на совершение какой-нибудь сделки (например, договора того же перевода долга (п. 1 ст. 391 ГК), договора о сдаче имущества в субаренду или перенаем (п. 2 ст. 615), или сделки унитарного предприятия по распоряжению недвижимостью (п. 2 ст. 295), или сделки гражданина, находящегося под попечительством (п. 2 ст. 33), сделок крупных, сделок, в совершении которых имеется

56 Терминология О. А. Красавчикова (Указ. соч. С. 65).

заинтересованность и т.д.), т.е. согласие, данное до совершения сделки, само по себе, конечно, не породит тех последствий, которые связываются с самой сделкой. Вместе с тем такое согласие производит некоторые изменения в дееспособности субъекта будущей сделки, т.е. имеет иные (промежуточные) юридические последствия.

Просьба (*указание, распоряжение*) *о совершении платежа третьему лицу* сама по себе лишена всякого юридического значения. Вместе с тем соединившись с некоторыми другими юридическими фактами, она может стать элементом состава, рождающего известные правоотношения. Так, например, *ошибочное* обозначение адресата платежа или его реквизитов, приведшее к неосновательному обогащению последнего, может стать поводом к иску не только об истребовании суммы такого обогащения, но и к иску о возмещении вреда, понесенного из-за исполнения такой вот (ошибочной) просьбы, к ее субъекту.

490. **«Фактический» или «юридический»?** Современные ученые предпочитают называть фактический состав *юридическим*. Большинство из них в таком словоупотреблении видит снятие терминологического несоответствия, подмеченного в свое время О. А. Красавчиковым: факт, дескать, *юридический*! — так почему же *состав юридических фактов* оказывается *фактическим*[57]? В действительности никакого несоответствия здесь нет. Состав называется фактическим потому, что это — состав *фактов*[58]. Акцент на том, что это — состав не просто фактов, а фактов, *имеющих значение для данного правоотношения*, т.е. *юридических* фактов, неправилен: выше мы указали, что факты, образующие элементы фактического состава, будучи взятыми сами по себе, *заданного юридического значения* не имеют, а следовательно, не могут претендовать на название юридических фактов. Вместе с тем термину «юридический состав» есть другое оправдание: состав называется *юридическим* потому же, почему называются юридическими и факты — потому что он (именно он — состав!) имеет *юридическое* значение. Каждый из терминов, таким образом, отражает существенную сторону обозначаемого им понятия и, следовательно, имеет право на существование. Мы пользуемся термином «фактический состав». Исторически он более традиционен. Кроме того, им резче оттеняется то обстоятельство, что состав — это система *фактов*, хотя и не всегда обязательно *юридических* (фактов с собственным юридическим значением).

491. **Виды фактических составов**. В зависимости от нескольких различных обстоятельств (критериев) строят несколько основных классификаций фактических составов, а именно: 1) различают *простые* и *сложные*; 2) *императивные и альтернативные*; 3) *определен-*

57 См.: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 65—66.

58 См.: *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 16.

ные и *бланкетные*; 4) *свободные*, *связанные* и *смешанные* фактические составы.

1) Разделение фактических составов на простые и сложные произведено в зависимости от того, **входит ли в состав хотя бы одно гражданское правоотношение или нет**. Фактический состав называется *сложным*, если хотя бы одним его элементом является иное гражданское правоотношение; *простым* — состав, не содержащий такого элемента[59]. С этой точки зрения сложными будут любые фактические составы, приводящие к возникновению производных правоотношений, а также к изменению и прекращению правоотношений*, ибо без наличия правоотношения, способного выступить в роли базисного, изменяемого или прекращаемого, намеченные законом юридические последствия будут попросту беспредметными.

*см. гл. 8

Думается, впрочем, что правоотношение не должно рассматриваться цивилистической наукой в качестве юридического факта — иначе как минимум разваливается их традиционная классификация на действия и события; участие известных лиц в тех или иных правоотношениях представляет собой одно из их возможных юридически значимых состояний, т.е. *одно из условий* действенности собственно юридических фактов (элемент того «фона», на котором эти факты действуют). Но как указывалось выше**, ни условия, ни предпосылки динамики гражданско-правовых эффектов в фактические составы включать не стоит — иначе пропадет смысл в понятии об отдельном юридическом факте. А это означает, что разделение фактических составов на простые и сложные по «критерию правоотношения» является искусственным[60].

**см. п. 488

2) Далее, **по критерию возможности замены того или иного элемента фактического состава иным, однородным с ним, входящим в ту же группу фактов**, выделяют *императивные* и *альтернативные* составы. *Императивный* состав характеризуется жестким (категорическим) набором строго определенных фактов; в составе же *альтернативном* не исключена возможность замены одного факта другим — юридический результат, порождаемый составом, от этого не изменится. Несколько фактических составов называются *альтернативными*, если каждый (любой) из них приводит к одним и тем же юридическим последствиям. «Под альтернативными юридическими составами, таким образом, понимаются два или более юридических состава, влекущих самостоятельно (независимо друг от друга) одно и то же юридическое последствие»[61]. Однородные (с точки зрения своих последствий) фактические составы иногда называют *группой* составов[62].

---

59 См.: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 69—70; *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 48—49.

60 И будет оставаться таковым до тех пор, пока кто-нибудь не докажет, что правоотношение достойно занять самостоятельное место среди юридических фактов, место того же порядка, что действия и события.

61 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 72.

62 В принципе возможно построение аналогичной классификации не только составов, но и отдельных фактов; так, если известные юридические последствия могут быть порождены одним-единственным, безусловно необходимым для этого фактом, последний можно назвать *императивным фактом*; если же эти последствия могут быть➲

3) *Определенные* и *бланкетные* составы различаются, как это вполне ясно, по наименованиям данных видов составов, по критерию той **степени конкретности, с которой элементы тех или других фактических составов описаны в гипотезах гражданско-правовых норм.** Подобием этой классификации является, конечно, разделение самих гражданско-правовых норм по технике своего формулирования на *непосредственно регулирующие* и *бланкетные*, или, иначе, *отсылочные*[*], в которых «...не указываются конкретные условия, юридические составы (факты), при которых должны наступать те или другие юридические последствия. Такие юридические составы можно назвать *бланкетными*. Бланкетными могут быть не только юридические составы, но в равной степени и отдельные юридические факты»[63], в том числе факты-элементы фактических составов. «...Под бланкетным юридическим составом (фактом) следует понимать юридические составы (факты), содержание которых в норме права не раскрыто, но приводятся отдельные признаки тех или других фактов, с установлением которых судом норма права связывает юридические последствия»[64].

[*] см. п. 109

4) **По «структурной сложности» или «характеру связи» между фактами-элементами фактических составов** последние делятся на *свободные* (или составы «с независимым накоплением элементов»), *связанные* (т.е. предполагающие накопление элементов в последовательности, определенной нормой права) и *смешанные*, т.е. такие составы, часть элементов которых должна пройти строго последовательное накопление, а другая часть может накапливаться свободно, независимо от последовательности (порядка)[65].

§ 4. Юридические аналоги фактов и составов (п. 492—497)

492. **Общее представление.** Как ясно из схемы, приведенной выше[**], гражданско-правовые последствия связываются не только с собственно фактами (обстоятельствами реальной действительности), существующими одиночно и объединенными в составы, но также и с некоторыми другими явлениями объективной действительности, которые довольно трудно назвать фактами в том смысле этого слова, в котором его употребляет цивилистическая наука. К их числу

[**] п. 477

➲достигнуты при совершении различных действий или наступлении различных событий, можно называть их *альтернативными фактами*, а всю совокупность таких (альтернативных) фактов называть *группой юридических фактов*. Между тем о такой классификации юридических фактов мы ничего не слышали; при этом особо интересно, что понятие о «группе юридических фактов» в литературе встречается, см. о нем, например: *Исаков В. Б.* Юридические факты. С. 23—24; *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 50—51.

63 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 75.

64 Там же.

65 См.: *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 33—37, 49—54; *Рожкова М. А.* Указ. соч. С. 49—50.

относятся, во-первых, *юридически значимые* объективные (причем, не только естественные, но и социальные) *свойства* лиц и благ — *юридические состояния* и *юридические обстоятельства* (иногда объединяемые под названием *длящихся фактов*), а во-вторых, *юридические заменители* (*суррогаты*) как длящихся, так и традиционных (одномоментных) фактов, — юридические *фикции, презумпции и документы*. Исходя из того что как существо перечисленных явлений, так и та роль, которая отводится им правом, не вполне идентичны существу понятия о собственно юридических фактах и тому значению, которое они имеют для права, и учитывая, что обстоятельства эти весьма тесно связаны с юридическими фактами, а их правовое значение сходно со значением этих последних, все названные явления в их совокупности можно было бы назвать *аналогами юридических фактов*.

*п. 478

Как отмечалось ранее*, юридические *факты-основания* динамики гражданско-правовых последствий не способны проявить себя иначе, чем на определенном фоне, созданном *фактами-предпосылками* и *фактами-условиями*. Их роль могут играть и обычные фактические обстоятельства, которые в иных ситуациях могут признаваться классическими во всех отношениях юридическими фактами, а кроме того, в роли предпосылок и условий выступают также *юридические состояния* и *обстоятельства*[66]. Самостоятельных юридических эффектов (без фактов-оснований) факты-предпосылки и факты-условия не порождают; с небольшой долей иронии их можно было бы именовать *фактами-помощниками*.

Несколько иначе обстоит дело с *юридическими заменителями* (суррогатами) фактических обстоятельств. *Фикции* и *презумпции* представляют собой суждения о некотором ходе вещей (положении дел), которые, как и всякие суждения вообще, могут в одном конкретном случае соответствовать действительности, а в другом — не соответствовать ей. В полной мере сказанное относится и к *документам*, точнее, к содержащимся в них сведениям о фактических обстоятельствах. Тем не менее в ряде случаев *позитивное право*, очевидно, полагая, что выяснение истинного положения дел в определенных ситуациях не является возможным или не представляется целесообразным, создаст известные последствия, опираясь *не только на сами фактические обстоятельства*, но и на *суждения* (более или менее основательные) и *сведения* (более или мене достоверные) *о них*. Удельный вес суждений и сведений, в соотношении с собственно фактами, в каждом конкретном случае может быть различным — от ничтожно малого (фикции) до значительного (презумпции) и даже 100% (так, общеизвестно, что суды почти никогда не прибегают к непосредственному наблюдению или установлению фактов, предпочитая опираться на *сведения* (данные, информацию) *о таковых*, содержащиеся в представляемых участниками процесса документах).

---

66 Кроме того, принято выделять также особую *нормативную предпосылку* создания правовых последствий (норму права).

493. **Юридические состояния.** *Юридическими состояниями* называются *юридически значимые характеристики субъектов правоотношений.* Таковы, например, состояния малолетства и несовершеннолетия, состояние в браке, на военной или гражданской службе, участия в каком-либо правоотношении, состояния опьянения, сильного душевного волнения, невменяемости, бедности, богатства и др. Вообще естественные свойства людей и их организованных коллективов являются, как мы помним*, той нижней планкой, за которой становится невозможным признание гражданской правосубъектности. Будучи однажды признанной, сама эта гражданская правосубъектность, правовые формы ее воплощения и реализации могут различаться из-за несходства некоторых естественных и социальных свойств субъектов. Иными словами, юридические состояния, хотя и не могут быть причислены к разряду юридических фактов (ибо облекаются в единообразные (типовые) абстрактные правовые формы), тем не менее относятся к разряду явлений реальной действительности, имеющих юридическое значение (влияние). Проявляет оно себя, главным образом, в том, что юридические состояния выступают *предпосылками* и *условиями* развития известных гражданско-правовых форм конкретного свойства. Моменты начала и окончания наиболее принципиальных юридических состояний физических лиц (рождение, смерть, заключение брака, прекращение брака, перемена имени, установление отцовства и усыновление — см. п. 1 ст. 47 ГК) особо выделяются среди других юридических фактов под наименованием *актов гражданского состояния.*

*см. п. 265 и сл.

Рассмотрим несколько примеров того, как проявляют себя юридические состояния.

Расходование гражданином заработка на приобретение косметики может служить основанием к ограничению его дееспособности только до тех пор, пока он *частично дееспособен*, или (иначе) пока он обладает дееспособностью несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (п. 4 ст. 26 ГК). Ограничить *полную дееспособность* по этому основанию уже нельзя (см. ст. 30 ГК). Состояния полной и частичной дееспособности, следовательно, представляют собой *различные условия* применения такого инструмента, как ограничение дееспособности того или иного конкретного гражданина[67].

Точно так же одно и то же действие — заключение договора, к примеру, купли-продажи — получает различную юридическую оценку, зависящую в том числе и от того, в каком юридически значимом состоянии находился продавец в момент его совершения — был ли он полностью дееспособным (и тогда заключенный им договор будет расцениваться как *сделка*), ограниченно дееспособным (тогда перед нами будет услов-

67 Нелишне добавить также, что в непосредственной зависимости от вида ограничиваемой дееспособности — частичной или полной — находятся также и последствия ее ограничения (см. п. 311—313 настоящего Учебника).

но действительная или *оспоримая сделка*), недееспособным (в таком случае его договор будет рассматриваться как *ничтожная сделка*), либо действовал в состоянии заблуждения (такой договор тоже будет условно действительной сделкой, но с иными последствиями).

Состояние в браке, состояние кровного родства, участие в содержании и воспитании, нахождение на иждивении и даже совместное с известным лицом проживание — все это юридические состояния, непосредственно влияющие на *наследственную правосубъектность*. Так, все наследники первой-шестой очередей — это переживший супруг (супруга) наследодателя и его кровные родственники различных степеней родства (см. ст. 1142—1145 ГК); участие в содержании и воспитании наследодателя дает наследственную правосубъектность его отчиму и мачехе (п. 3 ст. 1145); нахождение на содержании и воспитании наследодателя — его пасынкам и падчерицам (там же); нахождение же на совместном проживании и (или) на иждивении наследодателя в продолжение не менее одного года ко времени открытия наследства либо существенно изменяет наследственную правосубъектность лиц, входящих в круг наследников по закону, но не той очереди, что призывается к наследованию, либо делает наследниками иных (посторонних) лиц (ст. 1148 ГК).

494. **Юридические обстоятельства.** *Юридическими обстоятельствами* называются *юридически значимые естественные свойства объектов гражданских правоотношений*. Целый ряд гражданско-правовых последствий может зависеть от того, является ли объект правового отношения материальным или нематериальным благом; присуще ли ему свойство делимости либо нет; является ли он самостоятельной вещью или ее принадлежностью; потребляем ли этот объект или непотребляем; относится ли он к категории движимого или недвижимого имущества и т.д. Подробная характеристика естественных свойств объектов гражданских правоотношений вообще, а также материальных и нематериальных благ в особенности нами уже приводилась свойства объектов вообще*, свойства вещей** и свойства нематериальных благ***. Также выше было показано, что присвоение объектам гражданских правоотношений тех или иных *юридических* свойств, а также решение вопросов о том, объектами каких именно субъективных прав и предметами каких именно сделок они могут быть (сообщение им определенного *правового режима*), в конечном счете обусловливается их *естественными* качествами.

*см. п. 396—400

**см. п. 409—412

***см. п. 449

Говоря о юридических обстоятельствах, очень важно помнить, что речь идет о *естественных*, т.е. объективно присущих объектам гражданских правоотношений, *свойствах*. Может показаться, что многие из перечисленных выше качеств являются не *естественными*, а *юридическими*: так, например, телевизор *физически*, конечно же, может быть разделен на множество деталей, но *юридически* представляет собой неделимую вещь. Между тем, будучи подетально разделенным, телевизор потеряет свое важнейшее свойство — способность прини-

мать радиоволны и переводить их в зрительную и звуковую форму, и, следовательно, свою *хозяйственную* (а не юридическую!) ценность. Как можно видеть, главное свойство телевизора (неделимость) обусловлено *естественными причинами*, в первую очередь физическими законами, используя которые и направляя действие которых, человек добивается специфических эффектов. Именно в них, в законах физики и полученных с их помощью результатах, и берет начало признание телевизора юридически неделимой вещью.

495. **Гражданско-правовые фикции (предустановленные и не подлежащие опровержению суждения о фактах).** *Юридической фикцией* называется категорическое утверждение нормы позитивного права или индивидуального предписания о существовании юридического факта известного рода, подлежащее применению в определенных отношениях частных лиц безотносительно к своему соответствию действительности. Из приведенного определения ясно видно, что юридическая фикция 1) принадлежит к разряду *общеутвердительных* (не поддающихся конкретизации), *суждений*; 2) является суждением *категоричным*, т.е. не подлежит ни сомнению, ни опровержению (чем радикально отличается от презумпции*); 3) может содержаться в предписаниях гражданско-правовых *нормативных* (законы, постановления и т.д.) *или индивидуальных* (договоры, корпоративные акты, административные акты, судебные решения) *актов*; 4) имеет своим предметом *юридический факт* либо *его свойства*; 5) *может быть* не только предположительно верным, но и *заведомо ложным* (в последнем случае фикцию обыкновенно называют *юридическим вымыслом*), что отличает ее от уподобления (аналогии). Субъекты частноправового творчества заменяют *юридические факты* их *фикциями* в тех случаях, когда установление юридического факта, состояния или обстоятельства является согласно представлению прикосновенных к регулируемому правом отношению лиц невозможным, затруднительным или нецелесообразным[68].

*см. п. 496

К перечню тех случаев, когда ГК вместо того, чтобы опереться на факты, предпочитает положиться на фикции, содержащемуся в монографии Р. К. Лотфуллина — ч. 2 ст. 42, п. 3 ст. 45, п. 3 ст. 157,

68 Способность фикции вывести из подобных ситуаций превращает ее в один из приемов юридической техники и юридической науки *в целом*: не имея возможности (или желания) урегулировать (объяснить) тот или иной юридический феномен, законодатели (и ученые) частенько прибегают к фикции, причем, как правило, в ее самом крайнем варианте — в варианте *вымысла* (т.е. предлагают принять заведомо ложное утверждение за истинное). Самый известный случай применения *вымысла* в законотворчестве — придание закону *обратной силы* (законодатель предлагает «закрыть глаза» на то, что в момент, когда развивались те или иные общественные отношения, соответствующего закона еще не было и исходить из того, что в то время он уже был, существовал)**: самые известные случаи применения фикции в гражданском правоведении — фиктивные направления в объяснении сущности юридического лица***, безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг****.

**см. п. 117
***см. п. 266, 271, 273
****см. п. 402

ст. 191, абз. 2 п. 3 ст. 192, ст. 193, 224, п. 2 ст. 327, п. 3 ст. 382, ст. 402, п. 3 ст. 405, абз. 2 п. 2 ст. 435, ст. 439, ч. 1 ст. 442, абз. 2 п. 3 ст. 610, п. 1 ст. 670, п. 1 ст. 878, п. 3 ст. 931, п. 3 ст. 932, ч. 3 ст. 933, ст. 1053, п. 2 ст. 1114[69], — мы можем добавить также случаи, предусмотренные такими нормами первой части ГК, как п. 2 ст. 20, ст. 21, ст. 26—30, ст. 45 (в целом), п. 2 ст. 51, п. 4 ст. 57, п. 8 ст. 63, п. 6 ст. 64, п. 2 и 3 ст. 158, п. 2 ст. 171, п. 2 ст. 172, ст. 174, п. 1 ст. 183, п. 2 ст. 194, ст. 203, абз. 2 п. 2 ст. 223, п. 3 ст. 338, ст. 395, 403, п. 1—3 ст. 432, п. 1 ст. 433, абз. 2 п. 1, п. 3 ст. 434, ст. 444, п. 3 ст. 450 ГК. Возможность выбрать иные случаи употребления фикций из ГК мы предоставляем самим учащимся; делу, разумеется, не в том, чтобы выбрать их *все*, но лишь в том, чтобы отдавать себе отчет в том, что круг таких случаев весьма обширен.

Состояние научной разработки проблематики юридических фикций может быть охарактеризовано как парадоксальное: при том что именно этой теме была посвящена одна из первых собственно научных русскоязычных монографий[70], общее количество исследований в этой области и по сей день остается незначительным, а их содержание — оставляющим желать много лучшего. Во всех них *юридическая фикция* исследуется в первую очередь как *универсальный прием юридической техники* и отчасти — *научного юридического мышления*; собственно фикция, т.е. *фикция как заменитель фактических обстоятельств*, специальному изучению вовсе никогда не подвергалась.

Кроме того, подавляющее большинство ученых сводят юридическую фикцию к одной из ее форм — *вымыслу*, вероятно, из-за того, что именно вымысел (заведомо ложное суждение) в наивысшей концентрации вбирает в себя и с наибольшей степенью выпуклости демонстрирует основные свойства фикции. Как Д. И. Мейер, полтора столетия назад определяя фикцию, назвал ее «...вымышленным существованием факта, о котором известно, что он вовсе не существует или существует в измененном виде»[71], точно так же и дореволюционные, а также советские авторы и, наконец, наши современники писали и пишут, что «...под юридической фикцией мы разумеем лишь прием, ... состоящий в признании существующим несуществующего и обратно»[72]; что «...под фикцией понимается положение, которое уже с момента своего образования лишено истинности»[73]; что «использование юридических фикций представляет собой один из немногих случаев, когда ложь поставлена на службу всего общества»[74]; что «...юридическая фикция — средство юридической техники, условно признающее заведомо ложное положение истиной, возможность опровержения которой, как правило, не имеет никакого юридическо-

---

69 *Лотфуллин Р. К.* Юридические фикции в гражданском праве. М., 2006. С. 202—211.

70 Мы говорим об исследовании Д. И. Мейера 1853/54 гг. (см. ниже).

71 *Мейер Д. И.* О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 54.

72 *Дормидонтов Г. Ф.* Юридические фикции и презумпции. 1. Классификация явлений юридического быта, относящихся к случаям применения фикций. Казань, 1898. С. 109.

73 *Бабаев В. К.* Презумпции в советском праве : учеб. пособие. Горький, 1974. С. 25; аналогично — с. 28.

74 *Лотфуллин Р. К.* Указ. соч. С. 7.

го значения»[75]. Да, может быть и так, ибо *вымысел* — частный случай фикции, но совсем не обязательно, чтобы все фикции сводились единственно к одним только вымыслам. Если бы это было так, то фикции не могли бы выводить ни законодателей, ни участников частноправовых отношений, ни ученых из затруднений в тех ситуациях, когда получение истинного знания *невозможно* или *нецелесообразно*.

В подтверждение сказанного достаточно взглянуть на институт, предусмотренный ст. 45 ГК: суд объявляет умершим гражданина, факт смерти которого не установлен. «Давайте, — предлагает суд, — считать (дабы устранить неопределенность в отношениях), что известный гражданин умер». «Давайте считать» («признаем», «будем думать, что...» и т.п.) — типичная форма, в которой находит свое пристанище фикция. Можно ли утверждать, что данная фикция опирается на *заведомую ложь?* Ни в коем случае — только на *неопределенность* (неизвестность), которая может, между прочим, через некоторое время разрешиться как в одну, так и в другую сторону; следовательно, может статься, что пресловутая фикция была не только ложью, но и правдой. Больше того, вполне может оправдаться и фикция, предусмотренная п. 3 ст. 45 относительно дня смерти гражданина, объявленного умершим: таковым вполне может оказаться как день его предполагаемой гибели, так и день вступления в законную силу судебного акта о его объявлении умершим. Дело не в том, является ли фикция ложью или нет, а в том, что *даже если суждение-фикция в том или ином конкретном случае не соответствует действительности (является ложным), то все равно именно им — а не реальным положением вещей — нужно руководствоваться при определении юридических последствий.*

496. **Презумпции (предустановленные, но опровержимые суждения о фактах) в гражданском праве.** Весьма близки к юридическим фикциям по своему существу и значению *юридические презумпции*, или *предположения*, — суждения относительно фактов, состояний и обстоятельств, существование которых «...не раскрыто с несомненностью, но оно более или менее вероятно и потому предполагается, и относящиеся к нему определения идут в ход»[76]; или (короче) юридические предположения представляют собой случаи «... признания факта существующим по вероятности, что он существует»[77]. Вероятность существования предполагаемого факта в каждом конкретном случае может быть различной — от весьма высокой, до минимальной, почти фантастической; больше того, ее может вовсе не быть[78] — вероятность факта в смысле его объективной неизбежности («так бывает») может подменяться его юридической необходимостью («так должно быть»)[79]. Вот почему более поздние определения презумп-

---

75 Там же. С. 63.

76 *Мейер Д. И.* Указ. соч. С. 54.

77 Там же. С. 98.

78 См. об этом, например: *Дормидонтов Г. Ф.* Указ. соч. С. 15—35.

79 Именно на этой посылке (так *должно быть*) основываются все презумпции, относящиеся к разряду так называемых общеправовых — презумпция содержательности ➲

ции не всегда включают в себя указание на собственную вероятность, например: «...под презумпцией понимается предположение о существовании юридического факта, вызвавшего наступление данных конкретных юридических последствий»[80]; наряду с ними встречаются, впрочем, и примеры «классических» определений, авторы которых не только упоминают, но и пытаются раскрыть существо такого качества презумпций, как их вероятность[81].

Неоднозначное отношение к вероятности как качеству презумпции свидетельствует о следующем. Подобно тому, как суждение становится фикцией вовсе не по причине своей заведомой ложности, точно так же не вероятность создаст презумпцию. Как источник, так и существо (а значит, и задачи (функции)) фикций и презумпций, абсолютно одинаковы (и к тем и к другим прибегают, дабы заменить достоверное знание об обстоятельствах реальной действительности). Граница фикций и презумпций разная: последние (в отличие от первых) *подлежат доказательному опровержению и, будучи доказательно опровергнутыми, не применяются*. Правовые последствия в этом случае определяются не по презумпции, но на основании *достоверно установленного* (*доказанного*) *факта*; для подчеркивания именно этой чисто практической стороны презумпций (а вовсе не для проведения их границы с фикциями) последние и называют *вероятностными* суждениями[82].

По литературным источникам[83] можно составить следующий перечень норм ГК, заключающих в себе презумпции: п. 2 ст. 1, ст. 19, 48, 182, 185 — о презумпции *участия всякого субъекта в гражданском обороте от собственного имени* (за свой счет, своей властью и в своем интересе); п. 3 ст. 10, ст. 46, 220, 234, 302, 303, 385 о презумпциях *разумности* и *добросовестности*; ст. 45, 46 — о презумпции *смерти граж-*

➲и целесообразности каждого слова в законе, презумпция знания закона, презумпция законности актов власти, презумпция истинности судебных актов, презумпция добросовестности (добропорядочности) и презумпция правосубъектности (правоспособности).

Между прочим, на такой же посылке могут строиться и фикции; такова, например, *фикция доходного пользования чужими денежными средствами*, установленная п. 1 ст. 395 и п. 2 ст. 1105 ГК, а также *фикция доходного пользования чужим либо неосновательно полученным или сбереженным имуществом* (ст. 303, 1107). От презумпций они отличаются своим *неопровержимым характером*: даже если заинтересованное лицо докажет отсутствие в том или ином конкретном случае доходного пользования, это не освободит его от обязанности выдать (уплатить) потерпевшему все доходы, которые оно *должно было извлечь* так, как *если бы оно их действительно извлекло*.

80 *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 90.

81 Например: «...правовую презумпцию можно определить как закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, *основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом*» (*Бабаев В. К.* Указ. соч. С. 14; выделение наше. — *В. Б.*). См. также: *Ойгензихт В. А.* Презумпции в советском гражданском праве. Душанбе, 1976. С. 31.

82 С тем же успехом презумпции можно было бы назвать *подлежащими опровержению* (*опровергаемыми*) *фикциями*.

83 См., например: *Кузнецова О. А.* Презумпции в гражданском праве. 2-е изд. СПб., 2004. С. 149—234.

данина, о месте пребывания которого отсутствуют сведения в месте его жительства в продолжение пяти лет; п. 1 ст. 152 — о презумпции *несоответствия действительности* порочащих сведений; ст. 161 и 162 — о презумпции *отсутствия сделки*; п. 1 ст. 166 — о презумпции *действительности сделки*; ст. 171—178, п. 2 и 3 ст. 253, п. 3 ст. 1044 — о презумпции *незнания* стороны сделки о недостатках в правосубъектности другой ее стороны[84]; о презумпции *законности* (основательности, титульного характера) *фактического владения* — ст. 225, 228, 233, 234, 301, 304, 305; ст. 256 — о презумпции *общности имущества супругов*; ч. 3 ст. 355 — о презумпции *перехода прав* по обеспеченному ипотекой обязательству в случае уступки прав по договору ипотеки; п. 3 ст. 380 — о презумпции *отсутствия задаточных функций* у предварительно заплаченных сумм; п. 1 и 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 — о презумпции *виновности правонарушителя* (см. также исключение из этой презумпции, установленное п. 2 ст. 1070); п. 3 ст. 423 — о презумпции *возмездного характера* всякого договора (ср., однако, с нормами п. 3 ст. 809 и п. 1 ст. 924 — исключениями из этой презумпции); п. 2 ст. 450, п. 2 и 3 ст. 523 — о презумпции *несущественного характера* нарушения договорного обязательства; ст. 495, 732 — о презумпции *незнания* потребителем информации о товаре или работе; п. 1 ст. 568 — о презумпции *равноценности товаров*, передаваемых по договору мены; об иных (специальных) презумпциях — см. еще п. 1 ст. 743, ст. 841, п. 1 ст. 843, п. 1 ст. 980, п. 2 ст. 1042 ГК. В действительности гражданско-правовых презумпций гораздо больше; читатель сам может в этом убедиться, если посмотрит, например, на п. 3 ст. 28, п. 2 ст. 178, п. 1 ст. 239, п. 1 ст. 344, п. 2 ст. 348, п. 4 ст. 358, п. 3 ст. 401, п. 2 ст. 406, п. 2 ст. 408, п. 1 ст. 461, п. 2 ст. 476, п. 3 ст. 565, ст. 697, п. 1 ст. 710, п. 4 ст. 743, п. 2 ст. 745, п. 2 ст. 755, п. 1 ст. 777, п. 1 ст. 795, п. 1 ст. 796, п. 1 ст. 901, п. 2 ст. 995, п. 2 ст. 1005, п. 1 ст. 1022, п. 1—3 ст. 1073, п. 2 ст. 1074, п. 1 ст. 1076, п. 1 ст. 1079, п. 2 ст. 1153, п. 2 ст. 1189, п. 1 ст. 1221, п. 2 ст. 1236, п. 2 ст. 1252, ст. 1257, п. 6 ст. 1262, ст. 1302, 1312, п. 4 ст. 1317, п. 3 ст. 1334, ст. 1347, подп. 2 п. 2 ст. 1358, абз. п. 1 ст. 1362, ст. 1410, абз. 2 п. 1 ст. 1423, п. 2 ст. 1448, ст. 1450, п. 8 ст. 1452 ГК.

По большому счету именно презумпциями являются *все диспозитивные* нормы гражданского права, а также все нормы, имеющие характер *общих правил, допускающих известные исключения*.

497. **Документы.** *Документами* называются *официальные источники сведений об установленных и предустановленных* (т.е. фингируемых и презюмируемых (предполагаемых)) *фактических обстоятельствах, имеющих юридическое значение — юридических фактах, состояниях и обстоятельствах*, а также о юридических последствиях наступления таких фактов (правоотношениях)[85]. Характеристика документов как *официальных* источников означает, что таковые должны 1) *быть*

---

84 Это, конечно, частный случай презумпции добросовестности.

85 «Юридические документы — ... документы, содержание которых удостоверяет те или иные юридически значимые факты или основанные на них правоотношения...» (*Агарков М. М.* Учение о ценных бумагах. С. 173; цит. по указ. переизданию (М., 1994)).

выражены в объективной форме, т.е. выполнены на материальном носителе (как правило, бумажном) с соблюдением нормативно установленных требований (реквизитов); 2) заключать в себе *содержательное освещение* нормативно определенного юридически значимого вопроса; 3) *быть подписаны* лицом, от имени которого они исходят, причем, 4) подпись должна быть выполнена таким образом, чтобы она позволяла *индивидуализировать личность и правовое положение подписавшего* (*подписавших*) *документ*[86]. Последнее является абсолютно необходимым, поскольку *главным* и при том *неизбежным* и *бесповоротным* гражданско-правовым последствием подписания и выдачи документа является принятие на себя подписантом *юридических обязанностей согласно содержанию документа*, а также *бремени юридической ответственности за их нарушение* (шире — за истинность содержания документа)[87]. Впрочем, в установленных законом случаях подпись на гражданско-правовых документах о сделках может быть заменена ее суррогатом или аналогом; такие случаи будут описываться ниже, при рассмотрении вопроса о форме сделок*.

*см. п. 547

Рассмотрение вопроса о понятии и гражданско-правовом значении документов в главе о юридических фактах объясняется следующей причиной.

Как ясно из предыдущего изложения, обыкновенной причиной, вызывающей юридические эффекты, являются *сами фактические обстоятельства*. Подавляющее их большинство таково, что имеет свое *вполне определенное и долговременно стабильное объективное внешнее проявление*, наличие которого или бесспорно доказывает, или служит основанием к предположению о существовании соответствующего обстоятельства[88]. Но бывает и так, что юридически значимые факты, состояния и обстоятельства либо *вовсе не получают* такого внешнего проявления, которое неоспоримо доказывало бы их наличие третьим лицам (прежде всего государственным органам и в особенности суду),

86 Как видим, документы могут быть классифицированы по критерию субъекта, их выдавшего, на *одно-* и *многосторонние*: первые выражают индивидуальную, вторые — несколько индивидуальных либо одну общую волю. Многосторонние документы, аккумулирующие в себе несколько индивидуальных воль, называют *конвенциональными*; документы же, являющиеся актами изъявления общей воли, — *корпоративными*.

87 Подчеркиваем, что подпись дееспособного гражданина дает *неизбежные* и *бесповоротные* (неотразимые и неотменяемые в одностороннем порядке) гражданско-правовые последствия. Какого-либо института «отзыва подписи», аналогичного тому, что известен (хотя и применяется чрезвычайно редко) в международном публичном праве право частное гражданское не знает, ибо его признание означало бы обрушение такого его ключевого принципа, как прочность (неприкосновенность) частноправовой сферы (недопустимость произвольного постороннего вмешательства в частные дела), да и само понятие субъективного гражданского права по сути перестало бы существовать.

88 Так, например, для доказательства приобретения движимой вещи в собственность достаточно представить эту вещь (продемонстрировать факт владения вещью); создания произведения литературы — предъявить это произведение; заключения договора — предъявить документы, которые позволяли бы установить его содержание; истечения давности — прибавить к доказанному моменту начала ее течения продолжительность давности и т.п.

либо такое проявление является *недолговременным* (нестабильным) и вообще *неустойчивым*, либо, наконец, *не может служить категорическим свидетельством наступления определенного* (*конкретного*) *факта*. В подобных случаях позитивное право либо прибегает к помощи фикций и презумпций, либо обращает свое внимание на то, чтобы прикрепить юридические последствия *не к самому факту*, а к тому *документу*, который содержит сведения о нем[89].

Необходимо различать, *какое именно юридическое значение* придается законодателем тому документу, который служит делу *внешнего оформления юридического факта*. М. М. Агарков писал, что юридические документы «...выполняют в обороте различные функции в зависимости от того, каково *значение документа для соответствующего правоотношения*»[90]. Ученый выделят три таких значения:

1) *доказательственное*, при котором «...документ ... не играет роли в динамике правоотношения», которое «...возникает, существует и прекращается независимо как от наличия документа, так и от его содержания». В подобном случае «документ находится как бы вне правоотношения и приобретает значение только в случае судебного спора, в котором ему принадлежит роль доказательства наряду с другими допущенными процессуальным правом доказательствами или преимущественно перед ними»[91], т.е. документ в определенных условиях и для определенных целей может *заменить* собой непосредственное наблюдение юридического факта, которое в большинстве случаев ко времени возникновения и рассмотрения спора уже невозможно;

2) *материально-правовое*, или *конститутивное*, при котором «...закон или воля сторон устанавливают, что наличность документа необходима для возникновения соответствующего правоотношения. ... Составление документа входит в corpus сделки, составляет ее необходимую часть»[92]. В этом случае документ не *заменяет* юридиче-

---

89 Так, например, для приобретения (прекращения) права на недвижимое имущество необходима государственная регистрация соответствующего права, если иное не установлено законом (п. 1 ст. 131 ГК); для приобретения (прекращения) права, составляющего так называемую «бездокументарную ценную бумагу», необходимо обращение к лицу, осуществляющему фиксацию данных прав, и их соответствующее оформление этим лицом (п. 2 ст. 142, ст. 149); для заключения ряда договоров необходимо придание им определенной формы и т.д.

90 *Агарков М. М.* Указ. соч. С. 173 (выделено нами. — *В. Б.*).

91 *Агарков М. М.* Указ. соч. С. 173—174. Таково, по нашему законодательству, например, значение государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ним: и сама запись о государственной регистрации, и отказ в таковой, могут быть оспорены заинтересованными лицами (п. 1 и 5 ст. 2, п. 3 ст. 20, п. 2 ст. 21, ст. 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»). Доказательственное значение придается также *простой письменной форме большинства договоров*: ее несоблюдение, как правило, не лишает стороны права доказывать факт заключения договора другими доказательствами, за исключением свидетельских показаний (п. 1 ст. 162 ГК).

92 Там же. С. 174. Таково значение нотариальной письменной формы сделок (п. 1 ст. 165 ГК), в некоторых случаях — государственной регистрации сделок (там же), иногда — простой (см. ст. 331, 339, 362, 429, 820, 836, 940, 1017, 1028) или квалифицированной (ст. 550, 560, 651, 658, 1017) письменной формы сделок. Кроме того, документы в виде записей по лицевым счетам в реестрах владельцев бездокументарных ценных бумаг, а также по счетам депо, свидетельствуют о наличии гражданских правоотно- ➲

ского факта, но *сам выступает в его роли* (сам является юридическим фактом): без надлежаще оформленного документа нельзя считать наличествующим и сам юридический факт;

3) *правореализационное*, или *презентационное*, при котором документ (точнее — его предъявление или презентация) «...имеет значение при осуществлении выраженного в нем права»[93]. И в этом случае документ во всей совокупности своих формальных признаков (реквизитов) приобретает значение *юридического факта*, необходимого для осуществления прав из этого документа; говорят, что права не просто удостоверяются такими документами, а как бы овеществляются в них.

При *невозможности получения* заинтересованным лицом надлежащих документов, заменяющих тот или иной юридический факт или имеющих значение юридического факта, а также при утрате документов, последние могут быть *восстановлены* по правилам о восстановлении документов соответствующего типа. При *невозможности получения или восстановления* утраченных документов удостоверявшиеся ими факты могут быть установлены *в судебном порядке*. Судебное производство по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, является разновидностью так называемого *особого производства* и осуществляется по правилам, установленным ст. 264—268 ГПК и 217—222 АПК. Решение суда по заявлению об установлении факта, имеющего юридическое значение, является документом, *подтверждающим* факт, имеющий юридическое значение, а в отношении факта, подлежащего регистрации, служит *основанием для такой регистрации*, хотя и не заменяет собой документы, выдаваемые органами, осуществляющими регистрацию (ст. 268 ГПК; ч. 2 и 3 ст. 222 АПК). Практическим аспектам проблематики судебного установления юридических фактов уделялось большое внимание в советской юридической литературе.

498. **Преюдициально установленные факты**[94]. Для доказательственных документов весьма важным является их разделение на те, что *имеют преюдициальное значение*, и те, что такового *не имеют*. *Преюдициальным значением* (преюдицией или предрешением) обладают «...вступившие в законную силу судебный приговор или решение, либо административный акт, изданный компетентным органом в установленном порядке, о наличии или отсутствии юридического

Эшений, составляющих содержание так называемых *бездокументарных ценных бумаг* (см. ст. 149 ГК; ст. 28 Закона о рынке ценных бумаг).

*см. § 5 гл. 14

93 Там же. С. 175. Документы презентационной природы, обладающие свойством публичной достоверности, называются *ценными бумагами**. В ряде правовых систем аналогичное значение придается *записям о государственной регистрации прав на недвижимое имущество*, по крайней мере, по истечении весьма краткого срока для их оспаривания.

94 По данной тематике помимо источников, относящихся непосредственно к одной только преюдиции и указанных ниже в разделе «Дополнительная литература», см. также монографии и диссертации ученых-процессуалистов, посвященные судебным решениям в целом, в том числе работы М. Г. Авдюкова, М. А. Гурвича, Н. Б. Зейдер, Н. Н. Миловидова, Д. И. Полумордвинова, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота, а также соответствующие разделы фундаментальных учебников и курсов гражданского процесса.

факта или правоотношения, обязательные для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным»[95]. Фактические обстоятельства, являющиеся предметом преюдициальных документов, принимаются как данность, не подлежащая иному доказыванию, и называются *преюдициально установленными фактами*.

«...Преюдиция является частным случаем презумпции истинности приговора или решения, вступившего в законную силу. ... Преюдициально установленные факты от всех прочих презумптивных фактов отличает, следовательно, максимальная степень достоверности»[96]. О преюдициальном значении *приговоров по уголовным делам* — см. ст. 90 УПК, ч. 4 ст. 61 ГПК, п. 4 ст. 69 АПК; *постановлений и иных судебных актов по делам гражданским* — ч. 2 и 3 ст. 61 ГПК, п. 2 и 3 ст. 69 АПК.

Категория преюдициально установленных фактов признается далеко не всеми законодательствами.

Основное соображение *в пользу* признания этого понятия заключается в стремлении не допустить внутренней содержательной несогласованности судебных актов, разрешающих несколько различных споров, связанных с одними и теми же фактическими обстоятельствами. Реальная действительность одна и, следовательно, различия в ее характеристиках различными судебными актами сами по себе не могут свидетельствовать ни о чем другом, как об ошибочности установления фактических обстоятельств, по крайней мере, одним из них. Нельзя, впрочем, быть уверенным в том, что фактические обстоятельства установлены правильно именно тем судебным актом, что уже вступил в законную силу; следовательно, при признании понятия преюдициально установленных фактов в процессуальном арсенале необходимо иметь еще и такой институт, который позволял бы исправлять фактические ошибки, содержащиеся в судебных актах, вступивших в законную силу. В российском процессуальном праве такой инструмент называется институтом *пересмотра дел по вновь (т.е. новым) открывшимся обстоятельствам*.

Против признания преюдициальной силы судебного акта в отношении обстоятельств реальной действительности *возражают*, основываясь на том соображении, что при рассмотрении каждого последующего дела могут быть получены какие-то новые доказательства и установлены новые обстоятельства, свидетельствующие о неправильном установлении фактических обстоятельств во вступившем в законную силу судебном акте. Возможные расхождения в судебных характеристиках реальной действительности объясняются, следовательно, лишь *ошибочностью их первоначального установления*; отказ от понятия преюдициально установленных фактов способствует, таким образом, *исправлению прежде допущенных судебных ошибок* в рамках *общей судебной процедуры*. На это, впрочем, возражают в том смысле, что никто не может быть гарантирован от ошибки в будущем, т.е. от неосновательного исправления решения, вполне соответствующего действительности.

---

95 *Бабаев В. К.* Указ. соч. С. 33—34.

96 Там же. С. 37. Аналогично см.: *Исаков В. Б.* Фактический состав. С. 91

Думается, что отношение к институту преюдициально установленных обстоятельств во многом предопределяется принятым в обществе взглядом на основную задачу гражданского суда. Если усматривать таковую *в разрешении спора о праве частном* (*гражданском*) *по обстоятельствам, доказанным лицами, участвующими* (*состязающимися*) *в деле*, то вопрос о соответствии этих обстоятельств фактам реальной действительности, а также обстоятельствам, установленным в рамках рассмотрения другого дела, не имеет ровно никакого значения и, следовательно, в институте преюдициально установленных фактов нет никакой необходимости. Если же, напротив, ставить перед судом задачу *установления объективной истины*, то институт преюдициально установленных фактов окажется абсолютно необходимым — они и будут выполнять роль той самой объективной истины, по крайней мере до тех пор, пока не будут опровергнуты в рамках специальной процедуры — пересмотра дела по новым открывшимся обстоятельствам. Если выявленная зависимость правильна, то очевидно, что надобность в институте преюдициально установленных фактов в современных условиях как минимум сомнительна.

499. **Процессуально признанные факты.** Весьма близко к *преюдициально установленным* подходят и *факты, признанные сторонами спора*. Процессуальное признание может касаться одного из следующих предметов: 1) *иска полностью или в части* (ст. 39 ГПК; ч. 3, 5 ст. 49 АПК) или же 2) *отдельных фактических обстоятельств* (ч. 2 и 3 ст. 68 ГПК; ст. 70 АПК).

Признание иска означает признание одного лишь *факта состояния сторон спора в том или ином правоотношении*, но не может расцениваться как признание истинности всех тех сведений и аргументов, которыми соответствующий иск подкреплен.

Признание соглашением сторон спора, достигнутым в судебном заседании или вне его, *тех или иных фактических обстоятельств*, удостоверенное в установленном законом порядке, освобождает сторону, которая на такие обстоятельства ссылается, от необходимости их доказывания (ч. 2 ст. 68 ГПК, ч. 3 ст. 70 АПК), но *не означает признания иска или возражений по их юридическому существу*. Такие обстоятельства «...принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания» и «...не проверяются им в ходе дальнейшего производства по делу» (ч. 2 и 5 ст. 70 АПК). Значение признания, впрочем, для суда не безусловно: он вправе отказаться принять признание любых обстоятельств, если имеет основания полагать, что такое признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела (определенных фактов) или под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения; обстоятельства, составляющие предмет непринятого судом признания, подлежат доказыванию на общих основаниях (ч. 3 ст. 68 ГПК, ч. 4 ст. 70 АПК).

Акт признания иска может быть отвергнут судом, если он противоречит закону или нарушает права и (или) законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК, ч. 5 ст. 49 АПК).

ГЛАВА 17

Правомерные действия

Основная литература

Аболонин Г. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. М., 2009; *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 424—436; То же // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 361—385; То же // Цивилистическая практика. Екатеринбург, 2002. Вып. 5. С. 97—108; *Андреев В. К.* Представительство в гражданском праве. Калинин, 1978; *Белоножкин А. Ю., Филиппов П. М.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград, 2009; *Вавилин Е. В.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей. Саратов, 2008/09 (рецензии см.: Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов, 2008. № 6. С. 184—186; 2009. № 2. С. 230—231); *Вершинин А. П.* Выбор способа защиты гражданских прав. СПб., 2000 (рецензию см.: Правоведение. 2001. № 2. С. 244—247); *Его же.* Способы защиты гражданских прав в суде. СПб., 1997; *Гамбаров Ю. С.* Добровольная и безвозмездная деятельность в чужом интересе вне договорного отношения и не по предписанию закона. Вып. 1 : Общественный интерес в гражданском праве; Вып. 2 : Социологическое основание института negotiorum gestio. М., 1879/80; *Гордон А. О.* Представительство без полномочия. СПб., 1893 (рецензию см.: Вестник права. 1894. Кн. 4. С. 1—4); *Его же.* Представительство в гражданском праве. СПб., 1879 (рецензию см.: Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 1. С. 234—243; Юридический вестник. 1880. № 2. С. 323—353); **Гражданское право и способы его защиты** : сб. уч. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Свердловск, 1974. Вып. 33; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 449—480, 918—956; *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972/1992;

То же // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000/01. С. 19—212 (рецензию см.: Социалистическая законность. 1974. № 1. С. 89—90); *Гримм Д. Д.* Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. СПб., 1900; *Доманжо В. П.* Ответственность за вред, причиненный путем злоупотребления правом // Ученые Записки Казанского университета. 1913. Кн. 1; *Евецкий А. А.* О представительстве при заключении юридических сделок. Харьков, 1878 (рецензию см.: Юридический вестник. 1880. № 8. С. 693—704); *Емельянов В. И.* Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002; *Казанцев Л.* Свободное представительство в римском гражданском праве: Историко-юридическое исследование. Киев, 1884 (рецензию см.: Юридический вестник. 1884. № 5—6. С. 273—275); *Его же.* Учение о представительстве в гражданском праве. Вып. 1 : Понятие представительства. Ярославль, 1878; *Карпов М. С.* Гражданско-правовые меры оперативного воздействия. М., 2004; *Кони А. Ф.* О праве необходимой обороны. М., 1866; То же. М., 1996; *Крашенинников Е. А.* К теории права на иск. Ярославль, 1995; *Его же.* Регламентация защиты гражданских прав в проекте Гражданского кодекса РФ. Ярославль, 1993; *Малиновский А. А.* Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М., 2007; *Мирошникова Н. И.* Механизм осуществления субъективных гражданских прав. Ярославль, 1989; *Невзгодина Е. Л.* Представительство по советскому гражданскому праву. Томск, 1980 (рецензию см.: Правоведение. 1982. № 4. С. 96—98; Советское государство и право. 1983. № 7. С. 147—148); *Нерсесов Н. И.* Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М., 1878; То же // Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. М., 1998/2000/05. С. 24—136; *Осокина Г. Л.* Иск (теория и практика). М., 2000; *Перетерский И. С.* Представительство по ГК РСФСР: Научный комментарий. М., 1929. Вып. XV—XVI; *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 106—120; То же // Закон. 2005. № 5. С. 121—127; *Приходько А. И.* Воспрепятствование разрешению дел в арбитражных судах: Актуальные вопросы судебного правоприменения. М., 2006/08 (рецензию см.: Законодательство. 2007. № 3. С. 82—84); **Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав** : сб. уч. тр. Свердлов. юрид. ин-та. Вып. 27. Свердловск, 1973. *Ровный В. В.* Конкуренция исков в российском гражданском праве. Теоретические проблемы защиты гражданских прав. Иркутск, 1997; *Рясенцев В. А.* Представительство в советском гражданском праве : дис. ... д-ра юрид. наук : в 2 ч. М., 1950; *Свердлык Г. А., Страунинг Э. Л.* Защита и самозащита гражданских прав : учеб. пособие. М., 2002; *Филимонов Д. А., Чорновол Е. П.* Возмещение вреда, причиненного в состоянии крайней

необходимости, по российскому гражданскому праву. Екатеринбург, 2007; *Чечот Д. М.* Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968; *Шерешевский И. В.* Представительство. Поручение и доверенность (комментарий к ст. 38—40 и 251—275 Гражданского кодекса). М., 1925; *Якушев П. А.* Юридические акты и поступки как основания правоотношений. Владимир, 2003.

§ 1. Понятие и виды правомерных действий (п. 500—504)

500. **Определение правомерных действий.** *Правомерными* называются *действия, совершаемые в рамках признаных за частными лицами юридических способностей и возможностей и имеющие* (*по этой причине*) *юридические последствия позитивного характера*, т.е. такие юридические последствия, которые носят *желательный* для лиц, совершивших соответствующие действия, характер. Из данного определения очевидно, что правомерные действия противопоставляются *неправомерным*. Неправомерные действия, подобно правомерным относятся к категории действий *юридических*, т.е. приводящих к юридическим последствиям. Однако юридические последствия неправомерных действий имеют иной, а именно — *негативный*, т.е. *нежелательный* для действующего лица характер.

Именно *желательность* и *нежелательность* (позитив и негатив) *юридических последствий* того или другого действия для совершившего его лица представляют собой внешний критерий правомерности и неправомерности действий. Он — индикатор внутренней сути действий: *нежелательные* для совершившего их лица правовые последствия свидетельствуют о том, что вызвавшее их действие было совершено лицом за рамками своих юридических способностей или возможностей (оказалось *неправовым*, вышло за пределы права); *желательные* — свидетельствуют об обратном, т.е. о том, что вызвавшее их действие было реализацией либо гражданской правоспособности, либо субъективного права, либо иной юридической возможности (не вышло за пределы права). Принято считать, что критерием правомерности и неправомерности является *отсутствие или наличие нарушения действием закона или субъективного права*, но это неправильно, поскольку невозможность точного указания нарушенного субъективного права или (тем паче) нарушенной нормы закона сама по себе не свидетельствует о правомерности действия. Объяснение этому весьма простое: далеко не все частные отношения 1) получают форму субъективных прав и 2) напрямую регулируются законом. Причина оценки того или другого действия как правомерного или неправомерного коренится *в самом этом действии*, а не в его последствиях. Если совершенное действие находится *в рамках при-*

знанных за частным лицом юридических способностей или возможностей, то оно *правомерное*, ибо признав за лицом способность (возможность) совершения этого действия, закон не может отвергнуть его юридические последствия. Если же совершенное действие находится *за рамками юридически способных или возможных*, то оно по понятным причинам должно признаваться действием *неправомерным*.

По критерию своего отношения к положительному закону и чужим субъективным правам действия разделяются на *законные* и *незаконные*. Это — вполне самостоятельная классификация действий, которая не совпадает с их разделением на правомерные и неправомерные, что видно из следующего. От того, совершено то или другое действие в согласии с законом или в пику ему (от того, является ли действие законным или незаконным), зависит, безусловно, *отношение закона* к этому действию и его последствиям; очевидно, что отношение закона к действию, с ним согласному, будет иным, нежели к действию, закону противному. Но в чем же будет проявляться разница? Ясно, что за действием *незаконным* (равно как и за действием, нарушающим чужие субъективные права или умаляющим юридические возможности, относящиеся к разряду иных правовых форм) закон не только не признает тех юридических последствий, которые намечались лицом, действие совершившим, но и, напротив, скорее всего припишет этому действию такие последствия, которые для действующего лица являются в том или другом отношении *неудобными* или *нежелательными*[97]. Напротив, действиям, лежащим в русле постановлений закона (*законным* действиям), закон либо сообщает желательные для действующего лица юридические последствия, либо относится к ним безразлично. Последняя категория действий, как не имеющих юридического значения, нас не интересует; что же касается законных юридических действий, то таковые будут распадаться на две категории: 1) действия, порождающие *те самые последствия, что были намечены действующими лицами*, и 2) действия, порождающие *иные предуказанные законом и желательные для участников* правовые последствия. Действия первого рода называются *юридическими актами*, второго — *правомерными юридическими поступками*.

Легко заметить, что разделению на *правомерные* и *неправомерные* подлежат не все действия вообще, но только *юридически значимые* (*юридические*) действия. Действия, согласные с законом, но юридических последствий не имеющие (сон, ходьба по улицам, прием пищи и т.п.), данной классификации не подвержены. Предметом же классификации на законные и незаконные (объективно соответствующие и не соответствующие закону) могут быть *любые действия*, в том чис-

97 «Скорее всего», но не безусловно. Так, например, что, казалось бы, может быть более незаконным, чем принуждение к совершению сделки посредством обмана, насилия или угрозы (ст. 179 ГК)? Тем не менее негативные последствия со сделкой, совершенной под влиянием подобных обстоятельств, закон свяжет лишь в случае ее успешного судебного оспаривания (признания недействительной); в противном случае (парадокс!) действие *незаконное*, но не нарушающее субъективных прав и охраняемых законом интересов частного лица, совершившего сделку под влиянием принуждения, будет в то же время признаваться *правомерным*. Это — еще один аспект несовпадения разделения действий на законные/незаконные, с одной стороны, и правомерные/неправомерные, с другой.

ле не являющиеся юридическими. Второе (очень важное) отличие состоит в следующем: упрекнуть в нарушении закона можно только то лицо, к которому можно предъявить требование его знания и понимания и нарушение которого, следовательно, можно ему вменить. Иными словами, предметом классификации на законные и незаконные могут быть действия *одних только дееспособных лиц*. Между тем известны случаи, когда гражданское законодательство связывает юридические последствия с действиями, совершенными как дееспособными, так и недееспособными лицами; особенно интересно, что последствия эти могут иметь не только позитивный, но и негативный для действующих лиц характер. Так, возникновение авторского права на художественное произведение, созданное недееспособным лицом, — пример позитивного последствия юридически значимого действия; ничтожность сделок недееспособных лиц и возврат всего, по ним полученного, в том числе самими этими недееспособными лицами (ст. 171 и 172 ГК) — пример негативных последствий действий недееспособных лиц.

Позитив и негатив юридических последствий — понятия не относительные (субъективные), но абсолютные (объективные). Об этом очень важно помнить при квалификации некоторых юридических поступков. Рассмотрим следующий пример: некто нашел на улице золотые часы и завладел находкой, полагая, что *в результате такого завладения* находка поступит в его собственность. Данное мнение является ошибочным: нормы ст. 227—229 ГК позволяют приобрести данную вещь в собственность лишь при условии совершения нашедшим ее лицом такого действия, как *надлежащее заявление* о находке; впредь до объявления собственника нашедший вещь обязан также ее *хранить* либо *сдать на хранение* подлежащему лицу. В совокупности с истечением шестимесячного срока с момента заявления о находке завладение, заявление и хранение должны образовать сложный юридический состав, который и приведет к приобретению права собственности на часы *как на находку*. Не будучи осведомленным обо всех этих обстоятельствах лицо, нашедшее часы, ничего подобного не совершает, но и факта находки не утаивает, словом, начинает *владеть найденной вещью*. С истечением установленных законом сроков владения — исковой (три года) и приобретательной (пять лет) давности — данное лицо станет собственником найденной вещи, хотя и *не как находки*, а по другому, предусмотренному законом основанию (ст. 234 ГК). Как следует в данной ситуации квалифицировать *завладение* находкой? Если согласиться с тем, что оно является начальным моментом для отсчета срока давностного владения, то таковое есть действие *правомерное*, ибо владение, годное для давности, — последствие позитивное (хотя и не настолько, насколько позитивно последствие, намечавшееся завладевшим, — приобретение права собственности). Является ли *бездействие лица, нашедшего вещь* (отсутствие с его стороны надлежащего заявления о находке), неправомерным действием? Нам представляется, что нет, поскольку никаких *невыгодных* юридических последствий для нашедшего вещь лица с этим бездействием не связывается; впрочем, выгодных последствий здесь не наступает тоже, а потому правильно вести речь о действии, не имеющем юридического значения.

501. **Юридические акты и правомерные юридические поступки**. Из схемы, приведенной выше*, ясно, что существуют *три* вида правомерных действий — один вид юридических актов и два вида юридических поступков. *Юридические акты* представляют собой такие *действия, которые, будучи совершенными частными лицами в рамках признанных за ними юридических способностей и возможностей по автономной правовой регламентации общественных отношений, направляются ими на достижение юридического результата и при этом встречают сочувствие* (*позитивное к себе отношение*) *со стороны норм объективного права*. Объективное право как бы освящает намеченный ими правовой результат и оказывает покровительство его достижению, признавая *юридически обязательный* (*правовой*) *характер* автономной регламентации общественных отношений, которая явилась следствием таких действий. Что же касается *правомерных юридических поступков*, то к их числу относятся *действия, юридические последствия которых хотя и определяются объективным правом самостоятельно* (т.е. независимо от того намерения, которое преследовали лица, совершающие эти действия), *но при этом имеют позитивное* (для действующих лиц) *содержание*. Дальнейшее разделение правомерных юридических поступков на два вида обусловлено различным отношением положительного права к юридическим намерениям действующих лиц: для одних поступков такое намерение является существенным элементом, отсутствие которого не позволяет говорить о самом поступке, для других — нет.

*п. 484

Сказанное четко отличает юридические акты от юридических поступков по двум следующим параметрам.

1) В отличие от юридических актов, которые имеют, что называется, по самому своему определению *только позитивные* (намеченные действующими лицами) *правовые последствия*, и, следовательно, могут быть *только правомерными*, последствия юридических поступков могут иметь для совершивших их лиц не только позитивное (желательное), но и негативное (нежелательное) содержание. Это значит, что сами юридические поступки могут быть *как правомерными так и неправомерными* действиями. В настоящей и четырех последующих главах нас будут интересовать 1) *юридические акты* и 2) *правомерные юридические поступки*; рассмотрению неправомерных юридических поступков (обычно называемых неправомерными действиями) будет посвящена гл. 22 (предпоследняя в Общей части Учебника).

2) В отличие от юридических актов, последствиям которых, намеченным сторонами, объективное право покровительствует, *юридические поступки представляют собой такие действия, намеченные правовые последствия которых объективное право может не только игнорировать, но и вовсе не анализировать*. Практически это означает, что под категорию юридических поступков подходят не только те действия, что *направлены* на достижение гражданско-правовых последствий, но и *действия, которые юридической направленности и во-*

все не имеют. Объективное право наделяет их юридическими последствиями исходя не из желаний и устремлений действующих частных лиц, а из своих собственных, только ему одному известных (социальных, публичных) соображений; впрочем, сказанное не означает, что объективное право может считать юридическими поступками только последние — не имеющие юридической направленности — действия.

Практическая разница между двумя этими группами юридических поступков следующая. Действия, которые признаются юридическими поступками лишь при условии наличия у них таких внешних признаков, которые позволяют заключить об их направленности на гражданско-правовые последствия, могут быть совершены, ясное дело, *только дееспособными лицами*. Таковы, к примеру, исполнение и нарушение обязательства. Напротив, юридические поступки, правовая направленность которых для объективного права *вовсе безразлична* (не анализируется им), могут быть совершены любыми лицами — субъектами гражданского права (независимо от наличия у них дееспособности). Таковы, например, завладение предметом находки или клада, создание вещей или произведений-объектов исключительных прав.

Весьма своеобразны такие действия, как *ничтожные сделки*: будучи юридическими поступками, относящимися к разряду *неправомерных* (создающих нежелательные для их участников последствия) действий, одни из них *требуют дееспособности* участвующих в них лиц, а другие *нет*, причем, последнее условие входит в само понятие недействительной сделки (см. ст. 171 и 172 ГК).

Правомерные юридические поступки чрезвычайно разнообразны. В их число входят, в частности, создание новой или переработка существующей вещи *для себя*; создание произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности; отделение плодов от вещи; оккупация; заявление о находке или ее возврат; задержание и содержание безнадзорных животных; исполнение обязательства; обоснованный односторонний отказ от исполнения обязательства; действие в чужом интересе без поручения, спасание имущества или людей и многие другие подобные действия. Это их качество — многочисленность и широкое содержательное разнообразие — крайне затрудняет не только выработку единого, общего для всех них наименования, но и построение общего учения о таковых[98]. Среди неправомерных юридических поступков традиционно различают *нарушения обязательств, причинение вреда* (*деликт*), *неосновательное обогащение, нарушения норм публичного права* (занятие деятельностью, подлежащей лицензированию, без лицензии, самовольная постройка, самоуправное занятие жилого помещения, административные правонарушения, преступления и т.п.); иногда в их число включают *злоупотребление правом*, еще реже — *злоупотребление властью или служебным положением*. Это — не классификация, а случайное вычленение отдельных, наиболее традиционных в практике и разработанных в науке категорий неправомерных юридических поступков.

---

98 Попытку классификации юридических поступков см.: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 157.

502. **Сферы влияния правомерных действий.** Великое разнообразие правомерных действий делает чрезвычайно непростыми любые попытки их систематизации. Одни действия приводят к *установлению* новых, прежде не существовавших гражданских правоотношений; другие — к *изменению* или *прекращению* гражданских правоотношений; третьи — к *перемене лиц — участников* правоотношений; четвертые — к *реализации* правоотношений (осуществлению субъективных гражданских прав и исполнению обязанностей); пятые — к *реализации* иных юридических возможностей (таковы действия в рамках секундарных прав, правовых рефлексов, ограничений чужих прав и др.); шестые — к *защите* нарушенных прав и т.д. В одну общую категорию — категорию правомерных действий — все эти многочисленные деяния объединяются благодаря своему совершению под эгидой *реализации различных гражданско-правовых форм*. Практически это означает, что основой для классификации правомерных действий должна стать классификация гражданско-правовых форм*; ее критерием — сами реализуемые гражданско-правовые формы (предмет влияния правомерных действий).

*см. п. 167

В соответствии со сказанным правомерные действия следует разделить на следующие две большие группы: 1) правомерные действия, направленные на реализацию *гражданской правосубъектности* и вообще абстрактных гражданско-правовых форм; 2) правомерные действия, предметом которых являются *уже существующие* (*возникшие*) *конкретные гражданско-правовые формы* (в первую очередь субъективные права и юридические обязанности).

Правомерные действия, направленные на реализацию гражданской правосубъектности, устоявшегося особого терминологического обозначения не имеют; изредка их называют *правопорождающими* и *правообразующими действиями*.

Правомерные действия второго типа — действия, направленные на распоряжение существующими субъективными правами и обязанностями, на их динамику, прекращение, реализацию, охрану и защиту, — принято называть действиями *распорядительными*. Следует, впрочем, помнить, что о распоряжении правами говорят еще и в узком смысле, обозначая данным словом лишь *действия, направленные на перемену управомоченного или обязанного субъекта*.

503. **Осуществление, исполнение, охрана, защита.** Учение о правомерных действиях получило свое наиболее полное и законченное оформление применительно к действиям распорядительного свойства, т.е. действиям, которые имеют своим предметом уже сложившиеся (существующие) *гражданские правоотношения*. В хронологической последовательности различают правомерные распорядительные действия, направленные на 1) *осуществление* субъективного права; 2) *исполнение* гражданско-правовой обязанности; 3) *предупреждение* нарушения — *охрану* субъективного гражданского права, а также

на 4) *пресечение* происходящего и *устранение* последствий состоявшегося гражданского правонарушения — *защиту* субъективного гражданского права. Учение о действиях по осуществлению субъективных гражданских прав, по-видимому, в большей своей части может быть применено и к действиям, 1) направленным на реализацию секундарных прав, и к действиям, 2) совершаемым в рамках ограничений, обременений и рефлексов. Учение о защите субъективных гражданских прав имеет непосредственное приложение к действиям, направленным на реализацию охраняемых законом интересов.

Действия по реализации гражданской правосубъектности могут быть наилучшим образом препарированы инструментарием учений о дееспособности и представительстве — понятиях, предполагающих совершение действий по реализации гражданской правоспособности. Вообще, использование возможностей, входящих в состав правоспособности управомоченного лица и имеющих своим предметом то или иное субъективное право, т.е. возможностей приобретать и иметь это право, осуществлять его, определять его юридическую судьбу (изменять и прекращать его, а также распоряжаться им), охранять и защищать и есть ни что иное, как реализация гражданской правосубъектности. Соответственно, разбирая вопросы осуществления прав и исполнения обязанностей, а также вопросы охраны и защиты субъективных прав, мы тем самым невольно разбираем и большую часть проблематики, связанной с реализацией гражданской правосубъектности; неохваченными остаются только процессы и правила совершения действий, приводящих к возникновению прав и обязанностей, а также действий по их изменению и прекращению, иных, чем осуществление (исполнение) и защита и, наконец, действий по распоряжению таковыми в собственном смысле слова.

Осуществлением права называется совершение правомерных юридических действий, содержательно соответствующих тем правомочиям, которые составляют соответствующее субъективное право. Осуществление *субъективного* права теснейшим образом связано с *исполнением* корреспондирующей ему *юридической обязанности* — совершением пассивным субъектом правоотношения действий, составляющих содержание такой обязанности. Осуществление субъективного права в совокупности с исполнением обеспечивающей его обязанности предполагает двуединый процесс нормального существования и реализации гражданского правоотношения.

Органической частью процесса осуществления субъективного права является принятие мер, направленных на предупреждение их нарушения — *мер гражданско-правовой охраны*. Образование данного понятия является следствием не столько научно-юридической потребности, сколько чистой логики, не позволяющей, конечно, объединять в рамках единого понятия цель (беспрепятственное осуществление права) со средствами своего достижения (мерами, предупреждающими правонарушения и способствующими тем самым беспрепятственному осуществлению права); вероятно, известную роль в выделении понятий об охране субъективных прав и мерах та-

кой охраны сыграло также установившееся в цивилистике специфическое представление о *защите* гражданских прав (см. об этом понятии далее)[99].

Под *защитой гражданских прав* следует понимать совершение управомоченным лицом либо носителем охраняемого законом интереса правомерных действий, направленных на пресечение наличествующего правонарушения, предотвращение наступления или минимизацию его вредоносных последствий, а также на восстановление уже нарушенного субъективного права и (или) законного интереса. Возможность защиты субъективного права возникает в момент *гражданского правонарушения* и реализуется в рамках самостоятельного субъективного гражданского права — права на защиту; утверждение о том, что возможность защиты входит в содержание всякого субъективного права в качестве правомочия, не подтверждается*.

*см. п. 222

К *защите субъективных прав* тесно примыкает процесс *реализации охраняемых законом интересов*. Так, иском о понуждении к исполнению обязательства в натуре защищается интерес кредитора в получении надлежащего исполнения обязательства и, следовательно, право требования такового. Данный иск становится *средством защиты* обязательственного субъективного права (требования). Но иском о возмещении убытков, причиненных уничтожением имущества, реализуется *охраняемый законом интерес бывшего собственника в восстановлении положения, существовавшего до нарушения его права собственности*, а вовсе не это последнее, как принято думать, ибо с уничтожением своего объекта право собственности попросту прекратилось и защищать уже нечего. Обобщенно говоря, и защита прав, и реализация охраняемых законом интересов происходят в рамках охранительных гражданских правоотношений[100]. На этом сходство заканчивается. Наличие нарушенного субъективного права отодвигает на второй план реализацию охраняемого законом интереса; напротив, отсутствие субъективного права, на нарушение которого можно было бы указать, является сигналом к поиску интереса, в данной ситуации охраняемого законом.

504. **Правомерные действия на свой и чужой счет.** Подавляющее большинство правомерных действийсовершаются в рамках реализации гражданско-правовых возможностей *самого действующего лица*, т.е. его собственными силами и на его счет (риск). В этом — одно из проявлений принципа автономии воли частного лица — ключевого принципа гражданского права, согласно которому осуществление гражданских прав составляет *исключительную прерогативу тех част-*

---

99 Иногда понятие гражданско-правовой охраны распространяют на все стадии существования правоотношения, т.е. придают термину «охрана» чрезвычайно широкое значение, обозначая им как собственно осуществление, так и защиту субъективного права. Необходимость создания *такого* понятия нуждается в специальном обосновании, без которого подобное словоупотребление не может быть поддержано.

100 Это означает, что как защита права, так и реализация охраняемого законом интереса осуществляются с использованием идентичных гражданско-правовых средств — исков.

ных лиц, которым соответствующие права принадлежат (абз. 1 п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 9 ГК). То же самое можно сказать не только об осуществлении прав, но и обо всех иных юридически значимых действиях, т.е. *обо всех формах и способах реализации гражданской правосубъектности* — сферы, неприкосновенной для произвольного постороннего вмешательства. В дальнейшем, говоря об осуществлении прав, исполнении обязанностей и вообще реализации гражданской правосубъектности, мы будем иметь в виду (если специально не оговорим иного) действия, совершаемые в отношении *собственных* прав, обязанностей и правосубъектности. Вместе с тем гражданским отношениям известны ситуации, в которых частные лица совершают юридические *действия, непосредственно влияющие на чужую частноправовую сферу*, т.е. *действия, приводящие не только к улучшению, но и к отягощению гражданско-правового положения других частных лиц.*

В рамках учения об осуществлении гражданских прав традиционно рассматриваются 1) общие правила и принципы совершения данных действий, а также 2) институт представительства. Последний, будучи, несомненно, гражданско-правовой формой вмешательства в чужую частную сферу, не исчерпывает собой всех случаев осуществления чужих прав и реализации чужой правосубъектности. Наряду с 1) *собственно представителями*, действующими не только на счет, но и на имя представляемого, в чужую правовую сферу вторгаются действия 2) *законных представителей*; 3) *граждан, занимающих должности в органах юридических лиц*, граждан, являющихся *работниками* физических и юридических лиц и, наконец, *лиц, на которых было возложено исполнение обязательства*; 4) *брокеров и дилеров* (маклеров), *экспедиторов, комиссионеров, агентов* и *управляющих* (физических лиц и организаций), в том числе арбитражных и доверительных управляющих, а также *обладателей прав хозяйственного ведения и оперативного управления*, словом, лиц, работающих с чужим имуществом по договору или иному частноправовому основанию; 5) *государственных и муниципальных органов*; 6) лиц, действующих в чужом интересе без специального о том поручения — *гесторов*[101].

Юридические действия всех перечисленных лиц объединяет то, что предметом их влияния становится *чужая правовая сфера* (правосубъектность, субъективные права и обязанности лица, иного, чем действующий субъект). В то время как действия по реализации частным лицом своей собственной правосубъектности всегда совершаются *от своего имени*, действия второго рода — т.е. направленные на реализацию чужой правосубъектности — могут совершаться по-разному: как *от чужого имени*, т.е. от имени лица, на чей счет (и риск) совершается действие (именно так действуют органы и работники юридических лиц, лица, привлеченные к исполнению обязательств,

101 Мыслимы также случаи незаконной реализации чужой гражданской правосубъектности, например осуществление права собственности на краденую вещь или получение недолжного по подложным документам — таковые будут обсуждаться в главе о неправомерных действиях.

государственные и муниципальные органы, законные и договорные представители (в том числе биржевые брокеры), а также (иногда) экспедиторы и агенты), так и *от собственного имени действующего лица* (дилеры, комиссионеры, управляющие, большинство экспедиторов и агентов). Правовое положение гестора может быть двойственным: до тех пор, пока его действия не одобрены тем лицом, в интересе и на счет которого они совершаются, таковые следует считать совершенными от его собственного имени; после же получения такого одобрения, а также в случае совершения им таких действий, которые одобрения не требуют (см. п. 2 ст. 983 ГК), действия следует считать совершенными не только на чужой счет, но и на чужое имя. В первом случае (при действиях, совершаемых не только на чужой счет, но и на чужое имя) считать правовые последствия возникшими непосредственно для лица, чья правосубъектность стала предметом реализации, вправе *всякий и каждый*; во втором случае (т.е. при действиях только на чужой счет, но от собственного имени действующего лица) — *только само действовавшее лицо*, т.е. субъект, реализовавший (по чужому поручению или без такового) чужую правосубъектность. Это, впрочем, не исключает возможности ограничить ответственность действующего на чужой счет лица *только известным имуществом* — как правило, тем, которое было специально выделено для исполнения соответствующих поручений или управления им — *принадлежащим лицу — носителю реализуемой правосубъектности.*

§ 2. Осуществление прав и исполнение обязанностей, в том числе распоряжение ими (п. 505—512)

505. **Общий обзор проблематики.** *Осуществление права* было определено выше* как *процесс совершения правомерных юридических действий, содержательно соответствующих тем правомочиям, которые составляют осуществляемое субъективное право.* Коротко: осуществление права — это *реализация возможностей, заключенных в содержании осуществляемого права*[102].

*см. п. 503

Исследование феномена осуществления субъективного права обыкновенно открывается указанием на чрезвычайную важность такого осуществления. Спорить с этим почти невозможно: субъективное право *само по себе*, не будучи осуществленным, как правило, не имеет большого смысла. В связи с этим говоря об осуществлении субъективных прав, особое внимание уделяют такому его необходимому условию, как *обеспечение исполнения корреспондирующей субъективному праву юридической обязанности*, в том числе понятию исполнения юридической обязанности и требованиям, предъявляемым к такому исполнению, а также вопросам действий управомоченного лица, направленных

102 См.: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 520.

на стимулирование обязанного лица к такому исполнению, на предупреждение нарушения обязанности и на пресечение правонарушения.

Обыкновенно указывают далее, что *осуществление права* может происходить только путем совершения правомерных действий (что абсолютно верно), причем, действия эти могут иметь *не только юридический*, но и *фактический* характер. Последняя часть утверждения может быть признана точной только при условии отождествления понятий о правомерных и законных действиях. С нашей же точки зрения (т.е. при разделении действий на правомерные и неправомерные по критерию тех последствий, которые приписываются действиям положительным правом), действия по осуществлению прав могут быть *только юридическими*. Даже действия по осуществлению, к примеру, права собственности, выражающиеся во владении и пользовании собственником принадлежащими ему вещами, следует признавать *юридическими*, ибо таковые имеют вполне осязаемые гражданско-правовые последствия — возможность присвоения извлеченных из вещей полезных свойств, в том числе имеющих форму самостоятельных вещей (продукции или плодов).

Наиболее разработанной частью проблематики осуществления гражданских прав является учение о *принципах* и *пределах* такого осуществления, в том числе в варианте теории так называемого *злоупотребления правом*. Действительно, как осуществление гражданских прав, так и исполнение корреспондирующих им юридических обязанностей (а равно и реализация гражданской правосубъектности в целом) должны происходить в соответствии с теми принципами, на которых строятся и регулируются все вообще фактические отношения, составляющие предмет частного гражданского права, т.е. в соответствии с *принципами частноправовых отношений*[*]. Как мы помним, в их число входят принципы (1) *юридического равенства*; (2) *автономии воли* и (3) *имущественной самостоятельности* частных лиц. Гражданское законодательство, исходящее из необходимости признания и защиты этих принципов и детализировавшее их в п. 1 ст. 1 ГК, в частности, постановило, что гражданские права приобретаются и осуществляются частными лицами *свободно, своей волей* (*властью*) *и в своем интересе* (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК), или (иначе) *по своему усмотрению* (п. 1 ст. 9). Эти принципы уже были предметом подробного рассмотрения в первом томе Общей части настоящего Учебника; подвергать их повторному рассмотрению здесь, применительно к действиям по осуществлению прав, большого смысла нет.

[*] см. п. 18 и 19

Соответственно сказанному, основное внимание в настоящем параграфе будет сосредоточено на *специальных требованиях* к процессу осуществления прав, которые в рамках общих положений не обсуждались, а также на понятиях пределов осуществления прав и злоупотребления таковыми. Думается, что положения настоящего параграфа в полной мере могут быть отнесены не только к собственно осуществлению прав в тесном смысле слова, но и к распоряжению ими, поскольку «распоряжение правом посредством договора или односторонней сделки также является осуществлением соответствующего права»[103]. Случаи, когда те или иные принципиальные

103 *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. М., 2002. С. 364.

положения, характеризующие процесс осуществления прав, относятся (или, напротив, ни в коем случае не могут быть отнесены) также и к процессам исполнения обязанностей либо реализации юридических возможностей, не являющихся субъективными правами, будут нами специально оговариваться.

506. **Существо исполнения юридических обязанностей и требования, предъявляемые к такому исполнению.** *Исполнение юридической обязанности* — это совершение обязанным лицом определенного действия, составляющего содержание соответствующей обязанности, либо воздержание от совершения определенного действия. Будучи лишь одной из форм обеспечения гражданских прав (наряду с принципами неприкосновенности правоспособности и неприкосновенности гражданских прав, а также с состоянием неправа (бесправия)), юридическая обязанность отличается от них, в первую очередь, определенностью содержания. Предметом обязанности всегда является *определенное* действие, либо воздержание от *определенного* действия. Именно по этой причине для обеспечения интереса управомоченного чрезвычайно важное значение приобретают те *характеристики*, которым будет отвечать исполнение обязанности — совершение действия или воздержание от него.

Учения о принципах исполнения *юридических обязанностей вообще* в науке не разработано; существующее учение об исполнении обязанностей касается, главным образом, *обязанностей, обеспечивающих обязательственные права* (требования). Оно вполне может быть распространено и на все иные гражданские правоотношения.

Общим правилом, характеризующим всякие действия обязанных лиц, должно считаться правило об их совершении *надлежащим образом*. Это означает, что *действия, совершаемые во исполнение юридической обязанности, должны приводить к удовлетворению интереса управомоченного лица*. Разумеется, обязанному лицу тяжело судить, насколько его действие в конкретном случае удовлетворило конкретного управомоченного субъекта; ясно, что в такой ситуации недобросовестный управомоченный смог бы требовать нового и нового исполнения обязанности, ссылаясь на то, что прежнее его не удовлетворяет. В целях создания определенности в вопросе о том, исполнена ли обязанность надлежащим образом, законодательство, обычное право, а также договорные условия определяют те *внешне видимые требования*, которым должно соответствовать исполнение всякой юридической обязанности. С некоторой долей условности можно сказать, что все они могут быть сведены к семи классическим вопросам римских юристов: Quis? Quid? Ubi? Quibas auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? — Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?

1. **Кто? С чьей помощью? (и Кому?)** — ст. 312, 313, 402, 403 ГК. Исполнение обязанности должно быть произведено *надлежащим лицом* (самим носителем обязанности, либо иным лицом, прежде всего тем, на которое обязанным субъектом было возложено исполнение по пра-

вилам п. 1 ст. 313 ГК) и *надлежащему же лицу* (добросовестный и разумный должник непременно должен проверить, принимается ли исполнение самим кредитором или управомоченным на это лицом).

2. **Что?** и **Для чего?** — ст. 310, 317, 394, п. 2 ст. 467, п. 2 ст. 469 и другие статьи ГК. Исполнение обязанности должно быть произведено *в отношении надлежащего объекта*. Так, если содержанием обязанности является передача определенной вещи, должна состояться передача *именно этой вещи*, а не какой-либо другой. Если предметом обязанности является передача определенного количества однородных вещей, то должник обязан передать именно это количество вещей. К вещам, подлежащим передаче, договором могут быть предусмотрены требования по качеству, ассортименту, комплектности, таре, упаковке и др. Если такие требования не предусмотрены договором, то подлежат передаче вещи с такими характеристиками, которые делают их пригодными *для использования в определенных, известных должнику целях*. Возможности должника по выбору подлежащей передаче вещи (ст. 320), ее замене другой вещью или вещами (ст. 409) должны быть прямо оговорены его соглашением с управомоченным лицом. Характеризуемое здесь требование к исполнению обязанности называется принципом *реального исполнения*. Будучи нарушенным, требование реального исполнения может быть защищено не только *иском о возмещении убытков*, но и *иском о понуждении к исполнению обязанности в натуре*.

3. **Каким образом?** Исполнение обязанностей должно производиться *надлежащим способом*. Под способом исполнения обязанности понимается *характер действий*, которые должны быть совершены для исполнения обязанности, и порядок совершения этих действий. Некоторые обязанности могут исполняться только единовременно и целиком (передача неделимой вещи), а другие могут быть совершаемы периодически и по отношению к частям предмета обязанности (поставка крупной партии товара, требующего больших площадей для хранения или большого числа транспортных средств для выборки и доставки). Изменение способа исполнения обязанности требует соглашения об этом между участниками соответствующего относительного правоотношения (см. об этом, в частности, ст. 311 ГК).

4. **Когда?** — ст. 314, 315, 405 ГК. Исполнение обязанности должно быть произведено *в срок*, т.е. *своевременно* или *ко времени* — не ранее наступления срока, но и без просрочки. Обязанность, срок исполнения которой не предусмотрен, должна быть исполнена в разумный срок после ее возникновения. Обязанность, не исполненную в разумный срок, а равно обязанность, срок исполнения которой определен моментом востребования, следует исполнить, по общему правилу, в семидневный срок со дня предъявления кредитором требования о ее исполнении. Обязанность исполнения в другой срок может быть установлена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства, обычаями делового оборота или вытекать из существа правоотношения.

5. **Где?** — ст. 316 ГК. Исполнение обязанности должно состояться *в надлежащем месте*, должно быть произведено *к месту*, т.е. исполнение должно быть доставлено в такое место, в котором кредитор имеет возможность исполнить кредиторские обязанности, принять

исполнение и оформить таковое. Если место исполнения обязанности не определено соглашением сторон, то исполнение должно быть произведено, по общему правилу, *в месте жительства* (*месте нахождения*) *обязанного лица*. Исполнение *денежных* обязательств осуществляется, напротив, *в месте нахождения управомоченного*, обязательств передачи недвижимого имущества — в месте нахождения такового имущества, обязательств передать товар — в месте его изготовления или хранения, а с условием перевозки — в месте сдачи имущества первому перевозчику.

507. **Отказ от осуществления права, от самого права и от исполнения обязанности.** Необходимо различать отказ *от осуществления права* и отказ *от самого права*. Тот факт, что то или иное лицо не осуществляет принадлежащего ему субъективного гражданского права, сам по себе еще не означает, что это право ему не нужно; следовательно, отказ от осуществления субъективного гражданского права (выраженный ли прямо или в одних только фактических действиях правообладателя — безразлично) *не влечет прекращения этого права*, за исключением случаев, предусмотренных законом (п. 2 ст. 9 ГК). По сути это правило представляет собой логичное продолжение принципа свободы в осуществлении прав: нежелание управомоченного осуществлять право *сейчас* (в этом месте, в данных условиях и т.д.) вовсе не свидетельствует о его нежелании осуществить таковое *вообще* (в другое время, в другом месте, в иных условиях и т.д.), а значит — не свидетельствует и о намерении прекратить и самое существование права. Намерение отказаться от *самого права* (а не от его осуществления) должно быть прямо выражено управомоченным; его формой могут быть акты предоставления отступного (ст. 409 ГК), зачета требования (ст. 410–412) и прощения долга (ст. 415), договоры (соглашения) о прекращении обязательств, в частности путем новации (ст. 414) или дарения (ст. 572), и, наконец, договоры о перемене лиц — обладателей субъективных прав, в том числе купли-продажи, мены, дарения и др. (изменяют обладателей права собственности), уступки требования и перевода долгов (изменяют носителей обязательственных прав и обязанностей), уступки исключительных прав и др.

Все сказанное в полной мере относится ко всем вообще юридическим способностям и возможностям, в том числе элементам гражданской правоспособности, секундарным правам, полномочиям, возможностям рефлексивного происхождения, возможностям действия в рамках ограничений и обременений чужих прав, в рамках реализации охраняемых законом интересов и т.д. *Свободное частное усмотрение* — вот фактор, в полной мере предопределяющий пределы реализации этих возможностей и способностей. Тот факт, что некий гражданин в течение всей жизни не приобрел в собственность ни одного дома или автомобиля, не взял ни одного кредита или не заложил ни одной вещи, не стал ни акционером, ни индивидуальным

предпринимателем, вовсе не означает, что из состава его гражданской правоспособности можно было бы изъять (следовало бы исключить) «за ненадобностью» правомочия, позволяющие ему соответствующие права и обязанности приобретать. Быть может, в определенных условиях (с определенной точки зрения) подобное бездействие могло бы считаться не вполне рациональным: действительно, не пользоваться имеющимися возможностями и способностями неразумно. Тем не менее гражданское законодательство ставит в этом вопросе во главу угла частную волю и частный интерес, предоставляя дело реализации юридических способностей и возможностей частного лица его *свободному усмотрению*. Если в какой-то конкретной ситуации сделанный частным лицом выбор в пользу юридического действия или бездействия окажется ошибочным, то именно сделавшее этот выбор частное лицо должно будет принять на себя все невыгодные последствия собственной ошибки. Это соображение является основанием для законного присвоения частным лицом всяких доходов и вообще полезных эффектов правильного выбора.

Что же касается возможности одностороннего отказа обязанного лица от исполнения лежащей на нем юридической обязанности, тем паче — от самой этой обязанности, то таковую, в свете принципа неприкосновенности гражданских прав, *никак нельзя признать допустимой*. Данный вывод закреплен применительно к обязательственно-правовым обязанностям ст. 310 ГК, постановляющей, что *односторонний отказ от исполнения обязанности или одностороннее изменение ее условий не допускаются*. Исключения из этого принципа могут быть установлены только законом, а для правоотношений между профессиональными предпринимателями — также и их договорами между собой.

508. **Разумность юридических действий.** Действия, совершаемые во имя осуществления субъективных гражданских прав и в ходе исполнения юридических обязанностей, должны быть *разумными* (рациональными). В законодательстве понятие разумности не расшифровывается; в учебной литературе под разумностью предлагается понимать «...осмысленность (рациональность), логичность и целесообразность ... поведения»[104] субъекта в конкретных социально-экономических условиях. Ясно, что подобные характеристики не привносят в данное понятие большей определенности и сохраняют его в целом оценочный характер. Вопрос разумности — вопрос обстоятельств каждого конкретного случая. Одно и то же с содержательной точки зрения действие может получить качественно различную оценку: в одних условиях оно может быть расценено как разумное, в других — как неразумное. *Разумность не доказывается* — она всегда служит предметом предположения (презумпции). Лицо, ссылающееся на чью-то неразумность, обязано доказать свое утверждение, т.е. привести факты, свидетельствующие о нерациональности, нелогичности или нецелесообразности поведения контрагента.

104 См.: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 531.

*см. п. 506

Неразумное исполнение гражданско-правовых обязанностей является поводом к упреку в их *ненадлежащем исполнении* (см. нормы ГК, цитированные выше*). Неразумная реализация субъективных гражданских прав может стать в случаях, предусмотренных законом, основанием для *отказа в их судебной защите* (п. 3 ст. 10 ГК). Сам ГК таких случаев не предусматривает; более того, к понятию о «разумности» и «разумном» он почти не отсылает[105]. Есть, впрочем, новый п. 5 ст. 10 Кодекса, оставляющий впечатление того, что разумными должны быть *любые* действия частных лиц — тем же из них, кто не смог «объясниться» перед судом на предмет этой самой разумности, «светит» пресловутая «десятая статья». К основным началам частного права такой подход имеет мало касательства — никто не обязан объяснять, почему он совершил те или иные действия и доказывать их разумность — но ... но вот сложилось так, как сложилось. Большинство же конкретных норм Кодекса, пользующихся данными терминами, связано с понятием о *разумном сроке*, устанавливаемом не для осуществления прав, а для исполнения обязанностей и совершения действий, входящих в сферу рисков или обременений, а также с понятием *разумных мер*, подлежащих принятию во имя реализации рисков и обременений. Это означает, что даже те нормы ГК, что поминают о разумности, к реализации принципа, установленного п. 3 ст. 10 ГК, отношения по идее иметь не должны, а это, в свою очередь, служит еще одним (косвенным, правда) свидетельством в пользу предположения о том, что *отказ в судебной защите может последовать в отношении абсолютно любого неразумно осуществлявшегося (или не осуществлявшегося) гражданского субъективного права.*

Арбитражная практика полагает, что отказ в судебной защите права по мотиву его неразумного осуществления или неосуществления возможен как в форме *отказа истцу в иске*, так и в форме *непринятия судом эксцепции или репликации ответчика* (см. случай, описанный в п. 7 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127); больше того, такой отказ возможен и в случае неразумного осуществления (неосуществления) не только *собственно субъективных прав*, но и *элементов гражданской правоспособности* (там же); такой подход позволяет упрекнуть лицо, в частности, в неразумном приобретении или неразумном прекращении субъективного права, а также в неразумном возложении (принятии) на себя обязанности. Думается, что столь расширительное толкование ст. 10 ГК — толкование ее в том смысле, что суд может отказаться защищать все то, что ему показа-

105 Исключения см. в п. 3 ст. 53, п. 2 ст. 72, п. 2 ст. 76, п. 2 ст. 314, п. 2 ст. 345, п. 2 ст. 375, 397, п. 1 ст. 399, п. 1 ст. 404, п. 2 ст. 428, п. 1 ст. 451, 464, п. 2 ст. 466, п. 4 и 5 ст. 468, п. 1 ст. 470, п. 1 ст. 475, п. 2 ст. 477, п. 1, 2 ст. 480, п. 1 ст. 483, п. 3 ст. 495, п. 3 ст. 499, п. 2 ст. 510, п. 2 ст. 514, п. 2 ст. 515, п. 2 ст. 518, п. 2 ст. 519, п. 1 ст. 520, п. 1—3 ст. 524, п. 3 ст. 530, п. 3 ст. 602, п. 3 ст. 610, п. 1 ст. 616, ч. 1, 3 ст. 619, ч. 1 ст. 620, п. 1 ст. 621, ч. 2 ст. 662, п. 2 ст. 668, п. 3 ст. 715, п. 2, 3 ст. 716, п. 4 ст. 720, п. 1 ст. 721, п. 1, 3 ст. 723, п. 2 ст. 724, п. 1 ст. 737, 738, п. 4 ст. 744, п. 1 ст. 750, п. 4 ст. 755, 792, 806, п. 2 ст. 830, п. 2 ст. 864, п. 2 ст. 876, п. 1 ст. 888, п. 3 ст. 889, п. 1, 3 ст. 962, п. 2, 3 ст. 973, п. 1 ст. 981, п. 1, 3 ст. 995, п. 2 ст. 1021, п. 2 ст. 1101, п. 4 ст. 1127, п. 3 ст. 1191, п. 5 ст. 1244, п. 3 ст. 1252, п. 1 ст. 1268, п. 1 ст. 1323 ГК.

лось неразумным — нерациональным, необоснованным, нелогичным, необъяснимым, нестандартным, чудачеством и т.д. — никак не может считаться соответствующим действительному смыслу этой нормы.

509. **Добросовестность совершения юридических действий.** С категорией добросовестности мы уже сталкивались, обсуждая феномен добросовестного приобретения субъективного права*, т.е., по сути, один из частных случаев (способов) реализации гражданской правосубъектности. *Добросовестное заблуждение приобретателя субъективного гражданского права относительно объема и содержания юридических возможностей, принадлежащих распоряжающемуся приобретаемым правом предшественнику*, становится *юридическим состоянием*, способным (в некоторых обстоятельствах — см. о них ст. 302 ГК) доставить такому приобретателю искомое субъективное право вопреки неуправомоченности его распорядителя (отчуждателя). Из упомянутой нормы (п. 1 ст. 302 ГК) следует, что применительно к ее целям *добросовестность* определяется как *состояние приобретателя, в котором он не знал и не мог знать о неуправомоченности отчуждателя вещи*; более обобщенно (т.е. применительно к задачам ст. 10 ГК), *добросовестность* можно определить как такое состояние лица, при котором оно *не знает и не может знать о существовании факта, придающего собственному действию данного лица или действию его контрагента значение действия противоправного*[106]. Коротко: добросовестность — это *извинительное незнание лица о юридическом факте*; вследствие этого незнания лицо либо само совершает, либо полагается на такие действия других лиц, которые объективно являются неправомерными, но в глазах этого лица (благодаря незнанию о факте) имеют вид действий правомерных. Подобно разумности *добросовестность не доказывается*. Она — предмет презумпции. Лицо, ссылающееся на чью-то недобросовестность для того, чтобы воспрепятствовать приобретению доставляемого ею блага, обязано доказать факты, свидетельствующие о *реальном* или *должном знании* контрагента о юридически значимом факте (в частности, об отсутствии у отчуждателя вещи права распоряжаться таковой).

*см. п. 259

В отличие от той своей части, которая касается принципа разумности, предписание п. 1 ст. 10 ГК, относящееся к добросовестности, должно иметь, конечно, наиболее всеобъемлющее толкование и применение. Не будет никакого преувеличения в утверждении о том, что все гражданское право ориентировано (а гражданское законодательство существует и применяется в расчете) именно на *добросовестных участников частноимущественного оборота*. Антонимом добросовестности является не просто недобросовестность, но *виновность в со-*

106 В основе определения лежит дефиниция из книги: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 532.

вершении гражданского правонарушения (неправомерного действия). Покровительство со стороны положительного права *недобросовестным* частным лицам означало бы покровительство *права неправомерным виновным деяниям* и, следовательно, представляло бы собой логический нонсенс, должный рано или поздно, но неизбежно привести к самоуничтожению такого права. Это означает, что сфера применения принципа добросовестности должна быть самой широкой, какую только можно себе представить. Добросовестным должно быть не только осуществление субъективных гражданских прав и исполнение гражданско-правовых обязанностей, но и *реализация любых вообще юридических возможностей*.

*см. п. 508

Отрадно, что эту мысль законодателя арбитражная практика ощутила совершенно правильно. Так, в упомянутом выше* Обзоре практики применения арбитражными судами ст. 10 ГК рассматриваются, в частности, такие случаи недобросовестных действий, как: 1) *оспаривание решения* совета директоров по мотиву допущенного при его принятии нарушения устава, произошедшего из-за бездействия самого истца[107] (п. 1); 2) *предъявление* учредителем муниципального бюджетного учреждения к последнему *требования «...о расторжении договора аренды и выселении учреждения из занимаемых помещений*, направленное, по существу, на прекращение деятельности данного учреждения»[108] (п. 3); 3) «...неоднократное (четвертое) *предъявление требования о созыве внеочередного общего собрания акционеров* по одному и тому же вопросу» (п. 4); 4) «...*определение* в уставе или внутреннем документе акционерного общества в качестве *мест проведения общих собраний акционеров* населенных пунктов, находящихся вне пределов Российской Федерации», осуществленное без учета «...реальной возможности всех акционеров реализовать свое право на участие в собраниях» (п. 5); 5) «...*регистрация товарного знака*» лицом, «...выдающим себя за его бывшего правообладателя ... с целью приобретения конкурентных преимуществ за счет известности обозначения последнего» (п. 8); 6) *действие* гражданина — «...единоличного исполнительного органа продавца при заключении ... договоров купли-продажи действовал *явно в ущерб* последнему» (п. 9); 7) *передача в доверительное управление имущества* «...по договору, ...заключенному с целью сокрытия имущества от обращения на него взыскания»[109] (п. 10). Легко заметить, что из семи перечисленных

107 Суд назвал недобросовестным это самое бездействие истца — его неявку на заседание совета директоров, постановившего обжалуемое решение. Думается, что недобросовестным здесь следует считать все же не само бездействие — бойкотирование заседания совета — а *последующее оспаривание* решения, принятого советом в такой ситуации.

108 В данном пункте заслуживает наибольшего внимания, конечно, вывод высшей судебной инстанции о том, что суд вправе отказать в защите прав недобросовестно или неразумно действующего истца (применять положения ст. 10 ГК) по собственной инициативе, т.е. даже в том случае, когда ответчик на эту норму не ссылается. Идентичный вывод содержится еще в п. 8 Обзора (см. ниже).

109 В этом пункте суд квалифицировал по ст. 10 ГК не только передачу имущества в доверительное управление, но и самое заключение договора такого управления. Это, конечно, неправильно: договор по распоряжению имуществом, заключенный *после* возбуждения исполнительного производства в отношении собственника этого ➲

действий только одно (второе) было совершено в рамках осуществления субъективного права; все остальные действия совершались в ходе реализации способностей, составляющих гражданскую правосубъектность.

Впрочем, с применением ст. 10 ГК не все обстоит так гладко, как хотелось бы. Подробнее об этом будет рассказано ниже, при обсуждении понятия о злоупотреблении правом; здесь же просто укажу на одно только существо претензии. Вместо того, чтобы отождествить недобросовестность с *виновностью* в совершении гражданского или иного правонарушения (и, соответственно, привлекать к ответственности за таковые), российские судьи всеми силами стараются подвести под понятие недобросовестных такие действия, которые не составляют правонарушений, т.е. вычленить некую ***среднюю категорию между действиями правомерными и неправомерными — действия недобросовестные***. Зачем? Затем, чтобы иметь возможность вариативного отношения к таким действиям: не понравятся они конкретному судье — констатировать факт злоупотребления правом и применить санкции ст. 10 ГК; понравятся или покажутся нейтральными — просто игнорировать. Делается все это под соусом защиты *справедливости* и *нравственности*. И дело здесь даже не в нарушении правил формальной логики (хотя между правомерным и неправомерным нет и не может быть, конечно, никакой середины), а в том, что ***справедливость и нравственность — это такие категории, которыми судьи*** (и вообще ***юристы***) ***заниматься не должны***. Нравственность и справедливость — удел деятельности священников, родителей, воспитателей, педагогов, писателей, поэтов, журналистов, теле- и радиоведущих, общественников и общественных организаций, умудренных опытом коллег и товарищей (наставников, соратников, советников) и т.д. — словом, «инженеров человеческих душ». В самых тяжелых случаях бремя утверждения начал нравственности и справедливости переходит к компетенции народных сходов и вече, толковищ и толпы, наконец, к общественным классам. Да, в этих последних случаях такое утверждение принимает крайние формы, в том числе самосуда, восстаний, революций и гражданских войн. Задача государства, стало быть, заключается в том, чтобы дать возможность развиваться и утверждаться этим ценностям путем постепенным, эволюционным, соответствующим их природе. А насаживание их через суды явно противно такой природе — нравственность и справедливость могут быть предметом только добровольного соблюдения, причем, продиктованного не страхом наказания, а движением души, чувством, если угодно инстинктом. Но уж покоиться на *принуждении* нравственность и справедливость во всяком случае не могут. К этой же серии принадлежит и такая, например, ценность, как милосердие. «Будь милосердным! А если не будешь — мы тебя трахнем по баш-

---

➲ имущества (но до описи и ареста этого имущества!), является *абсолютно законным*. Другое дело, что положение п. 2 ст. 1018 ГК, на котором собирались «сыграть», заключая такой договор, должно было быть истолковано как подлежащее применению только в отношении того имущества, которое по состоянию на момент возбуждения исполнительного производства *уже находилось* в доверительном управлении (а не было туда передано *после* его возбуждения).

ке!». Это что ж — нормально? К тому же практика показывает, что когда забота о нравственности и справедливости отдается на откуп *юристам*, последние почему-то окончательно вытраливают из своей деятельности и без того весьма зыбкое и эфемерное представление о *праве, законе и их применении*. Наверное потому, что менеджерское «бла-бла-бла» на отвлеченные темы гораздо больше отвечает потребе современности, чем строгая логическая деятельность. Профессионализма, во всяком случае, оно не требует. Итог печален: мы не имеем ни нравственности, ни справедливости (ибо занимаются ими совсем не те, кто по идее должен был бы ими заниматься), ни правопорядка, ни законности (ибо ими перестают заниматься даже юристы).

510. **Пределы осуществления и защиты гражданских прав.** *Пределы осуществления* (*и защиты*) *гражданских прав* в литературе определяются как «*...очерченные законом границы деятельности управомоченных лиц по реализации возможностей, составляющих содержание данных прав*»[110]. Традиционно выделяют несколько видов «границ» (пределов, условий) реализации субъективных прав, как-то (1) временные, (2) целевые, (3) ограничения по способам (средствам) реализации гражданских прав; руководствуясь вышеизложенным, сюда следует добавить еще (4) границы, выражающиеся в характеристиках лиц, осуществляющих права и сами действия по их осуществлению (т.е. границы, заключающиеся в принципах разумности и добросовестности).

Логический анализ перечисленных границ свидетельствует о том, что только три из них — цель, разумность и добросовестность — действительно относятся к процессу осуществления прав. Выход же за иные «пределы» будет выходом за рамки *самого права*, т.е. совершением действия, на которое лицо права не имеет[111].

Возьмем пресловутую «временную границу»: допустим, перед нами субъективное право, существование которого ограничено определенным сроком (скажем, право арендатора). Очевидно, что попытка осуществить такое право *за пределами* (после истечения) *срока его существования*, будет представлять собой действия, не охватываемые содержанием субъективного права, ибо последнее с истечением срока своего существования попросту прекратится, после чего такого права, в содержание которого данное действие могло бы войти, не станет. Иными словами, так называемый арендатор, удерживающий у себя вещь за пределами срока существования своего права, будет действовать *за пределами права*.

То же самое касается ограничений по способам (средствам) осуществления своих прав: если они таковы, что причиняют вред дру-

110 **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. Т. I. С. 527.

111 В этом смысле весьма показательный пример рассмотрен в п. 2 Обзора: применение нижестоящим судом названной статьи в ситуации, когда у истца (арендодателя) *спорное право* (право на взыскание арендных платежей за спорный период) *вовсе отсутствовало*, вышестоящий суд признал неправильным, указав, что ст. 10 ГК может применяться *только при условии наличия у лица соответствующего права*.

гим лицам, то перед нами — неправомерное действие, а вовсе не осуществление права. Допустим, осуществляется право собственности на электромузыкальную установку: ее собственник и приглашенные им гости танцуют под музыку повышенной громкости, чем лишают возможности в полной мере осуществлять *права на соседствующие жилые помещения*. Если согласиться с тем, что здесь имеет место выход за пределы осуществления права, то это будет означать признание *права причинения неудобств собственникам и нанимателям соседних жилых помещений* и, соответственно, их *обязанность такие неудобства претерпевать*. Вряд ли это правильно, ибо от подобного объяснения — один шаг до утверждения о том, что разбойник, сперва ограбивший прохожего, а затем (дабы избавиться от лишнего свидетеля) зарубивший его топором, всего лишь «осуществил свое право собственности на топор». Не подлежит сомнению, что и здесь выход за пределы *осуществления* гражданских прав в действительности представляет собой выход за пределы *самого права*, т.е. является деянием, к совершению которого лицо признается юридически неспособным. Будучи совершенным таковое окажется *неправомерным* и скорее всего *незаконным* действием.

Логика оппонентов, признающих временные и методологические границы пределами осуществления гражданских прав, ко всему прочему, явно непоследовательна. Почему бы тогда не поставить вопросы, скажем, о *персональных* или *территориальных* пределах осуществления гражданских прав? Вопрос риторический, ибо ситуацию, в которой некто попытается реализовать *чужое право собственности* (право собственности на не принадлежащую ему вещь) или же *потребовать предоставления товара в месте ином, чем оговорено в договоре* (и чем товар реально находится), вряд ли кто-нибудь решится квалифицировать как выходящую за пределы *осуществления прав* — все, несомненно, скажут, что соответствующего права просто нет и имеет место, следовательно, выход за пределы *самого права*.

Таким образом, методом исключения можно установить, что вопрос о пределах осуществления гражданского права сводится, по сути, лишь к вопросу о *цели его осуществления*[112]. Предваряя разбор этого воззрения, выполняемый в следующем пункте, мы хотим напомнить читателю о содержании п. 7, 8, 15, 18, 19 и 505 Учебника, и, в частности, о *юридической свободе*, или *автономии воли*, как ключевом принципе построения и регулирования частных отношений, предполагающем, в числе прочего, *свободу* (*автономию*) *в определении целей реализации частноправовой сферы*. Вопросы о том, *для чего* один приобрел для себя одно право, а другой другое; отчего (ради чего) один осуществил принадлежащее ему право, а другой воздержался от этого и т.п., — это вопросы, решаемые *свободным* (*автономным, единоличным*) *усмотрением частных лиц*.

В такой ситуации всякое субъективное гражданское право (шире — всякая вообще юридическая возможность, признаваемая за субъектом общественных отношений как частным лицом) может иметь одну-единственную цель — *удовлетворение индивидуалисти-*

112 Вопросы о разумности и добросовестности как специальных требованиях к процессу осуществления гражданских прав были рассмотрены выше, как самостоятельные, равновеликие с вопросом о пределах осуществления.

ческих (если угодно — эгоистических) потребностей своего носителя; для достижения этой цели имеется всего две границы: 1) прямое указание закона и 2) достижение целей в процессе реализации юридических возможностей других частных лиц. Теоретически закон может обозначить и какую-то иную (глобальную) цель признания за частными лицами тех или других юридических возможностей; практически известны «развитие производительных сил страны» (ст. 4 ГК РСФСР 1922 г.), а также «создание материально-технической базы коммунизма и все более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей граждан» (ст. 1 Основ гражданского законодательства 1961 г. и ст. 1 ГК РСФСР 1964 г.). В ст. 1 ГК РСФСР 1922 г. такая «мегацель» называлась *социально-хозяйственным назначением* гражданских прав, в ст. 5 ГК РСФСР 1964 г. — «назначением прав в социалистическом обществе в период строительства коммунизма». В современном российском ГК подобной цели не обозначено; думается, это означает, что признание частной имущественной правосубъектности и частных субъективных прав составляет самоцель и самоценность — необходимое условие сохранения и обеспечения степени свободы личности, адекватной потребностям развития общества.

511. **«Проблема» злоупотребления правом.** В советский период развития отечественного гражданского права[113] учение о пределах осуществления гражданских прав переросло в институт *злоупотребления правом*. Думается, что в первую очередь этому способствовало закрепление в ст. 1 и 4 ГК РСФСР 1922 г., а затем в ст. 1 Основ гражданского законодательства 1961 г., ст. 1 и 5 ГК РСФСР 1964 г. (см. выше), а позднее — еще и в ч. 2 ст. 39 Конституции СССР 1977 г.[114] представления о *социальном назначении* гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав. Именно благодаря этим нормам создалась ситуация, в которой действие по осуществлению субъективного гражданского права, будучи само по себе действием правомерным и согласным с *индивидуальным* (нельзя сказать «частным») *интересом* носителя этого права, могло войти в противоречие с *социальным назначением* данного права. Говоря обобщенно, сложилась ситуация, при которой *содержательно правомерное действие* могло стать причиной *возникновения вреда*, причем не только имущественного, но и социального свойства (вреда, наносимого общественным отношениям в целом). Для того чтобы решить вопрос об ответственности за этот вред и была выдвинута конструкция *злоупотребления правом*, которое «...есть *особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных*

113 Об отношении к данной концепции до революции см. указанные выше публикации В. Н. Доманжо и И. А. Покровского.

114 «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан».

конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»[115]. С незначительными изменениями и уточнениями это определение до сих пор пользуется научным признанием.

Впрочем, даже в советское время отношение к концепции злоупотребления правом не было однозначным. Так, например, М. М. Агарков, одним из первых в нашей литературе поднявший проблему злоупотребления правом как гражданско-правового института, задал закономерный вопрос: «...каким образом осуществление права может быть недопустимо? ... Либо поведение лица является осуществлением его права, следовательно, правомерным, либо это поведение является неправомерным и, следовательно, не является осуществлением права. ... Не представляет ли собой термин "злоупотребление правом" ... лишенное смысла соединение исключающих друг друга понятий?»[116]. Вслед за своим учителем М. Планиолем проф. Агарков дал на этот вопрос положительный ответ, указав, что «...осуществление права не может быть противоправным, а следовательно, и злоупотреблением. То действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершаются за пределами права» и резюмировал с непривычной для себя ригоричностью: «*Оспаривать эти положения нам кажется невозможным*»[117]. Иными словами, пресловутая проблема злоупотребления правом сводится к вопросу о содержательных границах субъективного права и способах их определения (законом либо судейским усмотрением). «Поведение лица, остающегося в пределах границы, очерченной законом, но вышедшее за пределы той границы, которую суд сочтет по данному делу правильной, можно условно назвать злоупотреблением правом. Если не забывать условность этого термина, то им можно пользоваться, как и многими другими условными выражениями, которые образуют значительную часть юридической терминологии»[118].

Эти взгляды разделял и Н. С. Малеин, добавлявший к ним еще один вопрос, до сих пор оставляемый сторонниками концепции злоупотребления правом без ответа: «...зачем закон предоставляет гражданам такие права, которыми они могут по своему усмотрению злоупотреблять, и не лучше ли наделять их только теми, которыми злоупотреблять невозможно? Иначе говоря, речь идет о качестве закона (насколько он является выразителем справедливости, свободы, равенства), о его совершенстве, о превращении его в право...»[119]. Анализируя современную ему политическую ситуацию, ученый пришел к неутешительному выводу: подобные «дырки», создающие почву для подзаконного нормотворчества и судейского произвола в зако-

115 *Грибанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 63.

116 *Агарков М. М.* Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве. С. 365, 366.

117 Там же. С. 366.

118 Там же. С. 370—371.

119 *Малеин Н. С.* Закон, ответственность и злоупотребления правом // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 31.

нодательстве, оставляются сознательно, дабы, используя «...концепцию злоупотребления правом, выраженную в общем виде в законе или в конкретных нормативных и индивидуальных правовых актах, сужать права граждан, лишать их соответствующих экономических или духовных благ»[120]. Отсюда логически вытекало финальное положение публикации ученого, в соответствии с которым «...принцип, запрещающий злоупотребление правом гражданами, следует изложить иначе, поменяв адресат: государственным органам запрещается издание нормативных и индивидуальных правовых актов, ограничивающих права и свободы граждан провозглашенные и гарантированные международными актами и Конституциями Союза и республик»[121].

511[1]. **Злоупотребление правом в современной российской практике.** В настоящее время — в эпоху, когда на смену индивидуальным (личным, персональным) интересам пришли интересы *частные*, а на смену советскому гражданскому праву явилось право *частное гражданское* — конструкции злоупотребления правом больше нет и не может быть места. Не выделив особого *социального* назначения субъективных гражданских прав и гражданской правоспособности, современное законодательство констатировало тем самым, что признание частной гражданской правоспособности и частных гражданских прав составляет *свою собственную самостоятельную цель* (*самоцель*). Признав частную гражданскую правоспособность и субъективные права средствами удовлетворения интересов частных лиц, уже невозможно упрекать их в том, что их интересы вдруг окажутся слабо совместимыми с такими, неправовыми по существу понятиями, как разумность, справедливость, нравственность, милосердие. Если частные лица в процессе удовлетворения своих частных интересов заходят так далеко, что причиняют кому-либо вред, такие действия (как и всякие вообще *вредоносные* действия) должны, по общему правилу, считаться выходящими за содержательные пределы правоспособности и субъективных прав, т.е. предполагаться *неправомерными*, а значит — влекущими возникновение обязанности возместить причиненный вред. Разумеется, исключение должно быть сделано для действий, хотя и являющихся вредоносными, но, тем не менее, относящихся к разряду допустимых (правомерных) *по прямому указанию закона*. Так, например, принудительное отчуждение чужого имущества в целях обращения на него взыскания по обязательствам, несомненно, причиняет вред собственнику этого имущества (должнику), однако является правомерным действием в силу прямого указания закона (ст. 237 ГК); действия в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости также могут быть вредоносными, что не делает их неправомерными (см. ст. 1066 и 1067

120 *Малеин Н. С.* Указ. соч. С. 33.

121 Там же. С. 34.

ГК). Вопрос об ответственности за вред, причиненный такими — правомерными — действиями, должен быть *прямо решен в законе*; по общему правилу ее *наступать не должно*[122] (п. 3 ст. 1064 ГК). Но, как уже указывалось в п. 509 Учебника) в любом случае речь не может идти о создании некой третьей — промежуточной между правомерными и неправомерными — категории действий со своими собственными особенными последствиями. Или действие ***правомерное*** — и тогда ***никаких негативных правовых последствий с ним связывать-ся не может***, а вопрос об устранении его «злых», безнравственных или несправедливых последствий обсуждается и решается вне рамок *юридического* процесса, или оно ***неправомерное*** — и в таком случае потерпевшему открывается прямая дорога в нормы гл. 25 или 59 ГК.

Тем не менее, продолжая «традиции», с одной стороны, советского, а с другой — (отчасти) римского права норма ч. 3 ст. 17 Конституции РФ и п. 1 ст. 10 российского ГК определяют как недопустимые (не неправомерные, а именно недопустимые!) действия граждан и юридических лиц, (1) *имеющие своей исключительной целью причинить вред другому лицу*, (2) действия *в обход закона*, а также (3) «...иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». В ранее действовавшей редакции п. 1 ст. 10 действия категорий (2) и (3) обозначались как *злоупотребление правом в иных формах*. Как видим, вместо той социально допустимой цели, достижению которой должно служить всякое действие по реализации правоспособности и субъективного права, ГК указал на ту *цель, для достижения которой ни правоспособность, ни субъективное право, ни иные гражданско-правовые формы использоваться не должны*. Иными словами, права частные, оставаясь правами эгоистичными, т.е. осуществляемыми в *целях, свободно определенных своими субъектами*, в то же время не могут (не должны) осуществляться *эгоцентрично*. Уважения и охраны закона ни при каких условиях не могут быть удостоены такие намерения, как причинить вред, удовлетворить чувства мщения, злорадства, злобы или зависти, используя нечестные (не принятые в практике) приемы — вытеснить с рынка конкурента или опорочить научного оппонента. Осуществление гражданских прав с подобными целями называется *шиканой*; их прямое законодательное запрещение по идее должно было бы де-

122 Может показаться, что понятие *ответственности за правомерные действия* представляет собой ничуть не меньший логический нонсенс, чем раскритикованное только что злоупотребление правом, поскольку понятие ответственности обыкновенно всегда ассоциируется с последствиями чего-то *негативного*, т.е. *неправомерного*. Но не следует забывать, что в данном случае мы говорим не об ответственности вообще, а о *гражданско-правовой ответственности* — институте, «танцующем» не столько от неправомерного деяния (от нарушителя), сколько от его последствий (от потерпевшего) и выполняющем не столько карательные, сколько восстановительные (компенсационные) функции и, следовательно, являющимся ответственностью больше по названию, чем по сути. Лицу, потерпевшему имущественный вред, не легче от того, что тот причинен *правомерными* действиями — его интересует не правомерность или неправомерность действий, приведших к возникновению вреда, а возможность или невозможность переложения этого вреда на другое лицо.

лать данные действия *неправомерными* и, следовательно, *выходящими за рамки правоспособности и права* (юридически невозможными или недолжными), а значит — и поводом к применению гражданско-правовых санкций в рамках институтов договорной и (или — в зависимости от случая) деликтной ответственности.

К сожалению, случилось иначе: такие действия стали рассматриваться российскими судами (а вслед за ними — и учеными) как некая особая (средняя между правомерными и неправомерными) категория юридических действий со своими собственными особенными последствиями, ныне определяемыми по п. 2—4 ст. 10 ГК РФ. Вместо логичной и естественной *двучленной* классификации юридических действий (поступков) на *правомерные* и *неправомерные*, мы теперь имеем нелогичное и противоестественное трехчленное их разделение — на *правомерные*, ***недопустимые*** (!!!) и *неправомерные* (вариант — правомерные допустимые, *правомерные недопустимые* (!!!) и неправомерные); вместо четкости и ясности состава правомерных и неправомерных действий — *полную свободу судейского усмотрения в определении критериев причисления действий к допустимым или недопустимым*; наконец, вместо правовых последствий этих действий — столь же *полную свободу судейского усмотрения в определении таких последствий*. Свободу, доходящую до возможности присуждения к возмещению убытков, причиненных правомерным, но недопустимым действием — см. п. 4 ст. 10 ГК (кстати, какая это будет ответственность — договорная или внедоговорная?). Судя по содержанию Обзора практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного информационным письмом Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127, и даже по его краткому конспекту, данному выше (в п. 509 настоящего Учебника), теперь ни одно частное лицо никогда не может быть уверено в том, что то или иное его действие не будет квалифицировано как злоупотребление правом. Не понравится оно конкретному судье — и вот, пожалуйста: злоупотребление правом! Чтобы убедиться в том, что здесь нет никакого преувеличения, достаточно ознакомиться (хотя бы выборочно) с судебными актами, апеллирующими к категории злоупотребления правом, а также со списком литературы к настоящей главе — *создается ощущение, что частные лица — наши современники занимаются только тем, что злоупотребляют и злоупотребляют своими частными правами*! Несколько (совсем, впрочем, незначительно!) утрируя, общую атмосферу, сформировавшуюся вокруг ст. 10 ГК, можно передать так: ***не знаешь, как защититься? — ссылайся на «десятую статью»***. Получается примерно следующее. Если истец предъявил иск *немедленно* вслед за правонарушением — это злоупотребление правом (поскольку мог бы и подождать еще немного, не развалился бы!), а если *«на излете» исковой давности* — то ... тем более злоупотребление правом!!! Зачем тянул так долго — чтобы побольше процентов начислить, что ли?

Понятие злоупотребления правом в его современном российском виде подобно вызванному из лампы джину, деятельность которого всецело предопределяется приказами обладателя этой самой лампы. Пока она в руках благородного Аладдина, не исключено, что понятие о злоупотреблении правом позволит «погасить» какие-то отдельные

очаги социальных пожаров, наиболее яростно горящие или долго и мучительно тлеющие. Но что будет, если эта лампа попадет к злобному магрибскому колдуну? А теперь представим, что существует 112 таких «колдунов» (а именно столько ныне существует арбитражных судов — всего по одному, стало быть, на каждый суд), и у каждого из них по лампе, из которой (стоит только потереть) выскакивает джин злоупотребления правом. Нужно ли объяснять, что из этого получается? А ведь мы сделали самое мягкое допущение, и еще ни словом не упомянули о судьях судов общей юрисдикции и мировых судьях...

Да и позитивное частное влияние института злоупотребления правом не должно затенять того *общесоциального негатива*, который вызывается на свет божий его применением. Я уже написал выше (в п. 509 Учебника) о таком влиянии: ***создавая ощущение борьбы судей за торжество начал нравственности и справедливости, практика применения института злоупотребления правом этих начал не утверждает, а, напротив, мешает их естественному эволюционному развитию***; кроме того, она *развращает юристов, заставляя их отказываться от занятия собственно юридической работой* — деятельностью, направленной на установление и укрепление начал верховенства права, утверждение правопорядка и законности — *подменяя ее и превращая в профанацию*. Когда же все эти (сами по себе «замечательные») явления соединяются с иными язвами, поразившими современное российское общество (например, с коррупцией и всевластием денег), образуется такая гремучая смесь, которая способна разнести в пух и прах устои любого общественного устройства и основы любого государства, какими бы крепкими они ни были. Соглашусь, что существуют у нас такие законы и такие нормы права, от применения которых волосы встают дыбом. Но это — повод к борьбе за отмену или изменение таких норм, а вовсе не к отказу от их применения (и уж тем более — не к их перетолковыванию и выворачиванию наизнанку) под лозунгами нравственности и справедливости. Русскую поговорку про закон и дышло никто не отменял.

512. **Особенности реализации коллективных правовых форм (на примере осуществления общих гражданских прав).** Понятие о коллективных гражданско-правовых формах, существо которого раскрывалось нами в первом томе Общей части*, предполагает подчинение отдельно взятого частного лица не только общему (государственно-установленному) положительному праву, но и *общей воле коллектива частных лиц*, членом которого он является. Такое подчинение выражается в постановке дополнительных границ в реализации принципа *индивидуальной свободы*, или *автономии воли*, т.е. того самого принципа, который имеет ключевое значение именно в деле осуществления субъективных гражданских прав. Отсюда неизбежно проистекают некоторые особенности в осуществлении *субъективных гражданских прав, принадлежащих одновременно нескольким лицам* (общих прав), а также в реализации элементов такой гражданско-

*см. п. 176, 197—199

правовой формы, как *коллективная* (или корпоративная) *правоспособность*.

Главная из этих особенностей — четкое отделение *внешней* стороны данного процесса (одного акта изъявления единой общей или коллективной воли) от *внутренней* (процесса выработки изъявленной общей воли): подобно тому, как в случае с правами индивидуальной принадлежности положительное право полагается на акт волеизъявления, точно так же и в случае с правами общими юридические последствия основываются не на многочисленных актах волеизъявления каждого из лиц, составляющих коллектив управомоченных, а на *единый* (выработанный ими по им одним известным внутренним правилам) *акт изъявления коллективной воли*. Акты, вырабатывающие и выражающие вовне такую волю называются *решениями собраний* участников гражданско-правовых сообществ (подп. 1.1 п. 1 ст. 8, 181.1—181.5 ГК); коллектив лиц, обладающих общим субъективным правом, является частным случаем такого гражданско-правового сообщества (см. п. 2 ст. 181.1).

Сказанное означает, что добросовестные контрагенты, противостоящие коллективу управомоченных, не должны ничего терять, если окажется, что выраженная вовне единая воля была сформирована или выражена с нарушением внутренних правил, действующих между управомоченными; больше того, они не должны ничего терять даже в том случае, если действительная общая воля была иной, нежели выраженная вовне. Это — основная идея института общих прав в особенности и коллективных правовых форм в целом. Только посвящение третьих лиц в «правила игры» коллектива (сособственников, соавторов, акционеров и т.д.) дает последним возможность ссылаться в отношениях с этими третьими лицами на нарушения таких правил и требовать на этом основании признания недействительными сделок или иных актов, якобы постановленных общей волей (п. 2 ст. 173.1, п. 1 ст. 174, п. 3 ст. 253 ГК).

Общность известного субъективного права в ряде случаев[123] приводит к необходимости признания за субъектами, или обладающими, *вспомогательных субъективных прав относительного характера*. Такие права являются юридической формой отношений, направленных на выработку общей воли в деле реализации общего субъективного права и ее выражение вовне. Осуществление общего субъективного права в этом случае отличается своеобразным двойственным характером: в то время как третьи лица всегда видят перед собой *единую волю* управомоченного лица и именно в отношении этой воли совершают должные действия, направленные на обеспечение сформировавших ее *общих интересов*, в чистом виде не присущих, быть может, ни од-

123 Но не всегда. Так, например, между участниками общей долевой собственности такие — относительные — правоотношения складываются, а между участниками собственности совместной нет; участники коммерческих товариществ состоят в относительных (товарищеских) правоотношениях друг с другом, в то время как акционеры, напротив, в каких бы то ни было правоотношениях относительного характера друг с другом не находятся и т.д. Это означает, что отношения членов коллективов друг к другу либо не всегда существуют, либо не всякий раз становятся предметом правового регулирования.

ному из соучастников, формирование этой общей воли представляет собой процесс осуществления других (вспомогательных) субъективных прав относительного характера, которые принадлежат всякому и каждому соучастнику в общем субъективном праве. Осуществление этих прав, естественно, предопределяется в первую очередь *индивидуальными интересами* каждого соучастника. Объектом этих прав являются *определенные или определимые доли реальной стоимости* (*ценности*) *права* и *его будущей стоимости* (*доходности или убыточности*).

§ 3. Охрана и защита гражданских прав (п. 513—520)

513. **Понятие и виды мер гражданско-правовой охраны.** *Меры гражданско-правовой охраны* — это правомерные действия управомоченного лица, направленные на предупреждение нарушения его гражданского права или затруднение такового. Совершение соответствующих действий составляет процесс *гражданско-правовой охраны* субъективных прав — органическую составляющую процесса осуществления прав. Ясно, что по этой причине к охране гражданских прав должны быть применимы все те положения, которые выше были сформулированы для осуществления гражданских прав.

Меры гражданско-правовой охраны принято подразделять, подобно тому, как подразделяются всякие вообще действия по осуществлению права, на *фактические* и *юридические*. К числу *фактических мер* принято относить действия управомоченного лица, затрудняющие нарушение права посредством посягательства на его материальный объект (материальную форму идеального объекта) либо доступ к или воспроизведение информации, составляющей содержание идеального объекта[124]. К числу *юридических гражданско-правовых охранительных мер* относятся обычно такие средства, которые имеют целью повлиять на отношение потенциального нарушителя к своему неправомерному деянию либо создать себе дополнительные гарантии возмещения вреда на случай, если все-таки правонарушение состоится[125]. Думается, что все меры гражданско-правовой охраны являются

124 Так, запирая на замок дверь своей квартиры, гражданин прибегает к одной из фактических мер гражданско-правовой охраны права собственности на саму квартиру, имеющееся в ней имущество, а также на личные права, связанные с жизнью и здоровьем самого себя и совместно проживающих с ним лиц. Установка сигнализации, проведение проволоки с электротоком по периметру забора, помещение капкана в автомобиль, выкапывание замаскированной «волчьей ямы» на дорожке, ведущей к даче, снабжение файла или диска защитой от копирования, оказание содействия должнику в деле исполнения обязанности и т.п. — все это *фактические меры гражданско-правовой охраны*.

125 Так, вступающее в правоотношение лицо, может выговорить себе не только субъективное право, но и *способ обеспечения должного поведения противостоящего ему лица*. Для активного поведения — это, прежде всего, так называемые (1) *способы обеспечения исполнения обязательств* (см. гл. 23 ГК), а также (2) *институт задержания* ➲

в равной степени юридическими действиями, ибо предпринимаются лицом в рамках признанных за ним юридических возможностей и, следовательно, представляют собой действия по реализации этих возможностей. В некоторых случаях совершение таких действий приводит к исчерпанию (прекращению) данных возможностей — в этом случае юридический характер мер гражданско-правовой охраны абсолютно очевиден. Но даже в противоположных ситуациях, т.е. тогда, когда возможности принятия мер гражданско-правовой охраны не исчерпываются их фактическим принятием, нет причин отрицать юридическое значение данных действий, ибо таковое проявляется уже в самой их квалификации со стороны позитивного права в качестве мер правоохранительного характера.

Квалификации конкретного действия в качестве меры гражданско-правовой охраны не препятствует то обстоятельство, что оно имело вредоносные последствия. Возьмем рассматриваемый в ряде работ пример с окружением собственником своего земельного участка металлической проволокой с электрическим током высокого напряжения — как следует квалифицировать данное действие? Несомненно, перед нами *типичная мера гражданско-правовой охраны* — действие, направленное на предупреждение противоправного проникновения посторонних лиц на участок собственника, а также на затруднение такого проникновения. Предположим, далее, что некто, проходя мимо окружающего участок забора, по которому натянута такая проволока (коснувшись забора, или попытавшись через него перелезть), получил удар электротоком, вызвавший *повреждение здоровья и возникновение связанного с ним вреда* — меняет ли это обстоятельство что-нибудь в нашей квалификации? Ничуть: протягивание по забору проволоки с электротоком по-прежнему останется мерой гражданско-правовой охраны; другое дело, что к этому деянию прибавится новое — *причинение вреда здоровью*. Это — самостоятельный юридический факт со своей собственной квалификацией и своим собственным юридическим значением, которое, между прочим, может разниться сообразно обстоятельствам конкретного случая[126].

➲*исполнения* (ст. 328) и (в незначительной степени) (3) *угрозы применения мер публичной и гражданско-правовой штрафной ответственности*. Арсенал охранительных средств для обеспечения пассивного поведения чуть более широк — это (1) *угрозы применения мер публично-правовой ответственности*, (2) *иски о пресечении деятельности, создающей угрозу причинения вреда*, (3) *иски, направленные на реализацию «голых интересов» — законных и охраняемых законом*, а также (4) *иски и жалобы на неправомерные акты и действия органов и должностных лиц публичной власти*. К числу универсальных юридических правоохранительных мер относятся различного рода угрозы, предупреждения и напоминания, например угроза взыскания неустойки, предупредительные маркировки возле зарегистрированных товарных знаков и торговых марок, постановка знаков охраны авторских и смежных прав определенного лица © («копирайт»), напоминание о грядущем сроке уплаты долга и т.п.

126 Одно дело — причинение вреда случайному прохожему, облокотившемуся на забор (или даже вовсе его не коснувшемуся), и совсем другое — гражданину, пытавшемуся через него перелезть; одно дело — наличие на заборе ясно видимого предупреждения о том, что по нему пропущена проволока с электротоком, другое — отсутствие такого предупреждения или его не вполне очевидный характер (третье — ложное заявление собственника участка о том, что проволока не находится под напряжением); одно дело — натягивание проволоки таким образом, что она может причинить вред всякому и каждому, и другое — только правонарушителю и т.д.

514. **Защита гражданских прав: понятие, меры (способы), формы и порядок.** Наряду с осуществлением права — использованием его в нормальном, если можно так выразиться, в «естественном» состоянии, юридическая наука выделяет понятие о различного рода действиях (мерах, способах), направленных на 1) *пресечение* совершающегося правонарушения, 2) *минимизацию* его вредоносных последствий и 3) *восстановление* положения, существовавшего до нарушения субъективного гражданского права путем *возмещения убытков* или *выплаты компенсации*. Такие действия называются *мерами* или *способами защиты гражданских прав*, а процесс применения таких мер — процессом *защиты гражданских прав*. В зависимости от того, участвуют ли в этом процессе компетентные (специально на этот случай создаваемые и привлекаемые) государственные органы или нет, различают *юрисдикционную форму защиты* и *самозащиту гражданских прав*; наконец, в зависимости от того, к помощи органов какой — исполнительной либо судебной — власти прибегают в рамках юрисдикционной формы защиты различают защиту гражданских прав *в административном* и *в судебном порядке*.

Нарушение субъективного гражданского права означает невозможность его использования в первозданном (нормальном) виде. Субъективное гражданское право *регулятивного* свойства «не сработало», не выполнило своей задачи — не удовлетворило охраняемого законом интереса своего обладателя. Логично «включить» в этом случае новый — дополнительный — правовой механизм, а именно — *признать возникновение нового, не существовавшего прежде гражданского охранительного* (*защищающего*) *правоотношения — права на защиту* *. Главное отличие охранительного правоотношения от регулятивного в его *назначении*, которое заключается отнюдь не в удовлетворении какого-то самостоятельно определяемого управомоченным лицом частного интереса, но в том, чтобы «залечить рану», нанесенную регулятивному субъективному праву гражданским правонарушением, *любой материальной и процессуальной ценой*, не исключая причинения вреда правонарушителю, в том числе с привлечением органов государственной власти. Для достижения этих целей гражданское охранительное субъективное право наделяется *способностью к принудительной властной* (*силовой*) *реализации*.

*см. п. 222, 224.4, 249

Возможность прибегнуть к защите субъективного гражданского права, возникающая в случае нарушения последнего — *право на защиту* — как и всякое иное субъективное гражданское право слагается из правомочий 1) на собственные действия (в том числе на применение самозащиты) и 2) на требование совершения чужих действий. В зависимости от того, применение какой формы защиты третируется правом как возможность потерпевшего, различают *право на защиту, противопоставленное правонарушителю*, *и право на защиту, обеспеченное деятельностью государственного органа*, входящего в систему судебной, либо исполнительной власти. Ключевое значение в деле защиты гражданских прав имеет право на *судебную* защиту — *требо-*

вание защиты, адресованное суду и обеспеченное *обязанностью суда защитить нарушенное регулятивное право* (рассмотрев дело по существу, вынести решение благоприятного для истца и при том соответствующего фактическим обстоятельствам содержания). Требование о защите нарушенного права или о реализации охраняемого законом интереса, адресованное суду, называется *иском*; право на судебную защиту нарушенного права, а также на судебную реализацию охраняемого законом интереса называется *правом на иск*. Объектом данного права является судебная деятельность и ее результат — рассмотрение предъявленного требования (иска) по существу и вынесение соответствующего фактическим обстоятельствам дела судебного акта (решения) об удовлетворении иска. *Право на иск*, следовательно, может быть определено также как *обращенное к суду право* (*требование*) *частного лица о разрешении конкретной спорной в гражданско-правовом отношении ситуации — право на судебное решение, удовлетворяющее иск*[127].

515. **Принцип судебной защиты гражданских прав.** Принцип судебной защиты гражданских прав составляет одну из общепризнанных характеристических черт метода частноправового регулирования* и означает, что *любое нарушение любого гражданского субъективного права* (п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 11 ГК) *является основанием для его судебной защиты*. Если есть субъективное право, то должна существовать и возможность его судебной защиты; иное может быть установлено только законом. Суд не может отказать в защите нарушенного субъективного гражданского права со ссылкой на то, что закон прямо не предусматривает способа или порядка такой защиты или не регулирует отношений, правовой формой которых является нарушенное субъективное право — в подобных случаях суд обязан самостоятельно сконструировать норму, регламентирующую спорные отношения и, руководствуясь ею, найти и применить способ защиты, сообразный обстоятельствам нарушения, хотя бы и прямо не предусмотренный законом для случаев данного рода, но принципиально не противоречащий ему. Этим аксиоматическим положением современное гражданское право кардинально отличается от права римского, исходившего из представления о примате охранительного права над регулятивным. Римские юристы могли признать пове-

*см. п. 19

127 Вопрос о понятиях иска и права на иск принадлежит именно к этой области общего курса гражданского права, поскольку *подлежащий удовлетворению иск* (обращенное к суду требование) представляет собой *правомерное действие*, конечной целью которого является защита нарушенного права или реализация охраняемого законом интереса. Тем не менее несколько поступаясь общей логикой изложения материала, мы предпочитаем приурочить рассмотрение данного вопроса к проблематике *исковой давности*, как находящейся с ним в самой непосредственной и тесной связи. Кроме того, именно такое расположение учения об иске будет более традиционным и понятным читателю. Пока же мы предлагаем читателям ознакомиться со статьей Е. Я. Мотовиловкера «Эссе об иске», напечатанной в третьем выпуске «Юридических записок Ярославского государственного университета» (Ярославль, 1999. С. 109—127), а также с упомянутыми в ней литературными источниками.

денческую возможность субъективным правом только тогда, когда на случай своего нарушения она была (или могла быть с помощью так называемой преторской формулы) снабжена судебной защитой.

Законодательный перечень (ст. 12 ГК) *способов судебной защиты гражданских прав* не является (и не может являться) исчерпывающим. В их числе такие способы, как (1) признание права, (2) восстановление положения, существовавшего до нарушения права, (3) пресечение действий, нарушающих право, (4) признание недействительной сделки и (или) применение последствий ее недействительности, (5) признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления, (6) присуждение к возмещению убытков, (7) присуждение к уплате неустойки, (8) присуждение к уплате процентов, (9) присуждение к уплате компенсаций или иных сумм, (10) понуждение к исполнению обязательства в натуре, (11) другие способы, предусмотренные законом. Последнее указание нельзя понимать ограничительно, т.е. в том смысле, что закон должен прямо описывать тот или иной способ защиты прав определенного рода. Достаточно, если закон 1) принципиально допускает применение соответствующего способа, хотя бы и вне связи с субъективным правом известного типа, либо 2) если специально сконструированный судом способ защиты не противоречит закону, в том числе представляет собой частный случай какого-то иного, более общего, известного закону способа защиты (можно в связи с этим вспомнить недавно выработанный арбитражной практикой *иск о восстановлении корпоративного контроля* — способ защиты корпоративных прав, до недавнего времени законом не предусмотренный, но подходящий под понятие иска о восстановлении положения, существовавшего до совершения неправомерного действия).

Следует помнить, что роль большинства способов, составляющих цитированный перечень, не исчерпывается одной только *защитой субъективных прав.* Так, например, иск о признании обыкновенно выполняет роль средства гражданско-правовой охраны, а не защиты; иски о восстановлении и пресечении могут быть применены для защиты *не только субъективных прав, но и иных правовых форм*; иски о применении последствий недействительности сделок и о присуждении возмещения могут служить не только средством защиты субъективных прав, но и *средством реализации охраняемых законом интересов*; иски о возмещении некоторых видов убытков (например, тех, что причинены уничтожением вещи или просрочкой исполнения обязательства[128]), а также о взыскании заменяющих их неустоек и процентов (ст. 395 ГК) являются *только и исключительно средствами реализации охраняемых законом интересов*, но не защищают никаких субъективных прав; наконец, «другие способы, предусмотренные законом», тоже не всегда направлены на защиту прав[129]. Думается,

128 Иногда их называют также *мораторными убытками* (от лат. mora — просрочка).

129 Так, например, иском сособственника о переводе прав и обязанностей покупателя доли в праве общей собственности на себя (п. 3 ст. 250 ГК) вовсе не защищается преимущественное право покупки, как принято думать (его уже нельзя осуществить, ибо доля, являвшаяся его предметом, уже продана и сособственнику не принадлежит).➲

что ГК свалил «в одну кучу» столь разнородные гражданско-правовые средства по причине неспособности (или нежелания) признать наряду с субъективными правами и правоотношениями существование и иных гражданско-правовых форм*; не исключено также, что определенную роль в этом сыграла неправильная теоретическая концепция институтов *защиты гражданских прав* и *иска*, положенная разработчиками проекта ГК в его основу**. Сказанное свидетельствует о том, что затронутые вопросы представляют интерес не только для построения непротиворечивых научных концепций, но и имеют большое практическое значение.

*см. п. 167, 168

**см. п. 222

516. **Распределение компетенции внутри российской судебной системы.** Судебную систему Российской Федерации составляют *суды*, в задачи которых входит осуществление правосудия по гражданским делам[130], т.е. установление круга субъективных прав и интересов конкретных лиц, заслуживающих защиты со стороны государства. Большинство гражданско-правовых споров разрешаются *мировыми судьями*, *судами общей юрисдикции* и *военными судами*, действующими по правилам ГПК, а также *арбитражными судами*, рассматривающими дела по правилам АПК. Особые функции в судебной системе выполняет *Конституционный Суд РФ* (см. о нем далее).

1) **Мировым судьям** (согласно ст. 23 ГПК) подведомственны дела: 1) о выдаче судебного приказа; 2) о расторжении брака (при отсутствии спора о детях); 3) о разделе между супругами совместно нажитого имущества (при цене иска, не превышающей 50 тыс. руб.); 4) иные возникающие из семейно-правовых отношений дела, за исключением дел об оспаривании отцовства (материнства), об установлении отцовства, о лишении родительских прав, об ограничении родительских прав, об усыновлении (удочерении) ребенка, других дел по спорам о детях и дел о признании брака недействительным; 5) по имущественным спорам (кроме дел о наследовании имущества и дел, возникающих из отношений по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности), при цене иска, не превышающей 50 тыс. руб.; 6) дела об определении порядка пользования имуществом.

2) **Судам общей юрисдикции** подведомственны все гражданские дела, кроме тех, что подведомственны мировым судьям, военным и арбитражным судам. Согласно ч. 1 ст. 22 ГПК суды рассматривают и разрешают дела: 1) по спорам, возникающим из гражданских,

---

➲а реализуется *охраняемый законом интерес* сособственника в приведении его в такое положение, в котором он находился бы, если бы его не лишили принадлежавшего ему преимущественного права покупки. Точно так же иском о расторжении договора (ст. 450—452 ГК) можно добиться только *реализации охраняемого законом интереса*, возникшего у одной стороны договора вследствие его существенного нарушения другой стороной, либо вследствие существенного изменения обстоятельств. Субъективного права, которое здесь можно было бы защитить, просто нет.

130 Знания о системе (структуре) судов общей юрисдикции, военных и арбитражных судов учащийся должен вынести из курсов «Теория государства и права», а также «Правоохранительные органы в Российской Федерации»; о значении судебных актов для гражданского права см. выше***.

***см. п. 97

семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления; 2) по требованиям, разрешаемым в порядке приказного производства (ст. 122 ГПК); 3) из публичных правоотношений (ст. 245 ГПК); 4) особого производства (ст. 262 ГПК); 5) об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов; 6) о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений. *Иерархическая подсудность дел* — т.е. распределение компетенции между судами общей юрисдикции различного уровня — определяется ст. 24—27 ГПК (первой инстанцией в подавляющем большинстве гражданско-правовых споров является, конечно, *районный суд*); *территориальная подсудность* — ст. 28—33 ГПК (по общему правилу иск предъявляется в суд по месту жительства (нахождения) ответчика). Дела по заявлениям, содержащим несколько требований, одни из которых подсудны мировому судье, а другие районному суду, рассматриваются районными судами (ч. 3 ст. 23 ГПК).

3) **Военным судам**, согласно п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» «...подсудны ... гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов..., граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений».

4) **Арбитражным судам** подведомственны *дела, так или иначе связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности* юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, а в случаях, предусмотренных АПК и иными федеральными законами, другими организациями и гражданами[131], т.е. дела по так называемым *экономическим спорам*. В их число включается 1) основная масса *гражданских дел, связанных с экономической деятельностью* (ч. 1, 2, 5 ст. 27, ст. 28 АПК); 2) дела «...из административных и иных публичных правоотношений»[132], связанных

131 В том числе с участием Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица, и граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, а также с участием «...иностранных организаций, международных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства» (п. 1, 2, 5 ст. 27, ст. 28 АПК).

132 В том числе об оспаривании нормативных и ненормативных актов, а также действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов и должностных лиц, «...затрагивающих права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (там же). При этом дела об оспаривании *нормативных* правовых актов (хотя бы и затрагивающих права в сфере экономической деятельности) рассматриваются арбитражным судом только «...если федеральным законом их рассмотрение отнесено к компетенции арбитражного суда»; дела же об оспаривании актов *ненормативного свойства*, а также незаконных случаев действия и бездействия органов и должностных лиц публичной власти, затрагивающих права в сфере экономической деятельности, — всегда.

с экономической деятельностью (ч. 1 и 2 ст. 29 АПК); 3) дела «...о взыскании с организаций и граждан, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обязательных платежей и санкций, если федеральным законом не предусмотрен иной порядок их взыскания» (п. 4 ч. 1 ст. 29 АПК); 4) дела «...об установлении фактов, имеющих юридическое значение» (естественно — «для возникновения, изменения и прекращения прав организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» — ст. 30 АПК); 5) дела «об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов» опять-таки по экономическим спорам (ст. 31 АПК); 6) дела «...о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений» по экономическим спорам (ст. 32 АПК); 7) дела о несостоятельности (банкротстве) (п. 1 ч. 1 ст. 33 АПК); 8) дела по корпоративным спорам (п. 1 ч. 1 ст. 33, ст. 225.1 АПК); 9) дела «...по спорам об отказе в государственной регистрации, уклонении от государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей» (п. 3 ч. 1 ст. 33 АПК); 10) дела «...по спорам, вытекающим из деятельности депозитариев, связанной с учетом прав на акции и иные ценные бумаги и с осуществлением предусмотренных федеральным законом иных прав и обязанностей» (п. 4 ч. 1 ст. 33 АПК); 11) дела «...по спорам, вытекающим из деятельности государственных корпораций и связанным с их правовым положением, порядком управления ими, их созданием, реорганизацией, ликвидацией, организацией и полномочиями их органов, ответственностью лиц, входящих в их органы» (п. 4.1 ч. 1 ст. 33 АПК); 12) дела по спорам о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также по спорам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам (п. 4.2 ч. 1 ст. 33, ч. 4 ст. 34 АПК); 13) дела «...о защите деловой репутации в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» (п. 5 ч. 1 ст. 33 АПК); 14) дела об административных правонарушениях в сфере экономической деятельности (абз. 3 ч. 3 ст. 23.1 КоАП); 15) дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (ч. 3 ст. 34) и 16) иные дела, возникающие при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности (хотя бы и из публичных правоотношений), прямо отнесенные к компетенции арбитражных судов федеральным законом (п. 3, 5 ст. 29, п. 6 ч. 1 ст. 33 АПК).

5) **Конституционный Суд Российской Федерации** осуществляет судебную власть посредством конституционного производства (ст. 1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Он не разрешает конкретных гражданско-правовых споров, но его деятельность имеет существенное значение для применения актов гражданского законодательства и иных правовых актов. Именно: Конституционный Суд *разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов и нормативных актов Президента и Правительства РФ, проверяет конституционность закона*, примененного или подлежащего

применению в конкретном деле и *дает обязательное для применения толкование Конституции РФ* (ст. 3 Закона).

517. **Медиационный и третейский (квазисудебный) порядок защиты гражданских прав.** Ряд гражданско-правовых споров (особенно между корпорациями — участниками одного холдингового объединения, а также в сфере внешнеторговой деятельности) разрешают органы и лица, не входящие в судебную систему РФ и не являющиеся судьями, но, тем не менее, по существу выполняющими судебные функции. К их числу относятся *медиаторы и медиационные службы*, а также *третейские суды*.

Медиация (примирительная процедура) означает посредничество в разрешении споров и направлена в первую очередь на то, чтобы склонить участников гражданско-правового спора к его разрешению посредством соглашения. В этом смысле медиацию трудно причислить к способам *защиты прав в ее чистом виде*: достигая (с помощью посредника) договоренности об изменении спорных правоотношений, их участники не защищают нарушенных прежде прав, но отказываются от них (полностью или в части), удовлетворяя свой интерес за счет приобретения каких-то новых прав или соответственного изменения (уменьшения) прав контрагентов. Если подобное урегулирование конфликта и считать защитой, то только в каком-то специфическом смысле. Медиаторы и медиационные службы создаются, как правило, при различного рода организациях и объединениях предпринимателей, а их статус, функции и сами медиационные процедуры определяются внутренними документами таких организаций. Отношения, «...связанные с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных правоотношений» в настоящее время регулируются Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Третейское разбирательство осуществляется по правилам, установленным Законом РФ от 07.07.1993 № 5338—1 (для споров в сфере внешней торговли) «О Международном коммерческом арбитраже» и Федеральным законом от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах»; конкретные процедуры определяются внутренними документами (Регламентом и Положением) постоянно действующего третейского суда (п. 1 и 2 ст. 19 Федерального закона «О третейских судах») или соглашением сторон, а в части, им не урегулированной — самим третейским судом ad hoc (абз. 2 п. 3 ст. 19 Закона).

Вопрос о *юрисдикции* третейских судов разрешается (как это уже отмечалось применительно к спорам с участием иностранных лиц*) на основании особой договоренности сторон спорного общественного отношения, называемой *третейским соглашением* или *арбитражной оговоркой*, согласно которой споры, уже возникшие и (или) возникнувшие в будущем из определенных гражданских правоотношений,

*см. п. 148

подлежат передаче на разрешение определенного третейского суда (ч. 3 ст. 3 ГПК; ч. 6 ст. 4 АПК; ст. 5, 7 Федерального закона «О третейских судах», ст. 7, 16 Закона РФ «О Международном коммерческом арбитраже»). Различаются *постоянно действующие* третейские суды и *третейские суды, создаваемые для разрешения конкретных споров* (так называемые *суды ad hoc*). Все они организуются и действуют в соответствии с Федеральным законом «О третейских судах», собственными внутренними документами и актами, а также соглашениями сторон; кроме того, третейские суды для разрешения международных экономических гражданско-правовых споров — международные коммерческие арбитражи (арбитражные суды) — подчиняются Закону РФ «О международном коммерческом арбитраже».

518. **Защита гражданских прав в административном порядке (общие сведения).** Согласно п. 2 ст. 11 ГК защита гражданских прав в административном порядке — т.е. защита при посредстве органов прокуратуры, государственных органов исполнительной власти и муниципальных органов, их должностных лиц, а также организаций и лиц, выполняющих публично-правовые функции — возможна лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Большое количество органов исполнительной власти и разнообразие их функций** делают полное и подробное рассмотрение вопроса об их роли в деле административной защиты гражданских прав в рамках настоящего Учебника невозможным; по этой причине мы ограничиваемся здесь изложением самых важных и принципиальных моментов.

**см. п. 373, 378, 379

1) **Органы прокуратуры РФ** — система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ (ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации»). Используя предоставленные им полномочия, сотрудники органов прокуратуры *выявляют конкретные факты нарушений законодательства* (в том числе гражданского) со стороны органов исполнительной власти, муниципальных органов, их должностных лиц, организаций и граждан и реагируют на таковые посредством 1) принесения *протестов* (ст. 23 Закона), 2) внесения *представлений* (ст. 24), 3) вынесения *постановлений* (ст. 25), 4) направления *предостережений* (ст. 25.1) и 5) *участия в гражданских и иных делах*, рассматриваемых судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в том числе по собственной инициативе, проявляемой в целях защиты прав граждан, интересов общества или государства в форме обращения в суд с иском или заявлением, а также посредством опротестования незаконных судебных актов (ст. 35 Закона; ст. 45 ГПК; ст. 52 АПК).

Частное лицо, считающее целесообразным прибегнуть к прокурорскому содействию в защите своих гражданских прав или в реализации охраняемых законом интересов, должно направить в компетентную прокуратуру заявление, жалобу или иное *письменное обращение*, содержащее сведения о нарушении законодательства (п. 1

ст. 10 Закона). Поступившие обращения должны быть разрешены в течение 30 дней со дня их регистрации, а не требующие дополнительного изучения и проверки — не позднее 15 дней; данные сроки могут быть продлены, но не более чем на 30 дней (п. 5.1 и 5.9 Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генпрокуратуры РФ от 17.12.2007 № 200).

2) **Органы полиции (в прошлом — милиции)** — система органов МВД России, предназначенных «...для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, ...для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» (п. 1 ст. 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»). Среди возложенных на полицию *обязанностей* непосредственное отношение к охране и защите гражданских прав имеют следующие: 1) «...оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья...»; 2) «...обеспечивать безопасность граждан и общественный порядок на улицах, площадях, стадионах, в скверах, парках, на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, морских и речных портах и других общественных местах», в том числе в процессе проведения митингов, шествий, собраний и прочих массовых мероприятий; 3) «...принимать при чрезвычайных ситуациях неотложные меры по спасению граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра...»; 4) «...пресекать административные правонарушения», отнесенные к подведомственности полиции (в том числе, следовательно, против личности, неприкосновенности частной жизни, имущества и интеллектуальных прав); 5) шествлять розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых и обвиняемых в их совершении; лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда; ...лиц, пропавших без вести; осуществлять розыск похищенного имущества; устанавливать имущество, подлежащее конфискации»; 6) осуществлять деятельность в области организации оборота гражданского и служебного оружия и боеприпасов, а также в области контроля за ним; 7) «...выдавать ...лицензии на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности и на осуществление охранной деятельности», а также «...осуществлять контроль за деятельностью частных детективов и частных охранных организаций»; 8) наки подделки, а также вещи, изъятые из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособные, находящиеся у них без специального разрешения...»; 10) «...обеспечивать сохранность найденных и сданных в полицию документов, вещей, кладов, ценностей и другого имущества, их возврат законным владельцам либо передачу в соответствующие государственные или муниципальные органы»; 11) «...оказывать содействие судебным приставам в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по нормативно-правовому регулированию в сфере обеспечения установленного порядка деятельности судов и исполнения судебных актов и актов других органов, при осу-

ществлении розыска гражданина — ответчика по гражданскому делу, а также должника, имущества должника или розыска ребенка по исполнительным документам» (подп. 3—7, 11, 12, 20, 21, 23—25, 37, 38, 41 п. 1 ст. 12 Закона о полиции).

3) **Федеральная служба судебных приставов** (ФССП России) — федеральный орган исполнительной власти, являющийся структурным подразделением Минюста России, должностные лица которого — судебные приставы — во-первых, 1) обеспечивают установленный порядок деятельности Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в том числе деятельности по разрешению гражданско-правовых споров и, во-вторых, 2) «... осуществляют принудительное исполнение судебных ..., а также предусмотренных ... законом ... актов других органов и должностных лиц», подлежащих принудительному исполнению (ст. 1, п. 1 ст. 4, ст. 11, 12, 14 Федерального закона от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах»). Видно, что деятельность ФССП России направлена, в целом, на обеспечение эффективной деятельности судов, т.е. не имеет самостоятельного характера. Это, однако, никак не умаляет ее значения: без деятельности судебных приставов многие решения судов по гражданским делам оставались бы неисполненными (нереализованными), а некоторые из них даже не могли бы быть вынесены. Привлечение судебных приставов для обеспечения порядка деятельности судов осуществляется самими судьями; производство же по принудительному исполнению судебных и им аналогичных актов (включая, между прочим, постановления самих судебных приставов-исполнителей) возбуждается судебными приставами-исполнителями *по заявлениям заинтересованных частных лиц* и ведется ими в порядке, определяемом Федеральным законом от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

4) **Иные государственные органы исполнительной власти** (министерства, службы и агентства) могут защищать частных лиц трояким образом.

Во-первых, в установленных законодательством случаях и порядке некоторые такие органы вправе *принимать решения* (*ненормативные акты*) *о защите гражданских прав посредством применения к правонарушителям государственно-принудительных мер правоохранительного характера*. Типичным примером подобного органа является ФАС России, наделенная правом принятия решений и выдачи обязательных для исполнения частными лицами, государственными органами и их должностными лицами предписаний, в частности, о 1) возврате имущества, необоснованно предоставленного в качестве государственной или муниципальной преференции; 2) прекращении нарушений законодательства о защите конкуренции, устранении последствий таких нарушений, недопущении их впредь и совершении действий, направленных на обеспечение конкуренции[133]; 3) о заклю-

133 Включая обеспечение в установленном порядке доступа к производственным мощностям или информации, предоставление прав на объекты охраны промышленной собственности, передачу прав на имущество или запрет такой передачи, предварительное информирование антимонопольного органа о намерении совершить предусмотренные предписанием действия, продажу определенного объема продукции ➲

чении, изменении или расторжении договоров; 4) о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства; 5) об изменении или ограничении использования фирменного наименования; 6) об отмене или изменении актов, нарушающих антимонопольное законодательство и т.д. (см. ст. 21, п. 2 и 3 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции»).

Во-вторых, некоторым государственным органам предоставлено *право обращаться в суды* (*арбитражные суды*) *с исками, направленными на защиту гражданских прав определенных лиц.* Так, ФАС России вправе обращаться в арбитражные суды с исками (заявлениями) о 1) признании недействующими либо недействительными нормативных правовых актов или ненормативных актов, а также договоров, не соответствующих антимонопольному законодательству и торгов, проведенных с нарушением требований такого законодательства; 2) понуждении к заключению договора, к его изменению или расторжению; 3) ликвидации юридических лиц; 4) взыскании в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства; 5) о понуждении к исполнению решений и предписаний антимонопольного органа (п. 6 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции»).

Наконец, в-третьих, ненормативные акты всех органов исполнительной власти, а также действия или бездействие их должностных лиц, нарушающие гражданские субъективные права, могут быть *обжалованы частными лицами в порядке подчиненности*, т.е. *в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу*. Субъекты, основания и порядок такого обжалования определяются нормативными актами, регламентирующими правовые основы деятельности соответствующих органов.

5) **Нотариусы**, не будучи ни должностными лицами государственных органов, ни (тем более) самими этими органами, тем не менее выполняют ряд публичных функций, в том числе по обеспечению (охране) и защите гражданских прав. Статьей 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462—1 прямо предусмотрено, что при совершении нотариальных действий нотариус «...обязан *оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов*, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред». Такие нотариальные действия, как 1) наложение и снятие запрещений на отчуждения имущества, 2) удостоверение времени предъявления документов, 3) передача заявлений частных лиц, 4) принятие денежных сумм и ценных бумаг в депозит, 5) хранение документов, 6) обеспечение доказательств, 7) совершение исполнительных надписей, вексельных и морских протестов, а также 8) удостоверение фактов неоплаты че-

---

➲на товарной бирже, предварительное согласование с антимонопольным органом особенностей формирования стартовой цены на продукцию при ее продаже на товарной бирже.

ков, являются *необходимыми предпосылками последующей судебной или административной защиты гражданских прав.*

Затем, нотариусы совершают большое количество разнообразных действий, связанных с *осуществлением и охраной наследственных прав.* Нотариусы не только удостоверяют завещания (что, разумеется, является общеизвестным фактом), но и *составляют* таковые, записывая их текст со слов завещателя (п. 1 и 2 ст. 1125 ГК), выступают *хранителями* закрытых завещаний (п. 3 ст. 1126), *вскрывают* и *оглашают* завещания (п. 4 той же статьи), *толкуют* (разъясняют) содержание завещаний (ст. 1132), *принимают заявления* о принятии наследства (п. 1 ст. 1153) и об отказе от него (п. 1 ст. 1159), а также о согласии быть исполнителями завещаний (п. 1 ст. 1134), выдают и аннулируют *свидетельства* о праве на наследство (п. 2 ст. 1155, ст. 1162) и о полномочиях исполнителя завещания (п. 1 ст. 1135), а также принимают меры к *охране* наследственного имущества и к *управлению* им (ст. 1171—1173). Большинство перечисленных мер носит регулятивный характер, но все они, будучи направленными на то, чтобы предупредить возникновение конфликтов в частноправовой сфере, в конечном счете служат необходимыми предпосылками последующей судебной защиты гражданских прав на случай, если данная превентивная деятельность не достигнет успеха.

Нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов, их нотариальные копии, а также исполнительные надписи нотариусов по договорам о залоге, предусматривающим внесудебный порядок обращения взыскания на предмет залога (п. 5 ст. 349 ГК) относятся согласно п. 3 и 9 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве» к числу *исполнительных* (т.е. подлежащих непосредственному принудительному исполнению) *документов.* По всей видимости, к разряду исполнительных документов должны быть отнесены также исполнительные надписи нотариусов о взыскании с арендаторов задолженности по арендной плате (п. 3 ст. 630 ГК).

Все остальные нотариальные действия, в том числе и такое (самое распространенное), как удостоверение сделок, направлены в первую очередь на надлежащее — грамотное и точное — юридическое оформление правового положения частных лиц, и служат, следовательно, факторами, предупреждающими возникновение условий для нарушения гражданских прав.

519. **Самозащита гражданских прав.** *Самозащита* представляет собой *правомерные действия управомоченного лица, направленные на прекращение наличествующего (длящегося) процесса гражданского правонарушения, и (или) на уменьшение вредоносных последствий этого процесса — «...охрану материальных и нематериальных благ»*[134]. Действия по самозащите гражданских прав должны быть 1) *соразмерны* характеру нарушения прав и его возможным последствиям, а также 2) *минимально необходимы* для достижения поставленной цели.

134 **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 563.

Очень важно не сводить круг оснований для возможного применения самозащиты к одним только *противоправным посягательствам* на чужую личную или имущественную (частноправовую) сферу. Случаи отражения таких посягательств составляют лишь одну из разновидностей самозащиты — *действия в состоянии необходимой обороны* (ст. 1066 ГК), наряду с другой ее разновидностью — институтом *действия в состоянии крайней необходимости* (ст. 1067), т.е. при устранении за чужой счет опасности, угрожавшей чьей-либо частноправовой сфере[135]. Самозащита основательна всегда, когда налицо *процесс умаления частноправовой сферы*, а из-за чего он начал происходить — это уже неважно. Совсем не обязательно, чтобы такой процесс был «запущен» противоправным посягательством — он может стать и следствием *события*, и даже неосторожных действий *самого потерпевшего* (того самого лица, чья частноправовая сфера подверглась ущемлению).

Действия по самозащите принято относить к разряду *фактических* в том смысле, что они как правило непосредственно воздействуют либо на само посягающее лицо, либо на принадлежащие ему вещи, и лишь весьма редко — на его имущественные права[136]. В то же время расцениваясь как *правомерные*, т.е. совершаемые *в пределах* признанных за частным лицом юридических способностей и возможностей, такие действия должны относиться к категории *юридических*. Не подлежит сомнению также и то, что, не имея *непосредственной* направленности на юридические последствия, действия по самозащите права к таким последствиям все-таки *реально приводят*, хотя и опосредованно (через вредоносное воздействие на субъект или объект права).

Основной практический вопрос, возникающий в связи с применением мер самозащиты, — это вопрос об их *соразмерности характеру правонарушения*. Возьмем следующий случай: вернувшийся домой хозяин застает в своей квартире вора. Какие меры он мог бы предпринять для защиты своего права собственности на находящиеся в квартире вещи? Так, в частности, может ли собственник убить незваного гостя? причинить ему тяжкие телесные повреждения? или же ему следует ограничиться лишь такими мерами физического воздействия, которые, с одной стороны, вынудят похитителя прекратить противоправное посягательство, с другой — не нанесут его здоровью (не говоря уже о жизни) серьезного расстройства? А применяя такие меры, может ли собственник использовать также подручные (палка, клюшка, кочерга, бита, кухонный нож и т.п.) или специальные (нунчаку, штык-нож, огнестрельное оружие) средства? имеющиеся у него борцовские или, скажем, боксерские навыки? иные специальные познания (скажем, в области медицины, кун-фу, йоги) или нетрадиционные способности (к телепатии, телепортации, левитации и т.п.)?

С некоторой долей уверенности можно утверждать лишь то, что причинение вреда *жизни* правонарушителя ни при каких условиях

---

135 Разумеется, все случаи использования чужого имущества (оружия, инструментов, сельскохозяйственного инвентаря, авто-, мото- и иных транспортных средств, денег и т.д.) для отражения противоправных посягательств будут подпадать одновременно под признаки и крайней необходимости, и необходимой обороны.

136 Обыкновенно последняя разновидность мер самозащиты рассматривается отдельно под названием *мер оперативного воздействия*.

не может быть оправдано соображениями о предотвращении вреда *имущественного*. С другой стороны, ясно, что пресечение *правонарушений* будет тем более эффективным, чем более серьезным будет воздействие защищающегося на самого посягающего; неэффективные же действия не только не пресекут нарушения, но и могут спровоцировать правонарушителя на еще более тяжкое посягательство. Воздействие же именно на *личность* нарушителя — мера, отличающаяся наибольшей эффективностью. Да и к тому же не всегда у лица, стремящегося прибегнуть к самозащите, имеется возможность совсем уж адекватного до буквальности ответа; ситуации типа «Раз ты причиняешь вред моему автомобилю — дай-ка и я искорежу твой!» в жизни встречаются нечасто. Ну а попытка предотвратить посягательство на жизнь с помощью нанесения повреждений имуществу посягающего могла бы быть предметом разве только анекдота, но уж никак не практической рекомендации. Складывается странная ситуация: меры, способные эффективно остановить нарушителя, скорее всего, окажутся несоразмерными посягательству, а действия соразмерные будут либо бессмысленными, либо вообще невозможными. Как тут быть? Думается, что ключевым в этом вопросе должно быть соображение о том, что вред при самозащите причиняется не законопослушному лицу, но *правонарушителю* — лицу, которое само своими действиями поставило себя вне гражданского общества и в какой-то мере вне закона. Тому, кто нарушает закон в одном, вряд ли следует *вполне* рассчитывать на его покровительство в другом. Ясно, что сколько-нибудь точное универсальное определение степени этого «вполне» — меры тех исключений, которые могут быть сделаны из принципа покровительства закона для лица, совершающего противоправное деяние — невозможно; все в конечном счете сводится к особенностям обстоятельств конкретного случая. В остальном — господствует полная неопределенность, особенно высокая, конечно, в случаях нарушения душевного равновесия и психического здоровья потерпевшего (можно ли застрелить или хотя бы ударить лицо, систематически унижающее честь и достоинство?), а также при самозащите от процессов, не составляющих противоправных действий.

При оценке особенностей обстоятельств конкретного случая следует посмотреть на них, в первую очередь, глазами подвергшегося посягательству потерпевшего лица. Не нужно забывать о том, что результат оценки действий по самозащите на предмет их соразмерности правонарушению будет зависеть от того, *в каких условиях оценка производится*. Одно дело — рассуждать о «соразмерности» самозащиты *судье*, т.е. делать это применительно к *чужой* правовой сфере (целостность которой лично самому судье безразлична), в *спокойной обстановке* (в зале судебного заседания, в присутствии публики, под охраной полиции и приставов), спустя некоторое (нередко весьма значительное) время *после посягательства* (т.е. тогда, когда страсти хоть чуточку, но улеглись, а последствия посягательства вполне определились), и имея в своем распоряжении достаточный для этого *временной и профессиональный ресурс*. Совсем другое — определяться с соразмерностью *самому потерпевшему* (т.е. при посягательстве на *его собственные* права, к которым он явно не может отнестись совсем уж бесстрастно), да еще и *в процессе наличного посягательства*, т.е. когда

ни намерения нападающих, ни последствия нападения еще неясны, а обстановка (одиночество, проселочная ночная дорога, агрессивный настрой нападающих, отсутствие всякой возможности не только получить помощь, но и обеспечить хотя бы минимальные доказательства того, как все происходило и т.д.) позволяет предполагать самое худшее; к тому же при внезапном или кратковременном происшествии у потерпевшего обычно просто *нет времени* на всестороннюю оценку всех обстоятельств ситуации; наконец, обстоятельства происшествия могут быть такими, что лицо, прибегающее к самозащите, окажется не в состоянии оценить их с чисто профессиональной точки зрения[137]. Иными словами, следует ли говорить о соразмерности *объективной* или *субъективной*? Мы отвечаем на этот вопрос в том смысле, что речь должна идти о *соразмерности субъективной*, т.е. о том, как должны были бы выглядеть соразмерные способы самозащиты в глазах лица, ими воспользовавшегося.

Сходные трудности вызывает и оценка действий, предпринятых для пресечения посягательства, на предмет их *минимальной необходимости*. Возьмем другой пример. Прекратить потраву посевов пробравшимися на участок чужими свиньями можно несколькими различными способами: 1) *обратиться* к собственнику свиней *с требованием* удалить таковых с участка, 2) *выгнать* свиней самому (с нанесением им большего или меньшего вреда), с помощью соседей или прохожих, или, наконец, 3) *застрелить* свиней. Во-первых, возникает вопрос о распределении бремени доказывания: следует ли собственнику посевов, избравшему последний вариант поведения, доказывать, что он *не имел возможности* пресечь правонарушение иными (меньшими) средствами, или же, напротив, потерпевший от самозащиты должен доказать, что причинитель вреда *мог бы обойтись* и иным, менее кардинальным средством? А во-вторых, возникает вопрос, аналогичный только что обсуждавшемуся: следует ли смотреть на минимально необходимые действия с позиции объективной или субъективной? Как указывалось выше, исходя из того, что лицо прибегает к самозащите *в ситуации, не дающей ему возможности для ее всесторонней и объективной оценки* (пока он будет ею заниматься — свиньи все вытопчут и съедят), а то и *будучи вынужденным к этому неправомерными действиями лица, которому придется претерпевать последствия самозащиты*, на оба вопроса следует ответить в смысле, *благоприятном для защищающегося лица*.

От самозащиты нужно отличать *самоуправство* — 1) действия, предпринимаемые для достижения целей самозащиты, но ***заведомо для действующего лица*** *выходящие за рамки соразмерных или минимально необходимых* (например, причинение посягающему вреда, завс-

137 Классическая ситуация — одному из участников похода становится плохо с сердцем; его товарищи (не медики), понимая, что приезд «Скорой» к месту происшествия из-за его отдаленности может затянуться, завладевают без разрешения собственника его автомобилем, на котором и доставляют пострадавшего в больницу. Даже если в последующем выясняется, что объективной необходимости в столь экстренной помощи на самом деле не было (состояние здоровья потерпевшего позволяло ему дождаться приезда «Скорой», которую можно было вызвать по мобильному телефону), этот факт не отменит квалификации действий как в совершенных состоянии крайней необходимости.

домо большего, чем вред предотвращаемый); 2) действия *в состоянии добросовестного заблуждения* относительно наличия у действующего лица действительного или предполагаемого права (например, отобрание кредитором у должника вещи в счет уплаты долга). Самоуправство первого вида будет классическим *деликтом* со всеми, вытекающими отсюда последствиями; второго — по всей видимости следует считать *действием правомерным*, но все-таки влекущим обязанность возместить причиненный им вред, по крайней мере — реальный.

520. **Меры оперативного воздействия.** Разновидностью мер самозащиты гражданских прав являются *меры оперативного воздействия*, обычно определяемые как «...*юридические* средства правоохранительного характера, которые применяются к нарушителю гражданских прав и обязанностей непосредственно лицом как стороной в гражданском правоотношении, без обращения за защитой права к компетентным государственным органам»[138], но не объединяемые с мерами самозащиты, а противопоставляемые им. Думается, что для этого нет достаточных оснований: *самостоятельное* применение потерпевшим мер оперативного воздействия, а также их *направленность* на пресечение процесса умаления частноправовой сферы и минимизацию его последствий, вполне оправдывают их отнесение к числу *мер самозащиты*.

Традиционно приводимым примером мер оперативного воздействия в советском гражданском праве был *перевод поставщиком неисправного покупателя на аккредитивную форму расчетов*. Сегодня эта практика встречается нечасто (хотя и не является в принципе невозможной), но в целом ГК существенно расширил арсенал таких мер. Значение мер оперативного воздействия приобретают, в частности, удержание вещи или сохранение правового титула, задержание исполнения, односторонний отказ от договора или исполнения предусмотренных им обязательств, отказ от принятия ненадлежащего исполнения, удовлетворение собственных интересов самостоятельно или за счет третьих лиц с переложением расходов на правонарушителя и т.п.

Из приведенного перечня хорошо видно, что с помощью мер оперативного воздействия могут быть защищены *только относительные гражданские субъективные права*, прежде всего *обязательственные*. Это, однако, тоже не повод для того, чтобы противопоставлять их способам самозащиты гражданских прав; скорее перед нами — способы самозащиты обязательственных прав. Отличительная их черта — непосредственная юридическая направленность — определяется именно этим обстоятельством (относительной природой защищаемых с их помощью субъективных прав). В конце концов, ведь далеко не каждая из так называемых фактических мер самозащиты может быть применена для защиты субъективного права любого типа — это же не слу-

138 **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. Т. I. С. 568—569.

жит основанием для выделения подобных «не универсальных» мер в какой-то отдельный институт! Дело не в свойствах и характере защищаемого права, которыми в конечном счете определяется и существо применяемых для его самозащиты мер, а в *самостоятельном характере применения* последних *для достижения определенных целей*. Обоим этим критериям меры оперативного воздействия вполне отвечают.

§ 4. Реализация чужой гражданской правосубъектности (в том числе представительство) (п. 521—532)

521. **Понятие и круг случаев реализации чужой гражданской правосубъектности.** О *реализации чужой гражданской правосубъектности* говорят *при совершении юридических действий за счет имущества, на страх и риск, а иногда и на имя другого лица — иного, чем то, что физически совершает соответствующее действие.* «За (на, в) чужой счет» — вот ключевая категория, обнимающая собой все случаи реализации чужой гражданской правосубъектности, в самом общем виде обрисованные*. Шесть категорий лиц, а именно:

*см. п. 564

1) *договорные представители*,
2) *законные представители*,
3) *должностные лица, работники* и *заместители*,
4) *исполнители поручений* и *управляющие*,
5) *государственные и муниципальные органы* и, наконец,
6) *гесторы*,

представляют собой круг тех субъектов, которые законным образом реализуют чужую гражданскую правосубъектность.

Приведенным перечислением в общем вполне предопределяется план настоящего параграфа. Сперва мы рассматриваем категории лиц, которые реализуют чужую гражданскую правосубъектность, совершая действия *не только за счет, но и от имени* другого лица, т.е. создают гражданско-правовые последствия *непосредственно в правовой сфере этого последнего* — представителей и законных представителей, должностных лиц, участников и работников организаций, а также лиц, привлекаемых должниками для передачи исполнения по обязательствам.

Затем мы рассматриваем правовое положение лиц, которые, хотя и действуют в юридическом отношении *от собственного имени*, рассчитывают однако покрыть (провизовать) или возместить (рамбурсировать) понесенные таким образом собственные имущественные затраты из имущества другого лица, т.е. *переложить на них имущественную сторону созданных для себя гражданско-правовых*

последствий. Не будь у них основания ожидать подобного покрытия или возмещения (рассчитывай они на обеспечение соответствующих юридических действий собственным имуществом) — таких действий, приведших к этим последствиям, они бы и не совершали. Это — исполнители различного рода поручений (комиссионеры и агенты), а также управляющие чужим имуществом (обладатели прав хозяйственного ведения и оперативного управления, управляющие коммерческими организациями, доверительные и арбитражные управляющие и др.). Правовое положение государственных и муниципальных органов, как материал, уже изложенный*, повторно в настоящем параграфе не рассматривается; завершается рассмотрение вопросом о правовом положении лиц, действующих в чужом интересе без поручения.

*см. § 3 гл. 12

Признание гражданским правом (в отступление от одного из своих основополагающих принципов) возможности реализации гражданской правосубъектности одного лица действиями другого объясняется следующим соображением. Субъекты гражданских правоотношений не могут простирать свое *фактическое* господство безгранично. Их возможности в этом отношении ограничены рядом объективных обстоятельств, которые, несмотря ни на какие желания, преодолеть невозможно. Так, общепризнанным постулатом является положение о том, что ни одно физическое лицо не в состоянии пребывать (а значит, и совершать юридически значимые действия) в нескольких различных местах одновременно[139]; точно так же обстояло бы дело и с лицом юридическим, поскольку его единоличный исполнительный орган (генеральный директор), также, будучи по своей природе лицом физическим, не в состоянии был бы совершать юридические действия более чем в одном месте (месте своего фактического нахождения) одновременно. Существуют, затем, физические лица, вовсе не способные к совершению юридических действий по причине недостатков в дееспособности и т.д. Право находит следующий выход из подобных ситуаций: юридические и (или) имущественные последствия действий известных лиц оно приурочивает к другим лицам, т.е. рассматривает эти действия так, как если бы они были совершены этими последними. Иными словами, речь идет о гражданско-правовых средствах распространения сферы *юридического* влияния лица за пределы собственных *физических* возможностей.

Где же границы применения данных гражданско-правовых средств? *На чужой счет* может быть совершено *абсолютно любое юридическое действие*, если для этого имеется предварительное согласие на его совершение, либо если его имущественные и правовые последствия получили последующее одобрение (были приняты) лицом, на счет которого действие совершалось. *На чужое же имя*[140] можно совершить уже *далеко не всё* — лишь те действия, существо ко-

139 На этом соображении основано понятие *алиби* — одно из центральных понятий уголовного процесса.

140 Всякое действие, совершаемое на чужое имя, совершается за чужой счет; вместе с тем не каждое действие на чужой счет есть одновременно и действие на чужое имя. Действия на чужой счет — понятие более широкое, поглощающее собой понятие о действиях на чужое имя.

торых не предполагает проявления действующим субъектом каких-либо своих *строго личных качеств*. Вступление в брак, расторжение брака, признание отцовства, усыновление (удочерение), осуществление родительских прав, исполнение опекунских или попечительских обязанностей, оказание личных услуг, отправление компетенции (должностных полномочий), включая представительство, государственная и муниципальная гражданская или военная служба, выполнение большинства трудовых обязанностей, составление завещания, творческая деятельность, все без исключения действия, называемые фактическими (дыхание, прием пищи, сон, прогулка, езда на автомобиле, чтение книг и т.д.), абсолютно все неправомерные действия и, наконец, большинство действий публично-правового значения — все эти действия таковы, что могут совершаться лицом *только от собственного имени*.

522. **Понятие и содержание представительства.** Термин «представительство» обозначает два различных понятия. Во-первых, *представительство* — это гражданско-правовая форма, содержанием которой является юридическая возможность одного лица (представителя) действовать от имени, в интересах и за счет другого лица (представляемого), возникающая из договора, акта уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, либо в силу закона. Данная юридическая возможность называется *полномочием*. Во-вторых, *представительством* называется сама деятельность представителя, направленная на реализацию предоставленной ему юридической возможности, т.е. осуществляемая в рамках принадлежащего ему полномочия.

В ГК не содержится определения представительства, но описываются последствия сделки, совершаемой представителем от имени представляемого: она создает, изменяет или прекращает гражданские права и обязанности *непосредственно у представляемого* (п. 1 ст. 182 ГК). Иными словами, представительство — это тот самый правовой институт, используя который, лицо действует *не только на чужой счет, но и на чужое имя. Действия* совершаются *представителем*, а *гражданско-правовые последствия этих действий* падают *на представляемого*; участник *сделки* (*договора*) — представитель, участник *правоотношений* — представляемый; представитель должен обладать способностью *к совершению сделки*, представляемый — способностью *к участию в правоотношениях, из этой сделки возникающих*. Представитель участвует в сделке, но не участвует в правоотношениях, ею созданных; представляемый же, напротив, становится участником правоотношений из сделки, совершенной его представителем, но не принимает участия в самой этой сделке[141].

141 В этой связи становится чрезвычайно рельефной грубая ошибочность абз. 1 п. 1 ст. 160 ГК, гласящего о возможности подписания документов о сделках лицами, «...должным образом уполномоченными ... лицами, совершающими сделку». Если сделка совершается «должным образом уполномоченными» на ее совершение лицами, то именно➲

Содержанием гражданско-правового отношения, называемого представительством, является *полномочие*, по своей природе представляющее собой частный случай (разновидность) секундарного права* [142]. Предоставление полномочия облекается в форму документа, который должен соответствовать правилам ст. 185—187, 188.1 ГК. Называется он *доверенностью*[143].

* см. п. 8, 177—181

523. **Виды представительства (по основаниям установления, способам оформления и сферам).** Из приведенного выше определения представительства видно, что по основанию своего установления оно подразделяется на три вида — *договорное* (*добровольное*), *должностное* и *законное*. Весьма близко к данной классификации стоит подразделение представительства по *способу удостоверения представительских полномочий*. Наконец, чрезвычайно важное практическое значение имеет деление представительства по сферам своего применения на *материальное* (частноправовое) и *процессуальное* (шире — публично-правовое).

1) **Добровольное представительство** возникает из договора между представителем и представляемым и преследует целью удовлетворение интереса представляемого в умножении своей юридической личности, в распространении сферы своего правового господства за пределы фактического места нахождения. Отношения добровольного представительства могут прекратиться отказом от них любой из сторон. Отношения между представителем и представляемым, объясняющие, почему первый согласился быть представителем вто-

---

➲они и никто другой и являются участниками такой сделки; в том, чтобы «уполномочивать» на ее совершение самих себя, нет, разумеется, никакой необходимости. Документы о сделке подписываются только лицами, совершающими сделку, и никем иным; если законодателю очень хотелось отразить в п. 1 ст. 161 случай совершения сделки через представителя, то следовало бы сказать о документах, подписанных «...лицом или лицами, совершающими сделку *от собственного имени, либо от имени других лиц, должным образом уполномочивших их на совершение сделки*».

142 Ранее мы раскрывали существо полномочия как «...системы двух субъективных прав представителя, одно из которых является абсолютным, другое — относительным, направленным против представляемого. *Абсолютное право представителя* включает в себя (1) возможность совершения определенных юридических действий от имени, в интересах и за счет представляемого и (2) возможность требовать от представляемого, своих контрагентов и любых других лиц не смешивать его юридическую сферу (представителя) с юридической сферой представляемого. Центром тяжести *относительного права представителя* являются (1) возможность рассчитывать на то, что все юридические последствия, созданные его действиями, падут на представляемого; (2) возможность требовать от представляемого возмещения всех необходимых расходов, понесенных им в процессе осуществления представительства». Такой взгляд сформировался у нас, конечно, под непосредственным давлением догмы, согласно которой все многообразие фактических жизненных отношений облекается в одну гражданско-правовую форму — форму гражданского правоотношения. В настоящее время мы полагаем необходимым оставить этот взгляд как явно не подтверждающийся эмпирическим материалом.

143 Вопросы о составлении и оформлении доверенностей, а также их видах, суть вопросы чисто практические. По этой причине их рассмотрение приурочивается нами к Специальной (Практической) части Учебника.

рого и почему второй доверил представлять свои интересы именно данному представителю, а не кому-то другому, в литературе принято называть *внутренней стороной отношений представительства*. Данная «сторона» отношений оформляется, как правило, *договором поручения*[144] (см. ст. 971—979 ГК). В противоположность этому действия представителя по отношению к третьим лицам, создающие права и обязанности для представляемого, обычно называют *внешней стороной отношений представительства*; документальным оформлением этой — внешней (ориентированной на всех посторонних лиц) — стороны представительства выступает вышеназванная *доверенность*. Добросовестно положившиеся на содержание доверенности третьи лица не должны ничего терять в том числе и тогда, когда ко времени совершения ими сделок с представителем доверенность уже была отозвана или прекратилась по иным основаниям (п. 2 ст. 189 ГК).

2) **Законное представительство** возникает и прекращается только с наступлением юридических фактов, указанных в законе (независимо от волеизъявления представляемого), и имеет целью обеспечение не только интересов представляемых граждан, но также и интересов лиц, связанных с ними гражданскими правоотношениями, а также общественного интереса в целом. Содержание последнего состоит в том, чтобы восполнить недостатки в дееспособности отдельных категорий субъектов гражданских правоотношений. К числу **законных** представителей российское гражданское законодательство относит (1) *родителей*, (2) *усыновителей*, (3) *опекунов* и (4) *попечителей*[145]. Осуществление законными представителями своих полномочий (секундарных и субъективных прав) составляет в то же время их *публично-правовую обязанность*; вопрос об установлении и прекращении отношений законного представительства также составляет вопрос публичного, но не частного права. По этим и некоторым другим причинам законное представительство вряд ли правильно считать видом представительства; скорее, нужно вести речь о вполне самостоятельном правовом институте.

3) **Должностное представительство** (представительство, основанное на акте государственного органа или органа местного самоуправления), сходно с представительством по закону, но с ним не сливается. Круг полномочий представителя здесь устанавливается *ненормативными административными актами*, определяющими как область деятельности представителя, так и содержание его полномочий. Однако во всех случаях представительства, основанного на административном акте, есть нечто общее, а именно то, что *представитель, как правило, является должностным лицом представляемого*. Отсюда и предложенное нами наименование - *должностное представительство*. Последнее обстоятельство делает представителя в трудовом или служебном (административном) отношении зависи-

144 Как правило, но не всегда. Представителями могут быть лица, отношения которых с представляемыми оформлены агентским договором, договором транспортной экспедиции или даже трудовым договором.

145 С некоторой долей условности, ибо действующее законодательство не знает недееспособных юридических лиц, к числу законных представителей можно было бы отнести *различные виды арбитражных управляющих*[*].

[*] см. п. 531

мым, подчиненным и подконтрольным представляемому, что фактически выводит отношения должностного представительства за рамки отношений гражданских.

Способов удостоверения представительских полномочий **четыре**: 1) *доверенность*; 2) *документ установленного законом образца* (свидетельство о рождении, об установлении отцовства, удостоверение опекуна или попечителя); 3) *ненормативный* (административный или корпоративный) *акт* и 4) *обстановка*, в которой действует представитель (продавец, кассир, гардеробщик, кладовщик и т.п.). Названные элементы классификации, несмотря на свою чрезвычайную близость, друг с другом все же не сливаются: так, полномочия договорных представителей могут не только удостоверяться доверенностями, но и следовать из обстановки; также и полномочия должностных представителей, могут оформляться непосредственно ненормативным актом, но могут также воплощаться и в доверенности и даже следовать из обстановки. Лишь только законному представительству вполне соответствует один способ оформления их полномочий — документ установленного законом образца. Согласно новой редакции п. 4 ст. 185 ГК значение доверенности — письменного полномочия (документа о полномочиях) — может иметь не только доверенность в собственном смысле этого слова, но и иной документ о полномочиях, а именно — (а) *договор* (в том числе между представителем и представляемым, а также между представляемым и третьим лицом) и (б) *решение собрания*. К таким договорам и решениям применяются не только правила ГК о самих этих договорах и решениях, но и нормы Кодекса о доверенности, «если иное не установлено законом или не противоречит существу отношений». Соответственно, с практической точки зрения было бы правильно уточнить первый пункт нашего перечня следующим образом: 1) *доверенность* (в том числе *имеющие значение доверенности договор или решение собрания*).

Представительство в строгом смысле слова — это *институт гражданского* (*частного*) *материального права*. Предметом представительского полномочия может быть, следуя буквальному толкованию п. 1 ст. 182 ГК, только сделка; практика, конечно, придерживается расширительного результата толкования, т.е. признает возможность совершения представителем *не только сделок, но и всяких вообще юридически значимых правомерных действий*. От такого — частноправового материального — представительства следует отличать *представительство в публичном, в частности, в процессуальном праве*. Для каждой области законодательства это будет *самостоятельный институт*, не являющийся разновидностью представительства общегражданского и регулируемый исключительно специальными, на сей счет устанавливаемыми нормами и правилами (см. об этом ст. 48—54 ГПК, ст. 59—63 АПК; ст. 26—29 НК, ст. 25.3—25.5 КоАП и др.).

524. **Виды добровольного представительства.** Добровольное представительство по сфере своего применения, своим задачам и содержанию обыкновенно разделяется на *лично-доверительное* (*фидуциарное*) и *коммерческое*. По общему правилу, *отношения добровольного представительства являются фидуциарными*, что вполне

естественно и объясняется их задачами — созданием гражданско-правовых последствий *на чужое имя*. Нет нужды объяснять, что возможность «продолжать» сферу чужого юридического господства, полномочия действовать от чужого имени, попавшие в руки постороннего лица, могут стать сильным соблазном, искушением для последнего к совершению от имени и за счет представляемого действий, выгодных ему, представителю. Гарантией добросовестности представителя (его деятельности не за страх, а за совесть) могут служить только его личные (неюридические) отношения с представляемым, основой которых является взаимное доверие наивысшей степени. Но можно сконструировать и такое представительство, которое будет осуществляться не за совесть, но за страх; как правило, это — страх не получить вознаграждения. Гарантией добросовестности представителя в таком представительстве будет его расчет на вознаграждение со стороны представляемого в случае надлежащей деятельности. Такое представительство, осуществляемое в сфере предпринимательской деятельности, называется (в противовес фидуциарному) *коммерческим*.

При классическом — фидуциарном — представительстве полномочие действовать от чужого имени предоставляется лишь такому лицу, которое пользуется *неограниченным и безусловным доверием представляемого*. Представляемый должен быть уверен в представителе даже больше, чем в себе самом; он должен быть уверен, что, если ситуация поставит представителя перед выбором между собственными интересами и интересами его, представляемого, представитель предпочтет последние, чужие интересы, интересам собственным.

Точно такое же, если не большее, *доверие* и *расположение* должен питать представитель к представляемому. Так, представитель должен быть уверен в том, что представляемый не только без возражений примет на свой счет созданные для него правовые последствия, но и *без промедления возместит понесенные представителем для него имущественные расходы*; что же касается расположения, то оно проявляется в презумпции безвозмездного характера добровольного фидуциарного представительства. По общему правилу представитель *не приобретает гражданско-правового требования вознаграждения* со стороны представляемого; его ожидания благодарности, содержательно основательные, не воплощаются в юридическую форму.

В дополнение к сказанному следует отметить, что именно личнодоверительный характер отношений представительства по общему правилу (1) не позволяет лицу быть одновременным представителем обоих контрагентов сделки; (2) исключает возможность совершения представителем сделок в отношении себя лично; (3) по общему правилу требует совершения действий по представительству лично представителем — исключает возможность их переложения на другое лицо (передоверия); (4) предполагает возможность разрыва данных отношений во всякое время любой из сторон без объяснения мотивов, просто на основании утраты или подрыва веры в добросовестность

и личность контрагента[146]; (5) предполагает прекращение отношения представительства со смертью (прекращением) любой из его сторон, а также признанием представителя или представляемого ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим (см. обо всем этом п. 3 ст. 182, ст. 187, п. 1 и 2 ст. 188 ГК).

В изъятие из описанных общих правил ст. 184 ГК впервые в нашем законодательстве введено понятие *коммерческого представительства. Коммерческим представителем* называется лицо, постоянно и самостоятельно представительствующее от имени предпринимателей при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности, иными словами, лицо, для которого представительство чужих предпринимательских интересов составляет существо своей промысловой предпринимательской деятельности (способ заработка). Поскольку коммерческий представитель основывает свою деятельность не на товарищеском (доверительном), а на чисто коммерческом расчете (действует за вознаграждение), с него нельзя спрашивать больше, чем с обычного предпринимателя (до недавнего времени это положение даже было закреплено в п. 2 ст. 184): коммерческий представитель отнюдь не обязан заботиться об интересах и делах представляемого больше, чем о своих собственных. Отсюда и все другие различия коммерческого представительства с фидуциарным (платность услуг коммерческого представителя, возможность одновременного коммерческого представительства разных сторон в сделке с их согласия и некоторые другие, более мелкие).

525. **Законное представительство (общие положения)**. Возникновение и существование законного представительства связывается отечественным законодателем с различного рода недостатками в дееспособности физических лиц, вызванными 1) *несовершеннолетием*[*], 2) *ограничением* дееспособности[**] или 3) признанием гражданина

[*] см. п. 307–309

[**] см. § 6 гл. 10

146 Не составляет исключения и предусмотренный недавно введенной в Кодекс ст. 188.1 институт *безотзывной доверенности*: во-первых, таковая (согласно абз. 2 п. 1 названной статьи Кодекса) все-таки «... *в любом случае* (!) *может быть отменена* после прекращения того обязательства, для исполнения или обеспечения исполнения которого она выдана, а также в любое время в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и *при возникновении обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти*» (последний случай, как само собой понятно, чрезвычайно «растяжим»), а во-вторых, этот институт имеет с представительством, конечно же, весьма немного общего, ибо прямое и непосредственное его назначение — в том, чтобы служить средством обхода не во всем удобных норм о договоре доверительного управления имуществом. Прочтем абз. 1 п. 1 ст. 188.1 — когда и в связи с чем наша «безотзывная доверенность» может быть выдана? «В целях исполнения или обеспечения исполнения обязательства представляемого перед представителем или лицами, от имени или в интересах которых действует представитель, в случаях, если такое обязательство связано с осуществлением предпринимательской деятельности...». Казалось бы, норма вызывает целый ряд вопросов, но! Если вместо слова «представляемый» написать «учредитель доверительного управления», вместо слова «представитель» — «доверительный управляющий», вместо «лиц, в интересах которых действует представитель» — «бенефициары (выгодоприобретатели)», а обязательства представляемого — это его обязательства по предоставлению содержания третьим лицам (бенефициарам) — то все вопросы отпадут, что называется, сами собой.

недееспособным[*]. Недостаточность частичной дееспособности несовершеннолетних граждан восполняется при помощи дееспособности их *родителей* или *усыновителей*, а при их отсутствии — *опекунов* (для малолетних детей) или *попечителей* (для несовершеннолетних, не являющихся малолетними). Недостаточность *подвергнутой ограничению полной дееспособности* восполняют лица, также называемые *попечителями*[**]; наконец, *отсутствие дееспособности* у гражданина, признанного недееспособным, восполняют лица, называемые *опекунами*[***].

[*] см. § 7 гл. 10

[**] см. п. 312

[***] см. п. 316

В соответствии со сказанным нужно различать следующие *виды законных представителей*: 1) родители и усыновители; 2) опекуны и попечители над несовершеннолетними гражданами; 3) собственно попечители (над ограниченно дееспособными гражданами) и 4) собственно опекуны (над гражданами, признанными судом недееспособными).

526. **Родители (усыновители).** Правовое положение *родителей* и *усыновителей* как законных представителей своих (усыновленных) детей (п. 1 ст. 64 СК) определяется нормами гл. 12 и 19 СК и содержательно мало чем друг от друга отличается (см. п. 1 ст. 137 Кодекса). Иными словами, права и обязанности усыновителей как законных представителей тождественны правам и обязанностям родителей.

Под *родителями* подразумеваются *только отец и мать ребенка*, но никак не другие родственники по восходящей линии; под усыновителями — *лица, зарегистрированные в этом качестве*[****]. Основные права родителей — это (1) *право на защиту* прав и интересов детей (ст. 64 СК) и (2) *право на воспитание* детей (ст. 63). Вместе с тем данные права являются также *обязанностями родителей* по отношению как к самим детям, так и к обществу. Кроме того, родители несут также *обязанность содержания своих детей* (п. 1 ст. 60, ст. 80—86 СК).

[****] см. § 6 гл. 11

Права родителей на имущество, находящееся в собственности детей, определяются ГК. На имущество детей, *не достигших шести лет*, родители имеют права, установленные ст. 37 и 575 ГК; с *достижением детьми шестилетнего возраста, но до достижения детьми 14 лет* объем прав родителей на имущество детей сужается до объема, предусмотренного п. 2 и 3 ст. 37 (см. об этом п. 1 ст. 28 ГК). Наконец, на имущество детей *в возрасте от 14 до 18 лет* родители не имеют каких-либо прав, за исключением права давать согласие или одобрение на сделки с этим имуществом. В случае если совершенная сделка не получила ни согласия, ни одобрения, родители вправе предъявить требование о признании такой сделки недействительной (ст. 175). На имущество *полностью дееспособных несовершеннолетних детей* родители не имеют никаких прав.

Гражданско-правовой статус законных представителей, именуемых *родителями*, может быть утрачен при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств: (1) ребенок достиг гражданского совершеннолетия (п. 2 ст. 61 СК); (2) ребенок приобрел полную дееспособность до достижения им совершеннолетия (п. 2 ст. 61); (3) родители лишены

родительских прав (ст. 69); (4) родители ограничены в родительских правах (ст. 73); (5) ребенок отобран у родителей (ст. 77); (6) ребенок усыновлен (п. 2 ст. 137). Лишение и ограничение родительских прав возможны *только в судебном порядке*, а отобрание ребенка может быть осуществлено *только органом опеки и попечительства*. При этом родители не освобождаются от обязанности содержания ребенка — это все, что сохраняется от их родительского статуса.

527. **Опекуны и попечители.** Как мы уже знаем (п. 307—309, 310—312 настоящего Учебника) *опека* устанавливается над малолетним либо недееспособным гражданином, а *попечительство* — над частично или ограниченно дееспособным. Опеку и попечительство объединяет *общая юридическая цель*, каковой признается «...защита прав и интересов недееспособных или не полностью дееспособных граждан» (п. 1 ст. 31 ГК). Мера такой защиты, однако, может (да и должна быть) различной: граждане, находящиеся под попечительством, как правило куда более социализированы (а значит — лучше приспособлены к участию в юридических отношениях), чем лица, состоящие под опекой. Соответственно, различаются два основных направления защиты недостаточно дееспособных граждан — (1) помощь гражданину, который участвует в гражданском обороте самостоятельно в виде *дачи согласия или одобрения совершаемых ими сделок* (да и то далеко не всех) и (2) *полная замена гражданина в гражданском обороте* путем совершения сделок и иных юридических действий, тому необходимых, *за него* (вместо него). На первом направлении — дают согласия и одобряют сделки — действуют ***попечители*** (п. 2 ст. 33 ГК), на втором — более сложном и ответственном — ***опекуны*** (п. 2 ст. 32). Особые функции возлагаются законодательством на опекунов и попечителей *несовершеннолетних* граждан, а также — на попечителей граждан, *дееспособность которых подверглась ограничению по «психическому» основанию* (о том и другом случае см. ниже). Основными источниками правового регулирования отношений опеки и попечительства являются, помимо ст. 31—40 ГК, нормы ст. 145—148.1 СК, а также специального законодательного акта — Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»[147]. Следует сказать, что за исключением случая, прямо предусмотренного п. 1 ст. 28 ГК, его нормы об опеке и попечительстве *не применяются* к отношениям с участием родителей или усыновителей несовершеннолетнего подопечного; нормы иных актов не применяются к таким отношени-

147 В настоящем Учебнике мы не рассматриваем организационные и административно-правовые стороны опеки и попечительства, как-то понятие и состав органов опеки и попечительства, их задачи, функции и полномочия, требования, предъявляемые к кандидатам в опекуны и попечители, порядок их назначения, правовое положение, основания прекращения статуса опекунов и попечителей и пр. Предметом нашего внимания является только и исключительно вопрос о том, в какой области и мере опекуны и попечители способствуют реализации правосубъектности своих подопечных.

ям вовсе. Родители и усыновители свободны почти от всех запретов, ограничений и прочих условностей, которыми наше законодательство связывает опекунов и попечителей.

Содержание и существо той цели, во имя достижения которой устанавливаются опека и попечительство, предопределяют правило п. 2 ст. 31 ГК о том, что «опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, *без специального полномочия*»[148]. Исключение из него установлено п. 3 ст. 37, согласно которому «опекун, попечитель, их супруги и близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным[149], а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между подопечным и супругом опекуна или попечителя и их[150] близкими родственниками».

Право на доходы подопечного одинаково, что у опекунов, что у попечителей, и определяется п. 1 ст. 37 ГК. Опекун (попечитель) *вправе* за счет сумм, причитающихся подопечному в качестве его дохода, *производить расходы, необходимые для содержания подопечного*[151], но если размер ежемесячного расхода превышает величину прожиточного минимума на душу населения, установленного в целом по Российской Федерации — то его можно произвести только *с предварительного разрешения органа опеки и попечительства*. Что же касается *основного (капитального, плодоприносящего) имущества подопечного*, то совершение с ним каких-либо сделок опекуном или их одобрение попечителем по общему правилу ***вообще невозможно*** *без предварительного разрешения органа опеки и попечительства* (п. 2 ст. 37). Почему? Потому что указанная норма запрещает совершение сделок (цитирую) «... по отчуждению, в том числе *обмену* (!) или дарению, сдаче его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также *любых других действий, влекущих* ***уменьшение имущества подопечного***». Как понимать последнюю фразу? Если в том смысле, что сделка не должна приводить к снижению стоимости *всего имущества подопечного в целом, как имущественного комплекса* — что, грубо говоря, не должно происходить такого, чтобы из его состава выбыло имущество, стоящее (условно), 100 руб., а поступило в состав имущества только на 50 руб. (см. п. 5 ст. 18 Закона об опеке и попечительстве) — то ничего ужасного в цитированной норме нет. Но к сожалению, весьма распростране-

148 Без специального полномочия не равнозначно «без специального разрешения» (согласия).

149 Кроме сделок по передаче имущества подопечному в дар или в безвозмездное пользование.

150 То есть близкими родственниками опекуна (попечителя) и подопечным (см. выше). Близкие родственники самого подопечного здесь не имеются в виду, как это может показаться при буквальном прочтении данной нормы.

151 При этом следует учесть, что опекун несет **обязанности** по содержанию опекаемого, по обеспечению его уходом и лечением, защите его прав и интересов. Попечитель же совершеннолетнего «не психического» подопечного **не обязан** ни содержать последнего, ни ухаживать за ним, ни лечить его — он лишь **имеет право** этим заниматься. См. об этом п. 3 и 4 ст. 36 ГК.

но и иное толкование — в том смысле, что из имущества подопечного *вообще ничего не должно выбывать*. При таком — совершенно неверном, конечно — толковании в число запрещенных п. 2 ст. 37 ГК сделок подпадают практически все вообще мыслимые сделки, равно как и становится неясным, а зачем вообще подопечному нужно какое бы то ни было имущество, кроме, разумеется, того, что имеет чисто потребительское назначение? — ведь его все равно никак нельзя пустить в оборот.

Весьма значительное число правил, устанавливающих иные ограничения распоряжения имуществом подопечного, содержат ст. 16—23 Федерального закона «Об опеке и попечительстве». Среди них, в частности, такие, как 1) запрет пользоваться имуществом подопечного иначе, как в случаях, прямо установленных законом (п. 3 и 4 ст. 14, п. 4 ст. 17 Закона); 2) право органов опеки и попечительства давать не только разрешения (запрещения), но и обязательные для исполнения указания по распоряжению имуществом подопечных (п. 2 ст. 19); 3) ограничение возможности внесения средств подопечного только в такие кредитные организации, не менее половины акций (долей) которых принадлежат Российской Федерации (п. 3 ст. 19); 4) запрет заключения (дачи согласия на заключение) кредитных договоров и договоров займа от имени подопечного-заемщика, кроме случаев, когда это требуется для содержания подопечного или обеспечения его жильем (п. 4 ст. 19); 5) запрет отдавать имущество подопечного взаймы иначе как на условиях ипотеки (п. 5 ст. 19); 6) запрет сдавать имущество подопечного в пользование на срок, превышающий пять лет (п. 6 ст. 19); 7) ограничения на распоряжение недвижимым имуществом подопечного (ст. 20); 8) запрет на совершение ряда процессуальных действий, в том числе на отказ от иска и заключение мирового соглашения (п. 1 ст. 21); 9) запрет на выдачу доверенности от имени подопечного (п. 2 ст. 21) и др. Все эти правила применяются и к доверительному управлению имуществом подопечного (ст. 38 ГК и ст. 23 Закона).

Согласно п. 3 ст. 31 ГК и п. 1 ст. 145 СК *опека и попечительство над несовершеннолетними* устанавливаются при отсутствии у них родителей, усыновителей, лишении родителей родительских прав, а также в случаях, когда такие граждане по иным причинам остались без родительского попечения, в частности когда родители уклоняются от их воспитания либо защиты их прав и интересов. Общие положения об опеке и попечительстве над несовершеннолетними осложнены следующими основными *особенностями*. Опекуны и попечители несовершеннолетних граждан обязаны (1) проживать совместно со своими подопечными (п. 2 ст. 36 ГК); (2) заботиться о содержании своих подопечных, их обучении и воспитании, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и интересы (п. 3 ст. 36). Нормы ст. 148—150 СК — о правах несовершеннолетних подопечных и обязанностях опекунов (попечителей) — существенно дополняют рассмотренные выше предписания ГК.

Что же касается попечителей граждан, дееспособность которых ограничена по психическим основаниям, то они «*...оказывают подопечным содействие в осуществлении ими своих прав и исполнении обязанностей*, а также *охраняют их от злоупотреблений со стороны*

третьих лиц» (абз. 2 п. 2 ст. 33 ГК), в том числе заботятся о развитии (восстановлении) дееспособности таких граждан (абз. 3 п. 3 ст. 36), а также несут и исполняют обязанности, возложенные на попечителей несовершеннолетних граждан, описанные в предыдущем абзаце (см. п. 4 ст. 36). По всей видимости, законодатель имел в виду, что все эти обязанности попечители граждан, ограниченных в дееспособности по психическим основаниям, выполняют *наряду* с функцией, общей для всех вообще попечителей — с функцией дачи согласия на сделки подопечного или одобрения их.

528. **Должностные лица, участники и работники организаций.** Несмотря на то что должностные лица — это понятие, исконно относящееся к публичному праву (см. примечание 1 к ст. 285 УК, а также примечание к ст. 2.4 КоАП), мы решились воспользоваться им для обозначения, во-первых, 1) *круга должностных представителей* — лиц, уполномоченных к осуществлению функций представителя власти либо выполнению организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций в государственных органах или органах местного самоуправления (государственных или муниципальных учреждениях), а во-вторых, 2) *круга лиц, уполномоченных к совершению гражданско-правовых действий от имени организаций — субъектов частного права*, их учредительными документами либо законом, т.е. говоря коротко, для обозначения граждан, входящих в состав органов юридических лиц. Юридические последствия действий, совершаемых данными лицами, непосредственно возникают у тех организаций, от имени которых эти — «должностные» — лица действуют. Основанием к этому являются принадлежащие данным лицам *должностные полномочия*, вся совокупность которых образует сферу отправляемой данными лицами *должностной компетенции*.

> Должностные лица в публично-правовом смысле, а также лица, занимающие должности в органах юридических лиц, рассматриваются гражданским правом (по отношению к посторонним лицам[152]) как *элементы* (составные части) *соответствующих органов и организаций*. Это означает, что в юридическом отношении не только последствия, но *и сами действия* должностных лиц рассматриваются как *действия тех самих органов* (*организаций*), *к которым данные лица принадлежат*. Это существенным образом отличает их от *представителей*, в которых гражданское право видит вполне самостоятельных в юридическом отношении субъектов, не сливающихся с представляемыми, и действия которых оно четко отделяет от действий самих представляемых. В юридическом отношении различие это особенно ярко проявляется в последствиях тех действий (в том числе сделок), которые совершены за пределами предоставленных должностным

152 Но не к самим организациям, должности в которых они занимают: согласно п. 3 ст. 53 ГК такие лица обязаны возмещать убытки, причиненные ими организациям, облекшим их своим должностным доверием.

лицам и представителям полномочий: в то время как сделки и иные действия (в том числе незаконные), выходящие за пределы полномочий *должностных*, по общему правилу, создают последствия *для органа или организации в целом*, но не для того, кто их совершил (ст. 174, 1069—1071 ГК), то действия, лежащие за рамками полномочий *представительских*, напротив, создают правовые последствия *для самого их совершившего лица — представителя* (п. 1 ст. 183 ГК), если только представляемый в последующем не примет этих последствий на свой счет (п. 2 той же статьи).

Идентичный подход применяется при оценке действий, совершенных работниками юридических лиц и граждан-предпринимателей в процессе исполнения ими своих трудовых обязанностей (ст. 402, 1068 ГК): такие действия, направленные на исполнение обязательств, а также всякие вообще действия, ставшие причиной возникновения имущественного вреда у других лиц, считаются *действиями работодателя*; на него же падают и *гражданско-правовые последствия* этих действий. Сказанное не исключает, конечно, возможности работодателя в последующем «посчитаться» с нерадивым работником по нормам трудового права, но на права третьих лиц эти отношения никакого влияния оказывать не могут.

Рассмотренные здесь нормы вполне применяются не только к должностным лицам и работникам, но также и к *участникам (членам) организаций — юридических лиц* в тех случаях, когда таковые согласно указанию закона уполномочены совершать действия с целью создания прав и обязанностей непосредственно у юридического лица (п. 2 ст. 53 ГК) (см., например, случай, предусмотренный абз. 4 п. 1 ст. 72 ГК).

529. **Лица, привлекаемые должниками для передачи исполнения по обязательствам.** Согласно п. 1 ст. 313 ГК должник может *возложить бремя совершения действия, составляющего исполнение лежащего на нем обязательства, на другое лицо.* Так бывает, например, в тех случаях, когда должник, вместо того, чтобы самому доставлять вещь, подлежащую передаче кредитору, поручает это сделать перевозчику или организации связи (почте, курьерской службе, экспедиционной конторе и т.п.); так происходит в том, например, случае, когда должник, не располагая предметами исполнения сам, договаривается с третьим лицом, у которого такие предметы имеются, о передаче таковых своему кредитору; в том также случае, когда должник, вместо того, чтобы выполнять работу самостоятельно, привлекает для этого стороннюю организацию (субподрядчика) и т.д. Действия таких лиц приведут к гражданско-правовым последствиям для другого лица — должника, который привлек их к исполнению своего обязательства.

Во всех перечисленных случаях кредитор будет иметь перед собой постороннее, возможно, что прежде ему вовсе неизвестное, лицо, предоставляющее исполнение, — сотрудника организации-склада или железной дороги, почтальона, шофера, экспедитора или иных работников третьего лица. Статус некоторых из них (например, того

же почтальона или кладовщика железной дороги) сам по себе свидетельствует о том, что таковых привлек (послал) именно должник и как раз с целью доставки и передачи исполнения кредитору. Статус других лиц (факт привлечения таковых должником к процессу исполнения обязательства) нуждается в выяснении; его положительный результат делает кредитора *должным принять предоставляемое исполнение* под угрозой оказаться в состоянии просрочки (ст. 405 ГК). Будучи принятым, такое исполнение, если оно было надлежащим, прекращает либо изменяет обязательство с участием данного кредитора и должника, привлекшего к его исполнению третье лицо; если же оно было ненадлежащим, то у кредитора появляются основания «считаться» с должником в проистекших из этого обстоятельства убытках (ст. 15, 393 ГК). Иными словами, речь идет о *непосредственном создании действиями технических исполнителей обязательств гражданско-правовых последствий* (которые могут быть, между прочим, и неблагоприятными[153]) *для других лиц — кредитора* (что не особенно важно, так как без его участия такие действия не смогут совершиться) *и должника*.

Нормой п. 2 ст. 313 ГК третьему лицу, которое подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения кредитором на него взыскания, предоставляется право удовлетворить кредитора *по своей инициативе*, т.е. даже в том случае, когда должник на него не возлагал исполнения. Впрочем, такое удовлетворение имеет юридическое значение только в том случае, когда оно представляло собой во всех отношениях *надлежащее исполнение*. Его последствием является *суброгация* — переход требования, по которому было произведено удовлетворение, к произведшему таковое лицу.

530. **Исполнители поручений о сделках.** Лицами, привлекаемыми не для исполнения уже существующих, но для создания новых обязательственных, а в конечном итоге и иных (абсолютных) гражданских правоотношений, являются не только договорные представители, но также *комиссионеры* и *агенты, действующие на комиссионных принципах*. Статус комиссионера определяется нормами гл. 51 ГК; теми же нормами с учетом особенностей, установленных гл. 52 ГК, регулируется и правовое положение агентов, действующих на комиссионных принципах (ст. 1011). Основной принцип, предопределяющий собой все другие особенности статуса комиссионера, заключаются в правиле, согласно которому *обязательственные права и обязанности по комиссионным сделкам всегда приобретает комиссионер* «...хотя бы комитент и был назван ... или вступил ... в непо-

153 Именно этим и объясняется требование, предъявляемое п. 1 ст. 313 ГК к кредитору относительно того, чтобы тот, прежде чем принимать исполнение, удостоверился в том, что оно предлагается не абы кем, но *именно тем лицом, на которое должником возложено исполнение*. В противном случае нельзя исключить возможности инициативного предоставления заведомо ненадлежащего исполнения от чужого имени с целью причинения ущерба должнику, от имени которого такое предоставление совершается, или его компрометации.

средственные отношения по исполнению сделки» (абз. 2 п. 1 ст. 990, абз. 2 п. 1 ст. 1005 ГК), в то время как *вещные права на вещи, приобретенные комиссионером за счет комитента, возникают непосредственно у комитента* (п. 1 ст. 996).

Подробное рассмотрение вопросов, связанных с исполнением комиссионных поручений, относится к учению об исполнении обязательств по оказанию юридических услуг, которое будет излагаться в Особенной части настоящего Учебника.

531. **Управляющие чужим имуществом (чужими делами).** В их число входят несколько разнородных, на первый взгляд, категорий лиц: 1) *обладатели прав хозяйственного ведения и оперативного управления*; 2) *арендаторы предприятий и единых недвижимых комплексов*; 3) *доверительные управляющие*; 4) *управляющие активами*; 5) *управляющие коммерческими организациями* и 6) *арбитражные управляющие*; при более пристальном изучении законодательства можно обнаружить и еще ряд лиц аналогичного правового положения, действия которых от своего имени, но за чужой счет ограничиваются разовыми операциями[154]. Всех этих субъектов объединяет *выступление в гражданском обороте от собственного имени на чужой счет*; различается лишь *правовой механизм имущественного обеспечения* такой деятельности.

В некоторых случаях обеспечительной базой для действий от своего имени, но на чужой счет является *специально создаваемый на этот случай имущественный комплекс*; критерием различия между самими этими случаями является тот *гражданско-правовой титул*, на котором происходит закрепление этого комплекса за лицом, базой хозяйствованию которого он и будет служить. Так, наиболее известен случай закрепления государственными и муниципальными образованиями принадлежащего им имущества (предприятий и иных имущественных комплексов) за унитарными предприятиями *на правах хозяйственного ведения или оперативного управления* (ст. 113–114, 294–297, 299, 300 ГК), а также случай создания собственниками учреждений, обладающих необходимым для их деятельности имуществом *на праве оперативного управления* (ст. 296, 298–300). Как минимум равноценное, если не большее, внимание в литературе уделяется и таким случаям, как *хозяйствование с предприятием, взятым в аренду* (ст. 656–664 ГК), а также *доверительное управление чужим имуществом* (ст. 1012–1026 ГК): и арендатор предприятия и доверительный управляющий хозяйствуют *от собственного имени с чужим имуществом*, вследствие чего создают гражданские права и обязанности не только для себя, но и для другого лица — обладателя прав, составляющих арендованное предприятие и комплекс, переданный в доверительное управление (так называемого собственника предприятия и учредителя управления).

154 Таковы, например, векселе- и чекодержатели, а также бенефициары по банковским гарантиям и аккредитивам.

Весьма близко к последней ситуации находятся *случаи управления активами, которые* (согласно нашему законодательству) *считаются объектами права общей долевой собственности* — 1) *имуществом фондов* (универсальных законодательных постановлений по этому вопросу нет; порядок управления имуществом каждого конкретного фонда определяется его уставом); 2) *общим имуществом многоквартирных домов* — МКД (см. ст. 161—163 ЖК); 3) *паевыми инвестиционными фондами* — ПИФами (гл. III—V, VIII, X Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»); 4) *ипотечным покрытием* (см. нормы гл. 3 Федерального закона от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах») и 5) *целевыми капиталами некоммерческих организаций* — так называемыми *эндаументами* (см. нормы гл. 3 Федерального закона от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»). Отличие только в том, что если ни в хозяйственное ведение, ни в оперативное управление, ни в аренду, ни в управление доверительное заинтересованное лицо никогда не передаст *всего своего* имущества, то в случаях с фондами, общим имуществом МКД, ПИФами, эндаументами и ипотечными покрытиями предметом хозяйствования становится как раз таки *весь актив как единое целое*.

Точно так же происходит и в случаях *управления активами коммерческих организаций в целом* со стороны единоличных управляющих и управляющих организаций, а также *различными видами арбитражных управляющих*. По всей видимости, здесь будет правильным говорить об управлении не столько активами, сколько *вообще всеми текущими делами* данных юридических лиц. Гражданско-правовое положение единоличных управляющих и управляющих организаций определяется законодательством о тех юридических лицах, чьи активы становятся предметом их управления — см., например, абз. 3 п. 1, абз. 2 и 5 п. 3, абз. 1 и 3 п. 4 ст. 69 Закона об АО, ст. 42, 44 Закона об ООО. Гражданско-правовое положение арбитражных управляющих — лиц, занимающихся ведением дел организаций-банкротов или находящихся в преддверии банкротства, определяется нормами Закона о банкротстве. Так, ст. 20—26.1 данного Закона содержат общие положения об арбитражных управляющих как таковых (кто может быть арбитражным управляющим, когда, кем и как они назначаются и т.д.). Затем, ст. 65—72 Закона посвящены статусу *временных управляющих*, т.е. арбитражных управляющих, действующих в период *наблюдения*. Статьей 83 Закона регламентируется институт *административного управляющего* — лица, ведущего дела организаций, находящихся на стадии финансового оздоровления. Нормы ст. 96—121 Закона регулируют деятельность *внешних управляющих* — они представляют юридическое лицо на стадии внешнего управления. Наконец, *управляющие конкурсные* — лица, занимающиеся проведением конкурсного производства в отношении имущества банкрота — действуют, руководствуясь ст. 127, 129—149 Закона.

532. **Лица, действующие в чужом интересе без поручения (гесторы).** Основанием института действия в чужом интересе (ведения чужих дел) без поручения (negotiorum gestio) является следующее со-

ображение. Принцип, согласно которому гражданско-правовые возможности могут осуществляться при постановке во главу угла собственного интереса их обладателя, вовсе не исключает и не запрещает реализации этих возможностей в чужом интересе. Это означает, что всякое частное лицо, если оно того пожелает, может своими действиями приобрести гражданские права *для другого* или исполнить *чужие* юридические обязанности. Точно так же любое лицо вправе совершить действия, направленные на увеличение или сохранение чужой имущественной и нематериальной сферы, причем, *безотносительно к специальному поручению того, в чьем интересе совершаются такие действия. Мотивы*, которые могут двигать лицом, действующим в чужом интересе, для права значения не имеют; более того, законодатель прямо признает, что подобные действия могут быть даже невольными, т.е. стать следствием заблуждения, ошибки и даже обмана (ст. 987 ГК). Частное право смотрит лишь на *результат* таких действий, каковой может состоять, во-первых, в *приобретении или сбережении имущества одним лицом* (тем, в чьих интересах совершаются действия) за счет другого (того, кто совершает действия в чужом интересе) и, во-вторых, в *предупреждении или пресечении нарушений чужих нематериальных благ* (устранении угрозы жизни, здоровью, душевному спокойствию и иным подобным благам другого лица).

ГК довольно подробно регламентирует *условия осуществления деятельности в чужом интересе без поручения* (см. гл. 50). Первым и едва ли не главным из них является *сообщение* лица, действующего в чужом интересе, о своих действиях заинтересованному лицу. Это сообщение преследует целью спровоцировать (подтолкнуть) заинтересованное лицо к тому, чтобы выразить свое отношение к совершенным в его интересе действиям, а именно одобрить или, напротив, не одобрить таковые. Если в течение разумного срока заинтересованное лицо никак не ответит на полученное сообщение (п. 1 ст. 981), действия в его интересе (если они к этому времени все еще совершаются) следует прекратить.

Специально сообщать заинтересованному лицу о совершенных в его интересе действиях и испрашивать их одобрения *не требуется*, если эти действия (1) совершаются *в присутствии интересанта* (п. 2 ст. 981 ГК), или (2) *имеют целью предотвратить опасность для жизни или исполнить обязанность по содержанию гражданина* (п. 2 ст. 983 ГК, ст. 132 КВВТ и 346 КТМ; п. 1 ст. 89 Воздушного кодекса), или (3) представляют собой *предъявление участником корпорации иска к лицу, выступающему от ее имени, о возмещении убытков, причиненных корпорации* (ст. 53.1, п. 3 ст. 67.3 ГК; п. 5 ст. 71 Закона об АО; п. 5 ст. 44 Закона об ООО). Перечисленные действия, что называется, «по определению» *не могут быть не одобрены*, иначе бы заинтересованное лицо просто не допустило бы их совершения, а законодатель не устанавливал бы приоритета человеческой жизни и здоровья как высших социальных ценностей. Сказанное свидетельствует о том, что *в одобрении нуждаются* лишь такие действия, которые представляют

собой *сделки, влекущие возникновение обязанностей для другого лица*, а также *действия, направленные на уменьшение чужой имущественной сферы*. В зависимости от такого одобрения будут находиться вопросы о 1) «прикреплении» гражданско-правовых последствий, созданных действиями, совершенными в чужом интересе и 2) выплате вознаграждения за совершение таких действий. Во всех случаях — т.е. независимо от одобрения действий, а также независимо от достижения положительного результата — лицо, действовавшее в чужом интересе, вправе требовать возмещения необходимых расходов и иного реального ущерба, понесенных им до того момента, когда ему стало известно или должно было стать известно о неодобрении его действий (п. 1 ст. 984 ГК). Подробнее вопрос о гражданских правоотношениях, складывающихся между принципалом и гестором, будет рассматриваться в Особенной части настоящего Учебника.

ГЛАВА 18
Сделки

Основная литература

Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 41—55; То же // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 333—360; *Алексеев С. С.* Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Свердловск, 1970. Вып. 13. С. 46—63; То же // Антология уральской цивилистики (1925—1989). М., 2001. С. 54—68; *Брун М. И.* Коллизионная и материально-правовая норма о форме сделок — locus regit actum. СПб., 1911; *Василевская Л. Ю.* Учение о вещных сделках по германскому праву. М., 2004; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 374—410, 411—448; *Гримм Д. Д.* Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. СПб., 1900. Т. 1; *Гутников О. В.* Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. М., 2003/05/07; *Денисевич Е. М.* Основы учения об односторонних сделках в гражданском праве. Екатеринбург, 2005; *Дювернуа Н. Л.* Чтения по гражданскому праву. Т. 1 : Введение и часть общая. 4-е изд. Вып. III : Изменение юридических отношений. Учение о юридической сделке. СПб., 1902. С. 671—936; То же, переизд. Т. 2 : Учение о вещах. Учение о юридической сделке. М., 2004. С. 75—320; *Кашанин А. В.* Кауза сделки в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; *Ковалев А. О.* Аспекты изучения института сделки в теории гражданского права. М., 2001; *Его же.* Понятие сделки и некоторые вопросы ее недействительности по гражданскому праву России. М., 2001; *Манигк А.* Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. 2008. № 4. С. 192—215; 2009. № 1. С. 224—250; № 2. С. 231—271; № 3. С. 235—253; *Насыров Р. Г.* Содержание сделки по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид.

наук. М., 1982; *Новицкий И. Б.* Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского права : сб. ст. М., 1945. С. 31—73; *Его же.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 5—132; Избранные труды по гражданскому праву. М., 2006. Т. I. С. 180—236 (рецензию см.: Советское государство и право. 1955. № 1); *Перетерский И. С.* Сделки. Договоры. М., 1929 (рецензию см.: Еженедельник советской юстиции. 1929. № 50. С. 1185—1186); *Рабинович Н. В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960; *Растеряев Н.* Недействительность юридических сделок по русскому праву: Догматическое исследование. СПб., 1900; *Рясенцев В. А.* Лекции на тему: «Сделки по советскому гражданскому праву» (1-я и 2-я) для студентов ВЮЗИ. М., 1951; **Сделки**: Проблемы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2008 (статьи А. Б. Бабаева (С. 119—165), В. А. Белова (С. 5—118), С. А. Громова (С. 255—297), Л. В. Кузнецовой (С. 198—238), Е. А. Останиной (С. 239—254)); *Симолин А. А.* Влияние момента безвозмездности в гражданском праве. Казань, 1916; То же // Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. С. 92—377; *Ткач А. П.* Сделки по гражданскому праву европейских стран народной демократии : лекция. Киев, 1954; *Толстой В. С.* Законодательство о сделках: Спорные вопросы практики его применения. М., 1982; *Его же.* Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве // Труды ВЮЗИ. М., 1966. Т. 5; *Тузов Д. О.* Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. М., 2006; *Его же.* Теория недействительности сделок: Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007; (рецензии на обе эти монографии см.: Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 273—321); *Шахматов В. П.* Основные проблемы теории сделки по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951; *Его же.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967 (отрывок (с. 93—149) из этой книги — см. также в Антология уральской цивилистики (1925—1989). М., 2001. С. 301—345) (рецензию см.: Советская юстиция. 1968. № 12. С. 27); *Его же.* Недействительные сделки: Методическое руководство в помощь студентам, занимающимся учебно-исследовательской работой. Красноярск, 1981.

§ 1. Общее учение о сделке (п. 533—541)

533. **Определение сделки.** *Сделками называются основательные и правомерные действия частных лиц индивидуалистической гражданско-правовой направленности*, или (подробнее) *действия частных лиц, направленные* (*судя по их внешним признакам*) *на правовую оцен-*

ку (*правовое регулирование*) *общественных отношений с их участием*. Законодательство определяет сделку как «...действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей» (ст. 153 ГК). Выдача доверенности, передача векселя, направление заявления о зачете взаимных требований, заключение разнообразных договоров — все эти и многие другие действия представляют собой сделки. В некоторых случаях, в том числе и законодательного словоупотребления (см., например, п. 3 ст. 160, ст. 1125 ГК и др.), *сделку* (в особенности договор) отождествляют с *документом о сделке*, а иногда — и с *правоотношениями, созданными сделкой* (см., например, п. 3 ст. 26, п. 3 ст. 28, ст. 993 ГК и др.), что хотя и может быть признано допустимым в законодательном тексте, но не является ни точным, ни грамотным[155].

Воспроизведенное здесь законодательное определение, с одной стороны, более узко, чем то, что дано нами, с другой — несколько шире нашего.

Как мы знаем, ни круг частных лиц, ни область гражданско-правовых последствий не исчерпываются, соответственно, ни «гражданами и юридическими лицами», ни «установлением, изменением или прекращением гражданских прав и обязанностей» — вот почему мы назвали нормативное определение сделки более узким в сравнении с нашим. В действительности сделки могут совершаться также и публично-правовыми образованиями и направляться на создание, изменение или прекращение иных гражданско-правовых последствий — не обязательно одних только гражданских субъективных прав и обязанностей.

С другой стороны, в законодательном определении опущены такие существенные признаки сделки, как 1) ее *основательность*, 2) ее *правомерность* и 3) *индивидуалистическая* направленность. Опуская три этих признака, законодатель обедняет содержание понятия сделки и расширяет тем самым его объем. «Благодаря» такому «приему» в круг сделок попадают, во-первых, *как собственно сделки, так и весьма близко к ним подходящие недействительные* (ничтожные и оспоренные) *сделки*, по существу представляющие собой неосновательные или неправомерные действия[156], а во-вторых, *правомерные и неправомерные корпоративные акты*, которые также представляют собой правомерные действия частных лиц но не индивидуалистической, а *коллективной* (корпоративной) *направленности* (т.е. действия, вы-

155 См.: *Белов В. А.* К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 239—258.

156 Встречающееся в некоторых случаях в законодательстве и обиходе употребление термина «сделка» для обозначения иных действий, внешне похожих на сделки, не являющихся неправомерными или не подлежащих вменению лицу, их совершившему, в том числе действий негативного свойства («незаконная сделка», «сделка с совестью»), является неграмотным и не имеет ничего общего с частноправовым понятием сделки (которое, кстати, должно было бы в таком случае заменяться понятием «действительная сделка» — см.: *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 345).

ражающие, как представляется, общую волю или волю большинства). Резюмируя можно сказать, что на основании определения сделки, предложенного ст. 153 ГК, не выполняющего своей главной (дефинитивной) функции, уяснить истинную природу сделки и установить ее место в системе юридических фактов (отграничить от смежных понятий) невозможно.

Кроме того, классическое определение сделки как действия, направленного на возникновение, изменение или прекращение одних только гражданских правоотношений, исходит, вне всякого сомнения, из позитивистской правовой доктрины, ибо (может быть, невольно) вуалирует ее действительную направленность и роль, каковая состоит в *гражданско-правовом регулировании общественных отношений*. Вспомним, что существо пресловутого гражданско-правового регулирования заключается в оценке общественных отношений между частными лицами. Существование института сделок и в особенности договоров свидетельствует о том, что хотя по общему правилу правовую оценку общественных отношений частных лиц дает государство, тем не менее существует ряд случаев, когда такую оценку могут дать (т.е. правовое регулирование могут осуществить) *сами частные лица — участники этих отношений*. Да, они могут действовать подобным образом лишь в рамках, установленных законом; да, их регулирование является индивидуальным (не носит нормативного характера), но от этого оно не перестает быть *правовым*. С признанием этого обстоятельства падает самая основа юридического позитивизма (тем более — нормативизма), а потому в его рамках такое признание ни в коем случае не может быть допущено. Вот почему говоря о сделках, договорах и вообще юридических актах их целью обычно называют *возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений*, старательно обходя вопрос о том, что совершение подобных действий (в том числе частными лицами) представляет собой не что иное, как *автономную правовую регламентацию* общественных отношений*.

*см. п. 18 и 96

534. **Учение о волевой природе сделки.** В характеристиках сделок как действий *правомерных* и *юридически направленных* традиционно усматривается свидетельство их *волевого происхождения*. Действительно, оценка сделки как действия *правомерного*, т.е. как такого действия, которое было соразмерено совершившим его лицом с нормами позитивного права, а также как действия, *направленного* им на достижение гражданско-правового (юридического) эффекта, предопределяет *волевой характер сделки*. Понятие воли, в свою очередь, предполагает *свободу* своего носителя в своем формировании и изъявлении. Соответственно, совершение действия, составляющего сделку, должно (по логике вещей) представлять собой *проявление вовне свободной воли лица, направленной на достижение известного правового результата*, выражающегося прежде всего в установлении, изменении или прекращении гражданских правоотношений. Отсюда следуют два очень важных вывода, получаемых методом «от противного»: *не могут считаться сделками*, во-первых, 1) действия, *не имеющие*

свободного волевого характера (рефлекторные действия, действия недееспособных лиц, действия, совершенные в состоянии аффекта и иные подобные); во-вторых, 2) действия, хотя бы свободные и волевые, но *не преследующие целью создание юридических последствий* (прием пищи, прогулка, чтение, игра на пианино и т.п.).

Данные представления, по существу своему совершенно верные, встречают, конечно, значительные затруднения при попытках своего последовательного практического воплощения.

Прежде всего нужно заметить, что *волевое происхождение имеет всякое действие вообще*, не только сделка. Понятие «действие» относится к числу категорий психологической науки, где всегда предполагает *волю*. Всякое действие есть *волевой акт*, т.е. понятие *психологического* порядка. То, что мы наблюдаем вовне — телодвижения, обусловленные действием в психологическом смысле слова (волевым актом), — можно назвать *действием в техническом* (юридическом) *смысле слова*, т.е. процессом[157], *рассматриваемым положительным правом как действие*. Следовательно, сказав, что сделка относится к такой категории юридических фактов, как *действия*, мы *указываем и на ее волевое происхождение*. Добавлять к характеристике действия указание о том, что оно *не просто действие, но действие волевое*, значит добавлять к определению масла его характеристику как масляного. Пресловутых «действий неволевого характера» не существует и существовать не может. Так называемые рефлекторные действия, действия недееспособных лиц, действия, совершенные в состоянии аффекта и иные подобные процессы называются «действиями» лишь в общежитейском, но не научном смысле. Все это — *телодвижения*, подчиненные влиянию рефлексов и инстинктов, но не представляющие собой проявления вовне волевых актов, т.е. не являющиеся действиями. Подобные «действия» совершаются всеми живыми существами — начиная с людей (таков, например, непроизвольный взмах руками прохожего, поскользнувшегося и пытающегося сбалансировать, дабы предотвратить падение), и кончая простейшими, не имеющими сознания организмами (таков, например, выпуск ложноножек амебами).

Таким образом, действие в тесном — психологическом — смысле, будучи *волевым* (*внутренним*) *актом*, актом движения человеческой

---

157 Такой процесс, как правило, состоит из множества телодвижений, подчиненных единой цели (обусловленных единым волевым актом, обслуживающих его). В этом смысле сделку следовало бы определять как *действие или систему нескольких действий* (одно или несколько взаимосвязанных действий) в смысле телодвижений. Но, конечно, такое определение по существу ничего не добавило бы к господствующему, ибо для права понятие действия в техническом смысле не является абсолютным. Вот процесс: подписание договора — составляет ли он одно действие (собственно выполнение автографа) или несколько (лицо садится за стол (одно действие), пододвигает к себе лист бумаги с текстом проекта договора (второе действие), достает из кармана ручку (третье), снимает с нее колпачок (четвертое) и т.д.)? Такое отношение право может себе позволить потому, что для него совершенно безразличны телодвижения, *в своей совокупности не образующие всей системы*, с которой (как с некой событийной «точкой») только право и связывает последствия.

психики, непосредственному наблюдению и оценке со стороны позитивного права попросту недоступно. О наличии актов движения свободной воли (действий) право может судить только по их *внешним проявлениям* — действиям в юридическом смысле слова. О свободном волевом намерении субъекта гражданского правоотношения создать гражданско-правовые последствия можно судить *только по совершенным им телодвижениям, заключающим в себе признаки того, что таковые являются проявлением вовне внутреннего волевого акта.* Или (говоря наоборот), для того чтобы воля лица, направленная на установление юридических последствий (юридическое действие), могла быть адекватно воспринята окружающими лицами, ее необходимо *выразить вовне.* Процесс внешнего выражения участником сделки своей свободной воли, процесс совершения действия, из которого можно составить представление о содержании свободной воли и предполагаемом юридическом значении данного действия (сделки), называется *волеизъявлением*, или, следуя старой терминологии, *волевыражением.*

Каким же образом позитивное право в целом и конкретные лица в частности (включая частных лиц, а также суд) смогут заключить о совершении известным субъектом действия (волевого акта), устремленного к достижению гражданско-правовых последствий? По *внешним признакам тех телодвижений*, которые этим субъектом совершаются и *которые* согласно господствующему в обществе представлению, выраженному в первую очередь в предписаниях позитивного права, *обыкновенно совершаются именно для того, чтобы создать известные юридические последствия.* Право, таким образом, имеет дело не с внутренними **волевыми актами** непосредственно (действиями в психологическом смысле), но с их вторичными (внешними) проявлениями — **телодвижениями** (действиями в техническом смысле). Движения в техническом смысле слова, внешние признаки которых соответствуют внешним признакам тех, с которыми положительное право связывает известные гражданско-правовые последствия, традиционно и называются *сделками.*

535. **Критика волевой теории.** Волевой подход оставляет открытыми два следующих вопроса. Первый: почему право при известных условиях считает необходимым (дабы судить о наличности сделки) вторгаться в выяснение вопроса *о самом волевом акте*, а не о его внешнем проявлении? И второй: как случается, что право порой придает известным телодвижениям *такое юридическое значение, которое лицом, эти движения совершающим, вовсе не предполагалось* (*не предвиделось*) или, больше того, такое значение, которое данное лицо *вообще не могло* (*не было способно*) *этим действиям приписать?*

В самом деле: как поступает право в оценке телодвижений, совершаемых лицами с недостатками в дееспособности, а также лицами, действующими под влиянием заблуждения (ошибки) или обмана? Несмотря на то что такие телодвижения могут в полной мере соответствовать признакам тех, с которыми им связываются известные юридические последствия, положительный закон может допускать

судебную отмену такого значения по иску заинтересованного лица или даже вовсе пресекать наступление соответствующих последствий. Обыкновенно даваемый ответ в том смысле, что право связывает юридические последствия с *единством* (*совпадением*) *воли и волеизъявления*, которое в одних (нормальных) условиях предполагается, а в иных (ненормальных) отрицается, не спасает положения: оба этих предположения могут оказаться в том или ином конкретном случае не соответствующими действительности (дееспособное лицо, находящееся под влиянием заблуждения или обмана, может совершить действия с иным юридическим значением, чем намечаемое им, а недееспособное, что называется, по определению не способно совершить юридически адекватных действий, несмотря на то что в данном конкретном случае оно их, возможно, и совершило), но это несоответствие само по себе юридического значения не получает.

Пример, на котором может быть проиллюстрирован второй вопрос, нами только что приводился: лицо может не испытывать на себе никакого негативного внутреннего или постороннего влияния, но, тем не менее, совершить действия, юридические последствия которых его внутренней волей не охватывались. «...Сделки нередко совершаются в жизни при такой обстановке, когда не только нет прямо выраженного желания установить или прекратить правоотношение, но можно даже предположить, что действующие лица не ожидали, что с их действиями будут связаны именно такие, а не иные последствия»[158]. Ученый объяснил это явление так: во всех случаях совершения сделок их участникам важно достижение определенного *хозяйственного* результата (цели); средством же его достижения действующее право считает создание, изменение или прекращение соответствующих ему гражданских правоотношений. Совершая сделку, лицо тем самым «...*предопределяет наступление правовых последствий*, соответствующих тому хозяйственному эффекту, которого это лицо желает достигнуть»[159]. Но это объяснение, очевидно, натянуто: примененное для него заключение типа «от цели к средству» работоспособно лишь при условии, что замыслом (намерением, волей) лица охватывается (осознается и осмысливается) весь арсенал тех средств, которые он мог бы использовать для достижения цели. Условия рассматриваемого примера, очевидно, иные.

Можно вспомнить и действия, юридический эффект которых заведомо выходит за рамки возможного. Возьмем добросовестное приобретение имущества от неуправомоченного отчуждателя: лицо, не имеющее права собственности на вещь и не имеющее полномочия к распоряжению ею (например, арендатор, перевозчик или хранитель чужой вещи), тем не менее каким-то «чудесным» образом это право в определенных обстоятельствах все-таки может передать другому лицу. Очевидно, что, злоупотребляя оказанным ему доверием собственника, данное лицо совершает действия, содержательно выходящие за пределы имеющихся у него юридических способностей и возможностей (неправомерные действия); но, тем не менее, такие действия могут создать те же последствия, что и нормальные адекватные сделки!

158 *Новицкий И. Б.* Обязательства из договоров. М., 1924. С. 4.

159 Там же.

536. **Сделка как представление.** Все встает на свои места, если вспомнить о том, что в жизни могут «разойтись» (не совпасть) не только воля с действиями по своему изъявлению (действиями в техническом смысле), но и эти последние — с *суждениями заинтересованных лиц* о внешних признаках этих действий и об их оценке позитивным правом. Любые суждения (не исключая суждений должностных лиц и государственных органов, в том числе судей и судов) всегда заключают в себе некоторую (а иногда весьма высокую) вероятность аберрации (ошибки) или даже намеренного (заведомого) отступления от истины (искажения). Так, некое лицо стремится получить чужое имущество в безвозмездное пользование (воля); в этих целях оно заключает с собственником этого имущества договор о совместной деятельности (волеизъявление); налоговые органы, однако, оценивая совершенные сторонами действия, квалифицируют их как договор аренды (представление о волеизъявлении). Иными словами, от *действий в техническом смысле* нужно отличать еще и *представления третьих лиц об этих действиях*. Описанная выше двухзвенная цепочка, таким образом, удлиняется на одно звено: **волевой акт** (действие в психологическом смысле) — **телодвижение** (действие в техническом смысле, выражение воли) — **представление** о телодвижениях и породившем их волевом акте (результат действий в техническом смысле, волеизъявление). Именно от этого представления третьих лиц — в первую очередь *добросовестных контрагентов*, противостоящих лицу, совершившему сделку в конечном счете — разрешающих спор *беспристрастных и компетентных судей*, и отталкивается положительное право[160]; именно эти *представления, внешне выраженные в известном наборе положений (правил, предписаний, условий) о юридически возможном и должном поведении участников сделки-действия* (результатом которого пресловутые предписания и явились), и становятся тем, что мы именуем *сделками*. Именно в этом смысле мы говорим о «сделке», употребляя словосочетания «содержание сделки», «условия сделки», «форма сделки», «часть сделки». Сделка, таким образом, — это не столько само действие (в психологическом или даже техническом смысле), сколько *результат оценки такого действия* — то, каким с точки зрения его гражданско-правового эффекта представляется оно добросовестным участникам частного оборота и суду.

Неслучайно, что И. Б. Новицкий в своей более поздней работе отказался от прежде выдвинутого им объяснения феномена сделок, правовые последствия которых не охватываются замыслом их участников. Отсутствие воли к достижению того или другого конкретного — максимально точно описанного и осмысленного — правового результата «...не имеет серьезного значения», поскольку достаточно,

160 Добросовестность контрагентов, равно как профессиональная судейская компетентность и беспристрастность, предполагаются.

чтобы была на лицо *юридическая вообще* направленность в смысле *обязательности последствий данного действия*. «...Важно то, что лицо, совершающее сделку, имеет в виду не простое фактическое отношение, а отношение юридическое: лицо ... должно сознавать (и оно действительно сознает), что заявление, которое оно делает, не является простым разговором, ни к чему не обязывающим...»[161]. Иными словами, сделкой признается такое действие, по внешним признакам которого заинтересованное лицо способно сделать добросовестное заключение о намерении совершившего его субъекта связать себя предусмотренными законом юридическими последствиями. Или, по выражению другого советского цивилиста проф. М. М. Агаркова, «...для наличия сделки достаточно, чтобы волеизъявление *объективно* было направлено на установление, изменение или прекращение правоотношения, т.е. чтобы можно было разумным образом заключить о таком именно смысле совершенного действия. Не требуется, чтобы действующее лицо *сознавало*, что оно совершает изъявление воли, тем более изъявление воли, направленное на определенный юридический эффект. ГК требует лишь совершения лицом действия, направленного на цель, указанную в ст. 26 (ГК РСФСР 1922 г. — *В. Б.*)»[162].

Таким образом, характеризуя сделку как действие *юридической направленности*, не следует придавать этой характеристике больше значения, чем она в действительности имеет. Юридическая направленность действия в техническом смысле может быть установлена только предположительно; о юридической направленности действия в смысле психологическом (волевого акта) судить и вовсе невозможно. Это означает, что в определении сделки как *юридически направленного* действия идет речь только о том, что *таковое по своим внешним признакам может быть добросовестно сочтено заинтересованными лицами за действие, имеющее такую направленность*. Объединяясь в сложный фактический состав с реально состоявшимся ему подобным добросовестным восприятием, действие, признаваемое сделкой, приводит к *добросовестному первоначальному приобретению субъективных прав*[*]; рассматриваемое же в качестве элемента другого, более сложного действия, оно само по себе сделкой считаться не будет, но станет необходимым условием констатации наличия иной сделки (договора) — основания к *добросовестному производному приобретению субъективных прав*[**].

[*]см. п. 258

[**]см. п. 258

537. **Восприятие и бесповоротность сделки.** Характеризуя сделку как *представление* заинтересованных лиц о чужом действии, его гражданско-правовой направленности и последствиях, мы тем самым должны констатировать два следующих правила, которые можно было бы назвать теми основными положениями, на которых зиждется практический смысл сделок как гражданско-правовых актов частных лиц, — 1) правило *восприятия* и 2) правило *бесповоротности*.

161 *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 15.

162 *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. С. 346—347.

Правило первое заключается в том, что *ни одна сделка* (в том числе односторонняя) *не может приобрести юридического эффекта* (*значения*) *прежде ее восприятия заинтересованным лицом или лицами* (*адресатом или адресатами*), т.е. субъектами, правовое положение которых она призвана (судя по ее внешним признакам) изменить. Представление о чужом действии никак не может сформироваться без его восприятия лицом иным, чем то, которое это действие совершило; следовательно, такое восприятие *абсолютно необходимо* для того, чтобы действие могло считаться сделкой[163]. В сделках, в которых принимает участие более одного лица, необходимости в особом акте ее восприятия нет: каждый из участников воспринимает действия другого (других), а свои действия совершает так, что те воспринимаются другим (другими). Действия же односторонние, о совершении которых так и не стало известно никому, кроме того, кто их совершил, без акта их восприятия не могут быть сочтены односторонними сделками.

Правило же второе заключается в том, что сделка, будучи совершенной (т.е. воспринятой адресатом), становится *юридически необратимым* или *бесповоротным актом*. Никакие юридические последствия, созданные совершенной сделкой (хотя бы и односторонней), не могут быть изменены или отменены в одностороннем порядке частным лицом, сделку совершившим; иное (возможность одностороннего изменения или односторонней отмены юридических последствий сделок) должно быть *прямо предусмотрено законом или условиями самой сделки*. Анекдотическое толкование выражения «хозяин своего слова» как характеристики человека, который сегодня слово дал, а завтра взял обратно (потому что расхотел, передумал, протрезвел и т.д.), ни при каких условиях не должно иметь места применительно к словам и вообще действиям, которые кем-либо были основательно сочтены сделками.

Действия, имеющие внешний вид сделок, а также действия, являющиеся сделками, могут быть признаны недействительными судом по искам заинтересованных частных лиц, в том числе тех, что совершили данные действия, но лишь в случаях, *прямо установленных законом*. Думается, что последнее правило не должно было бы быть безусловным и могло бы применяться лишь при условии *добросовестности* таких лиц. Иными словами, лицу, которое в момент совершения сделки знало о ее незаконности, но, тем не менее, ее совершило именно с прицелом на то, чтобы сохранить за собой возможность ее последующего оспаривания, не должно было бы, вообще говоря, предоставлять возможности такого оспаривания; во всяком случае, за добросовестным контрагентом должно быть сохранено все, полученное им по такой сделке.

538. **Основание (causa) сделки**. Никто не совершает сделки просто так, ради самих сделок. Любая сделка — не более чем средство достижения одного или нескольких определенных юридических

163 Необходимо, но может быть недостаточно. Пример — завещание: о его содержании может стать известно задолго до смерти завещателя, но несмотря на это завещание не возымеет юридических последствий пока завещатель жив.

результатов (эффектов), по тем или иным соображениям важных (представляющих интерес, желательных) для ее участников. Юридический результат сделки, являющийся средством достижения другого, тоже юридического результата, называется *промежуточным*; юридический же результат, являющийся средством достижения хозяйственного эффекта, результат, венчающий собой, так сказать, всю сделку (объясняющий, *во имя чего* она в конечном счете совершена), можно назвать *конечным* (итоговым, финальным). *Конечный юридический результат*, средством достижения которого и является, судя по ее внешним признакам, сделка, называется *основанием* (*causa*) *сделки*. Коротко можно сказать, что основание (causa) сделки — это ее *гражданско-правовая цель*. Всякая сделка имеет основание. Действие, не имеющее causa, не является сделкой.

Кауза является тем родообразующим признаком, с которого начинается характеристика любой сделки. Она едина для всех сделок определенного рода. Так, все договоры купли-продажи, мены и дарения связывает *одна единая кауза — возникновение права собственности одной или обеих сторон на те или иные вещи*. Дальнейшее разграничение будет проводиться по такому видовому признаку, как возмездный или безвозмездный характер сделки, т.е. по вопросу о том, достигается ли основная цель (кауза) сделки за собственный счет стороны, приобретающей право собственности на вещи (купля-продажа, мена), или же за счет другой стороны (дарение)*. Иначе обстоит дело с *договором ренты*, каузой которого служит *приобретение права требования повременных платежей* (*ренты*): при этом передача в собственность плательщика ренты того имущества, с которого эта рента будет платиться, становится лишь средством достижения этого (конечного) результата. Приобретение *права пользования чужим имуществом своей властью и в своем интересе* — кауза договоров аренды и ссуды; приобретение *права требования выполнения работ* — кауза всякого и каждого договора подряда, договоров на выполнение НИРиОКТР, а также многих трудовых договоров; приобретение (за чужой счет) *права собственности на денежные средства* — кауза договоров займа, кредита, факторинга, банковского вклада и счета[164] и т.д.

*см. п. 552

С causa сделки в целом не нужно смешивать *основание обязывания* ее участников — так называемая *causa предоставления чего-либо* одним участником правоотношений из сделки другому. Поскольку

164 Сказанное свидетельствует, между прочим, о том, что называя causa *конечной* целью сделки, мы имеем в виду «конечность» *в юридическом смысле*, но не в смысле последовательности во времени. Causa договора займа достигается *уже в самый момент предоставления займа*, после чего займодавец приобретает денежные требования к заемщику, реализуемые лишь с наступлением срока возврата займа, т.е. *после* достижения основной цели договора. Это обстоятельство, однако, не мешает признанию значения causa за фактом, наступившим прежде, ибо пресловутые денежные требования (по возврату займа и уплате процентов) являются лишь правовыми средствами реализации принципа возмездности договора займа, т.е. характеристиками иной его стороны.

предоставление не бывает безадресным — оно делается не «в пространство» и не в песок, а в чью-то пользу — оно предполагает свое органическое единение с процессами *приобретения* и *сбережения*. Caus'у предоставления можно называть, стало быть, и *caus'ой приобретения*, а также *caus'ой сбережения*, в зависимости от того, что (какой юридический эффект) является результатом предоставления. Это будет уже не конечная цель сделки в целом, но *ближайшие правовые цели, которые у каждого участника свои*, вследствие чего их достижение (стремление к их достижению) становится *основанием возложения на них известных юридических обязанностей*. Возьмем тот же договор купли-продажи: *покупатель* обязывается к платежу, рассчитывая на *получение в собственность определенной вещи*, а вот *продавец* обязывается эту вещь передать *в расчете на приобретение в собственность денежной суммы*. Основание обязывания покупателя, как видим, совпадает с causa договора в целом; основание же обязывания продавца тождественно с так называемым *встречным удовлетворением* — непременным элементом всякой возмездной сделки. Встречаются, впрочем (главным образом, среди односторонних), сделки, основание предоставления по которым не очевидно. Такова, к примеру, *выдача простого векселя* — документа, обязывающего векселедателя к платежу определенной денежной суммы, из которого нельзя понять, ради какой же именно ближайшей правовой цели он на себя такую обязанность принял. *Основание сделки в целом всегда является ее необходимым* (родообразующим) *признаком*; *основания же для предоставлений*, совершаемых в рамках сделки, *могут быть необходимыми* (видообразующими) *признаками сделки*, но могут относиться и к категории признаков *случайных*.

От causa сделки нужно отличать также те соображения, которые объясняют, что именно заставило то или другое лицо совершить ту или иную сделку. Они называются *мотивами сделки*; в отличие от основания, единого для всех сделок определенного рода, мотивы для каждой конкретной сделки индивидуальны. Так, например, некто покупает автомобиль *для того, чтобы иметь возможность зарабатывать, занимаясь частным извозом*. Мотив сделки — желание зарабатывать частным извозом; основание же осталось прежним — приобрести право собственности на индивидуально-определенный автомобиль. Мотивы сделки, как правило, внешнего выражения не получают, а потому на действительность сделки влияния, по общему правилу, не оказывают. В нашем примере: покупатель автомобиля не сможет потребовать уничтожения сделки и возврата уплаченных за него денег, если не сбудутся его ожидания относительно заработка посредством частного извоза; однако он может предъявить такое требование, если, скажем, переданный ему в собственность автомобиль окажется с такими недостатками, которые не были оговорены продавцом при заключении договора. Дефект causa (не получил право собственности на ту вещь, на какую рассчитывал) уничтожает сделку; дефект мотивов — нет.

539. **Правомерность и результативность сделки.** Если сделка — это действие *правомерное* (соответствующее нормам права, в том числе — и законодательным нормам), то не может быть каких-либо при-

чин не признавать за ней юридических последствий, причем, именно тех, которые связывались с этим действием совершившим его лицом. И наоборот: если законодатель почему-либо отказывается признать за тем или иным действием намеченные правовые последствия (относится к ним негативно), такое действие нельзя квалифицировать как правомерное. Следовательно, сделка — это такое действие, которое не просто *направлено* на достижение гражданско-правовых последствий, но и которое *неизбежно порождает именно те самые последствия, на которые она была направлена.*

Большинство ученых упускают из виду этот очевидный факт, вероятно, вследствие пропуска в законодательном определении сделки указания на ее правомерность, а может быть, из-за не всегда верного употребления слова «сделка» в законодательстве. В результате определение сделки оказывается внутренне противоречивым. Ведь если для сделки принципиален *только* момент направленности на достижение юридического эффекта, но не имеет значения *реальное* его достижение, то тогда в число сделок должны входить и ничтожные сделки[165]. Но ничтожные сделки относятся законодательством к числу неправомерных действий, в то время как сделка — действие правомерное. Неправомерные же действия не могут быть разновидностью правомерных. Мы пришли к противоречию, свидетельствующему о том, что наше первоначальное предположение о незначимости для сделки ее реального юридического эффекта было неправильным.

Идентичный результат получается и в том случае, если в рассуждении о понятии сделки мы оттолкнемся от понятия юридического факта, как факта реальной действительности, имеющего юридическое значение. Признание существования сделок, не порождающих правового результата, означает признание того обстоятельства, что не все сделки являются юридическими фактами. Данное положение не разделяется, насколько нам известно, ни одним сколько-нибудь авторитетным ученым.

540. **Соотношение сделок с юридическими поступками.** Сделки относятся к числу *юридических актов* — правомерных действий, *направленных* на достижение гражданско-правовых последствий и достигающих *именно их* — намеченных частными лицами-участниками сделки и желательных для них — последствий. В отличие от сделок, юридические поступки могут порождать правовые последствия *различного рода* — как благоприятные для лиц, их совершивших, так и нежелательные для них, т.е. могут быть *как правомерными, так и неправомерными действиями.*

*см. п. 484 и 501

В дополнение к тому, что уже было сказано по интересующему нас вопросу*, нужно отметить, что юридические поступки вызывают

165 Кроме мнимых, которым не присущ даже момент направленности на создание юридических последствий (см. п. 1 ст. 170 ГК).

динамику юридических отношений *независимо от того, стремилось ли лицо, совершившее этот поступок, к достижению этих последствий и можно ли усмотреть такую направленность в самом поступке.*

В отечественной литературе впервые обратил внимание на правомерные юридические поступки М. М. Агарков в 1927 г., указав, что «...теория юридических фактов знает целый ряд действий, которые не являются ни сделками, ни правонарушениями и, тем не менее, порождают, изменяют и прекращают правоотношения. К их числу относятся дозволенные действия, которые не являются волеизъявлениями, направленными на юридические последствия. Юридические последствия вызываются этими действиями независимо от того, желал ли их наступления субъект. В них отсутствует характерный для сделок момент зависимости между юридическим эффектом и направленным на него содержанием воли субъекта»[166]. Всестороннее же освещение вопроса о соотношении данной категории с понятием сделки впервые находим у О. А. Красавчикова[167]. Он же, разделив юридические поступки на *материальные* (воздействующие на материальные объекты правоотношений) и *нематериальные* (не оказывающие такого воздействия), заключил, что первого рода юридические поступки (материальные) могут быть совершены *любыми лицами*, нематериальные же — *только дееспособными*. Отсюда им был сделан вывод о том, что на нематериальные юридические поступки положения законодательства о сделках распространяются в полной мере, за исключением тех, которые обусловлены целенаправленным характером сделок, в то время как к материальным юридическим поступкам правила о сделках применяться вовсе не могут. В принципе с этим взглядом можно было бы согласиться[168], с учетом, однако, того, что он сформулирован лишь применительно к *правомерным* юридическим поступкам.

541. **Соотношение сделки с иными видами юридических актов (корпоративными и административными).** Сделки необходимо отграничивать также от двух других видов юридических актов — *корпоративных* и *административных*. Оба этих вида актов, как и сделки, характеризуются своей *основательностью*, *правомерностью* и *внешней направленностью* на установление, изменение или прекращение

166 *Агарков М. М.* Учение о ценных бумагах. С. 273—274 (цит. по указ. в гл. 14 переизданию 1994 г.).

167 *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 152 и сл.

168 Ранее (в Учебнике гражданского права 2002—2004 гг.) нами был выражен взгляд, в соответствии с которым дееспособность требуется для совершения *любых* юридических поступков (п. 437). При этом нами не было учтено то обстоятельство, что так называемые материальные юридические поступки производят юридические последствия не непосредственно, а косвенно — через изменения, вносимые ими в предметы материального мира. Эти изменения объективны, и если они затрагивают общественно-значимые интересы каких-либо лиц, с ними невозможно не считаться; в этом смысле их можно уподобить событиям. Следовательно, верным является взгляд О. А. Красавчикова: такие поступки производят юридические последствия *независимо* от возможности их вменения лицам, их совершившим.

гражданских правоотношений. Их отличие от сделок проводится по различным критериям. *Административные акты* совершаются не частными лицами, но лицами и органами, облеченными публичной властью[169], т.е. отграничиваются от сделок *по субъекту* своего совершения. *Корпоративные* же *акты*, будучи внешней формой воплощения и проявления так называемой общей (а не индивидуальной) воли, отграничиваются от сделок *по характеру своей гражданско-правовой направленности*.

Издание административных актов представляет собой средство реализации *носителями публичной власти* возложенных на них государством функций и осуществляется в рамках их компетенции. Сделка же — это акт *частного лица*, обязательность которого коренится в свободной воле, юридическом равенстве и неприкосновенности любых субъективных частных прав. Административный акт — это акт носителя публичной власти, в коей он и черпает собственную силу и обязательность. Сделка обязательна для того, кто ее совершает потому, что *именно он* ее совершает (реализует свою гражданскую правосубъектность); административный же акт обязателен не только для самого его совершившего лица, но и для других лиц — адресатов этого акта в силу того, что он совершен *носителем публичной власти по отношению к подвластным лицам*. В отличие от сделки административный акт может быть только *односторонним*; даже межведомственные административные акты (акты, принимаемые одновременно несколькими органами или должностными лицами) заключают в себе не индивидуальную, а общую (консолидированную) волю, олицетворяющую носителя публичной власти.

Сложнее разграничить сделки с *корпоративными актами*, так как и те и другие представляют собой акты частных лиц. Критерием разграничения здесь служит *содержание воли*, которая находит свое выражение в каждом из видов этих актов. Именно: в сделке всегда выражается индивидуальная воля — либо одного лица (если сделка односторонняя), либо нескольких лиц (если сделка многосторонняя). В последнем случае воля лиц, представляющих различные стороны сделки, будет волей *различного содержания*. Корпоративные же акты несут на себе печать *общей воли* лиц, участвовавших в его принятии, либо *воли большинства* этих лиц. Так, например, договор купли-продажи (двусторонняя сделка) является продуктом соединения желания продавца избавиться от определенной вещи за деньги и стремления покупателя приобрести данную вещь, пожертвовав требуемой суммой денег; выдача векселя (односторонняя сделка) — также продукт *объединения двух воль различного содержания* — воли векселедателя обязаться по векселю и воли первого приобретателя приобрести право собственности на вексель и права, удостоверяемые им. В то же время решение общего собрания товарищей, участников ООО, акционеров, членов кооператива, съезда делегатов или депутатов (корпоративные акты) выражает *общую*, *единую по своему содержанию*, *волю* лиц, голосовавших в пользу, или против его принятия.

---

169 В этом смысле выражение «административные акты» некорректно, ибо оно не охватывает собой всех актов органов публичной власти, в частности актов судебных.

В этом смысле корпоративные акты — это всегда такие *односторонние акты*, в которых на одной стороне (стороне, постановившей акт) непременно участвует *несколько лиц* — носителей общей (корпоративной) воли. «...Здесь имеет место множество лиц на одной стороне — это участники, имеющие сонаправленный интерес, который позволяет выступать на одной стороне...»[170], — пишет М. А. Рожкова. Лучше и не скажешь.

541[1]. **Согласие на совершение сделки.** Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ в ГК была внесена ст. 157.1, установившая несколько общих положений относительно так называемого *согласия на совершение сделки*. Нельзя сказать, чтобы этот институт не был известен нашему праву прежде — скорее, наоборот: именно *разрозненные правила о многочисленных «согласиях» на совершение сделок, требуемых в самых разнообразных случаях и от различных субъектов*, в первую очередь — *частных лиц* (см., напр., п. 1 ст. 26, ст. 183, п. 2 ст. 295, п. 1 ст. 391, п. 2 ст. 615 ГК и др.), *органов государственной власти и местного самоуправления* (см., напр., п. 1 и 2 ст. 37), и *даже лиц, вовсе не являющихся самостоятельными субъектами гражданских правоотношений* — советов директоров и общих собраний участников некоторых видов корпоративных организаций (см. нормы глав X и XI Акционерного закона, ст. 45 и 46 Закона об обществах с ограниченной ответственностью) и побудили законодателя в конечном счете систематизировать общие положения об этом институте, собрав их в рамках единой новой статьи Кодекса.

Теоретически обобщить эти положения можно в нескольких следующих тезисах. 1) Во-первых, к самим актам согласия на совершение сделки применяются *правила о тех действиях, в форме которых совершаются акты согласия* — т.е. о *сделках* (если акты согласия даются частными лицами), об *административных актах* (если согласия исходят от органов государственной власти и местного самоуправления), и о *корпоративных актах* (если согласия даются органами управления юридических лиц и собраниями участников гражданско-правовых сообществ (в том числе корпораций)). На согласия-сделки распространяются правила об односторонних сделках (ст. 154—156 ГК), условных сделках (ст. 157), форме сделок (ст. 158—165), в том числе о возможности совершения согласий в том или ином конкретном случае конклюдентными действиями; на согласия — административные акты — нормы об административных актах, а на согласия — корпоративные акты — нормы о корпоративных актах, в том числе о решениях собраний. 2) Во-вторых, свое гражданско-правовое действие в отношении третьих лиц — участников сделки, на которую требуется согласие — согласие производит не с момента своего принятия (вынесения, постановления), а *с момента его* ***доведения до сведения*** (уведомления о нем) *участни-*

170 *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009. С. 109.

ков сделки или иных заинтересованных лиц; такое уведомление должно быть совершено *в разумный срок* после обращения лица, запросившего согласие (п. 2 ст. 157.1 ГК). Очевидно, что такое уведомление должно подчиняться и еще одной вновь введенной в Кодекс статье — 165.1 ГК (о юридически значимых сообщениях). 3) В-третьих, по соотношению времени выдачи согласия с моментом совершения сделки, являющейся его предметом, различаются согласия *предварительные* (собственно согласия) и *последующие*, также называемые *одобрениями* (абз. 2 п. 3 ст. 157.1, частный случай — ст. 183 ГК).

Поскольку предварительные согласия даются *до* совершения соответствующей сделки, необходимо, чтобы было понятно, к какой именно будущей сделке оно относится. Как этого добиться? Абзац 1 п. 3 ст. 157.1 указывает, что для этого в согласии необходимо определить *предмет* соответствующей сделки. Эту норму нужно понимать только в том смысле, что предмет будущей сделки в согласии следует указать *обязательно*, но совсем не означает, что кроме него — предмета — не нужно определять больше ничего. Возможно, что из самого описания предмета будущей сделки или из особенностей тех конкретных обстоятельств, в которых дается согласие, все другие необходимые элементы будущей сделки станут ясны сами собой — и тогда определения в согласии *одного только предмета* будет достаточным; но если предмет будет определен таким образом, что это определение достаточной ясности о будущей сделке не создаст, то помимо предмета в согласии нужно будет определить и другие ее элементы так, чтобы в будущем — при совершении сделки — ни у кого не возникало сомнений, что совершенная сделка и есть та самая, на которую было дано согласие.

Тот же вопрос — об индивидуализации (определении) сделки — возникает и при последующем согласии (одобрении). Технически он, однако, решается гораздо проще — согласно абз. 2 п. 3 ст. 157.1 ГК в этом случае в согласии достаточно «указать сделку, на совершение которой дано согласие». При этом, очевидно, подразумевается, что нужно указать (описать) все существенные признаки, индивидуализирующие уже совершенную сделку.

Новая статья 157.1 Кодекса не содержит никаких правил относительно того, в чем состоит *юридический эффект* (*юридическое значение*) *согласия*. С какого *момента* он наступает (доведения до сведения) — говорится; каким *минимальным требованиям* должно соответствовать согласие — тоже (предмет сделки или описание сделки); но *что же дает* наличие согласия? *ради чего оно нужно*? — на эти вопросы ст. 157.1 не отвечает. Почему? Можно предположить, потому, что такое значение может быть ***различным***. Так, в общем случае, сделка, совершенная без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица, государственного органа или органа местного самоуправления «... является *оспоримой*, если из закона не следует, что она *ничтожна* или *не влечет правовых последствий* для лица, управомоченного давать согласие» (п. 1 ст. 173.1 ГК (подробнее будут рассматриваться далее)). Пункты 1 и 2 ст. 183 ГК рассматривают как раз частный случай последнего варианта развития событий — сделка, совершенная так называемым *псевдо-представителем* (т.е. лицом, либо вовсе не имеющим полномочий действовать от имени представляемого, либо действующим с превышением имеющихся полномочий) *не созда-*

ет правовых последствий для якобы представляемого им лица. Таким образом, обнаруживаются, как минимум, три варианта юридического значения согласия на совершение сделки: (1) *исцеление ее от порока оспоримости*; (2) *предупреждение ее ничтожности* и (3) *создание условий для распространения последствий сделки на третье лицо.*

Все правила ст. 157.1 ГК являются нормами *общими* и, к тому же, *диспозитивными*: согласно ее п. 1 они применяются только в том случае, если иное не предусмотрено законом или иным правовым актом.

§ 2. Форма сделок (п. 542—550)

542. **Общие положения и виды.** Лицо может изъявить (выразить) свою волю вовне различным образом; результат такого изъявления также может быть закреплен различными способами, предполагающими более или менее длительное и устойчивое его сохранение во времени и единообразное восприятие его содержания другими лицами. Способ выражения воли участников сделки вовне (способ волеизъявления) в соединении со способом фиксации содержания выраженной воли называется *формой сделки.* Конечно, с точки зрения русского языка выражение «форма сделки» (форма действия) не может быть признано удачным. Но по причине его устойчивости и традиционности, а также из-за тех трудностей, с которыми сопряжен поиск его адекватной замены мы не имеем возможности отказаться от его употребления. Законодательство различает *устную* и *письменную* формы сделки (ст. 158 ГК), причем, письменную подразделяет также на *простую* и *нотариальную.*

Наиболее естественным и распространенным способом волеизъявления являются *прямые* заявления лиц о содержании своей воли и своих намерениях. Такие заявления, как правило, сперва высказываются устно, после чего непременно фиксируются *в памяти лиц*, непосредственно воспринявших такие заявления, а также могут быть зафиксированы на бумаге, магнитной ленте, аудио- или видеопленке, в памяти ЭВМ или ином (*письменном*) виде. Далее, о содержании воли могут также *косвенно* свидетельствовать и иные активные действия лиц (*конклюдентные действия*), а в некоторых случаях также и их *молчание.*

Вопрос о форме сделки является, по существу, вопросом не материального, а процессуального правового характера[171]. В идеальном

171 Наилучшим подтверждением этого является содержание университетских «казусников» по материальному гражданскому праву, в условиях которых авторы-составители сообщают учащимся, порой, такие обстоятельства (кто что думал, кто чего хотел, кому что показалось и т.д.), что поневоле возникает вопрос: а как же в реальной ситуации их можно было бы установить? Спасает только то, что автору задачи учащиеся обязаны верить: дескать, дело было именно так, как написано. А вот как это доказали (да и откуда вообще об этом узнали) — это, как говорится, «к другому доктору» (на кафедру гражданского процесса).

гражданском обществе, каждый член которого в совершенстве знает закон, адекватно понимая его смысл и значение, помнит обо всех совершенных с его участием юридических действиях и к тому же добросовестно себя ведет, вопрос о форме сделок лишается всякого значения. В таких условиях для установления факта совершения сделки определенного рода, вида и содержания будет достаточно простого заявления заинтересованного лица. К сожалению, законодательство может лишь ориентироваться на создание такой ситуации в будущем; в существующем же обществе регулярно возникает потребность в том, чтобы не просто констатировать, но *доказать* факт совершения сделки. Ясно, что наилучшим образом этой потребности удовлетворяет *письменная* форма сделок. Стремясь стимулировать частных лиц к тому, чтобы акты изъявления их воли с достаточной точностью и определенностью выражали их намерения, чтобы их содержание могло быть во всякий момент времени единообразно воспринято и осмыслено всеми заинтересованными лицами, включая суд, законодатель выдвигает требование о совершении сделок того или другого рода в *простой письменной форме*. Сделки же, имеющие особо важное (исключительное) значение для гражданского оборота в целом либо играющие ключевую роль для участвующих в них частных лиц, а также сделки, совершаемые в особенных обстоятельствах, законодатель требует совершать в *нотариальной форме*.

Наконец, сделки, направленные на динамику абсолютных правоотношений с такими объектами, принадлежность которых тем или иным лицам не может быть очевидно и достоверно установлена третьими лицами, законодатель обязывает подвергнуть *государственной регистрации*[172]. Такое требование не является, строго говоря, требованием к форме сделки; скорее, его следует считать особым требованием, предъявляемым к порядку совершения сделки. Сделка, подлежащая государственной регистрации, такова, что сможет породить намеченные ее участниками правовые последствия, только объединившись в сложный фактический состав с другим фактическим обстоятельством — актом своей государственной регистрации. По этой причине рассмотрение вопроса о государственной регистрации сделок вынесено в отдельный параграф.

543. **Устная форма.** По общему правилу (п. 1 ст. 159 ГК), сделки совершаются *в устной форме*. Предписания о сделках, подлежащих облечению в письменную форму, представляют собой хотя и чрезвычайно обширные, но все же исключения из данного принципа. Вообще в устной форме может быть совершена *любая сделка*, в том числе и та, для которой законом или соглашением сторон предусмотрена обязательность совершения в простой письменной форме, при условии, что законодательством не предусмотрена ее недействительность по причине несоблюдения простой письменной формы (п. 1 и 2

172 Объектом регистрации может быть также и не сама сделка, а факт порождения (изменения или прекращения) ею субъективных гражданских прав. Регистрацию сделок не нужно путать с государственной регистрацией прав, на которые эти сделки повлияли.

ст. 162). О последствиях совершения устно сделки, которая подлежит совершению в простой письменной форме, будет сказано ниже*; здесь же отметим, что для сделок, исполняемых при самом их совершении, вообще никаких «вредных» последствий нарушения правил о простой письменной форме не предусмотрено (п. 2 ст. 159, п. 2 ст. 161). Кроме того, по соглашению сторон письменной сделки (договора) можно совершать в устной форме любые сделки, направленные на исполнение этого договора, если это не противоречит закону, иным правовым актам или этому договору (п. 3 ст. 159, п. 2 ст. 161).

*см. п. 549

Устная сделка совершается, как правило, *посредством словесных заявлений участников*, т.е. *в словесной форме*; существо действий по исполнению обязательств, возникших из сделки, определяется ее содержанием. Например, возьмем договор купли-продажи товара на рынке. Покупатель, после получения от продавца информации о качестве и цене продаваемого товара, делает предложение о его количестве (иногда — и цене); продавец отмеривает (взвешивает, отсчитывает) требуемое количество товара и вручает его покупателю против получения от последнего денежной суммы, составляющей покупную цену товара. В устной форме заключаются многие другие договоры розничной купли-продажи, некоторые договоры перевозки (например, с водителями, занимающимися частным извозом, перевозки в такси и т.п.); практически все договоры дарения между гражданами; большинство договоров беспроцентного займа на небольшие суммы между гражданами; договоры хранения предметов потребления, временного безвозмездного пользования ими и др.

544. **Конклюдентные действия.** Из п. 2 ст. 158 ГК следует, что нормы об устных сделках распространяются также и на сделки, совершенные путем *конклюдентных действий*[173] — поведенческих актов, существо и обстановка совершения которых предполагают намерение лица совершить сделку определенного типа и содержания. Так, явившийся в помещение организации сдает верхнюю одежду в гардероб; при этом никаких заявлений относительно предлагаемой к заключению сделки ни он сам, ни сотрудник гардероба, как правило, не делают — один протягивает другому пальто (куртку, шубу, шапку и т.д.), а другой принимает его, выдавая взамен легитимационный знак («номерок»). При этом было бы весьма странным, если бы гардеробщик, вместо того, чтобы принять пальто на хранение, предложил бы гражданину получить деньги за него, решив, что гражданин принес это пальто ему для продажи; еще более вызывающей выглядела бы попытка гардеробщика надеть это пальто и в нем уйти, поскольку ему, якобы показалось, будто бы гражданин желал предо-

173 От латинского conclude — заключать, включать, вмещать; соответственно, конклюдентные действия — это действия, включающие в себя (предполагающие) определенную цель своего совершения.

ставить пальто лично ему, гардеробщику, в безвозмездное пользование. Всякое подобное заявление было бы откровенно недобросовестным, потому что и характер совершаемых действий и обстановка, в которой они совершаются, таковы, что не порождают сомнения в существе предложенной к заключению сделки.

Другими примерами сделок, совершаемых *конклюдентными действиями*, могут служить заключение гражданином с организацией транспорта договора о перевозке пассажира путем опускания жетона в аппарат при входе в метро, или путем компостирования абонементного талона в автобусе (троллейбусе или трамвае). Конклюдентными действиями заключаются также договоры энергоснабжения (водо-, тепло- и газоснабжения) с участием гражданина, договор об оказании услуг по отведению сточных вод из жилых помещений, занимаемых гражданами, договоры об оказании услуг таксофонной связи и др.

Большинство ученых, следуя указанию п. 2 ст. 158 ГК, считают конклюдентные действия альтернативой словесным заявлениям и рассматривают сделки, совершенные конклюдентными действиями, в качестве частного случая *устных* сделок. Это верно, но лишь как общее правило, знающее исключение, согласно которому договор, заключенный в порядке, описанном в п. 3 ст. 438 ГК, считается совершенным в письменной форме (абз. 2 п. 1 ст. 160, п. 3 ст. 434 ГК). Обратившись к п. 3. ст. 438, мы без труда установим, что в ней ведется речь о *конклюдентных действиях*, направленных на выполнение условий письменного предложения о заключении договора. Иными словами, конклюдентные действия могут приводить к заключению как устной, так и письменной сделки, поэтому логично рассматривать их отдельно и от тех и от других.

545. **Молчание.** Из п. 3 ст. 158 ГК следует, что нормы об устных сделках распространяются также и на сделки, совершенные путем *молчания*. Совершение сделки таким способом возможно, но лишь в тех случаях, когда это предусмотрено законом или договором. По п. 4 вновь введенной ст. 157.1 ГК молчание не считается и *согласием* на совершение сделки, причем исключения из этого правила могут быть установлены только законом, но не договором.

Закон и договор предусматривают возможность совершения сделок посредством молчания лишь *в исключительных случаях* — случаях, которые по своему содержанию и обстоятельствам таковы, что свидетельствуют в пользу предположения о *положительном юридическом значении молчания*. Если бы лицо *не хотело* совершать сделки, оно бы прямо об этом заявило. Так, например, такая односторонняя сделка, как согласие кредитора на переход обязанностей по сделке, заключенной в чужом интересе, может быть совершена его молчанием — «не возражением» против такого перехода (ст. 986 ГК). Молчанием в течение определенного срока совершаются также сделки, направленные на продление договора энергоснабжения (п. 2 ст. 540),

на возобновление договора аренды (п. 2 ст. 610), на принятие комитентом покупки, совершенной по завышенной цене (п. 3 ст. 995), на принятие отчетов комиссионера (ст. 999) и агента (п. 3 ст. 1008).

546. **Простая письменная форма.** Сделка считается совершенной в *простой письменной форме*, если ее условия изложены в одном или нескольких *документах*[174] (п. 1 ст. 160 ГК). Согласно п. 1 ст. 161 ГК в простой письменной форме должны совершаться, во-первых, «...1) сделки юридических лиц между собой и с гражданами; [и во-вторых,] 2) сделки граждан между собою на сумму, превышающую не менее чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда, а в случаях, предусмотренных законом, — независимо от суммы сделки». Исключение составляют сделки, требующие нотариального удостоверения, а также сделки, перечисленные в п. 2 и 3 ст. 159 ГК*. *см. п. 542

Норма п. 2 ст. 434 ГК приводит ряд примеров заключения в простой письменной форме таких сделок, как договоры: «...1) путем составления одного документа, подписанного сторонами; путем обмена документами посредством 2) почтовой, 3) телеграфной, 4) телетайпной, 5) телефонной, 6) электронной или 7) иной связи, *позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору*».

Кроме того, как мы уже знаем**, «...письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято посредством совершения лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузки товаров, предоставлению услуг, выполнению работ, уплате соответствующей суммы и т.п.), если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте» (п. 3 ст. 434, п. 3 ст. 438), т.е. посредством *конклюдентных действий*. **см. п. 545

547. **Квалифицированная письменная форма.** Законодательство не использует данного терминологического обозначения, хотя само это понятие ему знакомо[175]. Наряду с отделением простой письменной формы от нотариальной абз. 3 п. 1 ст. 160 ГК объединяет в одну категорию немногочисленные, но все же периодически встречающиеся случаи, когда закон выдвигает *дополнительные требования*

174 Общее понятие *документа* было раскрыто нами выше***; особенности, связанные с заменой документов, подписанных собственноручно участниками сделки, документами, содержащими суррогаты их подписей, будут освещаться ниже****. ***см. п. 497 ****см. п. 547

175 К сожалению, игнорируют его и представители гражданско-правовой науки, очевидно, не делая различия между термином и понятием и полагая, что за отсутствием термина нет возможности говорить и о понятии. В результате квалифицированная письменная форма рассматривается и законом, и учеными как *частный случай простой письменной формы*.

к простой письменной форме определенных сделок (как-то совершение ее в виде единого документа, на бланке определенной формы, скрепление печатью и т.п.). Подобные дополнительные требования к простой письменной форме сделки могут устанавливаться законом, иными правовыми актами либо соглашением.

Из числа случаев квалифицированной письменной формы, предусмотренных ГК, следует указать на 1) *договоры займа* с ломбардами, оформляемые *залоговыми билетами* (п. 2 ст. 358); 2) соглашения о *продаже недвижимости* (ст. 550), *продаже предприятий* (п. 1 и 2 ст. 560), *аренде зданий и сооружений* (п. 1 ст. 651), *аренде предприятий* (п. 1 и 3 ст. 658) и *доверительном управлении недвижимостью* (п. 2 и 3 ст. 1017) должны быть составлены «*...в форме одного документа, подписанного сторонами*»; 3) *договоры перевозки* груза, пассажиров и багажа (п. 2 ст. 785, п. 2 ст. 786) — удостоверяются, соответственно «*...транспортной накладной, коносаментом либо иным документом на груз*, предусмотренным соответствующим транспортным уставом или кодексом», *билетом и багажной квитанцией*, которые также должны быть составлены по форме, установленной «...в порядке, предусмотренном транспортными уставами и кодексами»; 4) *чеки*, которые должны составляться *на бланках, содержащих реквизиты*, предусмотренные п. 1 ст. 878, *соответствовать форме и быть заполненными в порядке, который «...определяется законом и установленными в соответствии с ним банковскими правилами»* (п. 2 ст. 878); 5) *договоры хранения* на товарном складе и в ломбарде — первые удостоверяются так называемыми *складскими документами* (ст. 912), последний — *именной сохранной квитанцией* (п. 2 ст. 919).

Из документов о других сделках, подлежащих совершению в квалифицированной письменной форме, наиболее широко известны, конечно же, *переводные и простые векселя* (см. ст. 1, 2, 75 и 76 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341).

548. **Суррогаты подписи на документах о сделках.** Как указывалось выше*, подпись[176] является непременным атрибутом всякого документа; можно сказать, она делает обыкновенную бумагу документом, ибо *подпись и только она определяет личность субъекта, обязанного в гражданско-правовом* (и ответственного как в частно-, так и в публично правовом) *отношении, согласно содержанию бумаги*. Тем не менее в случаях и в порядке, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, «собственноручная» подпись участника сделки на документе о ней может быть заменена 1) ее воспроизведением средствами механического или иного копирования — *факсимильным воспроизведением*, либо 2) *электронно-*

*см. п. 497

176 Слово «подпись» предполагает собственноручное ее выполнение; выражение «собственноручная подпись», следовательно, заключает в себе не больше смысла, чем «волевое действие» или «масляное масло».

цифровой подписью, либо 3) *иным аналогом*[177] (п. 2 ст. 160 ГК). Кроме того, в случаях, предусмотренных ГК (п. 3 ст. 160, п. 3 ст. 1125), возможно использование 4) подписи так называемого *рукоприкладчика*.

В настоящее время законодательство регламентирует порядок и случаи использования одной только *электронной цифровой подписи*[178], но не касается иных аналогов подписи.

Что же касается подписи рукоприкладчика, то она предназначена к тому, чтобы заменять собою подпись гражданина, который вследствие физического недостатка, болезни или неграмотности не может подписать документ о сделке собственноручно. Такая замена может быть осуществлена только с согласия («по просьбе») гражданина, о замене подписи которого идет речь, с засвидетельствованием факта просьбы и обстоятельств замены подписи (причин, в силу которых совершающий сделку не мог подписать ее собственноручно) *нотариусом*, либо *другим должностным лицом*, имеющим право совершать соответствующее нотариальное действие, либо (при совершении сделок, указанных в п. 3 ст. 185.1 ГК, и доверенностей на их совершение) — *организацией, где работает гражданин*, который не может собственноручно подписаться, либо *администрацией стационарного лечебного учреждения*, в котором он находится на излечении (п. 3 ст. 160).

549. **Нотариальная форма.** *Нотариальное удостоверение сделок* обязательно в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон (п. 2 ст. 163 ГК). Оно заключается в «...проверке законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности» (п. 1 ст. 163 ГК). В настоящее время роль такого Закона играют Основы законодательства РФ о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1, согласно ст. 53—59 которых процедура нотариального удостоверения сделки предваряется совершением ряда действий, направленных на то, чтобы лично установить и удостоверить те фактические обстоятельства, которые имеют существенное значение для обеспечения законности совершаемой сделки, а также на то, чтобы убедиться в точном понимании ее участниками смысла и значения таковой. В этом — основное отличие процедуры нотариального удостоверения сделок от смежного понятия *засвидетельствования* (*самоличности*) *подписи на документах* (п. 3 ст. 160, п. 3 ст. 185.1 ГК; ст. 80 Основ законодательства о нотариате), совершая которое нотариус

177 Например, так называемым PIN-кодом, отпечатком пальца, условным знаком, паролем, уникальным набором реквизитов, идентификационным номером налогоплательщика (ИНН) и т.п.

178 См.: Федеральный закон от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи».

лишь удостоверяет факт: данная подпись сделана в его присутствии определенным субъектом, в личности которого он, нотариус, сам удостоверился[179].

ГК требует совершать в нотариальной форме: 1) *доверенности* а) на совершение сделок, требующих нотариального удостоверения (п. 1 ст. 185.1), а также б) выданные в порядке передоверия (п. 3 ст. 187) и в) безотзывные доверенности (п. 2 ст. 188.1); 2) в случаях, предусмотренных законом — *сделки, влекущие возникновение, изменение или прекращение прав на имущество, которые подлежат государственной регистрации* (п. 3 и 5 ст. 8.1); 3) *решения, принятые общим собранием участников непубличного акционерного общества* или *общества с ограниченной ответственностью* и состав участников, присутствовавших при его принятии (подп. 2 и 3 п. 3 ст. 67.1); 4) *передаточные акты* в отношении прав на именные документарные ценные бумаги (п. 9 ст. 146); 5) *завещания* (ст. 1124—1127) и такие *договоры*, как 6) договор о залоге движимого имущества в обеспечение обязательств по договору, который должен быть нотариально удостоверен (абз. 2 п. 3 ст. 339); 7) договор об уступке требования, возникшего из нотариально удостоверенной сделки (п. 1 ст. 389); 8) договор о переводе долга, возникшего из нотариально удостоверенной сделки (п. 4 ст. 391); 9) договор ренты (ст. 584). В последнее время все настойчивее звучат предложения о возврате к системе обязательного нотариального удостоверения *любых сделок с недвижимостью*, существовавшей в нашей стране до 1997 г.; не так давно один из сенаторов внес в Государственную Думу соответствующий законопроект[180]. Мотивировок, по сути, две — (1) *забота об интересах граждан некоторых категорий* (малолетних, пожилых, недееспособных, больных алкоголизмом и наркоманией, воспитанников детских домов и др.), *особенно беззащитных перед действиями мошенников, «черных риелторов» и даже «квартирной мафии»* — лиц, объединенных в преступные группы, промышляющие рейдерскими захватами жилых помещений и иной недвижимости и (2) *опыт стран континентальной Европы*, в которых сделки с недвижимостью удостоверяют нотариусы. Можно предположить, что данный законопроект имеет достаточно хорошие шансы на то, чтобы в скором времени превратиться в действующий закон.

---

179 К сожалению, данные действия путает даже законодатель, считающий процедуры, прежде установленные установленные п. 4 ст. 185 (а ныне — в п. 3 ст. 185.1) ГК, суррогатом нотариального удостоверения доверенности. Между тем смысл данных требований лишь «...в подтверждении третьими лицами подлинности подписи доверителя, его самоличности. Это — по-прежнему простая письменная, а не нотариальная форма доверенности. Необходимо различать *форму сделки* и *способ удостоверения подписи* лица, совершающего письменную сделку. Такое удостоверение не есть форма сделки, предусмотренная ст. 158—163 ГК, а только лишь способ подтверждения самоличности подписи» (*Дозорцев В. А.* О форме доверенности // Юридический мир. 1996. окт. С. 17; выделено нами. — *В. Б.*). См. правильное обозначение данного нотариального действия в абз. 2 п. 1 ст. 189 ГК — *нотариальное засвидетельствование подписи* под заявлением об отзыве доверенности.

180 См. об этом: В Госдуму внесен законопроект об обязательной нотариальной форме для сделок с недвижимостью // http://www.interfax.ru/realty/realtyinf.asp?id=382154&sec=1461.

Другие законодательные акты[181] требуют нотариальной формы для *согласий* 10) супруга на распоряжение недвижимостью или совершение нотариальной удостоверяемой сделки другим супругом (п. 3 ст. 35 СК); 11) родителя (родителей) на усыновление ребенка (п. 1 ст. 129 СК); 12) законных представителей несовершеннолетнего на его занятие предпринимательской деятельностью (подп. «з» п. 1 ст. 25.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»); 13) ипотечных залогодателей (как физических, так и юридических лиц) на внесудебный порядок обращения взыскания на их имущество (п. 1 ст. 55 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»); *доверенностей* 14) для голосования на общих собраниях акционеров (п. 1 ст. 57 Закона об АО) и членов жилищных накопительных кооперативов (п. 4 ст. 34 Федерального закона от 30.12.2004 № 215-ФЗ «О жилищных накопительных кооперативах»); 15) на получение страхового возмещения от имени вкладчика в Агентстве по страхованию вкладов и в ЦБ РФ (п. 5 ст. 10 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании банковских вкладов физических лиц в Российской Федерации»; п. 4 ст. 7 Федерального закона от 29.07.2004 № 96-ФЗ «О выплатах Банка России по вкладам физических лиц в признанных банкротами банках, не участвующих в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»); 16) участников общей долевой собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения на совершение одним из таких участников сделок с этим участком (п. 2 ст. 9, п. 3 ст. 12, п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»), а также для 17) *брачного договора* (п. 2 ст. 41 СК); 18) соглашения об уплате *алиментов* (п. 1 ст. 100 СК); 19) *сделки, направленной на отчуждение доли в уставом капитале общества с ограниченной ответственностью* (п. 11 ст. 21 Закона об ООО); 20) *решения о выпуске облигаций, обеспеченных ипотекой*[182] (п. 5 ст. 27.3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»); 21) *документов* об отказе участников общей долевой собственности на воздушное судно от реализации принадлежащего им преимущественного права покупки (п. 2 ст. 20 Федерального закона «О государственной регистрации прав на воздушные суда и сделок с ними»).

Порядок удостоверения сделок *нотариусами* регламентируется, помимо уже указанных ст. 53—59 Основ законодательства о нотариате, также нормами п. 10—22 Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации, утвержденных приказом Минюста России от 15.03.2000 № 91, а также приложениями к приказу Минюста России от 10.04.2002 № 99. Порядок совершения данного нотариального действия *иными должностными лицами*, которым согласно ст. 37 Основ законодательства о нотариате, предоставлено такое право, регла-

181 Требования нормативных актов публичного права (НК, избирательного законодательства и др.), а также требования о нотариальных доверенностях для подачи и получения документов в различные государственные органы не рассматриваются.

182 По всей видимости, законодатель хотел сказать о *нотариальной копии* такого решения.

ментируется Инструкцией, утвержденной приказом Минюста России от 27.12.2007 № 256.

Особенности совершения нотариальных действий (в том числе — связанных с удостоверением сделок) должностными лицами консульских учреждений РФ (ст. 38 Основ законодательства о нотариате) определяются ст. 26 Консульского устава РФ — Федерального закона от 05.07.2010 № 154-ФЗ.

550. **Последствия несоблюдения требования о письменной форме сделки.** По общему правилу несоблюдение *простой* письменной формы сделки *не делает ее недействительной*, но затрудняет доказывание факта ее наличия и ее условий. Именно: при возникновении спора о факте заключения сделки или о ее условиях стороны *не могут ссылаться на свидетельские показания*, хотя и не лишаются права представлять письменные и иные доказательства (п. 1 ст. 162 ГК). И только лишь в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон, несоблюдение простой письменной формы сделки влечет за собою ее недействительность (п. 2 той же статьи). Те же правила применяются для сделок *квалифицированной* письменной формы. Несоблюдение же *нотариальной* формы сделки *всегда влечет ее недействительность*, независимо от того, предусмотрена ли ее нотариальная форма законом или соглашением. Такая сделка считается ничтожной (п. 3 ст. 163 ГК).

ГК знает 18 случаев недействительности сделок по причине несоблюдения требования об их *простой* (в том числе квалифицированной) письменной форме: 1) соглашение о неустойке (ст. 331); договоры 2) залога (п. 2 и 4 ст. 339) и 3) ипотеки (п. 3 и 4 ст. 339); 4) поручительства (ст. 362); 5) предварительные (п. 2 ст. 429); 6) продажи недвижимости (ст. 550); 7) продажи предприятия (п. 2 ст. 560), 8) аренды на срок более года (п. 1 ст. 609); 9) аренды зданий и сооружений (п. 1 ст. 651); 10) аренды предприятия (п. 3 ст. 658); 11) кредита (ст. 820); 12) банковского вклада (ст. 836); 13) страхования (п. 1 ст. 940); 14) доверительного управления имуществом (п. 1 и 3 ст. 1017); 15) коммерческой концессии (п. 1 ст. 1028); 16) об отчуждении исключительного права (п. 2 ст. 1234); 17) лицензионного (п. 2 ст. 1235); 18) об отчуждении права на получение патента (п. 3 ст. 1357), в том числе патента на селекционное достижение (п. 3 ст. 1420).

Для сделок, которые согласно закону, иным правовым актам или соглашениям сторон должны быть облечены в *квалифицированную* письменную форму, соответствующим (предъявившим к форме сделке дополнительные требования) источником могут предусматриваться также последствия их несоблюдения; если они не предусмотрены, применяются последствия несоблюдения простой письменной формы сделки (абз. 3 п. 1 ст. 160 ГК).

Если сделка, подлежащая *нотариальному* удостоверению, таковому не подверглась по причине уклонения от него одной из сторон, то квалификации такой сделки в качестве ничтожной можно избежать. Для этого другая сторона должна, во-первых, 1) исполнить свои

обязательства, возникшие из данной сделки, и во-вторых 2) обратиться в суд с иском о признании сделки действительной[183]. Удовлетворение такого иска отменяет необходимость последующего нотариального удостоверения сделки (п. 1 и 3 ст. 165). Давность по такому иску составляет один год (п. 4 ст. 165).

§ 3. Государственная регистрация сделок (п. 551, 552)

551. **Общие сведения и круг сделок, подлежащих государственной регистрации.** Некоторые письменные сделки нуждаются в *государственной регистрации*. Принято считать, что к их числу относятся, главным образом, сделки с землей и другим *недвижимым имуществом*, а также с некоторыми видами *результатов интеллектуальной деятельности* — объектами исключительных прав. В принципе ГК сохраняет возможность устанавливать в законах требования о государственной регистрации сделок с определенными видами *движимого имущества* (п. 1 ст. 8.1, п. 2 ст. 131, ст. 164 ГК).

Читатель уже знает*, что вопреки общераспространенному мнению в ГК нет и никогда не было принципа, согласно которому предметом государственной регистрации являются не только права на недвижимость, но и *любые* сделки с нею. Анализ нормы п. 1 ст. 164 (в совокупности с правилами ст. 131 ГК и п. 1 ст. 4 Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», к которым она отсылает) отправлял правоприменителей в путь по бесконечной (круговой, замкнутой) траектории через ст. 130—132 ГК ... обратно к ст. 164. Кроме того, п. 1 ст. 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» всегда, можно сказать, прямо признавал признает отсутствие у понятия «регистрация сделки» самостоятельного содержания. Обращение же к иным нормам Закона всегда свидетельствовало о том, что о регистрации сделок с недвижимостью им упоминается либо в контексте наименования государственного органа, занимающегося такой регистрацией, либо применительно к документам о таких сделках, как тех, представление которых является необходимым для государственной регистрации прав на недвижимость. Принимая во внимание все эти обстоятельства, можно было заключить, что 1) *сделки с недвижимостью, по общему правилу, государственной регистрации не подлежат*; 2) исключения из этого правила должны быть *прямо предусмотрены законом*; 3) государственная регистрация сделок с недвижимостью (в тех случаях, когда ее требует закон) носит *вспомогательный* (рефлексивный) характер по отношению к государственной регистрации прав.

*см. п. 428

183 Кроме того, она вправе требовать от стороны, уклоняющейся от нотариального удостоверения сделки, возмещения убытков, причиненных таким поведением (п. 4 ст. 165 ГК).

В настоящее время — в результате трехэтапных изменений ГК, описанных в п. 428 настоящего Учебника — все сомнения, назревавшие в продолжение без малого двух десятков лет, наконец «созрели» и разрешились в смысле внесения в Кодекс (п. 1 ст. 164) постановления о том, что *необходимость государственной регистрации сделок должна быть* ***прямо предусмотрена законом***, и, стало быть *никакого общего правила о том, что государственной регистрации подлежат* ***все*** *сделки с недвижимостью,* ***не существует***, а если уж закон такую необходимость все-таки предусмотрел (как, скажем, ГК в ст. 609, 651 и 658) — то правовые последствия таких сделок наступают только после их регистрации. Что же касается п. 2 той же статьи, то он тут же, немедленно предусмотрел еще один подобный случай — государственной регистрации подлежат *сделки об изменении условий зарегистрированных сделок.*

В число сделок, *действительно подлежащих государственной регистрации*, входят, в частности, договоры 1) *об уступке* требования из сделки, требующей государственной регистрации (п. 2 ст. 389 ГК); 2) *аренды* недвижимости (за исключением транспортных средств, а также договоров аренды зданий и сооружений, заключенных на срок менее года) (п. 2 ст. 609; ст. 633 и 643; п. 2 ст. 651 ГК; для земельных участков — см. еще п. 2 ст. 26 ЗК); 3) *аренды* предприятия (п. 2 ст. 658 ГК); 4) *коммерческой концессии* (п. 2 ст. 1028, п. 2 ст. 1031 ГК), включая соглашения обо всех изменениях к нему (п. 2 ст. 1036), а также о расторжении (в том числе досрочном) такого договора (п. 2 ст. 1037), и, наконец, договоров 5) по *распоряжению* регистрируемыми результатами интеллектуальной деятельности (п. 2, 3 и 6 ст. 1232 ГК), в том числе направленных на *отчуждение* исключительных прав (п. 2 ст. 1234, п. 5 ст. 1262 (в том числе на программы для ЭВМ), ст. 1369 (на патентоспособные объекты), п. 2 ст. 1427 (на селекционные достижения), п. 7 ст. 1452, п. 2 ст. 1460 (на топологии интегральных микросхем), п. 1 ст. 1490 (на товарные знаки) и п. 2 ст. 1551 (на единые технологии; см. также п. 2 ст. 14 Федерального закона от 25.12.2008 № 284 ФЗ «О передаче прав на единые технологии»)), а также *лицензионных* договоров (п. 2 ст. 1235, п. 2 ст. 1460 (на топологии интегральных микросхем) ГК). Государственной регистрации подлежит такая *односторонняя сделка*, как 6) *отказ* одаряемого *от принятия дара* по договору дарения, подвергнутому государственной регистрации (п. 2 ст. 573 ГК); впрочем, в связи с неприменением п. 3 ст. 574 (о государственной регистрации договора дарения недвижимости), практическое значение сохраненного в силе п. 2 ст. 573 Кодекса ныне, конечно, сделалось совершенно ничтожным.

Государственная регистрация сделок с недвижимостью осуществляется *Росреестром*; с результатами интеллектуальной деятельности (включая договоры коммерческой концессии) — *Роспатентом*. Оба эти ведомства подчиняются Минэкономразвития России. Государственная регистрация исключительных лицензионных договоров на использование селекционных достижений осуществляется Минсельхозом России — органом исполнительной власти по селекционным достижениям. Подлежащие регистрации договоры уступки требования регистрируются в том ведомстве, в котором была зарегистрирована сделка, породившая уступленное право.

Из числа норм иных законов, требующих государственной регистрации сделок, следует отметить: 7) п. 3 ст. 4, п. 2 ст. 11, ст. 17 Федерального закона от 30.12.2004 № 214 ФЗ «Об участии в долевом строительстве», требующие государственной регистрации *договоров участия в долевом строительстве*, а также *договоров уступки прав по таким договорам* (см. еще ст. 25.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»); 8) ч. 3 ст. 12, п. 4 ст. 19 Водного кодекса — о государственной регистрации договоров водопользования; 9) п. 4 ст. 48, п. 4 ст. 55, п. 3 ст. 63 Федерального закона от 25.06.2002 № 73 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» — о государственной регистрации договоров *купли-продажи, иного отчуждения, а также аренды* памятников истории и культуры; 10) ч. 4 ст. 10 Федерального закона от 26.05.1996 № 54 ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», требующую регистрации в Государственном каталоге Музейного фонда РФ всех *сделок, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей* в отношении музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда РФ.

552. **Последствия несоблюдения требования о государственной регистрации сделки.** До внесения изменений в ГК Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ они зависели от того юридического значения, которое признавалось законом за актом государственной регистрации (см. подробнее гл. 21 — о гражданско-правовых актах публичной власти). По общему правилу несоблюдение требования о государственной регистрации сделки не влекло ее недействительности (ничтожности) — таковая могла наступать *только в случаях, прямо установленных законом* (п. 1 ст. 165 ГК в старой редакции). В тех же случаях, когда требование законодательства о государственной регистрации сделки прямой угрозой ее недействительности на случай его несоблюдения не подкреплялось, следовало, руководствуясь п. 1 ст. 432, п. 3 ст. 433 и ст. 156 ГК, считать, что *до момента государственной регистрации сделку нельзя почитать совершенной* (в частности, договор нельзя считать заключенным). В настоящее время последствия отсутствия государственной регистрации сделки определяются п. 1 ст. 164 и п. 2 ст. 165 ГК: сделка, требующая государственной регистрации, без таковой (1) *не создает правовых последствий*, причем (2) в случае, когда отсутствие такой регистрации объясняется *уклонением* от нее одной из сторон сделки, то по требованию другой стороны *решение о регистрации сделки вправе вынести суд*; «...в этом случае сделка регистрируется в соответствии с решением суда».

Несмотря на столь принципиальные, внесенные в Кодекс, изменения, в нем сохранились нормы, которые по-прежнему требу-

ют государственной регистрации *некоторых договоров под страхом их недействительности*, а именно — договоров 1) коммерческой концессии (п. 1 и 2 ст. 1028), включая соглашения о его изменении или досрочном расторжении (ст. 1036, п. 2 ст. 1037), а также — всех без исключения 2) договоров о распоряжении результатами творческой деятельности (п. 6 ст. 1232), как уступочных (п. 2 ст. 1234), так и лицензионных (п. 2 ст. 1235)[184]. Впрочем, недействительность данных договоров по причине несоблюдения требования о государственной регистрации может быть изглажена в случаях и в порядке, аналогичных тем, что применяются при уклонении одной из сторон сделки от государственной регистрации сделки*.

*см. п. 549

§ 4. Классификации сделок (п. 553—556)

553. **Одно- и многосторонние сделки.** В зависимости от количества лиц, волеизъявления которых необходимы для того, чтобы сделка считалась совершенной, различают *одно-* и *многосторонние сделки*, которые иначе называются также *договорами* (ст. 154 ГК). Согласно п. 2 ст. 154 ГК «...*односторонней* считается сделка, для совершения которой *в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон*[185] *необходимо и достаточно выражения воли одной стороны*». *Многосторонние сделки* (договоры) выражают *согласованное волеизъявление* двух или нескольких сторон; договор — это всегда *один* (*единый*) *акт волеизъявления нескольких лиц*, *один* юридический акт, в котором сливается *несколько* воль. По выражению закона (п. 1 ст. 420 ГК) «...договором признается *соглашение двух или нескольких лиц* об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей».

Думается, что разделение сделок на одно- и многосторонние имеет в своей основе более глубокий и принципиальный критерий, чем количество своих участников, а именно — *юридическое значение* тех и других.

184 Норма п. 6 ст. 1232 ГК гласит, что «...несоблюдение требования о государственной регистрации договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации либо договора о предоставлении другому лицу права использования такого результата или такого средства влечет недействительность соответствующего договора»; правила п. 2 ст. 1234 и п. 2 ст. 1235 по существу воспроизводят ее, соответственно, для договоров уступочного и лицензионного типа.
Таким образом, несмотря на то что нормы о государственной регистрации договоров по распоряжению отдельными видами результатов интеллектуальной деятельности (п. 5 ст. 1262, ст. 1369, п. 2 ст. 1427, п. 7 ст. 1452, п. 2 ст. 1460, п. 1 ст. 1490, п. 2 ст. 1551) не грозят их участникам недействительностью данных договоров, тем не менее таковые должны признаваться недействительными в силу предписаний общих норм ГК — указанных пунктов ст. 1232, 1234 и 1235.

185 Таким образом, перечень односторонних сделок является *исчерпывающим* и ограничивается лишь теми, возможность совершения которых прямо предусмотрена законом, иными правовыми актами или договором.

Рассмотрим односторонние сделки.

Очевидно, что коль скоро не существует правоотношений с участием одного субъекта, данные сделки, несмотря на свой односторонний характер, создают гражданско-правовые последствия не менее чем для двух лиц. Другое дело, что «односторонний» характер односторонних сделок позволяет им создавать, как правило, для лиц, их совершающих, только обязанности, а для их контрагентов — только права (ст. 155 и 156 ГК). Но и этого (вполне традиционного) гражданско-правового эффекта односторонняя сделка не сможет достичь *сама по себе* — она должна быть соединена хотя бы с фактом ее *простого восприятия* другим лицом, а чаще всего — *с односторонней сделкой встречного содержания*. Так, например, *выдача* простого векселя, будучи односторонней сделкой, сама по себе еще не породит вексельного права требования для указанного в векселе субъекта; чтобы такое требование возникло, нужна встречная односторонняя сделка этого субъекта — *приобретение* или принятие векселя. Каково же действие самой односторонней сделки, просто *воспринятой* заинтересованным лицом? Такая односторонняя сделка ставит совершившее ее лицо в состояние *юридической связанности актом изъявления воли ее адресата*, т.е. создаст для последнего юридическую возможность своим односторонним актом создать гражданско-правовые отношения. Такая возможность называется *секундарным правом*[186]. Вместе с тем для того чтобы произвести правоизменяющее или правопрекращающее действие, достаточно *простого восприятия* односторонней сделки той стороной, к которой она обращена; совершения встречной односторонней сделки здесь уже не нужно.

К числу односторонних сделок ГК отнесены (1) выбор предмета исполнения в альтернативном обязательстве (ст. 320), (2) акты согласия на совершение и одобрение сделок, например, по замене должника (ст. 391) и др., а также юридических поступков, например, действий, совершенных в чужом интересе без поручения интересанта (гл. 50) (подробнее о согласиях см. п. 541[1] настоящего Учебника), (3) заявление о зачете (ст. 410), (4) оферта, публичная оферта и акцепт (ст. 435—443), (5) акты одностороннего изменения или расторжения договора (в том числе в форме его отмены, отказа от него или от исполнения вытекающих из него обязательств и в других формах), (6) выдача и принятие ценной бумаги, (7) представление в банк платежного поручения, (8) объявление торгов, в том числе в форме публичного конкурса, (9) публичное обещание награды, (10) составление завещания, (11) принятие и отказ от наследства, а в некоторых случаях — и его непринятие.

Односторонние сделки регулируются теми же нормами, что и договоры, если только это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделок (ст. 156).

Вопрос о понятии *многосторонней сделки* или *договора* будет предметом изучения специальной (следующей) главы. Здесь же хотелось

---

186 Сказанное не следует переворачивать. **Односторонние** сделки могут создавать **только секундарные** (не субъективные!) **права** — утверждение истинное; но противоположное ему заявление — **договоры** не могут создавать **секундарных прав** (только субъективные!) — является ложным.

бы отметить только то, что в отличие от односторонних сделок, юридический эффект которых ограничивается либо 1) *созданием секундарных прав*, либо 2) *изменением или прекращением субъективных прав*, договоры вполне могут делать не только это, но еще и *создавать новые гражданские правоотношения — субъективные права и юридические обязанности*. Можно сказать, что это и есть прямое и непосредственное назначение гражданско-правовых договоров.

*см. п. 537

554. **Абстрактные и каузальные сделки.** Существенным качеством всякой сделки является наличие у нее так называемого *основания* — конечной правовой цели, ради которой сделка совершается*. Основание сделки в целом (сделки как таковой) имеет, в общем, однообразное юридическое значение — на нем зиждется само понятие о сделке соответствующего рода. Но наряду с ним мы выделили также понятие об *основаниях предоставления по сделке* — тех ближайших правовых целях, которые преследуют участники сделки и которые являются как раз теми факторами, что превращают абстрактное

**см. п. 225

долженствование в конкретную юридическую обязанность**. Юридическое значение этих целей может быть различным; в зависимости от этого значения все сделки подразделяются на *абстрактные* и *каузальные* (или иначе *материальные*).

***см. п. 537

Еще раз посмотрим на приводившиеся выше*** примеры. Договор купли-продажи. Это понятие связывается законодательством с таким и только с таким договором, из которого одна сторона (покупатель) приобретает *право требовать передачи ей определенной вещи*, а другая (продавец) — *право требовать уплаты определенной денежной суммы*. Ближайшая правовая цель продавца — связать покупателя обязанностью уплатить деньги, конечная — получить эти деньги в собственность; покупателя — связать продавца обязанностью передать вещь, конечная — получить в собственность эту вещь. Обязанность *денежного предоставления покупателя* обусловлена *предоставлением вещи продавцом* и наоборот. Таким образом, договор купли-продажи — это договор, в понятие которого входит не только его *основание в целом*, но и такой признак, как точно определенные законом (!) causa предоставления с каждой стороны. Как разительно эта ситуация отличается от *выдачи простого векселя* — документа об односторонней сделке, обязывающей векселедателя к денежному платежу по ... совершенно непонятной причине! Ради какой же именно ближайшей правовой цели лицо обязало самое себя простым векселем, из этого последнего понять никак нельзя. В жизни это может быть любая, не противная закону цель.

Пусть читателя не смущает, что в одном случае мы говорим о *договоре*, а в другом об *односторонней сделке* — дело совершенно не в этом! Можно найти и договор, основанию предоставления по которому законодатель не уделяет никакого внимания, к примеру, договор уступки требования (цессии), по которому очевидна ближайшая правовая цель лишь одного из его участников — цессионария (приобрести требование, принадлежащее цеденту). Какова же ближайшая правовая

цель последнего — почему он расстается с принадлежащим ему требованием, что он получает взамен предоставленного им требования — этого законодатель не предрешает. Как и в случае с векселем, это может быть любая цель, лишь бы она не входила в конфликт с законом.

Важным, стало быть, оказывается следующее: в то время как *основание сделки в целом всегда является ее необходимым* (родообразующим) *признаком*, то *causa предоставления* для некоторых сделок *становится обязательным видообразующим признаком*, а для некоторых — нет. Сделки, в которых causa предоставления является видообразующим признаком, называются *каузальными*, а сделки, определения которых не обращаются к causa предоставления, — *абстрактными*.

Основное практическое различие абстрактных и каузальных (материальных) сделок состоит, прежде всего, в *различном распределении бремени доказывания наличности основания совершения сделки*. Кредитор, желающий осуществить права, приобретенные им по *каузальной сделке*, должен прежде доказать, что основание принятия на себя должником обязанностей не просто наличествует или наличествовало, но, будучи юридически действительным, практически реализовалось (оправдалось).

Так, например, лицо, требующее возврата кредита, должно не просто принести в суд подписанный кредитный договор, но еще и *доказать наличность и действительность основания возникновения своего права — факт выдачи кредита* — ибо требование возврата *кредита, никогда не предоставлявшегося*, было бы лишено основания. Также и в купле-продаже: продавец, желающий получить с покупателя деньги, должен доказать не только то, что он продавец и об этом написано в договоре, но то, что он исполнил свою обязанность — передал полагающуюся по договору вещь и что покупателю есть за что платить.

Иначе обстоит дело с реализацией прав, вытекающих из *абстрактных сделок* (выдачи векселя, договора цессии и др.): кредитор не обязан доказывать существование и действительность основания возникновения своих прав — они предполагаются существующими и действительными. Наоборот, должник по абстрактной сделке, желающий снять с себя бремя исполнения юридической обязанности, должен доказать, что права кредитора безосновательны, а потому не подлежат осуществлению и защите[187].

555. **Сделки безусловные и осложненные условием (условные).** Стороны сделки вправе связать наступление или прекращение правовых последствий сделки не с самим фактом ее совершения (изменения, расторжения), а с какими-нибудь иными обстоятельствами. Сделки, правовые последствия которых поставлены в зависимость

187 Выше* было указано, что отрицательные факты, по общему правилу, не подлежат доказыванию. Поэтому реально должник по абстрактной сделке мог бы сложить с себя долг, лишь доказав незаконность или иной дефект наличествующего основания его принятия, либо последующее его отпадение по той или другой причине. В ситуации же, когда основание принятия долга вовсе никогда не существовало, должнику нужно доказывать незаконность действий кредитора, приведших к установлению долга.

*см. п. 487

от таких обстоятельств, относительно которых неизвестно, наступят они или не наступят, называются *сделками, совершенными под условием* или *условными сделками* (ст. 157 ГК). Условия, осложняющие сделку, обыкновенно подвергаются трем следующим классификациям: 1) по признаку своего юридического значения различаются условия *отлагательные* (суспензивные) и *отменительные* (резолютивные): от наступления первых зависит возникновение прав и обязанностей, вторых — их прекращение; 2) по содержанию различаются условия *положительные* и *отрицательные*, иными словами, возникновение или прекращение юридических отношений может связываться сторонами как с наступлением, так и с ненаступлением того или иного условия[188] (вообще или к определенному времени); 3) по своей взаимосвязи с волей сторон условия классифицируются на *случайные* (от воли сторон никак не зависящие), *смешанные* и *произвольные* (потестативные). Ситуации реальной действительности, дающие возможность судить о наступлении или ненаступлении сделочного условия, называются *разрешением условия*.

Понятие *условия в сделке* в смысле ст. 157 ГК не следует смешивать с понятием об *условиях сделок* — содержательных элементах (пунктах, правилах, постановлениях), составляющих саму сделку как результат действия. Ясно, что условие в сделке, если оно там присутствует, — это лишь одно из многих условий сделки. Более ничего общего (кроме чисто словесного сходства обозначений) между этими понятиями нет.

Затем, к числу условий в смысле ст. 157 ГК не относится так называемое *условие о сроке*, т.е. о возникновении, изменении или прекращении правоотношений в определенное время или по его истечении (ст. 190 ГК и сл.): его существо таково, что связывается с *прошествием известного промежутка времени* или наступлением *неизбежного* события, между тем, как условием в смысле ст. 157 должно быть такое обстоятельство, наступление которого *только вероятно, но не неизбежно*. Это означает, в частности, что условие о сроке не влияет ни на возникновение, ни на прекращение гражданских правоотношений из сделки, которую оно осложняет; напротив же, наступление или ненаступление условия в смысле ст. 157 непосредственно влияет на динамику гражданских правоотношений.

Наконец, к разряду условных сделок в смысле ст. 157 ГК могут причисляться только такие сделки, для которых *условие не является обязательным* (*родо- или видообразующим*) *элементом*. Сделка должна быть такой, чтобы она могла существовать как с условием, так и без условия. Так, например, договор поставки продукции по сниженным

188 Условие *положительного* содержания (смерть, стихийное бедствие, исполнение обязательства и т.п.) предполагается *ненаступившим*; условие *отрицательного* содержания (ненаступление смерти, отсутствие стихийного бедствия, нарушение обязательства и т.п.), напротив, предполагается *наступившим*; обратное, т.е. наступление положительного условия идентичного содержания (смерть, бедствие, исполнение), и, следовательно, ненаступление отрицательного, должно быть доказано.

ценам, заключенный под тем условием, что покупатель подвергнется воздействию стихийного бедствия — условная сделка, поскольку для конструкции договора поставки подобное условие является случайным элементом. Но договор страхования имущества, скажем, от пожара, условной сделкой считаться не будет, несмотря на то что в отношении пожара также неизвестно, произойдет он или нет. Причина в том, что без условия о пожаре (страховом случае) сам договор страхования просто немыслим (см. п. 1 ст. 942); условие о пожаре играет в этом договоре конститутивную (образующую понятие этого договора) роль.

В литературе и судебно-арбитражной практике пока не получил однозначного решения вопрос о том, признает ли наше право существование смешанных и потестативных условий. Могут ли быть назначены в качестве условий такие обстоятельства, наступление которых всецело или хотя бы отчасти зависит от воли обоих или даже одной из сторон? Во изменение ранее высказанной нами точки зрения[189] мы полагаем, что на этот вопрос должен быть дан *положительный* ответ, поскольку ст. 157 ГК не дает оснований для какого бы то ни было иного вывода. Ссылка на ее п. 3, отрицающий юридическое значение обстоятельства, наступившего (или неналупившего) из-за недобросовестного содействия (или препятствия) заинтересованной в этом стороны, ничего не доказывает, поскольку относится только к *недобросовестному* содействию (воспрепятствованию), а значит, не исключает возможности назначить условием такое обстоятельство, которое предполагает перспективу *добросовестного* содействия или препятствия его наступлению.

Точно так же нет в литературе единства и по вопросу о *гражданско-правовых последствиях* совершения *условных* сделок до разрешения условия. Ответ на него должен быть таким, чтобы он, во-первых, объяснял бы отсутствие классических правоотношений по сделкам с условиями отлагательными, во-вторых, был бы совместим с наличием правоотношений из сделок с условиями отменительными и, в-третьих, оправдывал бы само совершение условных сделок[190]. Мы полагаем, что *каждый участник любой условной сделки находится в состоянии ожидания разрешения условия*. С одной стороны, он *надеется* на его благополучное (для себя) разрешение и может, если это позволяет существо условия, совершать действия, направленные на содействие такому наступлению; другая сторона не вправе ему в этом препятствовать. С другой стороны, участник условной сделки *опасается* (*боится, пребывает в страхе*) перспективы неблагополучного (со своей точки зрения) разрешения условия, и вправе, сообразно условию, добросовестно препятствовать его разрешению в таком

189 См.: *Белов В. А.* К вопросу о недобросовестности налогоплательщика. М., 2006. С. 11—12.

190 То есть объяснение феномена отношений из условных сделок должно показывать, чем отличается правовое положение: 1) лиц, не состоящих ни в каких юридических отношениях друг с другом, но совершивших сделку под отлагательным условием — от их же правового положения до совершения этой сделки; 2) лиц, связанных гражданскими правоотношениями из сделки под отменительным условием — от их же правового положения в том случае, когда совершенная ими сделка отлагательного условия в себе не заключала бы.

смысле. Усматривать в п. 3 ст. 157 ГК предписания об *обязанностях воздерживаться от недобросовестных действий*, направленных на содействие или препятствие наступлению условия, нельзя, ибо эти предписания свидетельствуют о *наступлении* (*ненаступлении*) *юридического эффекта сделочного условия в любом случае, безотносительно его наступлению или ненаступлению, вызванному недобросовестными действиями*.

Подобное положение весьма напоминает, с одной стороны, *состояние связанности, корреспондирующее секундарному праву*[*], с другой — *правовую форму, названную нами правом ожидания*[**]. Не исключено, что перед нами — особая (производная) гражданско-правовая форма, образованная из элементов двух различных (основных) гражданско-правовых форм. Тот факт, что в случае совершения сделки под отлагательным условием она (вплоть до разрешения условия) исчерпывает собой все правовые последствия сделки, свидетельствует о том, что такая правовая форма может иметь *самостоятельное* (*независимое от традиционных правоотношений*) *существование*. В сделках же под условием отменительным данная правовая связь существует параллельно с традиционными гражданскими правоотношениями, т.е. *в юридической взаимосвязи с ними*.

[*] п. 179
[**] п. 189

По примеру классических французских и германских юристов некоторые современные отечественные авторы возобновили обсуждение в нашей литературе вопроса об *обратной силе* условия в сделке[191]. На наш взгляд, отечественное законодательство не дает оснований даже для постановки такого вопроса. Это означает, что, по общему правилу, факт разрешения сделочного условия в любом смысле *не имеет обратной силы*, если иное не установлено соглашением сторон.

556. **Иные классификации сделок.** Сделки могут быть классифицированы по многим основаниям. Так, различные сделки направляются на достижение различных юридических последствий. По *характеру* этих последствий можно различать сделки, направленные на *установление, изменение* или *прекращение* гражданских правоотношений; по *содержанию* последствий (правоотношений) — сделки *распорядительные* и сделки *обязательственные*.

1) *Распорядительными* называются такие сделки, само совершение которых оказывает непосредственное влияние на *уже существующие* гражданские правоотношения. Лицо, совершающее такую сделку, как бы распоряжается имеющимися у него правами. В результате распорядительной сделки то или иное существующее субъективное право или изменяет свое содержание, или переменяет своего обладателя, или, наконец, отягощается тем или другим частноправовым обременением. Распорядительными являются договоры дарения, займа, банковского вклада, уступки требования и перевода долга, многочисленные лицензионные договоры, а также (всегда) договоры иррегулярного залога и иррегулярного хранения (договоры, оформляющие залог и хранение обезличенных вещей). Распорядительные сделки,

191 Точнее было бы говорить об обратной силе не самого условия, а его разрешения.

изменяющие вещные правоотношения, иногда называют *вещными*; так, например, договор дарения — это, как правило, *вещный договор*.

Распорядительным сделкам противостоят сделки *обязательственные*. Обязательственными называются такие сделки, совершение которых порождает новые, ранее не существовавшие *обязательственные права и обязанности*. Лишь реализация данных прав (исполнение корреспондирующих обязанностей) оказывает влияние на иные, ранее существовавшие правоотношения (в том числе вещный или иной распорядительный эффект). Так, например, договор купли-продажи — обязательственный договор, ибо само его совершение порождает лишь обязательства передать вещь и уплатить деньги, но не переносит вещного права ни на вещь, ни на деньги. Лишь передача вещи и уплата денег — исполнение данных обязательств — приведут к вещно-правовым последствиям: у продавца прекратится право собственности на вещь и возникнет право собственности на деньги, у покупателя — наоборот.

Из приведенных примеров распорядительных и обязательственных сделок видно, что существуют сделки, соединяющие в себе *как распорядительный, так и обязательственный элементы*. Так, в частности, договор займа, будучи договором вещным (распорядительным) в том плане, что его заключение связывается с передачей в собственность заемщика предметов (суммы) займа, в то же время порождает обязательство заемщика возвратить занятую сумму в определенный срок (обязательственный элемент).

2) Развитие рыночных отношений, сопровожденное закреплением в действующем гражданском законодательстве принципа свободы договора, стало почвой для широкого распространения большого количества *алеаторных* или *рисковых сделок*. К их числу относятся договоры запродажи, ренты, страхования, лотереи, об участии в иных играх и пари, а также различного рода биржевые сделки — опционные, фьючерсные и форвардные. *Конститутивным* признаком всякой алеаторной сделки является *случайное условие*, относительно которого неизвестно, наступит оно или не наступит, а если и наступит — то у кого создаст права, у кого — обязанности и, соответственно, к чьей именно выгоде приведет. Это является отличительной чертой всех алеаторных сделок, отличающей их, с одной стороны, от сделок *коммутативных*, с самого начала предполагающих строго определенное распределение прав и обязанностей, а с другой стороны — от сделок *условных*, для которых условие не является необходимым элементом конструкции.

3) В литературе указывается также на разделение сделок на *коммерческие* (эквивалентные) и *фидуциарные* (доверительные). Основой фидуциарных сделок выступают *лично-доверительные отношения их участников друг к другу*, предопределяющие либо односторонний характер осуществляемого по сделке предоставления, либо хотя и взаимный, но неэквивалентный их характер, либо, наконец, возникновение таких материальных гражданских правоотношений, которые не вполне соответствуют форме своего внешнего выражения[192]. Как

192 Классический пример — совершение передаточного (оборотного) вексельного индоссамента для оформления залога векселя.

правило, все юридические последствия фидуциарных сделок могут быть аннулированы односторонним волеизъявлением стороны, оказавшей доверие своему контрагенту.

4) На определенном этапе развития юридической мысли предпринимались попытки противопоставить сделкам *общегражданским* («сделкам гражданского права») так называемые *торговые сделки* — сделки, по существу своему предназначенные обслуживать исключительно или преимущественно торговый оборот. В социалистическом гражданском праве получило принципиальное значение противопоставление договорам общегражданским так называемых *хозяйственных договоров*, главной отличительной чертой которых был *плановый характер* (заключение на основании особого административного акта — акта народно-хозяйственного планирования). Новейшие акты международной частноправовой унификации выделяют с точки зрения их «торговой» (коммерческой) составляющей сделки трех следующих типов: (1) ***b2b***, т.е. сделки типа «*business to business*», сделки между бизнесменами (коммерсантами) или *двусторонне-торговые сделки*, (2) ***b2c***, т.е. сделки типа «*business to consumer*» — между коммерсантом и потребителем или *односторонне-торговые сделки* и, наконец, (3) ***c2c***, т.е. сделки типа «*consumer to consumer*» — между потребителями, или *сделки, не являющиеся торговыми* — сделки *общегражданские*. Как известно, современное гражданское право вобрало в себя многие институты и конструкции, прежде составлявшие исключительное достояние торгового (коммерческого) права, т.е. подверглось, как принято говорить, *коммерциализации*. Но неистощимые творческие возможности коммерции (торговли) постоянно приводят к совершенствованию торговых практик, а значит — к выработке все новых и новых норм, регламентирующих в первую очередь двусторонне-торговые сделки. В свете последнего обстоятельства нельзя не признать, что выделение сделок типа b2b даже в современных условиях может быть не лишено смысла.

5) Без проведения последовательной классификации в числе сделок выделяют ряд их видов, имеющих особое правовое регулирование и широкое практическое распространение. Так, по субъектному критерию принято выделять *банковские* и *биржевые* сделки; по критерию предмета — сделки *с недвижимостью*, *вексельные* сделки, сделки *с ценными бумагами*, *валютные* сделки и др.; по критериям экономического содержания — *кредитные* сделки и сделки *на наличные*, сделки *поставочные* и сделки *расчетные* и др.; по критерию юридического содержания — сделки, направленные на динамику *абсолютных* и *относительных* правоотношений; широко распространено выделение так называемых *срочных* и *арбитражных* сделок, т.е. сделок, назначением которых является оформление спекулятивных операций, основанных на колебаниях стоимости известного базисного актива (биржевого товара, иностранной валюты, ценных бумаг и т.д.) во времени или на расстоянии.

§ 5. Оспоримые сделки (п. 557—562)

557. **Постановка вопроса. Место оспоримых сделок в системе юридических фактов.** Относя сделки к разряду *юридических ак-*

тов — правомерных действий — мы тем самым неизбежно признали, что все без исключения сделки не только *внешне направляются* на юридический результат, но и должны бы, вообще говоря, его *реально достигать. Любые сделки всегда достигают именно того правового результата, на который они направлены,* — это аксиома, являющаяся оборотной стороной признания сделок правомерными (пользующимися покровительством закона) действиями[193]. Вместе с тем абсолютно *любые* сделки могут оказаться совершенными при таких обстоятельствах, которые рассматриваются законом как основания *для судебной отмены наступивших было правовых последствий, предусмотренных сделками.* Эти обстоятельства подобны отменительным условиям, способным сделать существование гражданско-правовых последствий сделок весьма *неопределенным* и *кратковременным.* Лица, подвергшиеся воздействию таких обстоятельств (их круг исчерпывающим образом определяется в законе), получают *право обратиться в суд с требованием об отмене созданных для них сделкой невыгодных гражданско-правовых последствий* как минимум на будущее время или даже с обратной силой (т.е. с требованием признать, что таковых не наступало вовсе). Данная процедура называется *судебным оспариванием сделки*; ее процессуальной формой — *иск о признании сделки недействительной.* Сделки, совершенные в обстоятельствах, являющихся основанием судебной отмены созданных ими гражданско-правовых последствий, принято называть *оспоримыми сделками* (п. 1, 2 ст. 166 ГК).

Вслед за законодателем, помещающим нормы об оспоримых сделках в § 2 гл. 9 («*Недействительность* сделок») и называющих все оспоримые сделки *недействительными*, подавляющее большинство авторов-цивилистов (как практиков, так и ученых) считают оспоримые сделки *разновидностью недействительных сделок* — действий, которые согласно традиционному взгляду отечественной цивилистики, а теперь и терминологии нашего закона «...не влекут юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, *и недействительны с момента ... совершения*» (п. 1 ст. 167 ГК).

Думается, что тут идет речь о чистейшем недоразумении, а именно — смешении двух разных понятий о *недействительности сделок* и о *недействительных сделках.* Параметр «*действительность — недействительность*» характеризует тот *правовой результат*, который реально достигнут юридически направленным действием (актом), точнее, его соотношение с намеченными актом юридическими последствиями. Говоря о *действительности* юридического действия, хотят сказать, что таковое достигло именно того правового результата, на достижение которого он направлялся; говоря же о *недей-*

193 В этом смысле выражения «незаконная сделка» или «ничтожная сделка», понимаемая как сделка, не создающая тех правовых последствий, на которые она направлена, равно как и «мнимая сделка» должны быть признаны либо пустыми понятиями, либо обозначениями таких субстанций, которые сделками вовсе не являются.

ствительности, хотят подчеркнуть, что юридически направленное действие намеченного правового результата не достигло. Параметр «действительный — недействительный» характеризует *сами юридические действия*, безотносительно к тому, каков их результат и как он соотносится с тем, что был намечен. Стало быть, вполне возможно сказать о *недействительности сделки*, но выражение *недействительная сделка* нужно будет наделять либо своим собственным самостоятельным значением либо признать, что оно будет внутренне противоречивым.

Устранив такое смешение, мы придем к выводу о неправильности причисления оспоримых сделок к разряду недействительных. Недействительные сделки — юридические действия, не порождающие тех последствий, на достижение которых они направлены, — не могут рассматриваться как вид сделок. Напротив, сделки оспоримые, как *акты, которые* до вступления в законную силу решения суда, удовлетворяющего иск о признании их недействительности, *порождают именно те правовые последствия, что намечены их участниками*, могут и должны считаться сделками. Тот факт, что эти правовые последствия могут оказаться недолговечными и «пасть», будучи отмененными судебным актом (в том числе с обратной силой, т.е. считаться как бы никогда и не наступавшими — ex tunc), означает лишь то, что действительность (результативность) таких сделок стеснена некоторым подобием резолютивного условия. Это отличает оспоримые сделки от иных, действительность которых такого стеснения не испытывает (является безусловной), но вовсе не перемещает их из разряда сделок в иную категорию юридических фактов (недействительных сделок). Коротко говоря, по критерию *возможности судебного оспаривания* (судебной отмены созданных ими гражданско-правовых последствий) следует различать сделки *неоспоримые* и *оспоримые*, или, по предложенной прежде терминологии, сделки *безусловно* и *условно действительные*. В свою очередь сделки недействительные должны будут различаться на *ничтожные* («родившиеся» недействительными) и *оспоренные* (т.е. ставшие недействительными, преобразованные или «переведенные» в недействительные сделки из собственно сделок решением суда).

Таким образом, вопреки противоположному (господствующему) мнению «оспоримость сделки означает, что сделка не ничтожна, а действительна, но действительна под легальным резолютивным и потестативным условием, а именно, что она не будет оспорена соответствующим лицом. ... Сделки ... надо делить на безусловно действительные и на условно действительные (оспоримые). Такая классификация более соответствует существу дела»[194]. «Оспоримая сделка является действием правомерным. Поэтому она приводит к наступлению тех правовых последствий, которые соответствуют ее содержанию, т.е. порождает регулятивные гражданские права и обязанности. С этой точки зрения оспоримая сделка в отличие от ничтожной является сделкой действительной... Но действительность такой сделки условна, поскольку вытекающие из нее регуля-

194 *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. II. С. 347.

тивные гражданские права и обязанности могут быть прекращены решением суда»[195].

558. **Причины признания сделок оспоримыми. Виды оспоримых сделок.** Вопрос о том, в каких случаях и почему законодатель предоставляет известным лицам возможность оспаривания действительных сделок, не имеет однозначного решения в отечественной литературе. Сформулированные в этой связи конкурирующие друг с другом концепции «важности» (И. Б. Новицкий) и «распознаваемости» (О. С. Иоффе) порока сделки отталкиваются от неверного представления об оспоримых сделках как сделках недействительных, по сути своей, мягко говоря, непоследовательны, а оттого — неубедительны[196]. М. М. Агарковым никакого объяснения этого вопроса предложено не было; что же касается его последователей — приверженцев ярославского направления школы регулятивного и охранительного права — то предложенное ими объяснение (оспоримыми являются действия правомерные, а ничтожными — неправомерные) также не может быть признано верным, ибо за причину и критерий разделения оно выдает следствие такого разделения. Думается, что единственным способом установить такой критерий может быть только *обобщение тех признаков, которыми обладают предусмотренные ГК составы оспоримых сделок.* Попытка такого обобщения дает нам следующий результат: *оспоримыми признаются такие сделки, которые хотя и соответствуют закону со всех точек зрения, но совершены в обстоятельствах, позволяющих предполагать, что реализация созданных ими правоотношений* (*исполнение сделок*), *вероятно, приведет к неосновательному умалению гражданско-правовой сферы кого-либо из их участников* (в том числе к недобросовестному обогащению одного за счет другого).

Предметно расшифровывая данное определение, следует обратить внимание на следующие, в нем отраженные признаки.

1. Оспоримая сделка — действие *правомерное*, а значит — *законное* не только формально и содержательно, но и с точки зрения своего субъектного состава, а также предмета. Из безусловно действительных в условно действительные ее «перемещают» только конкретные фактические обстоятельства ее совершения. Другими словами, будь *точно такая же* сделка совершена *в других* обстоятельствах, она была бы абсолютно нормальной (безусловно действительной) сделкой.

Рассмотрим пример: пусть перед нами 1) письменный договор (форма) 2) купли-продажи (содержание) 3) мебели (предмет), 4) совершенный лицами, обладающими сделкоспособностью (субъекты).

---

195 *Чуваков В. Б.* Порочные сделки в системе юридических фактов : сб. ст. к 50-летию Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2001. С. 30—31. См. также работы, на которые ссылается данный автор.

196 См. об этих концепциях и их оценке указ. статью В. Б. Чувакова (С. 21—23).

В этом описании оставлен неопределенным только один элемент: объем сделкоспособности его участников; все остальные описаны так, что, очевидно, не содержат в себе условий, которые могли бы поставить под сомнение его законность. Что же касается сделкоспособности, то тут возможны два следующих варианта: 1) если закон допускает ее *безусловную реализацию* обоими участниками, то сделка будет *абсолютно действительна*: 2) если же закон обставляет ее реализацию какими-либо *условиями* (например, согласием попечителя) — то сделка, при несоблюдении таковых, будет *оспорима*. Важно то, что она совершена лицом, которое *в принципе может своими действиями совершать сделки*; будь иначе — шла бы речь о действиях недееспособных лиц, т.е. лиц, за которых сделки совершают опекуны и которые, следовательно, *вовсе не обладают сделкоспособностью* (не могут совершить ни одной сделки и ни при каких условиях) — можно было бы рассуждать о сделке *ничтожной*.

2. Обстоятельства совершения сделки становятся основаниями к ее оспариванию при условии, что они дают повод к предположению о *вероятности негативного влияния* исполнения такой сделки на гражданско-правовую сферу частных лиц — к *неосновательному умалению* (в том числе обременению) *прав и* (*или*) *к увеличению* (усложнению исполнения) *обязанностей* кого-либо из участников правоотношения, возникшего из данной сделки. При этом:

2.1) не нужно доказывать *наличности умаления* — достаточно обосновать, что умаление *может произойти* вследствие действия пресловутых обстоятельств (степень вероятности здесь не имеет значения);

2.2) мало доказать вероятность просто умаления — должна идти речь о вероятности *неосновательного умаления*, т.е. о вероятности такого уменьшения частноправовой сферы, которое не сопровождается адекватным встречным предоставлением*;

*см. п. 225 и 553

2.3) предметом вероятного неосновательного умаления должна быть гражданско-правовая сфера *участника правоотношений, возникших из соответствующей сделки* (измененных или прекращенных ею), независимо от того, принимал ли он сам участие в этой сделке или нет;

2.4) вероятность умаления гражданско-правовой сферы одного из участников правоотношений, возникших из оспоримой сделки, *не обязательно предполагает вероятность обогащения другого ее участника*;

2.5) основаниями к оспариванию сделки могут быть только те обстоятельства, которые *реально наличествовали к моменту совершения самой сделки* (или иного действия, направленного на приобретение прав по ней); обстоятельства, возникшие *позднее*, обратной силы не имеют и такими основаниями не являются.

Говоря обобщенно, оспоримые сделки можно назвать *сделками, способными привести* (а быть может, и приводящими) *к неосновательному умалению правовой сферы частного лица*. Соответственно, вопрос о ее оспаривании закон всецело предоставляет автономии этого самого лица: хочет — оспаривает, не хочет — нет. Почему не хочет — это частный вопрос, в рассмотрение которого законодатель не входит. Если в каком-то конкретном случае даже само частное лицо, вероятно, способное потерпеть от оспоримой сделки, почему-либо счита-

ет, что эта сделка *к такому умалению не приведет* (и, соответственно, не проявляет намерения уничтожить ее последствия через суд), то нет и никаких оснований уничтожать эту сделку законом (относить ее к разряду ничтожных). Дело не меняется и в том случае, когда лицо *ошибается* в своей оценке (самих ли правовых последствий сделки, результата их реализации или, быть может, тех доказательств, которые оно могло бы представить в суд в обоснование своего притязания), поскольку все правовые последствия собственных ошибок ошибающийся должен принимать на свой счет. Нет разницы и тогда, когда участник не просто *может пострадать*, но и *реально пострадал* от реализации неосновательных правоотношений — ничтожной от этого обстоятельства сделка не становится, продолжая оставаться оспоримой. Наконец, не имеют правового значения и *иные побуждения*, руководствуясь которыми, пострадавшее от оспоримой сделки лицо решило воздержаться от ее судебного оспаривания[197] — последующее изменение этого решения не может привести к восстановлению пропущенной давности предъявления соответствующего иска.

К числу оспоримых ГК относит сделки: (1) юридических лиц, совершенные в противоречии с целями их деятельности, определенно ограниченными в их юридических документах (ст. 173); (2) совершенные без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа, либо органа местного самоуправления (ст. 173.1); (3) совершенные лицом за пределами полномочий, определенно ограниченных договором (ст. 174), либо (4) органом юридического лица за пределами полномочий, определенно ограниченных учредительными документами (ст. 174); (5) частично дееспособных несовершеннолетних лиц, не являющихся малолетними (ст. 175); (6) ограниченно дееспособных лиц (ст. 176); (7) адееспособных лиц (ст. 177); (8) совершенные под влиянием существенного заблуждения (ст. 178); (9) совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, или неблагоприятных обстоятельств (ст. 179); (10) по распоряжению общей совместной собственностью (п. 3 и 4 ст. 253). Иные федеральные законы вводят понятие об оспоримых сделках юридических лиц, (11) относящихся к категории крупных (ст. 78, 79 Закона об АО, ст. 46 Закона об ООО, ст. 23 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», ст. 14 и 15 Федерального закона «Об автономных учреждениях»), а также (12) сделках, в совершении которых имеется заинтересованность (ст. 81—84 Закона об АО, ст. 45 Закона об ООО, ст. 22 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», ст. 27 Федерального закона «О некоммерческих организациях», ст. 16 и 17 Федерального закона «Об автономных учреждениях», ст. 16 Федерального закона «О кредитной кооперации»); кроме того, СК (п. 3 ст. 35) признает оспоримой (13) сделку по распоряжению одним из супругов совместно нажитым недвижимым имуществом, а также сделку с таким имуществом, требующую нотариаль-

197 Эта оговорка, вероятно, была бы лишней в западноевропейских и вообще развитых правопорядках, но в рамках учебника по *российскому* гражданскому праву ее приходится делать, поскольку те соображения, по которым наши сограждане избегают обращаться в суд даже тогда, когда к этому имеются все основания, далеко не всегда можно было бы признать рациональными.

ного удостоверения и (или) регистрации, если таковая совершена без нотариально удостоверенного согласия другого супруга. С внесением изменений в ст. 168 ГК Федеральным законом от 07.05.2013 оспоримыми стали, по общему правилу, даже сделки, не соответствующие требованиям закона (см. п. 1 этой статьи) — лишь бы они не посягали на публичные интересы и интересы третьих лиц — только тогда они будут ничтожными (п. 2). В этом — квинтэссенция института оспоримых сделок: дело состоит отнюдь не в нарушении ими законодательных и иных юридических норм, а в ***нарушении прав и охраняемых законом интересов частных лиц***. Нет такого нарушения (или хотя бы его презумпции, как в сделках недостаточно дееспособных граждан) — не может быть и речи об оспоримых сделках.

В соответствии с теми обстоятельствами, из-за которых перечисленные сделки становятся оспоримыми, их можно разделить на следующие четыре типа: 1) сделки, оспоримые *по обстоятельствам, лежащим в сфере организации деятельности юридических лиц* (они перечислены под п. 1, 2, 4, 11 и 12); 2) сделки, оспоримые по причине их совершения *без полномочий* (под п. 2, 3, 10, 13); 3) сделки, совершенные физическими лицами, страдающими *недостатками в дееспособности* (см. п. 5 и 6) и 4) оспоримые сделки дееспособных физических лиц, совершенные *в обстоятельствах, воспрепятствовавших адекватному использованию дееспособности* (п. 7—9).

559. **Оспоримые сделки юридических лиц.** Объединение в одну данную группу оспоримых сделок четырех типов (см. п. 1, 2, 4, 11 и 12 перечня, приведенного в предыдущем пункте) обусловлено в первую очередь той причиной, что все обстоятельства, которые расцениваются законодателем как основания для оспаривания таковых, коренятся в сфере особенностей процесса формирования и изъявления во вне воли организаций — юридических лиц*. Этот процесс отличается в первую очередь своей *недоступностью для наблюдения со стороны*. Отсюда — первая особенность: обстоятельства, предусмотренные ст. 173, отчасти — 173.1 и 174 ГК, а также нормами законодательства о крупных сделках и сделках, в совершении которых имеется заинтересованность, могут стать основаниями для оспаривания сделок *только при условии доказательства того, что другая сторона сделки* (*точнее — приобретатель прав по сделке*) *знала или должна была знать об этих обстоятельствах в момент совершения сделки* (или в момент совершения действия, влекущего возникновение права из этой сделки). Вторая общая черта всех этих сделок — в круге лиц, имеющих право их оспаривания: он исчерпывается *самим юридическим лицом и его участниками* (акционерами или собственником его имущества, в зависимости от организационно-правовой формы)[198].

*см. п. 265—267, 273, 329, 340

198 Исключение составляет случай, предусмотренный ст. 173 ГК, — по указанной в ней причине сделка может быть признана недействительной также по иску государственного органа, осуществляющего контроль или надзор за деятельностью юридического лица.

Задача института, предусмотренного ст. 173 ГК, заключается в том, чтобы предоставить возможность заинтересованным лицам вернуть, что называется, «на путь истинный», *юридическое лицо, вышедшее за пределы своей правоспособности* (напомнить ему, ради чего — какой именно деятельности — оно создавалось). Оспоримой, стало быть, становится сделка, совершенная юридическим лицом в противоречии с *целями деятельности, определенно ограниченными в его учредительных документах*, либо юридическим лицом, *не имеющим лицензии на занятие соответствующей деятельностью.* Исключение составляют сделки, перечисленные в п. 2 и 3 ст. 835 ГК, совершенные юридическим лицом в отсутствие лицензии на совершение *банковских* операций — такие сделки ничтожны на основании п. 2 ст. 168 ГК.

Схожую цель преследуют по одному из составов оспоримой сделки, из числа описанных в ст. 173.1 и 174 ГК, — водворить в законные рамки участие в обороте *юридических лиц, представленных в нем органами, действующими за рамками полномочий, поставленными их учредительными документами*, т.е. органами, которые (весьма возможно) не являются носителями или выразителями действительной воли юридического лица. Следует помнить, что ст. 173.1 и 174 ГК не применяются, во-первых, 1) в случаях, когда лицо или орган юридического лица действовали с превышением полномочий, установленных *законом* (здесь надлежит руководствоваться п. 2 ст. 168 ГК), во-вторых, 2) в случаях *представительства* с превышением полномочий или без таковых (где подлежит применению ст. 183 ГК) и, наконец, в-третьих, 3) после того, как лицо, в интересах которого установлены ограничения, *одобрит совершенную сделку* (см. п. 2 ст. 183, подлежащий применению по правилам аналогии закона) (см. об этом постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.05.1998 № 9). Одобрением сделки может быть признан, в частности, факт *принятия исполнения* по ней, равно как и факт *производства исполнения* по возникшим из нее обязательствам.

Институт недействительности *крупных сделок* является частным случаем (видом) института, предусмотренного ст. 173.1 ГК. Главные его (видовые) отличия суть следующие: 1) превышение полномочий касается вопроса о *предмете* совершаемых сделок — имуществе, стоимость которого составляет 10[199], либо 25[200] и более процентов балансовой стоимости активов (для унитарного предприятия — уставного фонда) соответствующей организации; 2) *давность* по иску об оспаривании крупной сделки, будучи однажды пропущенной, *не подлежит судебному восстановлению*; 3) законодательство предусматривает *дополнительные основания для отказа* в удовлетворении иска, направленного на оспаривание такой сделки, в том числе связанные с личностью истца[201], а также требует не просто вероятности, но до-

199 Для унитарных предприятий и автономных учреждений. Кроме того, для унитарных предприятий применяется альтернативный критерий «крупности» — превышение стоимостью имущества суммы в 50 тыс. минимальных размеров оплаты труда.

200 Для АО и ООО.

201 Так, суд отказывает в признании недействительной крупной сделки по иску акционера, участие которого в решении вопроса об одобрении такой сделки общим собранием акционеров не могло повлиять на (положительный) результат голосования (воспрепятствовать ее одобрению).

казывания (обоснования) реальных убытков, которые причинены или могут быть причинены обществу такой сделкой.

Весьма сходен с рассмотренным институт недействительности сделок, *в совершении которых юридическими лицами заинтересованы иные лица*, имеющие ту или другую возможность влиять на формирование и изъявление воли данных юридических лиц. К их числу относятся 1) *участники, по отношению к которым юридическое лицо является зависимым*; 2) *члены их советов директоров или коллегиальных исполнительных органов*; 3) *лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа* данной организации, в том числе управляющая организация и единоличный управляющий; 4) иные *лица, имеющие право давать указания, юридически обязательные* для данной организации. Такие лица признаются имеющими личную заинтересованность в сделке юридического лица, если они сами, их близкие родственники[202] либо аффилированные лица[203] 1) являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем по сделке, либо 2) тем или иным способом контролируют деятельность такого лица (т.е. деятельность стороны, выгодоприобретателя, посредника или представителя по сделке). Как и для предыдущего случая, законодательством определен ряд обстоятельств, в том числе связанных с личностью истца, а также реальным причинением убытков, исключающих возможность удовлетворения иска, направленного на оспаривание сделок с заинтересованностью. Кроме того (учитывая специфический порядок одобрения таких сделок), законодатель вынужден идти на определение перечня специфических ситуаций, в которых данный институт *не применяется вовсе*; общая для всех них черта — бессмысленность или даже невозможность использования процедуры одобрения.

560. **Оспоримые сделки без полномочий.** Два из четырех составов этого вида оспоримых сделок касаются сделок, направленных на распоряжение имуществом, находящимся в общей совместной собственности и соотносящихся друг с другом как понятие родовое (п. 3 и 4 ст. 253 ГК) и видовое (п. 3 ст. 35 СК); в свою очередь над родовым понятием стоит понятие еще более широкое — сделки, недействительные по причине отсутствия необходимых для их совершения согласий частных лиц (ст. 173.1). Там же «сидит» третий вариант состава такого рода сделок — сделки, совершенные без полагающегося на сей случай согласия органа государственной власти и местного самоуправления. Наконец, еще один состав оспоримой

---

202 К их числу относятся (первый вариант перечня) «...супруг, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные» либо (второй вариант перечня) «...супруги (в том числе бывшие), родители, бабушки, дедушки, дети, внуки, полнородные и неполнородные братья и сестры, а также двоюродные братья и сестры, дяди, тети (в том числе братья и сестры усыновителей этого лица), племянники, усыновители, усыновленные». Первый вариант перечня применяется для АО, ООО и унитарных предприятий; второй — для автономных учреждений.

203 О понятии аффилированных лиц см. ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948–1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках.

сделки данного рода «спрятан» в ст. 174 ГК, причем, «спрятан» столь надежно, что статью эту принято считать нормой о недействительности одних лишь сделок, совершенных за пределами полномочий органами юридических лиц. В действительности внимательное прочтение гипотезы этой статьи позволяет увидеть, что она охватывает собой также *сделки, совершенные за пределами наложенных на лицо договорных ограничений*. В их числе могут оказаться абсолютно любые сделки, воздержание от совершения которых составляет предмет ограничения или обязательства; так, например, одно лицо обязывается перед другим в течение определенного времени не отчуждать (не продавать, не менять, не дарить и т.п.) известной вещи. Законодательству известен ряд сделок этой категории — совершенные товарищами, ограниченными договором в возможности ведения общих дел (абз. 3 п. 1 ст. 72, п. 3 ст. 1044 ГК), а также сделки, нарушающие договорное запрещение или ограничение уступки требований (п. 2 ст. 382, п. 3 ст. 388, ст. 828, п. 3 ст. 993 ГК[204]).

Специальных нормативных требований к обстоятельствам-основаниям недействительности таких сделок нет — важно лишь, чтобы таковые *наличествовали в момент совершения сделки* и чтобы было доказано, что о них *было или должно было быть известно* стороне-участнику правоотношений из такой сделки *в момент ее совершения* (или приобретения права по ней). Не содержит законодательство и общего правила о круге лиц, имеющих право оспаривать такого рода сделки; очевидно, что в их число входят лица, в интересах которых законом или договором установлены соответствующие ограничения (сособственники, в том числе супруг, а также договорные контрагенты).

561. **Сделки недостаточно дееспособных физических лиц.** В эту группу входят всего два состава оспоримых сделок — сделки, совершенные: 1) *частично дееспособными лицами, не являющимися малолетними*, т.е. сделки несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, без согласия законных представителей (п. 1 ст. 175 ГК); 2) *гражданами, ограниченными судом в дееспособности* на основании ст. 30 (т.е. вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами), *без согласия попечителей* (п. 1 ст. 176)[205]. Такие граждане в принципе обладают сделкоспособностью (могут совершать сделки *сами, своими* действиями), другое дело, что она может реализовываться с согласия законных представителей (родителей или попечителя).

Законные представители, при наличии оснований сомневаться в способности подопечных граждан адекватно оценивать ситуацию

---

204 Впрочем, для двух последних сделок названными нормами установлены специальные последствия.

205 О недосмотре, допущенном составителями ГК при изменении редакции п. 1 ст. 176 — о наличии в нем ссылки на одну только ст. 30 ГК и отсутствии в нем ссылки на п. 3 ст. 29 — см. сноску к п. 311 Учебника.

и руководить своими действиями, должны были бы, вообще говоря, принимать все зависящие от них меры *для предотвращения самостоятельного совершения ими сделок* — не допускать посещения гражданами магазинов, рынков и иных подобных мест без надзора (присмотра), не должны были бы допускать наличие у граждан средств, достаточных для совершения сделок, недопустимых к совершению без их согласия[206] и т.п. Следовательно, если все-таки такие граждане имеют возможность совершить ту или иную сделку, то посторонние лица не должны были бы ничего терять, положившись на эту возможность как основание к предположению об известности данной сделки законному представителю подопечного и ее одобрении последним. Однако действующее законодательство принимает во внимание и то обстоятельство, что недостатки в дееспособности таких граждан должны быть если и не очевидны, то легко выявляемы добросовестными посторонними лицами. Несмотря на то что на практике это предположение конечно не оправдывается, законодатель ставит во главу угла именно его, позволяя признавать недействительными *любые* сделки недостаточно дееспособных граждан, *независимо от того, было ли доказано, что другая сторона сделки знала о таких недостатках, или нет.* Такой взгляд, если и допустим, то только в качестве предположения, допускающего доказательство противного заинтересованным в этом лицом.

Лицами, заинтересованными в признании недействительными сделок на основании п. 1 ст. 175 ГК, являются *законные представители* совершившего сделку несовершеннолетнего лица, а по п. 1 ст. 176 — попечитель лица, совершившего сделку.

562. **Оспоримые сделки дееспособных граждан.** Случается, что вполне дееспособные граждане оказываются в таких обстоятельствах, которые мешают им в полной (или в достаточной) мере проявить (использовать) свою дееспособность для совершения той или иной сделки. К числу таких обстоятельств относятся 1) *состояние аффекта* (п. 1 ст. 177 ГК), 2) состояние *заблуждения* (ст. 178), а также 3) воздействие *обмана*, *насилия*, *угрозы* либо *стечения тяжелых обстоятельств* (ст. 179)[207]. Все эти составы относятся к сделкам *одних лишь физических лиц.*

---

206 Так, п. 1 ст. 175 — на все, кроме перечисленных в ст. 26, а п. 1 ст. 176 — на все сделки, кроме мелких бытовых.

207 До недавнего времени к этой же группе следовало относить сделку, совершенную не самим дееспособным лицом, а его представителем, *вошедшим в злонамеренное соглашение* (так называемую *стачку*) *с другой стороной сделки* (ст. 179). Этот состав — при расширительном толковании понятия о «представителе» — становился, конечно, родовым понятием по отношению к конструкции *сделок с заинтересованностью*, т.е. в общем составе ст. 179, был явно «инородным телом». В конце концов состоявшееся его отторжение предстает, стало быть, вполне закономерным результатом. Парадокс, однако, состоит в том, что «изгнав» стачку из ст. 179 ГК, законодатель, однако, ... вовсе не нашел ей никакого «пристанища», выбросив ее, таким образом, не только из статьи, но и вообще из Кодекса. Как же это понимать? По всей видимости, понимать этот шаг нужно в том смысле, что подобная сделка, будучи заключенной, является ... совершенно нормальной, т.е. во всех отношениях действительной; что➲

Состояние аффекта, заблуждения и стечения тяжелых обстоятельств обыкновенно относится к категории *очевидных* (доступных наблюдению всякого постороннего лица, включая контрагента по сделке); что же касается иных факторов, то таковые вызываются, как правило, или третьими лицами с ведома противостоящего участника сделки или даже им самим. Иными словами, о действии факторов, мешающих нормальному проявлению дееспособности участника сделки, противостоящая ему сторона *не может не знать*. Доказывание этого обстоятельства, следовательно, становится лишним.

Во всех случаях лицом, заинтересованным в оспаривании сделок данного рода, является сам гражданин, находившийся под влиянием обстоятельств, мешавших нормальному совершению сделки (потерпевший); кроме того, сделка, совершенная *в состоянии аффекта*, может быть оспорена также «...иными лицами, чьи права или охраняемые законом интересы были нарушены в результате ее совершения», а в случае *последующего* признания такого гражданина недееспособным — также назначенным ему опекуном (п. 1 и 2 ст. 177 ГК).

Наряду с собственно состоянием аффекта к числу факторов, не позволяющих гражданину адекватно реализовать свою дееспособность при совершении сделки, относятся:

1) *существенное заблуждение*, т.е. настолько неправильное (ошибочное) представление участника сделки о *существе* (природе) заключенной сделки или ее части, о ее *предмете* или *личности* стороны по сделке или обязанного по ней лица, либо, наконец, об обстоятельстве, которое она упоминает или из которого очевидно исходит, что если бы такого заблуждения не было, сторона либо вовсе не совершила бы сделки, либо если и совершила бы — то на значительно отличающихся условиях (п. 1 и 2 ст. 178); вопрос о причинах возникновения заблуждения в рамках данного состава не важен[208];

2) *обман* — действия по намеренному (с выгодой для себя) введению другой стороны в заблуждение, в том числе путем умолчания лица о тех обстоятельствах, о которых оно по условиям оборота должно было бы сообщить (п. 2 ст. 179);

3) *насилие* — действия, вызывающие физические и (или) психические (моральные) страдания (определения в п. 1 ст. 179 ГК нет — только упоминание — но, думается, что такое (общеязыковое) определение насилия не может вызвать возражений);

4) *угроза* — воздействие на участника сделки, создающее в нем опасения (страх) перед реальным противоправным причинением ему имущественного или неимущественного вреда (сделка воспринимается участником как средство отвести от себя риск причинения такого вреда);

➲же касается проблем, созданных такой сделкой лицу, представленному злокозненным представителем, то их оно должно будет «разруливать» именно *с этим самым представителем*, а не с другим участником сделки — в следующий раз будешь смотреть, кого избираешь себе представителем. Все было бы абсолютно логично, если бы вместе со стачкой в Лету канули бы и сделки с заинтересованностью. Этого, однако, не случилось; в результате имеем то, что имеем: родовое понятие квалифицируется как сделка абсолютно действительная, а видовое — как сделка оспоримая. Логика в таком решении, конечно, и не ночевала.

208 В зависимости от этих причин могут находиться *последствия* успешного оспаривания сделки, но не сама *возможность* такого оспаривания.

5) *стечение тяжелых обстоятельств* — фактор, в особом определении не нуждающийся, но получающий юридическое значение лишь в том случае, когда следствием его наступления (такого стечения) стали а) совершение гражданином сделки *на крайне невыгодных для себя условиях*, б) чем другая сторона *воспользовалась*; такие сделки называются *кабальными*[209].

Ряд нововведений, существенно увеличивших общий объем прежде содержательно весьма непритязательной ст. 178 ГК, к сожалению, не только решили часть выявленных в практике проблем, но и ... привнесли проблемы новые. Так, например, не вполне понятно, как примирить подп. 5 п. 2 ст. 178 с п. 3 той же статьи: согласно последней из указанных норм «... не является достаточно существенным для признания сделки недействительной» заблуждение относительно мотивов сделки (предписание, имевшееся и в старой редакции статьи), а вот согласно первой — все-таки можно признать существенным заблуждение относительно обстоятельства, которое сторона упоминает в свое волеизъявлении или из которого она с очевидностью (для другой стороны) исходит, совершая сделку. Вопрос: как быть, если это самое «обстоятельство» принадлежит к числу мотивов сделки? Классический пример — покупка дома у моря, осуществляемая покупателем в том убеждении, что для поддержания здоровья ему необходимо дышать морским (влажным и теплым) воздухом, о котором он постоянно сообщает и продавцу, и посредникам-риэлторам, и участвующим в сделке банкирам, нотариусам, чиновникам Росреестра и т.п. Словом, очевиднее уже и некуда. Положим, эта убежденность оказалась ложной, на самом деле морской воздух не только не так уж и необходим, но и вреден для здоровья покупателя, требующего, наоборот, воздуха сухого и холодного — можно ли применить к такой сделке ст. 178? По ее подп. 5 п. 2 — вроде бы да, а по ее же п. 3 — вроде бы и нет.

Вот другой пример. Согласно п. 4 ст. 178 «...сделка не может быть признана недействительной по основаниям, предусмотренным настоящей статьей, *если другая сторона выразит согласие на сохранение силы сделки на тех условиях, из представления о которых исходила сторона, действовавшая под влиянием заблуждения*. В таком случае суд, отказывая в признании сделки недействительной, указывает в своем решении эти условия сделки». В то же время согласно абз. 4 п. 2 и 5 ст. 166, определяющим общие условия недействительности сделок, сторона, «...из поведения которой явствует ее воля сохранить силу сделки», а также сторона, «... поведение [которой] после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки», не вправе оспаривать данную сделку, по крайней мере — «... по основанию, о котором эта сторона знала или должна была знать при проявлении ее воли» (т.е. при заключении сделки). Имеем следующую ситуацию: сторона, заключившая сделку под влиянием заблуждения и все еще остающаяся под его влиянием, производит

209 Нам представляется, что оба этих фактора — а) крайне невыгодные условия для потерпевшего, б) использованные другой стороной — должны иметь более универсальный характер и применяться не только к сделкам, совершенным вследствие стечения тяжелых обстоятельств, но и *ко всем вообще сделкам рассматриваемой группы*.

исполнение своего обязательства. Вправе ли другая сторона считать данную сделку одобренной? Усложним ситуацию: в ответ на исполнение заблуждающейся стороны, осуществляет предоставление и другая сторона — можно ли ее считать одобрившей сделку на условиях, о которых говорит п. 4 ст. 178?

Третий пример. По п. 5 ст. 178 суд теперь «...может отказать в признании сделки недействительной, если заблуждение, под влиянием которого действовала сторона сделки, *было таким, что его не могло бы распознать лицо, действующее с обычной осмотрительностью* и с учетом содержания сделки, сопутствующих обстоятельств и особенностей сторон». Однако абз. 2 п. 6 той же статьи регулирует ситуацию, в которой суд ... не пользуется своим правом, несмотря на добросовестное незнание одной стороны о заблуждении другой, предоставляя первой в качестве компенсации одни только убытки. Чем же суду при этом руководствоваться? Номинально, вроде бы, все написано — нужно учесть обычную осмотрительность, содержание сделки, сопутствующие обстоятельства и особенности сторон — но как это практически сделать?

Очевидно, что новые предписания Кодекса об оспоримых сделках, в первую очередь — о совершенных под влиянием заблуждения — еще ждут своего полноценного изучения.

ГЛАВА 19
Договоры

Основная литература

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 9—24, 116—221, 238—334, 348—371; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 411—448; *Журавлев Н. П.* Многосторонние сделки в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984; *Зейц А. Г.* Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров. (Clausula rebus sic stantibus) / под ред. и с предисл. Б. Б. Черепахина. Иркутск, 1928; То же // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 207—262; *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 26—58; *Карапетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы. Т. 1. Теоретические, исторические и политико-правовые основания принципа свободы договора и его ограничений; Т. 2. Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. М., 2012; *Кучер А. Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: Юридический аспект. М., 2005; *Мананкова Р. П.* Развитие теории гражданско-правового договора. Томск, 2008; *Мозолин В. П., Фарнсворт Е. А.* Договорное право в США и СССР. М., 1988; *Нечаев В. М.* Теория договора : лекция // Юридический вестник. 1888. Кн. 10. С. 242—265; *Новицкий И. Б.* Обязательства из договоров. Заключение договора. Дарение. Двусторонние договоры. Договоры в пользу третьего лица. Комментарий к ст. 130, 140 и 144—146 ГК. М., 1924 (рецензию см.: Рабочий суд. 1925. № 1—2. С. 67—70); *Его же.* Обязательство заключить договор. М., 1947; То же // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2006. Т. I. С. 125—179; *Нолькен А. М.* Договоры в пользу третьих лиц: Опыт теоретического исследования по гражданскому праву. СПб., 1885; *Перетерский И. С.* Сделки. Договоры. М., 1929; *Полдников Д. Ю.* Основные этапы формирования современного понятия гражданско-правового договора // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права.

М., 2007. Вып. 3. С. 70—106; *Пугинский Б. И.* Теория и практика договорного регулирования. М., 2008; *Романец Ю. В.* Система договоров в гражданском праве России. М., 2001; *Ульянищев В. Г.* Понятие и классификация частноправовых договоров. М., 1994; *Халфина Р. О.* Договор в английском гражданском праве. М., 1959; *Ее же.* Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М., 1954 (рецензию см.: Советское государство и право. 1954. № 6. С. 128—132; Социалистическая законность. 1954. № 9. С. 82—85); *Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В.* Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве. 2-е изд. М., 2004; *Чичерин Б. Н.* Философия права / сост., ст., коммент. И. Д. Осипова. СПб., 1998 (гл. 4); *Яковлев В. Ф.* Гражданско-правовой договор и пути повышения его эффективности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / отв. ред. В. П. Мозолин. М., 1986. С. 134—161.

§ 1. Общее учение о договоре (п. 563—567)

563. **Определение договора.** *Договор — это сделка, внешне выражающаяся в соглашении субъектов общественных отношений, направленном (судя по его внешним признакам) на правовую оценку (правовое регулирование) этих отношений.* В основе данного определения лежит абсолютно классическое понимание договора, сформулированное, между прочим, и в законодательстве (п. 1 ст. 420 ГК). Что бы ни понимать под пресловутым «соглашением», через которое определяется договор — сам ли *процесс его достижения* (т.е. собственно действия нескольких лиц, направленные на то, чтобы выработать нормы и правила регламентации своих отношений) либо *результат такого процесса*, уже достигнутое соглашение (т.е. совокупность норм и правил, выработанных сторонами общественных отношений с целью их автономной регламентации), выходит, что договор представляет собой *разновидность сделки — многостороннюю сделку*. Именно так определяет место договора в системе юридических фактов не только гражданское правоведение, но и гражданское законодательство (см. подп. 1 п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 154, п. 2 ст. 307, п. 2 ст. 420 ГК). Понятие *сделки*, таким образом, является *родовым* по отношению к договору, а понятие *договора — видовым* по отношению к сделке. Договор — это вид сделки.

Разумеется, данное утверждение должно учитывать то изменение, которое мы выше привнесли в понятия юридических актов вообще и сделок в особенности*, предложив понимать под сделкой не столько само *юридически направленное действие*, сколько *представление заинтересованных лиц о действии* (точнее — о таком факте, который, судя по его внешним признакам, представляется им относящимся к раз-

*см. п. 96, 533, 536 и 537

ряду действий), *направленном на гражданско-правовое регулирование* (*облечение в гражданско-правовую форму*) *фактических общественных отношений*. Договор как *достигнутое соглашение* (результат действий двух и более лиц) вписывается в это понимание. Не можем не напомнить, что наиболее последовательным и активным сторонником понимания договора (соглашения) в смысле *системы согласованных* (*выработанных*) *частными лицами норм, регламентирующих их отношения*, в отечественной литературе вот уже длительное время является проф. Б. И. Пугинский[210]. Невозможно, впрочем, согласиться с его соображением о том, что «...юридические факты (и правоотношения) не осуществляют правового регулирования, ...а договор... выполняет регулирующую роль — и в этом видится его главное назначение», то договор никак не может быть признан ни юридическим фактом, ни правоотношением[211]. Такое противопоставление верно, но исключительно с позиций *узкопозитивистского понимания права*, которое исключает из числа источников правового регулирования общественных отношений действия частных лиц, как акты, не подкрепленные государственно-властным авторством. Констатация того очевидного (и признаваемого даже позитивистами! — см. ниже, п. 566) обстоятельства, что договор сегодня играет решающую роль в деле регламентации общественных отношений частных лиц, никак не должна мешать и в то же самое время признавать 1) факт достижения соглашения (заключения договора, «договор-действие») — *юридическим фактом*, который является 2) основанием возникновения, изменения или прекращения *гражданских правоотношений*. Впрочем, упрекнуть позитивистов в том, что они, признав *регулирующую* роль договора, тем не менее все равно продолжают оставаться ... позитивистами, никогда не помешает.

Поскольку всякий договор представляет собой *сделку*, то и гражданско-правовое регулирование договоров осуществляется не только специальными нормами, посвященными договорам в целом и их видам, но и общими нормами гражданского законодательства о сделках, разумеется, в той их части, в какой они не противоречат многостороннему характеру договора (именно так следует понимать п. 2 ст. 420 ГК). Нужно, впрочем, отметить, что проектом Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в редакции, принятой Государственной Думой в первом чтении 27 апреля 2012 г., это правило предполагается дополнить уточнением: «...если иное не установлено настоящим Кодексом». По сути оно, конечно, верное, но вряд ли нуждается в особом законодательном закреплении. Ничто не может быть красноречивее содержания Кодекса, а оно всегда было таково, что позволяло указать целый ряд специальных норм о договорах, слабо совместимых с общими положениями о сделках.

---

210 См. одну из его последних монографий «Теория и практика договорного регулирования» (М., 2008).

211 См.: *Пугинский Б. И.* Частный договор в научной картине права // Ученые-юристы МГУ о современном праве : сб. ст. М., 2005. С. 165.

Определение договора как «*соглашения двух или нескольких лиц*» очевидно тавтологично. Этимология слова «соглашение» такова, что не допускает возможности его совершения *одним* лицом. Сказав слово «соглашение», мы тем самым неизбежно сказали «двух или нескольких лиц». Сохраняя в определении подобную тавтологию, мы рискуем создать повод к вопросу о том, возможно ли существование соглашений «не двух или нескольких лиц» (соглашений «самого с собой», «соглашений одного лица»). По этой причине, думается, возможным и целесообразным определить договор просто как *соглашение об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей*. Определение не только ничего не потеряет от такого сокращения, но, напротив, выиграет в точности и ясности.

Если все-таки признать желательным (по каким-нибудь соображениям) сохранение отвергнутого нами уточнения, касающегося «двух или нескольких лиц», то, думается, и его тоже следовало бы урезать до упоминания о «*нескольких лицах*», ибо *два* лица — это частный случай «нескольких».

564. **Договор как многосторонняя сделка.** Выше* уже отмечалось, что *многосторонние сделки* (договоры) выражают *согласованное волеизъявление двух или нескольких сторон*. Всякий договор всегда представляет собой *один* (*единый*) *акт волеизъявления нескольких лиц*, т.е. *один* юридический акт (один акт волеизъявления), объединяющий *несколько* воль (воли нескольких лиц). В этом обыкновенно видят принципиальное отличие договора от суммы нескольких односторонних сделок: в то время как для последних применяется принцип «одна воля — один акт изъявления», то для договора действует начало «несколько (неважно, сколько именно) воль — один акт волеизъявления». Но такое отличие требует объяснения — а чью же волю в таком случае выражает (судя по своим внешним признакам) договор как сделка? Обыкновенно отвечают на этот вопрос в том смысле, что договор выражает *единую* (согласованную, общую) *волю*, т.е. становится актом-следствием *совпадения* (*объединения*, *согласования*) *разнонаправленной воли его сторон*. Так, один из современных ученых пишет, что «термин “договор” ... обозначает *согласованное добровольное волеизъявление сторон*, достигаемое посредством оферты и акцепта. Волеизъявление такого рода служит основой обязательности договора и его исковой защиты»[212]. В одном из современных учебников утверждается, что «...разнонаправленные интересы субъектов только тогда превращаются в договор, когда воля его участников совпадает, т.е. становится единой»[213]. Но такой ответ заключает внутреннее противоречие: акт *единой направленности* (на динамику

*см. п. 553

212 *Нолдников Д. Ю.* Основные этапы формирования современного понятия гражданско-правового договора // Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. М., 2007. Вып. 3. С. 70 (выделено нами. — *В. Б.*).

213 **Гражданское право** : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 839.

гражданских прав и обязанностей) никак не может быть результатом *разнонаправленной* воли.

Практические соображения, которые заставляют не обращать внимания на эту «неувязку», в общем понятны. Возьмем куплю-продажу. Что дает рассмотрение двух различных (разными лицами, возможно — что в разное время и в разных местах совершаемых) актов волеизъявления в качестве единого — договора? Почему не принято говорить о *сумме односторонних сделок покупателя* (направленной на установление своей обязанности уплатить деньги при условии, что адресат (будущий продавец) не только согласится приобрести предоставляемые ему права, но и сам примет на себя обязанность передать вещь) *и продавца* (направленной на установление своей обязанности передать вещь при условии, что покупатель обязуется уплатить ему покупную цену)? Ответ понятен: если мы «разорвем» единый юридический факт (договор купли-продажи) на две односторонних сделки, то мы будем вынуждены обсуждать каждую из слагающих его односторонних сделок по собственным правилам о заключении, исполнении, отмене и недействительности, а значит, рискуем создать ситуацию, в которой *все* субъективные гражданские права и обязанности, порожденные *суммой* односторонних сделок, останутся в силе, несмотря на последующее наступление или обнаружение дефектности *одной из них*[214]. Дефект же любой составляющей *договора как единого акта волеизъявления* влечет дефект *всего договора в целом*, который автоматически преобразует и прекращает *все* возникшие из него правоотношения. Достичь этого с помощью конструкции «суммы односторонних сделок» невозможно.

Но это — соображения практические. Удовлетворительного же научного (если угодно — философского) объяснения описанного феномена — сложения из нескольких разнонаправленных воль единого волевого акта — не предложено никем. Причина этому, думается, одна: такого объяснения не существует. Не спасает нас и очень точное замечание Ф. И. Гавзе о том, что договор правильно характеризовать не как акт *совпадения*, но как акт *согласования* воль различной (встречной) направленности. Однонаправленные волевые акты тоже могут образовать договор, — например, о совместной деятельности, но эту ситуацию нужно рассматривать, скорее, как исключение. Общим же правилом является ситуация, в которой «...интересы и воля одной стороны благодаря встречности соответствуют интересам и воле другой, они приходят к соглашению, в результате чего возникает общий волевой акт»[215]. Говоря о *взаимном согласовании и взаимном ограничении индивидуалистических интересов и произвола участни-*

---

214 Гражданское право, кстати сказать, замечательно воспользовалось этим, на первый взгляд, негативным свойством состава односторонних сделок. Вспомним п. 436 и 437 Учебника о публичной достоверности ценных бумаг — документов, *существование* права, удостоверенного которыми предопределяется *не формальным элементом* (физическим наличием-отсутствием ценной бумаги в обороте или чьих-либо руках), а таким юридическим фактом, как *основательное одностороннее действие* по добросовестному приобретению ценной бумаги (вещи) в собственность.

215 *Гавзе Ф. И.* Социалистический гражданско-правовой договор. М., 1972. С. 85.

ков договора отчего-то предпочитают не замечать того очевидного факта, что результатом всех этих процессов становится выработка такой *общей воли, содержание которой в полной мере не совпадает с волей ни одной из сторон*, принимавших участие в ее выработке.

Возьмем ту же куплю-продажу: в то время как собственник товара (вещи) желает его продать как можно дороже (например, за 100 руб.), собственник денег желает получить эту вещь как можно дешевле (допустим, за 10 руб.)[216]. Имеем, стало быть, два акта об изъявлении двух воль: первой — продать вещь за 100 руб.; второй — купить ту же вещь, но за 10 руб. Как же эти два — встречных по «знаку» (направленности), но различных по модулю (содержанию)— акта могли бы слиться в одном, содержательно едином (непротиворечивом) акте? В чистом виде это слияние, ясное дело, невозможно: «договор», согласно которому одно лицо обязалось передать вещь в собственность другого лица и приобрело требование к этому последнему об уплате им покупной цены в сумме 100 руб., а другое — приобрело право требования передачи этой самой вещи, но при том приняло на себя обязанность уплатить покупную цену в сумме 10 руб. вряд ли можно будет считать заключенным. Чтобы в данном случае состоялся договор, по крайней мере, какая-то одна (а скорее всего — каждая) из его сторон вынуждена будет несколько умерить свои притязания; положим, результатом взаимных уступок стала цена в 55 руб. за вещь. Чью же волю выражает договор с *таким* содержанием? Вроде бы, *общую* (как продавца, так и покупателя), и в то же время ... *ничью*! Ведь продавец на самом деле хотел бы продать вещь за 100, а отнюдь не за 55 руб., точно так же, как и покупатель, тоже не желал бы платить за эту вещь 55 руб., а стремился ограничиться лишь 10-рублевым долгом! Пресловутая общность касается, следовательно, не *воли*, а только *акта ее изъявления*. Участники всех без исключения договоров ставятся жизнью (в том числе — поведением своих будущих контрагентов) в такие условия, в которых они *оказываются вынуждены к тому, чтобы изъявлять в конечном счете совсем не ту волю, носителями которой они в действительности являются*.

Договор, таким образом, — это акт изъявления общей (согласованной) воли лишь в том смысле, что ее носителями в равной (в одинаковой) степени не является *ни один из ее участников*. Договор — это акт изъявления воли не существующего, но молчаливо правом признаваемого, и, следовательно, *фиктивного субъекта*. Образуется построение, весьма сходное с объяснением существа юридического лица с позиции теории фикции: если юридическое лицо представляет собой *безвольную правовую точку* (пункт приражения прав и обязанностей, не обладающий качествами настоящего субъекта права), то договор представляет собой, напротив, *волевую правовую точку, не опирающу-*

216 Крайние ситуации, в которых одно лицо хотело бы и вещь сохранить у себя, и деньги получить, а другое — и вещь получить, и денег не отдать, мы здесь не обсуждаем, как откровенно несообразные нормальному течению и восприятию жизни. Между тем не секрет, что в конечном счете именно эти устремления руководят поступками не только отдельных граждан и организаций, но и кладутся в основание некоторых глобальных концепций, вроде учения о социальной справедливости или современной молодежной «философии халявы».

юся на своего реального носителя, т.е. *пункт приражения воли несуществующего лица*.

565. **Договор и его гражданско-правовые последствия.** С понятием договора как сделки — основания динамики гражданско-правовых форм — не следует смешивать *сами эти гражданско-правовые формы*, создаваемые, изменяемые или прекращаемые договором (сделкой)[217]. Мы не рискуем ошибиться в предположении о том, что главной причиной такого словоупотребления стало *повсеместное смешение понятия о договоре с понятием договорного обязательства в законодательстве*, причем, не только отечественном, но и иностранном. Собственно, практически весь разд. IV ГК вопреки своему названию («Отдельные виды обязательств») говорит не столько об обязательствах, сколько о договорах, служащих основаниями их возникновения. Между тем четкое различение договоров (юридических фактов) и обязательств является *абсолютно необходимым условием адекватного усвоения и применения всего гражданско-правового материала*. Учащийся, не отдающий себе отчета в том, что «договорный» ни при каких условиях не равнозначно «обязательственный» (потому что существуют договоры, влияющие не на обязательственные, а на другие правоотношения[218]), а «обязательственное» никогда не сводится к «договорному» (ибо существуют обязательства, порождаемые не договорами, а другими юридическими фактами), никогда не сможет правильно истолковать ни одну из законодательных норм, употребляющих термины «договор» или «обязательство».

Мы уже встречались со случаем несовпадения сторон (участников) *сделки* со сторонами (участниками) *правоотношения*, из этой сделки возникающего, когда рассматривали феномен *представительства*[*]. Ниже нам встретится такая конструкция, как договор в пользу третьего лица (ст. 430 ГК) — субъекта, *не участвующего в договоре*, заключаемом иными лицами, но зато *участвующего в правоотношении*, из этого договора возникающем. Далее, договоры могут быть *многосторонними во всех смыслах этого слова* (т.е. в договоре могут принимать участие и два, и три, и пять, и десять, словом, любое число лиц, причем, каждое из них будет считаться самостоятельной стороной договора), в то время как гражданские *правоотношения* всегда могут быть *только двусторонней* правовой связью. Не составляют исключения, между прочим, и обязательственные правоотношения из многосторонних договоров (например, учредительного или о совместной деятельности[219]), создающих такое количество *двусторонних* граж-

[*]см. п. 522

217 Едва ли не наиболее ортодоксальным сторонником такого словоупотребления в современной литературе может считаться М. И. Брагинский. См.: *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 7 и сл.

218 И даже на гражданско-правовые формы, не являющиеся правоотношениями.

219 Впрочем, вопрос о том, какие же именно обязательства возникают из данных договоров, остается не вполне ясным.

данских правоотношений, которое определяется числом сторон договора. Так, если перед нами соглашение с тремя участниками (A, B и C), оно может быть названо многосторонним договором при условии, что оно порождает минимум три следующих правоотношения: A – (B + C), B – (A + C) и C – (A + B), т.е. правоотношения *всякого и каждого со всяким и каждым*[220]; другое дело, что одна из сторон каждого такого правоотношения будет представлена *несколькими* (общее число участников договора — (минус) 1) *лицами*. Более подробно вопрос о недопустимости смешения понятий обязательства и договора уже был предметом нашего изучения, к результатам которого мы и считаем необходимым отослать наших читателей[221].

Из сказанного видно, что как дву-, так и многосторонние договоры обладают таким любопытным качеством, как *способность служить формой* не собственно договоров, но *корпоративных актов*. Так происходит в тех случаях, когда участники договора не стремятся связывать себя взаимными обязательствами, полагая, что они и так связаны друг с другом общностью преследуемых целей и ведущейся общей деятельности, и что этой связи им вполне достаточно. Подробнее об этом — см. ниже*. *п. 613

566. **Практическое значение (действие) договоров.** Прямое и непосредственное назначение гражданско-правовых договоров состоит в том, чтобы *регулировать общественные отношения посредством создания новых, а также изменения и прекращения существующих гражданских правоотношений — субъективных прав и юридических обязанностей* (ср. с односторонними сделками**). Будучи основанием динамики гражданских правоотношений и в то же время источником правил, юридически обязательных для соблюдения лицами, от имени и в пользу которых он заключен, договор становится в конечном счете *средством автономного* (т.е. частного в собственном смысле этого слова) *правового регулирования общественных отношений*. Такое (частноправовое) регулирование является обычно более оперативным, интенсивным и эффективным, чем регулирование нормативное, поскольку осуществляется оно, как правило, самими участниками регулируемых отношений, т.е. лицами, во-первых, лично заинтересованными в их качественной регламентации, а во-вторых, досконально осведомленными обо всех тонкостях этих отношений и значит способными принять таковые во внимание[222]. **см. п. 553

---

220 Но если наше соглашение между тремя лицами (A, B и C) порождает правоотношения *каждого с каждым* (A — B, B — C и A — C), то перед нами — отнюдь не один трехсторонний договор, а всего лишь *три двусторонних договора* (между A и B, B и C, а также C и A), инкорпорированных в единый документ.

221 См.: *Белов В. А.* К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 239—258.

222 См. об этом, например: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. III. С. 171—172.

Вместе с тем такое регулирование не может быть ни устойчивым во времени, ни определенным по содержанию без известных законодательно установленных *гарантий неприкосновенности и обязательности договорного регулирования*. Иными словами, договор может проявить себя эффективным средством правового регулирования общественных отношений только в условиях точного определения правил действия и применения положений, составляющих его содержание (условий договора).

К числу таких правил относятся следующие.

1. *Условия договора, не противоречащие закону, обязательны для его сторон в точно такой же степени, как и нормы самого закона. Договор — это закон для сторон; его условия должны ими соблюдаться* (принцип pacta sunt servanda), по крайней мере, при неизменности обстоятельств, в которых договор был заключен*.

*см. п. 598

2. Условия договора, как и предписания нормативных актов, распространяют свое действие *с момента заключения договора на будущее время* (п. 1 и 2 ст. 425 ГК), т.е. *по общему правилу не имеют обратной силы*, если только иное не будет установлено прямо выраженным соглашением сторон. В будущем предполагается ограничить эту возможность, дополнив п. 2 ст. 425 оговоркой, согласно которой невозможность заключения подобных соглашений может быть установлена законом или вытекать из существа отношений. Закон не делает необходимых, на первый взгляд, исключений из данного правила, позволяющих отложить вступление договора в силу, например, до наступления определенной даты (допустим, известного числа года, квартала или месяца), осложнить его отлагательным условием или же установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора (имеют обратную силу). При более внимательном рассмотрении оказывается, что исключения эти и не столь уж необходимы, как, может быть, поначалу кажется, поскольку, по крайней мере, одно из правил подобных договоров — о приурочении его основных гражданско-правовых последствий к известной дате, разрешению отлагательного условия или об обратной силе его норм — вступит в силу *именно с момента его заключения*; без признания этого принципа применение иных положений договора будет невозможным.

3. Юридический эффект договора, как эффект всякого вообще юридического факта, может существовать *сколь угодно долго*, в том числе вечно[223]; вместе с тем коль скоро договор является, если можно так выразиться, рукотворным юридическим фактом (юридическим актом), то ничто не мешает сторонам договора ограничить существование его юридического эффекта *определенным сроком*. Со сроком существования гражданских договорных правоотношений не следует, однако, смешивать понятие о *периоде действия самого договора* — промежутке времени, в течение которого договор выполняет не только функцию юридического факта, но и функцию источника правовой регламентации общественных отношений его участников. По общему правилу этот срок совпадает со временем существования созданных

223 Таковы эффекты договоров, безвозвратно «убивающих» гражданские правоотношения.

договором правоотношений[224]: лишь с прекращением последних прекращается и действие договора (полностью либо в соответствующей части). Постановление п. 3 ст. 425 ГК о том, что законом или договором может быть предусмотрено прекращение правоотношений сторон по договору вследствие окончания срока действия данного договора, имеет смысл применительно далеко не ко всем договорам[225].

4. В случае принятия нормативного акта, содержание которого не соответствует нормам заключенного ранее и уже вступившего в силу договора *условия заключенного договора, соответствующие правилам, действовавшим при его заключении, по общему правилу, сохраняют силу* (п. 2 ст. 4, ст. 422 ГК). Это (общее правило) об устойчивости (иммунитете, невосприимчивости) договорного регулирования к воздействию «вируса» законодательного вмешательства вытекает из того очевидного соображения, что частные лица не обязаны быть политиками права, не должны предвидеть будущих изменений законодательства, а значит и не должны ничего терять, если таковые вдруг будут внесены. *Исключения из этого правила* — т.е. предписания о том, что действие изменения закона распространяется и на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров — *могут быть предусмотрены только законом*; в таком случае нормы договоров, не соответствующие принятому позднее законодательству, не подлежат применению[226]. Сказанное в полной мере распространяется и на *фактические обстоятельства, исходя из которых стороны определяли законность своих действий в момент заключения договора*: последующее изменение этих обстоятельств не может сделать договора незаконным[227]. То, что было законным в момент своего совершения,

---

224 Иное не соответствовало бы назначению договора как источника правового регулирования поведения сторон. Так, например, предписание договора поставки о том, что оплата товара должна быть произведена в течение определенного времени после его отгрузки, не следует понимать в том смысле, что пропуск этого срока (истечение срока действия договора) позволяет покупателю вовсе не платить за товар.

225 Так, истечение срока действия договора аренды, предваренное необходимым извещением арендодателя, является основанием для *прекращения права* арендатора пользоваться арендованным имуществом. Прекращается, оно, впрочем, не бесследно: истечение срока действия договора аренды влечет не только прекращение названного права арендатора, но и *возникновение его обязательства возвратить арендованную вещь* — обязательства, происходящего из того же самого договора аренды, из которого возникло прекратившееся только что право арендатора.

226 Принятие нормативного акта, иного чем закон, на заключенные договоры никак не влияет; во всяком случае, оно не может служить основанием для его «приведения в соответствие», «переоформления», «перезаключения», изменения, дополнения, расторжения договоров и иных подобных процедур.

227 Известна, к примеру, норма п. 2 ст. 103 Семейного кодекса РФ, устанавливающая, что «... *размер алиментов, устанавливаемый по соглашению об уплате алиментов* на несовершеннолетних детей, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке (ст. 81 настоящего Кодекса)». Как видим, она не уточняет, каким именно образом должен определяться размер алиментов; следовательно, он может быть определен как в виде доли дохода плательщика алиментов, так и в твердой сумме. Статья же 81 определяет минимальный размер алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, *в виде определенной доли ежемесячного дохода* плательщика алиментов. Положим, в момент заключения соглашения стороны определили размер алиментов в твердой сумме по правилам ст. 81 Семейного кодекса; в последующем фактическое обстоятельство, из которого➲

не может стать незаконным «задним числом» — иной подход уничтожал бы всякие надежды частных лиц на определенность и стабильность своего правового положения.

5. Проектом Федерального закона № 47538-6 в ст. 425 ГК предполагается внести новый п. 5, содержащий предписание о том, что «... в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, иным законом или договором, договор вступает в силу с момента *нотариального засвидетельствования даты заключения договора*». Признаться, мне не приходилось слышать о каких-то практических случаях, в которых подобная процедура была бы актуальной; нет их и в проектируемых изменениях ни к ГК, ни к другим законодательным актам. Довольно таинственное, выходит, дополнение; подобная неясность его ближайшего назначения и смысла позволяет предположить, что данная норма (если только она так и не останется проектом) может оказаться невостребованной.

566[1]. **Действие договоров по кругу лиц. Оглашение договора.** Договор — это (как было уже указано в предыдущем пункте) нечто вроде *закона для его сторон*, этакого закона относительного действия. Договор обязателен для заключивших его лиц — сторон, или участников (п. 1 ст. 425 ГК)[228] — и (или) (при заключении договора через представителя) для тех лиц, от имени которых он заключен (п. 1 ст. 182 ГК). Для всех других субъектов гражданского права (получающих в таком случае наименование *третьих лиц*) договор не обязателен и не создает каких-либо прав или преимуществ. Это означает, что, с одной стороны, уча*стники договора не вправе в спорах с третьими лицами ссылаться на условия договора*, а с другой — что *к этим условиям не вправе также апеллировать и третьи лица в их спорах с участниками договора*. Договор имеет ***строго относительную юридическую силу*** — таково общее правило, знающее, однако, ряд законодательных исключений. Самое известное и практически распространенное — это так называемые *договоры в пользу третьих лиц* (см. ниже, п. 586 настоящего Учебника), т.е. договоры, создающие для третьих лиц известные права и иные преимущества. Несмо-

---

➲исходили стороны в момент заключения соглашения — размер дохода плательщика алиментов — изменилось: размер дохода увеличился и зафиксированная соглашением твердая сумма перестала соответствовать требованиям ст. 81 СК. Никакого нарушения закона, однако, здесь не будет, ибо в силу ст. 422 ГК РФ *всякий договор* — и соглашение об алиментах не исключение — *должен соответствовать требованиям закона, содержание которых определено по состоянию* ***на момент его заключения***. Их последующее изменение на законность договора не влияет.

228 Та же идея выражена в п. 3 ст. 308 ГК РФ, только несколько иными словами: «... Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). — В случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства». Весьма характерный пример смешения понятий о договоре и об обязательстве, а также — весьма яркая иллюстрация заблуждения, в соответствии с которым договор может иметь исключительно обязательственно-правовые последствия.

тря на то, что положения таких договоров могут предусматривать те или иные *условия* приобретения третьими лицами известных прав, выгод и иных преимуществ — условия, без выполнения которых такое приобретение невозможно — они в конечном счете производят исключительно позитивную динамику в имущественном (правовом) положении третьих лиц и с этой точки зрения их допущение не является чем-то сверхъестественным по отношению к третьим лицам, хотя и в известном смысле и «наступает» на интересы участников договора. Менее известны, но оттого не менее значимы *исключения, установленные законодательством для некоторых отдельных видов договоров* или *для некоторых категорий третьих лиц*. Таковы, в частности, договор о распоряжении арестованным имуществом (ст. 174.1 ГК), договор о залоге (п. 1 ст. 353 ГК), всякий договор, запрещающий уступку требования (абз. 2 п. 2 ст. 382), в частности — договор, устанавливающий требование неденежного исполнения и всякое соглашение о таком требовании (абз. 2 п. 4 ст. 388), договор о передаче индивидуально-определенной вещи (ч. 1 ст. 398), и, наконец, по п. 1 ст. 174 ГК — всякий вообще договор, так или иначе ограничивающий распоряжение определенным имуществом *в отношении его* ***недобросовестного приобретателя*** — третьего лица, которое в момент приобретения упомянутого имущества знало или должно было знать о таком ограничении. С недавних пор, в силу нового п. 4 ст. 185 ГК, как это уже рассказывалось, *договор может иметь значение не только собственно договора, но и* ***доверенности*** — документа, обязательного для всех третьих лиц.

Перечисленные и некоторые другие исключения позволяют заметить, что уже сейчас действие принципа обязательности договора исключительно для его сторон небезусловно. Договор признается обязательным не только для участвующих в нем лиц (сторон), представляемых ими лиц, их правопреемников и третьих лиц — выгодоприобретателей, но также и для *лиц, в момент совершения действий, нарушающих договор, осведомленных об этом обстоятельстве* — т.е. ***для недобросовестных участников гражданского оборота***. Вопрос появления таких лиц является делом случая и обусловливается его конкретными особенностями. Несомненно, однако, что могут существовать такие случаи, когда стороны договора будут заинтересованы в том, чтобы получить возможность ссылаться на его положения в своих спорах (шире — отношениях) со всеми другими лицами без исключения. Чтобы такую возможность получить, они должны позаботиться о том, чтобы сделать всех этих «других лиц», нарушающих положения их договора, недобросовестными участниками оборота. Для этого им нужно *проинформировать всех других лиц о содержании и (или) наличии заключенного между ними договора*, т.е. «опубличить» либо факт заключения договора, либо сам договор (полностью, или в интересующей стороны части) — огласить информацию о том и (или) другом. Полагаю, что нет никаких препятствий к тому, чтобы

в предусмотренных законом случаях[229] признать за сторонами договора такое право — *право подвергнуть сам договор (полностью или в части его отдельных условий), либо же факт его заключения договора, специальной процедуре* — ***процедуре оглашения***; очевидно, одним из участников такой процедуры должен быть *специализированный государственный орган*[230]. Информация, ставшая предметом оглашения, должна будет получить статус *общедоступной*, т.е. предоставляться государственным органом, отвечающим за вопросы договорного оглашения, по запросу любого заинтересованного лица за чисто символическую плату. В результате получится такой объем общедоступной информации, к которому смогут апеллировать *как участники договора в спорах с любыми третьими лицами, так и третьи лица — в спорах с участниками договора*. Нет, разумеется, никаких препятствий и к тому, чтобы оглашение было не только двух-, но и *односторонним*, т.е. осуществлялось бы с условием о том, что ссылаться на оглашенные сведения вправе только участники договора (но не третьи лица!) или наоборот. Наконец, напрашивается закрепление в законодательстве некоторого количества случаев, в которых оглашение договора является обязательным и без него договор не может иметь юридической силы и последствий. Самым бесспорным случаем такого рода должен стать *брачный договор*.

Рассмотрим несколько наиболее ярких во всех отношениях примеров, в которых институт оглашения договора может и должен сыграть свою позитивную роль.

Первый — ***договор об условной передаче права собственности***, т.е. договор об отчуждении вещи, совершенный с тем, например, условием, что ее приобретатель вправе пользоваться исключительно доходами с этой вещи, но не вправе ни владеть, ни распоряжаться ею, скажем, до достижения определенного возраста с сохранением на этот срок самой вещи во владении и распоряжении либо ее отчуждателя, либо специально уполномоченного им для этого лица (управляющего). Пока такой договор не оглашен, третьи лица могут приобрести имущество у его нового собственника, не рискуя лишиться его на том основании, что последний произвел его отчуждение вопреки запрещению, наложенному на него в договоре с отчуждателем, ибо договор отчуждателя с новым собственником, хотя бы и содержащий условие об ограничении распоряжения вещью, для лиц, в нем не участвующих, не является обязательным. Но если и как только данный договор будет подвергнут оглашению, третьи

229 Вопрос о том, что это могут быть за случаи, нуждается в дополнительной проработке (чтобы не ущемить третьих добросовестных лиц). Думается, такая процедура была бы весьма актуальна для акционерных и прочих корпоративных соглашений, брачных договоров, соглашений об уплате алиментов, договоров простого товарищества, соглашений между участниками общей собственности, между соавторами и совместными патентообладателями об особенностях правового режима соответствующего имущества или объекта исключительного права, об ограничении или запрещении распоряжения обязательственными правами (требованиями); кроме того, процедура оглашения делает возможным заключение целого ряда договоров, нашему действующему законодательству неизвестных, как-то об условной передаче в собственность, об определении правового режима наследственного имущества и др.

230 Вопрос о том, какой государственный орган будет заниматься процедурой оглашения и ее детали, нуждается в дополнительной проработке.

лица уже не смогут сослаться на то, что ограничения в распоряжении, установленные этим договором для нового собственника, им в момент приобретения вещи не были известны и вообще на них не распространяются.

Другой пример — ***договор об определении правового режима наследственного имущества***. Все то же самое, что в предшествующем случае, с той лишь разницей, что такой договор будет заключаться на случай смерти отчуждателя имущества (наследодателя). Положим, речь идет о таком имуществе, как предприятие или контрольный пакет акций. Добросовестный наследодатель, разумеется, заинтересован в том, чтобы после его смерти это имущество не только продолжало существовать и функционировать в обороте как единое целое, но и не было бы раздроблено между сонаследниками, т.е. осталось бы в единоличном управлении. Кроме того, если наследники таковы, что в силу несовершеннолетия, недостатка образования, отсутствия деловой жилки и опыта ведения бизнеса просто не смогут квалифицированно распоряжаться таким специфическим имуществом, должна существовать возможность ограничить их в правомочиях владения, пользования и распоряжения им, оставив в пользовании, опять-таки, только доходы, а само приносящее их имущество передать в управление профессионального управляющего. Трехсторонний договор на этот счет, заключенный наследодателем при его жизни с потенциальными наследниками (или их законными представителями), а также управляющим, впоследствии подвергнутый обязательному оглашению, как нельзя лучше отвечал бы этой цели.

Третий пример — ***акционерное соглашение*** или (говоря шире) ***соглашение о совместном управлении корпорацией***. Пока оно никому неизвестно, кроме его участников, оно ни для кого не обязательно; соответственно, нарушения акционерного соглашения не смогут стать основаниями оспаривания сделок и иных юридических действий, совершенных корпорацией в отношении третьих лиц благодаря таким нарушениям. Положим, участники договорились голосовать определенным образом; один из них нарушает эту обязанность, голосуя иначе, в результате чего общее собрание участников принимает решение об одобрении известной сделки и сделка эта совершается. Если бы участник-нарушитель голосовал в соответствии с условиями соглашения, решение общего собрания было бы иным. Это обстоятельство, однако, никак не способно повлиять на сделку, заключенную во исполнение принятого решения, ни на права лиц-участников этой сделки. Однако если бы акционерное соглашение было оглашено, то с его оглашенными условиями (в том числе, об обязанности голосовать определенным образом, шире — о всяком особом порядке принятия решений в корпорации, особых условиях отчуждения ее акций и т.п.) должны были бы считаться все третьи лица. Зная о том, что решение об одобрении сделки с его участием может быть принято только при условии голосования определенным образом, лицо-участник такой сделки уже не сможет не озаботиться выяснением вопроса о том, не было ли такое голосование осуществлено с нарушением акционерного соглашения, а выяснив, что было — заключить сделку, игнорируя это обстоятельство.

567. **Пределы договорного регулирования.** В юридической науке распространено представление о том, что понятие *договора вообще* носит *межотраслевой характер* и подлежит ведению науки *теории права*. Гражданское же право занимается лишь *гражданско-правовыми* или *частными* договорами. В полном соответствии с этим представлением *гражданско-правовому* договору противопоставляют несколько других видов договоров, в первую очередь хозяйственные (предпринимательские, торговые) и трудовые, а также договоры международного права; известны исследования о договорах в конституционном, административном, бюджетном и налоговом праве; наконец, некоторые виды юридически значимых соглашений (договоров) встречаются в таких чисто публичных отраслях права, как процессуальное (например, третейские и мировые соглашения, соглашения по фактическим обстоятельствам дела) и уголовное (например, соглашения о примирении по делам частного обвинения и так называемые сделки с правосудием). Нельзя не вспомнить и концепцию договорной организации социального устройства (общественного договора), в частности ее знаменитую вариацию, воплощенную в трудах Ж.-Ж. Руссо[231].

> Нет никаких сомнений, конечно, в том, что предметные границы применения такого правового инструмента, как договор, находятся далеко за пределами отношений, регулируемых гражданским правом. Но это обстоятельство само по себе может свидетельствовать лишь о том, что некоторые сферы общественных отношений, вопреки своему целостному регулированию правом публичным, изымаются из сферы его компетенции и регулируются на принципах, свойственных праву частному, гражданскому. Договора нет и не может быть в отношениях субъектов права, состоящих в отношениях власти-подчинения (субординации), поскольку такого рода отношения позволяют субъекту властвующему приказывать, обеспечивая исполнение этих приказов обязанностью подвластного подчиняться и перспективой его ответственности в случае неподчинения. Договор может появиться только в тех отношениях, где право, не признавая субординации, констатирует их построение на началах взаимодействия (координации), т.е. *в частных отношениях* — во взаимодействии *частных* (по отношению дуг к другу и в данной ситуации) *лиц*.
>
> Другое дело, что в подобных случаях договор будет выступать средством реализации отнюдь не гражданской правоспособности, а (скорее всего и по крайней мере для одного из его участников) должностных полномочий (компетенции). Практически это может означать, что договоры в сферах иных, чем те, что относятся к предмету ведения права гражданского, будут заключаться, по всей видимости, отнюдь не для удовлетворения собственных (частных) интересов их сторон, но в первую очередь для достижения предустановленных

231 См.: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре / пер. с фр. Л. Неманова ; под ред. Д. Е. Жуковского. СПб., 1907.

им законом целей; кроме того, законодательство может в определенных случаях обязать известных лиц заключать с известными же лицами договоры определенного рода, вида или даже содержания. Все это, однако, не лишает договор его гражданско-правового характера. Лучшим доказательством этого соображения является действие обозначенных социализационных тенденций *в рамках самого гражданского права* под именем *пределов свободы договора*. Это действие изучается в следующем параграфе.

§ 2. Свобода договора и ее пределы (п. 568—574)

568. **Понятие и содержание принципа свободы договора.** Принцип *свободы договора* в целом является частным случаем проявления одного из основополагающих начал гражданско-правового регулирования — *автономии воли*[*]. Коль скоро участники частноправовых отношений обладают свободой (автономией) в определении тех *целей*, которые они ставят *всем* своим юридически значимым действиям, логично признать за ними и свободу в выборе *законных средств* ее достижения — т.е. самих *юридически значимых действий*. Центральное положение среди них занимают, как это уже отмечалось, такие юридические действия, как *договоры*. Принцип свободы договора декларируется в п. 1 и 2 ст. 1 ГК и проявляет себя согласно ст. 421 ГК в следующих сферах: 1) в заключении (отказе от заключения) договора с определенным лицом; 2) в выборе договорного типа, их создании и синтезе; 3) в определении содержания (условий) договора.

[*] п. 18

1. *Свобода в решении вопроса о том, заключать или не заключать договор с определенным лицом*, практически означает недопустимость властного понуждения какого-либо частного лица к заключению договора с другим частным же лицом (п. 1 ст. 421 ГК). Подобно тому, как никому не запрещается использовать договор как правовое средство достижения законных целей в отношениях с себе подобным частным лицом, точно так же ни на кого не возлагается обязанность такого использования. Никого нельзя *заставить* заключить договор; вообще в сочетании (и даже соседстве) слов «заставить» и «договор» есть что-то противоестественное, ибо если «договор» — то как же можно заставлять, а если «заставлять» — то разве же это будет договор? Исключения могут быть предусмотрены ГК, законом или «добровольно принятым на себя обязательством».

2. *Свобода в определении типа договора* выражается в том, что всякое частное лицо вправе заключать любые договоры, не противоречащие законам и иным нормативным актам, *независимо от того, предусмотрен ли такой договор нормативным актом или нет* (п. 2 ст. 421), в том числе так называемые *смешанные договоры*, т.е. договоры, содержащие элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (п. 3 указанной статьи). Этот

аспект договорной свободы можно было бы назвать *свободой договорного творчества.*

3. *Свобода в определении содержания договора* может быть описана как возможность частных лиц — участников общественного отношения, которое они предполагают подвергнуть своему автономному договорному регулированию, определять содержание (или условия) заключаемых договоров по своему усмотрению, исходя из существа, содержания и целей сложившихся между ними отношений, из собственных интересов, потребностей, возможностей и целей (п. 4 ст. 421). Этот — именно этот! — аспект является наиважнейшим внутри общего начала договорной свободы, поскольку его законодательное закрепление означает не что иное, как «...признание за частными лицами права создавать нормы за счет расширения содержания классического понятия автономии до *независимой от государства социальной власти*»[232] (выделено нами. — *В. Б.*). Свобода в определении содержания договора в том виде, в котором она признана современным российским гражданским законодательством, действительно идет несколько дальше содержания родового по отношению к себе понятия — автономии воли* и в этом смысле действительно заслуживает самостоятельного изучения.

*см. п. 18

В остальном начало автономии частной воли, реализуемое посредством заключения договоров, означает, в общем, что *частные лица не обязаны давать кому бы то ни было отчет в тех соображениях, которыми они руководствовались в своих действиях.* Никто не обязан объяснять, почему он заключил договор (или, наоборот, отказался от заключения договора) с определенным лицом, почему остановил свой выбор именно на данном (а не на ином) договорном типе, почему согласился именно на такие (а не на другие) условия и т.д. Реализация того или иного аспекта договорной свободы известным образом составляет *частное* дело *частных* лиц, осуществляемое ими от своего имени, на свой счет, страх и риск.

568[1]. **Перспективы развития начала свободы договора.** Аспекты свободы договора, рассмотренные в предыдущем пункте Учебника, кажется, охватывают все мыслимые проявления этого принципа. Но так кажется только на первый взгляд и только тем лицам, которые совершенно незнакомы с российской судебной практикой разрешения споров, связанных с заключением и исполнением договоров. А эта практика свидетельствует, в частности, о некоторых тенденциях, трудно совместимых с положениями ст. 421 ГК. Во-первых, договоры по умолчанию воспринимаются судьями, юристами-практиками и даже учеными как юридические факты — *основания динамики почти исключительно одних только* ***обязательственных*** *отношений*, причем, в самом узком из возможных смыслов этого понятия — обязательственных отношений ***по уплате денег и передаче***

232 *Вилкин С. С.* О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 53.

имущества. Даже обязательство совершения каких-либо нетрадиционных для оборота действий воспринимаются судами с большими затруднениями. Ну а договоры, в которых заходит речь о динамике не обязательственных, а каких-либо иных правоотношений, тем более — договоры не о правоотношениях, а о чем-либо ином (правовых состояниях, обстоятельствах, режимах, правоспособности, давности и т.п.), воспринимаются российским правосудием и наукой, что называется, в штыки — все они считаются незаконными и недопустимыми, что называется, по умолчанию — разве только в законе можно было бы отыскать прямое указание на возможность заключения таких договоров. Во-вторых, положение о допустимости заключения ***договоров, не предусмотренных законодательством*** (непоименованных или безымянных договоров), при всей его внешней ясности, также оказывается почти невозможным реализовать на практике из-за того, что суды всеми силами стараются свести любой договор полностью или в части к одному или нескольким договорным типам, предусмотренным законодательством. В тех случаях, когда это не удается сделать в полной мере, договоры в целом или их отдельные элементы (нормы, условия) объявляются несоответствующими тем законоположениям, которые суд посчитал в данном случае применимыми и, стало быть, рассматриваются как недействительные (ничтожные). В-третьих, ни одна из норм Кодекса даже не намекает на такой аспект принципа свободы договора, как ***свобода определения правового режима договора***, т.е. свобода подчинения его тем или иным законоположениям, иностранному праву, а также нормам незаконодательной природы, например, актам международной частноправовой унификации, актам Международной торговой палаты, ЮНСИТРАЛ и иных подобных организаций. Наконец, в-четвертых, Кодекс ни словом не поминает о возможности заключения договоров, касающихся ***реализации (осуществления, охраны, защиты) своих прав и распоряжения ими***, в том числе — о возможности добровольного отказа от этих прав. Вероятно, не все эти аспекты принципа свободы договора могут быть реализованы в своем полном объеме во всем масштабе гражданско-правовой активности — так, очевидно, признание ряда перечисленных возможностей в отношениях между коммерсантами и потребителями, могло бы привести к злоупотреблению ими со стороны первых и ущемлению прав последних; нет, разумеется, особой надобности во внедрении всех этих начал и в отношения с участием публично-правовых образований. Но точно также очевидно и то, что допущение и реализация таких принципов в рамках коммерческого оборота — *двустороне-коммерческих договоров*, так называемых *договоров типа b2b* — представляются шагами не просто весьма желательными, но и чрезвычайно насущными.

В настоящее время, как известно, осуществляется реформа гражданского законодательства. Ознакомление же с положениями уже неоднократно цитированного законопроекта № 47538-6 свидетельствует о том, что практически ни одна из перечисленных здесь проблем не только не будет решена, но и даже не поставлена. Небольшие исключения составляют проектируемые дополнения к п. 2 ст. 421 и п. 3 и 4 новой ст. 450.1 Кодекса: (1) первое состоит в том, чтобы закрепить принцип, согласно которому к договорам неименованным не станут применять правила об отдельных видах договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами, если только эти договоры не будут обладать признаками, указанными в п. 3 ст. 421, т.е. признаками смешанных договоров; (2) второе — в том, чтобы допустить возможность одностороннего отказа от осуществления своих прав по двусторонне-коммерческим договорам. Этого очень мало. Статья 421 ГК нуждается в кардинальном переписывании с тем, чтобы наряду с уже отраженными в ней аспектами принципа свободы договора, воплотить еще и такие начала, как:

1) *свобода договариваться о* ***любых отношениях, регулируемых гражданским законодательством*** (а не только об обязательствах, как это принято считать). Стороны должны быть свободны в заключении договоров относительно своих как обязательственных, так и вещных, исключительных, корпоративных, и даже наследственных и личных неимущественных (в том числе семейных) прав, т.е. иметь возможность *исключительно по своему собственному усмотрению* решать вопросы об их возникновении, изменении, прекращении, ограничении, обременении (в том числе способами, не предусмотренными законодательством), передаче (переходе), об определении условий их существования, осуществления, защиты и т.д.;

2) ***свобода определения правового режима отношений, регулируемых договором***, т.е. не только возможность устанавливать в договоре новые, законодательству неизвестные, нормы, но и в *возможность исключить договором применение, как минимум, отдельных законодательных норм, а в конечном счете — и всего гражданского законодательства РФ* (кроме сверхимперативных норм), подчиняя при этом договор (полностью или в части), либо праву других государств, либо регулированию негосударственного происхождения (например, Принципам МКД УНИДРУА, Принципам Ландо, DCFR, Принципам СЕНТРАЛ, ECC, актам ICC или ITC и т.п.), либо, наконец, предусматривать в договоре, что он понимается и применяется исходя исключительно из самого себя и общих принципов права;

3) *свобода договариваться о* ***трансформации однажды определенного правового режима договорных отношений***, т.е. предусматривать возможность подчинения одних и тех же договорных отношений различным нормам в разное время (например, до смерти одной из сторон — режиму доверительного управления, а после смерти — режиму ренты);

4) *свобода договариваться* ***об отказе от прав, от распоряжения ими, от их осуществления и защиты***, *об особых условиях или иных ограничениях в распоряжении ими, их осуществлении и защите*, наконец — *свобода принятия на себя обязательств по распоряжению правами, по их осуществлению или защите определенным образом*

(способом), или, наоборот, по воздержанию от распоряжения ими, их осуществления и защиты, в том числе обязательств не обращаться в суд вообще или с определенным иском, отозвать уже предъявленный иск, отказаться от иска, воздержаться от предъявления к исполнению исполнительного листа и т.п.

Кроме того, (5) в случае, если в законодательство когда-нибудь все-таки будут внесены нормы об *оглашении договора* (см. п. 566[1] настоящего Учебника), очевидно, что за сторонами всякого, по крайней мере, коммерческого (или иначе связанного с предпринимательством) договора, должна быть признана ***свобода решения вопроса об оглашении своего договора*** — о том, *будут ли* они прибегать к этой процедуре, или нет, если будут — то *что* они станут оглашать (просто факт заключения договора, его отдельные условия или договор в целом), и, наконец, *в каких целях* они станут это делать — *какие последствия* (одно- или двусторонние) это оглашение будет производить.

Непосредственная цель, которая должна быть достигнута предлагаемыми мерами, заключается в том, чтобы ***достичь максимально полной и всесторонней реализации регулятивного потенциала договора***: конечная — ***укрепить и углубить представление о диспозитивности гражданско-правового регулирования***, заложив тем самым предпосылки для создания с помощью договора особого (неизвестного закону) правового режима отдельных вещей и имущественных масс (прав, обязанностей и их комплексов). Реализация изложенных выше предложений позволит заключать договоры, скажем, об *условной передаче собственности* (А передает и известное имущество в собственность Б, но сам сохраняет за собой определенные договором возможности по контролю за пользованием и (или) распоряжением этим (формально чужим для него — А) имуществом); о создании *специфического (договорного) правового режима наследственного имущества*, в том числе в виде предоставления наследникам возможности получать и распоряжаться одними только доходами, не трогая приносящего их основного имущества (капитала), которое будет находиться в управлении профессиональных управляющих, в виде фидеикомиссарных субституций и т.п. Постепенное и последовательное внедрение этих принципов в практику со временем должно будет убедить отечественных и иностранных инвесторов в том, что российское законодательство предоставляет им *максимум возможностей для создания наиболее удобного (благоприятного) для них договорно-правового режима организации и ведения частной имущественной деятельности*. Если все это соединить с благоприятным налоговым режимом, можно будет говорить о решении задачи создания привлекательного инвестиционного климата в России.

569. **Пределы договорной свободы (общий обзор).** Свобода договора не является безграничной. Главным ее юридическим пределом является *содержание законодательных предписаний* (п. 1, 4 и 5 ст. 421 ГК), действующих в момент заключения договора (п. 1 ст. 422). Договор, условия которого не соответствуют законодательным нормам, является недействительной (оспоримой либо ничтожной, в зависимости от случая) сделкой (ст. 168); следовательно, не является сдел-

кой и не является договором. Кроме того, законодательные предписания устанавливают определенные ситуации, в которых заключение договора (1) *является обязательным*; (2) *запрещается*; (3) происходит *без участия* одной или обеих сторон *в определении содержания* (в выработке условий) *договора*.

1) Из принципа *свободы решения вопроса заключать или не заключать договор с определенным лицом* могут быть сделаны исключения в виде возложения на конкретное лицо или лиц-субъектов определенного рода (вида) обязанности заключения известных видов договоров с определенными (или определимыми) лицами. Такая обязанность может предусматриваться только *законом* (см., например, об обязанности заключения так называемые *публичные договоры*, предусмотренные п. 3 ст. 426 ГК) или *добровольно принятым* обязательством (п. 1 ст. 421 ГК), например, из *предварительного договора* (ст. 429 ГК) или из *участия в торгах* (ст. 448). Планируется дополнить ГК новой ст. 429.2, предусматривающей понятие *опционного договора* — еще одного специфического основания возникновения обязательства по заключению договора в будущем.

Нужно обратить внимание, что характеризуемое ограничение данного аспекта договорной свободы описано в законодательстве, как это легко видеть, с точки зрения частных лиц, *договором еще не связанных*; его можно назвать *минимальной* или *нижней* границей договорной свободы. Но свобода заключения договора не простирается бесконечно в сторону, противоположную ее нижнему пределу — там она тоже имеет границу (*верхнюю* или *максимальную*), которая означает *свободу заключения договоров, изменяющих или расторгающих существующие* (*заключенные ранее*) *договоры*. И с этой стороны свобода в решении вопроса заключать или не заключать (изменять или не изменять, прекращать или не прекращать) договор имеет предел: законом или добровольно принятыми обязательствами могут быть предусмотрены случаи изменения и прекращения договоров *не взирая на намерение* (*или даже вопреки намерению*) *кого-либо из участников*.

2) Из принципа *свободы договорного творчества* законодательство, пожалуй, не делает каких-то генеральных исключений. С известной долей условности ими можно было бы считать правила п. 2 ст. 170 (о ничтожности прикрывающей сделки и применении правил о сделке прикрываемой) и п. 1 ст. 426 ГК (об обязанности заключить именно тот договор, что направлен на обслуживание известного рода коммерческой деятельности, ориентированной на публику — розничной купли-продажи, энергоснабжения, проката, бытового заказа, перевозки пассажиров и багажа и др.). Но оба этих правила вытекают из предшествующей деятельности частных лиц, поэтому вряд ли правильно видеть в них собственно законодательные ограничения. Кроме того, подп. 3 п. 2 ст. 45 НК позволяет исчислять и взыскивать налоговые платежи исходя не из тех договоров, которыми стороны оформили свои взаимоотношения, а из представлений налоговых органов о том, договором какого типа эти отношения должны быть

оформлены. Но поскольку никакого гражданско-правового влияния такая «переквалификация» не имеет, то и в этой норме вряд ли возможно увидеть ограничение принципа свободы договорного творчества.

Существуют, однако, законодательные *разрешения и запрещения заключать договоры определенных типов*, обусловленные *исключительностью известной деятельности* и адресованные *лицам, занимающимся такой деятельностью*. В основном речь идет о банковской и страховой деятельности[233], а также некоторых видах профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг.

3) Принцип *свободы в определении содержания договора* терпит целый ряд исключений, во-первых, в многочисленных *императивных нормах* законов или иных правовых актов, прямо предусматривающих то, каким может (или, наоборот, не может) быть содержание известного договорного условия (п. 4 ст. 421 ГК), в том числе в нормах, составляющих содержание так называемых *типовых договоров* (п. 4 ст. 426), а во-вторых, в договорах, заключаемых посредством принятия одной стороной стандартных договорных условий, выработанных контрагентом — так называемых *договорах присоединения* (ст. 428 ГК). Кроме того, как уже отмечалось выше, де-факто расцениваются судами как недопустимые любые условия договоров, не находящие опоры в законодательных нормах о договорах соответствующего типа.

570. **Публичный договор. Обязательные для заключения договоры, не являющиеся публичными.** *Публичным* признается договор, заключенный с коммерческой организацией (шире — с любым лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность «на публике» — так называемым *общественным предприятием*) и устанавливающий ее обязанности по продаже товаров, выполнению работ или оказанию услуг, которые такая организация по характеру своей деятельности должна осуществлять в отношении каждого, кто к ней обратится — розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п. (п. 1 ст. 426 ГК). В литературе коммерческие организации, занимающиеся ориентированной на публику деятельностью и оттого «*...подчиненные объективным правопорядком режиму*

---

233 Так, например, гарантом — участником соглашения о выдаче банковской гарантии — может быть *либо кредитная, либо страховая организация* (ст. 368 ГК); кредитором по кредитному договору (договору займа, исполняемому за счет так называемых «чужих денег» или «привлеченных средств») может быть *только кредитная организация* (ст. 819); финансовым агентом по договору финансирования под уступку денежного требования может быть *только коммерческая организация* (ст. 825); принимать вклады и, соответственно, заключать договоры банковского вклада в этом качестве могут *только банки* (п. 1 ст. 835); вести счета и оформлять это договорами банковского счета вправе *только кредитные организации* (п. 4 ст. 845); наконец, страховщиками по договорам страхования могут быть *только специализированные* (*страховые*) *организации* (ст. 938).

обязательности оказания определенных услуг публике»[234], называют *публичными* или *общественными* предприятиями. Общественное предприятие не имеет возможности отказываться или уклоняться от заключения оформляющих его коммерческую деятельность публичных договоров, в том числе оказывая предпочтение (например, устанавливая неодинаковые цены или иные условия для различных категорий потребителей) одному лицу перед другим в отношении заключения такого договора (п. 1 и 2 ст. 426 ГК). Изъятия из этого правила могут быть предусмотрены законом либо иными правовыми актами (таковы, например, законоположения о льготах для отдельных категорий граждан)[235]. Необоснованное уклонение общественного предприятия от заключения обязательного для нее публичного договора является, по общему правилу, основанием для его *судебного понуждения* к заключению такого договора либо для *возмещения вызванных им убытков* (п. 3 ст. 426 ГК).

К числу публичных относятся договоры розничной купли-продажи (ст. 492), проката (ст. 626), энергоснабжения (ст. 539), бытового подряда (ст. 730), перевозки транспортом общего пользования (ст. 789), банковского вклада с гражданином (ст. 834), хранения товаров на складе общего пользования (ст. 908) и в камерах транспортных организаций (ст. 923), личного страхования (ст. 927), об оказании возмездных услуг (гл. 39) — гостиничных, туристических, медицинских, связи и т.п.[236]

Особое положение занимают публичные договоры, заключаемые посредством акцепта (принятия) так называемой *публичной оферты* (п. 2 ст. 437 ГК). Уклониться от их заключения попросту *невозможно*, ибо такие публичные договоры считаются заключенными *с момента принятия потребителем публичной оферты, безотносительно к возражениям или иным противодействующим актам общественного предприятия*. Оттеняя эту специфику, их следовало бы назвать не просто обязательными, но *неизбежными* для заключения.

От публичных договоров следует отличать иные договоры, которые, подобно публичным, обязательны для заключения, но публич-

234 *Агарков М. М.* Юридическая природа железнодорожной перевозки // Право и жизнь. 1922. № 2. С. 31.

235 Проектом Федерального закона № 47538–6 п. 2 ст. 426 ГК предполагается изложить в следующей редакции: «В публичном договоре *цена* товаров, работ или услуг должна быть одинаковой *для потребителей соответствующей категории*. Иные условия публичного договора *не могут устанавливаться исходя из преимуществ отдельных потребителей или оказания им предпочтения*, за исключением случаев, когда законом или иными правовыми актами допускается предоставление льгот отдельным категориям потребителей». То есть намечается сделать существенное отступление от существующего ныне принципа единства всех условий для всех потребителей — последних предлагается делить на определенные категории, причем, в отношении условия о цене такое деление может быть произведено самим общественным предприятием, безотносительно к закону.

236 Так, например, судебная практика высказалась за признание публичным договора об оказании услуг по водоснабжению и отведению сточных вод (см. постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.11.1996 № 1435/96).

ными все-таки не являются. Все публичные договоры обязательны для заключения, но не все договоры, обязательные для заключения — публичные. Общие положения о порядке заключения таких договоров и последствиях его несоблюдения содержатся в ст. 445 ГК. Примерами случаев нормативного возложения *обязанности заключения на определенное лицо договора, не являющегося публичным*, могут считаться договоры поставки или подряда для государственных нужд (п. 5 ст. 528, ст. 765); социального найма жилого помещения (п. 2 ст. 672); банковского счета (п. 2 ст. 846); договоры о выполнении оборонного заказа (ст. 11 Федерального закона от 27.12.1995 № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе») и мобилизационных заданий (заказов) (ст. 9 Федерального закона от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации»); договоры с участием лиц, занимающих доминирующее положение на рынке определенных товаров или услуг (ст. 10, 11 Федерального закона о защите конкуренции) и др.

Следует обратить внимание на то, что *судебное понуждение к заключению* публичного ли или иного *договора*, по какой-либо причине обязательного для заключения (см. нормы абз. 2 п. 3 ст. 426 и п. 5 ст. 429 ГК, отсылающие к п. 4 ст. 445, а также абз. 2 п. 5 ст. 448 ГК, содержащий по сути то же правило, что и п. 4 ст. 445), выражается в принятии *решения, обязывающего соответствующее лицо заключить договор*; кроме того, суд может урегулировать разногласия по договорным условиям, если таковые наличествуют (ст. 446). Важно то, что само по себе вступление в законную силу судебного акта, понуждающего к заключению договора, еще не означает, что такой договор действительно заключен. Судебное решение о заключении договора само по себе *не создает договора*, а значит, *не отменяет необходимости его заключения*; при известной степени упорства ответчика в неисполнении *такого* судебного акта договор так никогда и не будет заключен, несмотря на его обязательность, а значит, и те правовые последствия, на которые рассчитывал истец, так никогда и не будут созданы. Вряд ли такой подход заслуживает уважения. Было бы вполне логичным признать, что *обязательный для заключения договор может быть заменен* (при уклонении стороны, обязанной к его заключению, от такового) *вступившим в законную силу судебным актом о его заключении*. Договор, обязательный для заключения только юридически, должен быть еще и фактически обязательным (или юридически *неизбежным*). Именно такую, кстати сказать, *преобразовательную* (т.е. значительно более эффективную и продуктивную), роль играет судебный акт в деле изменения и расторжения договоров (см. п. 3 ст. 453 ГК), а также в деле признания таковых недействительными (п. 1 ст. 166, п. 1 и 3 ст. 167 ГК).

571. **Типовые договоры. Рамочные договоры.** *Типовые договоры* представляют собой разновидность нормативных актов, которые издаются Правительством РФ в случаях, предусмотренных законом, по вопросам о заключении и исполнении публичных договоров. Практика показывает, что нормативные акты в виде Типовых договоров издаются отнюдь не только Правительством РФ и отнюдь не только по тем договорам, которые относятся к категории публич-

ных. Типовой договор содержит основные условия договора определенного типа, возведенные в ранг *нормативно обязательных*, т.е. представляет собой результат компромисса между стремлениями обеспечить единообразие в регулировании общественных отношений и сохранить в то же время возможность приспособления этого регулирования к конкретным жизненным ситуациям. Для сторон каждого из договоров, соответствующего типовому, последний имеет силу нормативного акта — *обязательную юридическую силу*. Условия конкретного договора соответствующего типа должны соответствовать условиям договора типового. Иные условия конкретного договора не должны противоречить условиям договора типового.

Примерами важнейших для гражданского права документов рассмотренного вида могут служить типовые договоры 1) социального и специализированного *найма жилых помещений*, утвержденные постановлениями Правительства РФ от 21.05.2005 № 315 и от 26.01.2006 № 42 (см. также распоряжение Минстроя России от 10.03.1997 № 17); 2) *купли-продажи земельных участков* (приказ Роскомзема от 02.06.1993 № 1—16/770 (общая форма); приказ Роскомзема от 10.08.1992 № 5—10/2125 и распоряжение Госкомимущества России от 11.08.1992 № ПМ-9/5132 (при приватизации)); 3) *дарения и мены земельных участков* (приказ Роскомзема от 19.10.1994 № 2—16/1629); 4) *долгосрочных поставок угля* и продуктов его переработки (приказ Минтопэнерго России от 24.03.1997 № 86); 5) *поставки и отпуска драгоценных металлов* (приказы Гохрана России от 18.02.1997 № 44, от 04.04.1997 № 78 и от 12.05.2003 № 131); 6) *аренды* государственного имущества морских портов (письмо Госкомимущества России от 03.10.1995 № ОК-36/8284); 7) о выполнении работ по авиационной охране лесов (письмо Минприроды России от 03.03.2004 № 38—54/1572); 8) об оказании *услуг специализированных депозитариев* пенсионным фондам и *услуг доверительных управляющих* средствами пенсионных накоплений (приказ Минфина России от 05.11.2009 № 113н); 9) об *управлении* пакетами акций (распоряжение Госкомимущества России от 19.11.1993 № 1983-р); 10) об обязательном *пенсионном страховании* (приказ Минтруда России от 03.06.2013 № 238н); 11) о полной *материальной ответственности* (постановления Правительства РФ от 14.11.2002 № 823 и Минтруда России от 31.12.2002 № 85) и др.

Близки к договорам типовым так называемые ***договоры рамочные***. Законопроект № 47538-6 предполагает дополнить Кодекс новой статьей (429.1) об этом договорном типе следующего содержания: «1. Рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. 2. К отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, в том числе в случае неза-

ключения сторонами таких договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре».

Цитированные определения позволяют видеть, что рамочный договор — это *с содержательной точки зрения частный случай договора типового*, с тем только от него отличием, что он имеет не публичное, а частное происхождение. В то время, как типовой договор утверждается Правительством РФ или иным органом публичной власти, договор рамочный заключается частными лицами для применения в их многочисленных, но при том однотипных отношениях друг с другом. Таковы, например, договоры, определяющие общие условия поставок (отгрузок) товаров определенного рода (вида, типа) одним контрагентом другому: нет никакой надобности заключать всякий раз отдельный договор на поставку каждой конкретной партии — достаточно заключить один общий (генеральный, рамочный) договор, который будет относиться в равной степени ко всем поставкам, подпадающим под описанные в нем родовые признаки. На индивидуальное согласование будут отнесены условия о наименовании, количестве, цене, сроке и адресе отгрузки конкретных партий — во всем остальном отношения по каждой конкретной поставке (отгрузке) будут подчиняться нормам рамочного договора — они во всем своем полном объеме будут считаться инкорпорированными в каждый договор о конкретной поставке (отгрузке). Подобное же значение имеют многочисленные правила совершения отдельных видов хозяйственных операций, например, банковских или страховых, с тем, конечно, отличием, что такие договоры будут подчиняться еще и правилам о contrat dadhésion (см. далее).

Разумеется, ничто не мешает сторонам согласовать и какие-то *особенные* — отступающие от общих правил рамочного договора — *условия для каждой конкретной хозяйственной операции* (например, той же поставки). Как нормы специальные они будут иметь приоритет над нормами общими. В этом — еще одно отличие рамочных договоров от типовых, отступление от положений которых невозможно.

572. **Примерные условия договоров.** В отличие от норм типовых договоров нормы договоров *примерных* (так называемые примерные условия договоров — ст. 427 ГК) не носят *нормативного* характера, не исключая и тех случаев, когда они утверждаются нормативными правовыми актами. Таковые рассматриваются и подлежат применению как условия того или иного *конкретного* договора лишь в случае, когда в нем прямо предусмотрено, что его отдельные условия определяются теми или иными примерными условиями, разработанными для договоров соответствующего вида и опубликованными в печати. Иными словами, нормы примерных договоров — это нормы, имеющие статус *деловых обыкновений*, т.е. применяющиеся лишь тогда, когда об этом достигнуто соответствующее соглашение. В иных случаях примерные условия применяются к договору как нормы *обычаев*; разумеется, эти нормы должны соответствовать ст. 5 ГК и могут применяться только субсидиарно, т.е. при условии, что

соответствующие вопросы не урегулированы иначе в самом договоре (п. 5 ст. 421).

Среди данных форм следует, в частности, назвать примерные договоры 1) *купли-продажи, безвозмездного срочного пользования и аренды земельных участков* (распоряжение Минимущества России от 02.09.2002 № 3070-р); 2) *аренды некоторых специальных видов земельных участков* (см. приказы Минэкономразвития России от 12.04.2006 № 95, от 22.07.2006 № 197, от 14.04.2009 № 127, распоряжение Росимущества от 06.07.2004 № 104-р); 3) *финансового лизинга* (приказ Минэкономики России от 29.12.1995); 4) на *переработку* имущества (приказ Росимущества от 12.01.2009 № 2); 5) *на управление делами* ликвидируемого предприятия (распоряжение Госкомимущества России от 27.07.1995 № 1018-р); 6) на оказание экспертных услуг (приказы Роснауки от 27.10.2005 № 162, Минобрнауки России от 09.12.2005 № 307, ФНС России от 11.12.2006 № САЭ-3–15/842@ и Рособрнадзора от 18.12.2006 № 2637); 7) об оказании услуг в сфере общего и профессионального образования (приказы Минобрнауки России от 21.11.2013 № 1267 и от 09.12.2013 № 1315); 8) на представление интересов государства в органах управления акционерных обществ (постановление Правительства РФ от 21.05.1996 № 625); 9) поручительства (приказ ФТС России от 19.10.2011 № 2140); 10) о передаче прав на единые технологии и о выполнении работ по их доведению до стадии практического применения (постановление Правительства РФ от 31.10.2009 № 880).

573. **Договор присоединения (contrat dadhésion). Продиктованные договоры (diktierter Vertrag)**. В отличие от классического договора, содержание которого *согласуется при непосредственном участии обеих сторон, условия договора присоединения вырабатываются только одной из договаривающихся сторон*, действующей, как правило, в качестве предпринимателя, облекающего эти условия в стандартные письменные формы (формуляры) и предлагающего другой стороне либо заключить договор «путем присоединения» к этим условиям, либо вовсе отказаться от его заключения. Ясно, что другая сторона (обычно, это потребитель) лишается возможности обсуждать условия будущего договора и может лишь *подписать предложенный формуляр*, тем самым *полностью и безоговорочного присоединившись к договору на тех условиях, которые были выработаны единолично ее контрагентом* (п. 1 ст. 428 ГК), включая те, которые ее не устраивают и на которые она *вынуждена* соглашаться как на *неизбежную* (навязанную ей) дополнительную «юридическую нагрузку». *Специфическая техника заключения* — вот, что отличает модель (конструкцию) договора присоединения с внешней стороны и заложенное в нее *заведомое несоответствие содержания договора воле присоединившегося к нему контрагента* со стороны внутренней.

Per dadhésion могут быть заключены практически любые договоры (не обязательно только публичные).

Поскольку условия «нормального», классического договора согласовываются всеми его участниками, а условия договора присоединения — нет, законодательство устанавливает дополнительные гарантии прав стороны, которая была лишена возможности участвовать в согласовании договорных условий (присоединившейся стороны). Именно: присоединившаяся сторона вправе потребовать *расторжения или изменения договора*, если он (1) лишает эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида; (2) исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо (3) содержит другие явно обременительные для присоединившейся стороны условия, которые она, исходя из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора (п. 2 ст. 429). В случае удовлетворения судом требования присоединившейся стороны об изменении договора присоединения следует, судя по всему, полагать, что такой договор *всегда действовал в измененной редакции*, а при удовлетворении требования о расторжении — то, что договор с момента его заключения *никогда не действовал вообще*. Планируется, что данный принцип будет возведен в ранг законоположения — абз. 2 п. 2 ст. 428 ГК, хотя и не безусловно — с оговоркой о возможности установления «иного» законом или по существу обязательства.

Думается, что в том случае, когда присоединившейся стороной является гражданин, за ним следует признать возможность *частичного оспаривания положений такого договора* как условий, на которые он согласился будучи *введенным в заблуждение* стороной-разработчиком формуляра (ст. 178 ГК). В качестве обстоятельств, указывающих на введение гражданина в заблуждение, должны рассматриваться 1) пространные (многословные) или неоправданно детализированные формулировки договора, 2) наличие отсылок к различного рода односторонним внутренним документам (положениям, правилам и т.д.) стороны, предложившей формуляр, 3) мелкий (иногда читаемый только с помощью лупы) шрифт, которым этот формуляр напечатан, 4) употребление в нем сложных (для среднего гражданина) языковых и юридических терминов, усложненных грамматических конструкций и т.п., словом, все те факторы, которые уже давно стали традициями изготовления и применения стандартных договорных формуляров.

Договоры присоединения являются видом так называемых *продиктованных договоров*, т.е. *договоров, условия которых, заведомо более* (*против обычных*) *выгодные для себя, один контрагент смог навязать* (*продиктовать*) *другому*, вынужденному (например, вследствие стечения тяжелых обстоятельств, нужды, болезни, неопытности, стеснительности, исключительного (доминирующего или естественно-монопольного) положения контрагента и т.п.) согласиться на таковые. К сожалению, если навязывание заведомо убыточных договорных условий не было связано с технологией присоединения

к стандартным формулярам, а произошло в процессе переговоров (позволяющем, как считается, *каждой* из сторон принять *одинаковое* участие в написании параграфов будущего договора), то сторона, хотя бы и пострадавшая от продиктованных (навязанных) ей договорных условий, каких-либо особых правовых средств защиты своих интересов не получает[237]. С введением таких средств *как общего правила*, возможно, и правда не следует торопиться. Тем не менее, думается, что гарантии прав, установленные ст. 428 ГК для сторон, присоединяющихся к договорным формулярам, могли быть распространены на *все* договорные условия, продиктованные такими, к примеру, «контрагентами», как естественные монополии, государственные корпорации, акционерные общества с государственным участием, унитарные предприятия и публичные учреждения, кредитные, страховые и иные финансовые организации, а быть может, также и хозяйствующие субъекты, занимающие доминирующее положение на рынке товара, являющегося предметом продиктованного договора. Это наше предложение, прозвучавшее в предыдущем издании Учебника, нашло отклик у разработчиков изменений и дополнений к ГК: планируется (законопроектом № 47538-6), что п. 3 ст. 428 ГК в новой редакции распространит правила о договоре присоединения также на случаи, «...когда при заключении договора, не являющегося договором присоединения, условия договора определены одной из сторон, а другая сторона поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора».

574. **Предварительный договор (pactum de contrahendo). Опционный договор.** По *предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор* о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) *на определенных условиях* (п. 1 ст. 429 ГК). Предварительный договор и является согласно ГК одним из юридических фактов — оснований возникновения «добровольно принятых обязательств» заключить договор. Предварительный договор является частным случаем более широкого понятия — ***опционного договора***, нашему законодательству *пока* (!) неизвестного. Из п. 1, 2 и 7 проектируемой ст. 429.2 ГК ясно, что опционным договором (опционом, соглашением или условием об опционе) называется либо самостоятельный договор, либо особое условие другого договора, в силу которого «...одна сторона по-средством безотзывной оферты предоставляет другой стороне безусловное право заключить договор на условиях, предусмотренных опционом. — Опцион предоставляется *за плату или иное встречное предоставление* либо безвозмездно, если выдача опциона обусловлена иным охраняемым законом интересом, вытекающим из отношений сторон. — В течение всего срока действия опциона [или — если такой срок не установлен — одного года, либо срока иной продолжи-

237 Исключение составляет договор, подпадающий под признаки *кабальной сделки* (ст. 179 ГК).

тельности, вытекающей из существа договора или обычаев| другая сторона вправе заключить договор путем акцепта такой оферты в порядке и на условиях, предусмотренных опционом». Видно, что предварительный договор — это такой опцион, *каждая из сторон которого предоставляет другой стороне право потребовать заключения основного договора*, или (еще иначе) опцион, *встречным удовлетворением по которому являются взаимные обещания заключения основного договора по требованию другой стороны*. Всякий опционный договор (а, следовательно, и предварительный) зависит от основного договора в части своего содержания (п. 4 ст. 429.2) и формы (п. 5 той же проектируемой статьи); права по нему не являются строго личными, т.е. «...могут быть уступлены другому лицу, если иное не предусмотрено опционным договором или не вытекает из его существа» (п. 6 ст. 429.2).

Принято считать, что обязательством заключить договор *стесняется договорная свобода*. Поскольку она относится к числу элементов *гражданской правоспособности*, делается вывод о том, что обязательство заключить договор может возникать только из тех оснований, которые *прямо предусмотрены законом*, и что судебно-арбитражная практика должна предъявлять *весьма жесткие требования* к предварительному договору, как одному из таких оснований. Кроме того, частное стеснение гражданской правоспособности не может быть неопределенно долгим. По этой причине обязательство из предварительного договора ограничено в своем существовании *сроком разрешения отменительного условия — принятия мер к заключению основного договора*. Продолжительность данного срока определяется сторонами предварительного договора либо составляет один год (п. 4 ст. 429 ГК). Если в продолжение этого времени ни одна из сторон не направит другой предложение заключить основной договор, обязательства из предварительного договора прекращаются (п. 6 указанной статьи).

Согласно нашему законодательству возможно заключение только лишь такого предварительного договора, который предполагает установление *взаимных обязательств* по заключению основного договора. Ограничение договорной свободы одного контрагента как бы «обменивается» на встречное по направленности и идентичное по модулю ограничение договорной свободы другого контрагента. Ограничение договорной свободы с помощью предварительного договора по иному основанию (хотя бы за плату или иное встречное имущественное предоставление[238]), следовательно, de lege lata Russica, *недопустимо*. Договор, устанавливающий для одной стороны *только обязанность* заключить основной договор (но не дающий права потребовать его заключения от другой стороны), а для этой последней — *только право потребовать* заключения основного договора (но не возлагающего на нее обязанности таковой заключить, если того потребует контр-

238 Включая право потребовать заключения какого-нибудь другого (иного, чем тот, что он обязался заключить сам) договора.

агент), хотя и прямо не исключен нашим законодательством, должен быть признан *не соответствующим требованиям ст. 429 ГК*, если только возможность его заключения не будет предусмотрена какой-нибудь специальной нормой.

Конечно, доктринальное понятие предварительного договора значительно шире. Оно охватывает собой *как договоры взаимные* (т.е. такие, в которых каждая сторона может требовать заключения основного договора от другой и в то же время сама обязана его заключить по требованию контрагента), *так и односторонне обязывающие предварительные договоры*. Этот взгляд основан на несколько иной оценке юридических последствий предварительного договора, согласно которой его заключение не приводит к стеснению договорной свободы (умалению гражданской правоспособности), но является *актом ее реализации* — точно таким же, каким является совершение всякого вообще юридического акта. «...В этом нет отрицания договорной свободы, так как в подобного рода случаях она уже использована при заключении предварительного договора, и в дальнейшем речь идет лишь о его исполнении»[239]. Ниже (см. последний абзац настоящего пункта Учебника) мы увидим, что именно такая оценка *обязательственного* предварительного договора является правильной и что для того, чтобы умалять гражданскую правоспособность, предварительный договор должен был бы создавать не обязательства, а совсем другие юридические последствия. Тем не менее без соответствующего изменения отечественного законодательства *односторонне обязывающий предварительный договор как общее правило может быть признан исключительно категорией цивилистической науки*, но отнюдь не пригодным к практическому применению гражданско-правовым инструментом.

Нормы п. 2 и 3 ст. 429 ГК провозглашают принципы *зависимости формы и содержания предварительного договора от формы и содержания договора основного*. Предварительный договор должен содержать все существенные условия основного договора либо описывать порядок их определения. В случае, если в предварительном договоре сказано, что по тем или иным условиям основного договора стороны еще должны будут достигнуть соглашения, то разногласия по этим условиям в случае их возникновения могут быть разрешены в судебном порядке (ст. 446 ГК). Что же касается зависимости в части формы, то она простирается еще дальше и на практике выливается в требование *простой письменной формы для всякого предварительного договора*, причем, под страхом недействительности в случае ее несоблюдения (п. 2 ст. 429).

Необходимость нормативного признания конструкции предварительного договора как договора, устанавливающего *обязательство* заключить основной договор, вот уже для нескольких поколений ученых служит поводом к сомнениям[240]. Выше* уже говорилось о том,

*см. п. 570

239 *Новицкий И. Б.* Очерки гражданского права : материалы к курсу лекций (Пособие для слушателей автора). II. Обязательственное право. А. Общие понятия. М., 1921. С. 42.

240 Краткий обзор аргументов «за» и «против» предварительного договора — см. в указ. статье М. М. Агаркова (С. 37–39).

что судебное понуждение к заключению договора (в том числе — на основании обязательства, созданного договором предварительным) практически сводится к судебному акту (решению), которое лишь *констатирует наличие обязанности ответчика заключить известный договор*, но само по себе договора *не создает и не заменяет*. Говоря процессуальным языком, иск о понуждении к заключению договора относится к разряду *исков о признании*. Такой подход был назван нами нелогичным и неэффективным, а потому и не заслуживающим уважения. Иск о понуждении к заключению договора был бы значительно более сильным, если бы принадлежал к категории исков *преобразовательных* — решение по такому иску могло бы *заменить* собой волеизъявление со стороны ответчика, сделав вступление последнего в договор не просто обязательным, но *неизбежным*.

Допустив возможность и показав справедливость такого подхода в общем случае, мы (в нашей более частной ситуации с предварительным договором) должны пойти еще дальше, а именно признать, что *с момента изъявления одной из его сторон воли на заключение основного договора* (точнее — с момента ее восприятия другой стороной) *основной договор весьма целесообразно считать заключенным, причем, безотносительно к согласию второй стороны*. Иными словами, предварительный договор является куда более эффективным тогда, когда он ставит своих участников в состояние *связанности* (односторонней или взаимной), аналогичное тому, что создается получением оферты, обеспечивающей отнюдь не обязательственное право «требовать заключения основного договора», а *секундарное право одной или обеих сторон своими собственными действиями такой договор создать, невзирая на согласие или несогласие другой стороны*. Именно в этом своем виде предварительный договор может (и должен) привлекать к себе законодательное внимание не только по причине своей значительно большей практической результативности, но и потому, что только в этом виде он и является той самой сделкой, злоупотребления которой так опасается законодатель — сделкой, направленной на стеснение договорной свободы как элемента гражданской правоспособности.

§ 3. Содержание и форма договоров (п. 575—581)

575. **Содержание (условия) договора.** *Содержанием договора* называются определенные законом (шире — источниками гражданского права) и согласованные его сторонами условия (нормы, правила, параграфы, статьи, пункты), определяющие права и обязанности лиц, от имени и в пользу которых данный договор заключен. Условия договора, предусмотренные *императивными* нормами законодательства, считаются инкорпорированными в каждый договор соответствующего типа, независимо от того, предусмотрены ли они данным конкретным договором или нет. В большинстве случаев за-

конодатель ограничивает свое регулирование договорных отношений *диспозитивными* (восполняющими) нормами, задача которых, как известно, восполнить недостаток договоренности сторон по тому или иному вопросу. Условия договора, следовательно, определяются содержанием диспозитивных норм только тогда, когда стороны своим соглашением не установили иное. Наконец, аспекты общественных отношений, вовсе не урегулированные ни в законе, ни в иных источниках гражданского права, могут получить юридическое значение лишь только при их *прямом договорном регулировании*.

Конечно же, имея в виду, что договор — это сделка, а сделка — это действие, словосочетания «содержание договора» (содержание действия) и тем более «условия договора» (условия действия) вряд ли можно считать приемлемыми. Тем не менее мы установили, что как сделка, так и договор — это такие термины, которые обозначают не столько действие как процесс, сколько действие как юридически значимый результат процесса. Договор — это не просто действие (деятельность сторон по достижению соглашения), а результат такого действия, т.е. *уже достигнутое и воспринятое сторонами соглашение о правах и обязанностях*. В этом смысле выражение «условия договора» (условия соглашения) выглядит вполне удовлетворительным.

Понятие об *условиях договора* не должно быть смешиваемо с понятием условия в сделке в смысле осложняющего сделку субсидиарного элемента*. В первом случае идет речь об элементе содержания договора; во втором — об одном таком элементе, от которого зависит наступление или прекращение основных юридических последствий сделки. Памятуя об этом, и в обычной устной речи, и в произведениях печати желательно проводить более яркое терминологическое различие, говоря, скажем, не об условии в сделке, а о *сделках, заключенных под условием, условных сделках*, противопоставляя этому понятию *условия договора*.

*см. п. 555

576. **Проблема разграничения условий договоров (договорных типов) на существенные, обычные и случайные.** В доктрине гражданского права условия договоров принято подразделять на *существенные, обычные* и *случайные*[241]. Вместе с тем между учеными нет согласия в том, какие именно договорные условия следует считать существенными, какие — обычными, какие — случайными. Больше того, взгляды большинства авторов, пишущих по этому вопросу, отличаются внутренней противоречивостью[242], что является, судя

241 См., например: *Новицкий И. Б., Луиц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 148—149.

242 Так, например, в третьем издании учебника «Гражданское право» под ред. Е. А. Суханова (Т. III. М., 2006. С. 188—193) хотя и рассказывается о существовании (наряду с условиями существенными) также условий обычных и случайных, тем не менее утверждается, что «...случайные условия договора, будучи предложенными для согласования одной из сторон, всегда поэтому являются существенными (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК), а обычные либо становятся таковыми..., либо вообще не согласуются сторонами. ➲

по всему, следствием слепого копирования позиции законодателя, которая также не отличается особой последовательностью[243].

Отмеченные недостатки легко устраняются, если предварительно определиться, в каком же значении мы употребляем слово «договор», когда говорим об «условиях *договора*».

Одно дело — рассуждать об условиях *какого-нибудь данного, конкретного, уже заключенного* (*подписанного*) *договора* (например, купли-продажи известной вещи между продавцом А и покупателем Б). Все его условия, в том числе самые экзотические, конечно, будут *существенными* в том смысле, что было бы иначе (никто из сторон не посчитал их существенными) — так о них просто и не стали бы договариваться.

Совсем иначе будет обстоять дело, если мы станем обсуждать *условия договора известного типа как такового* (например, договора купли-продажи вообще), т.е. вопрос об *условиях, необходимых* для того, чтобы констатировать, что перед нами — *договор именно данного типа* (купли-продажи, например), а не какой-нибудь другой. Здесь *существенными* будут только те самые *минимальные пункты, без договоренности по которым о договорном типе просто нельзя будет судить*. Иными словами, выделение среди договорных условий условий существенных имеет смысл только применительно *к договорам как таковым* (договорным типам), но не к конкретным единичным договорам[244].

В соответствии со сказанным получаем следующее разграничение.

➲ В связи с этим законодательство не использует понятия обычных и случайных условий» (С. 191), или (как было прямо заявлено ранее на с. 189) «...существенными по сути становятся все *условия, содержащиеся в конкретном договоре*, ибо их наличие и содержание являются результатом взаимного согласования воль его участников». Но если все условия договора являются существенными, то в чем же смысл классификации условий договора на существенные и иные, им противопоставляемые? Зачем нужен сам термин, «*существенные* условия», разве недостаточно сказать просто об *условиях* договора, подразделяемых на обычные (предусмотренные законом) и случайные (инициативные)?

243 Согласно абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК существенными являются условия о (1) предмете договора, (2) условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также (3) *все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение*. Такая трактовка приводит к неизбежному выводу о том, что во всяком конкретном (заключенном) договоре к числу существенных относятся ... *все условия без какого бы то ни было исключения*, поскольку каждое из них было включено в договор по инициативе (заявлению) какой-то из сторон. Она не только ставит под вопрос смысл классификации, в самой же этой норме приведенной, но и вряд ли совмещается со ст. 180 ГК, дающей возможность устанавливать недействительность не всей сделки в целом, но лишь ее части, «...если можно предположить, что сделка была бы совершена и без включения недействительной ее части». В самом деле: если *в любом* конкретном договоре существенными являются *все* условия, то ст. 180 к договорам никогда не может быть применена, ибо просто не будет таких договоров, которые позволяли бы предположить возможность своего совершения хотя бы без какого-нибудь одного своего *существенного* условия.

244 Тот накал страстей по проблеме разделения договорных условий на существенные, обычные и случайные, который характеризует нашу юридическую литературу, свидетельствует, конечно, о преданию полнейшему забвению такого аспекта проявления принципа свободы договора, как свобода в выборе договорного типа (модели).➲

577. **Существенные условия.** Существенными называются условия, без согласования или при отпадении которых договор соответствующего типа нельзя считать наличествующим (заключенным). Наличие и действительность соглашения по существенным условиям является фактором, абсолютно необходимым для того, чтобы говорить о наличности и действительности конкретного договора как договора известного типа. Отмена сторонами своего соглашения по какому-нибудь существенному условию, его недействительность или отпадение по какому-либо иному основанию делает недействительным весь договор в целом.

К существенным условиям *любого* договора относится (1) *условие о его предмете* (п. 1 ст. 432 ГК), включающее его (а) *наименование*, (б) *количественные* и (в необходимых случаях, определяемых существом предмета) (в) *содержательные* (качественные) *характеристики*. Кроме того, к числу существенных условий *договоров отдельных видов* относятся (2) условия, которые *прямо названы* в нормах закона или иного правового акта «...существенными или необходимыми *для договоров данного вида*» (курсив наш. — *В. Б.*). Таково, в частности, условие о цене, которое является существенным в договорах купли-продажи в рассрочку (п. 1 ст. 489 ГК); продажи недвижимости, в том числе и предприятия (п. 2 ст. 549, п. 1 ст. 555); ренты, предусматривающих передачу под выплату ренты недвижимого имущества за плату (п. 2 ст. 585); аренды здания или сооружения, а также аренды предприятия (п. 2 ст. 650, п. 1 ст. 654).

Что же касается нормы последнего абзаца п. 1 ст. 432 ГК — об «...условиях, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение», — то таковая нами здесь не анализируется, ибо трактует она, как уже говорилось, не об условиях, существенных для договора известного типа (договора вообще), а об условиях *конкретных договоров*, т.е. о совершенно другом понятии.

➲в соответствии с которой будет заключаться тот или иной конкретный договор и, в частности, возможности заключения *договоров, не предусмотренных законодательными актами*. В условиях, когда закон позволяет заключать *любые договоры*, в том числе *не предусмотренные нормативными актами*, вовсе нет надобности прилагать массу усилий в стремлении подвести всякий конкретный договор под какой-нибудь договорный тип, известный закону; тем более нет никаких оснований констатировать «незаключенность» конкретного договора только потому, что он не вполне укладывается в какую-нибудь предусмотренную законом модель. Так, договор о передаче в собственность за деньги каких-нибудь вещей (состав и количество которых стороны должны будут определить в будущем), не подпадает, конечно, под признаки договора купли-продажи, ибо не содержит договоренности по существенному условию (условию о предмете). Однако признать его «незаключенным», как это делает наша судебно-арбитражная практика — значит пойти против факта: что значит «договор не заключен», если он *на самом деле заключен* (составлен и подписан)? Другое дело, что к нему не следует применять правила о договоре купли-продажи, что не был заключен договор ***купли-продажи*** — это, конечно, верно, но это и все. Вывод о том, что не было заключено ***вовсе никакого договора***, не имеет ничего общего с действительностью. К сожалению, эта позиция судебной практики грозит в скором времени стать еще и позицией законодателя; подробнее об этом см. ниже (п. 581 Учебника).

578. **Обычные условия.** *Обычными* называются такие условия, которые столь же необходимы для существования договора определенного типа, сколь и существенные, но недостаток соглашения по которым на факт наличия и на юридическую силу конкретного договора не влияют. Причина такого странного, на первый взгляд, явления, довольно проста: *содержание обычных условий предусматривается нормами законодательства или иных правовых актов.* Иногда эти нормы являются *императивными* — в этих случаях соглашение сторон (даже будучи достигнутым), не возымеет никакого юридического значения. Но много чаще речь идет об условиях, предусматриваемых *диспозитивными* нормами. Их правила подлежат применению к отношениям из конкретного договора в субсидиарном (восполнительном) порядке, т.е. только в том случае, если договоренность по соответствующему вопросу самими сторонами не была достигнута.

Классическим примером обычного договорного условия является условие возмездных договоров о встречном удовлетворении — цене. По общему правилу, «...если в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги» (п. 3 ст. 424 ГК). Как мы уже говорили*, верным внешним признаком диспозитивной нормы является формулировка типа «*...если иное не предусмотрено ...*»; здесь нас интересуют нормы, позволяющие предусматривать регулирование «иное», чем содержащееся в законе, *договором*, *соглашением* сторон, *условиями* сделок и обязательств. Таких норм в ГК довольно много — п. 2 ст. 456, п. 1 и 2 ст. 458, п. 1 ст. 459, ч. 2 ст. 464, п. 1 ст. 466 и др. (читатель сам сможет без труда продолжить этот — не бесконечный, ясное дело, но все же весьма продолжительный перечень).

*см. п. 19, сноска 47

579. **Случайные условия.** Понятие о *случайных* (*инициативных*) *условиях* имеет смысл *только применительно к условиям конкретного договора.* Оно полностью соответствует своему наименованию: достижение договоренности по ним представляет собой реализацию участниками гражданского оборота принципа свободы определения содержания конкретного договора, но (что очень важно) *как договора определенного типа.* Иными словами, случайные условия должны быть такими, чтобы достижение договоренности по ним *не изменяло бы того типа, к которому относится данный конкретный договор.* Купля-продажа со случайными (особыми) условиями должна оставаться куплей-продажей, аренда — арендой, подряд — подрядом и т.д. Отличительная черта случайных условий заключается именно в том, что они могут соединяться с самыми разнообразными договорами, *не оказывая никакого влияния на их гражданско-правовую природу.* Отлагательные и отменительные *условия в сделках* (ст. 157 ГК),

рассмотренные в п. 555 Учебника, — это и есть типичные *случайные* условия.

Так, например, в договоре аренды на арендатора может быть возложена обязанность вносить арендную плату путем ее перечисления *на определенный* (*данный, конкретный и никакой другой!*) *банковский счет*, быть может, даже открытый не на имя арендодателя, а на третье лицо (допустим, потому, что оно является, скажем, кредитором арендодателя). Содержание условия о цене в договоре поставки (условия, которое само по себе относится к категории *обычных*), может, тем не менее, быть поставлено сторонами договора в зависимость от наступления (или ненаступления) определенных обстоятельств (например, объема заказанной покупателем продукции, от условий ее поставки (отгрузки) покупателю, от способа ее последующего использования (для собственных нужд или для перепродажи) и т.д.); условие о подобной зависимости будет *случайным*.

Иногда намек на содержание и характер возможных (вероятных) для договоров того или иного типа случайных условий можно найти в законодательстве. Так, например, п. 2 ст. 824 ГК ненавязчиво «напоминает» участникам гражданского оборота о том, что договором финансирования под уступку денежных требований может быть предусмотрена обязанность финансового агента вести бухгалтерский учет клиента. Впрочем, она может и не предусматриваться. Это означает, что условие о такой обязанности (при его наличии в конкретном договоре) не изменяет договорного типа (не превращает договор факторинга в смешанный или какой-то иной договор), т.е. является *случайным*.

580. **Толкование договора. Прямые и подразумеваемые условия договора.** Прежде применения условий (параграфов, статей, пунктов) договора для регулирования отношения частных лиц, необходимо уяснить заключенный в них смысл. Это означает, что *условия письменных договоров подлежат толкованию* точно так же, как и правовые нормы-предписания, отобранные юристом в качестве материала для конструирования норм-суждений о правах и обязанностях конкретных лиц в конкретной ситуации*. Целью толкования условий договора является *уяснение содержания воли его сторон*. Не некой «действительной воли», оставшейся за пределами договора (о ней как раз речи не идет — ведь она же оставлена (намеренно или нет — другой вопрос) *вне договора*), а именно той воли, которая получила отражение в словах и иных символах, при помощи которых выражено содержание договора. При полном и грамотном выражении сторонами своей воли ее содержание совпадает с буквальным (словесным) ее выражением; но в силу различных причин нередко случается так, что действительная воля договаривающихся сторон, выраженная в тексте договора, *не всегда совпадает с буквальным смыслом этого текста*. Внешними признаками, свидетельствующими о высокой вероятности подобного несовпадения (т.е. о том, что на практике на-

*см. § 4 гл. 4

зывают *неясностью* договора), являются, в частности, (1) различное понимание смысла и содержания условий договора его сторонами; (2) невозможность исполнения договорного условия, понимаемого буквально, либо (3) его необычная (для договоров данного типа) обременительность для какой-либо из сторон, и вообще (4) сама его нестандартность или (5) несоответствие существу договора, другим его условиям или, наконец, (6) неадекватность тем обстоятельствам, в которых договор заключался[245]. Устранение перечисленных неясностей и составляет конечную цель процедуры *толкования договора*.

> Толкование договорных условий осуществляется в соответствии с правилами, которые человек применяет для уяснения смысла любого письменного текста да и всякой вообще речи (высказываний, суждений, умозаключений). Именно поэтому нет, вообще говоря, необходимости закреплять правила толкования договоров в законе — такая попытка была бы равносильна принятию законов о логике и человеческом мышлении[246]. Но вопреки этому — совершенно ясному и очевидному — соображению ст. 431 ГК ... закрепляет такие правила, причем адресованные суду! Это законодательное решение несколько объясняется тем, что он предпочел ограничиться в данном случае обыкновенным описанием и узаконением той практики толкования, которая и так существует (и будет существовать) без его вмешательства.
>
> При толковании условий договора судом принимается во внимание в первую очередь «...буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений», причем «буквальное значение условия договора *в случае его неясности* устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом». Первый шаг представляет собой использование так называемого грамматического или буквального (в узком смысле) толкования; второй — это уже, строго говоря, толкование не совсем буквальное, а скорее, *систематическое*. В принципе, на практике именно так и должно поступать, правда, безотносительно к тому, является ли установленное в ходе буквального толкования значение «ясным» или «неясным» — выше было сказано, что юрист должен ориентироваться на применение *всех* известных ему методов толкования (хуже от этого не будет), по большому счету — независимо от того, насколько достигнутый результат ему лично представляется ясным.
>
> Далее согласно ст. 431 ГК следует прибегнуть к более сложной процедуре — к выяснению «...действительной общей воли сторон» с уче-

---

245 Сказанное не означает, конечно, что при отсутствии любой из перечисленных неясностей задачи толкования ставиться не должно. Толкование нормы как уяснение ее смысла — такая задача, которая решается всякий раз и всяким юристом; другое дело, что в 99,999...% случаев ее выполнения весь арсенал приемов толкования ограничивается толкованием *словесным* или *буквальным*. Оснований к такому самоограничению нет: если результат, полученный в ходе буквального толкования правилен, то применение иных методов толкования только подтвердит его; если же он неправилен, то поможет выявить эту неправильность. В любом случае вреда от применения нескольких методов для толкования одной и той же нормы не будет*.

246 Именно поэтому нет и не может быть «закона о толковании законов».

*см. п. 126

том (1) цели договора (телеологическое толкование) и (2) всех обстоятельств, характеризующих фактические отношения сторон, в том числе «предшествующие договору переговоры и переписка, практика, установившаяся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота и последующее поведение сторон» (реальное толкование). Против такого «набора» приемов толкования и последовательности их применения трудно что-либо возразить, за исключением опять-таки того, что пользоваться ими законодатель позволяет лишь в случае, когда буквальное и систематическое толкование не позволили определить содержание договора. Такое ограничение, не принося никакой пользы, может стать почвой для злоупотреблений со стороны отдельных судей, которые под предлогом того, что им стало «все ясно» уже после толкования буквального либо откажутся применять все иные его методы, либо не станут принимать во внимание полученные с их помощью результаты.

Новейшие акты международной частноправовой унификации не только отталкиваются от иных приоритетов в толковании договора, чем ст. 431 нашего ГК, но и предлагают очень важное дополнение к учению о толковании — разделение условий договоров на *прямые* и *подразумеваемые*. Мало того, что договор должен толковаться ***в соответствии с общим намерением сторон*** (а отнюдь не «буквально» как у нас!) — см. об этом, напр., ст. 4.1 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (PICC), ст. 5:101 Принципов европейского договорного права (принципов Ландо, PECL), ст. II.—8:101 Проекта общей справочной европейской частноправовой системы (DCFR), ст. IV.5.1 Свода принципов, правил и требований нового lex mercatoria (принципов СЕНТРАЛ, TLP), ст. 34 Кодекса европейского контрактного права (ECC) и др. — в его содержании, наряду с *условиями, положительно согласованными и прямо выраженными* (***прямыми***) — предлагается выделять еще и условия подразумеваемые (ст. 5.1.1 PICC, ст. 6:102 PECL, II.—9:101 DCFR, ст. IV.5.1 TLP, ст. 32 ECC и др.). В самом общем виде ***подразумеваемыми*** считаются такие условия договора, применение которых им — исходя из конкретных обстоятельств дела и подлежащего правового регулирования — представлялось делом столь естественным и само собою разумеющимся, а всякое иное решение — напротив, столь противоестественным и невозможным, что они даже не посчитали нужным специально о них договариваться. Разумеется, о подразумеваемых условиях можно говорить только в такой ситуации, когда оказавшийся важным с юридической точки зрения вопрос не нашел прямого урегулирования в договоре, т.е. *только в субсидиарном порядке* — для целей восполнения недостатка договоренности сторон. Различные акты частноправовой унификации предлагают различный перечень тех источников, которые могут служить целям определения содержания подразумеваемых условий, но в общем их мысль может быть передана следующим образом. Для этого надлежит принять во внимание (a) природу (существо, характер) и цель (правовые последствия) договора (PICC, PECL, DCFR, TLP, ECC); (b) обстоятельства, в которых договор заключался (PICC, PECL, DCFR, TLP, ECC); (c) практику, которую стороны установили в своих взаимоотношениях (PICC, ECC); (d) требования добросовестности и честной деловой практики

(PICC, PECL, DCFR, TLP); (e) принцип разумности (PICC, TLP); (f) требования применимых законоположений, общих и местных обычаев (ECC). Понятно, что ничего похожего в нашем законодательстве не только нет, но, по всей видимости, еще долго не появится.

581. **Форма договора. Проблема так называемых незаключенных договоров.** Предложенное выше определение договора как сделки характеризует основное значение термина «договор». Но помимо приведенного (основного) значения это слово обозначает также *документы*, удостоверяющие факт заключения и содержание договора как сделки (например, в словосочетаниях «подписать договор», «оформить договор», «экземпляр договора» и т.п.), т.е. *письменную форму договоров-сделок*. Форма, в которой должны совершаться договоры, определяется по правилам ГК о форме сделок*, скорректированными положениями п. 1 ст. 432, ст. 434, п. 3 ст. 438 ГК, а также правилами об отдельных видах договоров. Важнейшую из этих корректив содержит п. 1 ст. 432 ГК, в соответствии с которым договор считается заключенным с момента достижения соглашения по всем существенным условиям *в требуемой в подлежащих случаях форме*. Следовательно, *до* облечения договоренности в требуемую законом или соглашением сторон форму (например, письменную) *договор нельзя считать заключенным* (*совершенным*).

*см. § 2 гл. 18

Этот вывод совершенно не корреспондирует нормам о последствиях несоблюдения предписанной формы *сделки*. Если нарушается требование об облечении сделки в простую письменную форму, то закон *запрещает* ее сторонам *ссылаться на свидетелей* в доказательство факта совершения и содержания сделки. Если же сделка совершена с нарушением ее нотариальной письменной формы, то такая сделка *недействительна*. Таким образом, руководствуясь общими нормами о форме сделок, мы должны будем прийти к выводу, что договор в ненадлежащей форме должен считаться заключенным и при этом рассматриваться либо в качестве *сделки с ограниченным арсеналом допустимых доказательств своего совершения и содержания*, либо как *недействительная сделка*. Ни одно из этих решений не укладывается в п. 1 ст. 432 ГК, которая, будучи *специальной* нормой ГК, должна иметь *приоритет* над *общими* нормами того же акта (нормами о сделках вообще). Наверное, излишне говорить и о том, что такое решение вопроса стоит в резком противоречии с лучшими европейскими и мировыми практиками, отраженными, в частности, в актах новейшей частноправовой унификации, которые по большинству своему отталкиваются от принципа ***свободы формы*** (!) *договора*[247].

247 «...Заключение договора в письменной форме или предъявление письменных доказательств его заключения, а также какие-либо иные требования к его форме не являются обязательными. Заключение договора можно доказывать любыми средствами, включая показания свидетелей», — постановляет п. 2 ст. 2:101 PECL. См. также ст. 1.2 PICC, ст. II.—1:106 DCFR, ст. IV.4.1 TLP, ст. 34-38 ECC.

Это — решение вопроса, которым весьма широко оперирует современная судебно-арбитражная практика. Иски о признании договоров «незаключенными» (несовершенными и даже незавершенными), несмотря на внутреннюю противоречивость своего содержания[248], сегодня распространены чрезвычайно широко. С ними конкурируют *иски о недействительности договоров*, но не всех, а лишь тех типов, несоблюдение простой письменной формы для которых прямо санкционировано *специализированными* нормами ГК*. Коротко говоря, *соглашение, совершенное с нарушением требования о его письменной форме, не считается заключенным гражданско-правовым договором.* Исключение составляют соглашения тех типов, что *прямо объявлены законом недействительными сделками.*

*см. п. 550

ГК содержит несколько постановлений о случаях, в которых письменная форма договора не *является*, но лишь *считается* соблюденной. Общее правило об этих ситуациях сформулировано в нормах п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК. Так, письменная форма договора *считается соблюденной* в частности тогда, когда о принятии письменного предложения о заключении договора свидетельствует *совершение* лицом, получившим предложение, в срок, установленный для его принятия, *действий по выполнению обязательств, которые возникли бы из договора, если бы таковой был заключен.* Таким образом, связка из *письменного предложения* о заключении договора и вызванных им *конклюдентных действий* влечет те же последствия, что и заключение договора *в письменной форме.* «Считается соблюденной» письменная форма договора и в некоторых других случаях (см. п. 2 ст. 358, ст. 493, п. 1 ст. 836, п. 2 ст. 923).

С дополнением ГК новой ст. 446.1 (об оспаривании заключенного (!!!) договора) у нас будет узаконена еще одна категория «незаключенных» договоров — та, которая пока известна только судебной практике (см. сноску к п. 576 Учебника). Это — ***договоры, стороны которых не договорились по их существенным условиям*** (неважно, в какой форме — может быть и в надлежащей). Именно: если не было

---

248 Если договор является «незаключенным», то договора просто нет. Спрашивается: *что* в таком случае признается незаключенным? Как можно вообще рассуждать о *договоре* в ситуации, когда он не заключен? Это сродни рассуждению о шкуре неубитого медведя и мальчике, который не был ни рожден, ни даже зачат.
Затем, понятие о заключенности (завершенности, совершенности), словом, о любой законченности, предполагает сравнение того, что было совершено, с каким-то образцом**: в случае с договором предметом сравнения будет конструкция договорного типа. Но зачем нужно такое «сравнение» в рамках законодательства, допускающего заключение договоров как предусмотренных, так и не предусмотренных законодательными актами? «Вы не заключили договора купли-продажи» и «Вы не заключили вообще никакого договора» — это различные утверждения.
Кроме того, не вполне понятно, как следует доказывать требование о признании договора незаключенным (отрицательное требование): ведь если нечто не случилось (договор не был заключен), то это нечто и не могло оставить по себе никаких следов, которые могли бы быть использованы в качестве доказательств пресловутого «незаключения». Скорее, нужно говорить о том, что заинтересованное лицо (ответчик) *не доказало факта заключения договора.* Но между этой формулировкой и признанием договора незаключенным лежит воистину грандиозная пропасть: «незаключенный договор» *подразумевает отсутствие договора*, в то время как договор, факт заключения которого не доказан, такового, напротив, *не подразумевает* (может быть договор и есть, только его существование не было доказано).

**см. п. 489

достигнуто соглашения (1) о ***предмете*** договора — договор во всяком случае «...признается судом по требованию одной из сторон ... незаключенным» (п. 1 проектируемой ст. 446.1); (2) по ***иному существенному условию*** — то договор «... может быть признан судом незаключенным, в том числе по требованию одной из сторон договора», если только суд не посчитает возможным по требованию одной из сторон «... определить соответствующее существенное условие договора, ... с учетом необходимости обеспечить баланс интересов обеих сторон договора и исходя из требований разумности и справедливости» (п. 2 ст. 446.1); наконец, правила (1) и (2) не применяются к стороне, которая приняла «...от другой стороны полное или частичное исполнение по договору или иным образом подтвердила действие договора» — она уже «... не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если иное не предусмотрено законом» (п. 3 ст. 446.1). Что тут можно сказать? Только то, что в основу всех этих предписаний положено патерналистское стремление суда и законодателя всеми силами заставить частных лиц использовать для оформления своих отношений *исключительно те договорные типы, которые нашли прямое закрепление в законодательстве*, т.е. стремление нивелировать одно из проявлений принципа свободы договора.

§ 4. Классификации договоров (п. 582—586)

582. **Постановка вопроса.** Договоры, будучи сделками, могут быть классифицированы *по всем тем основаниям, по которым классифицируются сделки* (на абстрактные и каузальные, условные и безусловные, безусловно и условно действительные (оспоримые), распорядительные и обязательственные, алеаторные и коммутативные, коммерческие и фидуциарные, общегражданские и торговые (хозяйственные), предпринимательские и потребительские и др.). Исключение составляет, пожалуй, только классификация сделок на одно- и многосторонние, ибо слово «договор» может обозначать по самому своему существу *только многосторонние сделки*[*]. Вместе с тем эти самые многосторонние сделки, именно благодаря своей двусторонней специфике, могут быть подвергнуты нескольким таким классификациям, которые к сделкам в целом применены быть не могут.

[*] см. п. 553, 563

Некоторые из них мы уже рассматривали. Так, в § 2 настоящей главы мы противопоставляли друг другу договоры (1) *свободные* и *обязательные для заключения* (в том числе публичные); (2) *свободные* (в части выработки содержания) и *продиктованные* (в том числе договоры присоединения); (3) *основные* и *предварительные*. В настоящем параграфе мы изучим и некоторые другие — основные, наиболее принципиальные с юридической точки зрения — классификации договоров.

583. **Реальные и консенсуальные договоры.** В зависимости от того, какое именно действие договаривающихся сторон считается моментом заключения договора, договоры подразделяются на 1) *регистрируемые* (подлежащие регистрации) и 2) *нерегистрируемые* (регистрации не подлежащие); при этом договоры нерегистрируемые подразделяются на 2^1) *реальные* и 2^2) *консенсуальные*. *Реальными* называются договоры, которые считаются заключенными *с момента совершения предоставления* (как правило — в виде традиции (передачи) вещи, составляющей предмет договора[249]) одной стороной другой стороне. *Консенсуальными* же называются договоры-результаты чистого соглашения[250] — соглашения, не сопровождающегося актом предоставления.

Говоря более обобщенно, реальными следовало бы считать любые договоры, признающиеся заключенными с момента *совершения* одной стороной *фактических распорядительных действий*, являющихся основанием обязывания другой стороны, *и фактического получения* (*принятия*) этой последней результата данных действий. Действия эти могут состоять не только в передаче вещи, но и в выполнении работ, оказании услуг, уступке права, словом, *во всяком предоставлении*. Вместе с тем выводить из сказанного, что реальные договоры *всегда заключают в себе распорядительный элемент*, было бы неправильно: во-первых, не всякое предоставление в реальных договорах направляется на распорядительный эффект[251], а во-вторых, реальные договоры не исключают элемента обязательственного[252]*. Точно так же неправильно полагать, что все консенсуальные договоры являются обязательственными — хотя таковых и подавляющее большинство, они могут все-таки быть и сделками распорядительными[253]. В консенсуальных договорах важно не то, что основанием обязывания каждой из сторон является обязывание другой стороны, но то, что ни одной из сторон не совершается *фактических* действий распорядительного свойства. Не только обязательственный, но и распорядительный эффект консенсуального договора (если он есть) связывается с достижением соглашения.

*см. п. 556

249 Отсюда и название этого типа договоров реальными (от лат. res — вещь).

250 От лат. consensus — соглашение.

251 Так, например, договоры перевозки груза или хранения — договоры, по общему правилу реальные, т.е. считающиеся заключенными с момента предоставления груза к перевозке или передачи предмета поклажи на хранение. Распорядительный эффект — установление прав перевозчика или хранителя на переданные им вещи — таким договорам, однако, не присущ.

252 Так, договоры дарения и займа — реальные договоры; при этом вещный элемент дарения исчерпывает собой все юридические последствия оформляющего дарение договора, в то время как из договора займа возникает также обязательство заемщика по возврату суммы займа, т.е. заем не исчерпывается одним только своим вещным элементом.

253 Таковы договоры купли-продажи с условием о переходе права собственности на товар в момент их заключения, договоры уступки требования, перевода долга, авторские и патентные уступочные и лицензионные договоры.

Законодательный подход к конструированию тех или иных договоров как реальных или консенсуальных может с течением времени подвергаться изменениям. Так, договоры дарения и хранения, традиционно всегда считавшиеся реальными, сегодня могут быть заключены и по консенсуальной модели; консенсуальный же заем сегодня обособился в самостоятельный договор — кредитный. Наоборот, договор купли-продажи, в римском, западноевропейском, советском и современном отечественном праве считающийся *консенсуальным*, в русском дореволюционном законодательстве рассматривался (а в англо-американском — рассматривается до сих пор) как договор *реальный* (т.е. договор, по которому продавец *передает* (не «обязуется передать», а именно «передаст»!) вещь в собственность покупателя, а покупатель обязуется оплатить вещь, *уже полученную в собственность*). Вопрос о причинах подобного — переменчивого — отношения к конструированию одних и тех же договоров нуждается в специальном исследовании.

584. **Возмездные и безвозмездные договоры.** В зависимости от того, заключает ли договор в своем содержании условие о встречном (противостоящем его предмету) предоставлении как основании обязывания одного из участников договора, таковые[254] подразделяются на *возмездные* и *безвозмездные*. *Возмездным* называется договор, согласно которому имущественное предоставление совершается каждым участником и, будучи совершенным, становится основанием обязывания другого участника. Предоставление одного участника договорных правоотношений называется *предметом договора*, другого — *встречным удовлетворением*, или *ценой*. *Безвозмездным* называется договор, согласно которому предоставление должно следовать (или следует[255]) только от одной из сторон, а обязанности другой стороны произвести встречное имущественное предоставление (договоры дарения, беспроцентного займа, ссуды) этому предоставлению (его обязанности) не корреспондирует[256].

Подавляющее большинство договоров современного гражданского оборота (купли-продажи, поставки, аренды, подряда и др.) относится к категории *возмездных*. Это и понятно: никто, действуя

254 То есть двусторонние сделки, да и то не все (см. об этом ниже). Односторонние же и многосторонние сделки разделению на возмездные и безвозмездные и вовсе не подвержены.

255 Формулировка п. 2 ст. 423 ГК («безвозмездным признается договор, по которому одна сторона **обязуется предоставить** что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления») дает основание к выводу о том, что безвозмездный договор может быть только консенсуальным. Но вряд ли такое (буквальное) толкование соответствует действительному смыслу, заложенному в данную норму. Об этом говорит, во-первых, п. 1 ст. 423, определяющий и возмездный договор совершенно идентичным образом, т.е. только как консенсуальный, что, очевидно, неверно, а во-вторых, конструкция договора дарения — столь же классического в начале своей безвозмездности, сколь и традиционного же в части принципа реальности.

256 Таким образом, правильнее говорить о возмездности и безвозмездности не собственно сделки, а **имущественного предоставления**, совершаемого при заключении сделки или исполнении установленных ею обязательств. Именно так определяется возмездность и безвозмездность в налоговом праве (см. п. 2 ст. 248 НК).

в здравом уме и твердой памяти, не станет совершать бесплатного (безвозмездного) предоставления — предоставления в ущерб самому себе. Противоположная ситуация — стремление обогатить контрагента за собственный счет — конечно, тоже возможна, но только как исключение из общего правила. Руководствуясь этим соображением, законодатель установил *презумпцию возмездности* всякого договора (п. 3 ст. 423 ГК). Отсюда следует, что безвозмездность предоставления по договору не может ни предполагаться, ни откуда-либо «следовать», «выводиться» или «подразумеваться»; простое умолчание о встречном предоставлении по договору также не свидетельствует о его безвозмездности. Безвозмездность должна быть expressis verbus выговорена условиями договора[257].

Момент возмездности или безвозмездности может образовывать *составляющую юридической природы договора*, но может и никак на нее не влиять. Договоры, в которых данное обстоятельство входит в их юридическую природу, могут быть либо *только возмездными* (купля-продажа, поставка, аренда, подряд и др.), либо *только безвозмездными* (дарение, пожертвование, ссуда). Договоры же, для природы которых данное обстоятельство значения не имеет, могут быть *как возмездными, так и безвозмездными*, в зависимости от случая (договоренности между сторонами). К числу сделок последнего типа можно отнести договоры уступки требования, перевода долга, хранения, поручения и др.

Следует помнить, что на возмездные и безвозмездные могут разделяться только такие договоры, участники которых преследуют *различные по своему содержанию экономические и юридические цели*. Ставить вопрос о возмездном или безвозмездном характере сделок, участники которых преследуют *одну* (*единую*) *общую цель*, некорректно. Таковы, например, договоры о долевом финансировании строительства, о совместной деятельности, учредительный договор. Здесь *никто никому ничего не обязан предоставлять*: «вознаграждением» за участие в сделке служат имущественные права на объект, созданный совместной деятельностью (достижение общей цели). Столь же некорректно ставить вопрос о возмездности и безвозмездности *договоров неимущественного содержания* (предварительных, организационных, генеральных договоров, акционерных соглашений и т.п.); если уж и усматривать в них момент возмездности, то в каком-то ином, своеобразном, не совпадающем с традиционным, понимании).

Завершая рассмотрение возмездных и безвозмездных договоров, нельзя не остановиться на вопросе о соотношении этой классификации с разделением договоров на *односторонне и двусторонне обязывающие* (последние еще называются *взаимными* или *синаллагматическими*). Как вполне понятно из тех названий, которыми обозначаются подразделения данной классификации, односторонне обязывающий договор наделяет одну из его сторон *только правами*, а другую, соответственно, *только обязанностями*, т.е. создает одно или несколько

257 Вспомним наш знаменитый мультфильм про Вини-Пуха, где Сова преподносит Ослику Иа подарок на день рождения со следующими словами: «Я хочу *подарить* тебе *безвозмездно*, то есть *даром*, скромный, но очень полезный *подарок* — вот этот шнурок!». Четыре указания на безвозмездность предоставления не оставляют, конечно, сомнения в намерениях Совы.

правоотношений односторонней направленности. Во взаимных договорах каждая из сторон наделяется и правами, и обязанностями. Из сказанного ясно, что *договоры синаллагматические всегда будут являться частным случаем договоров возмездных*. Вместе с тем возмездные договоры нельзя сводить к одним только синаллагматическим, ибо они охватывают собой также такие односторонне обязывающие договоры, в которых встречное удовлетворение предоставляется прежде предмета (реальные договоры), т.е. является более широким. Следовательно, безвозмездные договоры можно будет определить как односторонне обязывающие договоры, не предполагающие ни состоявшегося, ни будущего встречного предоставления.

585. **Поименованные и непоименованные договоры. Договорные типы.** В зависимости от того, соответствует ли тот или другой конкретный договор договорному типу, предусмотренному в законе, или же является плодом свободного творчества договаривающихся сторон, различают договоры, *поименованные в законе* и *не поименованные в нем* (т.е. неизвестные закону)[258]. Согласно традиционному взгляду, большую часть договоров, известных ГК, принято распределять согласно их *юридической направленности* на девять следующих групп, образующих следующие так называемые *договорные типы*, в своей совокупности составляющие так называемую *систему договоров*:

1) договоры по передаче имущества в собственность (гл. 30—33);

2) договоры по передаче имущества в пользование (гл. 34—36);

3) договоры по производству работ (гл. 37, 38);

4) договоры по возмездному оказанию фактических услуг (гл. 39—41, 47);

5) договоры по оказанию финансовых услуг (гл. 40—46, 48);

6) договоры по оказанию юридических услуг (гл. 49, 51—53);

7) договоры по реализации исключительных прав (гл. 54, ст. 1233—1239, 1285—1290, 1307, 1308, 1365—1368, 1426—1429, 1458—1460, 1468, 1469, 1488—1490);

8) договоры по достижению общей цели (гл. 55);

9) алеаторные договоры (гл. 58).

Основная задача этой систематизации чисто практическая — дать такую систему, которая позволила бы расположить законодательный материал о наиболее распространенных основных типах договоров способом, удобным для повседневного практического использования. С иных точек зрения она не свободна от недостатков. Так, очевидно, что в данной классификации *нарушено единство основания*, в результате чего некоторые договоры с одинаковым успехом можно отнести к нескольким разным типам. Наиболее яркими примерами в этом отношении являются договоры контрактации и страхования,

258 В литературе их еще называют договорами особого рода — contractus sui generis.

которые несут в себе алеаторный (рисковый) элемент и, следовательно, должны причисляться не только, соответственно, к первому и пятому, но и к последнему (девятому) типу. Также весьма известен своей «двойственностью» договор подряда, предполагающий не только выполнение работ (тип 3), но и передачу его результата (вещи) подрядчиком в собственность заказчика (тип 1). Весьма условно причисление к договорам типа 1 договора энергоснабжения, не предполагающего, конечно, передачи каких-либо вещей в чью-либо собственность, но предоставляющего возможность использования абонентом полезных свойств чужой вещи — энергетической сети, к которой он присоединен (договор типа 2). Наконец, нельзя не вспомнить, что подавляющее большинство перечисленных договоров предполагают денежные платежи и, следовательно, могут быть отнесены к первому типу — договорам о передаче вещей (денег) в собственность.

Нельзя не указать также и на то, что многие договоры, в особенности те, что упомянуты в первой части ГК, а также в специальном законодательстве (договоры уступки требования, перевода долга, залога, неустойки, поручительства, о выдаче банковской гарантии, предварительные, организационные, в сфере электроэнергетики и др.) в такую «классификацию» просто не вписываются. Она, следовательно, не только нелогична, но и неполна.

Последнюю попытку устранить основные недостатки традиционной классификации договоров предпринял Ю. В. Романец[259], предложивший различать (в соответствии с критерием все той же юридической направленности) договоры, направленные:

1) на передачу имущества в собственность;
2) передачу имущества в пользование;
3) выполнение работ и оказание услуг;
4) предоставление отсрочки;
5) замену лиц в обязательстве;
6) достижение общей цели;
7) страхование.

Но даже эта (безусловно, более совершенная) классификация, во-первых, не покрывает собой всех договоров, а во-вторых, продолжает страдать отсутствием единого основания. Кроме того, вызывает определенные сомнения, а действительно ли основанием такой классификации является *юридическая* направленность *самих договоров*. Ведь подавляющее большинство договоров имеет своей непосредственной целью *создание обязательственных правоотношений* — в этом и заключается юридическая направленность самих договоров; передача имущества в собственность или в пользование является *действием фактическим* и, следовательно, не может считаться *юридической* целью договора[260]. Если же истолковать сказанное в том смысле, что речь идет не о передаче вещей, а о переходе права собственности или установлении права пользования, то это опять-таки результат *не одних только обязательственных договоров*, но сложных фактиче-

259 См. его работу «Система договоров в гражданском праве России» (М., 2001).

260 Кроме того, передача вещи в собственность как фактическое действие по существу ничем не отличается от передачи вещи в пользование (в аренду или ссуду): в обоих случаях речь идет о вручении и получении вещи.

ских составов — данных договоров, объединенных с теми действиями, которые совершаются во исполнение обязательств, из этих договоров возникших.

Думается, что любые попытки классификации договоров по их юридической направленности неизбежно обречены на провал, а в ситуации, когда в законодательстве закреплен принцип свободы договора, становятся еще и заведомо бесполезными. Дело в том, что договор — это понятие сугубо практическое, но отнюдь не научная категория. Любой договор предназначен обслуживать конкретные жизненные отношения, которые в большинстве случаев (исключая, пожалуй, только элементарные отношения при дарении) весьма насыщены и многогранны. Это обстоятельство приводит к тому, что один и тот же договор становится основанием динамики множества различных гражданско-правовых последствий (как обязательственных, так и распорядительных), и, следовательно, в общем случае не позволяет точно обнаруживать в договорах их *главную* цель. Предметом собственно научной классификации могут быть *только сами эти гражданско-правовые последствия* как понятие сугубо научное, обозначающее первичное звено, первичную клеточку многосложной гражданско-правовой реальности, в первую очередь *гражданские правоотношения*. Вопрос об их классификации был рассмотрен в первом томе Общей части*. Юристу важно то, какое перед ним правоотношение — правоотношение ли собственности, обязательство ли по передаче вещи, исключительное правоотношение и т.д. — а из какого основания (договора) оно возникло — в этом ли суть?

*см. § 5 гл. 7

Изучение договоров как средства достижения чисто прагматических целей может осуществляться, вероятно, в любой или почти любой последовательности. Коль скоро целью такого изучения ставится овладение знаниями о договорных типах, обслуживающих самые типические потребности частных лиц и оттого имеющих наибольшее практическое распространение, логично было бы строить пресловутую договорную систему по принципу от наиболее общего, поверхностного и простого к наиболее частному (специализированному), углубленному и сложному. В соответствии с именно этим правилом, безотносительно к отвлеченным идеям, мы и будем рассматривать договоры в Специальной (Практической) части настоящего Учебника.

586. **Договоры в пользу третьих лиц.** Подавляющее большинство договоров совершается в ходе реализации их участниками своей собственной гражданской правосубъектности, на их собственное имя и за их собственный счет. Соответственно, контрагенты большинства договоров совпадают с субъектами правоотношений из них. Говорят, что большинство договоров направляется на установление гражданских прав для *самих их участников*. Случается, однако, что договоры, заключенные от собственного имени и на собственный счет, т.е. при реализации собственной правосубъектности, приводят к возникновению прав для *третьих лиц*. Соответственно, из массы «договоров вообще», под которыми подразумеваются, как правило,

договоры в пользу их участников, особо выделяются *договоры в пользу третьих лиц* (п. 1 ст. 430 ГК). Главной отличительной чертой данного вида договоров является создание с их помощью *гражданского обязательственного правоотношения, пассивным участником которого* (носителем юридической обязанности, должником) *является одна из сторон договора*[261], *а активным* (обладателем субъективного права или кредитором) — *третье, т.е. не участвующее в договоре* (*постороннее договору*) *лицо.*

Договоры в пользу третьего лица в литературе нередко называют обязательствами в пользу (с участием) третьих лиц. Такое наименование способно ввести в заблуждение, а именно — создать представление о неком странном обязательстве, в котором наряду с двумя традиционными участниками — активным (кредитором) и пассивным (должником) — принимает участие еще и некое третье лицо (и не кредитор, и не должник). Это представление не имеет ничего общего с действительностью: никого другого, кроме управомоченного и обязанного в правоотношении участвовать не может. Иногда его трактуют несколько иначе: третье лицо называют «третьим» в том смысле, что оно, хотя и не участвует в правоотношении, все же не может считаться совсем уж посторонним ему. К сожалению, никакой юридической формы для объяснения этого необычного состояния (в правоотношении не участвует, но ... не совсем уж не участвует) не предлагается. Все встает на свои места, если, проведя четкую границу между договором как юридическим фактом и обязательством как последствием юридического факта, признать, что существуют такие *договоры, которые связаны как минимум с двумя следующими юридическими эффектами*: 1) *предоставлением и* (*или*) *возникновением обязательства между его сторонами* и 2) *возникновением обязательства между одной из его сторон*, действующей в качестве должника, *и посторонним договору лицом*, выступающим в нем в качестве кредитора. Это и есть *договоры в пользу третьего лица* — лица, которое из-за устанавливаемого в его пользу права (выгоды) иначе называется выгодоприобретателем или бенефициаром (бенефициантом)[262].

До тех пор пока третье лицо не узнало о факте совершения договора в его пользу, оно не имеет по нему никаких прав. В этом смысле договор в пользу третьего лица занимает точно такое же положение, какое имеет односторонняя сделка: он нуждается в *восприятии* своим адресатом. С восприятием третьим лицом совершенного в его пользу

---

261 Либо лицо, чью правосубъектность эта сторона реализовывала, заключая договор (представляемый, управляемый и т.п. субъект).

262 Не являются бенефициантами лица, приобретающие такие имущественные выгоды от чужих действий, которые не выражаются в субъективном праве требования к тому, кто такие действия совершает. Так, например, не может считаться бенефициантом в смысле ст. 430 ГК должник по договору, обеспеченному поручительством, поскольку он (должник) не имеет никаких прав по отношению к поручителю. Тот вес и та солидность, которые прибавляются к обеспечиваемому обязательству участием поручителя, *не облекаются в форму субъективного права требования* — атрибута, непременно необходимого для того, чтобы говорить о *пользе* третьего лица *в юридическом смысле.*

договора оно приобретает возможность своим односторонним волеизъявлением *создать для себя предназначенное ему договором требование*, поставив при этом стороны договора в состояние ожидания его решения, подобное тому, в каком пребывают контрагенты наследодателя, ожидающие принятия наследства. Эта возможность является по своей юридической природе секундарным правом и существует в продолжение времени, разумно необходимого для выражения третьим лицом согласия приобрести предложенное ему для этого право. Со времени выражения такого согласия (в том числе путем обозначения намерения воспользоваться предоставленным ему правом) третье лицо становится участником соответствующего обязательства. Теперь без его участия стороны договора более не могут ни расторгнуть, ни изменить таковой (п. 2 ст. 430).

От договора в пользу третьего лица необходимо отличать *договор с условием об исполнении третьему лицу* (с *переадресованием исполнения*), ибо он не создает для третьего лица никаких субъективных прав. Указание третьего лица (точнее — места его нахождения) служит в данном случае лишь способом определения того места, по которому должно быть произведено исполнение обязательства.

§ 5. Заключение договоров (п. 587—593)

587. **Технологии преддоговорного процесса. Преддоговорная ответственность.** Заключение договора становится результатом процесса согласования его существенных условий его будущими участниками. Современная практика показывает, что процесс такого согласования может иметь двоякое протекание: в зависимости от того, вырабатывают ли (и согласуют ли) стороны *все условия договора сразу* (одновременно) или же *вырабатывают их последовательно* (постепенно, step by step, per ordinem, per gradus, т.е. шаг за шагом, одно за другим), нужно различать технологии 1) *одномоментного* (*одностадийного*) и 2) *последовательного* (*многоэтапного*, *постепенного*) согласования договорных условий. По общему правилу применение любой преддоговорной технологии осуществляется на страх и риск частного лица, которое предпочло ею воспользоваться: так, никто не может жаловаться на контрагента, упорно не желающего изменять занятую им переговорную позицию (идти на компромисс), равно как и на контрагента, внезапно отказавшегося от продолжения преддоговорного процесса без объяснения причин. Тем не менее, *недобросовестное* преддоговорное поведение может стать основанием обвинения практикующего его частного лица в совершении особого типа гражданского правонарушения, влекущего применение так называемой *преддоговорной ответственности*.

Исторически первым и, видимо, оттого наиболее известным, хорошо описанным в литературе и даже урегулированным в законо-

дательстве является процесс *одномоментного* (*одновременного*) *согласования*. В этом случае одна из сторон, прежде чем инициировать договор, формулирует свои предложения по *всем* необходимым (с ее, конечно, точки зрения) условиям договора и доводит таковые до сведения второй стороны, которая, получив такие предложения, либо *целиком* принимает, либо *целиком* отвергает таковые. В последнем случае она может выступить с новым (встречным) предложением, т.е. перехватить роль инициатора договора; это новое предложение, поступающее первой стороне, будет опять-таки либо *всецело* принято, либо *всецело* отклонено и т.д. Такая технология пригодна для заключения относительно несложных договоров, договоров, оформляющих типичные (по крайней мере — для их участников) отношения, а также договоров, заключаемых по модели присоединения. Ни в одном из этих случаев сторона-инициатор преддоговорного процесса не испытывает никаких затруднений с тем, чтобы сформулировать условия будущего договора таким образом, чтобы обеспечить максимально высокую вероятность их полного принятия другой стороной. Чем меньше места и свободы оставлено законом для договорного регулирования отношений, тем сфера применения одномоментной преддоговорной технологии шире.

Напротив, для относительно позднего исторического этапа развития договорных отношений, для случаев нетипичных и сложных, подвергнутых нормативному регулированию в незначительной степени или не подвергнутых вовсе, характерно применение последовательной преддоговорной технологии, чаще всего находящей свое выражение в документах *переписки* или в *переговорных процессах*. К сожалению, постоянная оглядка науки и судебно-арбитражной практики на те договорные типы (модели), которые закрепляются в положительном законе, приводит к совершенно неверной юридической оценке отдельных результатов подобной переписки и переговоров. По общему правилу и мнению, как переписка, так и переговоры относятся к числу фактических, но не юридических действий, т.е. *действий, которые не имеют юридических последствий*. В соответствии с этим взглядом выходит, что при несогласовании хотя бы одного существенного для данного конкретного случая условия *не существует не только договора в целом, но и вовсе никакого юридически значимого результата*. При такой позиции действительно весьма непросто обосновать возможность привлечения контрагента, недобросовестно отказавшегося от продолжения (завершения) переговоров к ответственности за расходы, понесенные другой стороной в связи с участием в оказавшихся сорванными переговорах.

Все меняется, если рассмотреть процесс последовательного согласования договорных условий как состоящий из актов заключения множества договоров, количество которых определяется числом согласуемых сторонами условий. *Каждое условие — один самостоятельный договор*, столь же незыблемый, неприкосновенный и юридически обязательный, как и всякий договор вообще. Согласившись на какое-либо условие, ни одна из сторон не имеет более права его изменить или от него отказаться, иначе как с санкции другой стороны или суда, компетентного разрешать преддоговорные споры (см. об этом ниже). В известном смысле соглашение по каждому из условий будущего

договора имеет значение *pactum de contrahendo*[*], т.е. договора, обязывающего каждого из его участников заключить в будущем по требованию контрагента основной договор, содержащий, во-первых, уже согласованные условия и, во-вторых, условия, по которым стороны продолжили вести переговоры[263]. При подобном подходе беспричинный односторонний выход из переговоров без возмещения убытков становится попросту невозможным.

[*]см. п. 574

Следуя примеру новейших актов международной частноправовой унификации (см. ст. 2.1.15 и 2.1.16 PICC, ст. 2:301 и 2:302 PECL, ст. II.—3:301 и II.—3:302 DCFR, ст. IV.8.1 TLP, ст. 6-10 ECC) российский законодатель предполагает дополнить ГК новой ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора». Закрепив в ней в качестве отправного начала тот принцип, согласно которому граждане и юридические лица, по общему правилу, «... свободны в проведении переговоров о заключении договора и не несут ответственности за то, что соглашение не достигнуто» (п. 1 проектируемой статьи), законодатель все же указал на два исключения из этого правила — (а) случай недобросовестного ведения или прерывания переговоров (п. 2) и (б) случай нарушения стороной переговоров обязанности сохранения в тайне конфиденциальной информации, полученной от другой стороны (п. 3). Показателем недобросовестности действий в рамках преддоговорного процесса предлагается считать совершение действий одной из следующих трех категорий: (1) действий, внешне направленных на достижение соглашения, но на самом деле совершенных «...при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной»; (2) «...введение другой стороны в заблуждение относительно характера или условий предполагаемого договора, в том числе путем сообщения ложных сведений либо умолчания об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны», а также (3) «...внезапное |т.е. совершенное «без предварительного уведомления другой стороны»| и безосновательное прекращение переговоров о заключении договора». Что же касается обязанности сохранения конфиденциальности, то предполагается, что она действует только лишь в отношении такой информации, которую передавшая сторона прямо пометила как конфиденциальную. Ясно, что такая осторожность объясняется тем, что институт преддоговорной ответственности — штука, для нашего законодательства совершенно новая; в то же время очевидно, что эта «осторожность» неизбежно станет почвой для возникновения споров о том, была ли спорная информация помечена как конфиденциальная или нет, а если была — то надлежащим ли образом. Думается, в наших (российских) условиях было бы более разумным установить презумпцию конфиденциальности любых сведений, фигурирующих в рамках преддоговорного процесса; сторона же, настаивающая на обратном, свободно могла бы это

263 Эти последние условия нужно разделить на два вида: 1) те, отсутствие договоренности по которым может быть восполнено диспозитивными нормами закона, и 2) такие условия, отсутствие соглашения по которым ничем не может быть восполнено. Условия первого вида можно признать включенными в договор *в виде того общего диспозитивного правила, которое содержится в нормативном акте* до тех пор, пока стороны не договорятся об ином; разногласия же по условиям второго вида следовало бы признать возможным *передавать для судебного разрешения*.

сделать доказав, что спорную информацию можно получить на законном основании из иного источника.

Всякое преддоговорное нарушение влечет обязанность стороны, допустившей такое нарушение, возместить другой стороне причиненные этим убытки. В случае *недобросовестного преддоговорного поведения* убытками, подлежащими возмещению, признаются «... расходы, понесенные другой стороной в связи с ведением переговоров о заключении договора, а также в связи с утратой возможности заключить договор с третьим лицом», т.е. так называемый *отрицательный договорной интерес*. Что понимается под убытками, возмещаемыми в случае *нарушения обязанности сохранения конфиденциальности преддоговорной информации*, законодатель расшифровывать не планирует, указывая лишь, что подлежат возмещению «...убытки, причиненные в результате раскрытия конфиденциальной информации или использования ее для своих целей», т.е. (а) *всякие убытки, понесенные потерпевшем в полном объеме* (так называемый положительный договорной интерес) + (б) *сумма неосновательно приобретенного (или сбереженного)* лицом, раскрывшим чужую конфиденциальную информацию. Предполагается, что соглашением сторон можно будет предусматривать иную ответственность за недобросовестные действия при ведении переговоров (п. 4 ст. 434.1) — в таком случае рассмотренные выше нормы Кодекса применяться не будут.

588. **Условия протекания преддоговорного процесса (договоры присутствующих и отсутствующих).** В зависимости от того, воспринимают ли участники преддоговорного процесса акты изъявления воли друг друга непосредственно (немедленно) по их совершении (изъявлении) или же между актом изъявления воли и актом ее восприятия имеется некий временной промежуток, в течение которого воля изъявлена, но не воспринята, различают случаи заключения договоров 1) *между присутствующими* и 2) *между отсутствующими*. При этом не имеет значения сколь велико расстояние, разделяющее договаривающиеся стороны: если контрагентам обеспечивается возможность *немедленной* реакции на волеизъявления друг друга (например, с помощью средств телефонной или радиосвязи), речь идет о заключении договора *между присутствующими*, какой бы значительной ни была протяженность разделяющего их пространства[264]. И наоборот: любой *временной интервал* между актами изъявления и восприятия воли, достаточный для того, чтобы при нормальном течении гражданской жизни в него могло вторгнуться обстоятельство,

264 Наименования контрагентов «присутствующими» и «отсутствующими» носят чисто технический характер. Их ни в коем случае не нужно понимать буквально, как это делают, например, авторы известного многотомного сочинения по договорному праву, называя постановление ст. 131 ГК РСФСР 1922 (о том, что предложение, сделанное по телефону, признается предложением, сделанным присутствующему) «определенной фикцией» (*Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Указ. соч. С. 155). Фикция тут совершенно ни при чем, ибо называя контрагентов присутствующими, закон вовсе не имел в виду лиц, физически контактирующих друг с другом.

способное привести к изменению воли стороны, искажению актов ее изъявления либо восприятия, превращает процедуру в заключение договора *между отсутствующими*, хотя бы контрагенты физически и находились бы в непосредственном контакте друг с другом.

Процесс заключения договора *между присутствующими* обыкновенно рассматривают как последовательность действий, которые совершаются каждым участником преддоговорного процесса за свой счет, на свой страх и риск, в связи с чем и не требуют к себе внимания со стороны гражданского законодательства. Коротко говоря, их считают *фактическими действиями*. Заключение же договора между отсутствующими, напротив, как процесс, предполагающий *разрыв во времени* между актом волеизъявления одного из будущих участников договора и его восприятием другим будущим участником, изначально требует внесения определенности в те отношения, которые будут связывать участников преддоговорного процесса в продолжение пресловутого разрыва. Кроме того, необходимо урегулировать вопрос о том, на ком из участников лежат риски изменения воли, искажения и неправильного понимания актов волеизъявления. Эти факторы и предопределяют наличие в ГК норм, специально регулирующих порядок заключения договора между отсутствующими.

589. **Преддоговорные техники.** Вопрос о *технологии заключения договоров присутствующих и отсутствующих*, рассмотренный в п. 588, тесно связан с вопросом о *технологии преддоговорного процесса вообще*, раскрытым в п. 587 Учебника. Тем не менее отождествлять их, объявляя договоры, заключаемые путем одномоментного согласования всех условий, договорами между отсутствующими, а договоры постепенного согласования — договорами присутствующих (или наоборот), было бы неправильно. Не существует и жесткой обратной зависимости: так, договоры между отсутствующими могут заключаться как путем одномоментного согласования условий, так и посредством многоэтапной переписки; точно так же обстоит дело и с договорами между присутствующими[265]. Различные сочетания технологий заключения договоров присутствующих и отсутствующих и ведения преддоговорного процесса вообще дают нам четыре варианта поведения лиц, желающих заключить договор, или четыре *договорные техники*.

Четыре договорные техники сопровождаются четырьмя различными вариантами гражданско-правовой регламентации:

265 Быть может, можно выделить иную зависимость — между случаями присутствия и отсутствия сторон и *формой, в которую они облекают акты изъявления своей воли*: в отношениях *отсутствующих* сторон преобладает *письменная* форма, в отношениях *присутствующих* — *устная*. Но и эта зависимость не безусловна.

	Договоры	
	присутствующих	**отсутствующих**
Согласуемые одномоментно	*ст. 428*, п. 2 ст. 437 ГК	ст. 432—436, 438—449 ГК
Согласуемые постепенно	*п. 1 ст. 437 ГК*	*ст. 431*, *ст. 432–436*, п. 1 ст. 437, *ст. 438–449 ГК*

Из таблицы видно, что нормы ГК, призванные (по замыслу их авторов) иметь *универсальное* значение, в действительности касаются *только одной из четырех возможных преддоговорных техник* — одномоментного согласования договорных условий между отсутствующими. Исключение составляют нормы ст. 437 ГК. Ее первый пункт (о рекламе и иных приглашениях делать оферты) ориентирован на постепенное согласование условий договора между отсутствующими сторонами и в принципе может быть применен (хотя и не рассчитан на это[266]) в отношениях присутствующих. Второй пункт ст. 437 (о заключении договора посредством принятия публичной оферты) может быть применен только при одномоментном согласовании договорных условий присутствующими. Курсивом мы указали нормы, которые отчасти могли бы быть применены для регламентации соответствующей договорной техники, несмотря на то что для этого явно не предназначались. Так, частным случаем одномоментного согласования договорных условий между присутствующими является *заключение договора посредством присоединения к стандартному формуляру, предложенному контрагентом* — оттого мы упомянули при характеристике соответствующей техники ст. 428 ГК. Действия по поэтапному согласованию договорных условий между отсутствующими, как правило, оставляют после себя значительную *переписку* (в том числе так называемые протоколы разногласий), *материалы которой могут быть приняты судом во внимание при толковании договора, если таковой все-таки будет заключен* (отсюда упоминание о ст. 431).

На практике довольно часто применяются такие преддоговорные техники, которые можно назвать *смешанными*. Так, первоначально стороны какое-то время переписываются, пытаясь определить для себя готовность собственную и партнера к участию в сделке определенного рода; затем следует раунд очных встреч (переговоров), завершающийся подписанием меморандума (протокола согласования общей канвы и генеральных условий сделки); после стороны вновь прибегают к переписке и т.д. Думается, что оценку как договору в целом (если таковой в итоге будет заключен), так и промежуточным договоренностям следует давать с точки зрения той техники, использование которой *непосредственно привело к их оформлению* (п. 1 ст. 432 ГК).

В следующем пункте мы рассматриваем юридическую сторону (точнее — юридические характеристики) тех договорных техник, которые подвергнуты регламентации положительного российского закона. Постижение существа процесса согласования договорных усло-

266 Отчего и выделен курсивом.

вий (в особенности — переговорного процесса) относится к ведению Специальной (Практической) части настоящего Учебника.

590. **Единовременное согласование условий договора между отсутствующими. Оферта и акцепт.** Воли двух отсутствующих сторон на заключение договора изъявляются в двух следующих актах: 1) в акте, которым инициируется преддоговорный процесс — *предложении о заключении договора*, именуемом в нашем законодательстве *офертой* (п. 2 ст. 432, ст. 435 ГК); 2) в положительном ответе (согласии) на предложение о заключении договора, в *принятии такого предложения*, которое называется *акцептом* (п. 2 ст. 432, ст. 438 ГК). Лицо, сделавшее оферту, называется *оферентом*; лицо, принявшее (акцептовавшее) оферту, — *акцептантом*.

Предложение заключить договор признается *офертой* лишь при его соответствии следующим признакам (п. 1 и 2 ст. 435 ГК). Во-первых, оно должно быть «*...адресовано одному или нескольким конкретным лицам*» (адресату или адресатам). Предложение, не имеющее адресата (обращенное к публике) может быть квалифицировано либо как приглашение делать оферты, либо как публичная оферта (ст. 437). Во-вторых, предложение не может быть признано офертой, если оно не является «*...достаточно определенным*». Законодатель не уточняет, *что именно* в оферте должно быть достаточно определенным; можно предположить, что с достаточной степенью определенности в оферте должно быть выражено *намерение оферента вступить в договорные отношения определенного типа* («...намерение ... считать себя заключившим договор (определенного типа) с адресатом, которым будет принято предложение»), в том числе его готовность считать себя связанным условиями оферты в течение срока, нормально необходимого для ее акцепта (принятия) (ст. 436 ГК). В-третьих, оферта должна содержать «*существенные условия (предлагаемого к заключению) договора*»; точнее было бы сказать, что она должна содержать *предложения оферента по существенным* — необходимым для договора соответствующего типа и не восполнимым с помощью диспозитивных норм закона — *условиям договора*.

Сторона, получившая оферту, может либо принять, либо отклонить ее. Оферта является в полном смысле этого слова *предложением*, принятие которого не является обязанностью и которое может быть отклонено адресатом без каких бы то ни было вредных для себя юридических последствий. Акт принятия оферты может считаться ее акцептом только в том случае, когда он является, во-первых, *полным*, во-вторых, *безоговорочным*. Правило, согласно которому «...договор может быть заключен только при полном совпадении волеизъявления сторон, т.е. при достижении полного согласия относительно всех условий договора»[267], называется *принципом зеркального соответствия акцепта оферте*. Ответ о согласии заключить договор на иных

267 *Кучер А. Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: Юридический аспект. М., 2005. С. 160.

условиях, чем предложено в оферте (в том числе в виде подписания присланного проекта договора «с протоколом разногласий»), признается *отказом от акцепта и в то же время новой офертой* (ст. 443)[268].

В зависимости от обстановки, в которой происходит общение будущих контрагентов договора, оферта и акцепт могут быть выражены как в *устной*, так и в *письменной* форме. Акцепт может быть совершен также путем *конклюдентных действий* лица, получившего оферту (п. 3 ст. 438 ГК), или даже посредством *молчания в течение времени, достаточного для ответа* (п. 2 ст. 438). Законодательство не знает общего правила о совершении конклюдентными действиями или молчанием не акцепта, а оферты, хотя в отдельных случаях такая возможность им признается (см., например, п. 2 ст. 621 ГК).

Оферта и акцепт представляют собой *односторонние сделки*. Как и всякие другие юридические акты этого рода, они не способны произвести намечаемых ими юридических последствий без их *восприятия* заинтересованным лицом (адресатом). Поэтому оферта, хотя бы и направленная адресату, но еще не дошедшая до него, может быть отозвана (отменена) специальным извещением (контрофертой). Точно так же обстоит дело и с акцептом: до тех пор, пока он не получен оферентом, его можно успеть отменить (отозвать)[269]. Если извещение об отмене оферты или отзыве акцепта поступило корреспонденту *ранее или одновременно* с офертой (акцептом), то оферта (или, соответственно, акцепт) считаются не полученными (п. 2 ст. 435, ст. 439 ГК).

Оферта *связывает* оферента перспективой ее возможного акцепта *с момента ее получения адресатом* (п. 2 ст. 435 ГК). Это означает, что в течение срока, необходимого для акцепта оферты, оферент лишается возможности совершить какие-либо действия, способные воспрепятствовать наступлению гражданско-правовых последствий ее акцепта (ст. 436, п. 1 ст. 441). Возможность адресата оферты своим действием по ее акцепту создать договорные правоотношения относится к разряду *секундарных прав*. Впрочем, в самой оферте можно обусловить возможность ее отзыва, *несмотря на ее получение адресатом*; в этом случае никаких секундарных прав ее адресат не приобретает[270].

Односторонний отзыв *акцепта, своевременно полученного оферентом* (*доставленного оференту*), невозможен, ибо он фактически означал бы возможность самопроизвольного одностороннего отказа от уже заключенного договора. Опоздание *своевременно отправленного* акцепта, как правило, не влияет на его силу: опоздавший акцепт считается сделанным, а договор, соответственно, заключенным, если

---

268 От акцепта на иных условиях нужно отличать *запрос дополнительной информации*, необходимой адресату оферты для того, чтобы принять решение о ее акцепте: такой запрос не должен восприниматься как отказ от акцепта (см.: *Кучер А. Н.* Указ. соч. С. 24).

269 Говорить о праве «отменить» оферту или «отозвать» акцепт не вполне точно, ибо до тех пор, пока они не получены (а только в продолжение этого времени и существует право отменить или отозвать) ни оферта, ни акцепт просто не считаются сделанными («отменять» и «отзывать», следовательно, еще просто нечего).

270 Кроме того, возможность отзыва полученной оферты может вытекать из ее существа или обстановки, в которой оферта была сделана; так, например, оферту, сделанную устно и без указания срока для акцепта, можно отозвать, если она не была принята *немедленно* (п. 2 ст. 441).

только оферент, не желающий связывать себя договором по опоздавшему акценту, немедленно не уведомит акцептанта о получении акцепта с опозданием (ч. 1 ст. 442 ГК). Но он может поступить и иначе, а именно — пресечь возможность *акцептанта* ссылаться на опоздание акцепта, немедленно сообщив акцептанту о *принятии* акцепта, *несмотря на* его *опоздание* (ч. 2 ст. 442).

591. **Публичные предложения и акты их принятия.** Коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, реализующие товары, выполняющие работы и оказывающие услуги на основании *публичных договоров*, обращаются с предложением о заключении таких договоров к неопределенному кругу лиц или к публике. Такие предложения называются *публичными офертами*. Публичная оферта, как и собственно оферта, должна содержать все существенные условия договора, но адресуется неопределенному кругу лиц и выражает *волю оферента заключить договор на указанных условиях с любым, кто отзовется* (п. 2 ст. 437 ГК). Естественно, что публичная оферта может быть во всякий момент времени отозвана, если возможность заключения договора отпадает по независящим от оферента причинам (например, при *полной распродаже* магазином того или иного товара, при *занятии всех* мест на определенный поезд дальнего следования, по *отъезду последнего* из числа свободных, находившихся на стоянке такси и т.п.).

Нередко можно встретить мнение, что публичная оферта представляет собой разновидность оферты (что различаются оферты строго личные и публичные). Это, безусловно, неправильно. Достаточно вспомнить о том, что оферта имеет конкретного адресата (т.е. предполагает заранее известное число возможных актов акцепта), а публичная оферта нет (и, следовательно, может быть акцептована теоретически всяким и каждым). Этим последним обстоятельством объясняется тот факт, что в то время как оферта по общему правилу безотзывна, оферта публичная во всякое время может быть отменена (снята). Наконец, тем, что публичная оферта обращается в публику, обусловливаются ее несколько свое- и разнообразные формы[271]. Публичная оферта сходна с офертой обыкновенной, пожалуй, только *по своему юридическому действию* (эффекту): будучи сделанной

271 Так, например, публичной офертой будет считаться выставление товаров в витрине или на прилавке магазина; установка в общедоступном месте автоматов или иных приспособлений для продажи товаров, производства работ или оказания услуг; публикация, выставление или демонстрация сообщений о продаже определенных товаров, выполнении работ или оказании услуг; публикация или выставление расписания движения транспортных средств и т.п. Строго говоря, самая работа предприятия, которое по характеру своей деятельности обязано продавать товары, выполнять работы и оказывать услуги каждому, кто к ней за этим обратится, само внешнее обзаведение этого предприятия (зданий и помещений магазинов, рынков, ресторанов, кафе, мастерских, ателье, парикмахерских, бань, вокзалов, станций, банков, пунктов обмена валюты, страховых компаний и т.д.) — это уже своеобразный «элемент» публичной оферты.

и не отмененной, она создает *секундарное право принять или акцептовать ее* (или, по выражению п. 2 ст. 437 ГК, отозваться на нее). Ни ГК, ни иные нормативные акты специально не регулируют особенностей принятия (акцепта) именно *публичной* оферты, из чего можно заключить, что ее принятие осуществляется по правилам, установленным для акцепта *оферты* (ст. 438–443 ГК). Между тем, имея в виду, что из-за *акцепта публичной оферты несколькими лицами* оферент может не успеть своевременно снять таковую (в результате чего окажется связанным такими договорами, обязательства из которых он объективно не в состоянии исполнить), было бы логично решить вопрос о *критериях предпочтения оферентом одних акцептантов перед другими*[272]. В настоящее время этот вопрос решается посредством юридического обычая, согласно которому *лица, акцептовавшие публичную оферту ранее, вправе рассчитывать на предпочтение перед лицами, акцептовавшими ее позднее*. Время акцепта публичной оферты может определяться по данным контрольно-кассовых чеков или доказываться показаниями свидетелей, образующих так называемую *очередь* (потенциальных акцептантов).

От публичной оферты нужно отличать иные предложения, хотя бы и адресованные неопределенному кругу лиц, но не содержащие всех существенных условий договора (реклама[273]), или предложения, хотя и содержащие эти условия, но сделанные таким образом, что не предполагают его заключения с любым отозвавшимся (газетное объявление о продаже автомобиля или покупке квартиры, объявление о конкурсе на право заключения договора и т.п.). Такие предложения не обязывают лиц, их сделавших, к заключению договора и рассматриваются лишь как *приглашения делать оферты* (вызов на переговоры).

592. **Заключение договора на торгах (по итогам торгов или закупок).** *Торги* представляют собой процесс *выбора их организатором* — одним из контрагентов будущего договора — *другого контрагента*, участие которого в договоре наилучшим образом отвечало бы интересам организатора. Именно с этим лицом (победителем торгов), отобранным благодаря особой процедуре среди некоторого (иногда значительного) количества претендентов (соискателей)[274], их организатор и обязуется заключить договор (п. 5 ст. 448 ГК). Способность выступать *организатором торгов* является элементом общей гражданской правоспособности — одним из проявлений способности частных лиц к заключению договоров (совершению сделок). Это означает, что организатором торгов может выступать собственник вещи или обла-

272 Такие критерии логично определить в законе еще и потому, что публичная оферта является предложением к заключению публичного договора, режим которого предопределяет равноправное положение лиц, участвующих в нем на потребительской стороне.

273 О понятии рекламы, правовом положении рекламодателей и распространителей рекламы см.: Федеральный закон от 18.07.1995 № 108-ФЗ «О рекламе».

274 Участники творческих конкурсов иногда именуются также *конкурсантами* и *лауреатами*.

датель имущественных прав (т.е. лицо, обладающее предметом будущего договора) либо специализированная организация, действующая от имени собственника (например, как представитель или агент) или от своего имени (например, как комиссионер) (п. 2 ст. 447 ГК). В принципе по итогам торгов может быть отобран контрагент для *любого* договора (не исключая даже договора дарения). Более того, законодательством могут быть установлены случаи заключения определенных договоров *только* по итогам торгов[275] (п. 1 и 3 ст. 447).

В зависимости от *формы своего проведения* различаются *торги-аукционы*, направленные на поиск контрагента, готового заключить договор по наиболее оптимальной для организатора цене, и *торги-конкурсы*, по итогам которых выигравшим признается лицо, предложившее наилучшие неценовые (или, во всяком случае, не только ценовые) условия будущего договора (п. 4 ст. 447 ГК). *Аукционы*, в зависимости от своих условий, подразделяются на так называемые *американские*, проводимые по принципу «Кто больше?!» (кто даст дороже), и *голландские*, основой которых является принцип «Кто меньше?!» (кто сделает дешевле). Ясно, что американский аукцион — это способ определения будущего плательщика денег (покупателя товаров, заказчика работ или услуг и т.д.), а голландский — наоборот, способ определения продавца (поставщика) определенного имущества (продукции, товаров), исполнителя работ или лица, оказывающего услуги, словом — получателя денег. С этой типизацией аукционов не стоит смешивать торги *на повышение* и *на понижение* цены: не следует полагать, что аукционы американские — это непременно аукционы на повышение, а голландские — на понижение. Все зависит от начальной цены: так, если для потенциальных покупателей она слишком высока (никто не хочет не то что повышать цену, но даже и давать запрошенную), то американский аукцион станет торгом на понижение; если же для потенциальных продавцов начальная цена слишком низка (никто не готов сделать так дешево, как того хотелось бы организатору аукциона), то голландский аукцион превратится в торг на повышение.

В зависимости *от круга лиц*, приглашенных для участия в торгах, различают торги *открытые*, или *публичные*, и *закрытые*, или, иначе, *частные*. Публичные торги в форме конкурса регулируются, помимо ст. 447—449 ГК о торгах вообще, еще и специальными нормами, содержащимися в гл. 57 ГК, применяемыми в субсидиарном по отношению к ст. 447—449 порядке (п. 5 ст. 1057).

Приглашение к участию в открытом аукционе или конкурсе обращается *к публике*; предложение же принять участие в закрытых торгах направляется только *определенным лицам* (п. 1 ст. 448 ГК). Извещение о проведении открытых торгов является, следовательно, *публичной*

275 Примерами таких случаев могут быть договоры купли-продажи заложенного имущества, а также имущества должника, реализуемого в рамках обращения взыскания, купли-продажи имущества с целью его приватизации, государственные контракты поставки и подряда для государственных нужд, договоры об оказании финансовых услуг, заключаемые естественными монополиями и др.

офертой, а извещение о проведении торгов закрытых — *офертой*. Акцентом предложения о проведении открытых торгов следует считать либо *прямо выраженные письменные заявления лиц* о своем намерении принять в них участие, либо их *фактические действия, соответствующие форме и содержанию торгов* (внесение задатка, представление в конкурсную комиссию предложений по условиям будущего договора, прибытие в место проведения торгов и т.п.). Акцепт извещений о проведении закрытых торгов, по сути, не требуется (см. абз. 3 п. 3 ст. 448). Акцепт извещения о проведении публичных торгов и получение адресатом извещения о проведении торгов закрытых означает заключение организатором торгов с каждым из участников особого рода гражданско-правового договора — *договора об участии в торгах*, весьма напоминающего собой договор *предварительный*.

Содержание извещения о проведении торгов (т.е., по сути, *перечень существенных условий договора об участии в торгах*), определяется п. 2 ст. 448 ГК и включает в себя сведения: (1) о форме торгов (закрытые или открытые, аукцион или конкурс), (2) времени, 3) месте и (4) порядке их проведения, а также (5) начальной цене торгов и 6) сроке, в который должен быть заключен договор по итогам торгов[276]. Такое извещение должно быть сделано организатором торгов не менее чем за 30 дней до их проведения, если иное не предусмотрено законом. Извещение об *открытых* торгах может быть отозвано их организатором не позднее чем за три дня до даты их проведения, а об *открытых торгах в форме конкурса* — не позднее чем за 30 дней, если иное не предусмотрено в законе или в извещении о проведении торгов (п. 3 ст. 448). Отзыв извещения в иные, более короткие сроки, а также отзыв извещения о *закрытых* торгах может быть осуществлен *только при условии возмещения организатором торгов реального ущерба, причиненного участникам торгов, принявшим предложение об их проведении*.

Условиями проведения торгов может быть предусмотрено внесение участниками торгов их организатору в установленный срок и в обусловленном порядке *определенной денежной суммы*, называемой в законодательстве *задатком* (п. 4 ст. 448 ГК; п. 6, 9, 12, 13 ст. 18, п. 5, 8, 11 и 12 ст. 20 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества»). Сравнив ее правовой режим

276 Из абз. 2 п. 5 ст. 448 ГК, впрочем, очевидно, что данное условие не является существенным, поскольку его недостаточность может быть восполнена диспозитивной нормой ГК: договор по итогам таких торгов, извещение о проведении которых не определяло срока его подписания, должен быть заключен *в 20-дневный срок после завершения торгов и подписания протокола об их итогах*.
В абз. 2 п. 2 и абз. 2 п. 5 ст. 448 ГК уточнено, что срок, предоставляемый для заключения договора, по итогам торгов должен указываться в извещении об их проведении не всегда, а только тогда, когда «...предметом торгов является только право на заключение договора». Эта оговорка имеет смысл лишь в том случае, если признать существование торгов, само подведение итогов которых (например, в форме удара аукционного молотка) уже означает заключение договора. Между тем подобного предписания российское законодательство не содержит; напротив, п. 5 ст. 448 ГК четко отделяет момент *подведения итогов торгов* («...лицо, выигравшее торги, ... подписывает ... протокол об итогах торгов», «...завершение торгов *и* оформление протокола») от *момента заключения договора* (подписания протокола о результатах торгов) *с их победителем*.

с правовым режимом задатка (ст. 380 и 381 ГК), легко установить, что задатком (суммой, вносимой стороной по договору в счет причитающихся с нее будущих платежей) данная сумма как раз и не является, по крайней мере, во время своего внесения (ибо в этот момент нет еще ни одного участника торгов, обязанного в каким-либо денежным платежам). *С момента уплаты и до момента определения победителя торгов* данная денежная сумма выполняет только одну-единственную функцию: обеспечивает возможные убытки организатора торгов на случай отказа возможного победителя торгов от заключения договора по итогам торгов. *С момента же определения победителя торгов* режим внесенных участниками сумм изменяется, причем различным образом. Суммам, внесенным лицами, которые участвовали в торгах, но *не выиграли их*, более нечего обеспечивать. Основание для дальнейшего нахождения этих сумм у организатора торгов пропадает, вследствие чего они *подлежат возврату* в разумный срок (по законодательству о приватизации — в течение пяти дней) организатором торгов лицам, внесшим таковые. Суммы же, внесенные лицами, признанными победителями торгов, действительно *приобретают значение задатков*, обеспечивая исполнение обязательства заключить договор как со стороны организатора, так и со стороны победителей торгов (ср. абз. 2 п. 4 ст. 448 с п. 1 ст. 380, затем второе предложение абз. 1 п. 5 ст. 448 — с первым предложением абз. 1 п. 2 ст. 381[277], и, наконец, третье предложение абз. 1 п. 5 ст. 448 — со вторым предложением п. 2 ст. 381 ГК). Можно сказать, что п. 4 ст. 448 ГК и иные принятые в его развитие правовые акты предусматривают своеобразный способ обеспечения исполнения обязательств, который можно именовать *будущим задатком*.

Нормы ст. 447—449 ГК предусматривают не только две *процедуры* торгов (конкурсы и аукционы), но и ***два типа торгов***, *две единственные логически мыслимые их модели* — (а) *неценовую* (конкурсную) и (б) *ценовую* (аукционную) (см. абз. 1 п. 4 ст. 447 ГК). Никаких других самостоятельных типов торгов — средних между конкурсным или аукционным — или альтернативных тому или иному типу — нет и не может быть, ибо противоречащими понятиями «ценовой» и «неценовой» логически исчерпывается весь возможный понятийный ряд. До недавнего времени необходимости в этом замечании, конечно, не было — это и так само собою подразумевалось и ни у кого не вызывало никаких сомнений — но с некоторых пор обрело характер как минимум спорного тезиса. Связано это с принятием и вступлением в силу Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», п. 3 ст. 3 которого указал, что в положении о закупке — внутреннем (корпоративном) акте, утверждаемом лицом, осуществляющим закупку — «...могут быть предусмотрены *иные (помимо конкурса или аукциона) способы закупки*. При этом заказчик обязан установить в положении о закупке порядок закупки указанными способами». Практика по-

277 Однако если от заключения договора уклонится выигравший участник торгов, он теряет только задаток, но не обязан возмещать иные убытки, даже если они превышают сумму задатка. В этом отличие задатка при проведении торгов от задатка общегражданского (см. абз. 2 п. 2 ст. 381 ГК).

казывает, что закупщики (заказчики) вроде бы следуя «лучшим мировым практикам» (конкретно — Типовым законам ЮНСИТРАЛ о закупках 1993, 1994 и 2011 гг.), и включая в свои закупочные положения такие «способы закупок», как, к примеру, торги с ограниченным участием, двухэтапные торги, запрос котировок, запрос цен, запрос предложений без проведения переговоров, с проведением диалога и с проведением последовательных переговоров, конкурентные переговоры, закупки из единственного источника, электронный реверсивный аукцион, в действительности направлены на достижение такой цели, которая явно не имелась в виду ни международными, ни отечественными правотворцами: создание таких способов закупок, которые формально (зачастую — просто по названию: в ГК «торги», а у нас «закупки»! — совсем другое!) не являясь видами торгов, могут проводиться без соблюдения положений ст. 447—449 ГК РФ. В совсем тяжелых случаях формулируются такие способы «закупок», которые *начисто лишают их всякого состязательного элемента* — того смысла, существа, которое изначально закладывалось в данное понятие. В действительности каждый способ закупки принадлежит либо к конкурсному, либо к аукционному типу со всеми вытекающими из этого частноправовыми последствиями.

К сожалению, проектируемые к ГК изменения свидетельствуют о намерении законодателя отказаться от этого — по сути совершенно справедливого — подхода. Так, в частности, планируется изменить уже упомянутый п. 4 ст. 447 ГК, указав в нем, что торги могут проводиться в форме не только аукциона и конкурса, но и «...в иной форме, предусмотренной законом», а также — дополнить эту статью новым пунктом (шестым), указав в нем, что «... правила, предусмотренные статьями 448 и 449 настоящего Кодекса, применяются также к торгам, проводимым с целью заключения договоров на приобретение товаров, работ, услуг или имущественных прав, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений», а также поместить там схожее постановление о биржевых торгах. Ни к чему хорошему — кроме очередного стимулирования недобросовестных «закупщиков» и заказчиков к массовому обходу простых и понятных правил Кодекса об аукционах и конкурсах — это, конечно, не приведет. До тех пор, пока закон исчерпывающим образом не определит существо закупочных процедур, отличных от аукционов и конкурсов и при том не укажет исчерпывающим образом условия их применения, о любых закупках способами иными, чем аукцион и конкурс следовало бы просто забыть.

593. **Особенности заключения договоров, обязательных для заключения.** Из п. 570 Учебника мы уже знаем о существовании договоров, заключение которых не является предметом свободного усмотрения частных лиц, но обязательно для одного или даже обоих его будущих участников. Таковы, в частности, основные договоры, подлежащие заключению в силу договоров предварительных, договоры, подлежащие заключению по итогам торгов (в том числе государственные контракты на поставку товаров и выполнение подрядных работ для государственных нужд (ст. 528, 765 ГК)), договоры поставки товаров для государственных нужд (ст. 529). Стремясь

обеспечить реализацию принципа обязательности заключения договоров такого типа, законодатель, во-первых, санкционирует возможность судебного понуждения уклоняющейся стороны к заключению обязательного для нее договора с определением условий такого договора в решении суда; во-вторых, возлагает на уклоняющуюся сторону бремя возмещения убытков, причиненных таким ее уклонением другой стороне (п. 4 ст. 445 ГК); в-третьих, позволяет передавать разногласия по условиям обязательного договора на разрешение суда (ст. 446); в-четвертых, до известной меры *определяет регулятивную процедуру заключения договора в обязательном порядке* (п. 1—3 ст. 445, п. 5 ст. 448 ГК[278]).

Лицо, получившее оферту о заключении *обязательного для него* договора, *должно отреагировать* на нее в течение 30 дней с момента получения. Какой именно будет его реакция — акцептом полным и безоговорочным, акцептом на иных условиях либо отказом от акцепта — неважно. Главное, чтобы эта реакция *была*. Оферент, получивший акцепт на иных условиях, вправе уведомить другую сторону о принятии оферты в ее редакции либо передать разногласия, возникшие при заключении договора, на рассмотрение суда в течение 30 дней[279] со дня получения акцепта на иных условиях. Право передать возникший преддоговорный спор на разрешение суда существует у оферента также в том случае, когда он получил отказ от акцепта оферты либо вовсе не получил никакого ответа на оферту в установленный для акцепта срок.

Возможна и ситуация, противоположная рассмотренной, а именно — когда инициатива заключения договора исходит от стороны, *обязанной его заключить*. Другая сторона (для которой заключение договора не является обязательным) может никак не реагировать на такую инициативу — никаких неблагоприятных последствий для нее от этого не будет. Разумеется, она вправе, как и в общем случае, акцептовать оферту, отклонить ее полностью либо в части. В последнем случае сторона, для которой заключение договора является обязательным, должна в течение 30 дней[280] со дня получения протокола разногласий известить своего контрагента о принятии договора в его редакции либо об отклонении протокола разногласий. В последнем случае, а также при неисполнении данной обязанности в установленный для акцепта срок, у контрагента возникает право передать возникший преддоговорный спор на разрешение суда.

Заключение договора может сделаться обязательным *в результате проведения торгов*[*]. Любопытно в этом случае то, что обязательным заключение такого договора становится *для обеих сторон*. Согласно п. 5 ст. 448 лицо, выигравшее торги, и организатор торгов

[*] см. п. 592

278 См. еще ст. 507 ГК — об урегулировании разногласий при переговорах по условиям договора поставки (не обязательного для заключения, но играющего такую роль в организации хозяйственных связей, которая заставила обратить на себя внимание законодателя).

279 Если иной срок не установлен законом, иным правовым актом или сторонами.

280 Если иной срок не установлен законом, иным правовым актом или сторонами.

обязаны (под угрозой применения обеспечительных последствий задатка) в день проведения торгов *подписать протокол о результатах торгов*. Это и есть *облеченный в надлежащую форму договор, заключенный по итогам торгов*. Если предметом торгов было только право на заключение договора, то подписываемый сторонами протокол о результатах торгов имеет значение *предварительного договора*, а основной договор должен быть подписан сторонами не позднее чем в течение 20 дней после завершения торгов и оформления протокола, если иной срок не был установлен в извещении о проведении торгов.

§ 6. Изменение и расторжение договоров (п. 594—600)

594. **Изменение и расторжение договоров в системе гражданско-правовых последствий (постановка вопроса).** Если договор — это юридический факт, относящийся к категории сделок (действий), то уместно, конечно, спросить, что вообще могли бы означать выражения «изменение договора» (изменение действия) и «расторжение договора» (расторжение действия)? Каким образом какое-либо действие, будучи уже совершенным, могло бы быть впоследствии «изменено» или, тем паче, «расторгнуто»? Ясно, что постановка подобных вопросов применительно к договору, понимаемому как действие, неуместна. Изменить или расторгнуть можно лишь *договор в смысле результата действия*, т.е. договор, понимаемый как *совокупность норм* (условий, правил, пунктов, параграфов и т.д.), *регламентирующих отношения определенных лиц* (чаще всего — самих сторон договора, либо субъектов, от имени которых он заключен). Когда к ранее постановленным нормам договора стороны своим соглашением прибавляют новые, или, напротив, исключают либо переменяют какие-то из ранее постановленных договорных условий, говорят об *изменении* договора. Если же стороны соглашаются, что нормы прежде заключенного договора к их отношениям более не применяются, то говорят о *расторжении* договора.

Все сказанное выше, разрешая одно недоумение (как можно говорить об изменении или расторжении действия), порождает другое. В самом деле, если пресловутое изменение и расторжение договора является итогом *соглашения* сторон, то какой же смысл его специально обсуждать? Ведь всякое соглашение, заключаемое во имя изменения или расторжения договора — это *точно такой же договор*, как и тот, что изменяется или расторгается им. Заключение такого соглашения производится по общим правилам о заключении договора; следовательно, тема «Изменение и расторжение договора» (которую вполне можно назвать иначе — «Заключение договора, направленного на изменение или расторжение другого договора») представляет собой частный вопрос из темы «Заключение договора». Действует же соглашение об из-

менении и расторжении договора точно так же, как и всякий другой договор (с момента своего заключения, без обратной силы и не подчиняясь влиянию позднейшего законодательства).

Обособленное рассмотрение в законодательстве (а вслед за ним — в практике и юридической науке) материала об изменении и расторжении договоров объясняется следующим.

1) Под изменением и расторжением договора очень часто имеют в виду не изменение или прекращение действия тех условий, что составляют договор, а *изменение или прекращение гражданских правоотношений, возникших из изменяемого или расторгаемого договора*, прежде всего — обязательств. Вспомним, как мы только что обозначили исследуемую тему «Заключение договора, *направленного на* изменение или расторжение другого договора». Если договор — сделка, то договор должен быть направлен на *возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений*; договор же об изменении или расторжении договора *направлен на изменение либо расторжение договора*. Следовательно, под изменением и расторжением договора понимают не столько те пертурбации, которые происходят с самим изменяемым или расторгаемым договором, сколько ту *динамику, которую стороны придают гражданским правоотношениям из договора, подвергающегося изменению или расторжению*.

2) Законодательству известны случаи изменения и расторжения договора *безотносительно к желанию* (*и даже вопреки нежеланию*) *кого-либо из его участников*. Иными словами, предметом внимания темы об изменении и расторжении договора является не столько сами изменение, расторжение и их последствия как таковые, сколько так называемая *верхняя граница договорной свободы*[*], т.е. *случаи и основания ограничения свободы частных лиц* в сфере заключения договоров, направленных на изменение или расторжение прежде связавших их договоров. При наличии соответствующих оснований заинтересованная сторона *вправе предъявить требование об изменении или о расторжении соответствующего договора в суд*, причем только при условии соблюдения *досудебного претензионного порядка урегулирования спора*[281] (п. 2 ст. 452 ГК).

[*]см. п. 569

3) Специальное изучение темы, посвященной *изменению и расторжению договора*, преследует, среди прочих, цель разграничения данной процедуры (и ее последствий) от процедуры (и последствий) *признания гражданско-правовых договоров недействительными*. Недействительность договора означает, что соответствующее действие, по недоразумению принятое заинтересованными лицами за частный договор, в действительности таковым не являлось и не создавало никаких юридических последствий. Если, паче чаяния, в отсутствие таких последствий по данному договору имели место какие-то предоставления, то таковые должны быть возвращены произведшим их сторонам[282]. Изменению же и расторжению могут быть подвергнуты

281 То есть после получения отказа другой стороны на предложение изменить или расторгнуть договор либо неполучения ответа в срок, указанный в предложении или установленный законом либо договором, а при его отсутствии — в 30-дневный срок.

282 Подробнее вопрос о недействительности сделок и ее последствиях будет рассматриваться ниже.

только *заключенные* и *действительные договоры*. Их действие может быть изменено или прекращено *только на будущее время*, а потому стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон (п. 4 ст. 453). Даже если основанием изменения или расторжения договора послужило существенное нарушение договора одной из сторон, другая сторона вправе требовать, по общему правилу, лишь возмещения убытков, причиненных изменением или расторжением договора (п. 5 ст. 453), но не возврата предоставленного ею.

595. **Основания изменения и расторжения договоров (общий обзор).** Договор, будучи продуктом изъявления свободных воль частных лиц и основанием возникновения гражданских правоотношений, должен был бы, вообще говоря, прекращаться *только другим договором* — соглашением его сторон. Действительно, таково общее правило п. 1 ст. 450 ГК: «Изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон». Это — нормальный (ординарный) порядок договорной динамики. Исключения из него (т.е. случаи применения аномального или экстраординарного порядка изменения или расторжения) могут быть установлены *законодательными актами* (включая сам ГК) или *соглашением* участников тех правоотношений, которые возникли из изменяемого или расторгаемого договора, в том числе и самим этим договором[283].

Реализуя предоставленную самому себе возможность установить исключения из им же самим сформулированного общего правила, ГК определяет, что в случаях, предусмотренных им самим, законом или договором[284], договор может быть изменен или расторгнут *судом*

283 Подобные договорные условия применяются с учетом ограничения, предусмотренного ст. 310 ГК. Именно: исключения из общего правила об изменении и расторжении по соглашению сторон *обязательственного* договора могут предусматриваться его условиями лишь тогда, когда он *связан с осуществлением его* (обеими! — *В. Б.*) *сторонами предпринимательской деятельности*. Эту норму планируется развить, дополнив п. 3 ст. 450 ГК двумя следующими правилами: (1) «...одностороннее изменение или односторонний отказ от договора, исполнение которого связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, а равно договора, исполнение которого не связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, допускается в случаях, предусмотренных законом или договором»; (2) «... в случае, когда исполнение договора связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение или отказ от договора может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательскую деятельность».
Сходную норму предлагается внести в п. 1 ст. 450 ГК: «*...многосторонним договором*, связанным с осуществлением *всеми* его сторонами предпринимательской деятельности, может быть предусмотрена возможность изменения или расторжения такого договора по соглашению как всех, так и *большинства лиц, участвующих в договоре*, если иное не установлено законом. Данным соглашением может быть предусмотрен *порядок определения такого большинства*».

284 Опять-таки с учетом ограничения, установленного ст. 310 ГК (см. предшествующую сноску).

по требованию (иску) одной из его сторон (п. 2 ст. 450 ГК). Согласно ГК любой договор может быть изменен или расторгнут подобным образом (т.е. в судебном порядке, по требованию одной стороны в случаях: (1) его *существенного нарушения другой стороной*[285] (подп. 1 п. 2 ст. 450); (2) *существенного изменения обстоятельств*, из которых стороны исходили и которые не могли предвидеть при заключении договора[286] (п. 1 ст. 451). Как уже отмечалось, требование об изменении или о расторжении договора рассматривается судом только при условии соблюдения досудебного претензионного порядка урегулирования данного спора (п. 2 ст. 452 ГК), имеющего целью подвигнуть стороны к самостоятельному определению судьбы спорного договора (к его изменению или расторжению в нормальном порядке, т.е. по соглашению).

Затем, гражданскому законодательству известен ряд случаев, в которых одна из сторон договорных правоотношений может *в одностороннем порядке и без обращения в суд* отказаться от исполнения заключенного ею договора (полностью или частично)[287]. Аналогичные случаи могут быть предусмотрены предпринимательскими договорами (ст. 310 ГК). В таких ситуациях к изменению или расторжению договора приводит *сам односторонний отказ от его исполнения* (п. 3 ст. 450 ГК), надлежащим образом заявленный и оформленный. Судебного решения об изменении или расторжении договора в этом случае не нужно.

Наконец, законодательством о банкротстве предусмотрена возможность внешнего и конкурсного управляющих при известных условиях (см. ниже) *отказываться от исполнения сделок (в том числе договоров)*[288] *должника — реального или потенциального банкрота.*

596. **Договор (соглашение) об изменении или расторжении договора.** Соглашение об изменении и расторжении договора заключается, по общему правилу, *сторонами изменяемого (расторгаемого) договора или их правопреемниками* (универсальными или сингулярными). В том случае, когда договор создает права для третьих (не являющихся его участниками) лиц, изменение и расторжение договора может осуществляться только с согласия этих лиц (п. 2 ст. 430 ГК). Участниками соглашения об изменении или расторжении договора, заключенного от чужого имени представителем, могут быть как тот самый представитель, что заключил изменяемый (расторгаемый) договор, так и другой представитель, равно как и непосредственно сам представляемый.

---

285 Предметом нарушения является, конечно, не сам договор, но договорные (из него вытекающие) обязательства.

286 Данная возможность применяется не безусловно, но лишь если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа.

287 Предметом исполнения являются не сами *договоры* (юридические факты), а созданные ими *обязательства*. Соответственно, правильнее говорить об отказе от исполнения не самого договора, а договорных обязательств.

288 Опять-таки правильно говорить об отказе от исполнения не самих договоров и сделок, но созданных ими обязательств.

Соглашение об изменении или расторжении договора должно быть совершено *в той же форме, что и изменяемый (расторгаемый) им договор*[289], если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев делового оборота не вытекает иное (п. 1 ст. 452). С момента заключения такого соглашения обязательства, установленные измененным или расторгнутым договором, сообразно содержанию данного соглашения изменяются либо прекращаются, если иное не вытекает из соглашения или характера изменяемого (прекращаемого) посредством него договора (п. 3 ст. 453). Соглашение об изменении и расторжении договора является по общему правилу *распорядительной сделкой*.

Очень важно помнить о том, что общее указание на юридическую роль соглашения — об изменении или расторжении договора — еще ничего не говорит о юридической природе такого соглашения. Сказать, что перед нами *соглашение об изменении (или о расторжении) договора* — значит не сказать ничего. Юридическая природа такого соглашения может быть различной и определяется его *содержанием*, т.е. тем воздействием, которое оказывается таким соглашением на договорные обязательства. Так, например, соглашение, изменяющее договорное обязательство в смысле предоставления должнику права прекратить обязательство не только его исполнением, но и предоставлением той или иной его замены, будет *соглашением об отступном* (ст. 409 ГК); соглашение, прекращающее одно обязательство и создающее взамен него другое, — *соглашением о новации* (ст. 414); соглашение, продлевающее срок исполнения обязательства, — *соглашением об отсрочке* или *коммерческом кредите* (ст. 823) и т.д. Подобное соотношение *соглашения об изменении и расторжении договора* со *способами изменения и прекращения гражданско-правовых обязательств* всегда необходимо иметь в виду при их подготовке и заключении.

597. **Изменение и расторжение договора по мотиву его существенного нарушения.** *Существенным нарушением*, являющимся основанием для предъявления иска о расторжении договора, признается такое нарушение договорных обязательств одной из сторон, которое влечет для другой стороны ущерб, *в значительной степени* лишающий ее того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора (п. 2 ст. 450 ГК). «Значительность» той степени, в которой потерпевшая сторона лишилась ценности причитающегося ей предоставления, является оценочным моментом, зависящим от обстоятельств каждого конкретного случая, и оставленным законом всецело на усмотрение суда.

Арбитражная практика относит к разряду существенных, в частности, следующие деяния: (1) нарушения обязательств из договорных

289 Закон говорит только о форме, но не о государственной регистрации. Поскольку государственная регистрация договора не является элементом его формы, следует заключить, что соглашение об изменении или расторжении договора, подвергнутого государственной регистрации, само государственной регистрации *не подлежит*.

условий, отнесенных к категории существенных законом или соглашением сторон; (2) длительная просрочка исполнения; (3) неисполнение обязанности по предоставлению предмета договора — «основной» обязанности; (4) нарушение условия о целевом характере обязательства; (5) неоднократные нарушения обязательства; (6) нарушения, препятствующие достижению цели договора; (7) нарушения, повлекшие неблагоприятные последствия неустранимого характера[290].

Поскольку в законе нет перечня нарушений, которые предполагаются существенными для всех договоров, существенный характер нарушения нуждается в доказывании. По общему правилу, фактические обстоятельства дела доказываются той стороной, которая на них ссылается; следовательно, *бремя доказывания существенного характера нарушения договора лежит на истце* — стороне, потерпевшей от нарушения — по иску об изменении или расторжении договора. Лишь в одном случае бремя доказывания распределяется иначе: для одного из договоров — договора поставки — законодательство прямо предусматривает перечень нарушений, *предполагающихся существенными* (см. п. 2 и 3 ст. 523). Здесь потерпевшему достаточно доказать самый факт нарушения; нарушителю же обязательств (ответчику), стремящемуся предотвратить изменение или расторжение договора, придется доказывать, что вопреки законной презумпции данное конкретное нарушение с его стороны существенным не было.

598. **Расторжение договора по причине существенного изменения обстоятельств.** Выше*, говоря о действии договоров, мы упомянули о том, что *правило pacta sunt servanda* (являющееся основополагающим принципом договорного права) имеет естественное ограничение, а именно — *применяется лишь при неизменности обстоятельств, в которых соответствующий договор был заключен.* «Все договоры заключаются с подразумеваемой оговоркой (clausula) rebus sic stantibus. Значительное изменение обстоятельств отражается на силе договора. Договор может потерять связующую силу. Эта молчаливая оговорка составляет единое целое с договором. Она — элемент договора»[291]. Заменяя всестороннее раскритикованное в литературе представление о пресловутой подразумеваемой оговорке отсылкой к положительному закону (п. 1 ст. 451 ГК), мы должны оценить правило о clausula rebus sic stantibus как весьма актуальное для нашего сегодняшнего правопорядка. Согласно указанной норме ГК такое изменение обстоятельств, разумное предвидение которых сторонами договора при его заключении привело бы к тому, что договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях, признается *существенным*.

*см. п. 566

290 См. об этом: **Практика применения** Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2008. С. 1141—1143.

291 *Агарков М. М.* К вопросу о договорной ответственности // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 41. Подробное исследование этой проблематики — см.: *Зейц А. Г.* Влияние изменившихся обстоятельств на силу договоров. (Clausula rebus sic stantibus) / под ред. и с предисл. Б. Б. Черепахина. Иркутск, 1928.

Закон исходит из того, что действительно существенное изменение обстоятельств делает исполнение договора невыгодным *для обеих сторон*. По этой причине п. 2 ст. 451 ГК предполагает, что в случае действительно (бесспорно) существенного изменения обстоятельств в изменении или прекращении договора будут заинтересованы обе его стороны, которые, руководствуясь таким интересом, изменят или расторгнут договор своим соглашением. Возникший же между ними спор о том, является ли изменение обстоятельств настолько существенным, чтобы служить основанием к изменению или расторжению договора, разрешается *судом*.

Суд признает изменение обстоятельств существенным при наличии одновременно следующих четырех условий: (1) *в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет*; (2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона *не могла преодолеть после их возникновения* при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота; (3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она *в значительной степени* лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора; (4) из обычаев делового оборота или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона (п. 2 ст. 451). Если принять во внимание, что ни одно из этих условий не является предметом предположения, что наличие всех их должно быть доказано заинтересованной (предъявляющей требование о расторжении договора) стороной, то станет понятно, что судебное расторжение договоров по мотиву существенного изменения обстоятельств должно быть практикой *совершенно исключительной*, можно сказать *экзотической*.

Существенное изменение обстоятельств, будучи установленным судом, обычно является основанием для *расторжения* договора, но не для его *изменения*. Судебное изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается в совсем уж исключительных случаях, а именно когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях (п. 4 ст. 451 ГК).

599. **Изменение и расторжение договора вследствие одностороннего отказа от его исполнения.** Существуют случаи одностороннего расторжения договора *без обращения в суд*. Все они объединяются под наименованием случаев *одностороннего отказа от исполнения договора*[292] (полностью или частично). В ближайшее время ГК будет дополнен новой ст. 450.1, первые два пункта которой планируется посвятить вопросам осуществления права односторон-

292 Как уже отмечалось, точнее говорить об отказе от *исполнения обязательства*, вытекающего из договора.

него отказа от договора и последствиям отказа от его осуществления. Именно: предполагается закрепить, что право одностороннего отказа осуществляется «...управомоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора или исполнения договора»; что «...договор прекращается с момента получения такого уведомления, если иное не предусмотрено законом или договором»; и, наконец, что если сторона, имеющая право на отказ от договора, не осуществляет такового, а, напротив, «...подтверждает действие договора, в том числе путем принятия от другой стороны предложенного последней исполнения обязательства, [то] последующий [ее] отказ от договора по тем же основаниям не допускается». Возможность (секундарное право) такого отказа должна предусматриваться законом или соглашением сторон. ГК предусмотрено более полусотни таких случаев (см., например, п. 1 и 2 ст. 188, п. 2 ст. 328, ст. 364, 386, 392, п. 3 ст. 396, п. 3 ст. 399, п. 3 ст. 430, п. 2 и 3 ст. 448, подп. 1 и 2 ст. 450, п. 1 и 2 ст. 463, п. 2 ст. 467, п. 2 ст. 475, п. 2 ст. 480, п. 3 ст. 484, п. 4 ст. 486 и др.). Во всех подобных случаях с момента реализации этой возможности (точнее — с момента восприятия акта такой реализации контрагентом по договору) соответствующий договор считается соответственно расторгнутым или измененным (п. 3 ст. 450 ГК).

Кроме того, ГК содержит два десятка норм, предусматривающих возможность одностороннего *отказа от договора* (не от «исполнения договора», а от «договора» в целом) (см. п. 1 ст. 76, п. 1 ст. 77, п. 2 ст. 85, п. 1 ст. 111, п. 2 ст. 123, п. 2 ст. 610, п. 2 ст. 689, п. 1 и 2 ст. 699, п. 5 ст. 709, п. 3 ст. 715, п. 3 ст. 745, ст. 778; п. 1 и 2 ст. 782; ст. 806; п. 2 ст. 958; п. 1 и 2 ст. 977; п. 3 ст. 995; ст. 1002; п. 1 ст. 1037; п. 1 ст. 1050; ст. 1051). ГК не поясняет, в чем состоит принципиальное различие между «отказом от исполнения» и «отказом от договора»; имея в виду, что в словосочетании «отказ от исполнения» ГК употребляет термин «исполнение» применительно не к обязательству, а к договору, можно предположить, что отказ от договора — это не особый институт, а иное обозначение пресловутого одностороннего отказа от исполнения договорного обязательства.

Наконец, ГК известны особые основания для одностороннего внесудебного изменения отдельных договоров, не связанные ни с их нарушением, ни с существенным изменением обстоятельств (см. ст. 534 и 566; п. 2 ст. 682; п. 2 ст. 708; п. 1 и 2 ст. 744; п. 2 ст. 754; ст. 778; п. 2 и 3 ст. 838; п. 1 и 3 ст. 868; п. 1 и 2 ст. 869; п. 1 ст. 893; п. 1 ст. 910). В большинстве перечисленных случаев признание права в одностороннем порядке прекратить договор или изменить его обусловливается *спецификой экономического положения субъекта*, за которым это право признается и служит охране его законных интересов. Реализация секундарного права на односторонний отказ от договора в подобных случаях обусловливается *одновременным либо предварительным возмещением другой стороне всех* причиняемых расторжением или изменением договора *убытков*.

600. **Отказ внешнего управляющего от исполнения договоров должника.** Нормами п. 1 ст. 99 и п. 3 ст. 129 Закона о банкротстве внешнему и конкурсному управляющим имуществом должника в рамках дела о его несостоятельности, предоставляется право «...заявлять отказ от исполнения договоров[293] должника» в соответствии со ст. 102 Закона. Существование данного права ограничено *трехмесячным сроком*, исчисляемым с даты введения внешнего (или, mutatis mutandis — конкурсного) управления (п. 1 ст. 102). Конкурсный управляющий лишен такого права «...при наличии обстоятельств, препятствующих восстановлению платежеспособности должника» (п. 3 ст. 129).

Пункт 2 ст. 102 Закона позволяет отказаться от исполнения таких договорных обязательств должника, которые (1) ко времени отказа не исполнены по крайней мере в какой-то части, и при этом (2) исполнение данных обязательств «...препятствует восстановлению платежеспособности должника» или связано с необходимостью несения должником расходов, больших чем те, что необходимы для исполнения обязательств из аналогичных сделок, заключенных при сравнимых обстоятельствах[294]. Данное право не распространяется на обязательства из договоров должника, заключенных им в ходе наблюдения с согласия временного управляющего или финансового оздоровления (п. 5 ст. 102).

Реализация управляющим своего права на односторонний отказ от исполнения договорных обязательств управляемого им должника осуществляется посредством направления им всем участникам соответствующего договора письменного заявления о таком отказе; с даты его получения последним из адресатов соответствующие обязательства считаются прекращенными, а договор расторгнутым (п. 3 ст. 102). По своей юридической природе такой отказ представляет собой *одностороннюю сделку*. Закон не предусматривает возможности заинтересованных лиц оспаривать таковую (например, по мотиву ее совершения при отсутствии достаточных к тому оснований, или вопреки факторам, препятствующим ее совершению), но позволяет кредиторам по обязательствам, от исполнения которого внешний или конкурсный управляющий должника отказался, требовать от должника возмещения убытков, вызванных таким отказом (п. 4 ст. 102).

---

293 Это — формулировка п. 1 ст. 99 Закона, относящаяся к внешнему управляющему. В п. 3 ст. 129, который относится к управляющему конкурсному, сказано о возможности отказа от исполнения не только договоров, но и иных сделок. Думается, что в обоих случаях законодатель хотел сказать об отказе от исполнения *договорных обязательств*.

294 Буквальное толкование формулировки Закона — «...если исполнение должником таких сделок повлечет за собой убытки для должника по сравнению с аналогичными сделками, заключаемыми при сравнимых обстоятельствах» — лишено смысла.

ГЛАВА 20

Корпоративные акты

Основная литература

Агарков М. М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 41—55; То же // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 333—360; *Антонова Л. И.* Локальное правовое регулирование. Л., 1985; *Вилкин С. С.* О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 43—67; *Его же.* О процессе принятия решения коллегиальным органом юридического лица // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 63—86; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 287—298; *Козлова Н. В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 379—392; **Корпоративное право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2009. С. 31—88, 161—263, 264—305; **Корпоративное право** : учебник (Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин и др.) / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2007; *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 136—139, 186—192; *Маковская А. А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: Проблемы, тенденции, практика : сб. ст. М., 2006. С. 351—385; *Сирота Е. Г.* Акты подзаконного регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004; *Таль Л. С.* Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. I : Общие учения. Ярославль, 1913; Ч. II : Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918; То же. М., 2006. С. 375—508.

§ 1. Понятие и юридическая природа корпоративных актов (п. 601—605)

601. **Общее представление о проблеме и ее истоках.** Постановкой проблемы выделения корпоративных актов в системе юридических фактов гражданского права наша гражданско-правовая наука обязана, конечно, новейшему фазису своего развития, призванному ответить многочисленным потребностям взрывного возрождения и кипучей деятельности российского частного бизнеса. Преимущественное использование при ведении предпринимательской деятельности организационно-правовых форм корпоративной направленности (сперва — товариществ, а ныне ООО, а также АО) обнажило вопрос о юридической природе таких действий, как *акты коллегиальных и единоличных органов управления делами корпораций — юридических лиц*, в первую очередь решений общих собраний учредителей (в том числе об утверждении устава корпорации), решений участников (акционеров) хозяйственных обществ, а также — советов директоров. В одном из новейших учебников по гражданскому праву отмечается, что корпоративные акты (в первую очередь — решения общих собраний участников хозяйственных обществ и товариществ) сегодня занимают «...особое место среди гражданско-правовых актов»[295]. Не являясь актами публично-правового свойства (административными актами) они в то же время обязательны для всех участников корпорации и ее исполнительных органов (поскольку последние, вступая в корпорацию «...добровольно брали на себя бремя подчинения воле большинства, выраженной в решении собрания»[296]), а в установленных законом случаях и пределах — также и для третьих лиц, вступающих в юридические отношения с корпорацией или ее членами, действующими на общий (корпоративный) счет.

> Нельзя сказать, что актов подобного рода не существовало прежде: они были прекрасно известны и широко применялись в торговых компаниях дореволюционного и нэповского времени, а также в таких объединениях советской эпохи, как трудовые артели, колхозы и общественные организации. Но сколько-нибудь последовательных попыток их систематизации и построения общего о них учения до сего момента так и не предпринималось. Первоначально так происходило, вероятно, из-за повсеместного господства позитивистского направления в отечественном правоведении и, конечно, из-за отсутствия самого общего учения о юридических фактах[297]; в последующем

295 **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. I. С. 432.

296 Там же. С. 433.

297 Напомним, что еще в 1940 М. М. Агарков писал, что «...теория и система юридических фактов в теории гражданского права могут иметь лишь предварительный, пропедевтический характер» (Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 86).

же — оттого, что единственно возможное (в условиях социализма) представление о всестороннем огосударствлении правотворческого процесса[298] лишило исследования этого вопроса всякой научной перспективы и практической актуальности. И только в последние полтора десятилетия он не просто обнажился, но (на фоне того гражданско-правового беспредела, с которым Россия столкнулась в 1990-е годы) заявил о себе, что называется, во весь голос, представ перед учеными в своем чрезвычайно обостренном, если не сказать, критическом виде.

Особняком стоит вопрос о юридической природе таких корпоративных актов, как *уставы хозяйственных* (в первую голову — акционерных) *обществ*. Он удостаивался внимания еще русских дореволюционных цивилистов, взгляды которых уже можно было сгруппировать в четыре направления с условными наименованиями 1) *договорного*, 2) *нормативного*, 3) *смешанного* и 4) *специально-юридического*:

1) сторонники *договорной концепции*, как это само собой понятно из названия, считали устав «...частною сделкой, договором между акционерами»[299];

2) защитники *нормативного направления* усматривали в уставе не более, не менее, как специальный (по прежнему выражению — «сепаратный») закон[300];

3) апологеты *третьего* (*смешанного*) *течения* считали устав договором в отношениях между акционерами, но в то же время — еще и законом по отношению ко всем третьим лицам[301];

---

298 Вот как, например, квалифицировались внутренние колхозные документы: «Правовые нормативные акты колхоза относятся к числу подзаконных актов. ... — Принятие общим собранием колхоза правовых нормативных актов представляет собой правотворчество последнего. В социалистическом государстве право не может возникнуть без государства и помимо государства, а правовой нормативный акт всегда имеет государственный характер. Государственную природу имеют и правовые нормативные акты колхозов. Само право колхозов принять Устав, Правила внутреннего распорядка, Положения об оплате труда и внутрихозяйственном расчете основано на Примерном уставе колхоза, санкционированном государством» (Комментарий к Примерному уставу колхоза / З. С. Беляева, А. А. Денисов, Л. И. Зайцев и др. М., 1972. С. 260; автор комментария — З. С. Беляева).

299 Данная позиция формулировалась П. И. Цитовичем (Курс русского гражданского права. Т. 1 : Учение об источниках права. Одесса, **1878**. С. 37—38) и особенно активно защищалась Г. Ф. Шершеневичем (О юридической силе уставов акционерных товариществ // Журнал гражданского и уголовного права. **1889**. Кн. 3. С. 119—130; Курс торгового права. Т. I : Введение. Торговые деятели. М., 2003. С. 413—414). А. Ф. Федоров (Торговое право. Одесса, **1911**. С. 500) уточнял этот взгляд, указывая, что «устав, хотя и утвержденный, есть собственно лишь проект содержания того товарищеского договора, в который должны будут вступить между собою все желающие стать акционерами».

300 См.: *Петражицкий Л. И.* Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве. По поводу предстоящей реформы акционерного права. СПб., **1898**. С. 3; *Нефедьев Е. А.* Торговое право. М., **1900**. С. 154—155; *Его же.* Учебник торгового права. М., **1904**. Вып. I—II. С. 81—82; *Гальперин С. И.* Учебник русского торгового и вексельного права. Вып. I : Часть общая и учение о субъектах и объектах торговых действий. Екатеринослав, **1907**. С. 119 (зачисляет в сторонники теории закона едва ли не всех русских цивилистов, кроме Г. Ф. Шершеневича); *Лаврентьев Д. К.* Торговое право, вексельное и морское: Краткий курс. М., **1913**. С. 61.

301 Впервые эту точку зрения высказал, судя по всему, П. А. Писемский (Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М., **1876**. С. 106—108); ее разделял В. А. Удинцев (Русское торгово-промышленное право. Киев, **1907**. С. 391—392).

4) наконец, пропоненты *четвертой теории* видели в уставе АО *юридический акт особого рода* — волевой по происхождению, но законный по значению[302].

Рассмотрение проблемы юридической природы устава предпочел подменить изложением вопроса о его форме и содержании по законодательствам различных стран И. Т. Тарасов[303].

602. **Современные теории корпоративного акта.** «Вопрос о квалификации актов, принимаемых коллегиальными органами юридического лица..., остается дискуссионным в цивилистической науке»[304]. С этим замечанием проф. МГУ Н. В. Козловой следует не только согласиться, но и распространить его, с одной стороны, на всякие акты юридических лиц-корпораций (в том числе акты их единоличных исполнительных органов), а с другой — на акты участников общей (корпоративной) деятельности, не приуроченной к юридической личности. К сожалению, столь широко данная проблематика в современной литературе не ставится; ее обсуждение ограничивается, главным образом, материалом акционерного права. В рамках такого обсуждения высказываются и анализируются три основные точки зрения по проблеме. Одни ученые считают корпоративный акт *разновидностью сделок — много- или односторонних* (*сделочная теория*); другие видят в нем *локальный нормативный акт* (*нормативная теория*); третьи считают его *юридическим фактом особого рода* (*специально-юридическая теория*).

1) **Сделочная теория.** Ее родоначальниками являются дореволюционные цивилисты — сторонники договорной и смешанной теорий уставов акционерных компаний — Н. А. Неусмский, В. А. Удинцев, А. Ф. Федоров, П. П. Цитович, Г. Ф. Шершеневич*. Универсальное распространение (с одного только устава — на все корпоративные акты) этому взгляду придал еще в 1929 г. И. С. Перетерский, поставивший в пример многосторонних сделок «...соглашения участников товарищества; в этом случае между участниками сделки нет того антагонизма интересов, как при обычных двусторонних договорах; в определенных законом случаях постановления собрания какого-либо коллектива (иногда называемые «корпоративной волей») обязательны для всех участников данного коллектива, хотя бы отдельные его участники не участвовали в вынесении этого постановления или протестовали против постановления, но остались в меньшинстве. Сходное положение занимают постановления общих собраний

*см. п. 601

302 *Пахман С.* О задачах предстоящей реформы акционерного законодательства. Харьков, **1861**. С. 55—58; *Нерсесов Н. О.* Конспективный курс лекций по торговому и вексельному праву: Торговое право. М., **1896**. С. 111; *Гуссаковский Н. Н.* Вопросы акционерного права. Пг., **1915**. С. 53—55. Объявление Н. О. Нерсесова сторонником законной теории (*Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права. С. 411, сноска 7) неосновательно.

303 См.: *Тарасов И. Т.* Учение об акционерных компаниях. М., 2000. С. 242—254.

304 *Козлова Н. В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 378.

участников юридического лица, например, постановления общих собраний акционеров...; однако эти постановления являются постановлениями не участников юридического лица, но самого юридического лица»[305].

В современной литературе эта концепция была выдвинута (хотя и с оговоркой об *особом характере* корпоративного акта как сделки) Н. В. Козловой («...решение общего собрания..., принятое в соответствии с законом и учредительными документами юридического лица и направленное на установление, изменение или прекращение корпоративного правоотношения, является многосторонней гражданско-правовой сделкой, совершенной субъектами, образующими коллегиальный орган юридического лица»[306]) и поддержана (с оговоркой de lege ferenda) Д. И. Степановым («Юридические факты корпоративного права следует признать сделками, причем по общему правилу сделками многосторонними. Однако до тех пор, пока позитивное гражданское право России не откажется от принципа единогласия как конституирующего признака понятия многосторонней сделки ... указанные факты можно квалифицировать как сделкоподобные юридические факты»[307]).

Уже в наше время, с подачи Б. Н. Архипова[308], сложилась и получила некоторое развитие особая разновидность сделочной теории, усматривающая в корпоративном акте не много-, а лишь *одностороннюю сделку*. Впоследствии это мнение было поддержано С. С. Вилкиным («...волевой акт (решение) коллегиального органа юридического лица представляет собой одностороннюю сделку, ... занимающую особое положение среди прочих сделок наличием возможности ее совершения против воли части лиц, участвующих в принятии решения»[309]) и (не столь, впрочем, категорично и однозначно) М. А. Рожковой («...решение органов юридического лица не может рассматриваться в качестве многосторонней сделки — это одностороннее действие, относящееся к группе юридических актов»[310]). Нетрудно заметить, что в основе данной теории лежит выдвинутая еще в 1958 г. О. А. Красавчиковым концепция *сонаправленных фактических действий* нескольких лиц как одного (единого) юридического факта — *одностороннего юридического действия*. «*Сонаправленные*

---

305 *Неретерский И. С.* Сделки. Договоры. М., 1929. С. 8.

306 *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 384. В то же время Н. В. Козлова утверждает, что «...законодательство и правовая теория позволяют отнести корпоративные акты к особой категории юридических фактов, которые не являются ни сделками, ни индивидуальными ... актами»; что в целом она могла бы «...согласиться с утверждением В. С. Ема, что корпоративные акты ... занимают особое место в системе гражданско-правовых актов» (Там же. С. 383). Стремясь подчеркнуть это «особое место», она называет корпоративный акт не просто сделкой, а *корпоративной* сделкой.

307 *Степанов Д. И.* Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 9—37, 61—62.

308 См.: *Архипов Б. Н.* Юридическая природа фактического состава, опосредующего реорганизацию акционерного общества // Законодательство. 2002. № 3. С. 46—55.

309 *Вилкин С. С.* Гражданско-правовая природа волевых актов коллегиальных органов юридического лица. М., 2009. С. 11.

310 *Рожкова М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: Соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009. С. 109.

действия отличаются от действий взаимных двумя моментами. Они, во-первых, ... хотя и имеют внутреннюю (в определенной степени) согласованность, но тем не менее сохраняют каждое как таковое относительную самостоятельность. — ... Вторым отличительным моментом действий сонаправленных от взаимных является адресат названных действий. Если во взаимных волеизъявлениях адресатом является лицо, которое также изъявляет свою волю по отношению к первому, то адресатом сонаправленных действий является третье лицо»[311].

2) **Нормативная теория.** Ее основа, которую также составляют воззрения дореволюционных цивилистов (С. И. Гальперина, Д. К. Лаврентьева, Е. А. Нефедьева, Л. И. Петражицкого и др.), нашла себе мощное подкрепление в трудах советских ученых — главным образом, апологетов концепций советского хозяйственного и советского трудового права. Весьма показательно, что основы этой концепции были заложены еще в 1918 г. во второй части монографии Л. С. Таля о трудовом договоре (указана в числе литературных источников к данной главе); в последующем, правда, основы эти были весьма радикально пересмотрены. Вспомним, что главной мыслью цитированного выше места из Комментария к Примерному уставу колхоза 1972 г. было соображение о государственной природе всякого вообще юридически обязательного правила поведения, в том числе такого, которое устанавливается не самим государством, но колхозом (кооперативной организацией). В условиях глубокого проникновения государства во все сферы общественной жизни иначе не могло и быть: не только государственные предприятия (именовавшиеся еще хозяйственными органами социалистического государства), но и кооперативные и даже общественные организации, рассматривавшиеся как звенья огромной всеобъемлющей и разветвленной системы органов управления, становились субъектами санкционированного государством правотворческого процесса.

Из сказанного само собою ясно, что причин для сохранения нормативной концепции корпоративного акта в современных условиях конечно не существует. Несмотря на это очевидное соображение отдельные современные ученые все-таки продолжают руководствоваться ее положениями. Так, например, И. С. Шиткина пишет, что «особенностью системы источников корпоративного права является включение в нее локальных нормативных актов или внутренних документов»[312]; с ее точки зрения «...правовая природа и сущность локальных нормативных актов и внутренних документов полностью совпадают и отличаются только сферой правового регулирования»[313]. Этот взгляд уже весьма подробно (и справедливо) раскритикован в литературе[314]. Нам остается лишь напомнить, что признание регу-

---

311 *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 104.

312 **Корпоративное право** : учебник (Е. Г. Афанасьева, В. Ю. Бакшинскас, Е. П. Губин и др.) / отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2007. С. 45.

313 Там же. С. 45, сноска.

314 См., в частности: *Вилкин С. С.* О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 43—67; *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 379—383.

лирующей роли за *корпоративным актом*, понимаемым как *внешне выраженный результат юридически направленного действия*, вовсе не требует размещения корпоративных актов в системе традиционных для российского менталитета (нормативных) источников права и вполне совместимо с поиском места того *действия, которое к этому результату привело*, в системе юридических фактов. Вспомним, что точно так же признание за *договором — достигнутым соглашением* — роли регулятора хозяйственных отношений сторон никак не противоречит признанию *договора — действия по достижению такого соглашения* юридическим фактом — сделкой (см. п. 96, 533, 536, 537, 563 Учебника).

3) **Специально-юридическая теория.** И ее зачатки (как это было уже показано) также можно обнаружить в трудах дореволюционных коммерциалистов — П. Н. Гуссаковского, Н. О. Нерсесова, С. В. Пахмана. В современной литературе эту позицию занимают, в частности, А. Б. Бабаев («...решение органа управления... не является сделкой, а представляет собой *особый юридический факт*»[315]), Р. С. Бевзенко («...мы ... должны признать, что они (корпоративные акты. — *В. Б.*) *образуют самостоятельную группу гражданско-правовых актов* наряду с частными актами (сделками), административными и судебными актами»[316]), В. С. Ем (соответствующее место цитировалось в самой первой сноске к этой главе[317]), Д. В. Ломакин («...представляется, что акты органов управления хозяйственных обществ занимают особое место в системе юридических фактов»[318]), Ю. А. Тарасенко («...логично было бы ... охарактеризовать устав юридического лица-корпорации как ненормативный, но при этом правовой акт, т.е. как правовой акт частного происхождения»[319]); с теми или иными оговорками ее разделяют, как мы помним, и такие сторонники сделочной теории, как Н. В. Козлова (вспомним ее солидаризацию с позицией В. С. Ема — сторонника специально-юридической теории), М. А. Рожкова (не случайно она называет корпоративные акты «односторонними *действиями*, относящимися к группе юридических актов», а не сделками) и Д. И. Степанов (вспомним его «сделкоподобные юридические факты»). Из этой же позиции исходили и мы в нашем предыдущем учебнике гражданского права[320]. По-видимому, к ней же склоняется и А. А. Маковская, посвящающая несколько страниц делу освобождения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от обвинений «...в том, что он применительно к решениям общих со-

---

315 **Практика применения** Гражданского кодекса РФ части первой / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2008. С. 240.

316 **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 369.

317 См.: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. 1. С. 432—433.

318 *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 190.

319 **Корпоративное право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2009. С. 287.

320 См.: *Белов В. А.* Гражданское право : учебник. Общая часть. М., 2002, п. 90 (противопоставление договорам), п. 1036 (противопоставление административным актам).

браний акционеров использовал гражданско-правовую конструкцию недействительных сделок»[321].

Подобно пропонентам сделочной теории названные ученые относят корпоративные акты к разряду *юридических фактов волевого происхождения — действий*. Далее начинаются различия. Как известно источником обязательности юридических последствий каждой конкретной сделки для всякого частного лица является то или иное (личное или через представителя) *участие соответствующего лица в ее совершении*. Сделка обязательна для частного лица настолько и постольку, насколько и поскольку ее совершение представляет собой *акт реализации его частной гражданской правоспособности*. Конкретный же корпоративный акт может быть обязательным как для лиц, участвовавших в его совершении, так и для лиц, не участвовавших в таковом и даже (более того) — для частных лиц, пытавшихся воспрепятствовать его совершению. Это означает, что основание (источник, причина) обязательности корпоративного акта лежит *не в самом факте участия частного лица в его совершении, а в чем-то ином*. Иными словами, если сделка — это акт реализации правоспособности известного частного лица, то корпоративный акт может и не являться таковым, но несмотря на это — создавать, изменять или прекращать гражданские права и обязанности с его участием[322].

Это соображение производит на сторонников сделочной теории впечатление «...довольно сильного довода в пользу того, чтобы за решением общего собрания акционеров/участников не признавать, по крайней мере de lege lata, свойство сделки»[323]. Не находя возможности опровергнуть его в рамках строгой логики, они обычно делают ряд оговорок, тем или иным образом обусловливающих верность их собственных взглядов. Так, у того же Д. И. Степанова находим две таких оговорки: 1) пресловутый «сильный довод» не имеет силы в отношении корпоративных актов, подлежащих единогласному совершению; 2) «...принцип единогласия для совершения сделки... не только не является конституирующим для многосторонней сделки, но, напротив, подобная ситуация рассматривается скорее как исключение, чрезвычайно редко встречающееся на практике»[324]. И если с первым ограничением еще можно было бы согласиться[325], то вторая оговорка слишком явно грешит против реальной действительности для того, чтобы ее можно было принимать всерьез. Ведь если какое-то лицо отсутствовало на собрании, постановившем корпоративный акт или, тем паче, голосовало против его совершения, это означает всего лишь то, что оно *в совершении данного корпоративного акта* попросту *не участвовало*. В этом смысле любой корпоративный акт всегда по-

321 *Маковская А. А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров акционерного общества // Недействительность в гражданском праве: Проблемы, тенденции, перспективы : сб. ст. М., 2006. С. 360–363.

322 Еще два аргумента против сделочной теории см.: *Ломакин Д. В.* Указ. соч. С. 191–192.

323 *Степанов Д. И.* Указ. соч. С. 20–21.

324 *Степанов Д. И.* Указ. соч. С. 22.

325 Если бы не существовало корпоративных актов единоличного происхождения.

становляется *единогласно* — лицами, голосовавшими за его принятие. Вопрос же о том, по какой причине он обязателен для других лиц[326], остается открытым.

603. **Необходимая предпосылка к научной постановке вопроса и его разрешению.** Разработка проблематики корпоративных актов как самостоятельной группы юридических фактов гражданского права самым непосредственным образом связана с правильной постановкой и исследованием вопроса о *корпоративных отношениях*. Ошибочно связывать их наличие единственно с корпорацией — юридическим лицом (тем более — с одним только хозяйственным обществом). Не корпорация делает отношения корпоративными, но наличие корпоративных отношений позволяет создать корпорацию[327]. Корпоративные отношения представляют собой *общественные отношения, направленные на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общих целей — союзной, коллективной или корпоративной деятельности*. Эти отношения складываются в связи с 1) постановкой общих целей, 2) определением средств их достижения и с 3) совершением согласованных действий в соответствии с предустановленными позициями по целям и средствам. С точки зрения правовой формы своей организации *корпоративные отношения по участию в одинаково для всех участников общей (совместной) деятельности* следует противопоставить *корпоративным отношениям по участию в равно чужой для всех участников деятельности*. Это «отчуждение» является чисто юридическим и достигается за счет ее приурочения к специально создаваемой для этой цели *организации* со статусом юридического лица. Такая организация на-

---

326 Пытаясь снять этот вопрос (не ответить на него, а именно снять, оставив без ответа), Д. И. Степанов приводит ряд примеров, которые (как ему кажется) подтверждают практику совершения сделок, «лишенных элемента корпоративности», но тем не менее обязательных для лиц, в них участия не принимавших, — публичные договоры, решения собраний владельцев ипотечных сертификатов участия и собраний кредиторов несостоятельного должника, так называемые безадресные сделки, клиринг, неттинг, а также решения участников простых товариществ (Указ. соч. С. 22—26). В действительности эти примеры ничего не подтверждают, поскольку отсутствие корпорации как юридического лица не означает отсутствия корпоративных отношений. Что же касается публичных договоров, то их объяснение через феномен отсутствия согласования воль является лишь одним из возможных, не сильно достоверным и у нас совершенно не признанным.

327 Это означает, что руководящее Д. И. Степановым стремление «очистить» теорию сделок от налета (элемента) корпоративности заставляет его сделать мыслительный шаг в направлении, как раз противоположном правильному. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на то, что учредительные договоры и уставы юридических лиц — корпораций заключаются (утверждаются) тогда, когда самих корпораций еще нет. Думается, что ничего другого, что более красноречиво подтверждало бы наш тезис о наличии корпоративных отношений и актов при отсутствии корпораций уже нет и не может быть.

зывается *корпорацией*[328]. Наконец, все корпоративные отношения (т.е. отношения по участию как в общей, так и в чужой деятельности) облекаются в так называемую форму *коллективной* или *корпоративной правоспособности*[329].

> Объединение в рамки единой правовой формы различных, как представляется большинству цивилистов, по существу отношений, вовсе не является нашей выдумкой, но имеет вполне объективное основание.
>
> Еще в 1886 г. П. П. Цитович в одном из первых русскоязычных систематических пособий по торговому праву отмечал, что коль скоро торговое товарищество «...имеет свое имущество, свою оседлость..., свое имя (фирму): то, другое и третье — отдельное от имущества, места жительства и имени товарищей», то «...и договор товарищеский *не есть только взаимное согласие договаривающихся сторон* ... — нет, он есть в то же время и *учреждение товарищества*»[330]. Сопоставляя далее торговое товарищество с гражданским, ученый находил, что последнее отличается от первого, прежде всего, своим внутренним (организационным, как сказали бы мы сегодня) единством, структурной систематичностью и целостностью, позволяющей признать его субъектом прав и обязанностей (т.е. юридическим лицом)[331]. В то же время самое сопоставление им товариществ со статусом юридического лица и без такового друг с другом, а этого последнего (т.е. простого товарищества) — также со случаями вынужденной (в частности, наследственной) общности имущества[332], очевидно, не могло бы иметь места, если бы ученый не усматривал какой-то *принципиальной общей черты* в перечисленных и им подобных ситуациях. Эта черта — *вложение нового* (*в сравнении с общегражданским*) *содержания в правоспособность*

---

328 Отсутствие общей деятельности *нескольких* лиц не позволяет констатировать ни наличия корпоративных отношений, ни корпораций в собственном смысле слова. Поэтому решения единственного участника так называемой компании одного лица ни при каких условиях не может быть отнесено к категории корпоративных актов. Ничего «корпоративного», кроме корпоративной внешности (названия и формы) в one man company не остается; особенно наглядно это видно на примере общего собрания акционеров, акты которого заменяются единоличными решениями и действиями единственного участника. Рассуждение Н. В. Козловой о том, что единственный участник АО, являющийся одновременно его руководителем, «*...действуя в качестве единоличного исполнительного органа ...*, не может совершить крупную сделку, тогда как при наличии *решения общего собрания, единолично принятого тем же лицом*, такая сделка будет законной и действительной» (Указ. соч. С. 387; курсив наш. — *В. Б.*), могло бы быть признано верным лишь при условии, что гражданское право признавало бы институт *юридически значимого раздробления воли одного лица*. В этом случае один акционер мог бы отдать часть голосов за решение одного и того же вопроса, а часть против, один и тот же субъект мог бы совершать сделки с самим собой и т.п. Увы, такого института ни одно гражданское право (насколько нам известно) не знает.

*см. п. 100, 197—199

329 Подробнее см.* очерки 1 и 4 в коллективной монографии «Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики» (М., 2009), а также: *Белов В. А.* К проблеме гражданско-правовой формы корпоративных отношений // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 2009. № 9.

330 *Цитович П. П.* Очерк основных понятий торгового права. М., 2001. С. 134 (выделено нами. — *В. Б.*).

331 *Цитович П. П.* Указ. соч. С. 136—138.

332 См.: Там же. С. 133—134.

частных лиц, объединенных общей целью или общим интересом, и (или) постановка новых (дополнительных, в сравнении с общегражданскими) пределов их правоспособности. Да, такая черта прямо не названа и не описана автором, что не отменяет, конечно же, ее наличия.

Приобретение корпоративной правоспособности означает возникновение у *частных лиц — членов коллектива* (сособственников, соавторов, содолжников, сокредиторов, товарищей, акционеров, сонаследников и т.д.) способностей к приобретению *таких обязанностей и (или) прав* по отношению друг к другу и (или) к специально создаваемому для этой цели новому юридическому лицу (корпорации), *которые основываются на их участии в общем деле и (или) его имущественно-трудовом обеспечении и*, следовательно, *без такого участия* (а значит и без корпоративной правоспособности) *приобретаться не могут*. К числу таких прав относятся в первую очередь:

а) *право участия в принятии решений по ведению общих дел* (право голоса при решении вопросов владения, пользования и распоряжения общим имуществом, использования общего авторского или патентного права, осуществления общего обязательственного права и распоряжения им на общих собраниях участников хозяйственного товарищества или общества, акционеров, членов кооператива, товариществ собственников жилья и индивидуальных застройщиков, на съездах и конференциях общественных объединений и т.д.)[333];

б) *право участия в доходности общего дела* (права на извлечение полезных свойств из общей вещи или общего права, в том числе в виде доли продукции или доходов, на дивиденд и иные формы распределения прибыли, на пользование предметами потребления и услугами организаций, основанных на началах членства и т.п.);

в) *право на участие в разделе имущественной основы общего дела в случае его ликвидации* (право на выдел доли в общем имуществе, на раздел общего имущества, на выход из товарищества или общества, на выкуп акций, на ликвидационный остаток).

К числу основных обязанностей участников общего дела[334] относятся обязанности покрытия принесенных им убытков и потерь и (или) участия в расходах по его текущему обеспечению и содержанию.

Говоря об установлении новых границ (пределов) правоспособности мы имеем в виду *автономное подчинение частного лица — участника общей деятельности — новому «господину» — той общей цели* (деятельности в общем интересе), которая всегда олицетворена *коллективом* (сособственников, соавторов, содолжников, сокредиторов, товарищей, акционеров, сонаследников и т.д.), а иногда — и органи-

333 Некоторые правовые формы организации общего дела предполагают приобретение всеми или некоторыми их участниками еще и так называемых *полномочий* — способностей к непосредственному ведению общих дел на общий счет перед третьими лицами. Так происходит главным образом в правовых формах, не предполагающих персонификации общей деятельности на уровне юридического лица.

334 Способность к приобретению обязанностей, обусловленных участием в общем деле, не возникает в случае его персонификации в акционерную форму. Во всех остальных случаях такие обязанности (например, по содержанию общего имущества, по защите общего авторского права, по расчету с содолжниками и сокредиторами, по внесению дополнительных взносов в имущество, уставный капитал или паевой фонд корпорации, по покрытию ее убытков, по субсидиарной с нею ответственности и т.п.) могут существовать.

зацией со статусом юридического лица (корпорацией). До вступления в общее дело частное лицо реализует частную правоспособность руководствуясь *только своими собственными* (частными, индивидуалистическими) *интересами*; после такого вступления ему приходится считаться еще и *с интересом общим*.

В чью же пользу устанавливаются пресловутые новые границы правоспособности? В том случае, когда правовая сторона ведения общего дела приурочивается ко вновь создаваемому для ее обслуживания субъекту со статусом юридического лица (корпорации), «выгодоприобретателем» от постановки гражданской правоспособности ее участников в новые (более узкие) пределы становится, в первую голову, эта самая корпорация. Если же речь идет об участии в общей деятельности, правовые последствия которой не приурочиваются к корпорации — субъекту права, а имущественные последствия относятся на общий счет всех ее участников, то такие границы, по всей видимости, должны быть названы взаимными — накладываемыми на правоспособность всякого и каждого участника общего дела в пользу всякого же и каждого иного ее участника.

604. **Корпоративный акт как частноправовой акт особого рода — акт общей воли. Определение корпоративных актов.** Сказанное вполне предопределяет решение поставленной проблемы. *Корпоративные акты* должны быть объединены со сделками как *частноправовые* акты и противопоставлены им как акты *общей* (т. е. стесненной общим интересом, коллективной) *воли* актам *воли индивидуальной* (т.е. свободной, ничем не стесненной, частной). *Корпоративные акты* — это правомерные действия частных лиц, *направленные на гражданско-правовую оценку процессов организации и осуществления деятельности по совместному достижению общих целей* (*союзной, коллективной или корпоративной деятельности*). Для квалификации акта в качестве корпоративного не имеет значения, требует ли законодательство его *единогласного* принятия всеми участниками общей деятельности, или же он может быть постановлен только некоторыми из них — быть может, большинством, а то и меньшинством[335], или даже единоличио[336].

---

335 Это вполне может случиться в АО, где кворумом правомочности общего собрания является присутствие акционеров, «...обладающих в совокупности более чем половиной голосов размещенных голосующих акций общества» (абз. 1 п. 1 ст. 58 Закона об АО), а кворумом принятия решения — по общему правилу «...большинство голосов акционеров — владельцев голосующих акций общества, *принимающих участие в собрании*» (п. 2 ст. 49 Закона). Для повторного общего собрания кворум правомочности еще меньше (п. 3 ст. ст. 58): не менее чем 30% размещенных голосующих акций, но кворум принятия решений прежний — простое большинство от числа присутствующих. Значит, на собрании с участием акционеров-владельцев 51% акций решение может быть принято акционерами, владельцами 26% акций; если же речь идет о решении повторного собрания, на котором присутствуют обладатели 31% акций, то оно может быть постановлено всего лишь 16% голосов акционеров. Несмотря на постановление решения таким вот *«абсолютным меньшинством»* оно все равно будет обязательным для всех 100% акционеров.

336 Сказанное относится не столько к «компаниям одного лица», сколько к корпоративным актам единоличных органов корпораций.

Дело здесь, следовательно, не в принципе корпоративной демократии, требующем от меньшинства подчинения большинству (как принято считать), а в том, что корпоративный акт, выработанный и принятый законным порядком, становится *внешним выражением общей воли* (ее формой дальнейшего существования). Той самой общей воли, действительный или мыслимый носитель которой[337] становится источником специальной (корпоративной) правоспособности[338], и в то же время — той самой общей воли, которая становится «господином» над соучастниками общего дела и в пользу которой последние урезают свои частные интересы, стесняют свою частную автономию и соглашаются подвергнуть особым ограничениям свою частную гражданскую правоспособность. Главное из этих ограничений — *подчинение* общей воле. Став участником любого объединения (коллектива, семьи, братства, союза, корпорации, сообщества, сословия, наконец, общества в целом), словом — *элементом социальной системы*, лицо не просто принимает и соблюдает *все* установленные в нем «правила игры», в том числе неформальные и даже незаконные[339] (встраивается в систему), но *не может не подчиниться законно выработанной воле объединения*, хотя бы таковая и шла вразрез с его собственной (индивидуалистической) частной волей.

Стремясь предупредить возможные претензии не вполне беспристрастных оппонентов, поспешим отметить, что ничего из написанного здесь не составляет нашего открытия. Все это можно найти в работах отечественных дореволюционных цивилистов, к сожалению, явно обойденных вниманием научной общественности.

Об *ограничении правоспособности участников общей деятельности* (на примере акционеров) и *об их подчинении общей воле* лучше всего сказали, пожалуй, Л. И. Петражицкий и А. И. Каминка[340]. Основная особенность корпоративных отношений, — утверждал последний, — «...заключается в том, что здесь нет той свободы, того равенства отношений, которое характеризует собой всю область обязательствен-

---

337 Действительным носителем общей воли будет корпорация — юридическое лицо; мыслимым — коллектив соучастников.

338 И в этом смысле, безусловно, более правильно поступают те, кто видит в корпоративных актах результат *сонаправленных* действий многих лиц и считает их *односторонними* (а не многосторонними) юридическими актами. В конце концов, с гражданско-правовой точки зрения решение общего собрания тех же акционеров — это решение *АО*, а вовсе не самих акционеров.

339 Быть может, соблюдение именно неформальных и незаконных требований системы блюдется наиболее тщательно. Защищать «своих» и противостоять «чужим» — непременные требование любой социальной системы: первое — условие ее внутреннего структурирования и сохранения стабильности, второе — условие ее внешней экспансии (развития). Человек, не желающий соблюдать требования социальной системы, рано или поздно, но обязательно оказывается за ее пределами (сначала по существу, а затем и формально).

340 По признанию последнего, «...страницы, посвященные в труде проф. Петражицкого вопросу о влиянии акционеров на управление, равно как и роли учредителей, являются не только лучшими в его работе, но лучшими во всей (довольно большой) литературе, посвященной этому вопросу» (*Каминка А. И.* Основы предпринимательского права. Пг., 1917. С. 106). Им имеются в виду, очевидно, с. 159—174, 184—189 монографии Л. И. Петражицкого 1898 г. или с. 167—180, 196—202 его работы 1911 г. (указаны в списке дополнительной литературы).

ных отношений»[341]; «в корпорациях подчинение неизбежно отличается неопределенным (абстрактным, т.е. тем же, что и у правоспособности. — *В. Б.*) характером, причем эта неопределенность является необходимым условием успешного функционирования ассоциации. Далее, оно отличается характером соподчинения и согосподства, которые мы наблюдаем в многочисленных видах товарищества. Одно и то же лицо и повелевает и подчиняется (т.е. соглашается ограничить свою правоспособность в пользу других соучастников, но в то же время получает возможность рассчитывать на идентичные взаимные ограничения с их стороны. — *В. Б.*)»[342]. В более позднем произведении он развивает эту мысль следующим образом: «Если предприятие принадлежит не одному, но нескольким лицам, необходимо их действия как-нибудь скоординировать (привести в систему. — *В. Б.*). Но если такая совокупность составляется из значительного количества лиц, то координация может быть достигнута лишь подчинением воли множественности лиц коллективной воле единства, организованного из множества. Таким образом из самого существа этой формы организации вытекает, что проявлению индивидуальной воли отдельных участников (реализации их общей гражданской правоспособности. — *В. Б.*) должны быть положены довольно узкие границы. Если же вспомним, что современные акционерные компании составляются из тысяч и десятков тысяч участников, порой рассеянных, в буквальном смысле слова, по всему свету, то легко понять, в какие микроскопически узкие рамки должна быть поставлена инициатива (автономия воли в деле реализации правоспособности. — *В. Б.*) отдельных участников»[343]. И далее: «...коллективная воля организованной единицы — не простая совокупность суммированных воль составляющих ее индивидов. ... Задача хорошей организации в том и должна заключаться, чтобы облегчить процесс образования коллективной воли, дабы воля индивидов слагалась гармонически в волю коллектива. — Слагаясь из множества (воль. — *В. Б.*) составляющих его (коллектив. — *В. Б.*) индивидов, воля коллективной единицы лишь в ничтожной степени отражает волю каждого индивида. Только те желания, которые оказываются тождественными у значительного количества участников, могут наложить свою печать на *коллективную волю множественности, искусственно сведенной к единству*. И конечно это ... достигается в результате *взаимодействия*, как необходимого условия жизни каждой организации, опирающейся на массы. И не в том только процесс состоит, что воля каждого индивида дополняется или парализуется волей других соучастников, но в том, что *воля каждого индивида видоизменяется*, когда он становится участником массового обсуждения. ... — Согласованность действий путем образования единой союзной воли достигается *организацией* множественности, сводящей ее к единству, единству в равной мере вовне и внутри (т.е. к системе. — *В. Б.*). И конечно, в процессе образования единой воли

341 *Камынка А. И.* Акционерные компании: Юридическое исследование. СПб., 1902. Т. I. С. 484.

342 Там же. С. 486.

343 *Камынка А. И.* Основы предпринимательского права. С. 104.

при наличности живых индивидов, составляющих союзную организацию, *их воля должна подвергнуться серьезным стеснениям*»[344].

Вопрос об *общей* (*коллективной*) *воле* прекрасно (коротко и вместе с тем емко) поставлен и у П. Н. Гуссаковского. Называя соображение о решении корпоративных дел по большинству голосов «явно несостоятельным», он пишет: «Общее собрание является *органом акционерного общества, но не уполномоченным отдельных акционеров.* Вследствие этого постановления его выражают собою *волю общества как юридического лица, но не волю отдельных участников общества.* Корпоративное устройство АО, несомненно, налагает на отдельных акционеров обязанность *подчиняться решениям общего собрания* даже и в том случае, когда это решение не соответствует их личным выгодам и намерениям»[345].

605. **Корпоративный акт как продукт частной свободы (автономии воли).** Сказанное в полной мере подтверждает цитировавшееся выше мнение о том, что по своей юридической природе (частному волевому происхождению) корпоративный акт наиболее близок к *сделке.* Тем не менее со сделкой он не сливается, поэтому правильнее называть его *сделкоподобным действием.* Корпоративный акт (как и сделка) — это юридический акт частного лица (корпорации) или коллектива частных лиц (не имеющего статуса юридического лица), т.е. *действие, имеющее юридическую* (*в частности — гражданско-правовую*) *направленность.* Направленность эта, однако, иного рода, чем направленность сделки. В то время как непосредственной целью сделок является возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, корпоративные акты *непосредственно направляются на динамику общей гражданской либо специальной корпоративной правоспособности участников общей деятельности.*

Судя по всему, именно 1) *частное происхождение*, 2) *гражданско-правовая направленность* и 3) *результативность* (правомерность) и являются настоящими причинами, побуждающими видеть в корпоративных актах сделки. Но такое обобщение не принимает во внимание видовых признаков сравниваемых понятий, а они у них различные. В самом деле: 1) в то время как *сделка* выражает *индивидуальную волю* частного лица, ее совершившего, *корпоративный акт* выражает *общую волю* (т.е. волю коллектива частных лиц), быть может даже, что и персонифицированного (имеющего статус юридического лица); 2) обязательность *единичной сделки* для известного лица зиждется на *конкретном акте изъявления воли о своем участии в такой сделке*; обязательность же *корпоративного акта* для известного лица зиждется на *абстрактном акте изъявления воли о его участии в актах данного рода.*

---

344 *Каминка А. И.* Основы предпринимательского права. С. 104—105, 136—137 (выделение наше. — *В. Б.*).

345 *Гуссаковский П. П.* Указ. соч. С. 55 (выделение наше. — *В. Б.*).

Данное отличие можно описать и иначе. Совершение *одной* сделки — это *один* случай реализации общей гражданской правоспособности, причем, приводящий всякий раз к *приобретению, изменению или прекращению гражданских правоотношений.* Сколько раз известное лицо воспользовалось своей гражданско-правовой способностью к их совершению (сделкоспособностью) — столько же сделок оно совершило. Один *акт изъявления воли об участии в общей деятельности* — источник обязательности *всех* корпоративных актов, законно постановленных в рамках этой деятельности общей волей ее участников, сколь бы велико ни было их количество, кем бы ни были участники этой деятельности и каково бы ни было юридическое содержание этих актов[346]. Некоторые корпоративные акты могут (подобно сделкам) порождать, изменять и прекращать как права, так и обязанности участников общей деятельности, но это — второстепенная и в известной мере случайна черта корпоративных актов. Главная и непременная отличительная черта корпоративных актов состоит в их *непосредственном влиянии на гражданскую правоспособность участников общей деятельности* — на принадлежащие им *способности* к совершению юридических действий и на те состояния *юридического ожидания* и *юридической связанности*, в которых они находятся[347]. Именно об этом, кстати сказать, пишет Д. В. Ломакин, когда утверждает, что «...нередки случаи, когда акты органов управления (корпораций. — *В. Б.*), особенно справедливо это звучит в отношении (актов. — *В. Б.*) волеобразующих органов, не имеют самостоятельного значения, а порождают, изменяют или прекращают права и обязанности лишь в совокупности с другими юридическими фактами...»[348].

Таким образом способность общей (коллективной) воли (в том числе юридически не персонифицированной) продуцировать кор-

---

346 В правообъектной сфере содержательным аналогом актов изъявления воли об участии в общей деятельности являются *распорядительные акты, совершаемые в отношении правовых (имущественных) комплексов**. Лучше всего это видно на примере *завещания* — одностороннего распорядительного акта универсального значения, т.е. распространяющего свое действие в равной мере на все права и обязанности (наследственную массу) завещателя, независимо от их природы и времени приобретения, в том числе те, которых ко времени написания завещания не имеется — лишь бы таковые принадлежали завещателю ко времени открытия наследства. Нет никакой разницы и в *актах распоряжения предприятиями*: в совокупности с обязательственными сделками, объясняющими основания их совершения, они, будучи однажды совершенными, касаются *в равной мере всех составляющих предприятия*, независимо от их природы и времени приобретения.

*см. п. 261

347 Именно этим обстоятельством (влиянием корпоративных актов на правоспособность участников корпоративной деятельности) и объясняется подмеченный С. С. Вилкиным *эффект иерархии корпоративных актов* — невозможность принятия решений, противоречащих уставу корпорации — юридического лица (в сделках, как известно, ситуация обратная: сделка специальная отменяет генеральную), или совершения действий, препятствующих ведению общего дела (см.: *Вилкин С. С.* Указ. статья. С. 62—63). Этой же причиной (непосредственным влиянием на общую гражданскую и специальную корпоративную правоспособность) объясняются многотрудные дискуссии по *проблеме допустимости так называемых акционерных соглашений* — соглашений о специальном порядке реализации прав акционера — и весьма осторожное (если не сказать настороженное) отношение к этому институту представителей научных кругов и судебной практики.

348 *Ломакин Д. В.* Указ. соч. С. 191.

поративные акты, юридически обязательные для участников соответствующего коллектива, имеет *частноправовое происхождение*. В ее основе — «отчужденные» частными лицами — участниками коллектива — *способности изменять свое правовое положение и свою гражданскую правоспособность в сфере ведения дел коллектива* (достижения общей цели, реализации общего интереса), т.е. кусочки» (элементы) их прежде ничем не стесненной (не «обрезанной», не ограниченной) общей гражданской правоспособности. Не государство наделяет человеческий коллектив (участников общего дела) способностью властвовать над своими членами (участниками), а *сами члены* (*участники*) *этого коллектива* признают наличие у коллектива такой способности (наделяют его ею) и соглашаются подчиняться той власти, которая будет проявлять себя в ходе реализации этой способности. Государство же, *регламентируя* строение, создание и деятельность коллективов одних типов (семей, коллективов имущественной и правовой общности, хозяйственных товариществ и обществ, кооперативов, общественных объединений, ассоциаций, союзов и т.д.) и *допуская* (но при этом не регулируя!) либо и вовсе *прямо запрещая* создание коллективов других типов (братств, содружеств, общин, землячеств, движений, вооруженных формирований, преступных группировок, банд, шаек и т.п.), подчеркивает тем самым *признание либо отрицание юридического значения актов реализации коллективной власти — корпоративных актов известного содержания и формы* (*типа*). Точно таким же образом государство поступает со *сделками* и вообще всеми фактическими обстоятельствами: оно дает им *юридическую оценку*.

Выше* мы писали, что «...свобода, или иначе *автономия воли* — заключается в возможности участника общественных отношений *самостоятельно* ("по своему усмотрению", "исключительно и независимо от посторонних лиц", "своей волей и в своем интересе") *определять факт, степень, продолжительность, способы и иные характеристики своего участия в общественных отношениях*»; что «... свобода есть в первую очередь *право выбора*», сделав который лицо принимает на свой счет все его последствия, как выгодные, так и неблагоприятные, поскольку вопрос о целях, причинах и мотивах сделанного выбора остается *исключительно частным делом частного лица. Отчуждение или ограничение частным лицом в пользу более или менее юридически оформленного коллектива способности определять границы собственного поведения «в обмен» на возможные выгоды от своего участия в чужой или общей деятельности* (в том числе — посредством установления известных норм и правил такого поведения) представляет собой один из важнейших способов реализации автономии воли, точнее — такого ее элемента, как «...право... независимой от государства социальной власти»[349]**. *Направленные правомерные действия* (решения, акты), *которые* (судя по их внешним признакам) *исходят от коллектива — обладателя отчужденной ему частными лицами возможности автономного правотворчества* (являются воплощением общей (коллективной) воли), *следует называть корпоративными правовыми актами* (или просто корпоративными актами).

*см. п. 18

**см. п. 568

349 *Вилкин С. С.* Указ. статья. С. 53.

§ 2. Действие корпоративных актов (п. 606—609)

606. **Межчленское (внутрикорпоративное) действие.** Из предыдущего параграфа становится совершенно очевидно, что *ни один корпоративный акт по идее не должен был бы распространять свое действие ни на кого, кроме участников соответствующей корпорации*. Корпоративным актам подчиняется тот, кто, во-первых, отчудил (реализовал) свою частную автономию в том смысле, что выразил согласие на такое подчинение, и во-вторых, корпорации (юридические лица), созданные в организационно-правовых формах, предполагающих такое подчинение. Лица, не ограничивавшие своей частной автономии во имя интересов какого-либо общего дела, т.е. лица, посторонние корпорации, ни к ней самой, ни к постановляемым ею актам общей (корпоративной) воли не имеют никакого отношения. Они не вправе ссылаться на положения актов корпораций, в которых не членствуют, не могут рассчитывать на применение к себе этих положений, точно так же, впрочем, как ни корпорация, ни члены этой корпорации не вправе оправдывать свои действия перед посторонними лицами, ссылаясь на корпоративные акты. Можно сказать, что *корпоративные акты имеют* (по общему, по крайней мере, правилу) *исключительно одно только внутреннее* (*межчленское или внутрикорпоративное*) *действие*.

> Что может быть естественнее принципа, в соответствии с которым решение общего собрания акционеров обязательно, во-первых, для того АО, высшим органом управления которого является это собрание и, во-вторых, для его акционеров? Разве может быть подвергнуто сомнению положение о том, что законно постановленное решение участников товарищества обязательно для самих этих участников (товарищей) и товарищества — юридического лица? решение собрания членов кооператива или общественного объединения — для членов соответствующей организации? решение супругов, членов семьи, сособственников, членов крестьянского или фермерского хозяйства, соавторов, сокредиторов, содолжников, сонаследников и т.д. — для лиц, входящих в соответствующий круг? Может ли строгая логика найти себе прибежище в правиле ином, чем *недопустимость оправдания противоправных действий* (например, причинения вреда или отказа в исполнении обязательства) *исполнением предписания корпоративного акта*? Ответы на все эти и иные им подобные вопросы слишком очевидны, чтобы требовать аргументации или объяснения.
>
> Не будучи обязательными для лиц, посторонних корпоративной (общей) деятельности, корпоративные акты являются, напротив, *безусловно обязательными для лиц, в этой деятельности участвующих*. Лицо, желающее исключить применение к себе положений корпоративных актов, не может сделать этого иначе, как путем выхода

из корпорации; впрочем, выход лица из корпорации *после* того, как постановленный корпоративный акт привел к возникновению у него каких-либо субъективных прав и (или) юридических обязанностей, сам по себе не отменяет (не прекращает) таковых. То же относится к случаям, в которых лицо утрачивает членство в корпорации по причине ее разрушения (прекращения) или вследствие исключения из нее[350].

Ссылка участника корпорации на то, что он не знал о содержании (или даже наличии) корпоративного акта, не принимал участия в постановлении корпоративного акта или даже более того предпринимал попытки заблокировать его принятие, не освобождает его от необходимости соблюдения положений этого акта в течение всего того времени, что он остается участником корпорации. Лицо (лица), в интересах которых постановлен нарушенный корпоративный акт, всегда вправе спросить с нарушителя за его нарушение; последний (если находит к тому основания) может регрессным иском переложить возникшие у него вследствие такой ответственности убытки на лицо, действие или бездействие которого привело к данному нарушению.

607. **Ретроспективное и перспективное внутрикорпоративное действие.** Бесспорность рассмотренных в предыдущем пункте положений может быть поколеблена, если мы посмотрим на них с точки зрения динамической. Нет, конечно, никаких сомнений в обязательности корпоративного акта для лиц, бывших участниками корпоративной деятельности *в момент постановления* этого акта[351]; но имеет ли он какое-нибудь значение для лиц, в данный момент такими участниками не являвшихся, но *прежде бывших или впоследствии ставших таковыми*, т.е. для *бывших* (*прежних, «старых»*) *или будущих* (*новых*) *участников корпорации*? Обязательность корпоративных актов, вынесенных *после* того, как известное лицо утратило статус участника общей (корпоративной) деятельности для данного лица, мы будем в дальнейшем называть *ретроспективным действием корпоративных актов*[352]. Напротив, явление обязательности для определенного лица таких корпоративных актов, которые были постановлены *до* того, как оно стало участником общей (корпоративной) деятельности, называется *перспективным действием*.

Кажущаяся немыслимость постановки вопроса о перспективном и ретроспективном действии корпоративных актов немедленно улетучивается, если вспомнить, что *обязательность корпоративных*

---

350 Возможно не во всех видах корпораций.

351 И даже последующий выход из корпорации не отменяет их действия в отношении вышедших участников, приобретших по соответствующим корпоративным актам права или ставших субъектами обязанностей (см. выше).

352 Используя терминологию, принятую в рамках учения об источниках права (см. п. 117), можно было бы сказать и об *обратной силе* норм (положений, предписаний, правил) корпоративных актов.

актов никак не связана не только с участием в их постановлении, но и даже с возможностью такого участия: так, например, акционер, не уведомленный об общем собрании акционеров и вследствие этого не участвовавший в нем, не избавляется от необходимости считаться с решениями, принятыми на таком собрании[353]. Следовательно, сам по себе тот факт, что то или другое известное лицо *уже* (или *еще*) не участвовало в корпорации во время постановления определенного корпоративного акта, если и означает, что оно может игнорировать его положения, то только лишь *по общему правилу*, да и то в отношении одного только *ретроспективного действия*, поскольку таковое зиждется (как и обратная сила закона) на фикции[354]. Действие же *перспективное*, напротив, может быть даже общим правилом, если признать, что своим вступлением в корпорацию (общее дело) лицо изъявляет готовность считаться с тем юридическим видом, какой эта корпорация (это дело) имеет ко времени вступления в нее этого лица.

Оправдание *ретроспективного действия* (т.е. действия в отношении бывших участников корпорации) корпоративных актов следует видеть в том, что их позднейшее постановление было обусловлено *такими действиями лиц — бывших участников, которые были совершены ими в период такого участия*. Корпоративные акты, не обусловленные такими действиями, ретроспективного действия иметь не могут. Наличие такой обусловленности, т.е. причинно-следственная связь действий бывшего участника общего дела с постановленным впоследствии корпоративным актом, как и всякий внешне выраженный положительный факт, не может предполагаться, но подлежит доказыванию.

Напротив, *перспективное действие* можно признать за *любыми* корпоративными актами, постановленными прежде приобретения конкретным лицом статуса участника общей (корпоративной) деятельности, причем, независимо от того, знал ли новый участник о наличии и содержании таковых в момент приобретения им права участия в такой деятельности. Пользуясь «подрядной» терминологией, можно сказать, что лицо становится участником действующей корпорации *на свой страх и риск*. Исключения из последнего правила должны, по всей видимости, составлять 1) корпоративные акты *строго личного характера*, т.е. акты о так называемых дополнительных правах и обязанностях конкретного участника, а также 2) такие корпоративные акты, о наличии или содержании которых лицо в момент приобретения участия в корпорации, их постановившей, не просто не знало, но было *введено в заблуждение*.

Разрешение вопроса о ретро- и перспективном действии корпоративных актов предопределяет ответ и на другой (тесно с ним связанный) вопрос — о *возможности обжалования* (*оспаривания*) *корпоративных актов лицами, которые во время постановления этих актов не принимали участия в корпорации* (*общем деле*). Думается, что от-

---

353 За ним признается, впрочем, способность покинуть корпорацию. Но, во-первых, такая способность признается за ним далеко не во всех случаях, а во-вторых, до тех пор, пока она не реализована, обязательности корпоративного акта никто не отменял.

354 На допущении того, что в тот момент, когда лицо было участником корпорации, соответствующий акт уже был постановлен.

вет на него всецело предопределяется теми факторами, в которых мы усматриваем основание обязательности корпоративных актов. Как для актов ретроспективного, так и перспективного действия таким основанием является *изъявление воли частного лица — бывшего или будущего участника корпорации* (*общего дела*). Впрочем, это изъявление воли имеет разный характер: если перспективное действие основывается на *вступлении в корпорацию*, означающем среди прочего *последующее одобрение* (*принятие*) вновь вступившим в нее лицом всех актов, ранее совершенных корпорацией, то действие ретроспективное проистекает из действий участника, *предваряющих* постановление обсуждаемых корпоративных актов[355]. Так или иначе, но всякое *волевое объяснение ретро- и перспективного действия корпоративных актов означает, что признать право их обжалования за лицами, в отношении которых они имеют описанное действие, невозможно*. Такое признание было бы равносильно, в частности, допущению иска о признании недействительным положительного решения общего собрания акционеров со стороны лица, голосовавшего *за* его принятие.

608. **«Широкое» внутреннее действие корпоративных актов.** Не менее очевидно жизнь свидетельствует и о том, что одними только корпорациями и их участниками круг адресатов корпоративных актов отнюдь не исчерпывается. Помимо них в число таких адресатов попадают:

1) *договорные и законные представители* участников общего дела[356];

2) *физические и юридические лица*, *привлекаемые* корпорациями на гражданско-правовой (договорной) основе *для исполнения корпоративных функций*[357];

3) *наемные работники* корпораций — юридических лиц;

4) некоторые категории контрагентов — *клиенты* корпораций.

---

355 Так, например, участник, голосующий за совершение сделки, направленной на «спиливание» активов корпорации или даже просто способной нанести убытки общему делу, *принимает на себя риск образования таких убытков и должен нести все неблагоприятные последствия реализации такого риска*, в том числе и после того, как он покинет корпорацию (общее дело). Такие последствия могут выразиться (в зависимости от типа корпорации) в пресечении возникновения права требования имущественных выдач из корпорации, в возложении обязанности покрытия убытков корпорации (в полном или ограниченном размере) или даже в привлечении к солидарной ответственности по долгам корпорации (общим долгам) перед третьими лицами.

356 Мыслимы далеко не всегда; в хозяйственных обществах, к примеру, в производственных кооперативах или партнерствах, отношениях содолжников и сокредиторов представители участников составляют вполне обычное явление; в товариществах же (как хозяйственных, так и некоммерческих), потребительских кооперативах, общественных организациях, супружеских, семейных и наследственных отношениях ни о каком представительстве речи быть не может. Спорна возможность представительства при сособственности и соавторстве.

357 В том числе функций единоличных исполнительных органов, членов коллегиальных исполнительных органов и советов директоров, функций счетных и ревизионных комиссий, регистраторов, аудиторов, управляющих, ликвидаторов и др.

Все перечисленные выше категории лиц абсолютно точно (достоверно) знают о существовании корпорации, существе преследуемой ею цели, в известных пределах — также о технологии ее достижения (ведения общего дела). Все они вступают в фактические либо юридические отношения с участниками такого дела или с олицетворяющей его корпорацией именно в непосредственной связи с его ведением. Такие отношения всегда представляют собой часть процесса либо 1) непосредственного ведения общего дела (например, голосование представителей на общем собрании участников, участие в работе совета директоров и др.), либо 2) его организационного, технического или финансового обеспечения (таковы отношения с наемными работниками и клиентами). Коротко говоря, известная степень зависимости успеха общего дела от деятельности лиц — вот причина, позволяющая участникам такого дела и (или) олицетворяющей его корпорации (как юридическому лицу) требовать от лиц, вовлеченных в это дело, внимания не к одним только условиям сделок с собственным участием[358], но и постановлениям корпоративных актов. Очевидно, что степень такого внимания и строгости таких требований должны быть прямо пропорциональными мере зависимости успеха общего дела от деятельности вовлеченных в него посторонних лиц. Собственно говоря, из-за такой вовлеченности, «одетой» в известные правовые формы, лица перестают быть «посторонними».

Основанием требования соблюдения корпоративных актов *представителем* участника общей деятельности (например, акционеров) является его *волевое отношение* с участником, от имени которого он представительствует — чью корпоративную правоспособность он реализует. Поскольку реализация корпоративной правоспособности немыслима, если она не подчиняется определенным правилам (в том числе содержащимся в корпоративных актах), следует считать, что представительство, осуществляемое с нарушением таковых, попросту не достигнет поставленной перед ним цели (не приведет к реализации корпоративной правоспособности). Коротко говоря, представитель не столько обязан, сколько *вынужден* считаться с требованиями *всех* (кроме тех, конечно, что не относятся к статусу представляемого им участника) *корпоративных актов*. Иное поведение было бы для него неразумным — оно привело бы к тому, что он не смог бы реализовать возложенные на него участником представительские функции.

Основанием требования соблюдения корпоративных актов лицами, состоящими с корпорацией (участниками общего дела) в функциональных, рабочих и клиентских отношениях, являются *сами эти отношения*, точнее — *волевые акты вступления в них*. Вступление в отношения по исполнению корпоративных функций предполагает *наивысшую* степень вовлеченности в деятельность корпорации; клиентский статус — напротив, *минимальную* степень такого участия. Поступление на работу в корпорацию можно позиционировать как отношение, занимающее *промежуточное* (среднее) положение между этими крайностями. Отсюда — разный объем требований к соблюдению корпоративных актов названными категориями лиц: 1) *испол-*

358 Которых, между прочим, может и не быть; те же самые *представители членов корпорации* далеко не всегда связаны какими-либо правоотношениями с корпорациями.

нители корпоративных функций подчиняются *всем* корпоративным актам, как уже совершенным ко времени установления отношений с корпорацией, так и тем, что имеют место быть совершенными в будущем; 2) с *работников* можно требовать соблюдения только определенных трудовым договором инструкций и правил (содержательно изменяемых, впрочем, без их согласия); 3) наконец, *клиенты* обязаны считаться с положениями лишь тех корпоративных актов, с которыми они были прямо ознакомлены под расписку.

609. **Внешнее действие корпоративных актов.** Наконец, положения некоторых (прямо определенных в законе) корпоративных актов, могут быть (в прямо определенных законом случаях и мере) обязательны для соблюдения также и лицами, вовсе никак не соприкасающимися с общей (корпоративной) деятельностью и в этом смысле — *посторонними* таковой. В противовес рассматривавшемуся выше внутрикорпоративному влиянию такое действие корпоративных актов можно было бы назвать *внешним*.

Так, будущие контрагенты корпорации — юридического лица обязаны принять во внимание положения его устава — корпоративного акта, определяющего пределы правоспособности корпорации, а также правовое положение (компетенцию) ее органов[359]. Сделка, совершенная вопреки ограничениям, содержащимся в данных корпоративных актах, подпадает в разряд условно действительных или оспоримых*. Те же неблагоприятные последствия постигают крупные сделки и сделки с заинтересованностью, совершенные в отсутствие одобряющих их корпоративных актов или не в соответствии с ними (там же). Требования считаться с внутрикорпоративными актами, ограничивающими полномочия на ведение общих дел кем-либо из товарищей (ст. 72, 1044 ГК) или на совершение сделок с общим имуществом (ст. 246, 253, п. 3 ст. 1229 ГК) — примеры тех ситуаций, в которых законодатель позволяет участникам общего дела ссылаться в отношениях с посторонними лицами на недостаточность или иную дефектность корпоративного акта.

*см. п. 559, 560

Основанием для признания за корпоративными актами внешнего действия является *актуальное или должное знание* посторонних лиц о необходимости наличия корпоративного акта известного содержания для совершения *от имени корпорации и* (*или*) *на общий счет* интересующего их гражданско-правового действия вне корпорации, но на ее счет (прежде всего сделки). В обмен на реализацию желания заинтересованного лица приписать имущественные последствия сделки не *конкретному гражданину*, подписавшему документ о ней, а *коллективу граждан* (семье, крестьянскому хозяйству, товариществу и т.д.) или, тем паче, созданному коллективом участников *юридическому лицу* (корпорации), от последнего было бы вполне резонно потребовать готовности принять во внимание по крайней мере важнейшие

359 Уставы наличествуют у подавляющего большинства юридических лиц, в том числе и тех, что по своей форме не могут быть сочтены за корпорации. Это доказывает лишь то, что под наименованием устава наше законодательство объединяет различные роды документов.

аспекты внутренней корпоративной жизни. В самом деле, если признанию права (блага) собственности неизбежно сопутствует признание и его бремени, возлагаемого на собственника, то почему, спрашивается, дело должно было бы обстоять как-нибудь иначе с признанием за лицом права (блага) рассчитывать на имущественное участие в сделке не одного только контрагирующего с ним субъекта, а целой стоящей за ним корпорации (всего коллектива)? Если третье лицо рассчитывает отнести гражданско-правовые последствия юридического действия на счет имущественного обеспечения *общей* (*корпоративной*) *деятельности*, то было бы разумно поставить условием реализации такого расчета хотя бы *минимальное его ознакомление с юридической стороной организационной основы такой деятельности*. Хочешь обязать коллектив (корпорацию) — прежде убедись в наличности общей (коллективной) воли (основания к такому обязыванию).

Внешнее действие корпоративных актов должно быть редчайшим исключением, которое всякий раз должно находить себе *прямое оправдание в законе*. В отсутствие законодательной нормы, прямо позволяющей заинтересованному лицу в случаях известного рода апеллировать к внешнему действию корпоративного акта — т.е. к его обязательности по отношению к лицу, не принимающему ни непосредственного, ни отдаленного участия в деятельности корпорации — подобная апелляция лишена оснований. Фактический же состав, необходимый для ссылки на недостаточность корпоративного акта в споре с посторонним корпорации (общей деятельности) лицом, *не может быть предметом процессуального предположения* (*нуждается в доказывании*).

§ 3. Виды корпоративных актов (п. 610—614)

610. **Классификация актов по субъектам их принятия.** Выше* определяя корпоративные акты как правомерные действия частных лиц, *направленные на гражданско-правовое оформление процессов организации и осуществления корпоративной деятельности*, мы указали, что для квалификации действий в качестве корпоративных актов не имеет значения, совершены ли они *всеми* участниками такой деятельности, только *некоторыми* из них или даже *единолично*. Главное — в существовании общей (корпоративной) деятельности — деятельности по крайней мере двух частных лиц[360] по совместному достижению равно общих для каждого из них целей. Договариваясь об осуществлении такой деятельности определенным способом, например, с помощью специально создаваемого для этой цели субъекта гражданского права (корпорации — юридического лица), участники такой деятельности соглашаются с тем, что часть принадлежащих

*см. п. 604

360 Именно поэтому пресловутые «компании одного лица» предполагают возможность совершения актов, *корпоративных только по форме* (наименованию, быть может — процедуре совершения), *но не по сути*.

им способностей по постановлению актов общей воли *переходит к другим субъектам* — частным лицам, исполняющим функции органов данной корпорации, а иногда и вовсе посторонним частным лицам[361] (например, единоличным управляющим и управляющим компаниям, ликвидаторам и т.п.). Сходные процессы могут иметь место и при осуществлении общей деятельности без образования юридического лица: так, ничто не мешает ни супругам, ни соавторам, ни участникам простого товарищества нанять управляющего их делами и (или) имуществом.

Сказанное позволяет построить многоплановую (многоступенчатую) классификацию корпоративных актов *по критерию личности субъекта, их постановившего.*

Прежде всего, нужно различать корпоративные акты, принимаемые *самим участниками общей деятельности*, и корпоративные акты, постановляемые *третьими лицами*, которые специально для этой цели привлекаются участниками. Данное разграничение важно для случая ведения общей деятельности без создания юридического лица — корпорации. Оно помогает определить круг субъектов, имеющих право оспаривания корпоративных актов: в то время как участники общей деятельности могут оспаривать корпоративные акты третьих лиц, доказывая их несоответствие общей воле, третьи лица возможности спорить с актами участников общей деятельности не имеют.

Затем, применительно к корпоративной деятельности, облеченной в форму юридического лица, стоит, по всей видимости, противопоставить корпоративные акты, совершенные *самой корпорацией как юридическим лицом* (ее органами), актам, совершенным *иными лицами* (может быть, теми же участниками, быть может — от имени самой корпорации или от своего собственного имени). Действующему законодательству, впрочем, таких организационно-правовых форм, которые допускали бы постановление корпоративных актов от имени корпораций как ими самими, так и (в то же время) их участниками, неизвестно. Перед нами, следовательно, классификация, не столько имеющая практическое значение, сколько являющаяся переходной ступенькой к следующей.

Акты корпораций — юридических лиц (их органов) в литературе принято разделять на *коллегиальные* и *единоличные*, в зависимости от того, каким органом (коллегиальным или единоличным) они постановлены*. Данная классификация важна с точки зрения разницы в процедурах принятия тех и других. Рядом маячит классификация, построенная на основе разделения самих органов корпораций на *волеобразующие* (органы управления) и *волеизъявляющие* (исполнительные): работа тех и других предполагает различную процедуру постановления актов и различную судьбу, постигающую их при нарушении такой процедуры. Также возможно выделение актов *постоянно действующих* и *периодически функционирующих* органов.

*см. п. 340

361 Разумеется, сам такой переход, его сфера и пределы определяются организационно-правовой формой корпорации.

Практическое значение описанной классификации состоит, прежде всего, в том, что в ее рамках корпоративные акты распределяются с точки зрения собственной юридической силы по *нескольким иерархическим уровням*. Такая сила в конечном счете предопределяется теми полномочиями, которыми наделен принявший корпоративный акт орган корпорации, и своим местом в системе этих органов. Содержательное несоответствие актов меньшей юридической силы актам более высокого уровня иерархии может стать одним из возможных элементов сложного фактического состава, необходимого для их успешного оспаривания — признания недействительными*.

*см. п. 614

611. **Виды корпоративных актов по кругу адресатов.** Поскольку в ведении общей деятельности могут принимать участие самые различные лица**, то и корпоративные акты оказываются вынужденными определять пределы корпоративной правоспособности лиц, принадлежащих ко всем этим группам.

**см. п. 608

В первую очередь таковыми являются *участники общей* (*корпоративной*) *деятельности* (супруги, сособственники, фермеры, товарищи, члены кооперативов, акционеры, соавторы, содолжники и т.д.) и *корпорация — юридическое лицо* (если она создается). Для *договорных и законных представителей* участников корпоративной деятельности и корпораций никаких особых корпоративных актов обычно не издается — они подчиняются требованиям тех корпоративных актов, которые относятся к представляемым ими лицам.

Напротив, для тех лиц — физических и юридических — которые привлекаются корпорациями на договорной (гражданско- или трудоправовой) основе *для исполнения корпоративных функций*, а также для *клиентов* корпораций, как правило, издаются (постановляются, принимаются, утверждаются) *специальные корпоративные акты*, в том числе такие, как *положения* (об общем собрании акционеров (участников, членов кооператива, уполномоченных, делегатов и т.д.), о совете директоров, о правлении, о генеральном директоре, о ревизионной комиссии и т.д.), *регламенты* (например, ведения реестра акционеров (облигационеров, инвестиционных паев и т.д.), рассмотрения кредитных заявок, открытия счетов и др.) и *инструкции* (например, должностные инструкции различным категориям сотрудников) и т.д.

612. **Деление корпоративных актов по содержанию.** «В зависимости от того, каково отношение коллегиального органа к вынесенному на обсуждение предложению, можно говорить о *позитивных* (одобряющих предложение) и *негативных* (отклоняющих предложение) решениях»[362]. В соответствии с этим подходом все корпоративные акты вообще с точки зрения своего содержания могут быть разделены на *позитивные* (положительные, утверждающие) и *негативные* (отрицательные, отрицающие). В основе этого деления ле-

362 *Вилкин С. С.* К проблеме негативных решений коллегиального органа юридического лица // Законодательство. 2009. № 2. С. 32.

жит, конечно, разделение всех вообще актов человеческого поведения на случаи действия и бездействия. Корпоративный акт позитивного содержания — акт, побуждающий своего адресата к *действию*; негативного — акт, отрицающий необходимость действия или прямо его запрещающий, т.е. акт, побуждающий к *воздержанию от действия* (бездействию). Кроме того, корпоративные акты могут быть *многоаспектными* или *смешанными* — побуждая к совершению одних действий — в то же время могут отрицать или запрещать другие.

Так, решения общего собрания акционеров о внесении изменений в устав компании, совета директоров — об одобрении крупной сделки, супругов — о продаже совместно нажитого имущества, товарищей — о покупке на общие средства имущества производственно-технического назначения и т.д. — все это примеры корпоративных актов *положительного* содержания.

Напротив, решение общего собрания членов кооператива, отклоняющее предложенные изменения устава, совета директоров — о неодобрении крупной сделки, соавторов — об отказе от заключения или, скажем, продления, авторского договора и т.д. — случаи *негативных* решений.

Наконец, такие комплексные акты, как учредительный договор, договор о совместной деятельности, устав корпорации и ее внутренние документы (положения, регламенты и инструкции), называются *смешанными*.

Разделение корпоративных актов на позитивные и негативные важно для целей правильного установления гражданско-правовых последствий их успешного оспаривания — признания недействительными. Высказанное в литературе мнение о том, что негативные корпоративные акты вовсе не могут признаваться недействительными, аргументированно опровергнуто С. С. Вилкиным[363]. Другой вопрос — вопрос о *последствиях* такой недействительности. Мы полагаем, что признание негативного корпоративного акта недействительным ставит всех заинтересованных лиц в положение, идентичное тому, что существовало *в отсутствие любых актов по соответствующему вопросу. Недействительность отрицания не означает утверждения*; успешное оспаривание решения, например, о *неодобрении* крупной сделки не означает, следовательно, ее автоматического *одобрения* — оно означает лишь то, что вопрос этот просто еще не обсуждался и, следовательно, подлежит обсуждению в установленном порядке. В этом — и именно в этом! — заключается принципиальное отличие *негативных* корпоративных актов от актов *позитивных*, недействительность которых означает *постановление акта противоположного содержания*; так, успешное оспаривание решения об *одобрении* крупной сделки означает, что было принято решение о ее *неодобрении* без

363 См.: Там же. С. 32—35. То, что мы не признаем существования так называемых правопрепятствующих юридических фактов — понятия, составляющего центр аргументации С. С. Вилкина, — дела не меняет, поскольку в нашей интерпретации *негативный корпоративный акт* будет *условием бессрочной консервации* известного правового состояния (его неопределенно долгого сохранения в существующем виде). см. п. 478

какого бы то ни было дополнительного обсуждения. Подобный эффект судебных актов можно было бы назвать их *контрадикторной силой*: судебные акты о признании недействительными позитивных корпоративных актов *обладают* ею, в то время как аналогичные акты по делам о недействительности корпоративных актов негативного содержания — *нет*.

Негативные акты внутри себя также могут быть разделены на *собственно негативные*, т.е. отрицающие возможность или необходимость совершения определенных действий — акты, содержащие предписания типа «не делать того-то и того-то»), и *акты, подразумеваемые негативными*, т.е. акты, заключающиеся в непринятии (неодобрении, отклонении) положительных актов. Решение общего собрания участников корпорации, сформулированное как «в одобрении крупной сделки такой-то отказать», будет *собственно негативным решением*; однако, забаллотированное (не принятое) решение об одобрении крупной сделки — будет *подразумеваемо-негативным корпоративным актом*. Различие между ними в том, что с постановлением собственно негативного акта корпорация закрывает себе дорогу к повторному рассмотрению соответствующего вопроса в будущем; постановление же подразумеваемо-негативного акта, напротив, не исключает повторного обсуждения идентичного вопроса с перспективой его нового решения в противоположном смысле.

613. **Формы корпоративных актов.** Оформление различных корпоративных актов чрезвычайно разнообразно. По аналогии со сделками можно говорить об актах *письменных* и *устных*. На практике понятие корпоративного акта ассоциируется почти исключительно с *документами*, имеющими наименования *решений*, *протоколов*, *приказов*, *уставов*, *положений*, *регламентов* и *инструкций* (полностью, либо в виде выписок из них), т.е. с актами, облеченными в *простую письменную форму*, скрепленными подписями их постановивших либо специально указанных в законе для этого лиц и (как правило, в силу сложившегося в нашей практике обычая делового оборота), печатью или печатями лиц, от имени которых постановлен соответствующий акт. Затем, существуют такие корпоративные акты (особенно много таковых в сфере текущей деятельности корпораций), которые совершаются *устно*. Наконец, корпоративные акты могут воплощаться в *многосторонних договорах*[*].

*см. п. 565

Требуя в некоторых случаях оформление корпоративных актов документами определенного типа (вида), законодательство, вместе с тем, далеко не всегда уточняет, какими же обязательными признаками (содержанием и реквизитами) должны обладать такие документы для того, чтобы их можно было признать документами данного типа (вида). Так, например, говоря о необходимости облечения решений общих собраний акционеров, совета директоров, счетной комиссии и правления (коллегиального исполнительного органа) в *протокольную форму* (п. 4 ст. 56, ст. 62, 63, п. 2 ст. 67, п. 4 ст. 68, п. 2 ст. 70 Закона об АО), законодательство никак не поясняет, что же такое собственно

протокол и чем он отличается, например, от *решения*, *приказа* или *постановления*. Нет точной юридической разницы и между такими документальными формами, как *положения* (правила), *регламенты* и *инструкции*. Можно считать общепризнанной лишь практику их утверждения другими документами (решениями, приказами и протоколами); по-видимому, также «Положением» называется такой документ, который определяет правовой статус того или иного органа корпорации; «инструкции» адресуются сотрудникам, а «регламенты» — как органам, так и сотрудникам с целью «расписать» процессы выполнения тех или иных функций. Но все это — результаты наших собственных эмпирических наблюдений на материале, который, конечно, никак не претендует на репрезентативность.

Устные корпоративные акты, вопреки общераспространенному взгляду, отнюдь не являются исключением, но представляют собой повседневную и массовую практику. Вот генеральный директор АО подписывает известный договор. Предваряет ли он совершение этого действия оформлением документа под названием «Решение (его самого) о совершении сделки такой-то» или «Приказ (самого себя) о подписании договора такого-то»? Разумеется, нет. Вместе с тем очевидно, что всякому подписанному договору (акту «вовне») предшествует *решение о таком подписании — внутренний или корпоративный акт* (решение совершить сделку). Особенной документарной формы такое решение не получает потому, что предполагается и поглощается сделкой — юридическим фактом *внешней* направленности. Такие корпоративные акты вполне могут быть оставлены в *устной* (точнее — конклюдентной, или имплицитной, т.е. подразумеваемой) *форме*.

Многосторонние договоры, в том числе учредительный и о совместной деятельности (простого товарищества), помимо того, что, по всей вероятности, могут связывать своих участников обязательственными правоотношениями, еще и оказывают непосредственное влияние и на их гражданскую правосубъектность, а именно — снабжают их *корпоративной правоспособностью*. Их наименование договорами и применение к ним правил о гражданско-правовых сделках и договорах никак не исключает одновременного воплощения в таких актах не только согласованных (скорректированных) индивидуальных воль каждого участника, но и *общей для всех участников* (*корпоративной*) *воли — воли к организации и ведению общей деятельности, т.е. действиям, направленным на достижение общих целей*. Поскольку продуцирование и реализация такой воли немыслимы без отчуждения (ограничения) каждым из участников такой деятельности одного из элементов своей частной автономии — возможности самостоятельного регулирования собственного взаимодействия с третьими лицами-участниками общей деятельности — в пользу этих последних и представляется возможным усматривать в договорных по внешнему виду актах *элемент корпоративности*. Иногда таковой замечается и привносится самим законом, признающим возможность несовпадения воли одного или нескольких отдельно взятых членов коллектива с общей (корпоративной) волей. К этой категории случаев относится, в частности, постановление п. 2 ст. 1258 ГК, согласно которому использование созданного в соавторстве неразрывного произведения

не может быть запрещено ни одним из соавторов *без достаточного на то основания*.

614. **Безусловно и условно действительные (оспоримые) корпоративные акты.** «Допустимость оспаривания в судебном порядке законности (действительности) решений, принятых общим собранием акционеров или советом директоров акционерного общества, в настоящее время никем не подвергается сомнению»[364]. С этим утверждением следует не просто согласиться — его абсолютно необходимо распространить на *все без исключения* корпоративные акты. Это означает, что корпоративные акты подобно сделкам (§ 5 гл. 18) могут быть разделены на *безусловно* и *условно действительные* (или *оспоримые*). Отмеченное внешнее сходство оспоримых актов с оспоримыми сделками не мешает различаться им по 1) *основаниям* (условиям) и 2) *последствиям* оспаривания. Правил относительно оснований и последствий оспаривания, общих для всех корпоративных актов, действующее законодательство не знает. За основу таких правил могут быть приняты нормы законодательства о недействительности решений общих собраний участников хозяйственных обществ — ООО и АО — как наиболее детально разработанные и адекватно обоснованные, а с недавних пор — еще и новые нормы ГК о решениях общих собраний участников гражданско-правовых сообществ. Подробнее о тех и других будет рассказано ниже*.

*см. § 4 гл. 22

614[1]. **Решения собраний как единственный, урегулированный ГК, вид корпоративных актов.** Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса был дополнен новым подп. 1.1), признавшим, что в числе оснований возникновения гражданских прав и обязанностей присутствуют, в частности, такие юридические факты, как «*решения собраний в случаях, предусмотренных законом*». Одновременно было внесено дополнение в ст. 12 Кодекса, предусмотревшее, что одним из способов защиты гражданских прав является *признание недействительным решений собраний*. И, наконец, Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ Кодекс был дополнен аж целой новой гл. 9.1 «Решения собраний», состоящей из пяти статьей (со 181.1 по 181.5), три из которых (181.3—181.5) посвящены вопросам *недействительности* — оспоримости и ничтожности — *решений*, одна (181.2) — порядку их принятия, и еще одна (181.1) — вопросам действия норм гл. 9.1 Кодекса и правовым последствиям, производимым решениями общих собраний. В настоящем пункте — посвященном законным и действительным (не оспоренным) решениям собраний — мы так или иначе рассмотрим большинство законоположений этих нововведенных статей, а проблематику недействительных решений собраний отнесем к материалу § 4 гл. 22 Учебника.

---

364 *Маковская А. А.* Указ. соч. С. 351.

Основное из вновь введенных законоположений Кодекса — это, конечно, предписание п. 2 ст. 181.1, попытавшееся дать общий ответ на один из важнейших вопросов освещаемой тематики — вопрос о юридическом действии решений собраний по кругу лиц: оказывается, такие решения порождают те гражданско-правовые последствия, на которые они направлены, во-первых, «*...**для всех лиц, имевших право участвовать в данном собрании*** (участников юридического лица, сособственников, кредиторов при банкротстве и других — участников гражданско-правового сообщества)» и, во-вторых, «... также *для иных лиц, **если это установлено законом или вытекает из существа отношений***». Среди общих норм гл. 9.1 таких случаев не указано, но зато определен круг тех ситуаций, в которых «иные лица» (в том числе добросовестные) *лишаются возможности рассчитывать на решения собраний*, а значит — и на действия, совершенные в ходе и во имя их исполнения. Это — четыре случая, в которых поначалу действительное решение собрания впоследствии может быть признано недействительным — т.е. оспорено (п. 1 ст. 181.4); из этих четырех случаев внешне видимыми (доступными наблюдению третьих лиц) отличается только один (нарушение правил составления протокола). О нарушениях трех других типов (нарушение порядка созыва собрания, отсутствие полномочий у участника собрания или нарушение равенства прав участников) третьи лица могут и не знать; к сожалению, это обстоятельство *никак не извиняет их и не позволяет им настаивать на сохранении решения собрания в силе*. Этим решения собраний резко отличаются от сделок, совершенных с различного рода «внутренними» нарушениями, в том числе в ситуации договорного ограничения полномочий (см. ст. 174 ГК).

В полном соответствии с описанным выше общим правилом о том, что решения собраний имеют одно только «внутреннее» действие (обязательны только для участников соответствующего гражданско-правового сообщества (корпорации) — лиц, имевших право участвовать в собрании, о решении которого идет речь), ст. 181.2 ГК кодифицирует ряд процедурных положений, касающихся порядка постановления (принятия) и оформления решений собраний. Правила эти, в общем, самоочевидны и вряд ли требуют особой констатации в законе — им место, скорее, в учебниках и пособиях; в лучшем случае — в монографиях, представляющих собой результаты академических обобщений ряда предписаний современного их авторам положительного законодательства. Таковы, в частности: (1) ***правило «двух поголовных кворумов»*** — кворума *участия* (не менее половины общего числа лиц, имевших право участия в собрании) и кворума *принятия решения* (большинство лиц, реально участвовавших в собрании) (абз. 1 п. 1 ст. 181.2) как единственного материально-правового условия принятия всякого решения любого собрания; при этом единственным вариантом определения голосов, поданных за решение, считается правило, при котором *одному участнику принадлежит один голос* (отсюда и название кворумов поголовными); (2) положение об эквивалентности решениям собраний в собственном смысле этого слова (т.е. собраний, проводимых в форме совместного присутствия лиц, имеющих право участия в нем) решений, постановленных посредством ***заочного голосования*** (абз. 2 п. 1 ст. 181.2); (3) принцип

«***один вопрос*** [повестки дня] — ***одно*** [самостоятельное] ***решение***», «...если иное не установлено единогласно участниками собрания» (п. 2 ст. 181.2), который предопределяет, в частности, не только возможность, но и необходимость раздельного обжалования (оспаривания) решений по каждому вопросу повестки дня; (4) правило об ***исключительно письменной*** (протокольной) ***форме***, в которую могут быть облечены решения собраний (п. 3 ст. 181.2); и, наконец, (5) содержит ряд правил, определяющих, в чем состоит существо этой самой ***протокольной формы***[365].

Совершенно оригинальным нововведением является положение п. 4 ст. 185 ГК, в соответствии с которым к решению собрания, в котором содержится указание на полномочия представителя, применяются правила не только собственно о решении собраний, но и о ... *доверенности*. В принципе это логичное нововведение, но пока трудно прогнозировать, к чему оно приведет.

Вопрос о *недействительности* решений собраний решается аналогично вопросу о недействительности сделок (см. § 3 гл. 22 настоящего Учебника); соответственно, недействительные решения собраний разделяются на *оспоримые* и *ничтожные* (абз. 1 п. 1 ст. 181.3 ГК). Правовой анализ данной нормы показывает, что ***оспоримые решения собраний*** — подобно оспоримым сделкам — *первоначально все-таки являются* ***действительными***. Они, разумеется, могут стать недействительными, если будут успешно оспорены (и в таком случае будут считаться недействительными с момента своего принятия — п. 7 ст. 181.4, т.е. с обратной силой), но могут и не стать, а навсегда остаться решениями *действительными*. Поэтому корректнее разделять решения собраний на решения (1) *действительные* и (2) *недействительные*; решения ***действительные*** — на (1а) безусловно *действительные* и (2б) *условно действительные (оспоримые)*, а ***недействительные*** — на (2а) *ничтожные* и (2б) *оспоренные*. Место учению о недействительных решениях собраний — среди прочих неправомерных юридических действий. Что же касается действительных решений, то про первый их тип — *решения, безусловно действительные* — мы уже сказали; точно также, мы уже перечислили выше четыре основания, по которым решения собраний могут быть оспорены (п. 1 ст. 181.4); осталось поговорить про *условия осуществления и ограничения права оспаривания решений, условно действительных* (*оспоримых*). Такие условия и ограничения установлены п. 2—6 ст. 181.4 и, судя по всему, п. 2 ст. 181.3 ГК. К условиям *положительным* (т.е. таким, без наличия которых оспаривание решения собрания невозможно) относятся:

---

365 Ни гражданское, ни иное законодательство не расшифровывает, что такое протокол и чем он отличается от иного документа (скажем, акта, договора, заявления, уведомления и т.п.); из п. 3—5 ст. 181.2 предположительно можно заключить, что протокол о принятии решения собрания отличается от всех других гражданско-правовых документов тем, что он (1) «*... подписывается председательствующим на собрании и секретарем собрания*» (в случае заочного голосования — указанным в нем лицами), а также (2) *обладает определенным содержанием — фактическим* (когда и где имело место собрание (а если голосование было заочным — то до какого времени собирались голоса), кто в нем участвовал, кто и как считал голоса, и кто голосовал против, требуя занесения сведений об этом в протокол) *и юридическим* (каков общий результат голосования по каждому вопросу повестки дня).

(а) ***условие о субъекте*** — способностью оспорить решение собрания обладает только имевший право участвовать в собрании, на котором было принято решение, но либо не участвовавший в нем, либо голосовавший против принятия оспариваемого решения, либо такой участник, волеизъявление которого при голосовании было нарушено (п. 3 ст. 181.4) и (б) ***условие о сроке*** — шестимесячном со дня, когда оспаривающий его субъект узнал или должен был узнать о решении, но в любом случае не более двух лет со дня доведения решения до сведения участников гражданско-правового сообщества (п. 5 ст. 181.4). К условиям *отрицательным* (т.е. таким, наличие которых препятствует оспариванию решения) относятся: (в) условие о ***последующем одобрении*** решения собрания — его наличие исключает возможность оспаривания одобренного решения (п. 2 ст. 181.4); (г) условия о ***возможностях*** оспорившего участника и наступивших для него ***последствиях*** принятия решения — не может оспорить решения тот, чей голос не мог повлиять на его принятие и тот, кто сколько-нибудь существенно не пострадал от него (п. 4 ст. 181.4); наконец (д) условие о ***преюдициальном бездействии*** — таковое (выразившееся в отказе присоединиться к иску об оспаривании решения, поданному другим участником) уничтожает право бездействовавшего участника на самостоятельный иск по тому же основанию, что уже предъявленный (п. 6 ст. 181.4).

К числу особого рода последствий оспаривания решений двух специальных типов — решений *опубликованных* и решений, *сведения о которых «внесены в реестр»* (по всей видимости — в ЕГРЮЛ) — *относится обязательная публикация сообщения (внесение в реестр сведений) о признании судом таких решений недействительными* (п. 2 ст. 181.3). Не вполне понятно практическое назначение этого требования, а также последствия его несоблюдения. Создается ощущение, что в процессе редактирования законопроекта норма, отвечавшая на эти вопросы, по какой-то причине была просто упущена. По всей видимости, законодатель планировал сказать о том, что судебные акты о признании недействительными таких решений собраний, которые были оглашены с помощью публикации или внесения сведений о них в Реестр, вступают в силу (производят намеченные ими последствия) *не ранее, чем с момента публикации таких решений (внесения в реестр сведений о них)* и *не имеют обратной силы*. Во всяком случае — для *добросовестно* положившихся на них третьих лиц.

Последнее, что нужно сказать про нормы гл. 9.1 Кодекса — так это то, что все они имеют ***общий характер***, т.е. применяются *в субсидиарном порядке* — лишь в том случае, «...если законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное» (п. 1 ст. 181.1). Очевидно, например, что «правило двух кворумов», исчисляемых поголовно (по числу участников) явно не сможет работать на *общих собраниях участников хозяйственных обществ*, где каждый участник имеет не один голос, а такое количество голосов, которое определяется величиной долей (количеством акций), им принадлежащих. Порядок принятия, оформления и обжалования решений общих собраний участников хозяйственных обществ определяется специальными законами — об АО (ст. 49—63) и об ООО (ст. 38, 39, 43 Закона). Затем, п. 3 ст. 67.1 (введенной Федеральным законом от 05.05.2014

№ 99-ФЗ и вступившей в силу с 1 сентября 2014 г.) установил *особые правила оформления* факта принятия решений собраний участников хозяйственных обществ и удостоверения состава присутствовавших на этих собраниях участников (см. указанную норму). Наконец, п. 2 ст. 149.4 ГК устанавливает особое основание для оспаривания решения общего собрания акционеров — *участие в его принятии лица, не имевшего на то права, удостоверенного бездокументарными ценными бумагами — голосующими акциями* (или иными, конвертируемыми в голосующие акции). Возможность оспорить такое решение имеет (а) лицо, являющееся обладателем соответствующих прав, при условии, что это решение (б) «... нарушает его права и охраняемые законом интересы», что (в) его голосование «... могло повлиять на принятие решения» и что (г) «...акционерное общество или лица, волеизъявление которых имело значение при принятии решения собрания, знали или должны были знать о наличии спора о правах на бездокументарные ценные бумаги». Легко сравнить эти условия с общими правилами и увидеть, что они далеко не во всем совпадают. Срок для такого оспаривания составляет (д) три месяца «...со дня, когда лицо, имеющее право на ценную бумагу, узнало или должно было узнать о неправомерном списании ценных бумаг с его счета», но в любом случае не может превышать «... одного года со дня принятия соответствующего решения» (сравните с общим правилом — шесть месяцев и два года соответственно). Наконец, «...суд может оставить решение собрания в силе, если признание решения недействительным повлечет причинение несоразмерного ущерба кредиторам акционерного общества или иным третьим лицам». Подобного ограничительного условия среди общих правил нет совсем.

Подпункт 5 п. 3 ст. 66.3 (введенной Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ и вступившей в силу с 1 сентября 2014 г.) пошел еще дальше и позволил предусматривать *особые правила принятия решений собраний* участников непубличных хозяйственных обществ уже не в законах, а в *уставах* этих хозяйственных обществ.

ГЛАВА 21

Акты публичной власти

Основная литература

Авдюков М. Г. Судебное решение. М., 1959; *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 111—138; *Его же.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 41—55; То же. // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 333—360; *Багандов А. Б.* Административно-правовой механизм лицензирования в РФ. М., 2007 (рецензию см.: Государство и право. 2008. № 7. С. 116—117); *Его же.* Лицензионное право РФ: Теория, законодательство, практика : учебник. М., 2004; *Быков А. Г.* План и хозяйственный договор. М., 1975 (рецензию см.: Советское государство и право. 1977. № 1. С. 144—146; Социалистическая законность. 1976. № 10. С. 91—92); *Васильев Р. Ф.* Акты управления. М., 1987; *Его же.* Правовые акты органов управления. М., 1970; *Вердников В. Г., Кабалкин А. Ю.* Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. М., 1970; *Дурденевский В.* Теория недействительности административного акта во Франции // Юридические записки, издаваемые Демидовским юридическим лицеем. Ярославль, 1914. Т. VII. Вып. XIX—XXII. С. 227—270; *Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М., 2007 (рецензию см.: Правоведение. 2008. № 1. С. 278—281); *Зейдер Н. Б.* Судебное решение и спорное право // Правоведение. 1958. № 2. С. 79—90; *Иоффе О. С.* План и договор в социалистическом хозяйстве. М., 1971; *Клейн Н. И.* Законодательство о планировании производства товаров народного потребления. М., 1967; *Ее же.* Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1975; *Кравцов А. К.* План и право: (Правовой аспект централизованного планирования социалистического государственного производства). Воронеж, 1976; *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 122—143; *Миловидов Н.* Закон-

ная сила судебных решений по делам гражданским. Ярославль, 1875 (рецензию см.: Журнал гражданского и уголовного права. 1875. Кн. 6. С. 290—296); *Николов Х., Петков Т.* Планирование и хозяйственные договоры / пер. с болг. М., 1978; *Овчинников Н. И.* Планирование социалистического народного хозяйства и хозяйственные договоры: Правовые вопросы // Ученые записки Дальневосточного университета. Владивосток, 1969. Т. 32. С. 3—78; *Его же.* Структура хозяйственных связей в планово-хозяйственных отношениях // Ученые записки Дальневосточного университета. Владивосток, 1971. Т. 56. Ч. 2. С. 76—158; *Осокина Г. Л.* Иск: Теория и практика. М., 2000; *Рожкова М. А.* Судебный акт и динамика обязательства. М., 2003; *Сейнароев Б. М.* План и договор: Материальное стимулирование. М., 1989; *Старилов Ю. Н.* Административное право. Ч. 2. Кн. 2 : Формы и методы управленческих действий. Правовые акты управления. Административный договор. Административная юстиция. Воронеж, 2001; *Тихомиров Ю. А., Котелевская И. В.* Правовые акты : учеб.-практич. и справ. пособие. М., 1999; *Тихонькова Н. В.* Проблемы судебного решения как юридического факта : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; *Халфина Р. О.* Административный акт и гражданско-правовой договор // Советское государство и право. 1952. № 1. С. 45—55; *Чечина Н. А.* Судебная деятельность и судебное решение. Законная сила судебного решения. О презумпции истинности судебного решения, вступившего в законную силу. Судебное решение как акт государственной власти. К вопросу о видах судебных решений в советском гражданском процессе. Понятие и сущность судебного решения. Содержание и форма судебного решения. Судебные определения // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 128—155, 156—182, 183—206, 207—228, 229—252, 301—319, 320—336, 337—341; *Шапкина Г. С., Шестакова М. П.* План и хозяйственный договор. М., 1981; *Яблочков Т. М.* Нормативная сила судебного решения // Вестник гражданского права. 1916. № 1. С. 39—63; *Его же.* Судебное решение и спорное право // Вестник гражданского права. 1916. № 7. С. 26—62.

§ 1. Акты публичной власти: понятие и признаки (п. 615—621)

615. **Определение и пределы гражданско-правового изучения актов публичной власти.** Разработка всестороннего учения об актах публичной власти (публично-правовых актах или актах органов публично-правовых (государственных и муниципальных) образований) подлежит ведению науки административного и муниципального права. Вместе с тем право гражданское также не может и не должно

дистанцироваться от участия в такой разработке, поскольку некоторые акты одностороннего характера, от органов публично-правовых образований исходящие, имеют немаловажное гражданско-правовое значение. Как мы уже знаем, публично-правовые образования проявляют себя в гражданском праве *с субъектной стороны*, т.е. как лица, принимающие участие в регулируемых гражданским правом общественных отношениях на равных основаниях с иными их участниками — частными лицами (см. гл. 12 Учебника). Но это обстоятельство не мешает публично-правовым образованиям оставаться носителями публичной власти и *в установленных законом случаях вмешиваться в частные отношения именно в этом своем — публично-властном — качестве. Правомерные действия органов публичной власти (их должностных лиц), а также лиц, исполняющих публичные функции, совершаемые именем носителя публичной власти и направленные на динамику гражданско-правовых форм отношений подвластных им частных лиц*, составляют круг актов публичной власти, входящих в предмет внимания науки частного (гражданского) права.

Из сказанного видно, что гражданское право вовсе не претендует на то, чтобы создавать какое-то свое собственное, узкоцивилистическое учение обо *всех* актах публичной власти как таковых. Гражданское право интересуют лишь те из них, что оказывают предусмотренное законом гражданско-правовое воздействие, т.е. имеют значение либо *условий* развития и движения гражданско-правовых форм, либо *юридических фактов* гражданского права. Именно с точки зрения своего воздействия на права частных лиц акты публичной власти и изучаются цивилистикой. Как в свое время очень точно написал О. А. Красавчиков, «...вопросы относительно административных, судебных и семейно-правовых актов имеют свою особенность в том, что они ставятся и разрешаются не с точки зрения понятия, содержания, видов и значения названных актов, а лишь применительно к тому, какое влияние оказывают административные, судебные и семейно-правовые акты на динамику ... гражданских правоотношений»[366]. Акты государственных и муниципальных образований, которые на динамику гражданских правоотношений и других гражданско-правовых форм влияния не оказывают (например, акты внутригосударственного распорядительного характера), наукой гражданского права не изучаются.

Далее, цивилистику интересуют акты, имеющие *конкретное* (*индивидуальное*) *гражданско-правовое воздействие*. Взять, например, *лицензионные акты* — акты, наделяющие то или другое *конкретное частное лицо* специальной правоспособностью (акт предоставления или выдачи лицензии), а также акты, которые ограничивают известное частное лицо в такой правоспособности или лишают ее (акты приостановления, изменения, аннулирования или отзыва лицензии). Также обстоит дело с актами иных типов — о регистрации

366 *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 122.

фактов создания конкретных лиц, динамики конкретных прав, совершения конкретных сделок; с плановыми, судебными и исполнительными актами; с актами об отводе и изъятии конкретным лицам конкретных участков земли и недр, о предоставлении конкретным лицам индивидуально-определенных жилых помещений, о приватизации и оценке конкретного имущества и др.; словом, гражданское право занимается исследованием одних только *индивидуальных* или *ненормативных* актов. *Нормативные акты, исходящие от административной власти* (или, как их называли прежде, организационные и регламентарные акты, или генеральные распоряжения) цивилистику не интересуют.

Наконец, акты публично-правовых образований изучаются гражданским правом в разрезе их свойств как отдельного рода *правомерных действий — юридических актов*, т.е. понятий одного рода со *сделками* (договорами) и *корпоративными актами*. С публично-правовыми актами не следует путать действия, совершаемые государственными и муниципальными образованиями в рамках участия в гражданских правоотношениях. В них они действуют как частные лица, т.е. как участники классических сделок и корпоративных актов. Специфика актов, совершаемых ими как публично-правовыми образованиями, заключается в том, что они совершаются *от лица соответствующих публично-правовых образований как носителей публичной власти*[367]. Это означает специфический источник их юридической обязательности[*]. Обязательность действия-сделки зиждется на таких его внешних признаках, которые дают основание другим частным лицам считать это действие проявлением *индивидуальной свободной воли к созданию юридических последствий*; обязательность действия — корпоративного акта — на таких его характеристиках, которые позволяют считать таковой продуктом *общей* (*коллективной или корпоративной*) *юридически направленной воли частных лиц*. Обязательность акта органа публичной власти основывается *на тех властных отношениях, в которых субъект, совершивший акт* (*власть имущий*), *состоит с адресатом или адресатами этого акта* (*подвластными лицами*). Возникновение отношений властвующего с подвластным может иметь место как в силу наступления *особых юридических обстоятельств, точно определенных законом*, так и в силу *предшествующего поведения подвластного*, например, его поступления на государственную службу или его иного добровольного подчинения власть имущему лицу.

*см. п. 541

Необходимо подчеркнуть также еще и следующее. Говоря об актах органов публичной власти, цивилисты имеют в виду не вполне то же самое, что административисты. В то время как последние подразуме-

---

367 Речь в данном случае идет лишь о *собственно юридических актах* — правомерных действиях представителей публичной власти. Действия же *неправомерные* по своему существу не могут исходить от государства — источника установления *положительного права*, т.е. субъекта *правовой* оценки общественных отношений. Иной подход потребовал бы допустить *возможность раздробления государственной воли* — положение, с точки зрения логики немыслимое. Ответственность государственных и муниципальных образований за неправомерные действия их *органов* и *должностных лиц* (см. терминологию ст. 53 Конституции РФ, ст. 13, 16, 1069—1071 ГК), следовательно, представляет собой частный случай ответственности *за чужие* действия (см. об этом в следующей главе).

вают, что речь идет в первую очередь об *актах* в смысле *документов*[*], представителям науки частного права важно акцентировать внимание на акте в смысле акта поведения или действия (юридическом факте). Документ для цивилиста — это *одна из возможных внешних форм выражения и существования* как самого акта-действия, так и тех положений и правил, которые выработаны субъектом, постановившим соответствующий акт, и направлены на урегулирование фактических отношений с участием частных лиц.

[*] см. п. 497

616. **Властное происхождение публично-правовых актов.** Понятие публично-правового акта неразрывно связано с понятием *публичной власти*. Это следует не только из предшествующего изложения, но само собою понятно и из терминологического обозначения исследуемого института *актами власти*. Не останавливаясь здесь (в рамках курса *гражданского* права) на существе понятия о власти вообще и публичной власти в особенности[368], мы должны, однако, указать на три важнейших фактора, характеризующих его природу: 1) силу, 2) общество и 3) право. Сила (реальная или воображаемая) является источником *приобретения* и *средством действенной реализации* власти; *общество* (более или менее сплоченное) служит той средой, в которой только и имеет смысл понятие о власти; наконец, *право* (реально действующее, применяемое право) является тем противовесом, который не дает власти превратиться в беспредел (деспотию, произвол, тиранию), который превращает ее из *просто власти* в *правовую власть*.

> «Публичное право предъявляет свои требования к должностным лицам и к гражданам во имя общего блага и, таким образом, заставляет их класть в основание своей публичной деятельности момент общественного долга. ... Сама возможность использовать публичное правомочие (публичную власть. — *В. Б.*) в большем или меньшем объеме, либо совсем его не использовать, подчинена этому моменту»[369]. Социальное служение, исполнение общественного долга составляет ту *цель*, которую должно преследовать всякое осуществление публичной власти. Внешней формой всякого случая реализации публичной власти является *публично-правовой акт*. Можно, следовательно, утверждать, что *публичная власть, поставленная в правовые рамки, представляет собой ни что иное, как юридическую способность к совершению публично-правовых актов (актов власти) или правовую форму организации и употребления силы на цели общественного (социального) служения*.

---

368 Интереснейший обзор русской дореволюционной литературы о понятии власти, а также постановлений гражданского законодательства о власти в частноправовых отношениях см.: *Таль Л. С.* Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ч. II : Внутренний правопорядок хозяйственных предприятий. Ярославль, 1918. С. 100–125, 125—146.

369 *Елистратов А. И.* Понятие о публичном субъективном праве. Теория субъективных публичных прав А. А. Рождественского. М., 1913. С. 6.

*см. п. 8, 9, 15

Вспомнив ту концепцию разграничения права на публичное и частное, на основе которой написан настоящий Учебник*, мы без труда установим, что совокупность правовых норм, регламентирующих общественные отношения по поводу правовой организации и употребления силы (или иначе, по реализации публичной власти — силы, поставленной в правовые рамки), представляет собой ни что иное, как *публичное право*. Общественные отношения власти-подчинения (иногда в литературе именуемые организационными отношениями)[370] будут *предметом публичного права*; совокупность тех принципов, в соответствии с которыми происходит правовое упорядочение (правовое регулирование или правовая оценка) этого предмета, составят *метод публичного права*. Публичная власть окажется той публично-правовой формой, которая составит существо понятия о *публичном праве*. Это означает, что *ни один акт публичной власти немыслим без абсолютно полного соответствия своего содержания, формы, условий и процесса собственного совершения* (*возникновения*) *и реализации тем основным положениям, которые составляют принципы публично-правовой формы организации общества*.

Как мы помним, отличительными чертами всякой публично-правовой формы организации общественных отношений являются ее 1) *строго-личный*, 2) *социально-служебный* и 3) *формализованный* характер; кроме того, всякая публично-правовая форма (не исключая, конечно, и публичной власти) включает в себя *способность к своей принудительной внесудебной реализации*[**].

**см. п. 9

Публичная власть — власть, которой общество облекло конкретное лицо благодаря личным качествам последнего — *осуществляется только и исключительно самим лицом, облеченным властью*, притом не допуская ни представительства, ни отчуждения, ни делегации, ни ограничения, словом, ни малейшего своего содержательного изменения без прямо выраженной на то законодательной санкции.

Затем, реализация публичной власти может происходить *исключительно во имя положительно определенных законом целей*; ее реализация иным образом предполагает *юридическую ответственность*. «*Всякая власть, как правомочие, обязывает ее носителя пользоваться ею сообразно с ее общественным назначением, другими словами, всякая власть, по существу, является в этом смысле социальным служением*. ... Именно в этом моменте кроются масштаб и критерий для разгра-

370 Мы не оговорились: речь идет именно об *особого рода общественных отношениях власти-подчинения*, а вовсе не о неком особом *методе*, который якобы может быть применен к организации едва ли не любых общественных отношений. «Проблема разграничения гражданского и административного права приводит нас к необходимости различать понятие имущественных отношений (центральное понятие гражданского права), с одной стороны, и понятие организационных отношений (центральное понятие административного права) — с другой. Организационные отношения всегда являются отношениями власти и подчинения...», — писал еще М. М. Агарков, указывая далее буквально следующее: «...неясности в вопросе о предмете гражданского права много способствовало то, что *власть, отношения власти и подчинения, противопоставляли не имущественным отношениям, а автономии*, в частности — "договорной автономии". Отсюда получалось, что *власть — не особый вид общественных отношений, а метод регулирования общественных отношений*, что совершенно неправильно» (*Агарков М. М.* Предмет и система советского гражданского права // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 295; курсив наш. — *В. Б.*).

ничения правомерного проявления власти от неправомерного. Оно правомерно настолько, насколько оно не противоречит общим требованиям закона и нравственности, не идет в разрез с объективно необходимыми и целесообразными задачами данной социальной организации, не посягает на права подвластных, как членов того же союза»[371].

Реализация возможностей и способностей, составляющих существо публичной власти, может и должна происходить *исключительно в соответствии с положительно установленными требованиями* (*процедурой*) и получать *строго определенное документальное оформление*.

Наконец, носитель публичной власти вправе прибегнуть к ее реализации *с использованием средств экономического, социального, психологического и физического принуждения* подвластных лиц к соблюдению выдвинутых им (носителем власти) законных требований. Можно сказать, что юридические возможности публичного права изначально заключают в себе тот самый элемент, которым частные лица располагают будучи участниками только *охранительных* гражданских правоотношений*. Разумеется, арсенал средств принуждения, субъекты, адресаты, основания, процедура, пределы и иные соответствующие случаю формы (границы, рамки) их применения должны быть *прямо определены предписаниями позитивного права*. Выход за их рамки всегда является (не предполагается, а именно является) действием противоправным, влекущим возникновение обязанности публично-правового образования, чьей властью было облечено лицо, это действие совершившее, возместить весь (без ограничения) вред, причиненный данным деянием подвластным лицам.

* см. п. 224.4

Резюмируя изложенное, можно сказать, что властная (публично-правовая) природа актов публичной власти предопределяет *абсолютную необходимость* их *постановления* и *принудительной реализации* 1) *надлежащими* (полномочными, компетентными, властью облеченными) *субъектами* — органами власти и их должностными лицами; 2) во имя достижения предустановленных законом *социально-служебных целей*; 3) по определенной законом *процедуре* и в установленной законом *форме*.

Вместе с тем акты *публичной* власти, непосредственно соприкасающиеся с правами и интересами *частных* лиц, должны были бы приобрести и приобретают (как раз в силу этого соприкосновения) еще несколько любопытных, свойственных только им черт, к рассмотрению которых мы и переходим.

617. **Сферы частной жизни, допускающие вторжение актов публичной власти, и основания такого вторжения.**

Акты публичной власти могут быть направлены на 1) *конституционное ограничение частной автономии* лиц — участников частных отношений; 2) *реализацию* государством принадлежащего ему *права власти* над частным лицом; 3) *определение условий и режима участия частного лица в общественной жизни* и 4) *определение условий и режима доступа частного лица к публичным* (*государственным*) *услугам*. Это те че-

371 *Таль Л. С.* Указ. соч. С. 147.

тыре сферы, за рамками которых вмешательство государства в частную жизнь является немыслимым; так, например, немыслимы акты власти, обусловливающие сохранение человеческой жизни, оказывающие негативное влияние на его физическое здоровье и психологический комфорт, вторгающиеся в интимную сферу и т.д. Издание актов публичной власти во всех названных четырех сферах может иметь место только *в случаях и в соответствии с процедурой, прямо предусмотренными федеральным законом.*

Данная позиция может быть объяснена следующим образом.

Признание факта существования частных лиц — юридически равных носителей личной свободы (частной автономии), притязающих на неприкосновенность своей частноправовой сферы — противостоящих в этой самой сфере не только себе подобным частным лицам, но и их объединениям, а также государству, означает, в первую очередь, признание за частными лицами *способности вести автономную, закрытую для государственного вторжения* (*частную*) *жизнь.* Частью 3 ст. 55 Конституции РФ такие притязания названы правами и свободами человека и гражданина, которые «...могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Норма идентичного содержания (относящаяся, правда, ко всем вообще *гражданским* правам) имеется в абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК.

В то же время частная автономия никогда не может простираться так далеко, чтобы частные лица вовсе не состояли с государством в отношениях власти и подчинения. Сохранение таких отношений возможно в двояком варианте: а) государство — властвующий субъект, а частное лицо — подвластный; б) частное лицо — носитель власти, а государство — подчиняющийся ему субъект. Последний случай также распадается на два варианта, первый из которых касается инициативного проявления себя частным лицом в общественной жизни, второй — обращения частного лица к так называемым публичным (государственным) услугам.

Заслуга в теоретическом выявлении и обосновании этих принципов принадлежит сторонникам учения об отношениях частных лиц с государственной властью как отношениях, облекаемых в форму *субъективных публичных прав.* «...Субъективно-публичные права граждан могут быть разбиты на три отдельных класса: 1) ... притязания на положительные услуги для государства, право принимать участие в государственной деятельности...; 2) права граждан на услуги со стороны государства. Если мой интерес нарушен, я имею право требовать, чтобы государство защитило мой интерес путем суда или административными репрессиями или иным каким-либо путем; 3) наконец, последняя группа прав, и самая важная — это права субъективно-публичные, это — права гражданской свободы, т.е. притязания на свободу от государства»[372]. И хотя последующие исследования

372 *Гюнтер А. Р.* Субъективно-публичные права граждан. Харьков, 1917. С. 4.

доказали, что субъективные права и вообще правоотношения тут, конечно, ни при чем, не подлежит сомнению тот факт, что и по сию пору эти воззрения продолжают играть прогрессивную роль, формальным выражением которой являются, конечно, цитированные положения Конституции и ГК.

618. **Внешние формы актов публичной власти. Административные и судебные акты.** В зависимости от той ветви публичной власти, в которую входит орган публично-правового образования, издавший соответствующий акт, таковые подразделяются на *акты органов* 1) *исполнительной* и 2) *судебной государственной власти*, а также 3) *муниципальные акты* и 4) *акты мировых судей*. Эта классификация, абсолютно логичная и исчерпывающая с точки зрения науки публичного права, для науки права гражданского не вполне удобна в основном своей излишней подробностью. Цивилистика вполне может позволить себе объединить акты органов государственной *исполнительной* власти с муниципальными актами под названием *административных актов* и противопоставить их актам государственных судов и мировых судей как *судебным актам*. Именно об *административных* и *судебных* актах как *двух разновидностях актов публично-правовых образований* мы и станем говорить в дальнейшем, в рамках общего цивилистического о них учения.

Основные признаки, которые составляют характеристические черты административных актов, с одной стороны, и судебных, с другой, уже были отмечены в том месте Учебника*, где рассказывалось об этих актах как *нормативных источниках гражданских прав*. Здесь нам предстоит сравнить их уже как *юридические факты*. Напоминаем, что квалификация обстоятельств реальной действительности в качестве *юридических актов* (т.е. в качестве особой категории юридических фактов — правомерных действий) не исключает (по нашему мнению, не связывающему понятие права с одной только *государственной* властью) возможности их *одновременной* квалификации в качестве *источников частноправовых норм — предписаний* (положений, правил, условий, статей, пунктов, параграфов и т.д.), *автономно установленных самими частными лицами для правового регулирования* (*правовой оценки*) *отношений с собственным участием* (сделки**) *и* (*или*) *с участием третьих лиц* (корпоративные акты***). Если сказанное верно, то тем больше оснований признать, что *любые акты власти* — как административные, так и судебные — вполне могут быть рассмотрены в одно и то же время *и в качестве источников правовой регламентации общественных отношений частных лиц, и в качестве юридических фактов*.

*см. п. 97 и 98

**см. п. 96, 533, 536, 537, 563 и 566

***см. п. 604, 605

Административные и судебные акты объединяются в понятие актов публичной власти, во-первых, единством тех четырех признаков, что были рассмотрены выше**** (*строго-личным* характером, *социально-служебным* назначением, *формализацией* и *способностью к принудительному внесудебному осуществлению*), во-вторых, мно-

****см. п. 9 и 616

гочисленными следствиями из них, главными из которых являются следующие. Как административные, так и судебные акты 1) представляют собой *акты подзаконные*, т.е. акты, основанные на законе (принимаемые в случаях, по вопросам и в порядке, определенным законом) и направленные на его исполнение; 2) должны обладать признаками *определенности* (ясности) и *устойчивости* (бесповоротности), т.е. выражать волю издавшего их лица или органа прямым текстом и при том не допускать своего произвольного изменения или отмены органом или лицом, его принявшим; 3) все они должны обладать *способностью к пересмотру вышестоящим органом или должностным лицом, либо судом* в установленном законом порядке. Два последних признака будут подвергнуты несколько более подробному рассмотрению.

Основная область различий между административными и судебными актами коренится:

1) *в органах и лицах*, соответствующие акты постановляющих (см. выше);

2) в *источниках нормативно-правовой регламентации* случаев, сферы и процессов постановления соответствующих актов (федеральные законы, акты Президента и Правительства РФ, законодательные акты субъектов РФ и муниципальных образований — для актов административных и исключительно федеральные законы в форме процессуальных кодексов — для актов судебных);

3) *в самом содержании процедур постановления этих актов* (акты судебные всегда выносятся по инициативе и, как правило, с участием заинтересованных частных лиц, а акты административные — напротив, могут быть приняты по инициативе самих государственных и муниципальных органов власти и обыкновенно принимаются без участия заинтересованных в этом частных лиц) и, наконец,

4) в *методах воздействия на общественные отношения частных лиц* (арсенал средств воздействия, применяемых в рамках административных актов несколько богаче, чем судебных).

В дальнейшем мы (действуя в полном соответствии с поставленной задачей) в рамках общих положений рассмотрим только последний — четвертый — признак. Три других области различий административных и судебных актов подлежат изучению в курсах административного и процессуального права.

619. **Определенность (ясность) и устойчивость (бесповоротность) актов публичной власти.** Публичная власть, признавая право на существование за сферой частных отношений, должна делать все, от нее зависящее, дабы обеспечивать всестороннюю охрану самой сферы и реализацию тех принципов, на которых она основывается. Одним из основных принципов частноправового регулирования является *принцип неприкосновенности частноправовой сферы от произвольного вмешательства*, в том числе со стороны публичной власти, принцип *правовой прочности* (*незыблемости*) этой сферы*. Издавая властные акты, вторгающиеся в частноправовую сферу, государственные и муниципальные органы должны делать это лишь

*см. п. 14, 18

в случаях и пределах, прямо установленных законом. Для того чтобы определить, соответствуют ли акты власти этому требованию, необходимо, чтобы таковые были 1) *вполне определенными* (точными, ясными) и 2) *устойчивыми* (бесповоротными).

Требование *определенности акта власти* означает, что его содержание должно иметь словесное (текстуальное) документальное выражение, а применение этого акта должно осуществляться *исключительно в соответствии с тем смыслом* (*волей*), *которая нашла воплощение в тексте акта*. Требование определенности нельзя отождествлять с требованием смысловой однозначности, исключения всяких разночтений в понимании (толковании) смысла властного акта. Такие разночтения исключить невозможно; возникающие в этой связи споры подлежат судебному разрешению. Дело не в том, чтобы не допустить двусмысленности в тексте акта, но в том, чтобы не искать за этим текстом пресловутого «подтекста» — того, чего издавший акт субъект хотел сказать, хотя прямо по той или иной причине не сказал. Субъект толкования акта не может додумывать за субъекта его принятия (издания). Акт применяется в соответствии с тем смыслом, который в нем действительно выражен, а не с тем, который в нем кто-то хотел выразить или видеть.

Принцип *бесповоротности* актов публичной власти в общем совпадает по своему содержанию с принципом бесповоротности сделки* и означает недопустимость его произвольной отмены или произвольного изменения. В этом смысле, по замечанию одного из наших дореволюционных авторов, глубоко правильно именовать, по крайней мере, административные акты власти *сделками публичного права*[373]. Однажды, будучи вынесенным государственным или муниципальным органом в пределах той компетенции, что доступна наблюдению и проверке заинтересованными лицами, акт публичной власти уже не может быть изменен или отменен ни органом, ни должностным лицом, его вынесшим (постановившим, принявшим), ни органом (лицом), его заменяющим (исполняющим обязанности). Можно сказать, что постановлением властного акта по определенному вопросу орган или должностное лицо, такой акт постановившие, *реализуют* свою способность к решению соответствующего вопроса, *прекращают* таковую, т.е. *лишаются способности постановить новый акт по тому же вопросу*[374]. Подобно тому, как однажды совершив сделку (доведя ее содержание до сведения заинтересованных добросовестных лиц) более невозможно односторонним (совершенным без согласия этих лиц) актом эту сделку изменить или отменить, точно так же обстоит дело и с *оглашенными актами публичной власти* — как администра-

*см. п. 537

373 *Кулишер А.* Защита субъективных публичных прав посредством иска. М., 1913. С. 12.

374 См. об этом: *Гюнтер А. Р.* Указ. соч. С. 7 (о невозможности повторного ареста однажды освобожденного судом лица по одному и тому же эпизоду); *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 128—129 (о невозможности повторной выдачи ордера на занятое жилое помещение — жилое помещение, на занятие которого уже выдан действительный ордер).

тивными, так и судебными[375]. Ситуации, когда сегодня некий акт публичной власти, затрагивающий правовое положение частного лица принимается, а завтра отменяется[376], является совершенно недопустимой, ибо она не только входит в противоречие с принципами неприкосновенности (прочности) гражданских (частных) прав, но подрывает еще и основы публично-правовой организации устройства общества.

620. **Способность актов публичной власти быть обжалованными.** С принципом бесповоротности актов власти не следует путать такое их качество (закрепленное ч. 2 ст. 46 Конституции РФ), как *способность к обжалованию или оспариванию*. Это означает, что любые акты власти (исключая прямо предусмотренные законом) могут быть пересмотрены (изменены или отменены) либо *вышестоящим органом исполнительной государственной или муниципальной власти* (*вышестоящим должностным лицом*), либо *судом* (а судебные акты — *вышестоящим судом*). В то время как бесповоротность актов власти подразумевает *недопустимость их произвольной* (*инициативной*) *отмены или изменения самими теми органами и лицами, которыми эти акты приняты* (*постановлены*), принцип способности актов власти к обжалованию предполагает, что все они могут быть отменены или изменены в административном либо судебном порядке и исключительно по требованиям (искам) заинтересованных добросовестных частных лиц.

В этом смысле публично-правовые акты чрезвычайно сходны с *оспоримыми сделками* (см. § 5 гл. 18) и различаются с ними только в том, что

1) сделки могут быть оспорены в суде *только по основаниям, прямо предусмотренным законом*, в то время как основанием к судебному оспариванию актов власти является *любое их несоответствие закону, соединенное с нарушением гражданских прав или охраняемых законом интересов частных лиц содержанием актов либо их исполнением* (ст. 13 ГК);

2) рассмотрение дела о признании недействительной оспоримой сделки осуществляется *по искам*, в то время как дела о признании недействительными актов власти рассматриваются в так называемом *заявительном порядке*, по сути представляющем собой частный случай *особого производства* (см. об этом гл. 25 ГПК[377]; гл. 24 АПК), либо *по жалобам*, подаваемым и рассматриваемым в порядке, определен-

375 Вспомним, что процессуальное законодательство предусматривает даже специальную процедуру *объявления* судебных актов.

376 Причем, случается, что такая отмена осуществляется «втихую», без информирования о ней заинтересованных лиц. Так было (судя по имеющейся у нас информации), между прочим, с актами отводов земельных участков и разрешениями на строительство в печально известном московском поселке «Речник».

377 О практике применения норм этой главы см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2.

ным Законом РФ от 27.04.1993 № 4866—1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»[378];

3) акты публичной власти могут быть отменены или изменены *не только в судебном, но и в административном порядке* — в порядке подчиненности вышестоящим органом или должностным лицом, либо в результате прокурорского реагирования* — что для сделок, разумеется, немыслимо. Использование административного порядка обжалования актов власти никогда не может считаться обязанностью частного лица — только его правом. Практика, впрочем, показывает, что к административному порядку обжалования сегодня прибегают весьма часто[379].

*см. п. 518 (1, 4)

Существование *специальных процессуальных форм* судебного производства по делам об оспаривании актов административной власти является особенностью отечественного законодательства и отнюдь не предопределяется с необходимостью какой-то особенностью природы оспариваемых актов. В работе А. Кулишера, посвященной исследованию германской, французской, бельгийской и английской систем оспаривания актов административной власти, наглядно показано, что рассмотрение данных дел может производиться как в специальных, так и в общих (исковых) процессуальных формах. Так, например, анализируя современную ему французскую систему обжалования административных распоряжений, автор, между прочим, замечает, что актом, возбуждающим процесс, является «...обыкновенный административный иск..., вполне совпадающий по своему объему с гражданским судебным иском. Это есть требование гражданина о восстановлении его права, нарушенного администрацией, безразлично от того, были ли причиной правонарушения неправильная оценка обстоятельств дела со стороны администрации или неправильное применение ею закона»[380].

Вместе с тем есть по меньшей мере две сферы, в которых действительно есть смысл рассуждать об узаконении известных особенностей, отличающих *условия и последствия* судебного оспаривания актов власти от условий и последствий удовлетворения общегражданских исков. Во-первых, речь должна идти о *специальных (сокращенных) сроках обращения в суд с требованием о признании актов власти недействительными.* В настоящее время срок оспаривания административных актов составляет, по общему правилу, *три месяца* (ст. 5 Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан»; ч. 1 ст. 256 ГПК; ч. 4 ст. 198 АПК) с того момента, как заинтересованному в его обжаловании лицу стало известно о вынесении данного акта. Специальные сроки устанавливаются законодательством для оспаривания *судебных актов* (см. ниже).

---

378 Думается, что положения данного Закона, относящиеся к судебному обжалованию административных актов, как в большинстве своем отмененные или измененные позднейшим принятием ГПК и АПК, сегодня могут находить себе лишь вспомогательное (субсидиарное) применение. В полном своем виде сохраняют актуальность лишь те его нормы, которые касаются процедур административного обжалования.

379 Вследствие его более высокой оперативности и эффективности по сравнению с порядком судебным.

380 *Кулишер А.* Указ. соч. С. 19.

А во-вторых, законодатель должен прямо определить последствия признания недействительными актов власти, в частности — решить вопрос об *обратной силе такого признания*, а также о судьбе тех юридических фактов (например, действий), которые, объединившись в сложный фактический состав с актом власти, в свое время породили те или иные гражданско-правовые последствия.

Ответы на поставленные вопросы зависят от того, какую именно юридическую роль играет тот или другой публично-властный акт в деле вмешательства в частноправовые отношения. Его рассмотрение завершает собой общее гражданско-правовое учение об актах публичной власти.

621. **Способы вторжения актов публичной власти в частную жизнь.** Можно согласиться с О. А. Красавчиковым в том, что всякий акт нормативный публичной власти «...является выражением отношения государства (в лице данного органа) к соответствующей конкретной общественной связи»[381]. Юридический же результат постановления акта власти может быть различным и зависит он от цели, преследуемой органом, этот акт издавшим. Носители публичной власти могут, говоря обобщенно, преследовать достижение *двух различных целей*: 1) *установление* или *прекращение гражданских прав и обязанностей* (шире — гражданско-правовых форм), либо 2) *изменение* (сохранение существующих) *гражданских правоотношений* (с их преобразованием, например, в виде наделения новым юридическим качеством). Более детальный ответ на поставленный вопрос предполагает выявление зависимости тех целей, которые могут преследоваться различными актами власти, от видов этих актов (административные или судебные), а также — раскрытие возможных механизмов достижения этих целей.

> Еще до революции в литературе было высказано мнение о том, что такая цель, как установление новых гражданских правоотношений, более характерна для актов административной (исполнительной) власти, в то время как перед актами судебными, напротив, ставится задача фиксации и изменения уже существующих прав и обязанностей. «Административное распоряжение ... может иметь только одно последствие: создание новых конкретных прав и обязанностей, создание нового конкретного правоотношения. ... Судебное решение “исполняет закон” в совершенно ином смысле — оно устанавливает действительное существование и значение спорного правоотношения; поэтому-то последствием его является не возникновение нового правоотношения, а особенная “новация” старого, которое принимается за таковое, каким оно признано судом...»[382]. Последующее развитие законодательства позволило уточнить намеченную закономерность в следующем смысле: 1) акты административные, как постановляемые *по собственной ини-*

381 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 137.

382 *Кулишер А.* Указ. соч. С. 12, 13.

циативе (*воле*) *носителя публичной власти, направленной на социальное служение*, могут иметь целью не только создание новых, но и прекращение существующих гражданско-правовых отношений постольку, поскольку достижение первой цели невозможно без достижения второй[383]; 2) акты же судебные, как постановляемые *по инициативе* (*воле*) *частных лиц, направленной на удовлетворение частных интересов*, всегда направляются на выявление, фиксацию и динамику гражданско-правовых связей, уже существующих ко времени разбирательства дела между участвующими в нем лицами.

Подобное разделение целей и функций административных актов, с одной стороны, и судебных, с другой, во многом предопределило дальнейший ход научного исследования вопроса о механизмах влияния актов публичной власти на гражданские правоотношения: такие механизмы стали обсуждаться *отдельно для административных и отдельно для судебных актов*. В рамках Учебника нам не остается ничего иного, как последовать этой традиции и рассмотреть вопрос о механизмах влияния административных актов на гражданские правоотношения в параграфе, освещающем общие положения о таковых (§ 2 настоящей главы), отделив его, таким образом, от рассмотрения аналогичного вопроса, сформулированного применительно к актам судебным (последний параграф настоящей главы).

§ 2. Общее учение об административных актах (п. 622—624)

622. **Сфера и пределы гражданско-правового использования понятия административного акта как правомерного действия.** К числу *административных актов* относятся действия органов государственной исполнительной власти, а также органов местного самоуправления, совершенные ими во исполнение возложенных на них функций социального служения, в пределах своих полномочий (компетенции), обеспеченные в своей реализации силой публичного (прежде всего — государственного) принуждения и облеченные как правило в письменную форму (форму документа)[384]. Гражданское право интересуют только такие административные акты, которые направлены на достижение определенного гражданско-правового результата (самостоятельное или в совокупности с другими фактическими обстоятельствами — это уже неважно). В современных условиях раз-

383 Возьмем такой акт, как распоряжение органа управления государственным имуществом об утверждении плана приватизации имущества какого-нибудь унитарного предприятия. Очевидна *двусторонняя* направленность такого административного распоряжения: с одной стороны — на *прекращение* права публичной собственности, с другой — на *возникновение* права собственности частной.

384 Административные акты, не облекаемые в письменную форму, обыкновенно не называют актами — о них говорят как о *действиях* органов власти и их должностных лиц. С точки зрения материального гражданского права между собственно (письменными) актами и действиями (недокументированными) никакой разницы нет.

вития гражданского права *роль административных актов в динамике частноправовых отношений ограничивается лишь сферой прямого указания закона.* Это видно из подп. 2 п. 1 ст. 8 ГК, в соответствии с которым основаниями возникновения (изменения, прекращения) гражданских правоотношений могут служить лишь такие акты государственных органов и органов местного самоуправления, которые *прямо предусмотрены законом* в качестве основания динамики субъективных гражданских прав и юридических обязанностей.

Сказанное означает, что собственно административными актами могут быть названы лишь *законные*, точнее — *правомерные* административные акты. Именно они в полной мере соответствуют признакам юридических актов как действий правомерных — действий, которые не только *направляются* на достижение юридических последствий, но и *реально порождают* таковые.

Что же касается гражданско-правовой природы *незаконных* административных актов, то действующее законодательство (к сожалению!) не позволяет с достаточной точностью ее определить.

С одной стороны, нормы абз. 5 ст. 12 и ст. 13 ГК говорят о том, что «...ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления, ... *не соответствующий закону или иным правовым актам* и нарушающий при том гражданские права и охраняемые законом интересы...», *может быть признан судом недействительным* (очевидно — по иску или заявлению того самого частного лица или лиц, чьи права или интересы нарушены соответствующим актом). Будучи успешно оспоренным (обжалованным) такой акт не порождает юридических последствий иных, чем те, которые связаны с его недействительностью (ст. 16). Иными словами, хотя *по мере своего успешного оспаривания административный акт к разряду юридических актов относиться перестает*, тем не менее *до такого оспаривания он остается нормальным* (*во всех отношениях действительным и результативным*) *актом власти*; коротко говоря, все административные акты «живут» в режиме оспоримых сделок[*]. В принципе такой подход соответствует общей презумпции законности всякой деятельности, тем паче такой, как деятельность органов исполнительной власти, которая по сути своей и не должна быть никакой иной, кроме как законной.

[*]см. п. 620

С другой стороны, норма абз. 12 ст. 12 ГК упоминает о таком способе защиты гражданских прав, как «...неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, *противоречащего закону*». Ни о каком предварительном его оспаривании или обжаловании речи не идет; следовательно, согласно анализируемой норме, незаконные административные акты больше похожи на сделки ничтожные, чем оспоримые. И к такому — весьма категоричному — подходу тоже находятся вполне резонные практические основания; больше того, нет никаких причин не пойти дальше и не признать *право на неприменение актов, противоречащих закону, не только за судом, но и за частными лицами*, ибо они могут оказаться (и на практике нередко оказываются) в таких ситуациях, которые исключают возможность обращения за содействием к суду.

Думается, что рассмотренные нормы не исключают, но взаимно дополняют друг друга. Если в абз. 12 ст. 12 ГК идет речь об актах, *противоречащих закону*, то в абз. 5 той же статьи (и в развивающих его ст. 13 и 16) — об актах, *не соответствующих закону или иным правовым актам*. Противоречие, как мы уже знаем, есть лишь один, частный, при том — наиболее грубый, явный случай несоответствия*, притом, не всем вообще нормативным правовым актам, но *только закону*. Иными словами, общим правилом, определяющим гражданско-правовой режим незаконных административных актов, являются, все-таки постановления абз. 5 ст. 12, ст. 13 и 16 ГК, в то время как предписание абз. 12 ст. 12 отражает в себе исключение из этого правила. *Административный акт, отличающийся грубым, явным, вопиющим несоответствием — противоречием — закону* (без различия, какому — федеральному, или субъекта РФ), т.е., по сути, *административный акт, отрицающий закон, не подлежит применению судом независимо от того, был ли он прежде признан недействительным или нет.*

*см. п. 87 и 131

623. **Формы воздействия административных актов на общественные отношения частных лиц.** В наиболее общей форме и классически по содержанию данный вопрос разрешен в монографии О. А. Красавчикова 1958 г. Обобщив материал нескольких типичных ситуаций своего времени, ученый установил, что, говоря о влиянии административного акта на гражданские правоотношения, обыкновенно имеют в виду то, что такой акт 1) является *самостоятельным юридическим фактом-основанием* возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений, либо 2) «...*входит в юридический состав* фактов, во взаимодействии с которыми приводит к наступлению определенных юридических последствий»[385] (выделено нами. — *В. Б.*), в том числе, например, создавая административно-правовую обязанность адресатов перед соответствующим государственным органом вступить в определенные гражданско-правовые отношения, либо, наконец, 3) «...выступает в качестве *предпосылки* формирования определенного юридического состава, не входя в этот последний»[386] (выделено нами. — *В. Б.*). Влияние административных актов на гражданские правоотношения в первых двух случаях О. А. Красавчиков назвал *прямым*, а в третьем последнем — *косвенным*. Легко заметить, что эти взгляды в целом не сильно отличаются от тех, что формулируются в рамках обсуждения более общей проблемы — проблемы гражданско-правового значения фактических обстоятельств как таковых. Все они, как нам хорошо известно, подразделяются на самостоятельные факты, факты-элементы сложных составов и факты-предпосылки (факты-условия) динамики граж-

385 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 123—124. Воздействие административных актов на гражданские правоотношения через посредство административных правоотношений цивилист называл наиболее характерной формой такого воздействия.

386 Там же. С. 125.

данских правоотношений. Тем не менее иного, сколько-нибудь более детального исследования вопроса применительно именно к административным актам в нашей литературе так и не появилось.

Такая ситуация, вероятно, не должна вызывать особого удивления — мало ли в гражданском праве неразработанных вопросов! Полагаем, однако, что применительно к вопросу о гражданско-правовом значении административных актов она вряд ли может быть объяснена подобной ссылкой. Дело в том, что наука гражданского права советского периода чрезвычайно активно занималась вопросом о механизмах (формах) воздействия на регулируемые гражданским правом общественные отношения со стороны такого вида актов власти, как *акты народнохозяйственного планирования* (*плановые акты*)[387]. К сожалению, более широкого научного значения эти разработки так и не приобрели.

В настоящее время с утратой плановыми актами прежнего (главенствующего) народнохозяйственного значения, их вряд ли целесообразно делать базой для общих теоретических рассуждений. Представляется, что для решения вопроса о формах влияния административных актов на гражданские правоотношения необходимо прежде всего *выявить* те многочисленные и разнообразные административные акты, которые имеют реальное значение для современной цивилистической практики, после чего систематизировать их по всем юридически значимым критериям и, выявив механизмы влияния тех или иных *видов* административных актов на гражданские правоотношения, делать какие-то выводы общего значения.

К рассмотрению вопроса о видах административных актов мы теперь и переходим.

624. **Классификации административных актов.** О. А. Красавчиков предложил две следующие классификации административных актов: 1) «...с точки зрения их воздействия на движение гражданско-правовых отношений» административные акты «...могут быть подразделены на два основных вида: *акты оперативного управления* и *акты государственного контроля*»[388]; 2) по характеру воздействия,

387 См. об этом ниже, в п. 627 Учебника, специально посвященном плановым актам.

388 «...Административные акты *оперативного управления* ... (плановые задания по производству и поставке соответствующего вида продукции, акты об учреждении тех или иных организаций и предприятий, акты по распоряжению жилой площадью, акты по перераспределению оборотных средств и т.д.) ... служат *средством организации и направления гражданско-правовых отношений*, предопределяют соответствующим образом и в известной степени существо, содержание этих отношений. Административные же акты *государственного контроля* ... (санкция прокурора об административном выселении, акты об открытии расчетных (текущих) счетов социалистическим организациям в учреждениях банка, акты об установлении опеки ... удостоверительные акты и акты регистрации) ... служат *средством выражения государственного отношения* к тем или другим гражданско-правовым связям, складывающимся вне инициативы данного органа управления, содержание которых определяется в соответствии с законом самими сторонами гражданского правоотношения» (*Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 126–127; выделено нами. — *В. Б.*).

«...по своей юридической силе, обязательности административный акт может иметь либо *императивный*, либо *рекомендательный* характер»[389]. К сожалению, обе этих классификации имеют более административно-правовое, чем цивилистическое значение; об аналогичных классификациях актов публичной власти мы уже упоминали ранее*. В том же пункте мы наметили основные черты собственно гражданско-правовой классификации административных актов. Критерием такой классификации должна быть *сфера гражданско-правовой регулирующей роли* соответствующих актов. По этому основанию следует различать акты 1) *абсолютного* и 2) *относительного* гражданско-правового воздействия.

*см. п. 98, сноска 308

Акты абсолютного гражданско-правового воздействия подразделяются на следующие два типа: 1^1) акты, *конституирующие или конкретизирующие правоспособность лица*, и 1^2) акты *динамики и признания абсолютных прав*. Что же касается классификации актов относительного гражданско-правового воздействия, то ее, возможно, было бы целесообразно осуществить по той сфере частных имущественных отношений, которая ими затрагивается, на 2^1) акты, направленные на динамику частных отношений *их адресатов с публично-правовым образованием*, от имени которого издан соответствующий акт и на 2^2) акты, регулирующие отношения *их адресатов друг с другом или с третьими лицами*. Вместе с тем в дальнейшем изложении эта классификация использоваться не будет, поскольку ее преимущественно практическая направленность не способствует сколько-нибудь более глубокому проникновению в существо административных актов данного вида.

К числу *актов о гражданской правоспособности* (первой группы актов абсолютного действия) относятся:

а) **регистрационные акты**, в числе которых: 1) акты государственной регистрации актов гражданского состояния физических лиц; 2) акты государственной регистрации физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей; 3) акты государственной регистрации фактов возникновения и прекращения юридических лиц[390];

б) **лицензионные акты**, т.е. акты с выдачей, приостановлением, отзывом (аннулированием) и прекращением которых гражданское право связывает динамику гражданской правоспособности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц[391];

---

389 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 127.

390 Не смешивать с актами государственной регистрации *прав и сделок* — представителями второй группы актов абсолютного действия.

391 Не смешивать с *лицензиями на право пользования участками недр и иными природными ресурсами*, которые относятся к числу актов динамики и признания абсолютных и относительных прав, а также с лицензиями — разрешениями на реализацию чужих исключительных прав, которые вовсе не являются административными актами.

в) некоторые виды **актов планирования**, а именно — те из них, что направлены на установление обязанностей по совершению тех или иных сделок — предписывают соответствующую сделку совершить;

г) **конститутивные акты**, т.е. акты-решения о создании, реорганизации и ликвидации государственных и муниципальных юридических лиц, об утверждении и изменении их уставов, о назначении и смещении их руководителей, об утверждении и изменении смет бюджетных учреждений, акты об утверждении планов приватизации публичного имущества, акты-директивы лицам, представляющим интересы публично-правовых образований на общих собраниях акционеров[392];

д) **акты государственного контроля или согласования**, т.е. акты, направленные на установление конкретных (специальных) пределов инициативного правомерного поведения субъектов частного права, центральное место среди которых занимают *решения*, принятые по вопросам согласования подлежащих государственному контролю действий и сделок[393], а также *предписания*, выданные ФАС России в целях понуждения к действиям, направленным на обеспечение конкуренции[394].

К числу *актов динамики и признания абсолютных субъективных гражданских прав* (второй группы актов административных актов абсолютного действия) относятся:

а) **регистрационные акты** — акты государственной регистрации прав на недвижимость, сделок с недвижимостью и некоторых административных актов, касающихся недвижимости[395], а также исключительных прав, прав на средства индивидуализации и сделок с ними;

б) **лицензионные акты** — акты, предоставляющие, изменяющие или прекращающие права пользования участками недр и иными природными ресурсами;

---

392 Сюда же следует причислить *акты о статусе государственных органов*, представляющих публичные образования в гражданских правоотношениях (ст. 125 ГК), а также *акты о полномочиях соответствующих должностных лиц* (п. 1 ст. 182).

393 Такие решения принимаются ФАС России по вопросам создания и реорганизации коммерческих организаций и совершения сделок с акциями (долями) либо имуществом таковых (в случаях, предусмотренных ст. 27—31 Федерального закона «О защите конкуренции»), а также специальной Правительственной комиссией в случаях, предусмотренных ч. 3—8 ст. 2, ст. 7 Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» (см. об этой Комиссии ч. 6 ст. 8 этого Закона, а также Положение о ней, утвержденное постановлением Правительства РФ от 06.07.2008 № 510). Кроме того, согласно п. 2 ст. 295 ГК публичный собственник дает согласие на распоряжение недвижимым имуществом, закрепленным в хозяйственном ведении унитарного предприятия. Такое согласие также будет иметь форму административного акта.

394 В том числе — предписания, направленные на «...прекращение ограничивающих конкуренцию соглашений и (или) согласованных действий, (либо) ... злоупотребления хозяйствующим субъектом доминирующим положением, (либо) ... недобросовестной конкуренции», «совершение действий, направленных на обеспечение конкуренции», заключение, изменение или расторжение договоров, изменение или ограничение использования фирменного наименования, реорганизацию хозяйствующего субъекта в форме разделения или выделения и т.п. (см. об этом ст. 23 Федерального закона «О защите конкуренции»).

395 См. предусмотренные п. 4 ст. 279, ст. 280 ГК случаи государственной регистрации решений об изъятии земельных участков.

в) **распорядительные акты** — акты закрепления имущества в хозяйственном ведении и оперативном управлении; акты отвода и предоставления, а также изъятия земельных участков (в том числе участков лесного и водного фондов), а также участков недр; ордера на жилые помещения, предоставляемые по договорам жилищного найма и ссуды[396]; акты взыскания, описи, ареста и принудительного изъятия имущества[397]; акты о сносе самовольных построек.

Акты *относительного гражданско-правового воздействия* включают в себя:

а) **акты планирования** (плановые акты), непосредственно направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений по передаче вещей, уплате денег, выполнению работ или оказанию услуг;

б) **акты прикрепления** покупателей (заказчиков) к поставщикам по государственным (муниципальным) контрактам на поставку продукции для государственных (муниципальных) нужд (п. 1 ст. 529 ГК);

в) **акты о взыскании**, т.е. акты, преследующие цель принудительного взыскания с частного лица денежных сумм в пользу публично-правового образования[398] или другого частного лица — исполнительные документы;

г) **акты исполнения бюджетов**.

Легко заметить, что построенная нами гражданско-правовая классификация административных актов *не совпадает* с их административно-правовой типизацией. Это видно из того, что акты одного и того же административного типа — регистрационные, лицензионные и плановые — располагаются в нескольких различных подразделениях цивилистической систематизации. Именно: регистрационные и лицензионные (разрешительные) акты, производя исключительно абсолютно-правовое действие, могут иметь значение как для сферы гражданской правоспособности, и для сферы абсолютных гражданских прав. Что же касается актов планирования, то в то время как некоторые из них определяют пределы гражданской правоспособности (производят действие абсолютное), другие имеют исключительно относительно-правовое назначение.

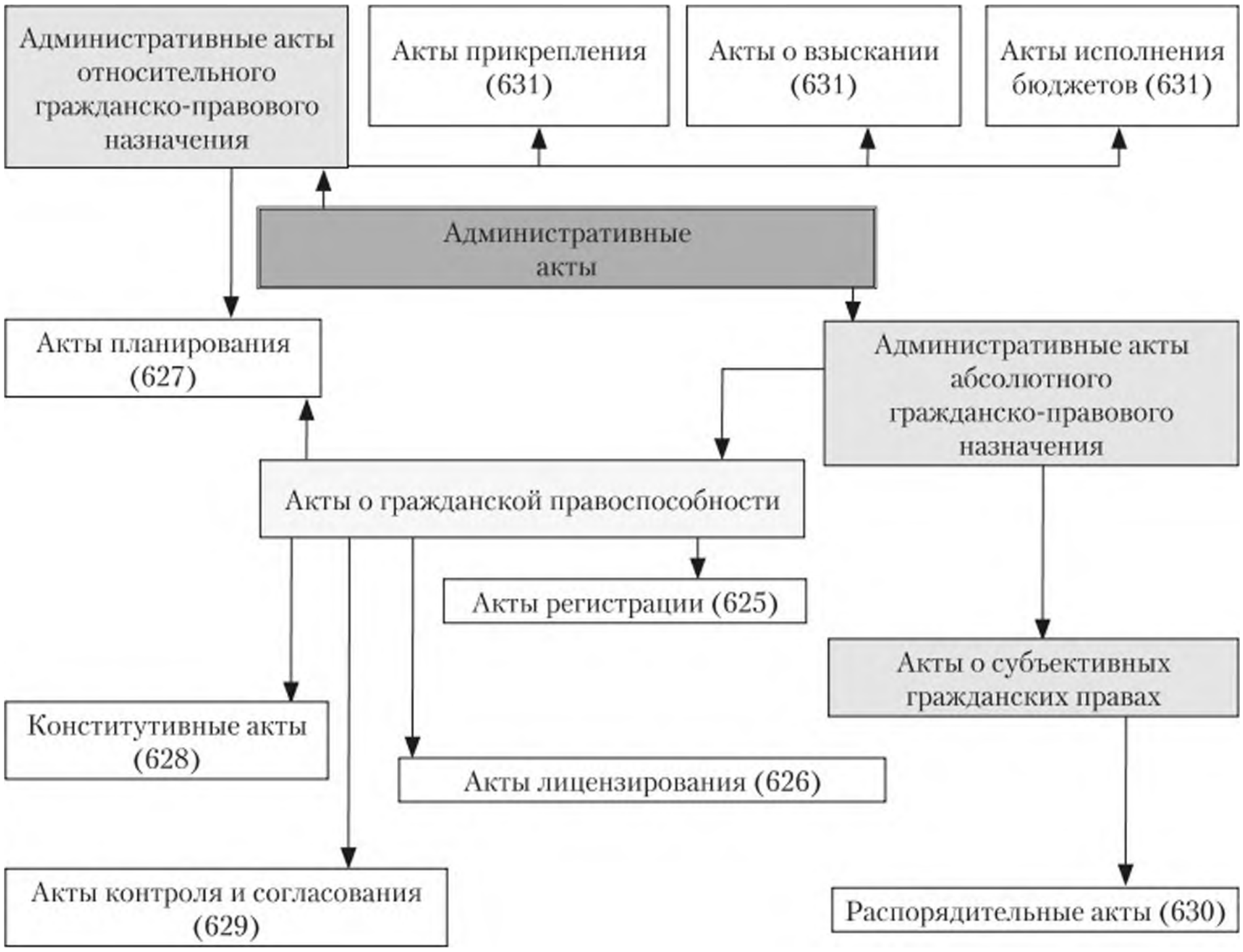
Соотношение рассмотренных классификаций административных актов показано на нижеследующей схеме; числа в скобках обозначают

---

396 Впрочем, если права нанимателя и ссудополучателя по данным договорам рассматривать в качестве обязательственных (как это обычно делают), то данного рода акты должны быть причислены к актами относительного гражданско-правового действия.

397 Например, имущества, закрепленного на праве оперативного управления (п. 2 ст. 296 ГК), национализированного имущества (ст. 306), а также акты принудительного изъятия чужого имущества из владения его собственника в целях последующего отчуждения или при конфискации (см. п. 2 ст. 235 ГК).

398 В том числе требования налоговых органов о взыскании сумм недоимок по налогам и пени за нарушение налогового законодательства, акты таможенных органов о взыскании штрафов за таможенные правонарушения, акты антимонопольных органов о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства и др.
От актов *о взысканиях* нужно отличать акты *самих взысканий* — акты абсолютного гражданско-правового действия.

пункты настоящего Учебника, в которых рассматриваются основные положения об административных актах данного типа.

§ 3. Отдельные виды административных актов (п. 625—631)

625. **Акты государственной регистрации (регистрационные акты).** Предметами государственной регистрационной деятельности являются гражданско-правовые субстанции троякого рода: 1) во-первых, *неоглашенные субъективные гражданские абсолютные права в их статике* (принадлежности) *и динамике* (возникновении, изменении, обременении, прекращении, переходе, отчуждении, приобретении)[399]; 2) во-вторых, *сами субъекты гражданского права* (физические лица как таковые, индивидуальные предприниматели, юридические лица и муниципальные образования[400]) и 3) в-третьих,

399 Подробнее о пертурбациях, происходящих с гражданскими правоотношениями, см. гл. 8 настоящего Учебника.

400 Создание (возникновение) новых и прекращение существующих *государственных* образований представляет собой процесс, всегда получающий широчайший общественный резонанс; по этой причине таковые в гражданско-правовой регистрации не нуждаются.

юридические факты, приводящие к динамике регистрируемых абсолютных прав, а также гражданской правоспособности субъектов гражданских правоотношений (в первую очередь сделки, акты приобретения наследств и некоторые административные акты). Государственная регистрация *объектов гражданских правоотношений*, упоминания о которой также встречаются в нашем законодательстве[401], особой (самоценной) процедуры собой не представляет, но имеет чисто вспомогательный характер по отношению к государственной регистрации прав или сделок. В дальнейшем мы будем говорить об *актах государственной регистрации* 1) *прав*; 2) *лиц* и 3) *фактов*.

Из предыдущего пункта мы уже знаем, что акты государственной регистрации не вполне равноценны по сферам своего гражданско-правового применения: акты государственной регистрации *прав* не касаются правоспособности в целом, в то время как акты государственной регистрации *лиц*, напротив, непосредственно влияют именно на их гражданскую правоспособность. Что же касается государственной регистрации *фактов*, то таковая (подобно государственной регистрации объектов прав) носит очевидно вспомогательный (технический) характер и неизбежно осуществляется в ходе регистрации прав и лиц как обстоятельств, приведших к динамике соответствующих правоотношений, либо правоспособности. Можно сказать, что регистрация фактов является предпосылкой или средством к достижению более важных целей — регистрации прав и лиц. Думается, что предметом государственной регистрации могут быть только такие факты, о необходимости государственной регистрации которых имеется *прямое указание закона*; так, например, государственной регистрации подлежат, вопреки общераспространенному противоположному мнению, отнюдь не все сделки с недвижимостью* (см. об этом п. 551 и 552 настоящего Учебника).

*см. п. 551 и 552

Предметом государственной регистрации *прав* являются не все абсолютные субъективные гражданские права, но лишь те из них, объекты которых по своим свойствам не могут сделать обладание этими правами достоянием гласности. Назначение государственной регистрации — исправить такое положение вещей, придав соответствующие права гласности, «опубличив» их. К числу объектов негласных абсолютных прав относятся 1) *недвижимые вещи* (см. об их свойствах § 3 гл. 14 настоящего Учебника; о государственной регистрации прав на них** — п. 427 Учебника, Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и гл. IV Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)») и 2) *результаты творческой деятельности, допускающие их независимое одновременное получение несколькими различными лицами — повторяемые* результаты творческой деятельности (см. о них выше***; о государственной регистрации (патентовании) прав на них см. ст. 1232, 1262, 1353, 1374—1405, 1414, 1433—1445, и 1452 ГК). Кроме того,

**см. п. 427

***см. п. 454—457

401 Так, например, наименование, а также п. 2 ст. 131 ГК упоминают о государственной регистрации *недвижимых вещей* (недвижимости); ст. 1232 — о государственной регистрации *результатов интеллектуальной деятельности* и др.

по общепринятой мировой практике к данной категории объектов причисляется 3) *большинство средств индивидуализации лиц, их деятельности и ее результатов* — имена, фирменные наименования, товарные знаки и т.д.* (о государственной регистрации прав на эти объекты — ст. 1475, 1480, 1492—1507 ГК).

*см. § 4 гл. 15

Деятельность по государственной регистрации *лиц* сводится к государственной регистрации, главным образом, тех *фактических обстоятельств*, что производят возникновение, изменение или прекращение их гражданской правоспособности. Для физических лиц такими обстоятельствами являются 1) так называемые *акты гражданского состояния*** и 2) *начало и конец ведения ими предпринимательской деятельности* (ст. 23 ГК и нормы гл. VII.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»); для юридических лиц и муниципальных образований — 3) *факты их создания* (возникновения) *и прекращения* в ходе реорганизации или ликвидации, а также — *факты, приводящие к изменению их гражданской правоспособности и* (*или*) *порядка ее реализации* — внесение изменений в устав, освобождение от должности одного руководителя и назначение другого и т.д.*** (см. об этом ст. 51 ГК и упомянутый Закон).

**см. п. 302

***см. п. 351

С точки зрения своего *гражданско-правового значения* акты государственной регистрации могут быть поделены на *правообразующие* (*материальные*) и *доказательственные* (*технические*). Регистрационные акты материального значения, как правило, выполняют не только свою собственную — правоустанавливающую — но и доказательственную функцию.

Акт государственной регистрации, с которым как с самостоятельным юридическим фактом или фактом, входящим в определенный фактический состав, закон связывает динамику гражданских правоотношений или гражданской правоспособности, называется *материальным регистрационным актом*. Совершение соответствующего акта является основанием возникновения, изменения или прекращения гражданско-правовых последствий, а время его совершения — моментом гражданско-правовой динамики. К числу материальных регистрационных актов относятся, по общему правилу: 1) *практически все* акты государственной регистрации вещных и патентных прав, а также прав на средства индивидуализации[402] (см. п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 223 и т.д. ГК); 2) *все* регистрируемые акты гражданского состояния****, кроме рождения и смерти; 3) акт объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным — *акт эмансипации* (ст. 27 ГК); 4) *все* акты регистрации индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и муниципальных образований (в отношении других — посто-

****см. п. 302

402 Исключения составляют случаи, прямо предусмотренные законом и являющиеся так называемыми *границами принципа обязательного внесения*. В их число входят акты государственной регистрации прав, возникших из фактов 1) принятия наследства (п. 4 ст. 1152 ГК); 2) внесения имущества в уставный капитал (п. 3 ст. 213); 3) приобретения регистрируемых прав в ходе реорганизационного правопреемства и в составе правовых (имущественных) комплексов; 4) давностного владения (ст. 234); 5) полной выплаты паевого взноса членом потребительского кооператива (п. 4 ст. 218); 6) добросовестного приобретения (п. 2 ст. 223, ст. 302); 7) вступления в законную силу судебных актов.

ронних — лиц[403]); 5) акты государственной регистрации *некоторых сделок*, а именно — тех, которые без такого акта не считаются совершенными[404]*.

*см. п. 552

Все остальные государственные регистрационные акты имеют *исключительно доказательственное* (*процессуальное, техническое*) *значение*. Помимо перечисленных выше исключений из общих правил типичным примером подобного — сугубо доказательственного — регистрационного акта является акт государственной регистрации авторского права на программу для ЭВМ или базу данных (см. п. 6 ст. 1262 ГК).

Формой совершения всякого государственного регистрационного акта является *запись в соответствующем государственном реестре или регистре* (например, ЕГРЮЛ, ЕГРП, Государственном реестре изобретений и т.д.). Такие записи вносятся (акты совершаются) на основании и в соответствии с процедурой, установленной соответствующей отраслью регистрационного законодательства. Существуют два основных вида таких процедур: 1) *формальная* и 2) *содержательная*. Основанием внесения реестровой записи *по формальной процедуре* является факт соответствия представленных для государственной регистрации документов их формальным признакам (реквизитам); так сегодня регистрируются индивидуальные предприниматели, юридические лица, права на недвижимые вещи, на полезные модели и фирменные наименования. *Содержательная процедура* предполагает проверку соответствия представленных документов действительности, а также законности действий, предшествовавших государственной регистрации и положенных в ее основание.

В ряде государств за совершенными в подобной — реестровой — форме государственными регистрационными (реестровыми) актами признается свойство *публичной достоверности*[**]. Необходимость придания этого свойства российским государственным реестрам регистрации прав на недвижимость и юридических лиц была признана Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации от 07.10.2009 (п. 2.2 разд. II, п. 2.2 и 2.3 разд. III), а впоследствии — еще и отчасти реализована в новой редакции ст. 51 ГК применительно к ЕГРЮЛ (см. об этом п. 334[1] настоящего Учебника), а также ст. 8.1 и 131 ГК применительно к ЕГРП (п. 427 Учебника).

**см. п. 437

626. **Лицензионные акты.** Понятие об *актах лицензирования* (*лицензионных актах* или *лицензиях*) является весьма широким и многоплановым. Понятие о лицензии в широком смысле слова включает

---

403 То есть, например, на незарегистрированные изменения к уставу организации ни она сама, ни ее участники не вправе ссылаться в споре с посторонним лицом; точно так же постороннее лицо имеет право не принимать во внимание действия, совершаемые от имени организации в качестве ее исполнительного органа таким гражданином, о котором в государственном реестре юридических лиц не упоминается.

404 Точнее сказать, не порождают намеченных гражданско-правовых последствий без соединения с регистрационным актом в фактический состав. Акты регистрации сделок, которая требуется под угрозой недействительности, являются уже не собственно регистрационными актами, но актами, выступающими в роли условия законности сделки, т.е. разновидностью актов государственного контроля и согласования.

в себя *любые виды разрешений* на занятие физических или юридических лиц известным видом деятельности. Все эти многочисленные виды лицензий (см. ниже), точнее, акты их 1) предоставления (выдачи), 2) приостановления и 3) отзыва (аннулирования) объединяют следующие две главные черты. Во-первых, *выдача лицензии* осуществляется при условии документального подтверждения соискателем (лицензиатом) того обстоятельства, что он *располагает необходимыми условиями для осуществления соответствующей деятельности*[405]. Вместе с тем государство не может гарантировать того, что конкретный лицензиат действительно будет осуществлять такую деятельность надлежащим образом: *«иметь возможность» осуществлять деятельность* и *реально ее осуществлять* — это разные вещи. Исходя из сказанного понятно, что *государство ни при каких условиях не может нести ответственности за результаты деятельности лицензированных им лиц*. Лицо, полагающееся на государственную лицензию, делает это исключительно на свой страх и риск[406]. Во-вторых, все виды лицензионных актов всегда имеют не только доказательственное, но и *материально-правовое гражданское значение*, поскольку они либо *изменяют объем частной гражданской правоспособности*, либо приводят к возникновению, изменению или прекращению правовых связей, весьма напоминающих гражданские правоотношения.

Внутри понятия о лицензиях или разрешениях как таковых выделяются:

1) *лицензии в строгом смысле слова*, а именно — в смысле абз. 3 п. 1 ст. 49 ГК и изданного в его развитие специального законодательства (см. ст. 2 и 17 Федерального закона от 08.08.2001 № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»[407]), т.е. *административные акты, направленные на снятие установленных законодательством ограничений гражданской правоспособности частных лиц*[*];

*см. п. 184

2) *лицензии на право пользования участками недр и иными аналогичными природными ресурсами* — административные акты, являющиеся основаниями возникновения как относительных, так и абсолютных юридических возможностей, обеспеченных законопослушным поведением государства-собственника горных отводов и иных аналогичных объектов (лицензии в смысле ст. 7 Закона РФ «О недрах»,

405 Соответственно, акты *отзывы* и *аннулирования лицензий*, напротив, свидетельствуют об отсутствии у лицензиата необходимых условий и предпосылок для осуществления лицензируемой деятельности.

406 Некоторое исключение составляют лицензии, выдаваемые по итогам процедуры аккредитации (см. ниже): лица, воспользовавшиеся услугами не просто лицензированной, но аккредитованной государством организации, приобретают возможность ссылаться на это обстоятельство в спорах о соответствии качества полученных ими услуг обязательным требованиям.

407 Статья 17 перечисляет многочисленные (более 100) виды деятельности, подлежащие лицензированию *в соответствии с правилами, установленными в нормах этого Закона*; ст. 2 добавляет к этому перечню список из еще 22 видов (банковская, страховая, биржевая, нотариальная, таможенная и т.д.), лицензируемых по нормам *специального законодательства*.

ст. 8 Федерального закона «О континентальном шельфе», ст. 16 и 17 Федерального закона от 17.12.1998 № 191-ФЗ «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации» и др.), а также всяких вообще посторонних лиц;

3) *свидетельства о государственной аккредитации организаций* — административные акты, подтверждающие соответствие результатов некоторых видов лицензируемой деятельности установленным государством требованиям по качеству — стандартам, программам и т.п. (наиболее известно и практически значимо требование о государственной аккредитации организаций, осуществляющих *образовательную деятельность*; другие области применения аккредитационных процедур — обеспечение единства измерений, проведение сертификации, различного рода экспертиз, экзаменов и испытаний и т.п.);

4) *документы об аттестации и квалификации* (аттестаты и дипломы) — административные акты, подтверждающие соответствие их обладателей (физических лиц) квалификационным (профессиональным) требованиям, установленным самим государством или аккредитованными при нем организациями (процедуры аттестации применяются едва ли не во всех мыслимых областях профессиональной деятельности).

Весьма близко к лицензионным актам подходят *сертификаты соответствия* — документы, выдаваемые государственными или аккредитованными государством органами сертификации, подтверждающие соответствие отдельных видов продукции и товаров требованиям федеральных законов — технических регламентов (см. ст. 25 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» и Единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации, утвержденный постановлением Правительства РФ от 01.12.2009 № 982). Вещи, подлежащие обязательной сертификации, относятся к категории объектов, ограниченных в обороте*; соблюдение требования об обязательной сертификации таких видов продукции снимает такие ограничения и является условием законности обращения вещей, составляющих такую продукцию, на территории РФ. Непосредственным объектом воздействия сертификации, стало быть, является *гражданско-правовой режим известного рода объектов имущественного оборота*. В этом и заключается отличие сертификатов от собственно лицензионных актов — актов, имеющих дело с правоспособностью и субъективными правами конкретных лиц.

*см. п. 405

627. **Акты планирования.** Вопрос об актах планирования — их юридической природе и, в частности, об их, с одной стороны, соотношении с правом, а с другой, об их месте в системе юридических фактов и соотношении с договором — был одним из центральных вопросов советской юридической науки. В современных условиях утрата плановыми актами былого практического значения освобождает нас от необходимости подробного разбора всех перипетий имевшихся по этому поводу дискуссий и позволяет ограничиться отсылкой читателя к литературе вопроса, в первую очередь к указанным выше

(в «Основной литературе» к настоящей главе) книгам А. Г. Быкова, О. С. Иоффе и А. К. Кравцова (1975, 1971 и 1976 гг. соответственно).

Тем не менее сказать несколько слов по существу тематики все-таки нужно.

Плановые акты, ставшие основой организации экономики в первый же год господства советской власти, первоначально (такими авторами, как А. В. Венедиктов, Ф. И. Вольфсон, А. Г. Гойхбарг, Е. Б. Пашуканис, Б. М. Рубинштейн и др.) категорически *противопоставлялись* актам правовым. Но это противопоставление осуществлялось, можно сказать, почти инстинктивно — не только без какого бы то ни было твердо установленного логического основания, но и даже без самого минимального исследования существа права, с одной стороны, и плана, с другой. Суждения отдельных авторов в противоположном смысле (С. И. Аскназий) либо проходили незамеченными, либо подвергались остракизму по чисто идеологическим соображениям, а потому не могли изменить общей картины. Собственно же *научное исследование* вопроса о соотношении плановых актов с актами правовыми началось в нашей литературе довольно поздно — в конце 1950-х — начале 1960-х гг. По существу оно не завершилось выработкой сколько-нибудь общей точки зрения.

Между тем именно в вопросе о соотношении плана и права коренятся предпосылки к решению проблемы гражданско-правового значения актов планирования. В самом деле, признав плановые акты источниками не просто *права*, но *правовых норм* (источниками объективного права в смысле позитивистской юридической доктрины), разновидностью *нормативных правовых актов* (законного или подзаконного уровня — уже неважно), мы *вольно или невольно, но неизбежно отсекаем возможность рассматривать плановые акты в качестве юридических фактов, непосредственно порождающих права и обязанности*. Напротив, противопоставляя акты планирования нормативным правовым актам, т.е. полагая их актами хотя бы и правового, но ненормативного свойства, мы *сохраняем такую возможность*. В этом случае, однако, должно быть найдено и четко указано *юридическое основание* для такого противопоставления. Наконец, возможно и компромиссное решение вопроса, исходящее из представления о *неоднородности понятия плановых актов*. Если согласиться с тем, что акты планирования, будучи актами правовыми, в то же время могут быть как нормативными, так и индивидуальными, то соответственным образом будет распадаться и решение вопроса об их гражданско-правовом значении: *нормативно-правовые плановые акты* найдут себе место в категории источников *объективного* права, в то время как плановые правовые акты *индивидуального* (*ненормативного*) *характера* займут место в системе источников *субъективных* прав, т.е. в системе *юридических фактов*.

Первый опыт разработки вопроса о гражданско-правовом значении плановых актов, принадлежащий перу М. М. Агаркова[408], основан на таком эмпирическом материале, как *плановые акты*, применяемые в различных сферах народного хозяйства, но *адресованные конкрет-*

408 См. об этом: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 115–138.

ным хозяйствующим субъектам (плановые задания), т.е. *плановые акты нормативного характера*. Ученый пришел к выводу о необходимости выделения *четырех форм* воздействия таких плановых актов на обязательственные отношения: а) установление обязательства по передаче вещи, выполнению работы или оказанию услуги; б) возложение обязанности совершить сделку, направленную на возникновение известных обязательств; в) разрешение на совершение сделки; г) возложение обязанности выполнить плановое задание, без порождения каких-либо обязательств гражданско-правового характера перед кем бы то ни было. Плановый акт типа «а» займет место в системе *юридических фактов в собственном смысле этого слова*, т.е. в системе обстоятельств реальной действительности (действий), непосредственно порождающих гражданские права и обязанности. Плановые акты трех оставшихся типов также найдут место среди юридических фактов гражданского права, но уже в широком смысле этого понятия: все они будут влиять не на гражданские права и обязанности, а на *гражданскую правоспособность*, ограничивая ее (акты типов «б»[409] и «г»), или, напротив, расширяя (акты типа «в»). При этом в случаях «б» и «в» гражданские правоотношения в конечном итоге (с совершением той сделки, которая является предметом планового акта) будут созданы. Исполнение же актов типа «г», напротив, возникновения гражданских *обязательственных* правоотношений не предполагает; итогом такого исполнения будет *непосредственный распорядительный эффект* в виде прекращения права собственности на поставленную продукцию или на уплаченные деньги.

Нет никаких сомнений в том, что именно теория М. М. Агаркова была положена в основу дальнейших теоретических построений советских цивилистов, прежде всего — применительно к вопросу о влиянии *плановых актов на обязательственные отношения*. Так, в известном исследовании И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца[410] выделяются три типа (с точки зрения их гражданско-правового значения) плановых заданий — 1) устанавливающие обязанность заключения договоров с определенными контрагентами; 2) санкционирующие заключение договоров с контрагентами, самостоятельно выбираемыми адресатами плановых заданий и 3) непосредственно порождающие обязательства. Нетрудно заметить, что три этих типа

409 Плановые акты типа «б», относившиеся к определенной отрасли промышленности в целом (т.е. не имевшие конкретных адресатов), могли получить гражданско-правовое значение не ранее своей *необходимой конкретизации*, которая достигалась путем так называемого *запаряживания* — издания и выдачи государственным органом, осуществляющим административное управление соответствующей отраслью промышленности конкретному хозяйствующему субъекту (будущему поставщику или подрядчику), предписания заключить конкретный договор с конкретным лицом (будущим покупателем или заказчиком). Такое предписание называлось *нарядом* или *заказом*. Следовательно, было бы точнее говорить о том, что плановые акты, направленные на установление обязанности совершить сделку, внутри себя также распадались на два типа: а) акты конкретные и б) акты отраслевые. Последние приобретали гражданско-правовое значение только в совокупности с актами их субъектно-объектной конкретизации — т.е. в совокупности с выданными на их основании нарядами или заказами.

410 См., например: *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 72—73, 77.

плановых актов вполне соответствуют типам актов «б», «в» и «а» по М. М. Агаркову[411].

Позднейшие авторы сочли возможным сделать еще один шаг к укрупнению результатов классификации плановых функций, в результате получив те самые две разновидности плановых актов, о которых мы сказали выше — плановые акты 1) *абсолютного гражданско-правового действия*, т.е. акты, ограничивающие гражданскую правоспособность установлением обязанности совершения одной или нескольких конкретных сделок и 2) *относительного гражданско-правового действия*, т.е. акты, непосредственно направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений по передаче вещей, уплате денег, выполнению работ или оказанию услуг. Примером могут служить взгляды О. С. Иоффе, противопоставлявшего друг другу а) плановые акты, непосредственно определяющие «...как субъектов обязательства, так и условия его исполнения»[412] и не предполагающие, следовательно, договорного развития своих положений для возникновения предусмотренных ими обязательств и б) акты планирования, которые лишь «...намечают важнейшие контуры будущего обязательственного правоотношения», и оттого предполагающие не только свою конкретизацию и детализацию, но и «...выработку новых условий, прямо ими не предусмотренных, но способствующих их усиленному выполнению»[413] в заключаемых на их основе хозяйственных договорах. Административные акты, санкционирующие заключение сделок с автономно выбранными контрагентами, ученый, очевидно, просто исключил из категории плановых; забегая чуточку вперед отметим, что совершенно основательно.

628. **Конститутивные акты.** Административные акты, направленные на определение границ, наполнение объема и установление порядка реализации гражданской правоспособности самих публично-правовых образований, их органов, а также организаций и лиц, выполняющих публично-правовые функции, мы предлагаем называть *административными актами конститутивного значения* или *конститутивными актами*. Подобно регистрационным актам, выполняющим конституирующую роль в деле определения правоспособности участников гражданского оборота, вновь создаваемых по инициативе частных лиц*, акты конститутивные выполняют ту же самую функцию, но *применительно к самим публично-правовым образованиям как участникам гражданского оборота, а также к создаваемым им хозяйственным организациям* (унитарным предприятиям, государственным корпорациям, компаниям и учреждениям) и *властным органам* (учреждениям).

*см. п. 625

411 Отказ ученых от выделения плановых актов непосредственного распорядительного эффекта мог быть обусловлен различными причинами, главной из которых, на наш взгляд, является их самое отдаленное отношение к гражданскому праву.

412 *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 17.

413 Там же. С. 19.

Из практически исчерпывающего перечня видов конститутивных актов, известных современной российской практике, приведенного выше, в п. 624 (подп. «г» первой группы актов абсолютного действия), а также из сказанного здесь об их генеральном предназначении, вытекает следующая любопытная их особенность как административных актов — *чрезвычайно узкие рамки их возможного обжалования со стороны частных лиц*. Конститутивные акты нельзя, конечно, отнести, подобно корпоративным актам, к разряду актов *исключительно внутреннего значения*, поскольку создаваемые в соответствии с ними субъекты и осуществляемые действия в конечном итоге всегда получают выход вовне (в гражданский оборот). Вместе с тем все конститутивные акты 1) адресуются самим публично-правовым образованиям и, соответственно, 2) исполняются ими (их органами и должностными лицами), 3) за счет издавших их публично-правовых образований. Это означает, что ни изданием, ни исполнением конститутивных актов ни правоспособность ни гражданские права частных лиц, как правило, не затрагиваются. Нарушения процедуры принятия (согласования, утверждения) подобных актов представляют собой внутреннее дело самого публично-правового образования, эти акты издавшего. Они могут быть предметом административно-правовых претензий вышестоящих органов и должностных лиц, а также суда и прокуратуры, но не частных лиц — участников гражданского оборота.

Из данного правила существуют два следующих исключения.

Первое исключение составляет случай, когда положения конститутивного акта, определяющие функции или полномочия того или иного государственного органа, либо должностного лица, делают это иначе, чем закон или подзаконный нормативный акт. Такие положения могут стать предметом судебного обжалования со стороны *частных лиц, пострадавших от незаконных по существу действий, оправдываемых ссылкой на соответствующий конститутивный акт*. Сказанное может быть в полной мере распространено и на конститутивные акты, определяющие правовое положение самих публично-правовых образований в тех или иных областях гражданского оборота, например, на планы приватизации публичного имущества, противоречащие соответствующим государственным либо местным программам приватизации.

Второе исключение представляет собой случай *противоправного бездействия органов государственной или местной власти*, обязанных к постановлению конститутивного акта законом, подзаконным нормативным или иным прежде изданным административным актом. Допустим, в том же плане приватизации определен срок продажи пакета акций, закрепленных в государственной собственности; в нарушение этого предписания органы по управлению приватизируемым имуществом решения о такой продаже не принимают и продажи, соответственно, не осуществляют. Предметом обжалования здесь будет, однако, само противоправное бездействие, а вовсе не конститутивный акт; рассмотрение этого вопроса относится, следовательно, к другой теме.

629. **Акты государственного согласования и контроля.** Использование субъектами гражданских правоотношений своей гражданской правоспособности является, по общему правилу, свободным и не об-

ставляется никакими условиями. Действия, направленные на реализацию гражданской правоспособности*, совершаются частными лицами *автономно*, т.е. самостоятельно (по собственному усмотрению) и безотносительно к чьему-либо разрешению или запрещению**. Законом, однако, могут быть установлены исключения из этого правила, а именно — определен круг юридических действий, непременным условием правомерности которых является их *предварительное согласование*, либо *последующее одобрение* со стороны органов исполнительной государственной или местной власти. Административные акты, выражающие такое согласование или одобрение, т.е. акты, направленные на установление конкретных (специальных) пределов инициативного правомерного поведения субъектов частного права, составляют особую группу административных актов, названных нами *актами государственного согласования и контроля*. Наиболее видное место среди них занимают решения и предписания ФАС России, направленные на определение условий допустимости сделок и действий, способных привести к ограничению конкуренции, а также — на понуждение к совершению действий (в том числе сделок), направленных на обеспечение и восстановление конкуренции.

*см. п. 502 и 503

**см. п. 15, 18

Выше*** мы уже сталкивались с актами согласования и контроля под именем одного из видов актов планирования. Конечно, особенности данной категории актов слишком велики и вполне оправдывают их обособленное рассмотрение именно в рамках науки *гражданского права*.

***см. п. 627

Во-первых, рассматриваемые административные акты являются разновидностью *актов согласования и контроля в целом*, субъектами совершения которых могут быть не только публично-правовые образования и их органы, но и *частные лица*; таковы, к примеру, законные представители, дающие письменные акты предварительного согласия или последующего одобрения сделок своих подопечных. Что означает такое «родство»? — то, что административные акты согласования и контроля являются, подобно аналогичным актам частного происхождения, *гражданско-правовыми сделками* или же, напротив, то, что любые акты согласования и контроля, не исключая тех, что совершаются частными лицами, представляют собой разновидности *актов юридической власти* — правомерных юридических поступков? По всей видимости, правильным будет второй ответ; другое дело, что будут различными основания их обязательности. В то время как административные акты согласования и контроля постановляются в рамках реализации возможностей, составляющих содержание *полномочий* или *компетенции*, аналогичные акты частных лиц совершаются в рамках реализации принадлежащих им *секундарных прав* — продукта специфических гражданско-правовых взаимосвязей между ними, либо даже частной автономии подвластных им контрагентов.

Во-вторых, акты согласования и контроля *сами по себе* не имеют и не могут приобрести никакого гражданско-правового значения.

Акты данного вида способны проявить себя исключительно в связи с иными юридическими фактами, причем — не всякими, но лишь *правомерными действиями частных лиц*. Предварительное согласование той или иной конкретной сделки не может произвести никакого юридического эффекта до тех пор, пока одобренная сделка не будет совершена. Подобный акт не затрагивает даже частной правоспособности будущих участников сделки, ибо таковая будет совершаться в рамках правоспособности общей, гражданской, в равной мере принадлежащей всем частным лицам. Последующее же одобрение сделки хотя и производит намечаемые последствия, но лишь потому, что осуществляется на фоне уже имеющейся сделки. Очень важно понимать, что *отсутствие административного акта, направленного на предварительное согласие или последующее одобрение той или иной сделки, вовсе не означает ее ничтожности или неэффективности*. Акты согласования и одобрения, таким образом, выступают факторами *отрицательного юридического действия*. Оно выражается в том, что *лица, совершившие акт согласования или одобрения, тем самым лишают себя способности к оспариванию сделок, бывших предметом такого согласования или одобрения*.

630. **Распорядительные административные акты.** Административные акты этой группы весьма сходны с актами конститутивными в том отношении, что адресуются публично-правовыми органами самим себе — собственным органам и должностным лицам. В то же время в отличие от конститутивных актов, служащих делу определения границ, объема и порядка реализации гражданской правоспособности, они направляются на *властное распоряжение публично-правового образования собственными, либо чужими субъективными гражданскими правами*.

Примером административного акта, направленного на распоряжение субъективным правом самого публично-правового образования, может служить *акт закрепления государственного имущества в хозяйственном ведении унитарного предприятия*; примером акта, направленного на распоряжение чужим правом, может служить *акт обращения взыскания на чужое имущество*[414].

Трудно однозначно сказать, что является основанием к совершению такого рода актов. По всей видимости, распоряжение *собственными* правами имеет одно основание, *чужими* — другое.

В основе распоряжения *собственными* правами лежит автономия воли субъекта как частного лица. Подтверждением этому предположению может быть тот факт, что односторонние распорядительные действия в отношении собственных прав доступны всем без исключения частным лицам; таковы, в частности, акты предоставления и принятия имущества, завещательные распоряжения всех видов, акты внесения имущества в капиталы и фонды организаций, акты создания новых объектов гражданских отношений. Другое дело — свобода

414 Другие примеры административных актов распорядительного свойства см. в п. «в» второй группы актов абсолютного гражданско-правового действия*.

*см. п. 624

в определении целей совершения таких распорядительных действий, которая у частных лиц, конечно, значительно шире, чем у публично-правовых образований, связанных в своих действиях необходимостью достижения выполнения возложенных на них Конституцией и российскими законами функций.

Что же касается основания властного распоряжения *чужой* правовой сферой, то с внешней своей стороны оно представляет собой *прямое указание закона*. На чем, однако, оно основывается? Что могло бы заставить законодателя отступить от принципа неприкосновенности частных прав и принести его в жертву административному произволу публичной власти? Обобщение известных нам случаев административного распоряжения чужой частноправовой сферой позволило сделать следующее предварительное заключение: все они имеют в виду *незаконное предшествующее поведение лица — субъекта прав, подвергаемых административному изменению или прекращению*. Установление факта незаконного поведения в большинстве случаев является прерогативой суда; так, те же самые акты обращения взыскания на имущество должника, как правило, основываются на вступившем в законную силу судебном акте. Поэтому можно утверждать, что *административные распорядительные акты в чужой правовой сфере являются законными, по общему правилу, лишь тогда, когда они подкреплены действующим судебным актом*. Только в прямо предусмотренных законом случаях, обстоятельства которых либо вовсе не допускают предварительного судебного контроля законности поведения частного лица либо делают такой контроль неэффективным, возможно административное прекращение чужих субъективных прав, не предваренное судебным актом. Будучи принятыми подобные административные акты, разумеется, должны быть доступны для судебного обжалования.

*см. п. 624

631. **Административные акты относительного действия.** Выше* мы выделили четыре основные разновидности административных актов данного типа; нерассмотренными из них остались — а) акты о прикреплении; б) акты о взыскании и в) акты об исполнении бюджетов. Акты двух последних типов интересны для гражданского права лишь в том смысле, что их последующее исполнение (добровольное или принудительное) *произведет распорядительный эффект*, а именно — приведет к утрате частным лицом или публично-правовым образованием известного имущества, чаще всего — денежных средств, а значит — и к прекращению прав на это имущество. Акты этого типа были рассмотрены в предыдущем пункте. Что же касается *актов о прикреплении*, то таковые, очевидно, должны быть признаны «преемниками» тех самых актов занаряживания или заказа, которые в советское время служили делу конкретизации отраслевых плановых заданий.

Согласно п. 1 ст. 529 ГК по государственным (муниципальным) контрактам на поставку продукции для государственных (муниципальных) нужд, предусматривающим отгрузку (передачу) товара ли-

цу, не являющемуся государственным или муниципальным заказчиком, последний (заказчик) в течение 30 дней с момента подписания государственного (муниципального) контракта направляет сторонам будущего договора поставки — будущему поставщику (исполнителю) и будущему покупателю — *извещение о прикреплении* последнего к первому. Это извещение о прикреплении и является формой одноименного административного акта.

Извещение о прикреплении имеет *различное юридическое значение* для различных своих адресатов.

На *исполнителя* государственного (муниципального) контракта (будущего поставщика), получившего извещение о прикреплении к нему будущего покупателя, возлагается обязанность в течение 30 дней с момента получения такого извещения разработать и направить прикрепленному к нему покупателю проект подлежащего заключению договора поставки (п. 2 ст. 529). Из этого следует, что с получением извещения о прикреплении исполнитель (будущий поставщик) становится лицом, *обязанным к заключению договора поставки*, причем, не перед государственным (муниципальным) заказчиком (с ним он связан обязательствами по государственному (муниципальному) контракту, т.е. обязательствами из совсем другого гражданско-правового основания), а *перед прикрепленным к нему* (*будущим*) *покупателем* (см. п. 5 ст. 529).

Будущий покупатель, получивший извещение о своем прикреплении к поставщику, приобретает *право потребовать от последнего заключения с ним договора поставки* (см. выше), однако *сам к его заключению не обязан*. Это можно установить из п. 1 ст. 530, регулирующего последствия полного или частичного отказа будущего покупателя от заключения договора поставки с поставщиком, указанным в извещении о прикреплении. Неблагоприятные последствия такого отказа наступают для *государственного* (*муниципального*) *заказчика* (которому нужно будет позаботиться либо о новом покупателе (получателе) товаров, либо о принятии и оплате таковых, либо, наконец, о возмещении убытков исполнителя — несостоявшегося поставщика) и исполнителя (которому нужно будет позаботиться о минимизации своих потерь, понесенных в преддверии исполнения договора поставки), но не для отказавшегося от заключения договора будущего покупателя. Разумеется, если отказ прикрепленного покупателя противоречит какому-либо нормативному акту либо его соглашению с государственным (муниципальным) заказчиком либо разрушает его ожидания, основанные на своем предыдущем поведении[415], заказчик вправе применить к покупателю меры ответственности, предусмотренные законом на случай такого нарушения. Тем не менее нарушение это не будет иметь никакой связи с пресловутым извещением о прикреплении, исполнения которого ни будущий поставщик, ни сам государственный (муниципальный) заказчик требовать от покупателя не вправе.

Согласно п. 2 ст. 509 ГК аналогичное право — право покупателя давать поставщику обязательные для исполнения указания об отгруз-

415 Так, например, отказ покупателя от заключения договора поставки с исполнителем, к которому сам же покупатель просил заказчика его прикрепить, очевидно, будет действием неправомерным.

ке (передаче) товаров по договору получателям — третьим лицам — может быть предусмотрено и классическим договором поставки. Третьи лица, которым производится отгрузка, подобно покупателю, прикрепляемому к исполнителю государственного (муниципального) контракта, также вправе отказаться от принятия доставляемых им товаров, поскольку условиями договора поставки они к принятию товара не обязываются. Поставщик, столкнувшийся с таким отказом, должен принять возвращаемый товар и обратиться за возмещением убытков к своему контрагенту (покупателю), выдавшему отгрузочную разнарядку на такое вот отказавшееся от принятия исполнения третье лицо, но применить каких-либо санкций к этому последнему он не имеет права.

Установленная идентичность гражданско-правовых последствий дачи отгрузочных разнарядок и направления извещений о прикреплении, а также тождество внешних существенных признаков разнарядок и извещений свидетельствует о *едином источнике обязательности данных актов.* Таковым являются, по всей видимости, *предшествующие частные отношения* лица, давшего разнарядку (направившего извещение) с ее (его) адресатом. Для разнарядок эти отношения определяются договором поставки, для извещений — государственным (муниципальным) контрактом. Сказанное означает, что традиционная квалификация извещения о прикреплении покупателя в качестве административного акта (акта власти), по меньшей мере, сомнительна.

§ 4. Судебные акты (п. 632—635)

632. **Постановка проблемы и условия ее решения.** Вопрос об отнесении к числу юридических фактов актов судебной власти — судебных решений, постановлений и определений — является спорным. Несмотря на то что со времени выхода многократно цитировавшейся нами работы О. А. Красавчикова о юридических фактах прошло уже более полувека, состояние литературной разработки вопроса о судебных актах как основаниях движения гражданско-правовых форм мало изменилось. Общепризнанным можно считать лишь тезис проф. Д. М. Генкина 1944 г. давности о том, что к числу таких оснований относятся решения судов по преобразовательным («правообразующим») искам[416]; относительно же материального гражданско-правового значения судебных решений по искам о присуждении и признании, а также иных судебных актов и вообще распорядительных процессуальных действий участвующих в деле лиц, не существует не только господствующего, но и вообще сколько-нибудь определенного мнения. Разработкой этого круга проблем по-прежнему занимаются по преимуществу специалисты в области гражданского процесса, к трудам которых по вопросам о судебных решениях как

416 См. об этом с. 130 указ. соч. О. А. Красавчикова.

процессуальных актах мы и отсылаем читателей. В самом общем виде взгляды, сформулированные по существу «проблемы судебного решения» как юридического факта материального гражданского права сводятся к тезису о том, что то или другое решение пресловутой «проблемы» зависит от признания или отрицания существования так называемых *преобразовательных исков* — исков, решения по которым приводят к установлению, изменению или прекращению гражданских правоотношений[117].

Основные аргументы «за» и «против» признания таковых многократно и с исчерпывающей ясностью обсуждены в специальной литературе, а потому повторять их здесь нет никакой надобности[118], тем более что ни одна из этих позиций сама по себе никак не может притязать на истину. В литературе уже назывались две причины этого обстоятельства; мы можем указать еще несколько. В настоящем пункте мы разберем те две причины, что уже были предметом рассмотрения; в следующем — укажем еще несколько, выявленных нами. Итак, ни точка зрения, признающая силу юридических фактов за судебными решениями (по всяким категориям исков, или хотя бы по одному из них — искам преобразовательным), ни противостоящая ей теория, отрицающая таковую, не годятся, во-первых, 1) в силу своей *односторонности* и, во-вторых, 2) в силу *не вполне точного определения основной цели судебной деятельности* и, как следствие — существа судебного решения.

1) **Односторонность противоборствующих концепций.** Еще в 1958 г. О. А. Красавчиков совершенно справедливо указал на *односторонность* обоих противоборствующих точек зрения.

В самом деле, на чем зиждется традиционный взгляд, отказывающий в признании материального гражданско-правового значения за судебным решением? На соображении о том, что сам суд не творит новых правоотношений, но лишь подтверждает наличие (или, наоборот) отсутствие) известных гражданско-правовых связей, возникших в прошлом. Говоря словами О. А. Красавчикова, здесь акцентируется внимание на *допроцессуальной* стадии развития юридических отношений.

Позиция же, признающая судебное решение (хотя бы и по преобразовательному иску) юридическим фактом материального права, напротив, отказывается замечать пресловутую допроцессуальную стадию и оттого воздвигает судебное решение как бы на пустом месте. Между тем нельзя не согласится с утверждениями о том, что «... судебное решение следует видеть не в качестве какого-то самодо-

417 Против выделения двух других категорий исков — исков о присуждении и исков о признании — в литературе почти никто не возражает; соответственно, существование этих двух категорий исков мы будем считать вполне признанным. Понятия исков о присуждении и признании с достаточной полнотой раскрываются в литературе по гражданскому процессу.

418 Ссылки на литературу см.: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 131—133; *Крашенинников Е. А.* К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 49—46, 50—58; *Осокина Г. Л.* Иск: Теория и практика. М., 2000. С. 71—82 и др.

влеющего *изолированного акта* от норм права и фактов, а рассматривать его *в связи с другими предпосылками и основаниями движения гражданского правоотношения* и, в частности, ... в качестве одного из звеньев в общей цепи обстоятельств и фактов, выражающих движение гражданско-правовой связи, ... в качестве элемента юридического состава движения, ... изменения или прекращения спорного правоотношения»[419]; что «для правильного ... понимания роли судебного решения в динамике гражданских правоотношений следует *объединить обе ... половины общей картины движения гражданского правоотношения* и в единстве проследить значение акта правосудия в возникновении, изменении или прекращении спорной правовой связи»[420] (выделено нами. — *В. Б.*).

Вырисовывается следующая общая картина (по О. А. Красавчикову): во всяком случае судебное решение «...на основе норм права в силу юридических фактов превращает возможность осуществления субъективного права в принудительном порядке в действительность. Именно с момента вынесения соответствующего акта (для решения момента вступления в законную силу) право истца становится действительно осуществимым в принудительном порядке. Без этого акта данное право не подлежит *принудительному осуществлению*. ... *Реализация возможности* принудительного осуществления субъективного права *в действительность* и является тем новым (гражданско-правовым. — *В. Б.*) моментом, который вносит судебное решение в динамику спорной гражданско-правовой связи»[421]. При таком подходе «... юридическая природа судебного решения не зависит от того, какой предъявлен иск, от того, чьи права нашли защиту, и от того, каков характер представленной судом защиты»[422]; «...судебное решение, отражая особую ступень в развитии субъективного гражданского права, сообщает последнему на основе норм права и юридических фактов допроцессуального (досудебного) развития правоотношения *силу принудительного осуществления*»[423] (выделено нами. — *В. Б.*).

Таким образом, по О. А. Красавчикову всякое судебное решение является материальным юридическим фактом гражданского права потому, что *оно предоставляет* (*создает*) *для одной из спорящих сторон новую* (*прежде не принадлежавшую ей*) *юридическую возможность* — возможность прибегнуть к содействию государственного принуждения в реализации принадлежащих ей субъективных прав. Позднее к этой точке зрения присоединились В. Б. Исаков[424] и некоторые ученые-процессуалисты (А. А. Добровольский, А. Ф. Клейнман, И. А. Чечина).

2) **Неточное определение основной цели судебной деятельности.** Принято считать, что основной (и единственной!) целью судебной

---

419 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 134.

420 Там же. С. 137.

421 Там же. С. 137—138; см. также с. 139—140 (о юридическом значении решений, вынесенных в пользу ответчика).

422 Там же. С. 141.

423 Там же. С. 143.

424 См.: *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов. 1980. С. 74—77.

деятельности является *защита права по иску*. Основанием к такой защите является, в первую очередь, *судебное установление и подтверждение факта существования того материального гражданского регулятивного правоотношения*, которому дается защита, или (иначе) — материального гражданского охранительного правоотношения, которое получает реализацию в принудительном (судебном) порядке. Так, В. М. Гордон, наш, можно сказать, научный прадед*, писал, что целью иска о присуждении «...является такое судебное решение, которое с силою права *подтверждает существование у истца права на удовлетворение со стороны гражданского ответчика*. Законодатель ... устанавливает абстрактным образом норму для всех будущих случаев. ... Суд ... имея перед собой не будущее, а уже свершившееся, подтверждает, *что именно ... является правом субъективным в конкретном случае*»[125] (выделено нами. — *В. Б.*). Той же цели — цели получения *судебного подтверждения факта наличия или отсутствия известного юридического отношения* (*субъективного права*) — служит, по доказательному рассуждению ученого, и иск о признании[126]. Позднее это мнение сделалось не просто господствующим, но и по существу единственным. Как подметил В. Б. Исаков, «большинство ученых-процессуалистов, касающихся проблемы судебного решения и преобразовательных исков, явно или неявно исходят из того, что юридическую сущность судебного решения определяет его ближайшая процессуальная цель — признание или присуждение»[127]. Поскольку и основанием присуждения, и предметом признания считается *уже существующее гражданское правоотношение*, то и «вполне логично, что с этой точки зрения судебное решение не признается юридическим фактом материального права»[128].

*см. п. 40(2)

Правильность трактовки судебного решения как акта защиты нарушенного или оспариваемого права была поставлена под сомнение в 1970-е гг. учеными — создателями концепции регулятивного и охранительного права. Одним из достигнутых результатов научных исследований признанных ими преобразовательных исков стал вывод о том, что таковые «...не способны опосредствовать защиту субъективных гражданских прав»[129], но *предназначены для защиты* (*реализации*) «*...охраняемого законом интереса истца в преобразовании известных регулятивных гражданских прав и обязанностей*»[130]. Этот вывод был вполне основательно распространен также и на иски о признании — установительные притязания. «Таким образом, как ни вертись, а факт остается фактом: *преобразовательные и установительные притязания и фиксированные в них способы защиты являются средствами и способами, с помощью которых могут быть защищены только охраняемые законом интересы*»[131]. Вспомнив о существе

---

425 *Гордон В. М.* Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 23.

426 См.: Там же. С. 25–27.

427 *Исаков В. Б.* Указ. соч. С. 75.

428 Там же.

429 *Крашенинников Е. А.* К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 50.

430 Там же. С. 51.

431 Там же. С. 58.

*см. п. 224.4
**см. п. 190, 191

понятий 1) охранительного гражданского правоотношения* и 2) охраняемого законом интереса**, мы без труда поймем, что *охраняемый законом интерес* в исках о присуждении заключается в том самом *судебном подтверждении* существования права истца на удовлетворение со стороны ответчика, о котором писал вот уже более века назад В. М. Гордон и, самое главное, без труда укажем случаи судебного подтверждения права на такое удовлетворение, которое *вовсе не является средством защиты какого бы то ни было регулятивного права*. Так, *иск о присуждении к возмещению убытков, причиненных уничтожением вещи*, не защищает ровно никакого субъективного права; точно так же не защищает субъективных прав ни один из исков, предъявляемых *прокурором* в защиту общественных интересов, равно как и ни один из так называемых *косвенных исков*.

Не будет, следовательно, большой натяжкой утверждение о том, что *всякий иск представляет собой обращенное истцом к суду требование (притязание) о реализации охраняемого законом интереса в признании (подтверждении) либо факта существования спорного правоотношения либо фактов, являющихся основаниями к преобразованию (созданию, изменению или прекращению) известных гражданских правоотношений*. «Право на иск и есть гражданское право на защиту, имеющее срок давности, это *право на решение суда об удовлетворении иска*»[432]. Наличие в исках о присуждении (а по современной российской практике — еще и в исках о признании) фигуры ответчика вовсе не свидетельствует о том, что именно он (ответчик) является адресатом искового притязания. Любое исковое притязание всегда адресовано *суду*; в тех же процессах, в которых реализация охраняемого законом интереса истца может произойти только за счет конкретного лица, неизбежно участие этого последнего в качестве ответчика. Ответчик — это вовсе не адресат искового притязания, но *лицо, имущественное и правовое положение которого грозит подвергнуться негативному принудительному судебному воздействию*, т.е. лицо, имеющее *охраняемый законом интерес* в том, чтобы этого воздействия избегнуть, *установив в судебном порядке отсутствие материально-правовых оснований к такому воздействию*[433]. Юридическое равенство частных лиц, предопределяющее начало состязательности процесса, требует участия в нем в равной мере всякого субъекта — носителя охраняемых законом интересов (независимо от их содержания) в реализации искового притязания.

633. **Методологические недочеты различных вариантов снятия «проблемы» судебного решения в системе юридических фактов.** Помимо недостатков, описанных в предыдущем пункте, все без ис-

---

432 *Мотовиловкер Е. Я.* Эссе об иске // Юридические записки Ярославского государственного университета. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 114. Повторно обращаем внимание читателей на эту статью, автор которой — сторонник концепции регулятивных и охранительных правоотношений — полемизирует с Е. А. Крашенинниковым (также являющимся апологетом этой теории) относительно существа понятий иска и права на иск. К этому вопросу мы еще вернемся при обсуждении понятия исковой давности (см. последний параграф последней главы Общей части).

433 Аналогичное замечание может быть сделано касательно участвующих в деле третьих лиц — лиц, не являющихся сторонами процесса.

ключения воззрения по обсуждаемой проблеме страдают следующими методологическими дефектами:

1) ставя вопрос о том, является ли судебное решение юридическим фактом или нет, ученые хотят понять, *имеет ли судебное решение какое-либо значение для материальных регулятивных гражданских отношений*, т.е. провоцируют обсуждение *совсем другого вопроса*, нежели тот, что обсуждается О. А. Красавчиковым[434];

2) говоря о том, что судебное решение завершает собой некоторый фактический состав, ни О. А. Красавчиков, ни сторонники признания хотя бы каких-нибудь судебных решений юридическими фактами не учитывают, что *судебное решение в полной мере производно от тех фактических обстоятельств, что послужили основанием его постановления* («состав» которых оно собой «замыкает»)[435];

3) компромиссная точка зрения О. А. Красавчикова, как все классические позиции, отправляются в своих построениях от понятия *положительного* (удовлетворяющего иск) судебного решения и *не принимают во внимание отрицательных или отказных решений*, т.е. решений, признающих правильность возражений ответчика и несостоятельность требований истца;

4) частным случаем предыдущего упрека являются *отказные решения, мотивированные примененной судом исковой давностью* — ни одна из противоборствующих концепций даже не поставила вопроса о том, каковы материальные гражданско-правовые последствия *таких* решений;

5) ни одна из точек зрения по обсуждаемой проблеме не принимает во внимание *иных* (не относящихся к категории решений) *судебных актов* — определений и постановлений вышестоящих судебных инстанций по гражданским делам искового производства (которые, между прочим, могут иметь довольно разнообразное содержание), судебных актов по гражданским делам особого (неискового) производства, судебных актов по делам, вытекающим из административно-правовых отношений, а также актов уголовного суда;

6) точка зрения, признающая значение юридического факта за решениями *по одним только преобразовательным искам*, должна быть подвергнута сомнению, в числе прочего, еще и по той причине, что

---

434 То, что судебное решение, удовлетворяющее иск, является тем «спусковым крючком», нажатие на который дает истцу возможность привести в действие механизм принудительного осуществления принадлежащих ему охранительных субъективных прав, было известно, по всей видимости, столько же времени, сколько существовало вообще понятие о судебном решении, т.е. задолго до О. А. Красавчикова. Насколько нам известно, и в настоящее время в этом никто не сомневается.

435 Исключение составляет позиция Н. А. Чечиной: «...не решение является первопричиной ... обязанностей, обязанности вытекают из существования или несуществования правоотношений, а решение определяет порядок и срок их выполнения на основе действующего законодательства» (цит. по: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 136). Возражение этой точке зрения со стороны самого О. А. Красавчикова (Там же, выделено нами. — *В. Б.*) в том смысле, что «...из решения вытекают *обязанности, которые должны быть исполнены под страхом принудительного исполнения*», не может быть принято, поскольку возникновение у активного субъекта гражданского охранительного правоотношения способности к его реализации при посредстве принуждения со стороны органов государственной исполнительной власти не представляет собой материального гражданско-правового последствия.

она фактически «разбивает» единое понятие судебного решения на две разнородные (с материально-правовой точки зрения) категории — «решения-факты» и «решения-нефакты»;

7) ни одна из концепций не вспоминает о феномене *ошибочных судебных решений*, которые «подтверждают» существование на самом деле не существующих прав и обязанностей (или, наоборот, отвергают такие права и обязанности, которые на самом деле существуют); вступив в законную силу, такие (ошибочные!) судебные акты подлежат принудительному исполнению наравне с истинными, в результате чего процесс такого исполнения превращается в процесс осуществления внешне видимых, но реально не существующих субъективных прав.

634. **Судебное решение как заменитель (суррогат) юридического факта.** Если принять во внимание все, рассмотренные выше содержательные и методологические недостатки рассуждений по проблематике судебных решений как юридических фактов гражданского права, то нельзя будет не признать, что *ни одно судебное решение не может иметь значения самостоятельного юридического факта в традиционном для этого понятия материально-правовом смысле*[*]. Ни возникновения, ни изменения, ни прекращения материальных гражданских правоотношений непосредственно *с одними только судебными решениями* закон не связывает и связывать не может, ибо судебное решение 1) не только не «замечается» правом, но и *вовсе не существует в отрыве от предшествующего ему фактического состава и вне процессуальной деятельности суда*; 2) судебное решение, как акт, направленный на реализацию *охраняемых законом интересов* лиц, участвующих в деле, совсем не обязательно связывается с каким-либо регулятивным гражданским правоотношением. Иными словами, *судебное решение — это понятие о таком факте, который находится вне сферы фактических отношений частных лиц*, т.е. *вне сферы отношений, регулируемых гражданским правом.*

[*]см. п. 476

В свете сказанного следует каким-то образом объяснить отнесение судебных решений к числу оснований возникновения гражданских прав и обязанностей — юридических фактов гражданского права, осуществленное ст. 8 ГК. Конечно, этот факт сам по себе не предрешает исхода *научного* спора, но несомненно (в свете господствующего позитивистского правопонимания), усиливает позицию сторонников этого воззрения. Объяснение этому может быть единственное: *законодатель исходит из несколько иного* понимания юридических фактов. Вопреки наименованию ст. 8 он причисляет судебные решения к категории юридических фактов в широком смысле этого слова — к числу актов, имеющих *хоть какое-нибудь гражданско-правовое значение*, хотя бы и *иное*, чем возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений. «Иное значение», несомненно, налицо: вступившее в законную силу судебное решение представляет собой *акт реализации охраняемого законом интереса истца или от-*

ветчика в определенности своего гражданско-правового положения. Оно выполняет роль

1) *заменителя юридических фактов* — документа*, являющегося источником сведений о преюдициально установленных и процессуально признанных фактах**, а также юридических фикциях и презумпциях***;

2) *юридического факта процессуального права* — основания возникновения юридически защищенной возможности выигравшей дело стороны осуществить признанное за ней субъективное право, прибегнув к содействию органов государственной исполнительной власти;

3) *юридического факта материального права*, ибо вступив в законную силу, оно становится абсолютно необходимым условием принудительной реализации (осуществления) удостоверенного им субъективного права, независимо от того, существует ли оно в действительности или нет.

*см. п. 497
**см. п. 498, 499
***см. п. 495, 496

635. **Иные судебные акты.** Как уже отмечалось выше****, одним из методологических недостатков всех сформулированных по обсуждаемой проблеме мнений, является игнорирование того общеизвестного обстоятельства, что судебные решения не исчерпывают собой всего круга (всех типов) существующих судебных актов. Наряду с решениями по гражданским делам искового производства в число судебных актов входят: 1) *судебные определения*, т.е. судебные акты, разрешающие процессуальные вопросы движения дела, но не разрешающие его по существу; 2) судебные *постановления* — акты вышестоящих судебных инстанций, определяющие судьбу прежде вынесенных судебных актов и (возможно) разрешающие дело по существу полностью или в части; 3) судебные *акты по гражданским делам особого (неискового) производства* (решения, определения и постановления); 4) *постановления и определения* по делам об административных правонарушениях; 5) *приговоры, определения и постановления* по уголовным делам. Можно предположить, что судебные решения по гражданским делам искового производства рассматриваются цивилистической наукой в качестве того индикатора, той «лакмусовой бумажки», по реакции (окраске) которого (которой) делаются выводы, относящиеся к родовому понятию судебных актов как таковых и, следовательно, ко всем их видам.

****см. п. 633.5

Если это предположение правильно, то перед нами — еще один (восьмой общим счетом*****) методологический недостаток традиционных построений, причисляющих судебные решения к числу юридических фактов материального гражданского права. В самом деле, возведение *положительного* признака одного из *видовых* понятий в качество *родового* (неполная редукция) сама по себе не предполагает истинности и подлежит обоснованию. Так, само по себе наличие у стеклянных стаканов такого признака, как хрупкость (способность разбиваться) не свидетельствует о том, что этот признак неизбежно будет наличествовать у любой посуды, предназначенной для питья;

*****см. п. 633

и действительно, свойство хрупкости не присуще, в частности, алюминиевым кружкам и пластиковым стаканчикам.

Напротив, *отсутствие* какого-либо свойства у любого из видовых понятий будет означать и его отсутствие в числе признаков понятия родового. В нашем примере с посудой для потребления жидкостей: отсутствие у металлических кружек способности разбиваться означает, что мы смело можем исключить хрупкость из числа признаков родового понятия (посуда для питья). Не всякая посуда, предназначенная для питья, обладает свойством хрупкости. Выше* мы заключили, что судебные решения *не относятся* к категории юридических фактов гражданского материального права; верным, следовательно, будет вывод о том, что *материальное гражданско-правовое значение не является системообразующим признаком понятия судебных актов.*

*см. п. 634

Вместе с тем делать отсюда вывод о том, что свойством юридического факта гражданского права не обладает ни один из видов судебных актов, конечно же, нельзя. То, что металлические кружки не могут разбиваться, еще не означает, что не способны разбиваться и стеклянные стаканы. Иными словами, отрицание наличия известного признака во *всех* видовых понятиях одного рода должно быть доказательным. При каком же условии оно будет таковым? Лишь при том, что отсутствие искомого признака — материально-правового значения — с необходимостью обусловлено такими свойствами судебного решения, которые присущи всем другим судебным актам. Выше мы показали, что таких свойств два: 1) *производность от фактических обстоятельств* и 2) *процессуальное происхождение*. Взятые в совокупности они выводят судебные решения за сферу фактических отношений частных лиц. Но эти же свойства без сомнения присущи и всем другим видам судебных актов. Это означает, что *ни один из видов судебных актов не представляет собой фактического обстоятельства в смысле юридических фактов материального гражданского права*; по всей вероятности, большинство из них выполняют роль *суррогата* (*заменителя*) *юридических фактов.*

ГЛАВА 22

Неправомерные действия

Основная литература

Агарков М. М. Обязательства из причинения вреда (действующее право и задачи Гражданского кодекса СССР) // Проблемы социалистического права. 1939. № 1. С. 55—74; *Его же.* Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 70—79; *Его же* // Проблема обязательств из причинения вреда // Труды первой научной сессии ВИЮН. М., 1940. С. 303—313, 538—546; *Его же.* К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права : сб. ст. М.—Л., 1945. С. 114—155; *Его же.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 41—55; Четыре последние статьи — см. еще: Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 247—268, 218—246, 5—79, 333—360); *Антимонов Б. С.* Основания договорной ответственности социалистических организаций. М., 1962; *Белякова А. М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. М., 1986 (рецензию см.: Правоведение. 1987. № 2. С. 82—83; Советское государство и право. 1988. № 4. С. 155—156); *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976; М., 2001; *Варул П.* Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. Таллинн, 1986; *Грибанов В. П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973; *Гутников О. В.* Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. М., 2003/05/07; *Иоффе О. С.* Обязательства по возмещению вреда. М., 1951/52; *Его же.* Обязательственное право. М., 1975. С. 794—846; *Его же.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955 (рецензию см.: Советское государство и право. 1956. № 7. С. 134—138; Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 85—87);

Калмыков Ю. Х. Возмещение вреда, причиненного имуществу. Саратов, 1965; *Его же.* Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда. Харьков, 1963; *Комаров А. С.* Ответственность в коммерческом обороте. М., 1991; *Кривцов А. С.* Общее учение об убытках. Юрьев, 1902; *Малеин Н. С.* Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. М., 1962; *Его же.* Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965; *Его же.* Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М., 1968; *Матвеев Г. К.* Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955 (рецензию см.: Советское государство и право. 1956. № 3. С. 147—151; Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 87—90); *Его же.* Основания гражданско-правовой ответственности. М., 1970; *Новицкий И. Б.* Недействительные сделки // Вопросы советского гражданского права : сб. ст. М., 1945. С. 31—73; *Попондопуло В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1985 (рецензию см.: Правоведение. 1987. № 3. С. 99—102); *Рабинович Н. В.* Недействительность сделок и ее последствия. Л., 1960; *Растеряев Н.* Недействительность юридических сделок по русскому праву: Догматическое исследование. СПб., 1900; *Семенова А. Е.* Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928 (рецензию см.: Революция права. 1929. № 5. С. 109—110; Советская юстиция. 1930. № 3. С. 27—28); *Слесарев В. Л.* Объект и результат гражданского правонарушения. Томск, 1980; То же. М., 2010 (рецензию см.: Советское государство и право. 1982. № 4. С. 149—150); *Смирнов В. Т.* Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. М., 1960; *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983; *Суханов Е. А.* Кто возместит причиненный ущерб? М., 1989; *Тархов В. А.* Гражданские права и ответственность. Уфа, 1996 (рецензию см.: Государство и право. 1997. № 2. С. 115—116); *Его же.* Обязательства, возникающие из причинения вреда. Саратов, 1957 (рецензию см.: Правоведение. 1958. № 1. С. 129—132); *Его же.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973 (рецензию см.: Правоведение. 1974. № 5. С. 108—112; Советское государство и право. 1975. № 1. С. 142—143); *Тузов Д. О.* Ничтожность и оспоримость юридической сделки: Пандектное учение и современное право. М., 2006; *Его же.* Теория недействительности сделок: Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007 (рецензии на обе эти монографии см.: Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 273—321); *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951; *Ее же.* Ответственность государственных органов за имущественный вред, причиненный должностными лицами. М., 1948; *Шахматов В. П.* Основные про-

блемы теории сделки по советскому гражданскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1951; *Его же.* Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия. Томск, 1967 (отрывок (с. 93—149) из этой книги см. также в Антология уральской цивилистики (1925—1989). М., 2001. С. 301—345) (рецензию см.: Советская юстиция. 1968. № 12. С. 27); *Его же.* Недействительные сделки: Методическое руководство в помощь студентам, занимающимся учебно-исследовательской работой. Красноярск, 1981; *Шварц Х. И.* Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М., 1939. *Его же.* Обязательства из причинения вреда. М., 1954; *Яичков К. К.* Обязательства из причинения вреда. М., 1939; *Его же.* Права, возникающие в связи с потерей здоровья. М., 1965; *Ярошенко К. Б.* Специальные случаи ответственности за причинение вреда. М., 1977.

§ 1. Понятие и система неправомерных действий (п. 636—639)

636. **Определение неправомерных действий и их место в системе юридических фактов.** Под *неправомерными* (иначе — *противоправными, противозаконными и незаконными*) *действиями* или (для гражданского права) *гражданскими правонарушениями* понимаются деяния (поступки) субъектов гражданского права, совершаемые за рамками признанных за ними объективным правом юридических способностей и (или) возможностей и по этой причине не находящие покровительства объективного права. Лицо, совершившее неправомерное действие, в гражданском праве принято называть *правонарушителем*; лицо, подвергшееся негативному влиянию неправомерного действия, — *потерпевшим*.

Приведенное определение неправомерных действий, в общем вполне выводимое из п. 484 настоящего Учебника*, следует дополнить следующим уточнением. Объективное право не просто не воздерживается от покровительства неправомерным действиям, пассивно взирая на таковые, т.е. направляет свои усилия не только на противодействие наступлению намеченных правонарушителем последствий, но и пытается предупредить совершение подобных действий в будущем, связывая с ними неизбежное наступление заведомо невыгодных (нежелательных) для правонарушителя последствий. Рассмотрим пример: некто тайно завладевает чужой вещью с намерением ее присвоить (приобрести), т.е. *стать ее собственником.* Об этом намерении говорит почти повсеместное поведение подобных лиц, которые в ответ на вопрос о том, чьей же вещью они владеют, не моргнув глазом, отвечают, что *своей.* Совершенно ясно, что ни одно объективное право не согласится связать с таким действием — тайным завладением чу-

*см. п. 484

жой вещью — намеченные субъектом такого действия гражданско-правовые последствия (переход права собственности).

Не менее очевидно и другое обстоятельство: описанного пассивного «умывания рук» со стороны объективного права далеко не достаточно для того, чтобы адекватным образом охранить интерес потерпевшего. Ведь он отнюдь не перестанет ощущать себя пострадавшим только от того, что право сохранило за ним возможность считать себя собственником, не предоставив такой возможности похитителю. Коль скоро его законный интерес, мерой которого служит признанное за ним субъективное право собственности, удовлетворяется путем совершения собственных активных действий с вещью-объектом этого права, очевидно, право должно предоставить ему какое-то правовое средство для удовлетворения интереса в восстановлении таких возможностей. И действительно, гражданское право предоставляет как минимум два средства достижения этой цели: 1) *виндикационный иск* и 2) требование о *возмещении убытков*.

Виндикационный иск представляет собой процессуальное средство принудительной реализации охранительного гражданского правоотношения, возникшего из факта правонарушения (незаконного завладения чужой вещью) и состоящего, с одной стороны, из субъективного права потерпевшего собственника требовать выдачи выбывшей из его владения вещи, а с другой — из корреспондирующей этому праву обязанности правонарушителя[136] выдать эту вещь ее собственнику. Удовлетворение виндикационного иска, сопровождаемое последующим исполнением вступившего в законную силу судебного акта, приводит к возврату вещи во владение собственника, т.е. к непосредственному (прямому) удовлетворению его законного интереса в восстановлении нарушенного владения.

Требование (*иск*) *о возмещении убытков* — это тоже процессуальное средство, направленное на принудительную реализацию охранительного гражданского правоотношения, однако с иным содержанием. Оно состоит из субъективного права потерпевшего собственника потребовать натуральной выдачи или денежной выплаты в размере (сумме), эквивалентной стоимости выбывшей из его владения вещи, с одной стороны, и обязанности правонарушителя такую выдачу (выплату) осуществить, с другой. Удовлетворение такого иска с последующим исполнением судебного акта хотя и не приведет к возврату собственнику той вещи, что выбыла из его владения, но снабдит собственника либо аналогичной вещью, либо денежными средствами, достаточными для восстановления своего имущественного положения, т.е. к опосредованному (косвенному) удовлетворению его законного интереса.

Легко заметить, что «подкладкой» под оба иска — как виндикационный, так и убыточный — является каждый раз *свое особенное*

---

436 Точнее — всякого незаконного владельца. Эта специфическая черта виндикационного иска объясняется свойством следования охранительного гражданского правоотношения, делу реализации которого такой иск служит, за вещью, являющейся его предметом. Поэтому виндикационный иск подлежит удовлетворению по отношению как к такому ответчику, который является правонарушителем, так и к такому ответчику, который таковым не является, ибо он не совершал действия по противоправному завладению вещью собственника.

охранительное гражданское правоотношение. Откуда же — из какого юридического факта — эти правоотношения возникают? Несомненно, *из гражданского правонарушения*. Намечались ли подобные последствия его субъектом — правонарушителем? Конечно же, нет; если возможность их наступления и охватывалась умыслом того или иного конкретного правонарушителя, то разве только в том плане, чтобы постараться их избежать. Но таких последствий, которые состоят в возникновении гражданского правоотношения (т.е. *юридических* последствий), избежать никак невозможно: охранительное гражданское правоотношение, хотя бы и с содержанием, невыгодным правонарушителю, возникнет неизбежно[437]. В создании подобных — охранительных — правоотношений и выражается активная составляющая противодействия объективного права неправомерным действиям.

637. **К вопросу о термине «гражданское правонарушение».** Что означает термин «гражданское правонарушение»? Буквальное его толкование может означать одно из двух: речь идет о деянии, нарушающем 1) либо *гражданско-правовое предписание* (гражданское право в объективном смысле, в том числе норму гражданского права), 2) либо *чье-то субъективное гражданское право* (гражданское право в субъективном смысле этого слова). В первом случае говорят об *объективной противоправности* гражданского правонарушения, во втором — о *субъективной*. Нередко можно услышать также о том, что гражданское правонарушение заключается в 3) *нарушении* (неисполнении, или ненадлежащем исполнении) *кем-либо лежащей на нем юридической обязанности*, либо 4) в *нарушении нормы гражданско-правового договора* или (шире) — *условия гражданско-правовой сделки*. К сожалению, все эти объяснения являются в значительной мере описаниями некоторых внешних признаков неправомерных действий, но не их существа. Объектом гражданского правонарушения являются не сами права в объективном ли или субъективном смысле, а *фактическое положение дел*, облеченное в гражданско-правовые формы. Иначе и быть не может, ибо правонарушение — это юридический факт, а юридические факты — это факты реальной действительности.

Если под *нарушением* в общем лексическом смысле слова понимать действия, производящие какие-то негативные изменения в своем объекте (нарушение последовательности или целостности чего-либо, обычного хода каких-либо процессов и т.п.), то под правонарушением, очевидно, должно пониматься нечто иное. Правовые предписания, где бы они ни содержались (в нормативных ли актах, договорах, сделках, корпоративных актах или актах власти), равно как субъективные права и юридические обязанности, представляют

437 Конечно, в том или ином конкретном случае похитителя вещи могут просто не найти. Из-за этого потерпевший собственник так никогда и не узнает, в охранительных правоотношениях *с каким именно обязанным лицом* он состоит. Но это — вопрос *реализации* правоотношений, а не их *существования*, которое является непреложным фактом.

собой сущности *идеальной природы*, которые никак не могут быть нарушены (негативно изменены) чьими-либо *фактическими действиями*. «Нарушение нормы закона» никак не изменяет саму эту норму; точно так же как и «нарушение договора» не производит никаких изменений в содержании «нарушенного» пункта. Что же касается «нарушений» субъективных прав и юридических обязанностей, то таковые, как мы видели из предыдущего пункта, если и производят какие-то *гражданско-правовые* последствия для лица, называемого потерпевшим, то ... *исключительно благоприятного свойства*! В самом деле: последствия эти заключаются в возникновении новых гражданских правоотношений, причем, правоохранительного характера, т.е. правоотношений, способных к принудительной реализации. В этом — узко-юридическом — смысле нет никаких оснований называть потерпевшего потерпевшим — гораздо больше причин назвать таковым правонарушителя, ибо невыгодные гражданско-правовые последствия возлагаются законом именно на него.

Почему же, спрашивается, так никто не делает? Почему потерпевшим называют все-таки именно потерпевшего — приобретателя выгодных гражданско-правовых последствий правонарушения, а не правонарушителя — приобретателя последствий нежелательного свойства? Ответ на эти вопросы может быть только один: объектом нарушения является все-таки не норма объективного права и не субъективные гражданские права, а нечто иное (и в этом смысле понятие «гражданское правонарушение» не соответствует буквальному значению обозначающего его термина. Что же? Тут необходимо вспомнить об условности понятия о правовом регулировании — о том, что под пресловутым регулированием понимается не какое-то особое «правовое воздействие» на общественные отношения, а их *правовая оценка*[*]. Большинство отношений, складывающихся в здоровом (цивилизованном) обществе, право расценивает как нормальные (адекватные), составляющие надлежащие элементы гражданского правопорядка, подлежащие правовому оформлению и охранению; некоторые же из отношений право, напротив, оценивает как аномальные (неадекватные), подлежащие искоренению из правопорядка любыми, в том числе правовыми средствами. Признавая за лицами те или иные юридически защищенные способности и возможности объективное право тем самым ставит известные *границы их фактическим действиям*: те, что совершаются в пределах способностей и возможностей, рассматриваются правом как правомерные действия, а те, что выходят за их рамки — как неправомерные. Фактические действия, однако, могут нарушить (изменить) только фактическое положение вещей. Если речь идет о фактических действиях, оцениваемых правом как *правомерные*, то и произведенные ими изменения будут оцениваться правом как нормальные (адекватные, позитивные); если же о действиях, расцениваемых как *неправомерные*, то и к произведенным ими изменениям право будет относиться соответствующим (негативным) образом.

[*]см. п. 2

Таким образом, под *гражданским правонарушением* следует понимать *деяния, производящие такие изменения в регулируемых правом фактических общественных отношениях, которые получают негативную правовую оценку*. Поскольку правовая оценка получает свое

внешнее выражение в правовых предписаниях — нормативных и индивидуальных — можно сказать, что *верным внешним признаком* гражданского правонарушения является *несоответствие конкретного деяния императивно установленным характеристикам деяний данного рода и вида.* Поскольку результатом позитивной правовой оценки общественных отношений является признание за теми или иными участниками общественных отношений юридических способностей и (или) возможностей, можно утверждать, что еще одним внешним признаком гражданского правонарушения является *несоответствие конкретного деяния обязательным признакам тех, что третированы как допустимые (возможные) к совершению в рамках реализации правомочий — элементов правоспособности или субъективных прав.*

Правильность предложенного в настоящем пункте понимания гражданского правонарушения подтверждается еще и следующим соображением. Нужно вспомнить, что далеко не все общественные отношения 1) получают непосредственную нормативно-правовую регламентацию и 2) облекаются в форму гражданских правоотношений. Достаточно вспомнить о существовании *элементов правопорядка, охраняемых гражданским законом непосредственно* (т.е. без облечения их в форму субъективных прав), в частности, таких нематериальных благ, как жизнь, физическое здоровье, душевное спокойствие (психическое здоровье) и способности к производительному труду — утилитарному (ремесленному) и творческому*, а также конфиденциальная информация, в том числе ноу-хау**. Нарушения перечисленных нематериальных благ далеко не всегда можно было бы подвести под категорию гражданских правонарушений, если в последней видеть нарушения одних только правовых норм или субъективных прав.

*см. п. 468

**см. п. 389, 461

638. **Гражданско-правовые последствия неправомерных действий.** Из предыдущего изложения видно, что непременным гражданско-правовым последствием совершения неправомерных действий (гражданских правонарушений) является *возникновение гражданских охранительных правоотношений****. Их содержание предопределяется двумя следующими группами факторов: во-первых, *содержанием регулятивной юридической обязанности*, исполнение которой охранительные правоотношения призваны обеспечивать*****, и во-вторых, *содержанием и характером действия, составляющего гражданское правонарушение.* Реализация охранительного правоотношения должна приводить к восстановлению фактического положения, существовавшего до правонарушения.

***см. п. 224.4, 225, 229, 247, 249, 250

****см. п. 225 и 249

Так, в приведенном выше примере с тайным завладением чужой движимой вещью возникли два охранительных гражданских правоотношения: 1) по истребованию вещи из чужого незаконного владения и 2) по возмещению убытков. В содержание каждого из них входит, с одной стороны, *требование о совершении активного действия* — выдать вещь или произвести возмещение, с другой — *обязанность* соответствующее действие совершить. В других — подобающих — случаях мыслимы требования о совершении и других активных действий, на-

пример, действий, направленных на уничтожение материальных преград на пути реализации права (срезания крон деревьев, уменьшения высоты стены, уничтожения забора и т.п.), на исполнение обязательства (поставка товаров, уплата денег, выполнение работ), на публикацию определенных сведений или материалов и др.

В других случаях для восстановления законного интереса потерпевшего может оказаться достаточным просто *прекратить совершение действий, составляющих правонарушение* и *в дальнейшем воздерживаться от совершения таковых*. Примерами охранительных правоотношений с подобным содержанием могут стать требования о прекращении эксплуатации промышленных предприятий, использования чужих результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, а также нематериальных благ и т.п.

Наконец, в тех случаях, когда восстановление положения дел, существовавшего до правонарушения, объективно невозможно, допустимо возникновение гражданских охранительных правоотношений, направленных не на само такое восстановление (возникай они — в них не было бы смысла), но на *компенсацию* — мероприятия, направленные на снятие негативных переживаний потерпевшего от правонарушения. Возникновение подобных охранительных правоотношений связывается законом с нарушениями, главным образом, исключительных и личных прав, а также с умалением непосредственно охраняемых законом нематериальных благ.

Содержанием нарушенного регулятивного правоотношения, с одной стороны, и характером правонарушения, с другой, предопределяется и *судьба нарушенных регулятивных правоотношений*, а также их *соотношение* (взаимосвязь*) с *вновь возникшими охранительными правоотношениями*. В силу принципа, согласно которому большее по объему понятие должно поглотить (вобрать в себя) понятие меньшего объема, следует признать, что по общему правилу *с возникновением охранительных гражданских правоотношений, направленных на защиту регулятивных, последние должны прекращаться*.

*см. п. 192 и 193

Лишь в тех случаях, когда охранительные правоотношения таковы, что не способны вполне удовлетворить потерпевшего, правоотношения регулятивные следует считать сохраняющимися и существующими параллельно охранительным. Исключениями этого рода могут быть названы:

1) так называемые *длящиеся регулятивные правоотношения*, т.е. правоотношения, рассчитанные на многократную реализацию и нарушенные в каком-то одном или нескольких (но не всех!) актах их реализации;

2) *регулятивные правоотношения строго личного свойства*, поскольку принудительная реализация охранительных правоотношений способна доставить потерпевшему лишь заменитель (суррогат) его нематериального интереса, но не может удовлетворить сам этот интерес;

3) *регулятивные правоотношения, просроченные реализацией*, т.е. правоотношения, принудительной формой защиты которых становится охранительное требование об уплате неустойки за просрочку

(мораторной неустойки) или возмещении причиненных просрочкой (мораторных) убытков.

639. **Классификации неправомерных действий.** Неправомерные действия могут быть классифицированы по многим различным основаниям, главными из которых являются:

1) *внешняя форма* неправомерного действия;

2) *характер* его противоправности;

3) *гражданско-правовая форма*, в которую облечены общественные отношения, ставшие предметом нарушения.

1) **Классификация по внешней форме неправомерного действия.** В литературе традиционно выделяют такие виды *неправомерных действий*, как (1) причинение вреда (деликт); (2) нарушение обязательств; (3) неосновательное обогащение; (4) совершение недействительной сделки; иногда к ним прибавляют еще (5) злоупотребление правом как «особый вид гражданского правонарушения». Понятно, что перед нами не классификация, а случайное вычленение отдельных, наиболее распространенных на практике и разработанных в науке категорий неправомерных действий. Своему эклектическому (антинаучному) построению данный перечень обязан и своими содержательными недостатками: с одной стороны, он не охватывает *всех* видов неправомерных действий (куда следует, отнести, например, случаи причинения неимущественного (морального) вреда, незаконные решения общих собраний акционеров, незаконные административные и судебные акты, а также незаконные действия государственных органов и их должностных лиц?), а с другой — включает в себя такие юридические факты, которые нельзя признать действиями неправомерными (злоупотребление правом), а то и вовсе нельзя считать действиями (неосновательное обогащение)[438]. Сказанное не снимает, разумеется, вопроса о том, а по какому же критерию должна была бы быть построена классификация, пожелай мы выделить в ее составе перечисленные элементы?

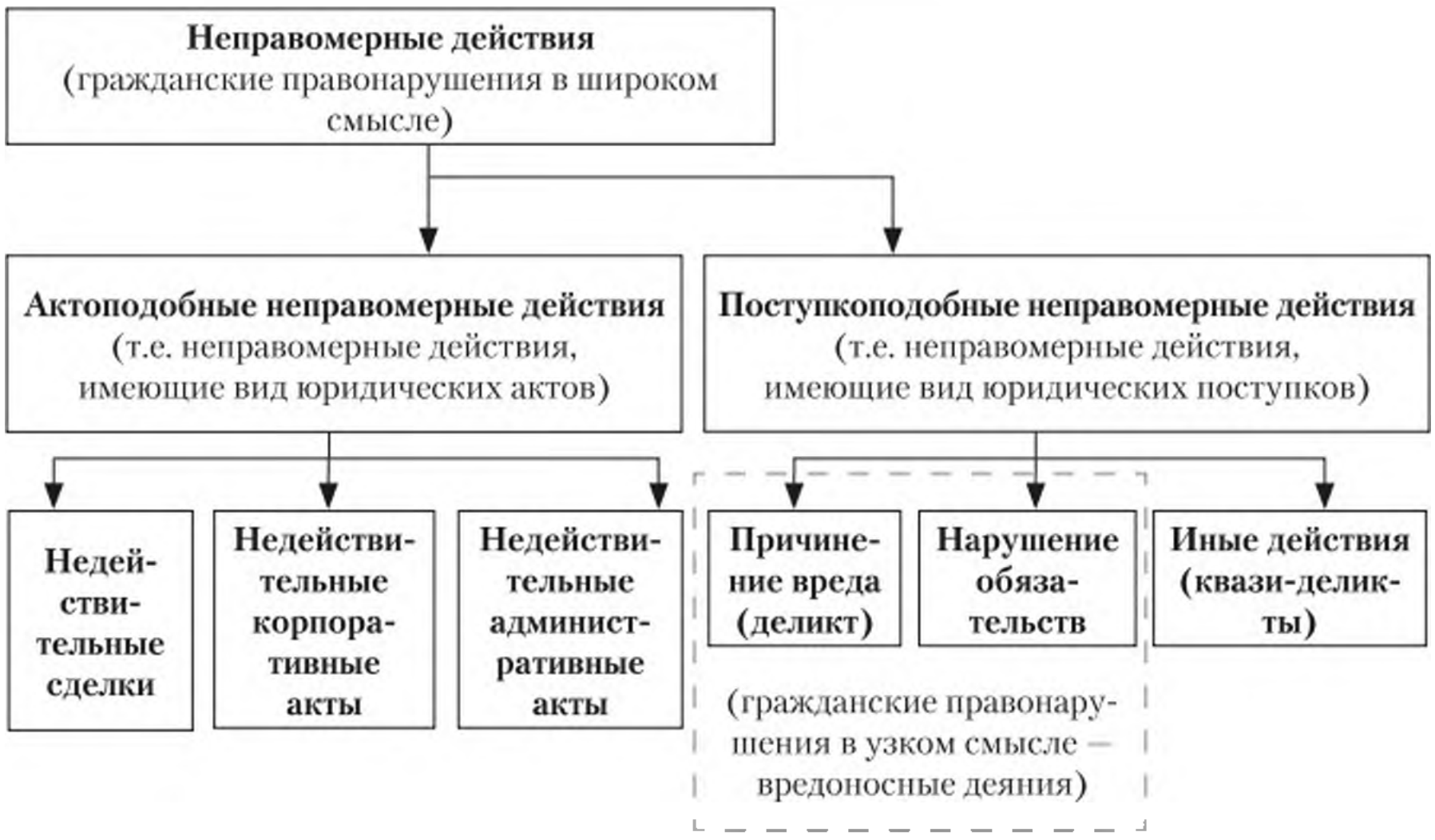
Нам представляется, что таким критерием является *внешняя форма неправомерного деяния*, т.е. вид того правомерного юридического действия, под который деяние «маскируется». Так, *договор купли-продажи партии героина* — это деяние, внешне напоминающее сделку, но в действительности не являющееся ею, а представляющее собой недействительную (ничтожную) сделку; *завладение чужой вещью* — деяние, внешне напоминающее правомерный юридический поступок, но в действительности представляющее собою юридический поступок неправомерного свойства, т.е. гражданское правонарушение; в *воздержании от уплаты денежной суммы* тоже вроде бы ничего неправомерного нет, но если таковое представляет собой уклонение от исполнения денежного обязательства, то это бездействие также

438 Понятие *обогащения* обозначает *род юридических последствий*, наступление которых право может связать с самыми разнообразными действиями, в том числе действиями правомерными, а также и с иными юридическими фактами — событиями*, — *а не вид юридических фактов.*

* см. п. 480

должно будет рассматриваться в качестве неправомерного юридического поступка (гражданского правонарушения).

Сообразно названному критерию получаем следующую классификацию неправомерных действий:

Из схемы видно, что два вида неправомерных поступкоподобных действий — деликты и нарушения обязательств — объединяются под обозначением гражданских правонарушений в собственном, узком смысле этого слова. Действительно, перед нами два вида неправомерных действий, с выделения и противопоставления которых начало свое становление учение о внедоговорной и договорной гражданско-правовой ответственности; лишь позднее система оснований гражданско-правовой ответственности была дополнена иными юридическими фактами. Отличительной чертой деликтов и нарушений обязательств считается наличие (причинение ими) *вреда* или *ущерба*, из-за чего их называют еще *вредоносными деяниями*.

Исходя именно из этой классификации мы будем строить дальнейшее изложение материала в настоящей главе. Последовательность расположения ее параграфов будет определяться установившейся в литературе традицией изложения: 1) сперва будут рассмотрены классические виды гражданских правонарушений — *деликты* и *нарушения обязательств*; затем — каждый вид актоподобных действий, т.е. *недействительные* 2) *сделки*, 3) *корпоративные* и 4) *административные акты*. Завершает рассмотрение очередная «юридическая помойка», фигурирующая в классификации под именем *квази-деликтов*.

2) **Классификация по характеру противоправности неправомерного действия.** По этому критерию неправомерные действия классифицируют на объективно и субъективно противоправные. Под *объективно противоправным* действием понимается действие, нарушающее норму объективного права, т.е. *совершаемое против права в объективном смысле*; под *субъективно противоправным — действие, нарушающее субъективное гражданское право или частную правосно-*

собность потерпевшего, либо создающее угрозу такого нарушения (впрочем, выше* мы указывали на то, что слово «правонарушение» не следует понимать буквально). Большинство неправомерных действий в сфере частного права являются одновременно и объективно и субъективно противоправными. Вместе с тем из-за возможности существования гражданских правоотношений, неизвестных законодательству, нельзя исключить возможность совершения таких действий, которые будут противоправны только в смысле субъективном, т.е. будут нарушать чьи-либо права, не нарушая при этом норм закона. С другой стороны, мыслимо совершение действий, носящих *исключительно объективно противоправный характер* — неправомерные деяния, ничтожные сделки, незаконные акты публичной власти и незаконные действия должностных лиц, нарушающие только норму закона, но не нарушающие субъективных прав. Кроме того, данная классификация *не всегда охватывает собой действия, нарушающие элементы гражданского правопорядка, охраняемые законом непосредственно*; так, например, нарушение душевного спокойствия человека может быть совершено в столь разнообразных формах, что далеко не для каждого случая окажется возможным подыскать нарушаемую норму закона, а субъективного же права на душевное спокойствие и вовсе не существует.

*см. п. 637

По общему правилу нарушение *одной только правовой нормы* само по себе не может быть основанием для признания действий нарушителя неправомерными, если только такие действия не нарушили субъективных частных прав и (или) охраняемых законом интересов конкретного субъекта частного права. Следовательно, объективно противоправные действия имеют значение для сферы частноправовых отношений только тогда, когда они одновременно также носят и субъективно противоправный характер, либо когда предметом правонарушения является норма публичного права. Так, административный акт, постановленный с нарушением порядка принятия, является незаконным с точки зрения публичного (административного) права; но если он не нарушает ничьих субъективных частных прав (частной правовой сферы), гражданское право не сможет предоставить инструмента для признания такого акта незаконным.

3) **Классификация по гражданско-правовой форме нарушенных общественных отношений.** Неправомерные деяния по предмету своего посягательства разграничиваются на нарушения общественных отношений, облекаемых в *абсолютно-правовые формы*, и общественных отношений, облекаемых в *относительно-правовые формы*. Собственно первоначальное разграничение всех неправомерных деяний на деликты, с одной стороны, и нарушения обязательств, с другой, представляет собой пример классификации, построенной в соответствии именно с этим критерием: деликты — это деяния, нарушающие абсолютные субъективные гражданские права, в первую очередь, право собственности; соответственно, нарушения обязательств — это деяния, нарушающие относительные права наиболее широко распространенного в практике типа. В принципе, предметом противоправного посягательства могут быть общественные отношения, облекаемые и в иные гражданско-правовые формы, в том числе в форму динамической правоспособности потерпевшего лица.

§ 2. Гражданские правонарушения в узком смысле (вредоносные деяния) (п. 640—647)

640. **Полный и усеченный состав гражданского правонарушения.** Неправомерные деяния — деликты и нарушения обязательственных субъективных гражданских прав — как правило не приобретают гражданско-правового значения *сами по себе*. Они способны оказать описанное выше* влияние на динамику гражданских правоотношений, лишь действуя *в совокупности с несколькими другими обстоятельствами*[439]. Система этих юридически значимых обстоятельств по общему правилу слагается из

*см. п. 638

1) собственно самого *противоправного деяния*;
2) наличия *вреда*;
3) *причинной связи* между противоправным деянием и вредом;
4) *вины* причинителя вреда

и называется *составом гражданского правонарушения*.

Элементы состава гражданского правонарушения связаны друг с другом субординационной связью. Природа этих связей имеет значение скорее процессуального, чем материального характера, и проявляется, в частности, в *последовательности установления и доказывания перечисленных элементов*. Отсутствие или недоказанность каждого предыдущего элемента означает отсутствие всех последующих элементов. Так, при отсутствии противоправного деяния не может идти речи ни о вреде, ни о причинной связи, ни о вине; при наличии противоправного деяния, но отсутствии вреда бессмысленно заниматься установлением причинной связи и виновности; наличие двух первых элементов (деяния и вреда), но отсутствие третьего (причинной связи между ними) делает некорректным постановку вопроса о вине.

Думается, что именно существование описанной субординационной связи стало в свое время причиной, по которой система рассмотренных здесь обстоятельств была названа *составом* гражданского правонарушения. Видеть в нем частный случай фактического (юридического) состава в строгом смысле этого слова** не вполне правильно, поскольку из четырех его элементов к разряду собственно фактов (фактических обстоятельств) относятся только два первых — 1) противоправное деяние (действие) и 2) возникновение вреда (событие). Причинная связь характеризует *взаимоотношение* двух этих фактов друг с другом, их взаимное расположение и влияние, т.е. является *свойством самих юридических фактов*; что касается вины, то она представляет собой *юридически значимое состояние* лица-правонарушителя. Свойства фактических обстоятельств и лиц мы назвали выше не юридическими фактами, а условиями, или предпосылками

**см. § 3 гл. 16

439 Встречаются (хотя и нечасто) ситуации, в которых даже наличие полного состава гражданского правонарушения не влечет возникновения охранительных гражданских правоотношений (см., например, п. 3 ст. 1064 ГК).

динамики гражданских правоотношений, которые, будучи необходимыми для действенности всех юридических фактов известного рода, в сложный фактический состав ни с одним из них не объединяются.

Состав, сложенный из четырех перечисленных факторов, называется *полным*. Но возможно существование и так называемых *неполных* или *усеченных* составов гражданских правонарушений — составов, не включающих в себя одного или нескольких элементов. Логика позволяет установить, что таких случаев может быть только *два*.

Во-первых, гражданское правоохранительное значение может придаваться *противоправному деянию самому по себе*, безотносительно к тому, причинило оно вред, или нет. Случаев этого типа немного: туда входят 1) деяния создающие *угрозу причинения вреда*, а также 2) деяния, *объективно противоправные* (нарушающие императивную норму закона).

Во-вторых, существуют случаи, когда гражданское правоохранительное значение придается *противоправному и вредоносному*, но притом *невиновному деянию* (см. п. 2 ст. 1064 ГК). Таковы случаи, предусмотренные п. 4 ст. 358, п. 3 ст. 401[440], п. 2 ст. 476, п. 2 ст. 794, ст. 795, п. 1 ст. 901[441], п. 3 ст. 922, п. 2 ст. 925, ст. 1022, п. 1 ст. 1070, ст. 1078, п. 1 и 2 ст. 1079, ст. 1095, 1098, ст. 1100 ГК. Цивилисты говорят, что в этих случаях начало вины в совершении противоправного вредоносного деяния заменяется *началом риска* несения последствий занятия определенной деятельностью — предпринимательством, определенными видами профессиональной (промысловой) деятельности, эксплуатацией источников повышенной опасности и др.

К числу усеченных составов правонарушений неправильно относить ситуации, в которых законодательство связывает *возникновение охранительных гражданских правоотношений с юридическими фактами, не относящимися к категории неправомерных действий*. Так, известны случаи возникновения правоотношений по возмещению вреда, причиненного *правомерными* действиями (см., например, ст. 1067 ГК), а также вреда, возникшего в результате *событий* (см. ст. 361, 363, 929 ГК). Но поскольку как правомерность, так и юридическая индифферентность исключают неправомерность и, следовательно, противоправность деяния, следует говорить уже не о *правонарушении*, а об особых случаях возникновения охранительных правоотношений.

В-третьих, в порядке гипотезы (или, как говорили раньше, «в порядке обсуждения — дискуссионном порядке») хотелось бы высказать предположение о том, что *некоторые элементы состава гражданского правонарушения могут быть не просто исключены из него, но и заменены альтернативными элементами*. В самом деле, пресловутая альтернативность замечается, уже начиная с самого первого элемента состава — *противоправного деяния*: им может быть умаление либо а) абсолютных прав, либо б) непосредственно охраняемых законом нематериальных благ, либо в) нарушение обязательства. Место второго элемента состава может занять не только а) имущественный

---

440 Кроме случаев, когда правонарушитель осуществляет предпринимательскую деятельность по производству сельскохозяйственной продукции и энергоснабжению (ст. 538 и 547 ГК).

441 Кроме случая охраны безнадзорного скота (ст. 230 ГК).

вред (уничтожение или повреждение имущества), но и б) вред моральный (физические или нравственные страдания); следовательно, и в нем вполне мыслима альтернативность[442]. Нет препятствий и для вариативного наполнения четвертого элемента, роль которого может выполнять либо а) презюмируемая вина, либо б) подлежащая доказыванию вина, либо в) вина или случай. И только третий элемент состава — причинная связь действия и последствий — остается во всех случаях в неприкосновенности.

641. **Противоправное деяние.** Понятие *противоправного деяния* представляет собой частный случай *неправомерного действия* — понятия, которое было рассмотрено выше*, в том числе вопрос о таком свойстве деяния, как противоправность — объективная и субъективная, — был рассмотрен в п. 639(2) Учебника. Здесь нам осталось лишь уточнить, что говоря о противоправном деянии в собственном, узком смысле, мы подразумеваем *действие, которое*, будучи совершенным в иной ситуации, *могло бы быть квалифицировано в качестве* правомерного или юридически безразличного, т.е. *юридического поступка*[443]. Так же как и в уголовном праве, понятием «деяния» в праве гражданском охватывается *весь возможный арсенал вариантов поведения правонарушителя* — активное поведение (действие), воздержание от действия (бездействие) и претерпевание.

*см. § 1 гл. 22

642. **Вред материальный (ущерб) и нематериальный.** *Вредом* называют всякое умаление любого блага (материального либо нематериального), любого объекта общественных отношений регулируемых гражданским правом. В зависимости от того, какое именно

---

442 В порядке совсем уж безумного (как может сейчас показаться) предположения поставим вот какой вопрос: а не может ли место второго элемента в составе гражданского правонарушения (имущественного вреда) занять такое понятие, как ... *неосновательное обогащение?* На первый взгляд, этому ничто не мешает, ибо существуют и довольно широко распространены случаи неосновательного обогащения, вызванные противоправными деяниями обогатившихся лиц (находящиеся с этими деяниями в причинно-следственной связи). Вопрос о четвертом элементе (вине, случае или непреодолимой силе) здесь, естественно, отпадает. Но в таком случае рамки вопроса о составе гражданского правонарушения следует сделать куда более широкими — об *основании возникновения гражданско-правовых охранительных отношений* — о *правоохранительном фактическом составе.* В них альтернативность первого элемента расширится до неузнаваемых прежде пределов — место противоправного деяния сможет занять в принципе *любой вообще юридический факт*, включая правомерные действия и даже события! Центр тяжести понятия гражданского правоохранительного состава (в том числе его разновидности — состава гражданского правонарушения) лежит, следовательно, во втором его элементе — *вреде* (умалении наличного материального либо нематериального блага потерпевшего) или *неосновательном обогащении* (приобретении нового или сохранении существующего правового состояния за чужой счет).

443 Даже такие, казалось бы, заведомо неправомерные действия, как причинение вреда жизни или здоровью, в определенных условиях могут стать правомерными или юридически индифферентными поступками: пример первого случая мы имеем при действиях, совершенных в состоянии необходимой обороны, второго — при действиях, совершенных лицом, которому они не могут быть вменены.

благо подверглось умалению — материальное либо нематериальное, различают *имущественный* (материальный) вред, также называемый *ущербом*, и вред *неимущественный* (нематериальный), или иначе, *моральный*.

Следует заметить, что русская дореволюционная и советская теория гражданского права разрабатывали вопрос не столько о понятии вреда вообще, сколько о понятии *имущественного* вреда или *ущерба*; и хотя в современных условиях весьма значительное внимание уделяется разработке понятия морального вреда, все же нельзя не подчеркнуть, что как классическое понятие вреда, так и самым тесным образом связанное с ним понятие убытков конструировались наукой и более 200 лет применялись практикой исключительно в имущественном смысле. Именно по этой причине мы не включаем понятие морального вреда в общее понятие вреда и, соответственно, рассматриваем *причинение морального вреда как самостоятельный тип юридического факта*, не представляющий собой разновидности факта причинения вреда (деликта).

Понимание вреда (ущерба) в смысле *умаления блага* (объекта фактических отношений), *а не права*, является общепризнанным. Вместе с ним в нашей литературе можно встретить определение вреда как умаления именно субъективного гражданского права; именно таким оно было и в предыдущем нашем Учебнике (см. п. 990). Такое понимание отталкивается больше от буквального значения слова *право*нарушение, от его этимологической структуры, чем от существа дела*. Субъективное право не способно быть объектом нарушения, по крайней мере, в классическом смысле глагола «нарушать». Действия, относимые к разряду правонарушений, непосредственно не «нарушают» субъективного права, т.е. не только не разрушают, но даже и нисколько не видоизменяют (не ущербляют, не уменьшают) его. Это и естественно, ибо фактические действия на то и фактические (не юридические!), чтобы не создавать, не изменять и не прекращать непосредственно гражданских правоотношений.

* см. п. 637

Вместе с тем мыслимы и такие фактические действия, которые могут привести к прекращению субъективного права — таковы, например, действия по уничтожению вещи или такому ее кардинальному повреждению, которое приводит к невозможности ее дальнейшего использования по назначению. Но юридический результат таких действий носит опосредованный характер: 1) сначала *действия оказывают влияние на объект* субъективного права, а затем (в силу особенностей, присущих этому последнему), 2) происшедшие с объектом *фактические пертурбации приводят к прекращению субъективного права*, точнее — *могут привести к такому прекращению*, если происшедшие пертурбации несовместимы с качеством данного права. Значение фактора, прекращающего право, получает таким образом не само фактическое вредоносное действие, но *причиненный им фактический вред*; прекращение права в подобном случае можно было бы назвать вредом в юридическом смысле, т.е. умалением *собственно права*. Другой вопрос — нужно ли это делать.

Таким образом, следует признать одно из двух: либо то, что слишком уж буквальное отношение к слову «*право*нарушение» является

неправильным, либо то, что слово «*нарушение*» в этом случае употребляется в каком-то особом, обычно не свойственном ему значении.

За неспособностью установить последнее мы предпочитаем признать первое.

643. **Убытки: понятие, состав и виды.** Возмещение имущественного вреда возможно как в *натуральном*, так и в *денежном выражении* (ст. 1082 ГК)[444]. Для рыночной экономики, где деньги выполняют функцию всеобщего эквивалента и обязательны к приему во все платежи на всей территории государства-эмитента по их нарицательной стоимости, характерна именно денежная форма возмещения вреда. В самом деле, в деньгах можно оценить (выразить) и деньгами можно оплатить все расходы, связанные с восстановлением имущественного положения потерпевшего. Денежная оценка имущественного вреда (ущерба) называется *убытками*.

Согласно п. 2 ст. 15 ГК в состав убытков входят: (1) стоимость утраты или повреждения имущества; (2) расходы, которые потерпевший произвел для восстановления нарушенного права; (3) расходы, которые потерпевший должен будет произвести для восстановления нарушенного права; (4) неполученные доходы, которые потерпевший получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Компоненты (1)—(3) убытков составляют *реальный ущерб*; составляющая (4) называется *упущенной выгодой*. Вред (ущерб), выразившийся в дополнительных денежных расходах потерпевшего, вызванных правонарушением (часть реального ущерба), называется *издержками*.

Из цитированной нормы ГК следует, что российское гражданское законодательство допускает возмещение убытков только в той части, в которой они были реально причинены, т.е. *в размере оценки действительной стоимости фактически наступившего вреда*. Даже упущенная выгода должна быть *реально упущенной*, т.е. подлежит возмещению лишь тогда, когда потерпевший докажет осуществление всех приготовлений, необходимых для ее извлечения. Такие убытки, т.е. убытки, представляющие собой оценку стоимости *действительно наступившего вреда*, называются *конкретными*. Им противостоят *абстрактные убытки*, т.е. денежное выражение того вреда (ущерба) который *мог бы наступить, но не наступил по обстоятельствам, не зависящим от правонарушителя*. Имея в виду последний факт, было бы логично рассуждать в том смысле, что правонарушитель должен нести *все* последствия своего правонарушения, независимо от того, наступили они или нет. Тем не менее российское гражданское законодательство возможности возмещения абстрактных убытков в *деликтных отношениях* не предусматривает; что же касается убытков вследствие нарушения относительных прав, то в этой сфере ГК дела-

444 Так, предоставление или возврат неправомерно отобранной вещи, передача новой вещи взамен уничтоженной, ремонт поврежденной вещи, будут *натуральным* возмещением вреда. Уплата же стоимости ремонта или денежное возмещение расходов по приобретению новой вещи взамен испорченной есть *денежное* возмещение.

ет отступление от общего правила, а именно — *позволяет взыскивать абстрактные убытки за такие нарушения обязательств из договора поставки, которые стали поводом к его расторжению* (см. п. 1 и 2 ст. 524 ГК)[445].

В числе *конкретных* убытков различают убытки *прямые* и *косвенные*. *Прямыми* называются убытки, которые причиняются определенным противоправным деянием *всегда* или *в подавляющем большинстве случаев*; *косвенными* — убытки, причинение которых *в данном конкретном случае* стало следствием неблагоприятного случайного стечения обстоятельств, особенности которых исключали возможность предвидения этих убытков их причинителем в момент совершения вредоносного деяния[446]. Российское законодательство не уточняет, имеются ли им в виду только прямые или также и косвенные убытки; практика по этому вопросу отсутствует. Ученые сходятся во мнении, что возмещению подлежат только прямые убытки, т.е. то, что мог предвидеть «средний» правонарушитель, исходя из обычных знаний, жизненного опыта и обычных (внешне видимых) в данной ситуации обстоятельств.

644. **Причинная связь.** Противоправное деяние правонарушителя должно находиться в *причинной* (*причинно-следственной*) *связи* с наступившим вредом. Противоправное деяние (и только оно!) должно быть *причиной* наступившего вреда; постигший потерпевшего вред должен быть *следствием* противоправного деяния (и только его!), но не какого-либо иного, сопровождавшего его обстоятельства. Связь между противоправным деянием и вредом можно относить к категории причинно-следственной, если она характеризуется следующими четырьмя параметрами:

---

445 Если покупатель, расторгший договор поставки с неисправным поставщиком, купил необходимый ему товар по более высокой цене, чем та, что была предусмотрена расторгнутым договором поставки, то у покупателя возникают *конкретные убытки* в сумме разницы между ценами (п. 1 ст. 524 ГК). Точно такие же *конкретные убытки* несет и поставщик, вынужденный из-за неисправности покупателя расторгать нарушенный им договор поставки и продавать товар за бесценок (п. 2 ст. 524). Все они подлежат возмещению на общих основаниях и наряду с другими конкретными убытками при наличии и доказанности таковых (п. 4 ст. 524). Но интересно то, что *убытки в виде описанной ценовой разницы могут быть взысканы даже тогда, когда убыточная для потерпевшей стороны сделка взамен расторгнутого договора поставки не была совершена* (п. 3 ст. 524). Разница между ценой, установленной в нарушенном (расторгнутом) договоре поставки, и текущей ценой на момент расторжения договора, и составит те самые абстрактные убытки: эта разница *могла бы быть потеряна*, если бы сделка взамен расторгнутого договора была бы совершена.

446 Так, вылитая из окна каша портит костюм прохожего (прямые убытки), но кроме этого делает невозможным планируемое посещение пострадавшим театра, из-за чего тот теряет стоимость билета на спектакль (косвенные убытки). Ободряющее дружеское похлопывание по плечу обыкновенно вовсе не причиняет убытков, в то время как похлопывание по раненому плечу может вызвать кровотечение и необходимость обращения за медицинской помощью (косвенные убытки). Также и звуковой сигнал автомобиля, как правило, не причиняет убытков, но внезапный и громкий звуковой сигнал, поданный водителем, скажем, в непосредственной близости санатория для нервнобольных или сердечников, может вызвать ухудшение самочувствия и даже смерть кого-либо из пациентов (косвенные убытки).

1) противоправное деяние в его полном (законченном) виде *предшествует по времени* факту возникновения вреда;

2) причинная связь должна иметь *прямой и ближайший характер*, т.е. увязывать друг с другом противоправное деяние и имущественный вред *непосредственно*;

3) связь должна *существовать объективно*, т.е. закономерно обусловливать (порождать) определенное следствие в известных типических условиях;

4) связь должна быть *конкретной*, т.е. она должна проявить себя в данном (интересующем юриста) случае возникновения имущественного вреда.

Остановимся на этих качествах причинной связи чуть подробнее.

1) **Предшествие по времени** — абсолютно необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы признать противоправное деяние причиной возникновения вреда: «после» не равнозначно «вследствие». Всякая причинная связь предполагает последовательность, но не всякая последовательность свидетельствует о наличии причинной связи. Рассмотрим пример: некий гражданин *после* работы отправился в театр, заказав для этой поездки такси. Начинающий водитель, плохо зная город, первоначально привез клиента не туда, куда было нужно, после чего, стремясь поспеть к указанному клиентом времени начала спектакля, вынужден был «лихачить» — проехал на «красный свет», выехал на встречную полосу и в результате попал в ДТП. Клиент (пассажир) получил увечья. «После» в данном случае указывает только на последовательность событий, но не на их взаимосвязь и никак не означает, что гражданин потерпел вред здоровью *вследствие* того, что побывал на работе или от того, что отправился в театр.

2) **Прямой и ближайший** или **непосредственно связующий** характер позволяет исключить из числа обстоятельств, имеющих юридическое значение, деяния, находящиеся в *отдаленной* или *косвенной* связи с вредоносными последствиями. В нашем примере: очевидно, никак нельзя признать причинами попадания гражданина в ДТП такие факты, как самое существование театра, наличие в его репертуаре спектакля, заинтересовавшего гражданина, продажу потерпевшему билета на этот спектакль, а участникам ДТП — автомобилей и т.д. Гражданское право не имеет дела с цепочкой причинностей типа «от Адама — до Потсдама» — только с единичными, непосредственно увязывающими два факта (деяние — вред) связями.

3) **Объективный** или **закономерный** характер причинной связи означает, что противоправное деяние известного вида при известных типических условиях *всегда непременно порождает вредоносное последствие известного типа*, а его отсутствие следует рассматривать как редчайшее исключение. Если противоправное деяние *само по себе* не могло породить вреда, а его наступление в данном конкретном случае явилось результирующим эффектом взаимодействия (стечения) нескольких различных случайных обстоятельств, то перед нами — случайная связь, не могущая притязать на статус причинной в юри-

дическом смысле слова[447]. Так, доставка таксистом клиента по ошибочному адресу (вследствие плохого знания города) сама по себе еще не является таким действием, которое с неизбежностью влечет попадание в ДТП с причинением вреда здоровью пассажира[448]; в то же время грубейшие нарушения правил дорожного движения (ПДД), впоследствии совершенные таксистом, в известных условиях (в вечерние часы рабочего дня, т.е. в «час пик») создают чрезвычайно высокий риск наступления неблагоприятных (вредоносных) последствий.

4) **Конкретность** — такая характеристика причинной связи, которая указывает на необходимость ее наличия в единичном случае возникновения вреда. Так, если в нашей ситуации ДТП все-таки стало следствием не нарушения таксистом ПДД, но результатом действия какого-то другого обстоятельства (скажем, результатом действия водителя другого автомобиля, «подрезавшего» такси), то это будет означать отсутствие юридически значимой причинной связи; одной ее закономерности (без конкретизации) — мало. Закономерность — это только возможность; конкретность же — действительность. Без превращения возможности в действительность нет повода говорить о причинной связи в гражданско-правовом смысле[449].

645. **Вина как элемент состава гражданского правонарушения.** *Вина в гражданском праве* обыкновенно определяется как субъективное (психическое) отношение правонарушителя к своему действию (противоправному поведению) и его результату (вреду). Долгое время главным препятствием для последовательного проведения цивилистикой этого традиционного (заимствованного, конечно, из науки уголовного права) определения в жизнь был институт юридических лиц: организации, как это само собой ясно из их социальной природы, никак не способны быть носителями психического отношения к собственным действиям. Действующий российский ГК добавил (как на первый взгляд кажется) еще один повод для сомнения, предложив вроде бы новое и своеобразное понятие *вины в нарушении обязательств*, которое (в противоположность традиционному) в литературе иногда называют *объективным*. Действительно, п. 1 ст. 401 ГК считает виной *непринятие разумно необходимых мер к исполнению обязательства*, т.е. предлагает называть виной (в нарушении обязательств) уже не субъективное психическое отношение должника к собственным действиям и их последствиям, а *бездействие, состоящее в непринятии должником зависящих от него мер для надлежащего*

---

447 Можно сказать, что следствием в прямой причинной связи являются прямые убытки, а в случайной — косвенные*. *см. п. 993

448 В состоянии цейтнота по времени такая ошибка, скорее всего, повлекла бы *опоздание* гражданина на спектакль; положим, согласно правилам работы театра его на спектакль не пустили бы — в этом случае гражданин потерпел бы убытки в размере стоимости билета, которые вполне мог бы отнести на таксопарк — организацию-работодателя того водителя, неумелые действия которого стали причиной опоздания.

449 См. еще ниже о теории случайной причинности как попытке объяснения понятия непреодолимой силы**. **см. п. 671

исполнения обязательства — объективное проявление субъективного психического отношения лица к собственному поведению.

С другой стороны, тот же п. 1 ст. 401 ГК упоминает об ответственности нарушителя лишь при наличии вины *в форме умысла или неосторожности*. Разделение же вины по ее формам на умышленную и неосторожную свойственно как раз уголовно-правовому (субъективному) ее пониманию. Среди форм вины выделяется *умысел*, т.е. такая форма отношения лица к деянию и последствиям, когда им осознается противоправность своего поведения, возможность наступления отрицательных последствий предвидится и желается (*прямой* умысел), либо допускается (*косвенный* умысел), а также *неосторожность*, т.е. такая форма вины, при которой лицо осознавало противоправность своего поведения и предвидело его неблагоприятные последствия, надеясь при этом, что данные последствия не наступят (собственно *неосторожность*[150]), либо не предвидело и не желало неблагоприятных последствий своего противоправного поведения, хотя могло и должно было их предвидеть (*небрежность*). Вопрос о том, как правильно совместить объективное определение вины в нарушении обязательств с указанием о ее формах — умысле и неосторожности, нуждается в дополнительном изучении.

Вопрос о вине не может быть возбужден до тех пор, пока нет налицо трех первых доказанных элементов состава гражданского правонарушения — противоправного деяния, вреда и причинной связи между ними[151]. С другой стороны, *отсутствие вины сводит на нет все три предшествующих элемента состава гражданского правонарушения*. В сочетании со сложностью доказывания наличия вины — психического ли отношения или факта отсутствия каких-либо действий — законодатель устанавливает *презумпцию виновности в гражданском правонарушении*. Если доказаны первые три условия гражданско-правовой ответственности, то наличие четвертого — вины — *предполагается* до тех пор, пока заинтересованное лицо не докажет обратное. Поскольку таким лицом является причинитель вреда (нарушитель обязательства), законодательство именно на него и возлагает бремя доказывания собственной невиновности (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК). Как она могла бы быть доказана? О невиновном нарушении обязательств свидетельствует, конечно, факт совершения должником всех тех действий, которые согласно характеру обязательства и условиям оборота он должен был совершить для надлежащего исполнения обязательства: совершая такие, должник демонстрирует адекватное восприятие окружающей

---

450 Которая в гражданском праве подразделяется (в разных случаях — по разным критериям) также на *грубую* и *легкую*.

451 Разумеется, некорректно и невозможно поднимать вопрос о вине как субъективном психическом отношении лица к собственным действиям и их результатам в тех случаях, когда самая способность сформировать такое «отношение» у лица отсутствует. Так, невозможно говорить о вине недееспособного, малолетнего, душевнобольного, а также — всякого дееспособного лица, совершившего *неосознанные действия* (будучи загипнотизированным, не зная о нарушении чьих-либо прав и т.п.). Говорят, что противоправные вредоносные действия *не могут быть вменены таким лицам*, т.е. не могут быть поставлены им в вину.

действительности и правильное отношение к ней[452]. Что же касается невиновности в совершении противоправного вредоносного деяния, то таковая может быть доказана *только судебным установлением неспособности лица в момент совершения противоправного вредоносного деяния понимать значение своих действий или неспособности руководить ими*. Это и понятно, ибо если обязательство требует для своего исполнения активных действий обязанного лица (должника), то для реализации иных относительных и всяких вообще абсолютных прав обязанному лицу (пассивному субъекту правоотношений) достаточно *просто бездействовать*. Наличное активное действие, совершаемое в ситуации должного бездействия (т.е. имеющее противоправный характер) и к тому же наносящее вред, служит основанием к сильной презумпции о его волевом происхождении, опровержение которой *по существу* (а не по внешним признакам!) должно составлять бремя совершившего его лица.

Доказать отсутствие вины *в объективном смысле* несложно — нужно очертить круг тех действий, что должны были быть (согласно условиям обязательства и характеру оборота) совершены должником для надлежащего исполнения, после чего доказать совершение каждого из них. Иными словами, процесс доказывания невиновности при объективном понимании вины сводится к доказыванию фактов и обстоятельств совершения конкретных действий. Доказать же отсутствие вины *в субъективном смысле* слова, в общем случае, невозможно — разве только этому будут благоприятствовать исключительные обстоятельства конкретного случая. Можно, впрочем, опровергнуть предположение о возможности вменения лицу его неправомерного деяния, признав таковое, к примеру, лицом недееспособным или адееспособным.

К сказанному нужно добавить, что ГК известны случаи, когда вина не предполагается, а *должна быть доказана*: (1) вина лица, которое ввело в заблуждение своего контрагента по сделке, впоследствии признанной недействительной по иску этого контрагента (п. 2 ст. 178); (2) вина арендатора транспортного средства, механизмов, устройств или оборудования в нанесении вреда третьим лицам (ст. 640); (3) вина судьи (п. 2 ст. 1070); (4) вина должностного лица органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда (п. 3

452 В этом — одно из возможных объяснений заданного выше вопроса о том, как «новое» (объективное) понимание вины в нарушении обязательств, установленное п. 1 ст. 401 ГК, совмещается с упоминанием в той же норме ГК умысла и неосторожности — понятий, характеризующих вину в «классическом» (субъективном) понимании. В действительности никакого «нового» понимания вины ГК не предлагает — речь в нем идет лишь о *внешне видимых признаках отсутствия вины в субъективном* (*психологическом*) *ее понимании*. Основанием к тому, чтобы *предполагать* наличие вины, служит факт совершения противоправного вредоносного деяния (нарушение обязательства или деликт); основаниями к тому, чтобы *опровергнуть это предположение* в том или другом конкретном случае, должны быть (в случае нарушения обязательства) факты совершения должником действий, направленных на надлежащее исполнение обязательства и требуемых от него в зависимости от характера этого обязательства и условий оборота. Подобно тому, как воля к совершению сделки устанавливается по внешне видимым обстоятельствам (действиям лица), точно так же (по внешне видимым фактическим обстоятельствам — действиям должника) устанавливается его воля к исполнению обязательства.

ст. 1081). Нормы ст. 118 УЖТ и ст. 118 КВВТ содержат перечень условий, при наличии которых «срабатывает» презумпция невиновности перевозчика в утрате, недостаче или повреждении груза. Вопрос о соответствии этих норм общим положениям ГК и, соответственно, о пределах их применения нуждается в исследовании.

646. **Разграничение причинной связи и вины.** В советской литературе 1940—1950-х гг. возник спор о том, где же пролегает граница между понятиями причинной связи и вины. В общей форме ее провести несложно: если вопрос о причинной связи — это вопрос об *объективной* (*закономерной*) *стороне взаимоотношения двух явлений реальной действительности*, то вопрос о вине есть вопрос о *субъективном отношении* лица к совершенному им деянию и его последствиям. Как совершенно справедливо указывал, в частности, Л. А. Лунц, «...субъективный момент остается вне объективного отношения действия или бездействия человека к данному следствию: когда мы ставим вопрос о том, какие изменения во внешнем мире вызваны — причинены — данным действием лица, мы отбрасываем субъективную сторону его поведения»[453]. К сожалению, ученый не провел этого — совершенно не вызывающего какого-либо возражения — взгляда до конца.

Начало научному спору по вопросу о соотношении причинности с виной (как и многим дискуссиям в отечественном гражданском праве) положил М. М. Агарков, предложивший вниманию юридической общественности следующий казус: «Одно лицо в шутку легко ударило другое ладонью по лбу. У потерпевшего была ненормальная хрупкость костей, которая до того не обнаруживалась и на черепе образовалась трещина»[454]. Ученый разрешил его в том смысле, что коль скоро в приведенном примере причинная связь между правонарушением (действием) и его вредоносными последствиями *не типична*, то и нет достаточных оснований возлагать ущерб на причинителя вреда[455]. При этом вопрос о типичности или нетипичности причинной связи профессор Агарков предлагал решать исходя из того, «... поддается ли (эта связь. — *В. Б.*) в данном конкретном случае *учету с точки зрения нормального жизненного опыта*»[456], или, иначе, «...принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным связям, *с которыми приходится считаться на практике*»[457] (выделено нами. — *В. Б.*). Отрицательный ответ на поставленные во-

453 *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 302.

454 **Гражданское право** : учебник / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 326; тот же пример см.: **Гражданское право** : учебник / под ред. Я. Ф. Миколенко. Т. 2. М., 1938. С. 396.

455 См.: **Гражданское право** : учебник / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. Т. 1. С. 327; **Гражданское право** : учебник / под ред. Я. Ф. Миколенко. Т. 2. С. 397.

456 **Гражданское право** : учебник / под ред. Я. Ф. Миколенко. Т. 2. С. 396.

457 **Гражданское право** : учебник / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. Т. 1. С. 326.

просы — «нет, не поддается» и «нет, не принадлежит» — означает *отсутствие причинной связи между противоправным действием и вредом*, т.е. то, что *вред возник не вследствие противоправного действия, а по какой-то другой причине*.

Как ни странно М. М. Агаркову возразил цитированный Л. А. Лунц, усмотревший в такой постановке вопроса смешение вопроса о причинной связи с вопросом о ... вине! По его мнению, указанный оппонентом признак «типичности» причинной связи «...по существу носит субъективистский характер: в конечном счете речь здесь идет о том, какая связь явлений *представляется обычной для сознания действующего лица или для сознания так называемого «среднего человека»*; но подобные критерии относятся к проблеме вины, а не к проблеме причинной связи»[458]. С его точки зрения, проведенный проф. Агарковым анализ примера с гражданином, страдавшим аномальной хрупкостью костей черепа, оставил вопрос о наличии или отсутствии причинной связи без ответа. Ведь «...критерий "типичности" служил основанием для разрешения другого вопроса — о вине»[459]. Ударивший «...действительно ... не несет ответственности, так как он *не виновен*: он не предвидел и с точки зрения "нормального жизненного опыта" не должен был предвидеть данный результат. Но он, несомненно, *причинил* этот результат»[460].

Не оспаривая, в общем, того обстоятельства, что сделанные Л. А. Лунцем замечания о необходимости различения причинной связи и вины имеют в целом правильный характер и очень важное методологическое значение, мы едва ли можем согласиться с основательностью их противопоставления позиции М. М. Агаркова. Существо этой позиции вовсе не в том, в чем усмотрел ее Л. А. Лунц. М. М. Агарков говорил совсем не о том, что для наличия причинной связи имеет значение вопрос о ее охвате «*сознанием действующего лица*» (причинителя вреда), — он вел речь о «*нормальном жизненном опыте*» и «*практике*», т.е. о том, что Л. А. Лунц назвал «*сознанием так называемого среднего человека*» или о том, что в философии называется *общественным сознанием*. Чем же определяется выведенное им «...объективное отношение действия или бездействия человека к данному следствию», как не *общественным сознанием*? Но общественное сознание и сознание конкретного лица — это две абсолютно разные вещи. Сознание перспективы причинения вреда *его причинителем* (конкретным лицом) — это действительно вопрос о вине — субъективном психическом отношении *конкретного лица* к совершаемому *им конкретному деянию*. Сознание конкретного лица — явление, всецело зависящее от индивидуальных особенностей этого самого лица. Но понятия «жизненного опыта», «практики» и «сознания среднего человека» характеризуют совсем другое — *сформировавшийся в обществе уровень представлений о характере взаимосвязи фактических обстоятельств известного рода* (*вида ли типа*). Это уже — явление не индивидуальное, но *социальное*, т.е. нечто *объективное*, весьма на-

458 *Новицкий И. Б., Лунц Л. А.* Указ. соч. С. 303.

459 Там же.

460 Там же.

поминающее, между прочим, такую категорию патентного права, как *уровень развития техники*[161].

Выходит, что если с точки зрения господствующих в обществе представлений (т.е. повседневной практики, жизненного опыта, сознания «среднего (абстрактного) человека») легкий *шутливый шлепок человека по лбу* не влечет образования трещины в лобной кости, то, следовательно, происшедшее образование таковой в конкретном случае нужно считать следствием действия какого-то другого фактора, но не подобного шлепка. В нашем примере этот фактор абсолютно очевиден — *врожденная аномальная хрупкость костей черепа конкретного лица* — именно это и есть причина образования трещины[162]. Так что если уж и рассуждать о «смешении», то надо еще понять, чего с чем и кем — причины с виной М. М. Агарковым или господствующие в обществе представления о деяниях и их последствиях с субъективным психическим отношением лица к своему конкретному деянию Л. А. Лунцем.

647. **Особенности нарушений обязательств как юридических фактов.** Все, рассказанное выше о составе гражданского правонарушения и его элементах — противоправном деянии, вреде (ущербе, убытках), причинной связи и вине, *практически полностью применимо и к составам тех гражданских правонарушений, что заключаются в нарушение обязательственных субъективных гражданских прав.* Вместе с тем относительный характер обязательств, а также специфика их содержания и реализации предопределяют несколько особенностей, присущих нарушениям прав (обязанностей) этого типа. Именно: 1) *обязательство может быть нарушено только одним или несколькими конкретными лицами, занимающими положение должника*, но не третьими (посторонними обязательству) лицами; 2) *понятие нарушения обязательства неоднородно* — оно слагается из двух таких видов, как неисполнение и ненадлежащее исполнение; 3) по общему правилу содержанием охранительного правоотношения, возникающего из нарушения обязательства, является *требование о понуждении к исполнению обязательства в натуре.*

Остановимся на этих особенностях несколько подробнее.

1) Относительный характер субъективных прав означает, что таковые обеспечиваются обязанностями *строго определенных лиц*[*]. Это

[*] см. п. 171, 224 (1)

---

461 С развитием общества качество и содержание этих представлений весьма радикально меняется. Достаточно сравнить средневековую «теорию» божественной (фатальной) предопределенности (предначертанности) всех событий и их последствий с теми объяснениями протекающих в мире явлений и процессов, которые предлагает современная наука.

462 Можно, конечно, сформулировать вопрос иначе: а каковы господствующие в обществе представления о последствиях шлепка по лбу не человека вообще, а *человека страдающего аномальной хрупкостью костей черепа?* Конечно, ответ на вопрос, поставленный подобным образом, не менее очевиден, чем на предыдущий — если не практический опыт, то здравый смысл подскажет, что подобный шлепок, скорее всего, приведет к образованию трещины. Но ведь это — уже совсем другой вопрос, ибо он касается типического действия, совершаемого *в иных обстоятельствах*.

обстоятельство и предопределяет то, что обязательственные права *могут быть нарушены только со стороны лиц — носителей обязанностей, корреспондирующих данным правам* (*должников*). Третьи лица нарушить относительные права не могут. Так, право требования кредитора к заемщику о возврате суммы займа может быть нарушено *только заемщиком*, ибо ни одно иное лицо (помимо заемщика) не обязано к такому возврату. Требование о возврате займа, обращенное кредитором к кому-либо кроме заемщика (или его правопреемника), будет безосновательным и, следовательно, не подлежащим удовлетворению. Право покупателя потребовать передачи вещи может быть нарушено *только продавцом*, ибо никто кроме продавца к такой передаче покупателю не обязан.

Не можем не напомнить, однако, о том, что сказанное не исключает возможности посягательства третьих лиц на *способность управомоченного иметь то или иное конкретное относительное право*. Другое дело, что такое посягательство составит уже нарушение не самого относительного права, а лишь способности (возможности) его иметь, т.е. динамического элемента гражданской правоспособности, обеспеченного *состоянием бесправия всякого и каждого*. К сожалению, отсутствие юридической возможности совершать *законные* действия, ведущие к умалению чужого обязательственного права, не исключает наличие *юридической* возможности совершения *незаконных* действий, приводящих к тому же результату. Так, например, лицо, приобретшее требование по обязательству на основании договора уступки (цессии) получает от должника исполнение; в последующем договор признается недействительным[463]. Принцип охраны интереса должника (лица, не участвовавшего в совершении цессии) исключает возможность привлечения его к повторному исполнению, требует признать исполнение обязательства состоявшимся и, значит, само обязательство — прекращенным. Кажущийся парадокс — возможность *юридическая*, а действия *незаконные* — объясняется, как видим, тем, что реализация такой возможности затрагивает интересы третьего лица, который не должен ничего терять, добросовестно положившись на действия по такой реализации.

2) Нарушения относительных субъективных гражданских прав могут быть классифицированы по своему содержанию на два основных вида: (1) *неисполнение* юридической обязанности, корреспондирующей субъективному праву и (2) *ненадлежащее исполнение* юридической обязанности. *Неисполнение* имеет место во всех случаях, когда обязанное лицо либо вовсе не совершает действий, составляющих содержание лежащей на нем юридической обязанности, либо совершенные им действия не соответствуют ни одному из требований, предъявляемых к исполнению законодательством, договором или обычаем. *Ненадлежащим исполнением*, соответственно, признается совершение обязанным лицом действий, составляющих содержание юридической обязанности, не соответствующих одному или нескольким (но не всем) требованиям, предъявляемым законодательством, до-

463 Другие случаи: должник производит исполнение известному ему кредитору, не имея уведомления о прежде совершенной им цессии требования; должник по ценной бумаге исполняет формально легитимированному лицу, которое оказывается похитителем бумаги и т.д.

говором или обычаем к надлежащему исполнению данной обязанности[161]. Данная классификация нарушений имеет значение для определения их *юридических последствий*: последствия эти будут зависеть в том числе и от того, имело ли нарушение обязательственного права вид неисполнения или ненадлежащего исполнения.

3) «Центром тяжести» в деле обеспечения реализации относительных субъективных гражданских прав является исполнение корреспондирующих им юридических обязанностей. Это обстоятельство влечет трансформацию понятия о натуральном возмещении вреда, причиненного нарушением относительного субъективного права, в понятие о *понуждении к исполнению обязанности в натуральном выражении* (*в натуре*). Поскольку исполнение юридической обязанности выражается в совершении обязанным лицом определенных действий, которые никак не могут быть отделены от его личности, следует признать, что *применение понуждения к исполнению обязательства в натуре не всегда возможно*: нельзя, например, понудить подрядчика построить дом, художника написать картину, а писателя — роман; случается и так, что интерес в натуральном исполнении утрачивает сам кредитор. Однако в общем случае — т.е. когда содержанием обязательств выступает требование передачи вещи или уплаты денег — понуждение к исполнению нарушенной обязанности в натуре следует признать возможным. Как правило, оно будет иметь форму отобрания имущества судебным приставом-исполнителем (для денег — обслуживающим банком) у правонарушителя и его передачи потерпевшему.

§ 3. Недействительные сделки (п. 648—652)

648. **Понятие недействительных сделок. Ничтожные сделки.** Принято считать, что существуют недействительные сделки двух видов — *оспоримые* и *ничтожные*. В действительности же оспоримые сделки являются сделками действительными, по крайней мере до тех пор, пока они не будут успешно оспорены — признаны недействительными судом. Можно сказать, что оспоримые (действительные) сделки являются предтечей сделок оспоренных (недействительных) или предшествуют им. Поэтому более точно говорить не об оспоримых, а об *оспоренных* (т.е. признанных недействительными) сделках, с одной стороны, и о *ничтожных* (в этом отношении мы никаких уточнений к традиционному взгляду не делаем) сделках, с другой.

*см. § 5 гл. 18

Понятие об оспоримых и оспоренных сделках уже было предметом нашего рассмотрения*; здесь, следовательно, нам остается рассмотреть вопрос о сделках *ничтожных*. *Ничтожными сделками* называются *действия субъектов гражданских правоотношений, направ-*

464 Требования к исполнению могут быть различными и зависят от конкретного случая, но в общем могут быть сведены к требованиям по (1) личности исполнителя; (2) личности адресата; (3) месту; (4) времени и (5) способу исполнения. Подробнее о содержании этих требований будет рассказано в Особенной части Учебника, в главе об обязательствах и их исполнении.

ленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений либо создание видимости таковых, но в силу указания закона или иного правового акта не порождающие намеченных ими последствий. Можно сказать, что ничтожные сделки — это *действия, имеющие внешний вид* частных юридических актов (сделок), но в действительности таковыми не являющиеся.

Сказанное означает, что ничтожные сделки, вопреки общераспространенному мнению, *не являются видом сделок.* В то время как сделки — это юридические акты (правомерные действия), ничтожные сделки представляют собой, напротив, действия *неправомерные*, т.е. такие действия, к которым, а также к намеченным их субъектами правовым последствиям которых законодатель выражает свое негативное отношение. Намеченные участниками ничтожной сделки правовые последствия не признаются правопорядком наступившими (объявляются недействительными), не охраняются и не защищаются. Вместе с тем ничтожная сделка порождает такие (прямо предусмотренные законом) *последствия*, которые в законодательстве, науке и практике именуются *последствиями недействительности сделки.* Наименование их последствиями недействительности (а не ничтожности!) объясняется тем, что такие последствия наступают не только в случае совершения ничтожных сделок, но и в случае судебного признания недействительными оспоримых сделок.

649. **Виды недействительных сделок.** Недействительные сделки подразделяются на *ничтожные*, т.е. сделки, изначально (от самого момента своего совершения и в силу самого своего совершения) *являющиеся* недействительными, и *оспоренные*, т.е. сделки, признанные недействительными решением суда (сделки, *ставшие* недействительными). Ничтожные и оспоренные сделки представляют собой два вида недействительных сделок, критерием для разграничения которых является тот *фактический состав, который лежит в основании недействительности сделки.* Для *ничтожных* сделок этот состав включает только один юридический факт — саму сделку, для *оспоренных* два — оспоримую сделку и вступивший в законную силу судебный акт о ее признании недействительной (ст. 166 ГК).

Недействительные сделки принято классифицировать также по критерию того обстоятельства, которое становится причиной отнесения соответствующего действия к категории недействительных сделок.

Применительно к *оспоренным* сделкам существуют четыре вида таких обстоятельств: 1) *обстоятельства, лежащие в сфере организации деятельности юридических лиц*; 2) *отсутствие полномочий* на совершение сделки; 3) *недостатки в дееспособности* физических лиц — участников сделки и 4) *обстоятельства, воспрепятствовавшие адекватному использованию дееспособности* (также — физических лиц)*.

*см. 558

Что же касается сделок *ничтожных*, то обыкновенно говорят о следующих их разновидностях:

1) сделки незаконного содержания, посягающие на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц или сделки незаконной направленности (п. 2 ст. 168. 169 ГК);

2) сделки, совершенные с нарушением требований закона к их форме, а также (в установленных законом случаях) — к государственной регистрации*;

*см. п. 550, 552

3) сделки, совершенные в состоянии несоответствия воли и волеизъявления (ст. 170 ГК);

4) сделки, в отношении которых имеются веские основания предполагать, что таковые не отвечают интересам их участников (ст. 171, 172 ГК) или третьих лиц (ст. 174.1)

Поскольку составы оспоримых (и, следовательно, оспоренных) сделок уже были предметом нашего рассмотрения**, нам остается поговорить здесь лишь о составах ничтожных сделок[465]. При этом материально-правовые последствия недействительных сделок, как вопрос, относящийся к области учения об относительных гражданских правоотношениях, а не юридических фактах, будут рассмотрены нами в подлежащем месте Учебника. Традиционное приурочение рассмотрения этого вопроса к материалу о самих недействительных сделках вызвано стремлением к механическому копированию систематикой учебников по дисциплине систематики, характерной для ГК.

**см. § 5 гл. 18

650. **Сделки незаконного содержания и направленности.** Является ничтожной сделка, не соответствующая требованиям закона или иных правовых актов, если она посягает на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК), а также сделки, возможно, что и законные по содержанию, но направленные на достижение целей, противных основам правопорядка *или* нравственности (ст. 169). Правило п. 2 ст. 168 ГК имеет в виду установление *чисто объективного обстоятельства* — (1) нарушения тем или другим условием сделки, либо самим фактом ее совершения подлежащего применению императивного предписания любого из источников гражданского права и (2) нарушение либо публичного интереса, либо прав (или законных интересов) третьих лиц (о том, как сделки могут нарушить интересы тех, кто не принимает в них участие, см. п. 566[1] настоящего Учебника). При этом не имеют значения ни намерения сторон, ни даже самое их знание о таком нарушении[466]. До недавнего времени (до изложения Федеральным законом

---

465 И тоже не всех: о круге тех сделок, нарушение требований закона к форме и государственной регистрации которых влечет их недействительность, уже рассказывалось выше***.

***см. п. 550 и 552

466 Другое дело — вопрос о последствиях недействительности такой сделки: очевидно, они должны распределяться по-разному, в зависимости от того, какая из сторон знала о несоответствии совершаемой сделки требованиям закона, а какая нет. К сожалению, отечественный законодатель исходит из презумпции знания законов каждым участником гражданских правоотношений и исходя из нее «раскидывает» послед- ➲

от 07.05.2013 № 100-ФЗ ст. 168 в новой редакции) для целей признания сделки ничтожной по ст. 168 ГК имело значение и вовсе одно единственное обстоятельство — нарушение закона или иного правового акта — вопрос о последствиях такой сделки в виде нарушения публичных интересов или интересов третьих лиц вообще не обсуждался. Ныне сделки, просто противоречащие закону, но ничьих интересов не нарушающие, по общему правилу считаются оспоримыми (п. 1 ст. 168). Что же касается *сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности* (ст. 169 ГК), то выделение данного вида противозаконных сделок, напротив, обусловлено их характеристикой не столько объективным, сколько *субъективным признаком* — умышленным совершением именно в целях потрясения основ правопорядка и нравственных устоев социума (общества); в связи с этим их иногда называют *сделками антисоциальной* или *антиобщественной направленности*.

1) Традиционное наименование, закрепившееся за ничтожными сделками, предусмотренными п. 2 ст. 168 ГК — сделки *незаконного содержания*, — не вполне точно, поскольку закон может нарушаться не противоречащими ему условиями сделок, а самими фактами их совершения лицами, с предметами или же в условиях, не допускающих их совершения. Наименование это, следовательно, не отражает в себе всего многообразия сделок, квалифицируемых по этой статье. Так, например, в условиях договора купли-продажи может не быть ничего незаконного; между тем, будучи совершенным а) опекуном или попечителем с подопечным (п. 3 ст. 37 ГК), или же представителем от имени представляемого в отношении себя лично (п. 3 ст. 182); б) в отношении человека, партии оружия или наркотиков, участка недр или иной вещи, изъятой из оборота; в) без разрешения (согласия, одобрения) полномочного лица или органа (например, без согласия органа опеки и попечительства в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 37 ГК, или без согласия собственника недвижимой вещи, закрепленной за унитарным предприятием на праве хозяйственного ведения (п. 2 ст. 295)) он окажется *ничтожной* — не соответствующей закону — сделкой.

Правило п. 2 ст. 168 ГК о ничтожности незаконных сделок не императивно. Закон может установить, что незаконная сделка (несмотря на свою незаконность) действительна (в том числе оспорима), или предусмотреть иные последствия ее совершения. Примерами *сделок, которые не соответствуют требованиям законов, но являются оспоримыми*, могут служить сделки, совершенные с нарушением требований законодательства о защите конкуренции (см. ч. 4 ст. 17, ч. 2 ст. 18, подп. «а», «б» и «з» ч. 6 ст. 23, ч. 2, 4 ст. 34 Федерального закона «О защите конкуренции»), сделки АО и ООО, в совершении которых имеется заинтересованность (п. 1 ст. 84 Закона об АО, п. 5 ст. 45 Закона об ООО), а также их крупные сделки (ст. 78 и 79 Закона

➲ствия недействительности противозаконной сделки на всех ее участников в одинаковой мере.

об АО. п. 5 ст. 46 Закона об ООО). Примером сделки, которая совершена с нарушением требований закона, но несмотря на это является действительной (не может быть оспорена) *и имеет иные* (специальные) *последствия нарушения*, могут служить сделки по приобретению 30% голосующих акций, совершенные с нарушением требований ст. 83 Закона об АО; сделки, совершенные в нарушение преимущественных прав покупки (п. 3 ст. 250 ГК); сделки по отчуждению заложенных вещей, совершенные без согласия залогодержателей (п. 2 ст. 346, п. 1 ст. 353 ГК) и др.

2) Что же касается ст. 169 ГК, то важно иметь в виду, что содержащиеся в ней положения играют двоякую роль. С одной стороны, они имеют *общее значение по отношению к другим составам ничтожных сделок*: будучи выделенным по субъективному критерию понятие сделок антиобщественной направленности неизбежно будет пересекаться с составами иных ничтожных сделок, в основании выделения которых лежат иные (объективные) критерии. Сделки антисоциальной направленности могут оказаться одновременно также и незаконными, мнимыми, притворными — этим не следует смущаться. С другой стороны, нормы данной статьи образуют абсолютный состав, закрепляющий самостоятельную разновидность ничтожных сделок: в его рамки попадут любые сделки, сами по себе закона не нарушающие, но направленные на достижение противозаконных целей. Таковы, в частности, сделки по продаже арестованного имущества, совершенные в целях избежать его обращения в доход государства[167], сделки, направленные на «выведение» средств из состава налогооблагаемой базы[168], сделки по предоставлению льготных кредитов из средств бюджета публичного образования лицам, не имеющим права на их получение и др.

До 1 сентября 2013 г. — до внесения очередной порции изменений в ГК (Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ) — ст. 169 ГК постулировала недействительность сделок, совершенных с целью противной основам правопорядка ***и*** нравственности. Ныне соединительный союз «***и***» заменен разделительным «***или***». Коротко говоря в своем первоначальном варианте ст. 169 была статьей *об особом* (особо опасном, или даже особо циничном) *виде незаконных сделок* — о частном случае состава, предусмотренного ст. 168 ГК: о сделках, которые мало того, что были незаконными, так противоречили одному из основополагающих требований законодательства и, к тому же, были совершены *с целью, противоречащей **еще и** основам нравственности*. Для квалификации сделки по ст. 169 ГК необходимо было и то, и другое несоответствие — ***и*** основам правопорядка, ***и*** основам нравственности. Так, сделка, совершенная с целью *нравственной*, хотя и *противной основам правопорядка* (например, соглашение, обязывающее выполнить роль секундантов на дуэли), под ст. 169 ГК в ее недавнем варианте не подходила. Точно так же и сделка, имеющая *безнравственную направленность*, но *основ правопорядка не потря-*

467 См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.12.1996 № 3200/96.

468 См.: постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 09.02.1999 № 6747/98.

сающая (например, соглашение о сотрудничестве со следствием, направленное на привлечение к уголовной ответственности близкого родственника), под ст. 169 ГК до последнего времени не подпадала. Первая сделка просто незаконная (ст. 168), вторая так вовсе и законная, и действительная. К сожалению, недавняя замена соединительного союза «и» на разделительный «или» между «основами правопорядка» и «основами нравственности» привела к следующей ситуации: не можешь подобрать статью, чтобы признать ничтожной нежелательную сделку — и не надо! — достаточно объявить ее совершенной с безнравственной целью. А лучше всего постараться исподволь еще и от цели отрешиться — разделить на нравственные и безнравственные не цели сделок, а ***сами сделки***. Ведь цель определяется умонастроениями участников сделок. Попробуй докажи еще, какую цель они преследовали, в головы-то им не залезешь. Другое дело, когда безнравственной объявляется любая сделка, которая объективно *могла бы служить* безнравственной цели и совершенно неважно, служила ли на самом деле, или нет. При такой постановке вопроса современная редакция ст. 169 ГК позволяет «отмотать» назад абсолютно любую сделку. Существенное обновление нашего судейского корпуса, состоявшееся в последние годы — его наполнение судьями, уже не имеющими советской выучки — позволяет с уверенностью сказать, что именно так все и будет происходить уже в самое ближайшее время[169].

651. **Мнимые и притворные сделки.** *Мнимой сделкой* называется *действие, имеющее внешний вид сделки, но совершенное без намерения установить, изменить или прекратить юридические отношения между ее участниками.* Говорят, что мнимая сделка совершается ее участниками лишь для вида (п. 1 ст. 170 ГК) или для отвода глаз; целью ее совершения является *имитация сделки.* Близко к ней стоит *сделка притворная — действие, которое не только имеет внешний вид сделки, но и преследует целью создание юридических последствий, однако не тех, которые связываются с этой сделкой законом.* Притворная сделка совершается для того, чтобы прикрыть ею другую (прикрываемую или скрытную) сделку, факт совершения которой по каким-то причинам желают скрыть (п. 2 ст. 170 ГК); отсюда — другое наименование притворной сделки сделкой *прикрывающей.*

Если стороны совершают действие, имеющее вид сделки купли-продажи, но при этом договариваются между собой, что это действие совершается лишь для вида (скажем, для того, чтобы избежать возможных описи и ареста имущества со ссылкой на то, что оно продано третьему лицу), то речь идет о *мнимой сделке.*

Сделка выдачи «доверенности на право управления и распоряжения автомобилем», по сути прикрывающая собою сделку его купли-продажи (совершаемая для того, чтобы избежать необходимости прохождения учетных процедур в органах ГИБДД и уплачивать уста-

469 См. подробнее: *Белов В. А.* Когда говорит право // Закон. 2013. № 11. С. 75—87.

новленный в некоторых субъектах РФ налог на продажу транспортных средств) будет *сделкой притворной*.

Легко видеть, что в основании законодательного постановления о ничтожности мнимой и притворной сделок лежит соображение о *явном несоответствии* того *волеизъявления*, которое находит свое выражение в похожем на сделку действии, *содержанию действительной воли* лиц, это действие совершающих. Исходя из этого соображения законодателем определяются и правовые последствия совершения сделок этих типов: ими будут те самые правовые последствия, которые стороны действительно имели в виду (реально преследовали). В случае с мнимой сделкой не будет ровно никаких последствий, поскольку стороны не имели целью их создание; в случае с притворной сделкой закон принимает во внимание последствия сделки прикрываемой (скрытной), а не прикрывающей (притворной). Если прикрываемая сделка нормальна (действительна), то необходимости в применении норм об особых гражданско-правовых последствиях недействительности сделок не возникает.

652. **Сделки, которые предполагаются не отвечающими интересам своих участников или третьих лиц.** Сама по себе подобная постановка вопроса кажется фантастической: разве могут существовать сделки, которые частные лица совершают, по всей видимости, наперекор собственным же частным интересам? Между тем недоумение развеивается, если пояснить, что в данную категорию входят сделки, совершенные *недееспособными физическими лицами*, т.е. 1) *гражданами, которые признаны недееспособными по решению суда*, принятому по основаниям, установленным ст. 29 ГК, и 2) *малолетними гражданами*. Ничтожность таких сделок закреплена в нормах ст. 171 и 172 ГК. Что же касается сделок, нарушающих интересы третьих лиц, то таковыми — как это явствует из ст. 174.1 ГК, являются *лица, в интересах которых был применен запрет или наложено ограничение в распоряжении имуществом, которое стало предметом сделки*. Общий вопрос о том, как сделки могут нарушить интересы тех, кто не принимает в них участие, см. п. 566[1] настоящего Учебника. Отличие этой категории сделок от тех, что охвачены диспозицией п. 2 ст. 168 Кодекса, заключается в том, что в них не нужно доказывать нарушение прав и охраняемых законом интересов третьих лиц — такое нарушение предполагается — иначе для чего бы устанавливался тот запрет или накладывалось то ограничение в распоряжении имуществом, которое потом его собственником нарушалось?

В литературе сделки рассматриваемого вида, противоречащие интересам их участников, традиционно называются *сделками с пороками воли*. Между тем из сказанного видно, что объявляя ничтожными данные типы сделок, гражданское право вовсе не изменяет своему принципу индифферентного отношения к внутренней воле лица*. Гражданский закон никого не обязывает «проникать» в душу

*см. п. 534—536

гражданина в поисках пресловутого порока воли и считает достаточным для его констатации установление любого из чисто внешних (объективных) критериев: 1) *наличие вступившего в законную силу и не отмененного судебного акта о признании гражданина недееспособным*, либо 2) *малолетний возраст* гражданина (неистечение 14 лет с документально подтвержденной даты его рождения). Быть может, совершая ту или иную конкретную сделку, гражданин вполне понимал значение своих действий и адекватно руководил ими, но это не имеет юридического значения и установлению не подлежит.

Вместе с тем отсутствие дееспособности констатируется в таких условиях, которые, судя по всему, действительно означают невозможность гражданина осознавать значение своих действий или руководить ими. Невозможность осознавать значение своих действий *не позволяет сформировать волю*, релевантную окружающей обстановке; невозможность руководить своими действиями порождает *неспособность воплотить в жизнь* (*изъявить*) *действительную волю* (не исключено, между прочим, что и адекватную)[170]. Какой бы из вариантов ни рассматривать — весьма велика вероятность того, что совершенное недееспособным гражданином действие окажется *не соответствующим его интересам*. Именно это предположение (а вовсе не пресловутый порок воли) и является, в конечном счете, основанием законодательного признания сделок недееспособных лиц ничтожными. По описанной причине мы применили для характеристики сделок данной группы несколько нетрадиционное обозначение — сделки с *предполагаемым* несоответствием интересам своих участников. Подчеркиваем, что речь идет именно о предполагаемом несоответствии, поскольку такая презумпция может быть опровергнута путем так называемой *конвалидации сделки*, т.е. посредством *судебного признания недействительной сделки недееспособного сделкой действительной* (п. 2 ст. 171 ГК). Для такого признания необходимо два обстоятельства: 1) наличие заявления об этом, поданного в суд опекуном недееспособного; 2) соответствие совершенной сделки интересам гражданина.

Как мы помним, гражданско-правовое положение малолетних отличается от статуса граждан, признанных судом недееспособными, главным образом тем, что недееспособность малолетних не является полной: некоторые гражданско-правовые действия они все-таки могут совершать самостоятельно (ср. § 4 и § 7 гл. 10). Следовательно, сделкоподобные действия малолетних могут рассматриваться как ничтожные сделки только в том случае, если они совершены *за пределами* хотя и небольшой, но все-таки имеющей у них дееспособности. Сделки малолетних, не выходящие за рамки признанной за ними дееспособности, являются действительными; на них положения ст. 172 о недействительности не распространяются (п. 3 ст. 172).

---

470 По этой причине мы в нашем предыдущем Учебнике гражданского права (п. 1031–1033) относили данную категорию ничтожных сделок к разряду тех, что недействительны по причине несоответствия внешне выраженного волеизъявления лица его внутренней воле.

§ 4. Недействительные корпоративные акты (п. 653—656)

653. **Понятие недействительных корпоративных актов и их виды.** В отличие от сделок, общие положения о недействительности которых составляют одну из традиционных для нашего законодательства и одну из наиболее востребованных на практике глав ГК, корпоративные акты не удостоились даже самых минимальных общих положений о собственной недействительности*. Вместе с тем, опираясь на законодательные постановления, относящиеся к недействительности корпоративных актов коллегиальных органов управления хозяйственных обществ, а также на обширную судебно-арбитражную практику их применения, мы можем с высокой степенью достоверности констатировать следующие положения. *Действия, которые, несмотря на присущий им внешний вид корпоративных актов, не влекут намеченных ими юридических последствий*, называются *недействительными корпоративными актами*. Подобно недействительным сделкам недействительные корпоративные акты подразделяются на два типа: 1) *акты ничтожные*, т.е. недействительные изначально, непосредственно в силу прямого указания закона, акты, если можно так сказать, родившиеся недействительными и 2) *акты оспоренные*, т.е. акты, признанные недействительными вступившим в законную силу решением суда.

*см. п. 614

654. **Ничтожные корпоративные акты.** Их перечень, подобно перечню ничтожных сделок, конечно должен быть *исчерпывающим*. В отличие от перечня ничтожных сделок — единого для всего отечественного законодательства, содержащегося в ГК, — единого перечня ничтожных корпоративных актов до недавнего времени не существовало. С дополнением Кодекса новой гл. 9.1 «Решения собраний» (такое дополнение было внесено, как мы уже знаем, Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ) соответствующий перечень был сформулирован, но (как видно из уже сказанного) относится он не ко всем корпоративным актам — только к решениям *общих собраний* участников корпораций (гражданско-правовых сообществ). Согласно ст. 181.5 ГК, «...если иное не предусмотрено законом», ничтожно такое решение собрания, которое: «...1) принято по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества [и таким образом молчаливо договорились изменить повестку дня собрания]; 2) принято при отсутствии необходимого кворума; 3) принято по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания; 4) противоречит основам правопорядка или нравственности». Легко видеть, что первые три случая представляют собой нарушения трех основополо-

гающих требований законодательства к принятию всякого решения общего собрания; четвертый — аналог ст. 169 ГК.

В предыдущем издании Учебника мы указывали, что универсальный, общий перечень оснований ничтожности решений собраний может и должен быть составлен на основе норм, содержащихся в специальных законодательных актах об отдельных организационно-правовых формах корпоративной деятельности и что составление такого перечня является задачей специального исследования, которое никак не может быть проделано в рамках настоящего Учебника. Это замечание актуально и теперь, как и составленный ранее для примера перечень оснований ничтожности решений общих собраний акционеров. Нормы о таких основаниях содержатся в п. 10 ст. 49 Закона об АО, который относит к категории ничтожных «...решения общего собрания акционеров, принятые (1) по вопросам, не включенным в повестку дня общего собрания акционеров (за исключением случая, если в нем приняли участие все акционеры общества), либо (2) с нарушением компетенции общего собрания акционеров, (3) при отсутствии кворума для проведения общего собрания акционеров или (4) без необходимого для принятия решения большинства голосов акционеров».

Подобные решения, по выражению Закона, «...не имеют (юридической) силы независимо от обжалования их в судебном порядке», т.е. являются, пользуясь терминологией учения о недействительных сделках, *ничтожными*. Формулировка «не имеют юридической силы» заимствована законодателем, конечно, из судебной практики[171]. В таких случаях следует говорить, скорее об *отсутствии самого корпоративного акта* (юридически результативного (эффективного) выражения общей воли)[172], нежели рассуждать о его действительности или недействительности. Такие решения (внешне похожие на корпоративные акты, но по сути ими не являющиеся) относятся к категории *неправомерных действий*. Они не создают намечаемых ими правовых последствий, не имеют юридической силы (в этом смысле они могут быть только недействительными) и, следовательно, *не могут быть признаны юридическими актами*. Возражения этого рода могут быть противопоставлены уже не одним только участникам корпоративной деятельности, но и посторонним лицам.

Довольно трудно понять, какие же именно обстоятельства объединяют друг с другом четыре перечисленных типа нарушений — что такого между ними общего, что объединяет их в группу неправомерных действий? Если два первых нарушения всегда доступны наблюдению не только самих участников общей деятельности, но и посторонних лиц[173], то с двумя другими дело может обстоять не столь очевидно.

---

471 См. об этом: *Маковская А. А.* Правовые последствия недействительности решений общего собрания акционеров и совета директоров АО // Недействительность в гражданском праве: Проблемы, тенденции, перспективы : сб. ст. М., 2006. С. 360—361.

472 См.: там же. С. 353, 355.

473 И значит, применительно к ним оказывается востребованной «доктрина распознаваемости», сформулированная О. С Иоффе для объяснения феномена оспоримых сделок*. В общем-то это не удивительно, поскольку корпоративные акты представляют ➲

*см. п. 558

> Стало быть, вопрос о том, из чего же исходить законодателю, очерчивая круг недействительных корпоративных актов, еще ждет своих исследователей.

655. **Оспоренные корпоративные акты.** И здесь до недавнего времени в отличие от оснований судебного признания недействительными оспоримых сделок, исчерпывающий перечень которых может быть составлен согласно нормам ГК и иных соответствующих ему федеральных законов, основания судебного оспаривания корпоративных актов определялись максимально общим (родовым для всех ситуаций) образом. Типичным примером этого рода предписаний долгое время служили положения п. 7 ст. 49 Закона об АО, согласно которым решение общего собрания акционеров может быть оспорено («обжаловано») в суде только в тех случаях, когда: (1) оспариваемое решение[474] является *объективно противоправным*, т.е. нарушает какие-либо положения нормативных правовых актов РФ или устава АО[475], а также (2) является *субъективно противоправным*, т.е. существенно нарушает права и (или) законные интересы акционера, оспорившего таковое[476], и при этом (3) оспоривший решение акционер *не принимал участие в общем собрании акционеров или голосовал против принятия такого решения*[477], а (4) заявление о признании недействительным решения

Сообой такие действия, которые (в отличие от сделок) обычно проявляют себя по отношению к различным лицам (членам и нечленам корпорации) по-разному. Чтобы сгладить эту разницу, нужно какое-то *основание* для подведения посторонних лиц под корпоративное регулирование. Реальное или должное знание третьих лиц о содержании и особенностях такого регулирования и выступает этим основанием.

474 Законодатель говорит о нарушении законодательства *только самими решениями*, но ничего не устанавливает насчет случаев нарушения законодательства в ходе *практического исполнения предписаний*, содержащихся в решениях.

475 По не иных корпоративных актов, которые, как мы это уже знаем, имеют главным образом чисто внутреннее значение. Нарушения нормативных правовых актов и устава дают объективную противоправность именно потому, что предписания, являющиеся предметом нарушения, доступны восприятию и соблюдению *всех* лиц — не одних только участников корпорации.

476 Указание о *существенном* нарушении обусловлено положениями рассматриваемой нормы Закона об АО, которые позволяют суду «...с учетом всех обстоятельств дела ... оставить в силе обжалуемое решение, **если** 1) голосование данного акционера не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными **и принятое решение** 2) не повлекло за собой причинение убытков данному акционеру». Иными словами, верным признаком *существенного характера* нарушения прав акционера является возникновение у него *ущерба* или *убытков*; их отсутствие (по мнению законодателя) само по себе о несущественности нарушения, конечно, не свидетельствует — оно должно быть соединено с другим фактором — невозможностью акционера оказать влияние на принятое решение.

477 Само собой понятно, что было бы несправедливо признавать возможность оспаривания корпоративного акта за такими лицами, которые голосовали *за* его принятие. Это провоцировало бы к злоупотреблениям со стороны недобросовестных участников корпоративной деятельности и могло бы иметь место, разве только участник доказал бы, что за принятие корпоративного акта он голосовал, *не понимая значения своего действия*, находясь под влиянием заблуждения или под воздействием факторов, препятствующих реализации своей дееспособности*.

*см. п. 562

общего собрания акционеров подано в суд *с соблюдением установленного законом срока*[478]. Теперь мы уже знаем (см. п. 614[1] настоящего Учебника), что благодаря ст. 181.4, включенной в Кодекс Федеральным законом от 07.05.2013 № 100-ФЗ, из этого — наполовину доктринального, наполовину судебно-практического — перечня условий оспаривания корпоративных актов были составлены, во-первых, ***перечень из четырех нарушений***, в которых постановка вопроса о признании решений собраний недействительными (об их оспаривании) становится принципиально возможной — «*порядок, полномочия, равенство, протокол*» (п. 1 ст. 181.4), а во-вторых — перечень из ***пяти условий*** (о субъекте (п. 3), о сроке (п. 5), о последующем одобрении (п. 2), о возможностях и последствиях (п. 4) и о преюдициальном бездействии (п. 6 ст. 181.4) — наличие которых либо является обязательным для успешного оспаривания решений общих собраний (условия 1 и 2 — положительные условия), либо, напротив, препятствует такой возможности (условия 3—5 — отрицательные условия).

656. **Общие положения о последствиях недействительности корпоративных актов.** Законодательство не содержит норм о тех последствиях, которые наступают при успешном оспаривании корпоративных актов. Думается, что с содержательной точки зрения таковые могут быть различными и в решающей мере предопределяются содержанием (позитивным или негативным) оспоренного корпоративного акта*; кроме того, они должны ограничиваться лишь *непосредственными* и *перспективными* выводами[479]. Вероятно, последствия оспаривания корпоративных актов должны иметь, по общему правилу, *исключительно внутрикорпоративный характер*, т.е. распространяться лишь на отношения потерпевшего участника общей деятельности со всеми остальными ее соучастниками и самой корпорацией. Случаи, в которых эффект такого оспаривания мог бы распространиться *за пределы корпорации*, т.е. на отношения с посторонними лицами, должны быть *прямым и исчерпывающим образом установлены в законе*.

*см. п. 612

---

478 А именно — в течение трех месяцев со дня, когда акционер узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным. Этот срок является пресекательным и в случае его пропуска восстановлению не подлежит, за исключением случая, если акционер не подавал указанное заявление под влиянием насилия или угрозы.

479 Так, например, последствия признания недействительным решения общего собрания акционеров о назначении генерального директора должны ограничиваться: 1) аннулированием произведенной на его основании записи в Едином государственном реестре юридических лиц *на будущее время* и 2) назначением нового (внеочередного) общего собрания акционеров с вопросом об избрании нового руководителя. Недействительность такого решения не означает ни восстановления в должности прежнего руководителя, ни недействительности сделок (иных юридических действий), совершенных лицом, назначенным недействительным решением на должность руководителя.

§ 5. Недействительные (незаконные) акты власти (п. 657—660)

657. **Основание недействительности актов власти.** Все акты власти, включая как собственно акты (постановления, распоряжения, словом, документы[480]) государственных органов, так и действия их должностных лиц и вообще сотрудников, обладают *способностью к судебному оспариванию — обжалованию* (см. ч. 2 ст. 46 Конституции РФ*). Основанием к *успешному* судебному оспариванию актов власти является *любое их несоответствие закону, соединенное с нарушением гражданских прав или охраняемых законом интересов частных лиц содержанием актов либо их исполнением* (ст. 13 ГК, ч. 1 ст. 198 АПК), т.е. *объективная и субъективная противоправность*. Отсутствие любого из оснований является основанием для отказа в удовлетворении заявления о признании обжалуемого акта власти недействительным.

*см. п. 620

> Несколько более подробное определение оснований к судебному оспариванию актов публичной власти может быть выведено из ст. 2 и 7 Закона РФ «О судебном обжаловании действий и решений, нарушающих права и свободы граждан». В соответствии с названными нормами гражданин может твердо рассчитывать на судебное признание недействительными *таких актов и действий государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, результатом которых является*
>
> 1) нарушение его прав и свобод, либо
>
> 2) создание препятствий к осуществлению его прав и свобод, либо
>
> 3) незаконное возложение на него какой-либо обязанности или
>
> 4) незаконное привлечение его к какой-либо ответственности.
>
> Обращаем внимание, что цитированные нормы относятся только к законности актов и действий, принятых и совершенных в отношении *граждан*. Законодательство не определяет, какие акты и действия могут быть признаны незаконными по требованию *юридических лиц*, а также не определяет самого понятия о *незаконности* акта или действия. Полагаем, что под незаконностью следует понимать *любое несоответствие акта или действия предписанию закона*, независимо от причин его возникновения, а также — *издание акта* (*совершение действия*) *с превышением полномочий или нарушением процедуры его принятия* (*совершения*). Непременным следствием принятия такого (незаконного) акта или совершения такого (незаконного) действия должно быть одно из следующих последствий
>
> 1) лишение юридического лица возможности осуществлять какое-либо право, либо установление дополнительных (не предусмотренных законом) стеснений или ограничений в таком осуществлении;
>
> 2) возложение на юридическое лицо не предусмотренной законом обязанности;
>
> 3) привлечение юридического лица к ответственности в случаях и (или) в формах, не предусмотренных законом.

480 За исключением некоторых актов высших судебных инстанций.

Заявление о признании недействительным акта власти, исходящее от *гражданина*, должно приниматься судом к рассмотрению при одной только *субъективной* противоправности акта (ч. 1 ст. 254 ГПК). Это, конечно, не означает, что любой (хотя бы и законный) акт публичной власти подлежит признанию недействительным, если только он нарушает частноправовую сферу гражданина, — ни в коем случае! Речь идет только о том, что гражданину, как лицу, не особенно искушенному в знании законов и не всегда обладающему средствами, достаточными для того, чтобы воспользоваться квалифицированной юридической помощью, не нужно доказывать объективной противоправности - выяснение этого вопроса должен взять на себя суд. Выяснив же его в отрицательном смысле, т.е. установив, что «...оспариваемое решение или действие принято либо совершено в соответствии с законом в пределах полномочий органа государственной власти, органа местного самоуправления, должностного лица, государственного или муниципального служащего *и* (так в тексте нормы[481]. — *В. Б.*) права либо свободы гражданина не были нарушены», суд, конечно же, отказывает в удовлетворении заявления (ч. 4 ст. 258 ГПК).

658. **Круг актов, подлежащих судебному оспариванию.** Нормами ч. 1, 2 и 5 ст. 2, ч. 1 ст. 4, ст. 6, ч. 1 ст. 8, ст. 9 Закона РФ «О судебном обжаловании действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» предусмотрено, что он применяется для судебного оспаривания не только актов, собственно от публичной власти исходящих, но также актов и действий «...предприятий и их объединений, общественных объединений». Эти нормы не могут не подать повода к вопросу: на каком основании к оспариванию актов частных, по сути, лиц, применяются нормы, рассчитанные на оспаривание актов публичной власти? Судебная и арбитражная практика толкует данные нормы буквально, допуская обжалование на их основании актов и действий не только органов и должностных лиц публичной власти, но и актов корпоративного характера (решений собраний акционеров и членов кооперативов, советов директоров, президиумов общественных организаций и др.), а также — не только актов, но и действий перечисленных органов и лиц. При этом действие понимается максимально широко — под ним подразумевается как активное действие, так и воздержание либо уклонение от совершения такового, в результате чего еще и сейчас можно встретить довольно странные с точки зрения своего содержания судебные акты, вроде, например, судебных запрещений органам юридических лиц воздерживаться от исполнения возложенных на них обязанностей[482].

---

481 Выше мы сказали, что основанием к отказу в судебном признании актов власти недействительными является отсутствие любой (хотя бы одной) из двух составляющих его противоправности — объективной *или* субъективной.

482 Практикующим юристам, конечно, прекрасно известно действительное назначение таких актов.

Думается, что с учетом современных реалий, а также постановлений более поздних нормативных актов — ГПК и АПК — названные нормы Закона следует толковать в исключительно ограничительном смысле, а именно — как нормы, применяемые для оспаривания актов, от одной только публичной власти (ее органов и должностных лиц) исходящих. Нужно принять во внимание, что Закон, принятый в 1993 г., ориентировался на аналогичный Закон СССР — еще более ранний, т.е. принятый в такое время, когда государственные предприятия и их объединения, а также общественные организации являлись носителями делегированных им государственной властью публично-правовых функций. Радикальное расхождение этого положения вещей с современной ситуацией слишком очевидно, чтобы быть предметом какого-то специального объяснения.

Вместе с тем при всей критической оценке рассматриваемых законоположений нельзя, конечно, не вспомнить той теории основного разделения права на публичное и частное, которая положена в основание построения настоящего Учебника — субъектно-телеологической теории М. М. Агаркова*. Если согласиться с тем, что публично-правовые возможности и действия отграничиваются от частноправовых той степенью свободы в определении целей действования, которая присуща действующему лицу, то получится, что *юридические возможности, приобретаемые, существующие и реализуемые в рамках любой социальной системы, любого социума* — не обязательно государства и общества в целом — в том числе семьи, коллектива работников, корпорации, общественной организации и т.д. — *будут возможностями, относящимися не к частному, но к публичному праву*. «...Непосредственные взаимоотношения индивидов и групп составляют частное право. Взаимоотношения, опосредствованные их сопринадлежностью к некоему целому (к государству или иным властным союзам), — публичное право. В публичном праве индивид берется, таким образом, как гражданин государства или как член союзов и коллективов, врастающий в ткань государства. — Публичное право регулирует не только взаимоотношения индивида и коллектива, но и взаимоотношения индивидов между собой, равно как и коллективов между собой, поскольку последние мыслятся входящими в состав высшего социального целого или подчинены один другому. И наоборот, частное право регулирует не только взаимные отношения индивидов, но и отношения индивида к коллективу, а также взаимные отношения коллективов. Последнее происходит в тех случаях, когда два коллектива вступают во взаимные отношения безотносительно к тому, принадлежат ли они или нет к единому объединяющему их социальному целому»[483].

*см. п. 7, 8

На обыденный язык сказанное можно перевести примерно следующим образом: для большинства рядовых граждан (во всяком случае — российских) непосредственный начальник по месту работы или службы значит много больше, чем все высшие должностные лица государства, вместе взятые. Стало быть, при всем своем юридическом невежестве большинство российских граждан интуитивно ощущает

483 *Кечекьян С. Ф.* К вопросу о различии частного и публичного права. Харьков, 1927. С. 22.

грань между частным и публичным гораздо четче и точнее, чем некоторые современные ученые-юристы. И если в настоящее время эта грань более не имеет тех формальных оснований, которые ее подкрепляли в советскую эпоху, то это не значит, что бесследно стерлась и сама грань. Если бы речь шла о простом несоответствии норм Закона 1993 г. потребностям времени, эти нормы уж конечно бы не находили сочувствия и применения в судебной практике. По всей видимости, можно говорить о довольно ясно наметившейся тенденции к формированию если и не особого процессуального механизма (средства) оспаривания, единого для актов не только собственно публичной (государственной и муниципальной), но и корпоративной власти, то, по крайней мере, о наличии известных процессуальных особенностей судебного производства по подобным делам.

659. **Последствия судебного оспаривания актов власти.** С момента принятия судом общей юрисдикции или арбитражным судом решения о признании акта публичной власти незаконным (недействительным) данный акт *перестает существовать как юридический акт*. Тем самым признается, что данный (признанный незаконным) акт, *никогда* (с самого момента его принятия), *не порождал никаких юридических последствий*.

Если содержание оспоренного акта было положительным (т.е. разрешающим или обязывающим совершить какие-либо активные действия), то констатированная судом его недействительность означает то, что всякие действия, совершенные во исполнение этого акта, в том числе действия по имущественным предоставлениям, рассматриваются как *действия, никогда не имевшие правового основания для своего совершения* — действия в полном смысле этого слова безосновательные. Если же предметом успешного оспаривания стал акт отрицательного содержания (т.е. акт запрещения или ограничения в отношении частного лиц, либо акт бездействия лица должностного), то это *означает законность и основательность действий, совершенных частным лицом вопреки запрещению или ограничению, или потребованных частным лицом от органа власти или его должностного лица*. Таким образом, любые судебные акты, признающие акты публичной власти недействительными, имеют не только *обратную*, но и *контрадикторную силу*, независимо от того, властный акт какого именно содержания — положительного или отрицательного — признается недействительным[484].

С признанием акта власти недействительным заинтересованные частные лица получают возможность взыскать с соответствующего публично-правового (государственного либо муниципального) образования вред, причиненный изданием и (или) применением такового, в денежном выражении — т.е. возможность требовать возмещения

484 Этим судебные акты о признании недействительными актов публичной власти, конечно, отличаются от судебных решений по делам о недействительности корпоративных актов: последние обладают контрадикторной силой только тогда, когда касаются корпоративных актов позитивного содержания.

убытков (ст. 15, 16, 1069—1071 ГК), а также потребовать компенсации морального вреда (ст. 151, 1070, 1100 ГК). При необходимости могут быть применены и иные способы восстановления субъективного гражданского права, нарушенного незаконным актом или действием (ст. 13). Подробнее вопрос о содержании гражданских правоотношений, вытекающих из судебного признания акта публичной власти недействительным, будет обсуждаться в Особенной части настоящего Учебника. Здесь с глубоким сожалением мы отметим лишь то, что с точки зрения своей практической составляющей процесс судебного определения размера подлежащего возмещению государством вреда как правило превращается в неразрешимую проблему: вопреки прямым указаниям закона, требующим безусловного и полного возмещения государством всех причиненных его актами и действиями убытков, суды под самыми надуманными предлогами либо вовсе отказывают в удовлетворении исков, направленных на получение такого возмещения, либо присуждают гражданам чисто символические суммы. Пожалуй, ни в одной области гражданских отношений гражданский закон абсолютно ясного содержания не стоит столь далеко от своего практического исполнения, как в области гражданско-правовой ответственности государства за акты власти.

660. **К проблеме ничтожных актов власти и незаконных действий ее представителей.** Законность любых действия — как частных лиц, так и публичной власти, является предметом презумпции. Будучи опровергнутой установленным законом — судебным — порядком, она уступает место достоверно установленным фактам. Но как быть с актами и действиями, существо которых таково, что само по себе явно опровергает презумпцию своей законности? Иными словами, существуют ли *ничтожные* акты власти и если существуют, то (в этом заключается самый важный в практическом отношении вопрос) могут ли частные лица позволить себе их игнорировать, не прибегая к предварительному судебному установлению и без того очевидной незаконности акта? Могут ли частные лица позволить себе пассивное или даже, быть может, активное сопротивление явно незаконным актам публичной власти и действиям ее представителей?

В такой своей — наиболее острой — форме современное российское законодательство даже не выдвигает обозначенного вопроса; даже в более мягкой постановке — об условиях отказа суда в применении незаконного акта — он и то является спорным*. Его практическое решение осуществляется в том смысле, что недействительность актов власти по общему, по крайней мере, правилу, *нуждается в предварительном судебном установлении*. Это решение создает, конечно, известные неудобства для частных лиц (заключающиеся, главным образом, в безвозвратных временных потерях и денежных расходах), но in general является относительно приемлемым. К сожалению, этого никак нельзя сказать про ситуации, в которых люди, прикрываясь имеющимся у них статусом представителей государственной власти, совершают ее именем такие действия, которые никак не совместимы

*см. п. 622

не только с их публично-правовым статусом и олицетворяемом ими законом, но и с самыми элементарными представлениями о психическом здоровье, человечности, совести, чести, стыде и благовоспитанности[485]. В подобных ситуациях возможности обратиться в суд у частных лиц просто нет; остающийся же на их долю выбор — молчаливо терпеть глумление над собственной личностью и беспардонное попрание своих прав или же дать отпор смрадным гадам, которые прикрываясь статусом «представителей власти» тешат собственное самолюбие, реализуют свои корыстные амбиции и биомедицинские комплексы — поднимет волосы дыбом на голове любого адекватного человека.

Еще в 1958 г. цитированный выше С. Ф. Кечекьян писал, что «...в административном праве различаются *акты ничтожные, характеризующиеся грубыми и явными нарушениями требований, предъявляемых законом к этого рода актам*, и акты оспоримые, в которых имеются лишь некоторые менее значительные отступления от этих требований. — Первые не влекут за собой никаких юридических последствий, не порождают ни прав, ни обязанностей, на возникновение которых они направлены. ... — *Административный акт ... ничтожен, если он требует невозможного, например противозаконных, наказуемых или запрещенных деяний, деяний безнравственных, относящихся к несуществующему субъекту или объекту* (регистрация второго брака при сохранении в силе первого, выдача ордера на занятие несуществующего помещения или выдача лесорубочного билета несуществующей, еще не образовавшейся или уже ликвидированной организации и т.п.). Нет нужды в отмене таких актов: они ничтожны с самого начала»[486] (выделено нами. — *В. Б.*). Даже такое — половинчатое — решение вопроса (ведь ученый ни словом не обмолвился о границах правомерного поведения частных лиц, столкнувшихся с подобными — ничтожными — актами) как прежде, так и по сию пору считается в нашей научной юридической литературе столь радикальным, что не имеет не только последователей, но даже критиков! Вдумаемся в этот феномен: цитированные слова С. Ф. Кечекьяна считаются *недостойными ровно никакого* — хотя бы и критического — *внимания со стороны науки*. И можно понять почему: последовательное проведение в жизнь этой позиции неизбежно приведет к той самой «острой» постановке вопроса, с которой мы начали настоящий пункт Учебника — *в какой мере частные лица могут противостоять явно незаконным актам публичной власти и действиям ее представителей*?

Вопрос этот для современной российской юридической «науки» (ориентирующейся более на оправдание судебной практики, чем на результаты научных исследований) чрезвычайно «неудобен», поскольку ни по одному, пожалуй, другому вопросу, собственно на-

485 Думается, что в особом обосновании это утверждение не нуждается. Желающие подкрепить его конкретными сведениями могут это сделать самостоятельно, периодически слушая радио, листая подшивки любого из относительно независимых печатных СМИ или периодически набирая в строке интернет-поисковика слова вроде «хроника полицейского произвола», «чиновничий беспредел» и т.п.

486 *Кечекьян С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 179.

учный ответ на него не разойдется с потребностями практики столь яростно. Дело в том, что даже простые намеки на самое минимальное противодействие откровенно беспардонным актам власти сегодня пресекаются российскими судами (про силовые структуры нечего и говорить) самым жестким, если не сказать, жестоким образом. «Круговая порука, — пользуясь известным высказыванием поэта, — мажет, как коноть»: полицейские рассказывают судьям сказки про то, как озлобленные граждане (конечно же — пособники иностранных спецслужб) приходят в отделения полиции, где и нападают на несчастных сотрудников, находящихся «при исполнении», а судьи делают вид, что верят в младенческую чистоту помыслов и совести таких стражей порядка! Принцип «рука руку моет» работает во всей своей красе. Гражданин, дерзнувший просто отвести в сторону кулак полицейского, направленный ему в лицо, объявляется оказывающим сопротивление власти, избивается, заковывается в наручники и с санкции суда закрывается в СИЗО на несколько месяцев, а то и лет, едва ли не под вывеской, типа «чтоб, гад знал!», после чего осуждается за экстремизм. Особо ретивым борцам за свободу для полноты ощущений можно еще подбросить десяток грамм героина, «приобретенных у неустановленного лица или лиц в целях сбыта». Наказать же силовиков в подобной ситуации — задача практически нереальная: государственный аппарат, с маниакальной настойчивостью борющийся за весьма своеобразно понимаемую «чистоту рядов», никогда не сдаст «своего» — каких бы ужасов он не натворил. Если же случится так, что «не сдать» станет уже невозможно, то непременно выяснится, что провинившийся как раз только-только ... уволился из «органов»! Да что, право, за странность какая: как ни задумает сотрудник полиции совершить преступление, так непременно за день-другой подаст рапорт об увольнении?

Под именем «вертикали власти» в современной России создана и функционирует система органов, предназначенная к тому, чтобы бдительно оберегать от любых посягательств *монополию произвола и беспредела государственной власти*, а если быть еще более точным — система таких органов, целью которых является *создание и поддержание условий комфортного удовлетворения личных потребностей высших должностных лиц Российского государства, их родственников, друзей и знакомых, а также приближенных к ним граждан.* Взамен на беспрекословное исполнение этой функции так называемым представителям государственной власти молчаливо предоставляется «право» убивать и калечить, насиловать и глумиться, отнимать и издеваться, брать взятки и бездействовать, врать и воровать — все что угодно! В местах «не столь отдаленных» сегодня оказываются лица, которые дерзнули не то чтобы активно противостоять незаконным действиям власти, но просто Граждане — лица, дерзнувшие критиковать власть, а то и по недоразумению просто вовремя не выказать необходимую лояльность к ней. Их *можно «посадить»* не только не опасаясь гневной реакции высших представителей власти, но и, напротив, вполне основательно рассчитывая на их молчаливое одобрение. Очевидно, что все должно быть наоборот: органы публичной власти и их должностные лица должны защищать *частных лиц*, в то

время как «за решеткой» следует находиться тем, кого нельзя оставлять на свободе — *нельзя не «посадить»*.

Конечно, подобная (сложившаяся на практике) ситуация никак не может получить научного юридического обоснования. В результате ученые (стремясь сохранить собственную работу, имущество, здоровье и жизнь) просто молчат, точнее — не заходят в своих исследованиях далее тех содержательных пределов, что прямо предуказаны законодательством (ст. 13, 15, 16, 1069—1071 ГК). Ситуация эта, конечно, описывается в СМИ, порицается представителями оппозиционных движений и общественности, с нею пытаются бороться правозащитники и отдельные практикующие юристы, но увы! — она не встречает ни малейших критических замечаний со стороны юридического ученого сообщества.

На наш взгляд, наука гражданского права позволяет найти вполне ясный практический выход из создавшегося тупика. Его основанием должен быть *институт самозащиты гражданских прав*[*]. Даже в том виде, в котором он известен действующему законодательству (ст. 14 ГК), не говоря уже о самом институте в принципе, он вполне может быть применен для защиты от *любых* противоправных посягательств на частноправовую сферу, от кого бы они не исходили. При реализации права на самозащиту не имеет значения вопрос о том, исходит ли противоправное посягательство на частные права от подобного потерпевшему (частного же) лица, или же от представителя власти, беззастенчиво осеняющего творимый им беспредел знамением закона и облекающего его в «документы», якобы исходящие от имени государственного или муниципального образования. Такое толкование ст. 14 ГК предопределяется содержанием ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, согласно которой «*каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом*»; применение же самозащиты от незаконных действий публично-правового образования и его должностных лиц законом не запрещено. Это означает, что *любое противоречащее закону предписание административного акта или действие должностного лица может быть не только предметом судебного обжалования, но и объектом, как минимум, пассивного сопротивления*; попрание же действиями власти прав и свобод, вообще не подлежащих согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ каким-либо ограничениям, должно быть признано *основанием к активному противодействию* (*сопротивлению*) *частного лица публичной власти и ее должностным лицам*.

[*] см. п. 519

Понятно, что любые попытки практической реализации данного начала неизбежно столкнутся с противодействием пресловутой «вертикали»: дерзнувший посягнуть на нее гражданин рискует сгинуть, будучи перемолотым ее жерновами. Правильно было сказано, что если дон Кихот сражался с ветряными мельницами, полагая, что это великаны, то такой гражданин будет подобен рыцарю, сражающемуся с великанами, но считающему, что сражается он с ветряными мельницами. Набравшись столь высокой степени смелости, отваги и отчаяния, важно помнить три следующие вещи:

1) *сформулированная нами рекомендация не может быть* (к превеликому сожалению!) *ни вознесена на пьедестал современной практики*

применения отечественного законодательства (вспомним принцип «чтоб, гад, знал!»), *ни одета броней научной доктрины* (нет никаких сомнений в том, что на все, здесь написанное, а заодно и на весь учебник в целом, рухнет волна «научной» критики);

2) оценка требований власти на предмет законности или незаконности должна осуществляться частным лицом на свой страх и риск и, следовательно, *под свою ответственность за ошибку в такой оценке* (а риск такой «ошибки» чрезвычайно велик, ибо даже откровенно незаконные действия власти российские суды склонны оправдывать, а случаи сопротивления им — соответственно, осуждать);

3) ни пассивное сопротивление, ни, тем более, активное противодействие власти и ее представителям не должны выходить за пределы требований ст. 14 ГК, предъявляемых к процессу самозащиты гражданских прав, главными из которых являются *их направленность* исключительно на пресечение посягательства и их *соразмерность* существу и характеру посягательства (правонарушения).

§ 6. Иные виды неправомерных действий (п. 661—664)

661. **Нарушения гражданской правоспособности.** Рассматривая вопрос о нарушении обязательств как разновидности гражданского правонарушения* мы написали, что относительный характер обязательственного права не исключает возможности посягательства третьих лиц на *способность управомоченного иметь то или иное конкретное относительное право*. Такое посягательство составит уже нарушение не самого относительного права, а лишь способности (возможности) его иметь, т.е. динамического элемента гражданской правоспособности, обеспеченного *состоянием бесправия всякого и каждого*. Это объясняется тем, что любой случай установления гражданских правоотношений связан с феноменом *конкретизации или сгущения элемента общей гражданской правоспособности определенного лица* (выделения из абстрактной способности к приобретению субъективного права этого последнего) *и прикрепления* (*приурочения*) *образовавшейся таким образом юридической возможности* (*юридического сгустка*) *к данному лицу***. Такое прикрепление осуществляется с помощью способности иметь, осуществлять, изменять, прекращать *конкретное субъективное право*. Происходит, таким образом, не только возникновение определенного конкретного субъективного права, но и *трансформация самой правоспособности*: наряду с абстрактной способностью иметь «права вообще» (или «права определенного типа») в содержании правоспособности появляется способность иметь *конкретное субъективное право*. Такое представление о правоспособности приводит к тому неизбежному выводу, что всякое субъективное право обеспечивается не только корреспонди-

*см. п. 647

**см. п. 237

рующей ему обязанностью, но и *состоянием бесправия всякого и каждого*, а следовательно, может быть нарушено не только лицом-носителем обеспечивающей это право обязанности, но и *всяким вообще лицом, находящимся по отношению к управомоченному в состоянии бесправия*. Предметом противоправного посягательства становится, стало быть, не только (и не столько) само субъективное право как таковое, сколько способность его иметь, осуществлять его и распоряжаться им, *та часть динамической составляющей правоспособности, с помощью которой к лицу прикрепляется (приурочивается) субъективное право.*

В том случае, когда нарушение субъективного права осуществляется лицом — носителем корреспондирующей ему *обязанности*, посягательство на элемент динамической правоспособности как правило не замечается. Оно получает опосредованный (косвенный) характер, из-за чего и остается «в тени» посягательства явно выраженного — посягательства на само субъективное право. Между тем существуют случаи, когда *само субъективное право посягательством оставляется в неприкосновенности, в то время как гражданско-правовая сфера его носителя все равно нарушается*. Таковы, прежде всего, случаи противоправного распоряжения чужим субъективным правом, а также — случаи воспрепятствования реализации управомоченным лицом принадлежащих ему субъективных прав (о значении термина «гражданское правонарушение» и об обозначаемом этим термином понятии*). Оставить такие нарушения без внимания и объяснения было бы несправедливым, а объяснять их в том смысле, что предметом посягательства является субъективное право, было бы неправильным.

*см. п. 637

К приведенным выше примерам этого рода из области обязательственного права** добавим следующий: мошенник, подделав подпись акционера на передаточном распоряжении, добивается перевода бездокументарных акций на себя или третье лицо. Здесь с особой рельефностью видно, что мошенник не только не нарушал *прав акционера*, но и (при всем желании) никак не мог бы их нарушить — они обладают свойством относительно-правовой формы, и единственным лицом, которое способно их нарушить, является субъект корреспондирующих обязанностей (АО). Вроде бы *права акционера* не нарушались, но вряд ли описанную ситуацию можно назвать нормальной.

**см. п. 647

Сказанное свидетельствует, между прочим, об ошибочности традиционного представления о том, что незаконное распоряжение чужой вещью нарушает субъективное *право собственности*[487]. Распоряжение *вещью* представляет собой средство распоряжения *правом собственности* на вещь. Но распоряжение конкретным субъективным правом входит отнюдь *не в состав соответствующего субъективного права собственности в виде правомочия*, а *в состав право-*

487 Мы говорим *об акте одного только чужого распоряжения* — акте, которому не предшествует акт *противоправного завладения* чужой вещью.

способности в виде абстрактной (статической) возможности иметь права собственности вообще и конкретизированной (динамической) способности быть собственником конкретной вещи (иметь конкретное субъективное право собственности — на данную вещь). Распоряжение чужим правом собственности, следовательно, посягает на *способность его иметь, осуществлять и распоряжаться таковым*, т.е. *на правоспособность собственника*. Подобное действие, совершенное в определенных условиях, законодатель объявляет не имеющим юридических последствий, т.е. не влекущим перемены собственника вещи, чем создаст почву для применения конструкции виндикационного иска.

662. **Угрозы (потенциально вредоносные деяния).** Некоторые виды человеческой деятельности таковы, что требуют при своем осуществлении соблюдения определенных (технических, санитарных, противопожарных и иных) обязательных норм. Соблюдение таковых хотя и не исключает, но несколько уменьшает *риск причинения третьим лицам вреда, неизбежно обусловленный характером такой деятельности*. Если она носит кратковременный характер[488], то лицо, ее осуществляющее, обыкновенно подвергается административному или общественному воздействию. Но в случаях, когда деятельность, создающая повышенную угрозу причинения вреда, осуществляется регулярно в течение длительного времени[489] и создает угрозу причинения вреда неопределенному кругу лиц, появляются основания применения к лицу, занимающемуся таковой, запретительных или ограничительных мер гражданско-правового характера, имеющих целью *предупредить причинение вреда*. Деятельность, создающая опасность причинения вреда в будущем, может явиться основанием к *иску о ее запрещении* (ст. 1065 ГК). Суд может отказать в иске о приостановлении либо прекращении соответствующей деятельности лишь в случае, если ее приостановление либо прекращение противоречит общественным интересам. Отказ в приостановлении либо прекращении такой деятельности не лишает потерпевших права на возмещение причиненного этой деятельностью вреда.

Институт предупреждения (превенции) причинения вреда посредством ведения предпринимательской деятельности с использованием нерыночных (неконкурентных) методов составляет основу для целой правовой подотрасли — *антитрестовского законодательства* или *конкурентного права*. Концепции всех современных законо-

488 Таковы, к примеру, курение на бензозаправочной станции, хождение по путям метро, сжигание мусора в жилых кварталах и т.п.

489 Производство взрывчатых веществ, торговля спиртными напитками, табачными изделиями, оружием, производство и перевозка боеприпасов, эксплуатация промышленных производств, сопровождающихся сбросом сточных вод в водоемы, выбросами дыма, пара и парниковых газов в атмосферу, образованием твердых и жидких промышленных отходов, эксплуатация транспортных средств и т.п.

дательств в этой области (не исключая и действующего российского закона) зиждутся на представлении о конкуренции как *самоцели*, деятельность в области обеспечения, развития и защиты которой является непосредственным объектом нормативно-правового регулирования. Отсюда проистекает понятие об *ограничении конкуренции* — ущербе, наносимом не конкретным лицам, но *экономическим отношениям как таковым*. Средства ограничения конкуренции распадаются на три типа: 1) злоупотребления доминирующим положением; 2) соглашения и согласованные действия и 3) акты недобросовестной конкуренции. Совершение любого действия, относящегося к этому «арсеналу», вредит экономическим отношениям в целом и при этом создает *угрозу причинения вреда конкретным ее участникам* (хозяйствующим субъектам-конкурентам лица, совершившего такое деяние, либо потребителям), которые получают вследствие этого право требовать государственного содействия в деле запрещения и предупреждения такой деятельности, вне зависимости от того, был ли им причинен реальный вред, или нет.

663. **Встречная вина.** С понятием вины* не следует смешивать понятие встречной *вины*, распадающейся (в зависимости от субъекта встречной вины) на *вину кредитора* (в нарушении обязательств) и *вину потерпевшего* (в возникновении вреда). Термин «встречная вина» носит в значительной степени условный характер, ибо быть виноватым перед самим собой — в нарушении собственных прав — невозможно. *Встречная вина* (в отличие от *вины*) представляет собой отнюдь не субъективное психическое отношение управомоченного лица к умалению принадлежащих ему субъективных прав, но *такое поведение управомоченного, которое обусловило возникновение вреда или увеличение его размера*. Соответственно этому следует толковать и выражения типа «умысел» или «грубая неосторожность» потерпевшего: под ними следует подразумевать такие *действия потерпевшего, которые явились непосредственной и необходимой причиной возникновения у него имущественного вреда*. Обычно встречная вина выражается в *бездействии* — несовершении управомоченным лицом **таких** действий, которые при аналогичных обстоятельствах обыкновенно совершаются с целью предотвращения возникновения имущественного вреда или уменьшения его размера.

*см. п. 645, 646

1) *Вина потерпевшего* учитывается по правилам п. 3 ст. 1064 и ст. 1083 ГК, которые сводятся к следующим: (1) вред, возникший вследствие умысла потерпевшего, возмещению не подлежит; (2) грубая неосторожность потерпевшего, содействовавшая возникновению или увеличению вреда, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда, обязывает суд к уменьшению размера возмещения вреда; (3) грубая неосторожность потерпевшего при отсутствии вины причинителя вреда в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины, всегда является основанием для умень-

шения размера возмещения и может быть основанием для полного освобождения от возмещения вреда. Вина потерпевшего не учитывается при (1) возмещении дополнительных расходов (п. 1 ст. 1085), (2) возмещении вреда в связи со смертью кормильца (ст. 1089), а также (3) возмещении расходов на погребение (ст. 1094). Встречная вина не может быть основанием отказа в возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью.

2) *Встречная вина в нарушении обязательств* регулируется ст. 404 и 406 ГК и имеет две формы — собственно *вину* и *просрочку* кредитора.

а) В общем случае (т.е. применительно к вине кредитора) ГК устанавливается, что если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд «соответственно уменьшает размер ответственности должника». Под термином «соответственно», вероятно, имеется в виду соответствие размера ответственности, возлагаемой на стороны обязательства, степени вины каждой из них. Суд также вправе уменьшить размер ответственности должника, если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением, либо не принял разумных мер к их уменьшению (ст. 404).

б) Если же встречная вина выражается в *просрочке*, т.е. в отказе кредитора принять предложенное должником надлежащее исполнение, или несовершении кредитором действий, без которых должник не мог исполнить своего обязательства[490], должник получает *право на возмещение причиненных просрочкой убытков*, если кредитор не докажет, что просрочка произошла по обстоятельствам, за которые ни он сам, ни те лица, на которых было возложено принятие исполнения, не отвечают. Кроме того, должник по денежному обязательству не обязан платить проценты за время просрочки кредитора (ст. 406 ГК).

664. **Причинение морального вреда.** Абсолютные гражданские права неимущественного содержания имеют специфическое назначение и существование, обусловленные, в частности, нематериальной (неимущественной) природой охраняемых с их помощью благ. Соответствующей спецификой обладает и результат нарушения таких прав, обозначаемый в науке и законодательстве термином *моральный* (иногда — *неимущественный*) *вред*. Под *моральным вредом* понимаются физические или нравственные страдания, причиненные *гражданину* действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на *принадлежащие гражданину другие нематериальные блага*, а также в других случаях, предусмотренных законом (ст. 151 ГК). Нельзя исключить также и возможности ис-

490 Просрочка кредитора по *денежному* обязательству обыкновенно выражается в отказе передать должнику долговой документ, удостоверяющий это обязательство (ст. 408 ГК).

пытания гражданином физических и (или) нравственных страданий из-за нарушения его *имущественных* прав.

Более подробно понятие морального вреда расшифровано в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10. Опираясь на ст. 150 и 151 тогда только принятой и еще не вступившей в силу части первой ГК, Пленум указал, что «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), *посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага* (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) *или нарушающими его личные неимущественные права* (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), *либо нарушающими имущественные права гражданина*».

Моральный вред, причиненный посягательством на принадлежащие *от рождения или в силу закона нематериальные блага, а также на личные неимущественные права*, подлежит компенсации независимо от того, предусмотрена ли такая возможность законом или нет (п. 1 ст. 1099 ГК). Моральный вред, причиненный посягательством на *имущественные права гражданина*, подлежит возмещению лишь в случаях, установленных законом (п. 2 ст. 1099). Так, ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей» установлено, что подлежит компенсации в размере, определяемой судом, *моральный вред, причиненный потребителю вследствие виновного нарушения* изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) *прав потребителя*, предусмотренных законами и правовыми актами РФ, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей.

Причинение морального вреда является *основанием для возникновения обязательства его компенсации* при наличии всех элементов состава гражданского правонарушения:

1) противоправного деяния;

2) морального вреда;

3) причинной связи между противоправным деянием и моральным вредом и

4) вины правонарушителя в причинении морального вреда.

ГК, впрочем, устанавливает возможность возникновения обязательства по компенсации морального вреда на основе усеченного юридического состава, а именно — *независимо от вины причинителя* (см. ст. 1100):

1) при причинении вреда жизни и здоровью гражданина источником повышенной опасности;

2) при причинении вреда гражданину в результате незаконных осуждения, привлечения к уголовной ответственности, применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки

о невыезде, наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ;

3) при причинении вреда распространением сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина.

Кроме того, законодательством могут быть предусмотрены и другие случаи, когда компенсация морального вреда должна производиться независимо от вины его причинителя.

ГЛАВА 23

Юридические события

Основная литература

Агарков М. М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права : сб. ст. М.—Л., 1945. С. 114—155; *Его же.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3—4. С. 41—55; две эти статьи см. в Избранные труды по гражданскому праву. М., 2002. Т. II. С. 5—80, 333—360; *Беляцкин С. А.* Гражданский оборот и война. Пг., 1915; *Воронин А. Е.* Юридические факты — события в российском праве (общетеоретический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008; **Гражданское право**: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 918—956; *Грибанов В. П.* Сроки в гражданском праве. М., 1967; То же // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 245—284; *Гримм Д. Д.* Очерки по учению об обогащении. Дерпт, 1891; Вып. 1, 2. СПб, 1893. Вып. 3 (рецензию см.: Киевские Университетские Известия. 1892. Кн. 1. С. 30—39); *Гурвич М. А.* Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., 1961; *Деревянко Г. Ф.* Последствия истечения исковой давности // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. V : Вопросы гражданского права. 1958. С. 35—58; *Ельяшевич В. Б.* Война и гражданский оборот (К вопросу о мораториях). Пг., 1914; *Захарова О. Н.* Непреодолимая сила в российском гражданском праве. Иркутск, 2006; *Иоффе О. С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 856—871; *Канторович Я. А.* Война и исполнение обязательств. Пг., 1917; *Каплунова Е. С.* Непреодолимая сила и смежные с ней понятия. Новокузнецк, 2004; *Кириллова М. Я.* Исковая давность. М., 1966 (рецензию см.: Труды Иркутского университета. Т. 60. Вып. 9. Ч. 3 : Вопросы судебной и арбитражной практики. Иркутск, 1969. С. 189—193); выдержки из этой книги под назв. «Начало течения срока исковой давности» и «Соотношение сроков исковой давности с другими сроками в советском гражданском праве» см. также в Антологию уральской цивилистики 1925—1989. М., 2001. С. 97—113, 114—130); *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Сро-

ки в гражданском праве. Исковая давность. М., 2006/07; *Крашенинников Е. А.* Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997; *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954 (рецензию см.: Советское государство и право. 1955. № 1. С. 132—135); *Осецкий Ф. И.* Война и обязательства. Пг., 1915; *Павлодский Е. А.* Случай и непреодолимая сила в советском гражданском праве. М., 1978 (рецензию см.: Советское государство и право. 1979. № 6. С. 177—179); *Пассек Е. В.* Понятие непреодолимой силы (vis major) в гражданском праве // Ученые Записки Императорского Юрьевского университета. 1901. № 4. С. 1—80; 1903. № 2. С. 81—160; № 3. С. 161—240; Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 194—390; *Пергамент М. Я.* Война и непреодолимая сила. Пг., 1914; *Пирвиц Э. Э.* Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895; *Попов Б. В.* Исковая давность (текст и комментарий к ст. 44—51 ГК РСФСР). М., 1926 (рецензию см.: Советское право. 1927. № 2. С. 157—159; Вестник советской юстиции. 1926. № 22. С. 900); *Рясенцев В. А.* Обязательства из неосновательного обогащения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1939; *Его же.* Обязательства из так называемого неосновательного обогащения // Ученые Записки юридического факультета МГУ. М., 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 85—106; *Семенова А. Е.* Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928 (рецензию см.: Революция права. 1929. № 5. С. 109—110; Советская юстиция. 1930. № 3. С. 27—28); *Толстой Ю. К.* Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества // Вестник ЛГУ. 1973. № 5. Вып. 1; *Ушивцева Д. А.* Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Вопросы теории и практики. Тюмень, 2006; 2-е изд. М., 2008; *Фаршатов И. А.* Исковая давность. Законодательство: теория и практика. М., 2004; *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 209—239; *Ханнанов Р. А.* Природа, право, юридические события. Уфа, 2009; *Чернышев В. И.* Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Ярославль, 1977; *Шамшов А. А.* Обязательства из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Саратов, 1975; *Яблочков Т. М.* Понятие непреодолимой силы в гражданском праве. Ярославль, 1911.

§ 1. Понятие и виды событий в гражданском праве (п. 665—668)

665. **Определение гражданско-правовых событий.** *Юридическими (гражданско-правовыми) событиями* называются *такие явления и процессы реальной действительности, которые возникают и про-*

текают безотносительно к участию в них частных лиц (не являются действиями*) *и с которыми закон связывает известные гражданско-правовые последствия.* Как правило, такими последствиями являются возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, но, как это уже неоднократно отмечалось прежде, поскольку круг гражданско-правовых форм не ограничивается одними только гражданскими правоотношениями, то и область определения гражданско-правовых последствий не исчерпывается динамикой одних только правоотношений.

*см. п. 483

Отрицательное определение понятия о событии как о всех тех явлениях реальной действительности, кроме тех, что подпадают под категорию действий, существенно затрудняет выявление положительных дефинитивных признаков события как понятия, а также предопределяет известные трудности в систематизации самих событий. Этимологически русское слово «событие» непосредственно связано со словом «бытие». Но если *бытие* обозначает всю окружающую действительность, во всем многообразии ее отдельных проявлений, их взаимодействии и взаимосвязи, то *событие* будет лишь одним из элементов бытия — неким *отдельно взятым явлением или происшествием*, оказывающим влияние на какие-либо стороны общественной жизни. Подобно тому как понятие «собственник» будет означать субъекта — обладателя права собственности, а понятие «сособственник» — одного из нескольких лиц, представляющих субъекта-собственника, точно так же и понятие события указывает на *элемент окружающего мира* (*элемент повседневности или бытия*), *который при помощи человеческого воображения и способности к абстрактному мышлению произвольно вычленяется из общей картины мира для достижения известных познавательных целей.* С подобной — общефилософской — точки зрения под понятие события подпадают буквально все элементы окружающей действительности, включая любые человеческие действия. Любое *нечто* представляет собой *событие*: все S суть P — это суждение классического (общеутвердительного) типа вполне точно характеризует объем понятия «событие». Юридической науке столь широкое одноименное понятие не требуется; отсюда — стремление к отрицательному определению событий как *всех тех обстоятельств реальной действительности, которые юридическое значение имеют, но понятием действия не охватываются.*

Если центральной задачей гражданско-правового регулирования является оценка общественных отношений, которые сами являются продуктом человеческих действий, то, спрашивается, как и почему то или другое гражданско-правовое значение приписывается известным *событиям*, т.е. таким обстоятельствам реальной действительности, которые к числу действий не относятся? В литературе уже давно на этот вопрос сформулирован такой ответ, который нам кажется вполне правильным. «...Действия людей и результаты их деятельности все-таки бывают подвержены отрицательному воздействию со стороны природы. Иногда сам человек является причиной наступления тех или других природных явлений: случайно для себя, дав толчок развитию определенных событий, он не в силах иногда оста-

новить их неумолимый ход, ход объективно существующей, но еще не достаточно познанной закономерности. ... — Использование законов природы не означает их устранения. Если те или другие явления могут быть предотвратимы, некоторые предсказаны, то остается еще весьма значительная часть таких явлений природы, которые управлению со стороны человека еще не поддаются. ... — Проблему правового регулирования юридических событий следует понимать не в том смысле, что *законодатель своим актом* стремится устранить проявление, наступление тех или других юридических событий, но в том плане, что он *устанавливает правовое регулирование поведения людей при наступлении определенных событий*»[491] (выделено нами. — *В. Б.*).

Весьма наглядно и объяснение поставленного вопроса, предложенное В. Б. Исаковым. «Рассмотрим для иллюстрации, — предлагает он, — такой юридический факт, как наводнение. Само по себе наводнение — закономерный результат цепи природных процессов. ... Но наводнение никогда не станет юридическим фактом, если не будет «пересечения» данной линии причинности с другой — процессом человеческой деятельности. В том случае, *если наводнение помешало, например, обвиняемому явиться по вызову следователя..., оно приобретает значение юридического факта*»[492] (выделено нами. — *В. Б.*). Наводнения (шире — вообще всякого события), *не оказавшего влияния на общественные отношения*, право попросту «не заметит».

Коротко говоря, гражданско-правовое значение событий объясняется тем *непосредственным фактическим влиянием*, которое они оказывают на *участников* общественных отношений, регулируемых гражданским правом, либо на *предметы* этих отношений. Это влияние побуждает людей к действиям, направленным на установление, изменение или прекращение известных общественных отношений. Задача законодателя — оценить пределы допустимости этих действий точно так же, как и любых других, т.е. показать людям, как *возможно* реагировать на те или иные события, как это *должно делать*, а как это делать *нежелательно* или вовсе *недопустимо*. При этом косвенно достигается и эффект правового регулирования в собственном смысле слова: ознакомившись с содержанием нормативно-правовой регламентации последствий известных событий, люди совершают свои дальнейшие действия, соразмеряя их с теми поведенческими моделями, что являются предметом юридических дозволений и запретов.

*см. п. 483 и 486

666. **Относительность понятия юридического события.** Выше* уже говорилось об относительности юридического понятия события: такое явление реальной действительности, как *человеческое действие*, иногда (для целей определенных правоотношений) может рассматриваться в качестве события. По этой причине нужно различать *двойственное употребление* словосочетания «юридическое событие».

---

491 *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 162, 163.

492 *Исаков В. Б.* Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 39.

Чаще всего юристы говорят о *событии в собственном* (*узком, или житейском, обыденном*) *смысле*, т.е. таком обстоятельстве реальной действительности, которое будет рассматриваться как событие *всегда*, применительно к любым фактическим и юридическим отношениям. Таковы многочисленные виды стихийных бедствий (землетрясения, ураганы, бури, извержения вулканов, пожары, вызванные ударами молний и т.п.).

Иногда говорят о событии *применительно к конкретному гражданскому правоотношению* — обстоятельстве реальной действительности, которое *само по себе* (с точки зрения обыденной) является *действием человека или коллектива людей*, но с точки зрения гражданского права, благодаря тому, что оно считает необходимым в известных целях *абстрагироваться* от этого его (волевого) происхождения, выглядит *событием*.

Вопрос о том, *почему* гражданское право так поступает, может иметь различные ответы; чаще всего оно абстрагируется от волевого происхождения события исходя из необходимости четкого отграничения одних гражданских правоотношений от других, без которого не может работать цепочка непосредственных гражданско-правовых причинно-следственных связей между фактами и последствиями*. Так, поджог, нарушение обязательства и нападение грабителей — это, вне всякого сомнения, действия; лицо, пострадавшее от поджога, нарушения обязательства или нападения будет разбираться, соответственно, с поджигателем, неисправным должником и нападавшими как с лицами, совершившими неправомерные вредоносные действия. Но для гражданско-правовых отношений пострадавшего с иными (третьими) лицами все перечисленные обстоятельства выглядят *событиями*; ни пострадавший в отношениях с этими иными лицами, ни эти последние в отношениях с пострадавшим не могут апеллировать к факту их «рукотворного» происхождения.

* см. п. 664(2)

Проиллюстрируем сказанное на примере с поджогом. Положим, интересующее нас лицо застраховало свой дом от пожара; положим, оно сдало также этот дом в наем на весеннее-летний период времени, получив часть наемной платы авансом. Незадолго до въезда нанимателя произошел поджог; дом сгорел. В отношениях пострадавшего со страховщиком, равно как и пострадавшего с нанимателем юридическое значение приобретет факт *пожара* (уничтожения дома огнем), т.е. *юридическое событие в его чистом виде*. Страховщик не сможет освободиться от обязанности выплаты страхового возмещения, ссылаясь на тот факт, что случившийся пожар стал следствием поджога, а не естественных причин, т.е. не был событием в собственном (узком) смысле этого слова[493]. Точно так же и сам потерпевший гражданин не сможет ссылкой на факт поджога снять с себя обязанность по возврату аванса, принятого от нанимателя в счет наемной платы[494]. В то же время с самим поджигателем (причинителем вреда) потерпевший будет разбираться как с лицом, совершившим противоправное, вре-

493 Исключая, разумеется, тот случай, когда страховщик докажет поджог, совершенный самим страхователем или с его ведома.

494 Разве только он смог бы доказать, что поджог был произведен самим нанимателем или с его ведома.

доносное и виновное деяние — гражданское правонарушение. В отношениях с ним будет обсуждаться не *пожар как событие*, но именно *поджог как действие*.

Кроме того, для гражданского права будут событиями некоторые из фактических обстоятельств, которым придается специальное юридическое значение нормами иных отраслей российского права. Так, например, *принятие закона или иного нормативного акта*, будучи, безусловно, действием, для участников любых гражданских правоотношений превратится в событие; *боевые и иные военные действия* (даже с терминологической точки зрения) со всеми сопровождающими их проявлениями (объявлением военного положения, ограничением передвижения, разрушением инфраструктуры, введением комендантского часа, обстрелами, бомбардировками, захватом пленных и т.п.) — вне всякого сомнения представляют собой действия, но гражданским правом будут рассматриваться как событие; сюда же относятся различного рода *забастовки, стачки* и *локауты*, народные *волнения* и *революции*, *демонстрации, митинги* и *шествия*, массовые *беспорядки, драки* и *столкновения*; *террористические акты*; *техногенные катастрофы, ставшие эффектом так называемого человеческого фактора*; *изменения ценовых и иных параметров экономической* (*рыночной*) *ситуации* (все они всегда становятся следствием действий отдельных лиц и их групп) и другие подобные обстоятельства. К этой же серии фактов-событий относится единообразная судебно-арбитражная практика применения гражданского законодательства и нормы иностранного права, подлежащие применению на территории РФ.

Отличительная черта подобных действий-событий — их совершение лицами, не относящимися к категории субъектов гражданского права, но располагающими при этом специальной отраслевой правосубъектностью (органами представительной государственной власти, армиями воюющих сторон и их формированиями, не оформленными (с точки зрения гражданского права) коллективами людей, «народом», органами судебной системы, иностранными государствами как субъектами международных отношений и международного публичного права и т.п.). Для сравнения: любые *преступления*, будучи такими деяниями, которые совершаются *конкретными гражданами*, т.е. лицами, правосубъектными не только в уголовно-правовом, но и в гражданско-правовом отношении, будут по общему правилу оставаться *действиями*.

667. **Абсолютные и относительные события.** По О. А. Красавчикову юридические события, хотя и представляют собой явления, не зависящие от человеческой деятельности, все-таки находятся с нею *в известном соотношении*, а именно — могут быть вызваны этой деятельностью — вспомним* цитированный текст о том, как человек, давший, быть может, случайный толчок развитию определенных событий, «...не в силах иногда остановить их неумолимый ход, ход объективно существующей, но еще не достаточно познанной закономерности». Следовательно, рассуждает ученый, «...основное разграничение юридических событий проходит по признаку обусловленности их возникновения действиями людей. В силу этого

*см. п. 665

различаются *абсолютные* и *относительные* юридические события. — Под *абсолютным юридическим событием* понимается явление как не вызванное деятельностью людей, так и наступающее помимо той же деятельности. Под *относительным юридическим событием* понимается явление, вызываемое деятельностью людей, но выступающее независимо от причин, его породивших»[495].

Искусственный характер этой классификации, что называется, режет глаз.

Прежде всего посмотрим, откуда она взялась; что побудило ученого ее предложить. Поднимемся по его монографии несколькими страницами выше, к началу исследования понятия юридических событий. Открывая таковое, О. А. Красавчиков заметил следующий факт: «...в нашей литературе распространенным является мнение, что события как юридические факты не имеют дальнейших подразделений и потому в одну рубрику входят такие события, как рождение и наводнение, смерть, наступившая в результате убийства, и пожар, возникший в результате удара молнии, и т.д. и т.п.»[496]. Такое (нельзя не согласиться — несколько неестественное) положение вещей его не устроило; результатом изучения им различных вариантов наступления такого события, как смерть человека, и стали цитированные выше глобальные выводы относительно разделения событий на абсолютные и относительные. Иными словами, классификация эта была предложена, по большому счету *просто потому, что никакой другой классификации событий ко времени О. А. Красавчикова попросту не существовало*! Коротко говоря — от безысходности[497]. То, что с течением времени она получила практически всеобщее признание в нашей литературе и по сию пору составляет «центр тяжести» общетеоретического учения о классификации юридических событий, свидетельствует только о чрезвычайной лености нашей научной цивилистической мысли и полном отсутствии в нашей последующей литературе каких-либо научных разработок по вопросу о систематизации гражданско-правовых событий.

Высказанные критические замечания не отменяют необходимости объяснения отмеченной нашим почтенным оппонентом несообразности. Рождение и наводнение, смерть от старости и смерть от убийства, пожар от удара молнии и от поджога — действительно слишком разные фактические обстоятельства, чтобы мирно сосуществовать в рамках одного родового понятия. Но этого сосуществования и не требуется! Вполне достаточно установить, что слово «событие» употребляется в гражданском праве в *двух различных зна-*

---

495 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 169—170.

496 Там же. С. 164.

497 Позволим себе заметить также и то, что самой главной проблемы — смущающей его неоднородности различных событий — ученый в итоге так и не снял. Все перечисленные им события — «рождение и наводнение, смерть, наступившая в результате убийства, и пожар, возникший в результате удара молнии, и т.д. и т.п.» — несмотря на свою разнородность, так и остались *событиями*. От того, что они были разнесены по двум *видовым* (промежуточным) понятиям, они не выбыли из понятия *родового*.

*см. п. 666

чениях — 1) в обыденном и 2) в юридическом — после чего все само собой встает на свои места*. Пожар от удара молнии — это *событие как в обыденном, так и в юридическом смысле*, в то время как пожар от поджога — это тоже *событие, но только в юридическом смысле*, т.е. событие для целей обсуждения известных правоотношений. Главное же состоит в следующем: как только мы отдаем себе отчет в том, что мы говорим о событиях в двух различных смыслах, у нас снимается основное затруднение — пожар от поджога и пожар от удара молнии больше не принадлежат к одной родовой категории (так же как наводнение и рождение, смерть от старости и смерть от убийства и т.д.).

Можно копнуть и несколько глубже. Противопоставление абсолютных и относительных событий (событий в житейско-юридическом и только юридическом смысле) осуществляется по критерию той *причины*, которой они были вызваны. Но что же представляет собой эта причина, как не ... самостоятельный юридический факт? Пожар от удара молнии — это же не один единый факт, но *два последовательных факта, каждый из которых является событием*: 1) удар молнии; 2) пожар. Пожар от поджога — тоже *сложный фактический состав*, первым фактом в котором является *действие*, а вторым — *событие*: 1) поджог и 2) пожар. Выходит, что разграничение событий на *абсолютные* (возникающие и развивающиеся независимо от человеческой воли) и *относительные* (возникающие по воле человека, но в дальнейшем развивающиеся самостоятельно), проводимое по О. А. Красавчикову[198], является следствием нежелания (неспособности, неумения) провести вполне естественное, хотя и чисто умозрительное разделение *двух различных юридических фактов*. То, что на практике эти обстоятельства реальной действительности оказываются слиты не просто весьма тесно, но неразрывно — отнюдь не основание для того, чтобы возражать против их расчленения в научно-исследовательских целях.

Возьмем такое «относительное событие», как *насильственная смерть*: она наступает из-за (2) *происходящих в организме жертвы патологических процессов природного* (*объективного*) *свойства*, вызванных (1) *действиями убийцы*. Располагая названные здесь *два разных юридических факта* в хронологическом порядке, мы должны говорить, во-первых, 1) об *убийстве* (действии) и, во-вторых, 2) о *смерти* (событии). Об этом свидетельствует хотя бы то, что данные факты порождают *различные* юридические последствия. Так, например, прекращение брака убитого и открытие наследства — правовые последствия *любой смерти*, неважно, по какой причине (из-за убийства или чего-то другого) наступившей. Возникновение же различного рода уголовно-правовых последствий, а также деликтных правоотношений (по возмещению вреда, причиненного смертью кормильца) — последствия *убийства* (действий делинквента, ставших причиной смерти потерпевшего).

Между прочим, при таком и только таком подходе получает объяснение такое принципиальное понятие цивилистической науки, как *гражданское правонарушение*** . Что, спрашивается, представляет со-

**п. 479, § 2 гл. 22

498 Или противопоставление событий в житейском смысле событиям в смысле юридическом (по нашим воззрениям).

бой фактический состав, именуемый *гражданским правонарушением*, как не последовательность двух фактов — 1) действия (*противоправного деяния*) и 2) событий (*возникновения у потерпевшего имущественного или морального вреда*)? Только точное различение двух разных (хотя и непосредственно связанных) юридических фактов в составе гражданского правонарушения дает возможность обосновать двойственность начал института юридической ответственности — ответственности *за сами действия* (по принципу вины) и ответственности *за события, вызванные действиями* (ответственность по принципу причинения, т.е. без вины).

668. **Проблема классификации событий.** Глобальный объем общефилософского понятия «событие», вбирающего в себя буквально все многообразие явлений реальной действительности, с одной стороны, и отсутствие положительных признаков понятия юридического события — с другой, чрезвычайно затрудняют построение хотя бы сколько-нибудь исчерпывающей юридически значимой классификации событий.

1) Выше мы видели, что разделение событий на **относительные** и **абсолютные**, предложенное О. А. Красавчиковым, в действительности оказывается разделением *не самих событий, а вызвавших их причин*. Причинами же событий могут стать либо действия, либо другие события. По своему содержанию данное деление, стало быть, полностью повторяет традиционное разбиение юридических фактов на действия и события.

2) Точно так же не может «идти» классификация юридических событий на **правомерные** и **неправомерные** с точки зрения их соответствия требованиям закона (правопорядку), проводившаяся в свое время некоторыми дореволюционными юристами. Тем же О. А. Красавчиковым было совершенно правильно замечено, что такое разделение могло бы быть обосновано только заведомо неправильными методологическими установками[499]. Ученый не расшифровывает, в чем состоит неправильность, но это кажется очевидным: события (в отличие от действий) не могут быть приурочены к какому-либо определенному лицу[500] и, следовательно, не могут быть кому-либо вменены.

---

499 См.: *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 163—164.

500 Это обстоятельство исключает разделение событий на правомерные и неправомерные по критерию, предложенному нами, — по содержанию и характеру тех правовых оценок (последствий), которые закон связывает с событиями. Если действие всегда приурочивается *к известному лицу*, что дает возможность оценивать связываемые с ним правовые последствия как позитивные (желательные) или негативные (нежелательные) *для этого* (*действующего*) *лица*, то событие может быть приурочено в равной степени ко всякому и каждому, или не приурочено ни к кому. Одно и то же событие для одних лиц породит желательные правовые последствия, для других — нежелательные; следовательно, с этой точки зрения каждое событие будет в одно и то же время и правомерным (желательным) и неправомерным (нежелательным) фактом.
Больше того, одно и то же событие может оказать многоплановое гражданско-правовое влияние даже на правовую сферу одного и того же лица. Вспомним пожар, уничтоживший застрахованный дом: событие это будет, с одной стороны, в правовом отношении нежелательным (для страховой компании, которой придется платить страховое вознаграждение потерпевшему), с другой — желательным (для выгодоприобретателя по договору страхования). В то же время если выгодоприобретатель➲

Невозможность же вменения исключает и возможность оценки событий как правомерных или неправомерных фактов.

*см. п. 666

3) Подмеченная нами выше относительность значения слова «событие»* как будто толкает нас к выводу о возможности разделения событий на **факты, всегда являющиеся событиями** (собственно события) и **факты-действия, которые для определенных целей признаются событиями**, рассматриваются как события (события-действия). В действительности здесь речь идет не о классификации, но о простой двойственности словоупотребления, употреблении слова-омонима.

4) В. Б. Исаков (судя по всему, отчаявшись в попытках построить хоть какую-нибудь собственно юридическую классификацию событий) предложил правоведению заимствовать многочисленные **классификации событий, предложенные исторической наукой**, а именно — выделить события «...по происхождению — природные (стихийные) и зависящие в своем происхождении от человека; в зависимости от повторяемости события — уникальные и повторяющиеся (периодические); по протяженности во времени — моментальные (происшествия) и протяженные во времени (явления, процессы); по количеству участников — персональные, коллективные, массовые; с определенным и неопределенным количеством участвующих лиц; по характеру наступивших последствий — обратимые, необратимые и др.»[501]. Не отрицая ценности ни одной из этих классификаций, мы все же позволим себе заметить, что без точного указания сферы и пределов применения (юридического значения) каждой из них ни одна из предложенных классификаций сама по себе не может быть перенесена в юриспруденцию.

Каких-либо еще классификаций событий, предложенных учеными-юристами, нам, к сожалению, неизвестно; что же касается наших собственных предложений, то они будут следующими.

5) Представляется целесообразным классифицировать юридические события по признаку того *элемента общественных отношений, который становится предметом их непосредственного влияния*. По этому критерию следует выделить события **субъектного, объектного и смешанного влияния**. Рождение человека — исключительно субъектное событие; смерть — смешанное (субъектно-объектное); разнообразные стихийные бедствия, техногенные катастрофы, ошибки и оплошности граждан — все это также события преимущественно смешанного плана, поскольку их негативное воздействие испытывают на себе как объекты фактических отношений, регулируемых гражданским правом, так и их участники (субъекты). Примерами юридических событий чисто объектного свойства могут быть *смешение или сбережение вещей*, приводящее к неосновательному обогащению, *утрата или конструктивная гибель индивидуально-определенной вещи*. В непосредственной зависимости от предмета влияния находится *характер гражданско-правовых последствий* тех или иных событий:

➲совпадает в одном лице со страхователем, то рассматриваемое событие будет для него *и желательным* (потому что оно влечет возникновение у него права требовать выплаты страхового возмещения) *и нежелательным* (потому что оно привело к прекращению его права собственности на дом).

501 *Исаков В. Б.* Указ. соч. С. 40.

с событиями субъектного свойства связываются последствия, относящиеся к области гражданской правоспособности, личных прав, нематериальных благ и правоотношениям компенсации; с событиями объектного свойства — имущественно-правовые последствия, в том числе правоотношения собственности, обязательств и возмещения.

6) С точки зрения *сферы своего существования* следует разграничить **события пространственные и временные, с одной стороны, а также природные, органические (биологические) и социальные (в том числе правовые) — с другой.** Бытие можно «резать» с помощью различных критериев на самые различные сферы, но, думается, что для гражданского права важно препарировать его при помощи двух следующих инструментов — с точки зрения того, как элементы бытия позиционируются 1) в пространственно-временном и 2) в социально-биологическом континуумах.

Разнообразные природные явления, биологические и социальные процессы (подобные тем, что были рассмотрены* представляют собой *события*, происходящие в едином пространственно-временном континууме. Они «привязываются» (приурочиваются) к известным географическим районам (координатам), а также к известной временно́й точке или временно́му отрезку. Характеризуя подобные обстоятельства, мы должны описать 1) то место *где* и 2) то время, *когда* таковые происходили. Назовем эти обстоятельства *пространственными* событиями. *Время в целом* и его отдельные (в том числе произвольно установленные) промежутки, называемые *сроками*, хотя и представляют собой неразрывное единство с пространством, но для целей социальной жизни, в том числе гражданского оборота, воспринимаются как нечто самостоятельное, независимое от пространства. Течение времени и его промежутков (сроков) мы назовем событиями *темпоральными* (временными)[502].

*см. п. 666

Процессы и явления, происходящие в человеческих сообществах различных типов (как оформленных, так и не оформленных с гражданско-правовой точки зрения), будут событиями *социальными*; их частным случаем будут являться *правовые события*, в том числе случаи возникновения, изменения и прекращения гражданской правоспособности известных лиц, а также гражданских правоотношений (гражданско-правовые события). Им будут противостоять процессы и явления, происходящие *в природе*, с одной стороны — в неживой (природные события в широком смысле слова), с другой — в живой природе, в том числе в человеческом организме. Первые будут событиями *природными*, вторые — *органическими* (биологическими).

Основное значение этой классификации — учебно-методическое. Она позволяет систематизировать на первый взгляд случайно вычленение основные виды юридических событий, расположив их в клетках следующей (довольно своеобразной) таблицы, сконцентрировать внимание на тех из них, что действительно значимы для гражданского права и отсечь события, для юриста интереса не представляющие.

Именно в соответствии с этой систематикой находятся виды событий, наиболее часто выделяемые на практике. На приведенной ниже

502 Далее (при изучении сроков) мы покажем условность разделения событий на пространственные и темпоральные.

схеме прямоугольником «толстого точечного» контура (·····) обозначены события, обыкновенно рассматриваемые практикой как *обстоятельства непреодолимой силы* (форс-мажорные обстоятельства), и *случайные обстоятельства*, являющиеся основаниями для освобождения от гражданско-правовой ответственности (исключающие возникновение обязанностей возмещения и компенсации). Прямоугольником штрихового контура средней толщины (– – – –) обозначены юридические события, приводящие к возникновению либо *имущественного вреда*, либо *неосновательного обогащения*. Наконец, прямоугольником тонкого и смешанного (штрих-точечного) контура (— · — ·) обведены события, известные в гражданско-правовой литературе под именем *сроков*.

	События пространственные	События временные
События природные	**Стихийные бедствия**	**Течение времени**
События социальные	**1. Действия неправосубъектных образований** **2. Возникновение, гибель или сохранение индивидуально-определенных вещей**	**Начало, течение и истечение сроков**
События биологические	**Процессы, происходящие в человеческом организме**	—

Сказанным вполне определяется план дальнейшего изложения: нашему рассмотрению подлежат 1) события, относимые к разряду *обстоятельств непреодолимой силы* и *случаев*; 2) события, составляющие случаи *неосновательного обогащения*; 3) *сроки*, среди которых особое место занимает *исковая давность*.

События, заключающиеся в *возникновении вреда*, нами не рассматриваются, поскольку само по себе возникновение вреда в чьем-либо имуществе не имеет гражданско-правового значения. Как мы уже знаем, гражданское право «замечает» случаи возникновения лишь такого имущественного вреда, который является следствием противоправного деяния и включается в состав гражданского правонарушения*. То же касается и *биологических процессов, происходящих в человеческом организме*: по общему правилу они проходят мимо внимания гражданского права, за исключением тех случаев, когда они 1) приводят к возникновению, изменению или прекращению гражданской правоспособности физических лиц — субъектов гражданских правоотношений, либо 2) носят вредоносный характер и являются следствием противоправного деяния (деликта или нарушения обязательства). Биологические события первого типа уже были предметом нашего рассмотрения**; второго — еще будут обсуждаться в рамках вопроса об объеме и условиях возмещения вреда, причиненного смертью кормильца и повреждением здоровья.

*см. § 2 гл. 22

**см. п. 299–301

§ 2. Случай и непреодолимая сила (п. 669—671)

669. **Понятия случая и непреодолимой силы.** *Случаем* в гражданском праве называется *чрезвычайное* (*т.е. непредвидимое*) *при данных условиях событие в широком смысле слова, ставшее причиной*[*] *совершения частным лицом противоправных вредоносных действий. Обстоятельство* же *непреодолимой силы* (vis major, force-majeure, act of God) считается специальной (квалифицированной) разновидностью случая, а именно — таким *событием*, обусловившим совершение противоправного вредоносного деяния, *наступление которого нельзя не только предвидеть, но и* (*при данных конкретных условиях*) *нельзя предотвратить*. Из такого соотношения понятий заключают, что избежать вредоносных последствий *простого случая* нельзя уже потому, что сам случай невозможно предвидеть; если бы такое предвидение было бы возможно, то оно позволило бы заинтересованному лицу подготовиться к его наступлению и, обеспечив свои законные интересы адекватными ситуации способами, упредить необходимость совершения противоправных действий с вредоносными последствиями[503]. Наступлению же вредоносных последствий *квалифицированного случая* (непреодолимой силы) одно только предвидение самого этого случая воспрепятствовать неспособно[504]: даже если обстоятельство непреодолимой силы и возможно было бы предвидеть, то *это все равно не позволило бы избежать противоправных действий, приводящих к вредоносным последствиям при наступлении такого обстоятельства.*

[*] см. п. 644

> Главный герой романа В. С. Пикуля «Честь имею» рассказывал следующее: «...я частенько вспоминаю знаменитого бильярдного игрока Рейхардта, известного своим мастерством во всех столицах мира; когда-то, играя на деньги, он гастролировал и в клубах Петербурга. С ним произошло как раз такое, когда *судьба явила ему игру*

503 Существо случая очень хорошо описывается известной русской поговоркой: «Знал бы где упасть — соломки б подстелил».

504 Таким образом критерии *возможности предвидения* и *возможности предотвращения* выступают ответом на вопрос, поставленный еще в русской дореволюционной литературе — о границах понятия случая и непреодолимой силы. «В силу противоположности: все, что имеет место sine culpa, есть случай (casus) — мы должны понимать под событиями, характеризуемыми в источниках терминами damnum fatale или vis major, не что иное, как особые, определенные виды случая. ... — Вся задача сводится ... к отысканию точного критерия, на основании которого данное событие могло бы быть отнесено либо к группе, так сказать, простых случаев, либо к группе тех, которые должны быть подведены под понятие damnum fatale или vis major» (*Пассек Е. В.* Понятие непреодолимой силы (vis major) в гражданском праве // Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 200, 201). «Все юристы согласны в том, что понятие "непреодолимой силы" есть вид родового понятия "случая", противополагаемого понятию вины. Но что такое "непреодолимая сила" (vis major)?» (*Яблочков Т. М.* Понятие непреодолимой силы в гражданском праве. Ярославль, 1911. С. 3).

волшебного рока. Это случилось в Париже; однажды вечером, почти накануне его свадьбы, Рейхардт сидел дома. Машинально поставил шар на поле бильярда и крепким ударом направил его в лузу. Но удар был настолько силен, что шар, отразившись от борта, вылетел в открытое окно на улицу. Он упал на стеклянную крышу оранжереи соседнего дома, пробил ее и попал в комнату чужой квартиры, расколотив при этом драгоценную сервскую вазу, за которой завтра должны были прийти, чтобы забрать ее в музей Лувра. Звон и грохот испугали беременную кошку, которая сладко дремала в корзине возле этой вазы. Выпрыгнув из корзины, эта бестия уронила лампу, отчего в доме возник пожар. Невеста Рейхардта была как раз дочерью владелицы этого дома. Пожилая женщина, увидев пламя, тут же скончалась от разрыва сердца. После чего, когда дом догорел, невеста отказала Рейхардту в своей руке и своем сердце... — *Сцепление роковых обстоятельств*, — делает рассказчик философское заключение, — очевидно, всегда будет иметь влияние на судьбу человека...»[505] (выделено нами. — *В. Б.*). Подобные «игры» судьбы, рока, фатального стечения обстоятельств и будут классическими примерами *случаев*. Возможность их предвидения будет способствовать более осторожному отношению к совершаемым лицом действиям, которое, в свою очередь, окажется способным к предупреждению вредоносных последствий действия случая.

Что же касается обстоятельств непреодолимой силы, то к ним относятся в первую очередь различного рода природные катаклизмы, возникновение, развитие и эффект которых никто не может с точностью не только предсказать (предвидеть), но и предотвратить. Весьма показательным событием этого рода стало *извержение вулкана* Эйяфьятлайокудль в Южной Исландии, начавшееся 14 апреля 2010 г.: облако выброшенного вулканом пепла, поднявшееся над Исландией, было снесено *северо-западным ветром* на континентальную Европу, что парализовало воздушное сообщение практически во всей Западной и Северной Европе и привело к миллиардным убыткам авиакомпаний[506].

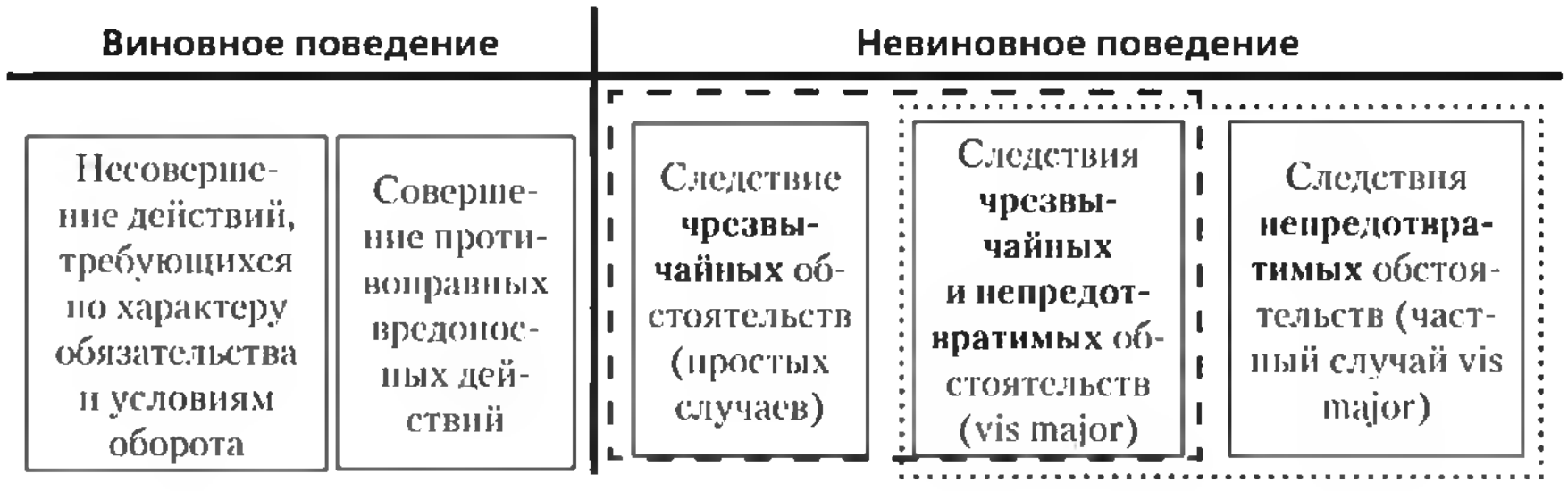
Между прочим, пример с извержением вулкана Эйяфьятлайокудль позволяет уточнить, что понятие обстоятельств непреодолимой силы не является однородным. Рассмотрим *само извержение и последовавший вследствие него выброс пепла*: *ни того, ни другого, конечно, нельзя было ни предвидеть, ни предотвратить*. Современная наука не позволяет с достаточной точностью предсказать ни сами будущие извержения вулканов, ни силу, ни характер, ни последствия таковых (будут ли они сопровождаться выбросами пепла или камней, потоков лавы и т.д.). Извержение с выбросом пепла — обстоятельство непреодолимой силы *в классическом его понимании*, т.е. квалифицированная разновидность случая. Вредоносное влияние этих событий на человеческую деятельность ограничилось только районом самого извержения и в общеевропейских (тем более — планетарных) масштабах осталось незначительным. Что же касается *северо-западного ветра*

505 *Никуль В. С.* Честь имею. URL : http://www.erlib.com.

506 См., например, сообщения об этом на сайте http://www.forbesrussia.ru.

(снесшего облако пепла на юг и восток), то *его возникновение, хотя и можно было предвидеть* (предсказать) с достаточной степенью точности (причиной регулярного возникновения таких ветров является, как известно, огибающее Исландию теплое течение Гольфстрим), *невозможно было предотвратить*. Основная же масса вредоносных последствий (невозможность выполнения авиаперевозок на принятых для этой цели высотных эшелонах) была вызвана именно этим самым северо-западным ветром. Если подойти к его оценке с позиций традиционной теории, то его никак нельзя будет признать обстоятельством непреодолимой силы, поскольку возникновение такого ветра *можно было предвидеть*. Тем не менее ясно, что ни одно законодательство не посчитает возможным возложить на авиакомпании ответственность за убытки, причиненные своим клиентам несостоявшимися перевозками. Это означает, что обстоятельствами непреодолимой силы должны считаться не только такие обстоятельства, возникновение которых невозможно было предвидеть, а последствия предотвратить, но и те, что соответствуют только одному (последнему) критерию. Как само *извержение с выбросом пепла* (событие и непредвидимое и непредотвратимое), так и *северо-западный ветер, снесший вулканического облако пепла на Европу* (событие хотя и предвидимое, но тоже непредотвратимое), должны рассматриваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы.

Сказанное может быть предметом следующего схематического изображения:

Из приведенной схемы видно, что *случаем делает чрезвычайность*, т.е. *невозможность предвидения*. Две разновидности случая — простой и квалифицированный — объединены рамками прямоугольника штрихового контура средней толщины (– – – –). Напротив, обстоятельством непреодолимой силы делает именно *непреодолимость*, т.е. *невозможность предотвращения* ни самого события, ни его вредоносных последствий. На схеме две эти разновидности vis major очерчены прямоугольником «толстого точечного» контура (·····). Из схемы также видно, что обстоятельства, которые обладают *обоими признаками*: и чрезвычайностью и непредотвратимостью — при данных условиях, относятся в одно и то же время как к случайным обстоятельствам, так и к обстоятельствам непреодолимой силы.

670. **Гражданско-правовое значение случая и непреодолимой силы.** Вопрос о гражданско-правовом значении событий, квали-

фицируемых в качестве случаев или обстоятельств непреодолимой силы, считается принадлежащим прежде всего к проблематике освобождения от ответственности за причинение вреда, прежде всего — при нарушении обязательств, в связи с которыми он обыкновенно и рассматривается. Это видно уже из приведенной выше схемы, где воздействие случайных обстоятельств и обстоятельств непреодолимой силы на поведение субъектов гражданских отношений (участников гражданского оборота) отнесено к разряду *таких юридических фактов, которые исключают возможность вменения им этих действий*. Действия, совершаемые вследствие воздействия случайных обстоятельств и обстоятельств непреодолимой силы, считаются совершенными *невиновно*[507].

Так, само определение обстоятельств *непреодолимой силы* как «чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» дается нашим законодательством в связи с вопросом об основаниях ответственности за нарушение обязательств (п. 3 ст. 401 ГК (общее правило) и п. 3 ст. 358, п. 2 ст. 476, п. 2 ст. 794, п. 3 ст. 781, п. 1 ст. 795, п. 3 ст. 896, п. 1 ст. 901, п. 3 ст. 922, п. 2 ст. 925, п. 1 ст. 1022, п. 1 ст. 1079, ст. 1098 ГК (отдельные случаи[508])). Из этих же — обязательственно-правовых — норм выводится и понятие о *случае*: так, п. 1 ст. 405 (а также п. 2 ст. 705 ГК) возлагают на просрочившего должника по обязательству ответственность за последствия случайной невозможности исполнения, наступившей в период просрочки; напротив, п. 1 ст. 416 ГК содержит общее правило о том, что вследствие невозможности исполнения, наступившей случайно в период действия обязательства последнее прекращается, причем, без необходимости, с одной стороны, должника отвечать за его нарушение, а с другой — кредитора исполнять встречные обязанности[509].

---

507 «Признак отсутствия вины есть ... крайняя отрицательная граница понятия случая, там, где поднимается вопрос о гражданской ответственности одного лица перед другим» (*Нассек Е. В.* Указ. соч. С. 199—200). В том же смысле см.: *Павлодский Е. А.* Случай и непреодолимая сила в советском гражданском праве. М., 1978. С. 29, 33—34.

508 Некоторые из этих норм относят к числу оснований освобождения от гражданско-правовой ответственности не только сами обстоятельства непреодолимой силы, но и некоторые другие обстоятельства, главным образом находящиеся в сфере ведения и контроля другой стороны. Так, например (п. 2 ст. 476 ГК) продавец может освободиться от ответственности не только за те недостатки товара, что возникли после передачи им товара покупателю вследствие действия обстоятельств непреодолимой силы, но и за недостатки, возникшие после этого момента вследствие «...нарушения покупателем правил пользования товаром или его хранения, либо действий третьих лиц». Иными словами, подобные нормы несколько облегчают предпринимательскую ответственность, предусмотренную п. 3 ст. 401 ГК.

509 Исключение составляет случай, предусмотренный п. 3 ст. 769 ГК, относящийся к случайной невозможности исполнения договоров на выполнение НИР и ОКТР: такой риск возлагается на заказчика работ и выражается либо в обязанности оплатить фактически выполненные научно-исследовательские работы (ст. 775) либо в обязанности возместить фактически понесенные исполнителем затраты по выполнению опытно-конструкторских или технологических работ (ст. 776).

Между тем область гражданско-правового значения понятия *случая* несравненно шире. В ГК мы находим нормы и о casus и о vis major, никак не связанные с нарушением каких-либо обязательств.

1) Что касается **случая**, то тут должны быть отмечены, в частности, ст. 205 ГК, позволяющая суду восстановить (по ходатайству заинтересованного лица) исковую давность, пропущенную гражданином «по уважительной причине», т.е. в том числе и давность, пропущенную *случайно*; затем ст. 211 ГК, возлагающая риск *случайной* гибели или *случайного* повреждения имущества на его собственника, а также нормы п. 1 ст. 344, подп. 3 п. 1 ст. 351, ст. 459, п. 2 ст. 563, п. 3 ст. 587, ст. 595, 600, п. 1 ст. 612, п. 4 ст. 614, подп. 4 ст. 620, ст. 669, 696, п. 2 ст. 698, ст. 705, п. 7 ст. 720, ст. 741, 742, 813, п. 2 ст. 893 конкретизирующие и в ряде случаев видоизменяющие (порой весьма существенно) этот принцип; п. 2 ст. 406 ГК, освобождающий от возмещения мораторных убытков впавшего в *случайную просрочку* кредитора; п. 2 ст. 1104 ГК, возлагающий ответственность за любые (в том числе случайные) ухудшения неосновательно приобретенного или сбереженного имущества на его недобросовестного приобретателя; п. 1 ст. 1359 ГК, выводящий из-под понятия нарушения патентных прав случаи использования запатентованных объектов промышленной собственности в конструкции, вспомогательном оборудовании или при эксплуатации транспортных средств и космической техники, которые находятся на территории РФ *случайно*; п. 2 ст. 1472 ГК, освобождающий от ответственности лицо, *случайно* проникшее в существо чужого ноу-хау. Из юридической речи в обыденную уже давно перекочевали такие словосочетания, как «страховой случай», «несчастный случай», «случай потери кормильца».

Все выше перечисленные нормы, оперирующие категорией случая, преследуют единую цель: *определить, кто является субъектом-носителем риска случайного наступления неблагоприятных имущественных последствий*[510]. Чаще всего таким субъектом является обладатель того имущественного права, объект которого рискует быть случайно утраченным или поврежденным. Таковы широко известные нормы, возлагающие риск случайной гибели или повреждения вещи *на ее собственника — обладателя того имущественного права, объектом которого является подвергающаяся риску вещь*; таковы же нормы, исключающие ответственность за случайное нарушение обязательств, т.е. оставляющие риск случайного наступления неблагоприятных для кредитора имущественных последствий *на самом кредиторе — обладателе случайно нарушенного права.* Очевидно, законодатель исходит из принципа, согласно которому *бремя случайных неблагоприятных имущественных последствий возлагается на лицо, приобретающее основные выгоды от осуществления прав*

---

510 Собственно, именно это — *возникновение вреда* как неблагоприятного имущественного последствия случая (damnum fatale) — и является, строго говоря, тем самым событием, которое интересует гражданское право. Сам casus (случай) «замечается» правом лишь постольку, поскольку он становится причиной данного (юридически значимого) события (возникновения вреда). Точно так же обстоит дело и с обстоятельствами непреодолимой силы: сами по себе они (vis major) гражданскому праву безразличны; интересуют же его *вредоносные последствия* наступления этих обстоятельств (damnum fatale).

на соответствующий имущественный объект. Разумеется, из этого правила возможны исключения: законодатель может заставить некоторых лиц принимать на себя и нести риск случайной гибели чужих вещей. Именно так он поступает, в частности, с лизинго- и ссудополучателями и хранителями; по идее, также он должен был бы поступить и с перевозчиками. При ближайшем их анализе видно, что исключения эти либо являются продуктом последовательного проведения в жизнь выявленного здесь принципа, либо диктуются существом соответствующих отношений. Так или иначе субъект, несущий на себе риск случайных вредоносных последствий, определяется по принципу «кто заинтересован в предотвращении таких последствий — тот и несет риск их наступления».

2) Значение **обстоятельств непреодолимой силы** по нашему законодательству менее многообразно, но также не ограничивается одной только ролью оснований освобождения должника от ответственности за нарушение обязательств, а деликвента — от ответственности за причиненный вред. Согласно подп. 1 п. 1 ст. 202 ГК действие обстоятельства непреодолимой силы, воспрепятствовавшее предъявлению иска, является *основанием для приостановления течения исковой давности* на все то время, в течение которого будет сохраняться то препятствие, что порождено данным обстоятельством (п. 3 той же статьи). Аналогичное значение имеют обстоятельства непреодолимой силы в вексельном праве: согласно ст. 54 Положения о переводном и простом векселе, утвержденного постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 № 104/1341, «если предъявлению переводного векселя (к акцепту или платежу. — *В. Б.*) или совершению протеста в установленные сроки мешает непреодолимое препятствие (законодательное распоряжение какого-либо государства или другой случай непреодолимой силы), то эти сроки удлиняются»; при этом «...после прекращения действия непреодолимой силы векселедержатель должен без задержки предъявить вексель к акцепту или к платежу и, если будет нужно, совершить протест». Однако «...если действие непреодолимой силы продолжается свыше тридцати дней после срока платежа, то для осуществления регресса не являются необходимыми ни предъявление векселя, ни совершение протеста».

671. **Теории непреодолимой силы (объективная, субъективная и случайной причинности).** Выше* было сказано, что, с одной стороны, вопрос о разграничении непреодолимой силы и случая представляет собой центральный и вызывающий наибольшие затруднения аспект в построении общего учения о данных понятиях, и что, с другой стороны, мы принимаем за критерий разграничения возможность предотвратить наступление либо самого фактического обстоятельства, либо его вредоносных последствий. Но что означает словосочетание «возможность предотвратить»? О чьей возможности идет речь? — о возможности конкретных лиц в конкретной ситуации? о возможности «среднего человека» («хорошего хозяина», «обычного предпринимателя») в обстоятельствах соответствующего рода? или же о принципиальной (объективной) возможности?

*см. п. 669

Разночтения в ответах на этот вопрос сложились уже в дореволюционной литературе. «Одни юристы, — писал Т. М. Яблочков, —

определяют "непреодолимую силу" как "такое вредоносное событие, которое, несмотря на крайнюю старательность не может быть *субъективно* предотвращено, т.е. не может быть предотвращено мерами и средствами данного предприятия". ... Другие же юристы вносят в это определение поправку: непреодолимая сила есть *объективно* непредотвратимое вредоносное событие. ... Эти определения кладут начало двум большим течениям в научной литературе по вопросу о сущности "непреодолимой силы": теориям "субъективным" и теориям "объективным"»[511]. Он же изложил и основные претензии к каждому из этих направлений[512]: 1) направление *субъективное* «не годится», поскольку усматривает причину непредотвратимости в *экстраординарном* (внезапном, нечаянном, т.е. непредвиденном) характере обстоятельства, а такой подход не просто не позволяет разграничить vis major со случаем, но и напротив, приводит к отождествлению одного с другим; 2) направление же объективное, «...исходящее из идеи, что vis major есть "Божья сила", "θεοδ βια"», «...бесконечно суживает понятие vis major и ведет к чрезмерному расширению ответственности...»[513]. Обе же эти теории, по мнению ученого, «...неизбежно ведут к просто виновной ответственности, ибо все они касательно требуемого сопротивления событию принимают в расчет не коротко определяемый [непосредственно перед вторжением силы], а неопределенный промежуток времени, а потому они должны были вернуться к вопросу, *могло ли* (по условиям оборота. — *В. Б.*) *данное событие быть предотвращено* (обязанным субъектом. — *В. Б.*), или нет»[514] (последнее выделение наше. — *В. Б.*), т.е. к вопросу о *вине обязанного лица*.

Взамен раскритикованных двух классических направлений ученый выдвинул теорию, которая позднее (в советской литературе[515]) получила наименование *теории случайной причинности*. «Мы настаиваем на том, — пишет Тихон Михайлович, — что строить понятие vis major надо негативным путем: путем исключения. Мы устанавливаем, *за что* отвечает данное лицо или предприятие. *Все, что не связано причинной связью с этим основанием усиленной ответственности, есть vis major*. ... — Vis major есть явление не "непреодолимое", а такое, которое стоит вне причинной связи со сферой эксплуатации... Прервать причинную связь может и не сила природы. При суждении о vis major мы пользуемся не естественно физическими понятиями, а понятиями и воззрениями оборота»[516]. Рассматривая пример ограничения пределом непреодолимой силы ответственности железных

511 *Яблочков Т. М.* Указ. соч. С. 3—4.

512 См.: Там же. С. 6—20 (про субъективные теории), 21—32 (про объективные теории).

513 Там же. С. 30—31, 32.

514 Там же. С. 30.

515 Так называет ее, например, Е. А. Павлодский (Указ. соч. С. 55—66), приурочивающий саму теорию, кстати, к взглядам советского ученого Д. М. Генкина. Работа Т. М. Яблочкова им только упоминается, но приоритет в деле выдвижения теории случайной причинности ей не воздается. Такой подход тем более странен, что позицию Т. М. Яблочкова успели разделить и другие дореволюционные ученые, в частности М. Я. Пергамент, брошюру которого «Война и непреодолимая сила» (1914) Е. А. Павлодский использует (Указ. соч. С. 56).

516 *Яблочков Т. М.* Указ. соч. С. 33, 34.

дорог, он дает еще более четкую формулировку: «Там где несчастье не стоит в *причинной связи* с опасностью промысла, нет места профессиональному риску... Здесь — vis major. ... Важен не местный признак — коренится ли несчастье *в* предприятии или *вне* его, а каузальный момент: стоит ли несчастье в *причинной связи* с предприятием. В казусе с машинистом, умершим от разрыва сердца[517], надо спросить: стоит ли разрыв сердца в каузальной связи с эксплуатацией железной дороги [является ли он следствием, например, переутомления машиниста железнодорожной службой] или нет. Если выяснится, что такой связи нет, то хотя явление и родилось "im Inneren des Betriebes" (внутри предприятия. — *В. Б.*), оно должно быть рассматриваемо, подобно действию землетрясения, как "vis major"»[518]. «Для отпадения ответственности надо, чтобы непреодолимая сила была не только непосредственной, но и единственной причиной несчастья. Если несчастье вызвано и "опасностью промысла" и "непреодолимой силой", в каком бы сочетании эти основания ответственности ни сплетались бы друг с другом, — ответственность наступит...»[519].

При всей своей внешней логической безупречности (и даже известной красоте) ни критика двух традиционных направлений в объяснении существа понятия vis major, ни альтернативное им теоретическое построение, не могут быть приняты.

Прежде всего, не может считаться правильным общее возражение, противополагаемое субъективной и объективной теориям в том смысле, что последовательное их проведение «...возвращает нас к принципу виновной ответственности». Единственным основанием этого вывода является авторское понимание *предотвратимости* как категории, которая «...необходимо связана с предположением *предусмотрительности*»[520]; предусмотрительность же, в свою очередь, неразрывно связана с понятием *предвидимости*. Т. М. Яблочков выдает его за общепризнанное. На самом же деле оно если и не является весьма своеобразным, то совершенно точно, что не имеет и универсального характера; во всяком случае, никакого иного примера использования *именно такого* понимания предотвратимости, кроме двух решений русского правительствующего Сената[521], ученый не привел. И это не случайно, ибо в таком виде понятие непредотвратимости используется сторонниками *одного только субъективного направления в объяснении существа непреодолимой силы*[522].

Сторонники противостоящего ему объективного направления понимают непредотвратимость совершенно иначе, а именно — в смысле *заведомой фрустрации* (*тщетности, безрезультатности*) *любых уси-*

---

517 Об этом казусе, предложенном А. Экснером для иллюстрации, по мысли автора, теории непреодолимой силы как обстоятельства, стоящего вне эксплуатируемого предприятия, Т. М. Яблочков упоминает на с. 22 своей брошюры.

518 *Яблочков Т. М.* Указ. соч. С. 37.

519 Там же. С. 52.

520 Там же. С. 4.

521 См.: там же. С. 52.

522 Это видно, между прочим, из его замечания в конце с. 14: «раз мы ставим понятие непреодолимой силы в связь с вопросом о *субъективной* предотвратимости несчастия, мы приходим к определению простого виновного события» (выделено нами. — *В. Б.*).

лий, направленных на предотвращение определенных событий и (или) их последствий, в том числе усилий, простирающихся за рамки той заботливости, которые требуются от должника характером обязательства и условиями оборота. Именно из такого понимания непредотвратимости исходили составители проекта Гражданского Уложения Российской империи, воззрения которых Т. М. Яблочков цитирует[523], однако, как пример ... «поразительного противоречия»! Но никакого внутреннего противоречия (тем более «поразительного») в них на самом деле нет[524]; в том-то и дело, что известные природные события и катаклизмы таковы, что *даже будучи предвидимыми, все равно не могут быть предотвращены никакими вообще человеческими действиями* (вспомним пример с северо-западным ветром, разнесшим облако вулканического пепла над Северной и Западной Европой). Они непредотвратимы потому, что *неизбежны*, но не потому, что они *случайны* (непредвидимы). Невозможность предвидения (случайность) некоторых из подобного рода событий (того же самого извержения вулкана) только усугубляет их характер с точки зрения тяжести последствий, но не влияет на принцип: vis major — это все то, что *нельзя* (нельзя *в принципе*, т.е. никому, никак и ни при каких условиях) *предотвратить*, в то время как casus — то, что *нельзя* (опять-таки, никому, никак, ни при каких обстоятельствах, *вообще* нельзя) *предвидеть*. Если какое-то событие не может быть *ни предвидимо, ни предотвращено*, то оно подпадает и под признаки casus'а и под признаки vis major'а, только и всего. Называть ли его при этом *квалифицированным случаем*, или, напротив, *квалифицированным видом форс-мажора*, — это вопрос терминологии.

Единственное замечание оппонента в адрес *собственно объективной* теории форс-мажора, заключающееся в том, что таковая сужает понятие непреодолимой силы и, стало быть, неосновательно расширяет ответственность, также неверно. Оно сделано явно без учета того, что объективное конструирование непредолимой силы не отменяет общего правила об исключении гражданско-правовой ответственности за *случай*.

Что же касается положительных теоретических построений самого почтенного профессора Т. М. Яблочкова, противопоставленных объективному и субъективному направлениям, то они отпадают, что называется, просто за ненадобностью после сделанного здесь уточнения относительно существа понятия непреодолимости (непредотвратимости). Вспомним, что самый поиск особого объяснения понятия непредолимой силы был начат ученым в связи с не устраивающим

523 *Яблочков Т. М.* Указ. соч. С. 13—14.

524 Исключая, разве только, традиционное для нашей литературы наделение обстоятельств непредолимой силы одновременно обоими свойствами — как непредотвратимости, так и чрезвычайности (проникшее, между прочим, и в современный ГК — подп. 1 п. 1 ст. 202, п. 3 ст. 401). «Непреодолимая сила с философской точки зрения всегда является случайным обстоятельством...» — пишет, к примеру, Е. А. Павлодский (Указ. соч. С. 60). Это, конечно, неверно: в том-то и дело, что не всегда. «Случайность» действительно нередко соседствует с «непреодолимостью»: некоторые обстоятельства могут стать непреодолимыми вследствие своего чрезвычайного (случайного) характера. Но случайность — отнюдь не единственная причина фрустрации человеческих усилий по преодолению тех или иных событий, которые, следовательно, могут хотя и не быть случайными, но несмотря на это продолжать оставаться непреодолимыми (непредотвратимыми, неизбежными).

его (и совершенно справедливо не устраняющим!) *субъективным* пониманием непреодолимости, которое не позволяло разграничить vis major и случай. Устранение этого субъективизма лишает такой поиск всякой почвы, поскольку прежде недостижимая цель вполне успешно достигается: обстоятельства реальной действительности разграничиваются на закономерные и случайные по критерию *предвидимости* (субъективному критерию), а на обстоятельства преодолимой и непреодолимой силы — по критерию *преодолимости* (предотвратимости), понимаемой в объективном смысле[525].

Основанием к тому, чтобы усомниться в содержательной правильности теории случайной причинности является откровенно неверные решения некоторых практических ситуаций; наиболее рельефным в этом отношении является, конечно, случай с машинистом, скоропостижно скончавшемся прямо в поездке, в кабине локомотива от разрыва сердца. Если разрыв сердца был обусловлен переутомлением машиниста на службе, т.е. (по выражению проф. Яблочкова) «...находится в каузальной связи с эксплуатацией железной дороги», то решение, конечно, получается верное: не приходится говорить не только ни о каком форс-мажоре — налицо будет классическая вина железной дороги. Но если такой прямой связи нет, то решения могут оказаться различными. По проф. Яблочкову, в этой ситуации в любом случае налицо будет vis major «подобный землетрясению»; с нашей же точки зрения, отсутствие прямой связи причины разрыва сердца с эксплуатацией железной дороги не снимает двух других вопросов — о возможности 1) предвидения разрыва сердца и 2) его предотвращения. Выявление перспективы возникновения подобных ситуаций и их предупреждение являются непосредственными целями *обязательного медицинского осмотра* всего состава локомотивной бригады перед каждой поездкой. Если угрозу остановки сердца конкретного машиниста в принципе возможно было выявить в ходе такого осмотра, но она (по каким-то причинам) не была выявлена, речь пойдет о классической *вине* железной дороги; невозможность выявления такой угрозы превратит реализовавшуюся угрозу — остановку сердца машиниста в поездке — в *случай*; вопроса же об объективной невозможности предотвращения остановки сердца конкретного машиниста в поездке ставить и вовсе некорректно — объективно для этого достаточно не отправлять машиниста-сердечника в поездку (вызвать для обслуживания рейса другую локомотивную бригаду). Стало быть с нашей (объективной) точки зрения остановка сердца машиниста в поездке *вообще никогда не будет обстоятельством непреодолимой силы*; максимум, на что это происшествие может притязать — так это на качество *юридически значимого случая*. Так, если будет поставлен вопрос об ответственности железной дороги за повреждение принятого к перевозке груза, то *случайное* возникновение такого вреда освободит железную дорогу от ответственности (п. 1 ст. 796 ГК); но если вследствие остановки сердца машиниста произойдет железнодорожная катастрофа, то ссылка на данное происшествие *как на случай* не освободит железную дорогу от возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью (ст. 800, 1079 ГК).

525 См. также их критику в указ. соч. Е. А. Павлодского (С. 53—66) и в указанной там советской литературе.

§ 3. Неосновательное обогащение (п. 672—675)

672. **Понятие неосновательного обогащения (condictio). Конкурирующие подходы к его конструированию и их оценка.** Неосновательное обогащение принадлежит к разряду *самых спорных* понятий в нашем гражданском праве, а в том виде, в котором оно разделяется нами, относится еще и к числу *наиболее своеобразных*. В самом общем виде *неосновательное обогащение* может быть определено как *приобретение или сбережение имущества одним лицом* (*обогатившимся*) *за счет другого лица* (*потерпевшего*) *без надлежащего правового основания, установленного законодательством, иным правовым актом или сделкой* (см. п. 1 ст. 1102 ГК). Из этого определения видно, что неосновательное обогащение может принимать либо форму *неосновательного приобретения*, либо форму *неосновательного сбережения* имущества — в этом все отечественные юристы едины. Но вот в вопросе о том, в каком смысле следует понимать слова «приобретение» и «сбережение», мнения отечественных специалистов расходятся и весьма радикально. Противостоящие друг другу направления в этом вопросе могут быть названы *чисто юридическим* и *юридико-фактическим*[526].

1) Подавляющее большинство отечественных авторов понимают приобретение и сбережение **в юридическом смысле этих слов**, т.е. как случаи *возникновения и сохранения прав* на то или иное имущество (имущественных прав)[527]. Предметом любого обогащения — в какой бы форме оно ни происходило — никогда не является *само имущество* (вещи, результаты интеллектуальной деятельности и т.д.) — таким предметом выступают *только имущественные права*. Соответственно, под *неосновательным приобретением* понимается *возникновение у обогатившегося лица имущественного права вместо* (*за счет*) *прекратившегося имущественного права той же стоимости, принадлежавшего потерпевшему лицу*; под неосновательным *сбережением* — *сохранение* (*удержание*) *права на имущество обогатившимся лицом вопреки необходимости его прекращения для создания на его базе* (*за его счет*) *имущественного права потерпевшего той же стоимости*. В случае, когда объектом неосновательно приобретенного или сбереженного имущественного права выступают вещи, вопрос о том, посту-

526 В принципе возможно и третье — **чисто фактическое** — направление, т.е. видение существа неосновательного обогащения в одном только фактическом увеличении (не уменьшении) имущества «в руках» какого-либо лица; но за отсутствием сторонников этого направления, а также потому, что его недостатки будут предметом анализа в рамках изучения направления юридико-фактического, мы полагаем возможным данное, чисто гипотетическое течение специально не обсуждать.

527 О существе понятия приобретения — см. *Белов В. А.* Отчуждение и приобретение по российскому Гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. 2006. № 7. С. 8—19.

пили ли они в состав имущества обогатившегося (в его фактическое владение, на его баланс) или нет в случае приобретения (равно как и вопрос о том, сохранились ли они в составе имущества обогатившегося или выбыли из него), носит в общем второстепенный характер; если фактическое поступление (сохранение) вещей в имуществе обогатившегося и имеет какое-либо значение, то только как основание обогащения в собственном (юридическом) смысле (условие приобретения или сохранения права). Наличие или отсутствие обогащения определяется не наличием (отсутствием) *физической передачи* вещей из рук в руки, а наличием (отсутствием) такого факта, как *возникновение* (*сохранение, «непрекращение»*) *права собственности на вещи у обогатившегося лица за счет потерпевшего.*

Еще в 1938 г. М. М. Агарков — основоположник современного российского учения о неосновательном обогащении — находил, что «...понятие обогащения является обратным понятию имущественного вреда... Имущественный вред имеет место, если потерпевший потерял какую-то часть своего имущества или не получил выгоды, которую он должен был получить. Обратно, обогащение имеет место, если обогатившийся сберег имущество, которое он нормально должен был потерять или израсходовать, или же получил выгоду, которую не должен был получить. ... *Получение выгоды имеет место только в случае приобретения какого-либо имущественного права. — Если лицо не приобрело никакого имущественного права, то нет полученной выгоды, так как нет увеличения имущества. Поэтому простое фактическое владение вещью, без приобретения на нее права, само по себе не является обогащением.* Однако если благодаря фактическому владению вещью что-либо сбережено, то обогащение имеется...»[528] (выделено нами. — *В. Б.*). Можно спросить, почему? Именно потому, что сбережение является понятием, исключающим передачу, — юридический факт, выполняющий роль основания прекращения права собственности передающего и основания возникновения права собственности получающего. Идентичная позиция занималась ученым и в иных его сочинениях[529].

Некоторое время спустя она воплотилась в соответствующем томе Курса советского гражданского права, написанном Е. А. Флейшиц и изданном под эгидой ВИЮН. «...О приобретении имущества можно говорить только в случаях, когда у обогатившегося возникло то или иное имущественное право. Поступление вещей в фактическое владение не составляет обогащения владельца. ... — Сбережение имущества имеет место, если одно лицо исполнило обязательство другого, приняло на себя обязательство в пользу другого или вместо другого, отказалось от права требования к другому, произвело расходы, которые при нормальном положении дела должен был бы произвести обогатившийся. ... — Сбережение имущества является обогащением ... только в том случае, если имущество данного лица должно было уменьшиться, но не уменьшилось. — Поэтому неисполнение обяза-

528 **Гражданское право** : учебник / под ред. Я. Ф. Миколенко. М., 1938. Т. 2. С. 378.

529 См, например: *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 155—158; **Гражданское право** : учебник / под ред. М. М. Агаркова, Д. М. Генкина. М., 1944. Т. 1. С. 352—353.

тельства не является сбережением имущества должником. Неисполнение обязательства не есть способ его прекращения...»[530]. Продолжая последний пример, можно сказать, что неосновательное обогащение возникнет в том случае, когда обязательство (по какой-либо причине) прекратится, но основание такого прекращения не приведет 1) ни к прекращению каких-либо прав должника, 2) ни к удовлетворению законного интереса кредитора.

Именно такое понимание существа неосновательного обогащения в настоящее время можно назвать общепризнанным[531]; именно из него будем исходить и мы в настоящем Учебнике. Из числа наших современников — авторов специальных исследований по проблеме неосновательного обогащения, отправляющихся от этого — чисто юридического — подхода к его пониманию мы бы особо выделили В. С. Гербутова[532].

2) В отечественной литературе высказан также взгляд, в соответствии с которым под приобретением и сбережением было предложено понимать явления **не только (или не столько) юридического, но и (в первую очередь) фактического характера**. Так, еще Д. Д. Гримм выделял обогащение в обширном и тесном смыслах, определяя первое как «*...всякое увеличение имущества* лица, являющееся результатом присоединения к нему новых благ денежной ценности *без выделения соответствующего эквивалента*»[533], а второе — как «...увеличение имущества одного лица *на счет имущества другого лица* путем перехода благ денежной ценности из одного имущества в другое... *увеличение имущества одного лица* (*которое*) *предполагает уменьшение имущества другого лица*»[534] (выделено нами. — *В. Б.*). Подобные определения нельзя было бы ни в чем упрекнуть, если бы среди приводимых автором примеров случаев неосновательного обогащения в тесном смысле не фигурировала бы[535] ... кража! — обстоятельство, ни при каких условиях не способное привести к обогащению в юридическом смысле. Заключительный авторский вывод по итогам первой главы — «обогащение само по себе есть явление экономическое»[536] — равно как и последующая постановка вопроса о *юридическом значении обогащения* (наименование и содержание гл. 2), и определение «обогащения в юридическом смысле» как «отъемлемого экономического обогащения»[537] — все эти и многие другие обстоятельства позволяют твердо установить, что профессор Гримм был сторонником как минимум *смешанного понимания обогащения*,

530 *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 211—212.

531 См., например: **Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. IV. М., 2006. С. 701—710.

532 См. его статьи в журнале «Вестник Гражданского Права» (2008. № 2. С. 282—313; 2009. № 4. С. 277—302).

533 *Гримм Д. Д.* Очерки по учению об обогащении. Вып. 1. Дерпт, 1891. С. 9.

534 Там же. С. 10.

535 Там же. С. 10, 27.

536 Там же. С. 25.

537 Там же. С. 27, 29, 31 и сл.

т.е. объединял в рамках этого понятия как случаи неосновательного приобретения и сбережения *имущественных прав*, так и случаи неосновательного поступления и сохранения *имущества* в фактическом владении обогатившегося.

Такой же — двойственной — позиции придерживалась А. Е. Семенова. Характеризуя (буквально в двух словах) понятие обогащения по римскому праву, она абсолютно справедливо связала его со стремлением «*...разрушить или парализовать те приобретенные права на имущества или действия*, которым не соответствовало их материально-хозяйственное основание...»[538]; но в последующем, освещая существо понятия обогащения по современному ей советскому праву, она указала, что «...обогащением, в смысле ГК, будет *всякое увеличение имущества*, в том числе *увеличение ценности* имущества без увеличения его материального субстрата или *получение хозяйственной выгоды без изменения материального или правового состава имущества*»[539] (выделено нами. — *В. Б.*). Коротко можно было бы сказать, что данный автор предлагает понимать под юридически значимым обогащением обогащение *во всех возможных смыслах* этого слова.

В современной литературе главным сторонником подобного – смешанного, юридико-фактического — понимания неосновательного обогащения является Д. В. Новак, отправляющийся в своих исследованиях[540] в первую очередь от «экономической» теории обогащения Д. Д. Гримма, а также от работ некоторых советских (А. Н. Арзамасцева, Е. Л. Невзгодиной, В. П. Шахматова) и современных (В. В. Былков, А. Л. Маковский, Л. А. Новоселова, С. А. Синицына, Ю. Е. Туктаров) авторов.

3) Не ставя своей целью разрешение вопроса о понятии неосновательного обогащения в том или другом смысле, мы, тем не менее, считаем нужным отметить следующее. Юридико-фактическая (смешанная) концепция неосновательного обогащения несет на себе как минимум шесть «родимых пятен», которые сами по себе если и не опровергают ее, то по меньшей мере несколько компрометируют, ставя под сомнение ее постулаты.

Во-первых, она *абсолютно не укладывается в римское учение о condictio*, по отношению к которому она претендует как минимум на некоторое преемство. Никакого преемства между римским обогащением в смысле *приобретения права на вещь* по формальным основаниям (в отсутствие необходимых для этого юридических фактов материального права) и представлением о кондикции как *поступлении вещи в фактическое владение* (по крайней мере — в современном понимании последнего термина) нет и быть не может. Само по себе это, конечно, не страшно; другое дело, что от римских «генеалогических корней» ей придется отказаться.

---

538 *Семенова А. Е.* Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М., 1928. С. 5.

539 Там же. С. 6.

540 См. *Новак Д. В.* Неосновательное обогащение в гражданском праве (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006, а также статьи в журнале «Вестник Гражданского Права» (2007. № 1. С. 5—44; 2009. № 3. С. 289—316).

Во-вторых, *не вполне понятен тот* (сакральный, не иначе!) *смысл, который мог бы заключаться в юридико-фактической теории кондикции*. Гражданское право знает достаточное количество инструментов для восстановления разрушенного фактического положения вещей, главным из которых является, конечно же, виндикационный иск. Если иск из неосновательного обогащения (кондикционный иск) выполняет те же функции, что и виндикационный, то, спрашивается, зачем он нужен?[541] В том-то и соль, что кондикционный иск обретает право на существование лишь при условии, что он рассматривается как инструмент решения таких ситуаций, которые не могут быть урегулированы при посредстве иска виндикационного, т.е. ситуаций иных, чем простое выбытие имущества из фактического титульного владения.

В-третьих, смешанная теория кондикции *не способна объяснить существо иска о возмещении стоимости неосновательного обогащения*, который может быть предъявлен в случае невозможности возврата неосновательно приобретенного или сбереженного имущества в натуре, известного, между прочим, и нашему законодательству (п. 1 ст. 1005 ГК). В самом деле: при кондикции, существо которой исчерпывается поступлением вещей в фактическое владение, удовлетворение такого иска привело бы к обогащению потерпевшего за счет получения в собственность денежных средств, выплачиваемых в счет возмещения *при сохранении права собственности на вещи, являющиеся предметом кондикции*.

В-четвертых, смешанная теория кондикции *не имеет универсального характера*, поскольку рассчитана только на те общественные отношения, которые тем или иным образом связаны с вещами. Между тем сфера применения института кондикции (даже в римском праве, не говоря уж о современном) много шире.

В-пятых, *объединение под рамкой одного родового понятия принципиально разнородных случаев* — понятий различных родов — понятий о фактах и о правах, является, мягко говоря, нелогичным. Внимательный читатель помнит, что с подобной ситуацией мы уже сталкивались в ходе рассмотрения понятия *имущественного комплекса*[*], по итогам которого мы пришли к выводу о необходимости заменить его понятием о комплексе *правовом*.

[*] см. п. 192, 193, 227, п. 261 и 404

Наконец, в-шестых, обращение к работам тех цивилистов, фамилии которых поминаются в качестве «авторитетов» — сторонников юридико-фактической концепции, позволяет установить, что наши современники, ссылающиеся на них якобы в подтверждение своих взглядов, нередко выдают желаемое за действительное. Те же их высказывания, которые действительно подкрепляют эту точку зрения, всегда сделаны в связи с исследованием совсем иных — более широких или смежных — вопросов и в этом смысле являются более продуктом случайности, чем закономерным результатом полноценного научного исследования.

---

541 Вопрос следует поставить, конечно, шире — о соотношении кондикционного иска с исками всех других видов, в том числе исками виндикационным, негаторным, реституционным, восстановительным, компенсационным и процентным.

673. **Неосновательное обогащение как юридический факт.** Строго юридическая теория имеет, пожалуй, всего один недостаток, стоящий, однако, любого количества других. Если неосновательное обогащение есть понятие о неосновательном приобретении или сохранении субъективного права, т.е. *понятие, существующее исключительно в одной только гражданско-правовой (идеальной, умозрительной) сфере*, то как же в таком случае позиционировать его в системе *юридических фактов — обстоятельств фактических*, т.е. понятий, принадлежащих к области реальной действительности? Да и соответствует ли разделяемый нами взгляд на неосновательное обогащение как на понятие, «обратное понятию вреда» (М. М. Агарков), этому последнему как относящемуся к области *фактических* (а не юридических) отношений*? Может ли понятие, *обратное фактическому*, быть понятием *юридическим*?

*см. п. 642

Прежде чем начать разбираться в поставленных вопросах, необходимо твердо усвоить следующую непреложную истину. Неосновательное обогащение как понятие *юридическое* (юридический эффект или результат, юридическое последствие) само должно иметь в своем основании (в качестве своей причины) какой-то юридический факт, причем, непременно *традиционный*, относящийся к области *классических фактических обстоятельств — действий или событий*. Что же это будет за факт? И не получится ли так, что неосновательное обогащение может стать гражданско-правовой результирующей фактических обстоятельств различных типов? Обращение к п. 2 ст. 1102 ГК не может не убедить нас в правильности именно этого предположения.

Рассмотрим несколько примеров тех обстоятельств, которые традиционно считаются причинами, порождающими неосновательное обогащение: 1) повторная оплата долга; 2) оплата долга, никогда не существовавшего; 3) исполнение ненадлежащему лицу; 4) сохранение имущества благодаря инициативным действиям третьего лица в чужом интересе; 5) списание банком денег с открытого у него счета заемщика в собственную пользу в безакцептном порядке; 6) отделение плодов и присвоение доходов от незаконного использования чужого имущества (в том числе осуществления чужого права); 7) включение чужой вещи в качестве элемента в свою собственную вещь; 8) выдача груза перевозчиком лицу, не имеющему права на его получение; 9) зачисление банком денег на счет лица, не являющегося получателем платежа; 10) сплав, склейка, смешение, иное соединение однородных предметов в единую новую вещь, вызванные воздействием огня, воды или ветра. Сравнивая перечисленные случаи, легко понять, что между ними общего и в чем их различие. Именно: неосновательное обогащение может стать следствием:

1) действий самого потерпевшего (случаи 1—4);
2) действий обогатившегося (случаи 5—7);
3) действий третьих лиц (случаи 8 и 9);
4) событий (случай 10).

Все другие предпосылки для правильного ответа на поставленный вопрос у нас уже имеются**. А что, если высказанная нами гипотеза о *неосновательном обогащении как элементе правоохранительного*

**см. п. 640, 642

фактического состава не такая уж безумная, какой может показаться на первый взгляд? В таком случае все встает на свои места: неосновательное обогащение как гражданско-правовой результат, не способный к самостоятельному бытию, существует и проявляет себя *только в качестве элемента фактического состава*, который, по этой причине, также имеет смысл обозначить термином «неосновательное обогащение». Этот состав включает в себя три элемента: 1) *правоохранительный факт*; 2) *собственно обогащение* и 3) *причинную связь между ними*.

С учетом четырех альтераций первого элемента и двух — второго, мы получим восемь разновидностей подобного («обогащенческого») правоохранительного состава (номера в таблице соответствуют номерам рассмотренных выше примеров).

		Факты-причины неосновательного обогащения			
		Действия			События
		потерпевшего	обогатившегося	третьего лица	
Неосновательное обогащение в формах	приобретения	**1—3**	**5—7**	**8, 9**	**10**
	сбережения	**4**	—	—	—

Такой подход к понятию неосновательного обогащения не только подтверждает нашу гипотезу о его соподчинении (наряду с составом гражданского правонарушения) *общему родовому понятию* — понятию правоохранительного фактического состава — но и находится в полном соответствии с образным выражением М. М. Агаркова об *обратном характере* двух данных институтов. Противопоставление причинения вреда неосновательному обогащению становится возможным именно благодаря *различному «знаку» этих понятий*. Это различие в знаке является следствием использования противоположных методологических приемов в их умопостроении: в то время как понятие *возникновения вреда* отталкивается «от проигравшего (потерпевшего)» и поэтому обозначает *отрицательные* (с его точки зрения) изменения, привнесенные в охраняемые правом фактические общественные отношения противоправным деянием причинителя вреда, понятие неосновательного обогащения, напротив, строится «от выигравшего» и обозначает *положительные* (для него) изменения в фактических отношениях. Но если *отрицание* чего-то прежде существовавшего не всегда предполагает изменение правовых форм общественных отношений[542], то *утверждение в общественных от-*

542 Имея в виду, что способом такого отрицания является *противоправное деяние*, можно ожидать скорее того, что право будет стараться *всеми силами сохранить нормальные юридические формы общественных отношений* (*хотя бы и «поломанных»*) *в неприкосновенности*, в их «должном» виде, тем самым привнося в жизнь то расхождение между юридическим долженствованием и реальной действительностью, которое так часто является поводом к критике весьма размашистой, но мало результативной деятельности нашего законодателя.

ношениях чего-то нового, возникновение какого-то нового отношения или сохранение (вопреки всем законам) такого отношения, которое должно было бы прекратить существование, будет предполагать изменение гражданско-правовых форм общественных отношений, что называется, с неизбежностью.

Таким образом, понятия о *возникновении вреда*, с одной стороны (как явлении фактического мира, обусловленном противоправными деяниями), и о *неосновательном обогащении* (как явлении юридическом, которое может стать следствием самых различных фактических обстоятельств, независимо от релевантности вопроса об их противоправном характере) — с другой, *обслуживают две различные стороны человеческих отношений, взаимно дополняют друг друга* и в этом смысле действительно являются *обратными. Обогащение само по себе* — факт реальной действительности, юридически иррелевантный; обогащение же, ставшее следствием таких обстоятельств, которые свидетельствуют о его 1) безосновательности и о том, что оно 2) состоялось за чужой счет, объединяется с ними в фактический состав, каковой было бы правильно именовать *неосновательным обогащением. Неосновательное обогащение, следовательно, — это сложный фактический состав — разновидность правоохранительного фактического состава.*

674. **Основание и основательность обогащения.** Если неосновательное обогащение представляет собой приобретение либо сохранение субъективного права, или же сложение с себя юридической обязанности, то спрашивается: может ли такое явление быть *безосновательным*? Всякое правовое явление имеет основание своего возникновения — юридический факт. Нет ли внутреннего противоречия между, с одной стороны, рассмотрением обогащения как *чисто гражданско-правового эффекта* и его характеристикой как *неосновательного* — с другой? Могут ли существовать неосновательные (т.е. не основанные на юридических фактах) правовые эффекты? Отрицательный ответ на этот вопрос слишком очевиден, чтобы быть предметом особенного обоснования[543]. Но с не меньшей очевидностью он означает и то, что наименование обогащения неосновательным отталкивается от какого-то иного значения слов «основание» и «основательный». Что же это за значение? Что такое *основание* обогащения? Какое обогащение *основательно*, а какое нет?

---

543 В литературе, тем не менее, можно встретить и противоположную точку зрения, согласно которой «неосновательным считается приобретение или сбережение, не основанное на законе, ином правовом акте либо сделке. ... О неосновательности приобретения (сбережения) можно говорить, если оно лишено законного (правового) основания: соответствующей нормы права, административного акта или сделки» (**Гражданское право** : учебник / под ред. Е. А. Суханова. 3-е изд. Т. IV. 703). Подобная постановка вопроса, конечно, возможна, но лишь применительно к основанию, первоначально наличествовавшему, но впоследствии отпавшему; в ином случае остается открытым вопрос о том, каким же образом произошло само приобретение или сбережение имущества — правовой результат, который может наступить только при наличии достаточного для него основания.

Думается, что ключом к ответу на поставленный вопрос является то обстоятельство, что неосновательным считается обогащение одного лица *на счет* (*или за счет*) *другого*, т.е. обогащение *за чужой счет*. Как известно, все юридические действия совершаются, по общему правилу, действующим лицом *на свой собственный счет*; иное — совершение действий на чужой счет — возможно, но *только при наличии для этого установленных законом оснований*. Не составляют в этом отношении исключения и такие юридические действия, которые приводят к обогащению одного лица на счет другого: такое обогащение могло бы считаться *основательным*, если бы для совершения подобного действия существовало бы предусмотренное законом, иным правовым (нормативным или индивидуальным) актом, либо условиями сделки *основание* (причина или causa). В отсутствие такого основания соображения элементарной человеческой справедливости требуют, чтобы предмет неосновательного приобретения или сбережения был бы передан лицом, его приобретшим (сберегшим) тому лицу, за счет которого произошло его приобретение (сбережение).

В еще большей мере все сказанное относится к действиям потерпевшего лица, а также к событиям. Нельзя, конечно, утверждать, что для наступления события должно существовать какое-нибудь «предусмотренное законом основание» — события на то и события, чтобы наступать (или не наступать) *независимо* от указаний законов, иных правовых актов и договоренностей частных лиц. Однако *наступление того юридического результата*, которое связывается с известным событием, *абсолютно неизбежно и необходимо* (приобретения или сбережения *за чужой счет*), в том или ином конкретном случае может оказаться лишенным достаточной причины, объясняющей, *почему такой* (позитивный для обогатившегося лица) *результат следует отнести на счет другого лица*. Именно по причине своей абсолютной независимости от действий частных лиц события, приводящие к обогащению одного лица за счет другого, *всегда* должны считаться обстоятельствами, приводящими *именно к неосновательному* обогащению.

Что же касается случаев condictio, вызванных действиями *самого потерпевшего лица* (субъекта, имущество которого стало источником чужого обогащения), то таковые, будучи совершенными при отсутствии к ним достаточного основания, чаще всего становятся следствием *овладевшего действующим лицом заблуждения*. Состояние заблуждения же, как нам уже известно*, мешает даже вполне дееспособным лицам в полной (или в достаточной) мере проявить (использовать) свою дееспособность для совершения той или иной сделки. Акт волеизъявления, совершенный в состоянии заблуждения, не будет адекватным образом выражать действительную волю субъекта; следовательно, поведенческая активность лица, пребывающего в состоянии заблуждения, никак не может быть квалифицирована в качестве *действий*. Такие действия должны рассматриваться как события, а обогащение за чужой счет, ставшее следствием событий (как только что было показано), всегда является заведомо неосновательным.

*см. п. 562

Выше**, обсуждая понятие об основании (причине или caus'e) сделки, мы указывали, что от данного понятия нужно отличать основание обязывания участников сделки — *causa предоставления чего-либо* одним участником правоотношений другому. Поскольку

**см. п. 538

обязывание является средством обеспечения субъективных прав, *основание обязывания* можно назвать в то же самое время и *основанием предоставления* (признания или сохранения) субъективных прав. Предоставление может приводить к достижению одного из таких эффектов, как *приобретение* и *сбережение*; по этой причине caus'y предоставления можно называть еще и *caus'ой приобретения* либо *caus'ой сбережения*, в зависимости от того, какой ближайший юридический результат порождает акт предоставления. В точно таком же смысле мы говорим и об отсутствующем основании неосновательного обогащения; разница лишь в том, что мы говорим *об основании приобретения или сбережения имущественных прав* безотносительно к тому, было ли оно вызвано собственно предоставлением (действием лица, за счет которого произошло обогащение) или каким-то другим юридическим фактом.

Таким образом, обогащение считается основательным, по общему правилу, только тогда, когда оно произведено *за собственный счет обогатившегося лица*. Обогащаться можно *только за собственный счет*. За чужой счет обогащаться нельзя, если иное не предусмотрено законом, иным правовым актом или условиями сделки. Обогащение за чужой счет, следовательно, должно предполагаться обогащением *неосновательным*. Опровержение этой презумпции требует объяснения той *причины*, благодаря которой обогащение делается *основательным*; чаще всего таковая будет заключаться во *встречном удовлетворении* (consideration), которое либо уже было предоставлено, либо должно быть предоставлено в будущем обогатившимся субъектом лицу, за счет которого произошло обогащение (потерпевшему). Впрочем, могут быть и иные причины для обогащения на чужой счет, например, *причинение вреда* лицом, за счет которого происходит обогащение, имуществу лица обогащающегося, *совершение* лицом, за счет которого происходит обогащение, *противоправного деяния, являющегося основанием для применения конфискационных санкций* лицом обогащающимся, *семейно-правовой статус* лица, имущество которого служит источником обогащения, по отношению к лицу, это обогащение приобретающему, и др.

Именно такое понимание основания и основательности обогащения установилось в нашей литературе.

«Признаком неосновательности обогащения ... служит ... исключительно отсутствие правового оправдания для происшедшей передвижки ценностей от одного хозяйствующего субъекта к другому. Правовым же основанием для такой передвижки может служить либо договорная обязанность, либо предписание закона..., либо нарушенное право лица, влекущее за собой обязанность нарушителя восстановить нарушенное право и возместить причиненный вред. Отсутствие таких правоотношений между сторонами, которые оправдывали бы прирост имущества одного за счет другого, и будет отсутствием достаточно установленного основания, а самый прирост — неосновательным обогащением»[544] (выделено нами. — *В. Б.*).

«Всякое увеличение (либо сбережение) имущества одного лица за счет другого должно иметь *достаточное основание, установленное*

544 *Семенова А. Е.* Указ. соч. С. 6.

законом или договором. ...Таким основанием всегда является *цель, которую преследует увеличение* (*либо сбережение*) *имущества одного лица за счет другого*. Эти цели те же самые, которые характеризуют собой гражданские, в частности обязательственные правоотношения... При отсутствии такого основания, т.е. если увеличение имущества одного лица за счет другого произошло *не для достижения указанных целей*, возникает обязательство вернуть неосновательное обогащение»[545] (выделено нами. — *В. Б.*).

675. **Применение норм ГК о неосновательном обогащении.** Недостаточная нормативная определенность в вопросах о том, что такое обогащение и его формы (приобретение и сбережение) — связаны ли эти понятия с одним только возникновением или сохранением субъективного права одним лицом за счет другого, или же приобретением и сбережением можно считать сохранение одного только фактического господства над вещами, — дает основание к заключению о том, что понятие неосновательного обогащения если и не имеет характера универсального гражданско-правового принципа[546], то охватывает во всяком случае весьма широкий круг фактических ситуаций. Опираясь на это соображение, составители ст. 1103 ГК указали на *возможность применения норм об обязательствах из неосновательного обогащения к иным, внешне сходным, хотя юридически и не всегда однородным с кондикцией ситуациям*, в том числе и таким, что регулируются специальными нормами законодательства. Понятно, конечно, что такие (специальные) правила, установленные ГК, другими законами, иными правовыми актами либо вытекающими из существа соответствующих отношений и отличающиеся по содержанию от норм о кондикционных обязательствах, имеют приоритет над общими нормами о неосновательном обогащении, подобно тому, как всякий специальный закон отменяет общий. Тем не менее ст. 1103 ГК называет *четыре вида таких требований*, к которым нормы о кондикционных обязательствах могут применяться *в субсидиарном порядке*, а именно:

1) *реституционные требования*, т.е. требования о возврате исполненного по недействительной сделке;

2) *виндикационные притязания*, т.е. требования собственника о возврате имущества из чужого незаконного владения;

3) *требования из нарушения обязательств*, т.е. требования одной стороны обязательства к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством;

4) *деликтные требования*, т.е. требования о возмещении вреда.

Нормы ст. 1103 ГК ни в коем случае нельзя толковать в том смысле, что они перечисляют те требования, что признаются ею *частными случаями требований кондикционных*. Ничего подобного! Эти нормы — только *технический прием законодательного регулирования*

---

545 *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. С. 158; то же (в том числе со ссылкой на взгляд М. М. Агаркова) — см.: *Флейшиц Е. А.* Указ. соч. С. 213—218.

546 Место которому — в общей части гражданского права. Кстати, именно так позиционировал институт неосновательного обогащения М. М. Агарков в учебнике гражданского права 1944 года (Т. 1. С. 352—362).

общественных отношений, венчаемых такими гражданско-правовыми результатами, которые, несмотря на все присущие им различия, имеют такую общую черту, как *способность быть частично или даже вполне изглажеными посредством действий по передаче* (*выдаче, возврату*) *известного количества вещей определенного рода и качества* (*в том числе одной конкретной вещи*). А выдача (передача) неосновательно приобретенных или сбереженных вещей как раз и составляет содержание именно кондикционного обязательства. Если какие-то из названных требований действительно могут быть подведены под категорию кондикционных, то это следствие, скорее, случайности, нежели закономерности.

Содержательную конкуренцию случаям собственно неосновательного обогащения действительно могут образовать случаи третьего и четвертого типов. Так, регрессное требование, к примеру, продавца некачественных изделий к их изготовителю будет в одно и то же время как требованием потерпевшей стороны обязательства (торговой организации) к другой стороне (поставщику товаров) о возврате исполненного в связи с этим обязательством, так и требованием о выдаче денежных средств, неосновательно сбереженных поставщиком неисправного товара за счет торговой организации. Точно так же требование о возврате уплаченного ошибочно будет как требованием о возврате исполненного в связи с обязательством, так и требованием из неосновательного обогащения. Наконец, требование к похитителю, успевшему продать похищенную вещь, будет в одно и то же время как требованием о возмещении вреда, так и требованием кондикционным.

Не может составить конкуренции требованиям кондикционным ни при каких условиях требование виндикационное. Из курса римского права учащиеся должны помнить, что виндикационным называется иск невладеющего собственника известной вещи (обладателя права на подлежащую выдаче вещь) к владеющему вещью несобственнику (т.е. к лицу, не обладающему правом на эту вещь) о возврате последним владения этой вещью. Само существо ситуации, «обслуживаемой» при помощи виндикационного иска — его основание на *реально существующем вещном праве* истца, противопоставленном состоянию отсутствия права на спорную вещь со стороны ответчика, — исключает возможность предъявления в ней иска кондикционного, который предъявляется и подлежит удовлетворению *несмотря на отсутствие у истца вещного права на предмет кондикции и наличие такого права у ответчика.*

Что же касается реституционных требований — требований о применении последствий недействительности сделок, — то они вовсе не образуют самостоятельного понятия. Их содержание будет зависеть от того, сохранило ли имущество, бывшее предметом недействительной сделки, свою индивидуальность. Если такая индивидуальность *сохранилась*, то в силу принципа, согласно которому недействительная сделка не влечет намеченных ее сторонами юридических последствий (в том числе перехода права на вещь, являвшуюся ее предметом), представляется возможным говорить о сохранении у стороны, передавшей эту вещь, вещного права на нее. Такая ситуация разрешается при помощи *виндикационного* иска. Напротив, если вещь, пере-

данная по недействительной сделке, утратила индивидуальные признаки, ее следует признать *поступившей в собственность* получившей ее стороны[547]. В этом случае интерес лица, передавшего вещь, может быть реализован при помощи одного только кондикционного иска.

§ 4. Сроки (п. 676—680)

676. **Время и его течение.** Установлению понятия срока должно предшествовать установление родового по отношению к нему понятия — понятия *времени*. Это — не юридическое понятие. Оно принадлежит к области физики и философии, а потому при установлении его существа нам придется воспользоваться достижениями именно этих наук. Основываясь на знании, уже известном читателю*, мы можем в самом общем виде определить *время* как *меру стабильности (длительности) существования природных, биологических и социальных объектов, явлений и процессов, а также их взаимного расположения с точки зрения одновременности или последовательности наступления и продолжительности протекания (чередования)*.

*см. п. 409

С обыденной точки зрения время является органической частью неразрывного *пространственно-временного континуума*, образующего ту внешнюю среду (ту оболочку, тот «фон», те измерения или координаты), в которой существует материя, протекают природные, биологические и социальные процессы. Три пространственных измерения характеризуют протяженность и взаимное расположение вещества, т.е. его *стабильность* (качественное сохранение); одна временная координата — продолжительность существования и последовательность известных состояний вещества, т.е. его *динамику* (развитие). Исходя именно из этого взгляда мы разделили все события на *пространственные* и *временные***.

**см. п. 668

Этот взгляд, в науке известный под именем *субстанциональной концепции* пространства-времени, вполне удовлетворяющий потребностям гражданского оборота, в настоящее время не разделяется ни физикой, ни философией. «Монадологическая» (дискретная) философская концепция Г. В. Лейбница, исследования в области критики «чистого разума» И. Канта, открытие Н. И. Лобачевским и разработка Г. Минковским неевклидовой геометрии пространства, открытия Дж. Фитцджеральда, Х. Лоренца и А. Пуанкере, ставшие базой для создания А. Эйнштейном специальной и общей теорий относительности, последующие достижения в области физики микромира склонили науку к иной концепции пространства-времени, известной под наименованием *реляционной*. Реляционная концепция не считает

547 Сказанное не противоречит только что примененному принципу юридической безрезультатности недействительной сделки: переход права собственности в рассматриваемой ситуации происходит не на основании недействительной сделки, а вследствие *гибели индивидуально-определенной вещи* по причине ее смешения с однородными вещами контрагента по сделке (юридического события).

пространственно-временной континуум особого рода субстанцией, на фоне (в границах) которой развивается бытие, но полагает его *элементом этого самого бытия*, немыслимым, с одной стороны, *вне этого бытия* (вне соотносящихся друг с другом предметов, явлений и процессов), а с другой (что чрезвычайно важно!) — *вне субъекта, воспринимающего это бытие*. «Если устранить частное условие нашей чувственности, — писал И. Кант, — то исчезнет также понятие времени; оно присуще не самим предметам, а только субъекту, который их созерцает. ... Поэтому ... время не есть нечто само по себе существующее, оно не есть также определение, объективно присущее вещам»[548].

Именно реляционная концепция времени позволяет объяснить *органическое единство времени с пространством* — феномен, интуитивно ощущаемый даже в обыденной жизни. Так, мы уже упоминали* о том не требующем доказательства и подтвержденным практическим опытом положении, что одно и то же физическое лицо не может пребывать *в нескольких различных местах* (пространственная характеристика) *в одно и то же время* (временна́я характеристика); но в *последовательном* пребывании такого рода нет ничего невозможного. Также** мы говорили о том, что любые юридически значимые фактические обстоятельства характеризуются людьми с точки зрения того, 1) *где* таковые имели место (пространственная характеристика), и того, 2) *когда* они происходили (временна́я характеристика). Практический опыт позволяет указать даже на существо такой связи. Это — *движение*, т.е. изменение пространственного месторасположения материальных объектов относительно друг друга и наблюдателя. Всякое движения происходит *в пространстве*, но при этом обязательно требует *времени*. Вспомним школьные математические задачки типа «скорость, время, расстояние»: чем выше скорость движения — тем на бо́льшее расстояние переместится за известное время один объект относительно другого (иначе — тем меньшее время потребуется для того, чтобы движущемуся объекту покрыть известное расстояние). Обыденное представление и гражданский оборот оперируют теми (незначительными) скоростями, с которыми перемещаются сами люди и движутся транспортные средства, «подстраивая» такие перемещения под потребности покрытия известного (*постоянного*) расстояния за известное же (*заданное*) время. Расстояние (пространство) и время рассматриваются как *существующие объективно и независимо друг от друга измерения* или *инварианты*.

*см. п. 521

**см. п. 668 (6)

Смысл *специальной теории относительности* А. Эйнштейна (1905) в том, чтобы взглянуть на мироустройство несколько иначе. Ученый предположил, что *скорость света как величина, определенная законами мироздания, не зависит от того, является ли источник света покоящимся или движущимся*. С точки зрения обыденного мышления это должно означать, что тело, движущееся со скоростью света, имеет поразительное свойство — способность покрывать *различные* расстояния за *одинаковые* промежутки времени. С точки зрения обыденного мышления такого просто не может быть: для того чтобы *за один*

548 *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М., 1994. С. 59 (в том числе примечание).

и тот же промежуток времени тело могло преодолеть *различное расстояние*, скорость движения тела необходимо *изменять*. Обыденное мышление рассматривает как инварианту понятия о времени и пространстве. Но если принять в качестве инварианты понятие скорости света, то получится, что 1) различные пространственные расстояния могут преобразовываться в одинаковые посредством своего *сжатия* или *растяжения*; 2) промежутки времени одной и той же длительности могут протекать по-разному — *быстрее или медленнее*. Для наблюдателя, находящегося *внутри* объекта, который движется со скоростью, *равной* скорости света или превышающей ее, ничего (кроме его собственной массы) измениться не должно. Но для лица, имеющего возможность наблюдать за происходящим в движущемся предмете извне, все происходящие в нем процессы будут выглядеть *застывшими*, а течение времени *остановившимся*. Иными словами, для лица, находящегося внутри объекта, движущегося со скоростью света, и для наблюдателя, находящегося вне такого объекта (т.е. в различных системах отсчета), *один и тот же промежуток времени истечет с различной «скоростью»*. Чем сильнее приближается скорость движения тела к скорости света — тем сильнее сокращаются преодолеваемые им расстояния и тем сильнее замедляется течение времени[549]. Движение же с «отрицательной скоростью», напротив, должно приводить к эффекту увеличения преодолеваемых движущимся телом расстояний и ускорению течения времени.

Дальнейшие разработки привели А. Эйнштейна к созданию *общей теории относительности* (1916), учитывающей взаимосвязь не только пространства, времени и движения, но и *взаимного расположения источников гравитационных сил* (*масс*). Ведь сокращение пространственных расстояний для объекта, движущегося с околосветовой скоростью, коснется и размеров самого движущегося объекта: с уменьшением таковых должна будет возрасти его *плотность*. Объект, движущийся хотя бы с околосветовой скоростью, должен будет превратиться в точку тем большей плотности, чем больше была его масса покоя. Достижение движущимся объектом скорости света должно будет превратить его в «черную дыру». Благодаря открытию такой взаимосвязи реляционная концепция времени освободилась от изначально присущей ей идеалистической окраски. Дело не в кантовском «наблюдателе», а во взаимном расположении источников гравитационных сил — притягивающихся или отталкивающихся масс. Учет гравитационных сил и вызываемых ими искривлений пространства-времени сделал эйнштейновскую теорию относительности работоспособной в масштабах не одной только Земли, но и всей Вселенной.

677. **Определение сроков.** Для гражданско-правовых целей в принципе приемлемо традиционное определение *срока как промежутка* (*периода*) *времени известной продолжительности*, установ-

549 На известном видеохостинге «Ютуб» (youtube.com) можно посмотреть фильм «Что такое теория относительности», снятый в 1964 г. на 2-м творческом объединении «Мосфильма», где буквально «на пальцах» разъясняется существо эйнштейновской теории.

ленного законом, иными правовыми актами, сделкой или судебным актом «...для совершения определенных действий, воздержания от каких-либо определенных действий, для возникновения каких-либо прав, обязанностей, а также для их изменения или прекращения»[550].

Определение это нуждается в нескольких следующих уточнениях.

Во-первых, срок — это не обязательно *промежуток* времени[551]; словом «срок» может обозначаться также и *момент* времени[552]. «Срок есть лишь момент во времени либо определенный период времени»[553]; «понятие "срок" в гражданском праве применяется в двух значениях: 1) определенный период (отрезок) времени; 2) момент во времени»[554].

Во-вторых, одной только характеристики *продолжительности* (длительности) явно недостаточно для описания даже срока в смысле промежутка времени. Мало сказать, как долго продолжается срок — нужно приурочить («прикрепить») любой из его концов к тому или иному *моменту* времени. Иными словами, понятие *срока* связано не только с самим *течением времени*, но также с его 1) *измерением* и 2) *исчислением*. *Измерение* времени происходит путем сравнения длительности известных явлений и процессов с количеством специально выбранных для этой цели временных промежутков — эталонов или единиц времени и даст нам *продолжительность сроков*; *исчисление* времени происходит посредством отсчета известного числа единиц времени от заданной точки отсчета вперед либо назад и даст нам позиционирование сроков в общем ходе времени.

В-третьих, отнесение к числу юридических последствий течения и истечения сроков не только динамики правоотношений, но временных границ для совершения определенных действий в рамках *реализации субъективных прав и исполнения юридических обязанностей* несколько «выбрасывает» сроки за рамки юридических фактов в их традиционном (узком) понимании. В самом деле: если определять юридические факты гражданского права* как такие обстоятельства реальной действительности, с которыми гражданский закон связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, то, спрашивается, можно ли отнести к разряду сроков — юридических фактов, к примеру, исковую давность — срок, ни начало, ни окончание течения которого не приводят ни к возникновению, ни к изменению, ни к прекращению гражданских правоотношений? Впрочем, в упомянутом месте Учебника мы уже говорили о том, что собственно научное понятие юридических фактов гражданского пра-

*см. п. 476

550 *Мирошниченко Е. С.* Сроки в российском законодательстве : справ. пособие. М., 2007. С. 5.

551 Три дня, одна неделя, два месяца, полгода, 10 лет и т.д.

552 Например, 23 апреля 2010 г., день рождения определенного гражданина, момент подписания договора, совершения административного акта, вступления в законную силу решения суда, день окончания навигации и т.д.

553 *Грибанов В. П.* Сроки в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М., 2000. С. 250.

554 *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М., 2006. С. 6.

ва существенно шире традиционного, отталкивающегося от ошибочного сведения всего многообразия гражданско-правовых форм (эффектов и последствий) к одним только правоотношениям.

Таким образом, обобщая сказанное, можно утверждать, что *сроками* в гражданском праве называются 1) *известные моменты времени*, а также 2) *измеренные и исчисленные*[555] *промежутки времени*, с наступлением, пропуском, течением и истечением которых законодатель связывает известные гражданско-правовые последствия, т.е. *известные моменты*, а также *измеренные и исчисленные промежутки времени, являющиеся юридическими фактами гражданского права.*

678. **Место сроков в системе юридических фактов.** Вопрос о месте сроков в системе юридических фактов является спорным. В нашей литературе противостоят друг другу две следующие главные точки зрения: 1) *сроки — это разновидность событий*; 2) *сроки — это особый вид юридических фактов, не сводимый ни к действиям, ни к событиям.* Известно также воззрение, согласно которому сроки 3) *вовсе не являются юридическими фактами* или, во всяком случае, никогда не приобретают *самостоятельного* юридического значения, вне своего объединения в фактический состав вместе с каким-либо иным «нормальным» фактом — действием либо событием[556]. Забегая несколько вперед, заметим, что именно к нему мы и предложим склониться нашим читателям.

1) Отнесение сроков к числу *юридических событий* осуществлялось еще дореволюционными учеными. В современной нашей литературе эту точку зрения принято приурочивать к имени О. А. Красавчикова. «Говоря о событиях, значимых для права, никогда не следует забывать, — предостерегал он, — и о таком важном юридическом факте, как истечение времени. Последнее необходимо выделить в особую группу абсолютных юридических событий. ... — Истечению времени человек не может противопоставить свою деятельность, так как он сам существует во времени. ... — Истечение времени представляет собой самостоятельную группу абсолютных юридических событий. Существуя в пространстве и времени, человек не может противопоставить истечению последнего свою деятельность, что не исключает различную оценку истечения времени в правовом аспекте: приобретательная и исковая давности и др.»[557]. Вопрос о том, к какой категории событий — абсолютных или относительных — надлежит относить сроки, для нашего Учебника не имеет значения, поскольку само это разделение событий нами было, как читатель должен помнить, отвергнуто*. *см. п. 667

555 То есть промежутки времени известной продолжительности, приуроченные любым из своих концов к заданной точке отсчета.

556 Ссылки на литературу см.: **Гражданское право** : учебник / под ред. А. П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 553—554.

557 *Красавчиков О. А.* Указ. соч. С. 168.

В современной литературе эта концепция разделена М. Я. Кирилловой и П. В. Крашенинниковым[558].

2) Концепции, согласно которой сроки надлежит исключать из числа событий и выделять в *особую группу юридических фактов*, отечественное правоведение обязано В. П. Грибанову. Согласившись с отправным тезисом О. А. Красавчикова о том, что «время течет независимо от воли, желаний и деятельности людей. Сам человек существует и действует во времени. Он не может остановить течение времени и в этом смысле, *но* (! — *В. Б.*) и только в этом смысле, не может противопоставить свою деятельность объективному течению времени»[559], он, однако, указал, что из этого факта, по его мнению, «...вовсе еще не вытекает, что в отношении времени человек — существо абсолютно беспомощное. Осуществляя свою деятельность, человек активно использует время»[560], посредством определения моментов начала течения промежутков времени (сроков), их продолжительности, а также особенностей их течения. «В связи с этим, — заключает В. П. Грибанов, — необходимо различать время и срок. ... Соотношение между временем и сроком — есть соотношение общего и отдельного..., а также в известной мере соотношение объективного и субъективного»[561]. Выходит, что сроки не могут быть отнесены ни к событиям, ни к действиям: к первым — из-за их субъективного «происхождения», ко вторым — из-за объективной (независимой от воли и сознания людей) временной первоосновы. «Юридические сроки в системе юридических фактов гражданского права занимают самостоятельное место наряду с юридическими событиями и юридическими действиями и по своему характеру представляют нечто среднее между ними»[562].

По сути, идентичную точку зрения, но чуть иначе объясненную, высказывал также В. Б. Исаков[563].

3) Описанные конкурирующие концепции можно оценить двояким образом. Если ограничить себя только их рамками и задаться целью выбрать (предпочесть) одну из них, то нужно будет отметить следующее.

Аргумент относительного того, что *только человек* умеет исчислять время и жить, сообразуясь с ним, конечно, совершенно верен, но сам по себе ровно ничего не доказывает. Человеческая деятельность в сфере измерения и исчисления времени, а также приписывания им юридического значения определенным срокам не означает привнесения субъективизма в объективный процесс течения времени. Юридическое значение *абсолютно любого факта* определяется при непосредственном участии законодателя, иных субъектов правотворчества и судебных органов, а также может быть осуществлено и *частными лицами*. Предположим, например, что стороны извест-

---

558 См.: *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Указ. соч. С. 6.

559 *Грибанов В. П.* Указ. соч. С. 249.

560 Там же. С. 249.

561 Там же. С. 250.

562 Там же. С. 251.

563 См.: *Исаков В. Б.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980. С. 72—74.

ного договора придают особое юридическое значение какому-нибудь стихийному бедствию — неужели же на этом основании можно отстаивать мнение о «двойственной» объективно-субъективной природе стихийных бедствий (протекают объективно, но юридическое значение им сообщают участники сделки)? Конечно, нет.

Сторонники выделения сроков в особую группу юридических фактов игнорируют то очевидное обстоятельство, что разделение юридических фактов на действия и события производится вовсе не по *субъекту, определяющему их юридическое значение*, а по критерию *зависимости в своем наступлении и существовании от воли частных лиц* — участников тех общественных отношений, применительно к которым обсуждается юридическое значение конкретного факта*. С этой точки зрения как само течение и истечение определенного промежутка времени, так и наступление (ненаступление) известного его момента, являются обстоятельствами (процессами), возникшими и протекающими *безотносительно к участию в них частных лиц*, т.е. событиями. Аргумент «к субъектам правотворчества, судьям и частным лицам» не касается существа дела, поскольку их деятельность не имеет отношения к классификации юридических фактов на действия и события.

*см. п. 483

4) Если же заранее не ограничивать себя рамками анализа только двух конкурирующих теорий, то их оценка должна выглядеть примерно следующим образом.

Из приведенной выше** краткой справки по существу реляционной концепции пространства-времени, к которой склоняется современная наука, читателю должна быть совершенно очевидна *фундаментальная ошибочность тезиса о некоем «объективном» существовании времени и его течении.* Время не представляет собой особой субстанции, на фоне или в границах которой развивается природное, биологическое и социальное бытие — время лишь выражает *представления людей о длительности и последовательности процессов*, происходящих в трех названных средах. Объективность человеческого представления о пространстве-времени предопределяется *соотношением скорости протекания названных процессов к скорости распространения света* — инвариантному показателю, описывающему такое явление, которое составляет основу устройства нашей Вселенной. Чем ближе это соотношение будет подходить к единице — тем бóльшие пространственно-временные искажения (сокращение пространства и замедление течения времени) станут предметом человеческого наблюдения и восприятия.

**см. п. 676

В «переводе» на юридический язык сказанное означает, что ни течение самого времени, ни наступление произвольно определенных в нем (законодателем, судом или частными лицами — безразлично) моментов, ни течение и истечение его известных промежутков (сроков) *вообще не относятся к числу фактических обстоятельств реальной действительности.* С тем же успехом можно было бы считать юридическими фактами такие характеристики материальных предметов (вещей), как их пространственные размеры (длину, ширину и высоту), а также их расположение по отношению к известным географическим точкам и друг к другу. Спору нет, в известных случаях и такие характеристики тоже могут получить известное *юридическое*

значение; так, например, в договор поставки может быть включено условие об ассортименте, зависимом от габаритных и иных *размеров* поставляемых изделий; договоры же подряда, оказания услуг по перемещению грузов (погрузке, разгрузке и перевалке), договоры перевозки и хранения товаров, могут предполагать необходимость доставки известных предметов в определенные пространственные «точки», а также обязательность их строго определенного взаимного расположения относительно друг друга или относительно каких-то иных предметов. Юридически значимые качества вещей и иных благ — объектов гражданских прав — мы предложили (в согласии с предложениями, сделанными нашими именитыми учеными-предшественниками) именовать *юридическими обстоятельствами*; аналогичные свойства субъектов гражданских правоотношений — *юридическими состояниями*[*].

*см. п. 477, 492, 494

Перенесение в юриспруденцию физико-философской реляционной концепции пространства-времени позволяет, как мы видим, установить, что *наряду с юридическими состояниями и обстоятельствами гражданскому правоведению надлежит наконец заметить и выделить юридически значимые характеристики — свойства юридических фактов (действий и событий)*. Особенности мироздания, с одной стороны, и его человеческого восприятия, с другой, таковы, что требуют позиционирования юридических фактов в пространственно-временном континууме. *С известным действием или событием юридическое значение может связываться далеко не каждый раз, но лишь тогда, когда оно* совершено (произошло) 1) в известном месте и (или) 2) в известное время, т.е. когда оно *отвечает предустановленным пространственно-временным характеристикам*. Наиболее показательны в этом отношении, конечно, действия, предпринимаемые в целях исполнения обязательств: они должны быть совершены не только в надлежащем месте (ст. 316 ГК) и в надлежащее время (ст. 314), но и соответствовать целому ряду других требований, соблюдение которых абсолютно необходимо для признания таковых *надлежащим* исполнением.

Таким образом, общераспространенные утверждения о том, что законодательство связывает гражданско-правовые последствия *с течением самого времени в целом и (или) его отдельных моментов либо отрезков (сроков)* в действительности имеют образный характер. Юридические последствия связываются не с самими сроками, а с теми *действиями и событиями, которые имели место (или не имели места) к определенному сроку или в течение определенного срока*.

Рассмотрим, к примеру, такой срок, как *исковая давность*, истечение которого (как принято считать) «погашает» возможность защиты права по иску. Это утверждение неверно, поскольку возможность защиты права по иску погашается отнюдь не самим истечением давности, а ее *судебным применением*, т.е. *действием* (абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК); основанием к такому применению является *заявление стороны в споре*, т.е. опять-таки *действие* (абз. 1 п. 2 ст. 199); это последнее действие основывается на факте 1) *упущения давностного срока* лицом, потерпевшим от нарушения права, т.е. на *бездействии* последнего, длившегося в течение давностного срока, и подлежит удовлетворению в условиях 2) отсутствия фактических обстоятельств, которые могли бы служить основаниями для приостановления, перерыва или восстановления про-

пущенной давности[564]. Абсолютно прав и чрезвычайно точен И. Б. Новицкий, когда пишет, что «*непредъявление иска в течение указанных в законе сроков* приводит к утрате права на иск в смысле возможности осуществления судебным порядком гражданских имущественных прав (так называемая *исковая давность*, истечение давностного срока). Такая утрата права на иск наступает *вследствие того, что управомоченное лицо*, несмотря на последовавшее нарушение его права, требующее обращения за помощью к суду, *не обращается за судебной защитой в течение определенного, установленного законом срока*»; право на иск «...утрачивается *в результате непредъявления иска* в течение срока исковой давности»[565] (выделено нами. — *В. Б.*), т.е. вследствие *бездействия в течение срока*, а вовсе не из-за истечения самого этого срока[566].

То же можно сказать и другом виде давности, известной нашему законодательству, — *приобретательной* (ст. 234 ГК). Даже одно внимательное прочтение соответствующих норм ГК приведет нас к выводу о том, что под основанием приобретения права собственности они понимают не саму приобретательную давность как срок, а добросовестное, открытое *владение чужой вещью как своей*, продолжавшееся в течение приобретательной давности — так называемое *давностное владение*, т.е. опять-таки *действие*. Затем, юридическое значение, приписываемое шестимесячному сроку на принятие наследства (п. 1 ст. 1154 ГК) в действительности связано с самим принятием наследства (действием); так называемые претензионные сроки скрывают за собою юридическое значение предъявления и непредъявления претензии (т.е. действия либо бездействия); гарантийный срок, не будучи соединенным с обнаружением недостатков вещи (событием), также лишен правового значения и т.д. Всякий срок — это срок чего-то, т.е. *условие юридической значимости* известного *действия* или *события*, его характеристика, но не самостоятельный юридический факт.

Сделанный здесь вывод не только не отменяет необходимости изучения сроков наукой гражданского права, но и, напротив, укрепляет во мнении о необходимости такого изучения. Без него ознакомление с юридически значимыми свойствами «нормальных» юридических фактов — действий и событий — будет неполным.

679. **Виды сроков.** Классификации сроков, предлагаемые в нашей литературе, столь же разнообразны, сколь внутренне противоречивы

564 Обращение к ст. 202, 203 и 205 ГК позволяет установить, что такими обстоятельствами являются классические *действия* либо *события*.

565 *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. М., 1954. С. 137, 139. Годом позже М. П. Ринг (Исковая давность и ее значение в укреплении хозяйственного расчета // Вопросы советского гражданского права : сб. ст. / под ред. Д. М. Генкина. М., 1955. С. 76) не только разделил это мнение, но и вспомнил о ст. 44 ГК Белорусской ССР 1922 г., постановлявшей, что право на иск прекращается не самим истечением трехлетней давности, а «*вследствие непредъявления иска*» в течение этой самой давности, т.е. вследствие *бездействия потенциального истца*. Аналогичное предписание планировалось поместить в ст. 105 проекта Гражданского Уложения Российской Империи.

566 Впрочем, проф. Новицкий немедленно аннулирует собственное совершенно правильное заключение следующим высказыванием: «Следовательно, исковая давность есть один из юридических фактов, т.е. факт, с которым связываются определенные юридические последствия» (там же. С. 137).

и непоследовательны. Стремясь устранить эти недостатки, мы предложили бы классифицировать сроки по нескольким следующим критериям: 1) по тем *юридическим фактам*, свойствами которых являются сроки, и *тем характеристикам, которые они этим фактам придают*; 2) по тому *юридическому значению*, которое связывается законодательством с соответствием или несоответствием известного факта заданным временным параметрам[567]; 3) по *источнику установления*; 4) по *степени и способу определенности*.

*см. § 2 гл. 16

1) Первый уровень классификации сроков **по юридическим фактам, ими характеризуемым**, вполне совпадает с классификацией самих юридических фактов*. Сроки могут характеризовать либо факты-*действия*, либо факты-*события* (факты в узком смысле слова); наряду с ними можно выделить также сроки, относящиеся к фактам-*состояниям*, фактам-*обстоятельствам*, к *фактическим составам* в целом и, наконец, к *юридическим аналогам* фактов и составов. В рамках сроков, характеризующих действия, можно выделить сроки, относящиеся к действиям правомерным и неправомерным; в рамках сроков, характеризующих правомерные действия, — сроки, относящиеся к сделкам и иным юридическим актам, а также юридическим поступкам и т.д.

Какими же характеристиками наделяются классические юридические факты при помощи сроков? Обобщение обширного эмпирического материала позволяет выделить следующие их виды:

а) применительно к фактам-*действиям*: 1) сроки, которые являются[568] *условиями допустимости* (*законности*) *совершения определенных действий*[569] (например, таких как вступление в брак, совершение сделок, занятие предпринимательской деятельностью, осуществление своих прав, их защита и т.д.[570]); 2) сроки, *ограничивающие* (*обусловливающие*) *или исключающие возможность совершения определенных действий* — запрещающие их совершение; 3) сроки, *обязывающие* к совершению определенных действий[571]; 4) сроки, *отягощающие лицо бременем претерпевания чужих действий и их последствий*; 5) сроки, *снимающие с лица бремя претерпевания* чужих действий и их

567 В традиционной терминологии — по юридическому значению самого срока.

568 Строго говоря, данными условиями являются не сами сроки, а их наступление, ненаступление, течение или пропуск. Здесь и в дальнейшем для краткости мы говорим просто о сроках.

569 Или воздержания от действий. Здесь и в дальнейшем для краткости мы говорим просто о действиях.

570 Хорошо видно, по каким критериям в действительности выделяются сроки *осуществления* и *защиты* гражданских прав; к числу последних относятся претензионные сроки, а также исковая давность.

571 Это *сроки исполнения юридических и кредиторских обязанностей* — вид сроков, наиболее часто встречающийся на практике. Так, исполнение обязательства в надлежащий срок является одним из принципов исполнения обязательства; при его нарушении исполнения обязательства либо вовсе нет, либо оно считается ненадлежащим. Нарушение срока исполнения обязательства называется *просрочкой должника* и влечет установленные законом или сделкой неблагоприятные последствия (ст. 405 ГК); о последствиях просрочки в исполнении кредиторских обязанностей см. ст. 406 ГК.

последствий; б) сроки, характеризующие продолжительность и периодичность *уже совершившихся действий* (например, давность владения, длительность нарушений и (или) их систематичность и т.д.) безотносительно к вопросу об их законности.

б) применительно ко всем остальным фактическим обстоятельствам (фактам-*событиям*, фактам-*состояниям*, фактам-*обстоятельствам*, *фактическим составам* и *аналогам* фактов) надлежит выделять: 1) сроки, выступающие *условием признания за известными событиями определенного юридического значения* и 2) сроки, *лишающие* события такого значения. Юридическое значение такого, например, события, как, скажем, обнаружение недостатков проданной вещи, будет различным и зависеть от того, имело ли место данное событие (α) в пределах гарантийного срока (срока хранения), (β) за пределами гарантийного срока (срока хранения), но до истечения срока годности (службы) или (δ) по истечении срока годности (службы).

2) В сфере гражданских правоотношений законодательные и иные правовые акты могут придавать срокам 1) **правообразующее**, 2) **правоизменяющее** или 3) **правопрекращающее значение**. Так, *течение* известного срока может означать либо период *отсутствия* субъективного права, либо период его *существования в первоначальном или измененном виде*, либо, наконец, *весь* период его бытия, вплоть до прекращения. Сроки, течение и истечение которых измеряет период бытия субъективных гражданских прав, называются *сроками существования гражданских прав* (точнее — *гражданских правоотношений*). Истечение данного срока влечет прекращение субъективного гражданского права. Так, истечение трехлетнего периода времени со дня наступления срока платежа по векселю прекращает всякие вексельные права, в том числе и против прямых вексельных должников (ст. 70 Положения о переводном и простом векселе). Разновидностью сроков существования гражданских прав являются *гарантийные сроки*, определяющие период существования субъективных гражданских прав, вытекающих из нарушения условий договоров купли-продажи, мены, поставки и подряда о качестве товаров и результатов работ.

Нет ничего невозможного в том, чтобы соединить в одном сроке два и более качеств, выделенных по различным основаниям. Таковы так называемые *пресекательные* (*преклюзивные*) *сроки* — сроки, которые одновременно выполняют роль и сроков *осуществления* гражданских прав (т.е. сроков, выделенных по критерию характеризуемого ими действия) и в то же время (с точки зрения своего значения для гражданских правоотношений) — роль сроков *существования* гражданских прав. Это конкретное стечение двух разных качеств в одном и том же сроке становится возможным благодаря тому, что иногда законодатель отходит от общего правила п. 1 ст. 9 ГК об осуществлении гражданских прав по собственному усмотрению их обладателя и выдвигает новое (дополнительное) условие допустимости такого осуществления — *срок*. Бездействие субъекта права в продолжение такого срока прекратит (пресечет) не только возможность осуществления права (исключит способность к совершению действия, направленного на осуществление права, из состава правоспособности лица, сделает его действие по такому осуществлению недопустимым), но и *самое существование* последнего.

3) По **источнику установления** различаются сроки, определенные а) законом; б) иными нормативными правовыми актами; в) административными индивидуальными актами; г) судебными актами; д) условиями сделок, в том числе договоров; е) корпоративными актами; ж) в соответствии с обычаем делового оборота; з) сообразно деловым обыкновениям; и) согласно заведенному порядку, к) по аналогии закона и, наконец, л) исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, прежде всего принципа разумности[572].

4) По **степени и способу определенности** нужно различать сроки а) *абсолютно определенные* (*точные*), например, 10 марта 2015 г., десять дней от даты заключения настоящего договора, 45 дней со дня открытия аккредитива, три года со дня предоставления кредита, не менее чем за 30 дней до предполагаемой даты созыва общего собрания акционеров и т.д., и б) *относительно определенные*; среди последних следует выделить $б^1$) сроки *определимые* (например, через месяц от даты предъявления векселя, с открытием навигации, по мере согласования сторонами спецификаций поставки, ежемесячно, не позднее 10 числа каждого месяца и т.п.) и $б^2$) сроки *неопределенные* (по предъявлению, до востребования, в разумный срок и т.д.). Вопрос о способах определения сроков рассматривается в следующем пункте настоящего параграфа.

680. **Техника определения и исчисления сроков.** Срок может быть определен указанием на *календарную дату*, либо на *определенный период времени* (год, месяц и т.п.), либо на *событие*, которое *неизбежно должно наступить* (ст. 190 ГК). В уточнение к этим правилам следует добавить, что условие о сроке может считаться установленным в случае определения источником 1) момента, составляющего срок, либо 2) *его продолжительности и одного из следующих моментов* — момента начала *или* окончания его течения[573], либо, наконец, 3) моментов его начала *и* окончания. Нет, конечно, никаких препятствий для определения срока путем указания на известное *действие* какого-либо лица, безотносительно к тому, должно ли оно или может ли быть совершено[574]. Буквальное толкование фразы о «*...событии*, которое *неизбежно должно наступить*» не соответствует, конечно, ни замыслу законодателя, ни повсеместной практике, ни (самое главное!) не может быть объяснено никакими теоретическими соображениями. В данной части норму (ст. 190) необходимо толковать расширительно, поскольку в действительности она имеет в виду *всякое*

572 Наметку такой классификации можно разглядеть в ч. 1 ст. 190 ГК, упоминающей о сроках, которые могут устанавливаться законом, иными правовыми актами, могут быть определены судом или сделкой (в частности, договором).

573 Возможны, таким образом, две техники такого определения срока: а) *от даты начала — вперед* (не позднее чем в течение 45 дней *после* открытия аккредитива) и б) *от даты окончания — назад* (не позднее чем за три месяца *до* даты предполагаемого расторжения договора).

574 См. приводившиеся примеры с заключением и расторжением договора, отгрузкой товара, открытием аккредитива и др.

фактическое обстоятельство — как событие, так и действие, которое (судя по характеру отношений и особенностям ситуации) *может или должно наступить* (*совершиться*).

ГК, а также вексельное законодательство (!) уделяют весьма пристальное внимание правилам исчисления срока, определенного периодом времени:

1) его течение начинается *на следующий день* после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало (ст. 191 ГК)[575];

2) рассматривается как срок, исчисляемый днями, и считается равным 15 дням, срок, определенный в *полмесяца* (п. 3 ст. 192 ГК)[576];

3) срок исчисляемый *годами*, считается истекшим в соответствующий месяц и число последнего года срока (п. 1 ст. 192 ГК);

4) срок, исчисляемый *месяцами*, истекает в соответствующее число последнего месяца срока, а если его окончание приходится на такой месяц, в котором нет соответствующего числа, то в последний день этого месяца (п. 3 ст. 192 ГК; ч. 1 ст. 36 Положения о переводном и простом векселе[577]);

5) рассматриваются как сроки, исчисляемые месяцами, сроки, определенные в полгода (шесть месяцев) и во столько-то кварталов. Каждый квартал считается равным трем месяцам, а отсчет кварталов ведется с начала года (п. 2 ст. 192 ГК)[578];

6) срок, исчисляемый неделями, истекает в соответствующий (по наименованию) день последней недели срока (п. 4 ст. 192 ГК)[579];

7) если последний день срока приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается ближайший за ним рабочий день[580] (ст. 193 ГК);

8) действие, возможность или необходимость совершения которого ограничены сроком, может быть совершено до 24 часов последнего

---

575 Поскольку минимальной временной единицей, упомянутой данным правилом, является *день*, можно заключить, что норма ст. 191 применяется только к таким срокам, продолжительность которых исчисляется *днями*. Так, первым днем 21-дневного срока, наступившего четвертого числа какого-либо месяца, будет число, следующее за ним (пятое число), последним — 25-е число того же месяца.

576 Полагаем, что это же правило должно применяться и к срокам, определенным в *декадах*, причем, продолжительность декады должна считаться равной 10 дням.

577 Часть 2 ст. 36 Положения о векселях предусматривает еще правило на тот случай, когда «...вексель выдан сроком в полтора месяца или в несколько месяцев с половиной от составления или от предъявления» — для правильного исчисления срока платежа «...надлежит сначала отсчитывать целые месяцы».

578 Часть 3 ст. 36 Положения о векселях предусматривает еще правило на тот случай, когда «...срок платежа назначен на начало, середину (середина января, середина февраля и т.п.) или на конец месяца». Под этими выражениями предлагается понимать *первое*, *15-е* или *последнее* число месяца. Аналогичные правила известны обычной практике биржевого оборота — определения сроков *на media* и *на ultimo*, т.е. на 15-е и последнее число текущего месяца.

579 Части 4 и 5 ст. 36 Положения о векселях полагают необходимым истолковать встречающиеся в векселях выражения «восемь дней», «пятнадцать дней» и «полмесяца» — они означают, соответственно, «...не одну или две недели, а сроки в полные восемь или пятнадцать дней» и «...срок в пятнадцать дней».

580 Мыслимо и иное правило — сокращение срока, заканчивающегося в нерабочий день, до предшествующего ему рабочего дня.

дня срока, а если это действие должно быть совершено в организации — то до истечения *часа*, когда в организации прекращаются соответствующие операции. Все письменные заявления и извещения, сданные на почту и телеграф до 24 часов последнего дня срока, *считаются поданными в срок* (ст. 194), хотя бы и адресованные организациям, во время отправки извещения (телеграммы) не работавшим.

§ 5. Исковая давность (п. 681—688)

681. **Понятие иска и права на иск.** Понятие исковой давности непосредственным и теснейшим образом связано с понятиями *иска* и *права на иск*. По этой причине, несколько поступаясь общей логикой изложения материала[581], мы считаем необходимым сказать несколько слов по этому вопросу, прежде чем приступить к рассмотрению собственно исковой давности. *Иском называется требование о защите нарушенного права или о реализации охраняемого законом интереса, адресованное* (*предъявленное*) *суду. Право на судебное решение, удовлетворяющее иск, называется правом на иск или исковым притязанием. Активным субъектом права на иск* является, как правило, частное лицо — обладатель нарушенного права или подлежащего реализации охраняемого законом интереса. В случаях, предусмотренных законом, право на иск может принадлежать иному частному лицу либо представителю публичной власти (чаще всего — прокурору). *Пассивным субъектом права на иск*, т.е. носителем юридической обязанности, корреспондирующей праву на иск, всегда является *суд*. *Объектом права на иск* является *судебная деятельность и ее результат* — рассмотрение предъявленного требования (иска) по существу и вынесение соответствующего фактическим обстоятельствам дела судебного акта (решения).

Одной из важнейших классификаций субъективных гражданских прав является их разделение на *регулятивные* и *охранительные*[*]; точно так же из § 6 гл. 6 мы знаем о существовании такой правовой формы, как охраняемый законом (правоохранительный) интерес[**]. Охранительные субъективные права и охраняемые законом интересы, будучи гражданско-правовыми формами аномальных (подлежащих восстановлению или исправлению) общественных отношений, наделяются специфическим качеством, отсутствующим у прав регулятивных, — *способностью к принудительному осуществлению*, в том числе *в исковой форме* (*по иску*). Иск, таким образом, является главным *средством осуществления* частных *охранительных* субъективных прав и реализации охраняемых законом (правоохранительных) интересов, а в конечном счете — одним из *средств защиты* частных *регулятивных* субъективных прав.

[*] см. п. 224.4, 225, 249 и 250

[**] см. § 6 гл. 6

[***] см. п. 514, 581 сноска 591

581 Требующей рассмотрения вопроса об иске в составе проблематики *правомерных действий*[***].

Вопрос о понятиях иска и права на иск является одним из самых спорных как в нашей, так и в иностранной юридической литературе[582]. Из уже сказанного здесь и прежде*, да, впрочем, и из одного только того обстоятельства, что мы разделяем концепцию регулятивных и охранительных прав[583], с полной очевидностью вытекает, что, с нашей точки зрения, *иск не может быть ничем иным, кроме как требованием, обращенным к суду.* К ответчику же (при его наличии) обращается требование, составляющее содержание охранительного гражданского правоотношения — той его юридической связи с истцом, которая служит основанием (caus'oй) судебного удовлетворения иска за его (ответчика) счет. «Ответчик — то лицо, *за счет* интересов (прежде всего — имущественной сферы) которого будет (может быть) удовлетворен интерес истца. Вот почему ответчик предстает стороной спора и наделен всеми необходимыми процессуальными правами. Иное положение вещей было бы крайне несправедливым по отношению к ответчику»[584].

*см. п. 514, 632 (2)

Однако и собственно охранительное понимание иска (т.е. его понимание как требования, обращенного к суду) допускает разночтения в трактовке понятия *права* на иск. Коротко остановимся на этих разночтениях.

Право на предъявление иска (право на иск в процессуальном смысле). Эта концепция, которую (пользуясь терминологией юридической герменевтики) можно было бы назвать *словесной*, или *филологической*, исходит из буквального смысла словосочетания «право на иск». Если иск — это *требование, обращенное к суду*, то очевидно, что словосочетание «права на иск» в своем буквальном смысле должно означать право *на предъявление* (такого требования) — *право на предъявление иска*, или (следуя терминологии некоторых ученых процессуалистов) *право на обращение в суд* за (судебной) защитой (нарушенного или оспариваемого) права. Отсутствие у этого взгляда иного обоснования, кроме чисто словесного, не позволяет, конечно, принять его. Да и по сути своей он столь же далек от истины, сколь *само предъявление* иска (обращение в суд) далеко от *защиты права*. Каким бы большим ни было количество предъявленных известным лицом исков, само по себе их предъявление не приведет к защите каких-либо прав, если ни один из таких исков не будет найден судом основательным и не будет им удовлетворен. Защита права по иску осуществляется *судом*, подобно тому, как реализация любого требования осуществляется действиями *обязанного лица*. Действия управомоченного (предъявление требования) могут рассматриваться лишь как *условия осуществления* права, но *не само его осуществление*.

Кроме того, возможность предъявления иска (обращения с иском), конечно, не представляет собой субъективного права. Будучи элемен-

---

582 Обзор точек зрения см.: *Бабаев А. Б.* Проблемы общего учения об иске и праве на иск // Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М., 2007. С. 919—925 (иск), 925—932 (право на иск).

583 Впрочем, как будет показано ниже, далеко не все ученые считают это обстоятельство непреодолимым препятствием для трактовки права на иск как права, обращенного к ответчику. Этим внутренним противоречием характеризуются, например, взгляды Е. А. Крашенинникова.

584 *Бабаев А. Б.* Указ. соч. С. 924—925.

том материальной и процессуальной гражданской правоспособности, такая возможность если и может ограничиваться законом, то лишь по каким-то особенно веским основаниям (например, при отсутствии интереса к иску). Вообще же говоря, «иск можно предъявить когда угодно. Право предъявления иска в смысле права обратиться в суд не утрачивается никогда, так как нельзя лишить кого бы то ни было права просить суд о защите нарушенного права»[585].

Право на судебное решение (право на иск в материальном смысле[586]). Это понимание права на иск распадается на два направления — *абстрактное* и *конкретное*. Право на иск в *абстрактном* материальном смысле понимается как право на вынесение *того судебного решения, которое сообразно обстоятельствам дела*, т.е. может оказаться в том или ином конкретном случае благоприятным или неблагоприятным для истца. Напротив, право на иск в конкретном материальном смысле означает право истца *на сообразное обстоятельствам дела благоприятное судебное решение*[587]. Думается, что верным является это последнее (конкретное) понимание, поскольку право на судебное решение как таковое (безотносительно к его содержанию) не способно обеспечить истцу защиту его права. В то же время мы полагаем, что различие между абстрактным и конкретным направлениями в объяснении существа права на иск в материальном смысле несколько преувеличено. Постановление «отказного» судебного акта, т.е. решения, отказывающего истцу в иске, означает, конечно, не реализацию истцом своего права на иск, а то, что им *был предъявлен такой иск, права на который он не имел*. Вот и выходит, что «право на иск... — это *право на решение суда об удовлетворении иска*»[588]. В удовлетворении иска и заключается судебная защита права. Содержательной стороной этой защиты является установление (подтверждение) судебным решением *факта существования спорного правоотношения* (иски о присуждении и о признании) *либо фактов, являющихся основаниями к динамике*

---

585 *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. С. 138.

586 Обычно этот термин применяется для обозначения права на иск как способности к принудительному осуществлению, присущей *нарушенному регулятивному материально-правовому требованию*, которое адресовано обязанному лицу — *ответчику*, либо как *самого этого права*. «Способность субъективного права быть принудительно осуществленным помимо и против воли обязанного лица..., получила в юридической литературе наименование права на иск в материальном смысле и рассматривается многими советскими цивилистами как особое правомочие, входящее в состав субъективного права... Согласно другому взгляду ... право на иск в материальном смысле есть само субъективное право» (*Ринг М. Н.* Указ. соч. С. 72). Иными словами, выражение «право на иск в материальном смысле» используется *противниками* концепции регулятивных и охранительных правоотношений. Мы полагаем возможным воспользоваться им и в нашем случае, поскольку *удовлетворение* иска, противопоставленное его *предъявлению*, есть частный случай противопоставления *результата* той *деятельности*, которая к нему приводит, т.е. противопоставление *материального* юридического эффекта технической или *процессуальной* стороне деятельности, назначенной служить достижению этого эффекта.

587 В отечественной литературе этот взгляд следует приурочить к имени проф. Б. В. Попова (Исковая давность (текст и комментарий к ст. ст. 44—51 Гражданского кодекса РСФСР). М., 1926. С. 3—8). Из современников эта концепция наиболее последовательно отстаивается Е. Я. Мотовиловкером (см. ниже).

588 *Мотовиловкер Е. Я.* Эссе об иске // Юридические записки Ярославского государственного университета. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 114.

(*созданию, изменению или прекращению*) *известных гражданских правоотношений* (преобразовательные иски).

Право на иск и охранительное субъективное право. «Совершенно очевидно, что исковое право на защиту связано с принуждением (например, принуждением продавца к передаче вещи). Каким же образом связано с принуждением право на иск?»[589]. Откуда берется этот вопрос и является ли он принципиальным? Из предыдущего изложения (см. ссылки выше) мы знаем, что *способность к реализации в принудительном порядке является отличительной чертой охранительного субъективного гражданского права*. Очевидная связь с принуждением охранительного гражданского права, с одной стороны, и права на иск (искового притязания), с другой, требует ответа на вопрос о характере этой связи. Без него нельзя ответить на другой вопрос — о соотношении права на иск с охранительным субъективным гражданским правом и о месте исковых притязаний в системе юридических возможностей.

К настоящему времени предложено два решения поставленной проблемы (оба — учеными — представителями ярославской цивилистической школы как отстаивающей постулаты учения о регулятивных и охранительных правах наиболее четко и последовательно). По мнению Е. А. Крашенинникова, «притязание (т.е. право на иск. — *В. Б.*) обладает *способностью быть принудительно реализованным юрисдикционным органом*. ... Исковое притязание — это не право на принуждение, а право, которое может осуществляться в принудительном порядке; ... принуждение — это не содержание, а один из возможных способов осуществления исковых притязаний»[590]. Ему противостоит мнение Е. Я. Мотовиловкера, согласно которому исковое притязание «...есть право требовать принуждения от юрисдикционного органа (суда. — *В. Б.*)»[591], т.е. *право на само принуждение*, осуществляемое посредством вынесения судебного решения, удовлетворяющего иск. Интересующийся читатель, несомненно, сам ознакомится с аргументами «за» и «против» каждого решения по указанным источникам. Здесь отметим лишь то, что отдавая должное трудам и заслугам Е. А. Крашенинникова в развитии теории регулятивного и охранительного права, теорий иска и исковой давности, мы, тем не менее, в вопросе о взаимосвязи права на иск с охранительным субъективным правом склонны принять позицию его коллеги и оппонента как наиболее логичную и последовательную. В самом деле, противостоящая ей точка зрения означает необходимость признания права на иск понятием *неоднородным*, включающим в себя, с одной стороны, охранительное требование к субъекту спорного материального правоотношения — *к ответчику* (иски о присуждении), с другой — притязания, обращенные собственно *к суду* (иски о признании и преобразовании), т.е. является не вполне логичной. Кроме того, в рамках концепции, отождествляющей право на иск с охранительным субъективным правом, неизбежно придется признать либо

589 *Мотовиловкер Е. Я.* Эссе об иске // Юридические записки Ярославского государственного университета. Ярославль, 1999. Вып. 3. С. 117.

590 *Крашенинников Е. А.* К теории права на иск. Ярославль, 1995. С. 15; *Его же.* Понятие и предмет исковой давности. Ярославль, 1997. С. 11.

591 *Мотовиловкер Е. Я.* Указ. соч. С. 118.

то, что одно и то же понятие обозначается двумя различными *специальными терминами*, либо существование двух тождественных друг другу понятий. Ни в том, ни в другом нет, конечно, никакого смысла; кроме того, как мы в дальнейшем увидим, такое отождествление приводит к заведомо неправильному представлению о существе исковой давности. Вот почему выше мы сказали, что будучи последовательным сторонником концепции регулятивных и охранительных правоотношений невозможно усматривать существо искового притязания в праве, обеспеченном поведением ответчика.

682. **Определение исковой давности.** *Исковой давностью называется срок, истечение которого является одним из условий прекращения права на постановление судом решения, удовлетворяющего иск — права на иск* (*искового притязания*). Существенными признаками понятия исковой давности, отраженными в приведенной дефиниции, являются следующие: 1) исковая давность — это *срок* (промежуток времени); 2) исковая давность сама по себе *лишена всякого юридического значения* — в известных ситуациях она может стать одним из элементов сложного фактического состава, который такое значение имеет; 3) субъективным правом, подверженным влиянию фактического состава, включающего в себя исковую давность (т.е. предметом исковой давности), является *право на иск* (требование истца, обращенное к суду).

В современной литературе господствует определение, сформулированное на основе того, что содержится в ст. 195 ГК[592], которая сама в свою очередь основывается на положениях прежде действовавшего законодательства, в том числе ст. 16 Основ гражданского законодательства 1961 г., ст. 78 ГК РСФСР 1964 г. и п. 1 ст. 42 Основ гражданского законодательства 1991 г. — нормах, определявших исковую давность как «*общий срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено*»[593]. Точно так же и в действующем ГК «*исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено*». Нельзя не согласиться с результатами критического анализа этой дефиниции, проделанного Е. А. Крашенинниковым, указавшим на три следующие ее основные неточности: отсутствие в ней упоминания о применении исковой давности к искам, 1) направленным на реализацию охраняемых законом интересов, а также к искам, 2) поводами к которым являются не правонарушения, а другие обстоятельства; кроме того, 3) она делает ненужное уточнение о субъекте иска как «лице, право которого нарушено», в то время как субъектом права на иск может быть и иное лицо[594]. Его право на иск точно так

592 См., например: *Кириллова М. Я., Крашенинников П. В.* Указ. соч. С. 17; *Фаршатов И. А.* Исковая давность: Законодательство: Теория и практика. М., 2004. С. 33, 39.

593 Ср. с определением, содержавшемся в ст. 44 ГК РСФСР 1922 г.: «Право на предъявление иска погашается по истечении срока, указанного в законе (исковая давность)».

594 См: *Крашенинников Е. А.* Понятие и предмет исковой давности. С. 30—36. Ср.: «...Мы можем определить исковую давность как установленный законом срок принудительного осуществления и существования права на иск» (*Ринг М. П.* Указ. соч. С. 66).

же подвержено действию исковой давности. Кроме того, «формулировка "срок для защиты" содержит в себе грубейшее логическое противоречие. Исковая давность — это срок существования возможности защиты (права на защиту), а не самой защиты»[595].

Определение исковой давности, данное самим Е. А. Крашенинниковым, как времени, «*...в пределах которого допускается принудительное осуществление права на иск с помощью юрисдикционного органа*»[596], отталкиваясь от ошибочного отождествления права на иск о присуждении с охранительным материально-правовым требованием к ответчику, само нуждается в исправлении. В существующем виде оно создает ложное впечатление о том, что право на иск, «способность» к принудительному осуществлению которого погашена исковой давностью, также может быть осуществлено, только уже без помощи юрисдикционного органа. На самом деле такому осуществлению подлежит *охранительное субъективное право*, а не право на иск, которое с истечением давности прекращает свое существование. Самый минимальный практический опыт свидетельствует о бесполезности и бессмысленности понятия иска вне связи с судебной деятельностью.

Весьма часто исковая давность определяется как «*...срок, в течение которого может иметь место принудительное осуществление права через суд, т.е. путем иска*»[597]. К этому же типу должны быть отнесены определения, заменяющие слова «принудительное осуществление права» словосочетанием «*защита права*»[598]. Все подобные определения объединяются отмеченной выше логической неточностью, заключающейся в них: исковая давность — это *срок существования возможности защиты права* (реализации охраняемого законом интереса) *по иску*, а не срок для предоставления судом такой защиты. Дальнейшая степень неточности определений этого рода зависит от того, *какое право*, по мысли их авторов, является предметом принудительного осуществления или защиты. Если имеется в виду *охранительное* субъективное право, то такое определение в сущности ничем не отличается от разобранной здесь дефиниции Е. А. Крашенинникова (с присущим ей недостатком); если же под правом *нарушенным* подразумевают *регулятивное* субъективное право (пришедшее «в боевое состояние»), то такое определение просто *неправильно*, поскольку регулятивные права вовсе не обладают способностью к принудительному осуществлению. Незначительная популярность теории регулятивного и охранительного права привела к тому, что именно этот — ошибочный — взгляд разделялся даже самыми маститыми представителями советской цивилистики. Приведем только один пример: «...исковой давностью погашается не право на предъявление иска, т.е. обращения в суд, а право на иск в смысле получения судебной защиты. — *Правомочие лица осуществить свое гражданское право принудительным образом через суд и есть право на иск*»[599] (выделено нами. — *В. Б.*).

---

595 *Мотовиловкер Е. Я.* Указ. соч. С. 126.

596 *Крашенинников Е. А.* Понятие и предмет исковой давности. С. 25.

597 *Абрамов С. Н.* Исковая давность. 2-е изд. М., 1946. С. 3.

598 См.: *Черепахин Б. Б.* Исковая давность в новом советском гражданском законодательстве // Актуальные вопросы советского гражданского права : сб. ст. / под ред. С. Н. Братуся, О. С. Иоффе, Я. А. Кушика. М., 1964. С. 71.

599 *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. С. 139.

Все определения исковой давности (не исключая определения Е. Я. Мотовиловкера, принятого за основу того, что используется в настоящем Учебнике) грешат также следующим принципиальным недостатком: они относят исковую давность к категории *сроков существования гражданских прав*. Истечение исковой давности прекращает право на иск — вот основной лейтмотив этих воззрений. Такая постановка вопроса, в принципе правильная в советское время[600], совершенно игнорирует те изменения, которые привнесены в порядок применения исковой давности современным российским ГК, а именно — *диспозитивный характер ее судебного применения*. Если прежде суд, установив в процессе рассмотрения дела факт обращения с иском за пределами истекшей исковой давности, обязан был применить исковую давность в том числе и тогда, когда об этом не просит ни одна из сторон (т.е. по собственной инициативе), то в настоящее время исковая давность применяется судом (арбитражным судом или третейским судом) *только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения* (абз. 1 п. 2 ст. 199 ГК). Это означает, что *само по себе истечение исковой давности, вне связи с иными факторами, никакого юридического значения еще не имеет*.

Как и когда способна проявить себя исковая давность? Право на иск прекращается вследствие (на основании или по причине) 1) факта *бездействия* истца (непредъявления им иска) 2) *в продолжение всего течения давности*, при условии 3) *применения* исковой давности, которое осуществляется судом 4) по *заявлению* стороны в споре. Бездействие истца + истечение давности + заявление об этом стороны спора + применение ее судом — вот тот фактический состав, в котором только и может проявить себя современная исковая давность. Отсутствие любого из этих элементов лишает исковую давность всякого юридического значения.

683. **Продолжительность исковой давности.** Исковая давность относится к категории *императивно определенных законных сроков*. Это означает, что ее протяженность (продолжительность) может устанавливаться *только законом в узком смысле слова* и не может быть ни сокращена, ни увеличена ни частными соглашениями, ни иными право-

600 В принципе, правильная, но все же не вполне точная, потому что 1) истечение исковой давности *само по себе* никогда (даже в советскую эпоху инквизиционного правоприменения) и ни на что не влияло — влияло *решение суда* о применении исковой давности, основанием вынесения которого было 2) *бездействие истца* (непредъявление им иска) в продолжение исковой давности (а не само ее истечение). К сожалению, недавнее дополнение ст. 199 ГК новым п. 3, запретившим совершение любых односторонних действий, «... направленных на осуществление права, срок исковой давности для защиты которого истек» (в том числе таких как «зачет, безакцептное списание денежных средств, обращение взыскания на заложенное имущество во внесудебном порядке и т.п.»), свидетельствует о движении мысли нашего законодателя в совершенно неправильном направлении. На место собственно исковой давности со временем предполагается водрузить нечто вроде давности требований или даже давности осуществления прав — институт, для нашего права совершенно нетипичный, и, к тому же, совсем не соответствующий современным российским реалиям. Чтобы в полной мере оценить «достоинства» нового п. 3 ст. 199, достаточно задаться только одним вопросом: а кто же и как будет определять, истек ли срок исковой давности для защиты соответствующего права?

выми актами; то же относится к порядку ее исчисления, основаниям приостановления и перерыва (ст. 198 ГК). По своей продолжительности различают *общую* и *специальную* исковую давность. Продолжительность *общей* исковой давности составляет ***три года*** (п. 1 ст. 196 ГК), исчисляемые по общему правилу «... со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права», в том числе и о том, «... кто является ответчиком по иску о защите этого права» (п. 1 ст. 200). Поскольку о нарушении права потерпевший может узнать в различное время — как *немедленно* после его нарушения, так и по истечении какого-то (более или менее продолжительного) времени со дня его совершения — во имя стабильности гражданского оборота важно определить предельную продолжительность исковой давности. Пунктом 2 ст. 196 ГК устанавливает, что исковая давность в любом случае (когда бы она ни начала исчисляться) истекает с прошествием ***10 лет*** со дня нарушения соответствующего права; данная норма, впрочем, не применяется к искам о возмещении вреда, причиненного имуществу, предъявляемым на основании Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Что же касается *специальной* исковой давности, то ее продолжительность может быть различной. Она зависит от вида погашаемого ею права на иск и может быть как менее, так и более продолжительной по сравнению с общей[601] (п. 1 ст. 197 ГК). Правила гражданского законодательства об исчислении, применении, перерыве и приостановлении исковой давности распространяются в равной степени на исковую давность как общей, так и специальной продолжительности (п. 2 ст. 197).

Для обозначения результата измерения величины исковой давности в законе и литературе используется выражение «срок исковой давности». Но если исковая давность сама определяется как срок, то это выражение должно было бы обозначать «срок срока» — понятие, не имеющее смысла. По этой причине мы говорим о *продолжительности* исковой давности, ее *величине, длительности* или *протяженности*.

Специальные давностные сроки установлены законодательством для следующих исковых требований: (1) о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недей-

601 Следует заметить, что возможность установления специальной исковой давности, более длительной, чем общая, является нововведением ГК; ранее отечественное законодательство знало только более короткие специальные сроки. Первоначальная редакция п. 1 ст. 181 ГК устанавливала единственный такого рода срок, погашающий иски о применении последствий недействительности ничтожных сделок, равный 10 годам. С последующим внесением изменений в ГК (Федеральным законом от 21.07.2005 № 190-ФЗ) эта норма свелась к традиционному трехлетнему сроку, правда, исчисляемому начиная с особого момента времени (см. ниже). В настоящее время более продолжительной (20-летней) давностью погашаются только «...иски о компенсации вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды» (п. 3 ст. 78 Федерального закона от 10.01.2001 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»).

ствительности — **один год** (п. 2 ст. 181); (2) о признании недействительной сделки, совершенной одним из супругов, по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, совершенной без нотариально удостоверенного согласия другого супруга, — **один год** (п. 3 ст. 35 СК); (3) о переводе прав и обязанностей покупателя по сделкам, совершенным в нарушение *преимущественного права покупки* — **три месяца**, видимо — со дня, когда потерпевший узнал о нарушении своего права (п. 3 ст. 250 ГК, п. 18 ст. 21 Закона об ООО, абз. 7 п. 3 ст. 7 Закона об АО, п. 8 ст. 15 Федерального закона от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»); (4) о признании недействительными решений собраний: (а) *вообще* — **шесть месяцев** со дня, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о нем, но не позднее, чем в течение двух лет со дня, когда сведения о решении стали общедоступными для участников соответствующего гражданско-правового сообщества (п. 5 ст. 181.4 ГК); (б) *по п. 2 ст. 149.4 ГК РФ* — **три месяца** со дня, когда потерпевший узнал или должен был узнать о неправомерном списании бездокументарных ценных бумаг со своего счета, но не позднее одного года со дня принятия решения; (в) общих собраний акционеров и советов директоров АО, а также общих собраний членов кооперативов — **три месяца** со дня, когда потерпевший узнал или должен был узнать о решении (абз. 2 п. 7 ст. 49, п. 6 ст. 68 Закона об АО, п. 5 ст. 17.1 Федерального закона «О производственных кооперативах», ч. 5 ст. 30.1 Федерального закона от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[602]); (г) *участников и иных органов управления ООО* — **два месяца** со дня, когда участник общества узнал или должен был узнать о принятом решении и об обстоятельствах, являющихся основанием для признания его недействительным (п. 4 ст. 43 Закона об ООО); (5) о признании недействительными решения эмитента и регистрирующего органа в сфере эмиссии, выпуска и размещения ценных бумаг — **три месяца** с момента государственной регистрации отчета об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг или с момента представления в регистрирующий орган уведомления об итогах выпуска (п. 9 ст. 26 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), а также о признании недействительной сделки, совершенной в процессе размещения эмиссионных ценных бумаг — **шесть месяцев** со дня ее совершения (п. 10 ст. 26 указанного Закона); (6) по требованиям, предъявляемым в связи с *распространением любых* (не обязательно порочащих, но не соответствующих действительности) *сведений о гражданине* в средствах массовой информации — **один год** со дня опубликования таких сведений в соответствующих средствах массовой информации (п. 10 ст. 152 ГК); (7) по требованиям, вытекающим из уклонения от нотариального удостоверения сделки или от ее государственной регистра-

602 Нормы законодательства о кооперативах, помимо определения трехмесячной продолжительности собственно исковой давности, устанавливают так называемое *общее ограничение давности*, оговариваясь, что «в любом случае» (т.е. когда бы лицо ни узнало о нарушении своего права) срок обращения в суд с иском не может превышать шести месяцев со дня принятия обжалуемого решения.

ции — требованиям по п. 1 и 2 ст. 165 ГК — **один год**, видимо — со дня совершения соответствующей сделки (п. 4 ст. 165 ГК); (8) о выкупе земельного участка (в том числе с жилым помещением на нем) для публичных нужд — **два года** (ст. 282 ГК, п. 9 ст. 32 ЖК); (9) предъявляемых к поручителю из договора поручительства — **один** либо **два года** в зависимости от случая[603] (п. 4 ст. 367 ГК); (10) вытекающих из нарушения прав кредиторов проданного или сданного в аренду предприятия — **один год** (п. 3 ст. 562, п. 3 ст. 657 ГК); (11) предъявляемых в связи с ненадлежащим качеством работы, выполненной по договору подряда (за исключением строительного) — **один год** (п. 1 ст. 725 ГК); (12) вытекающих из перевозки груза и договора транспортной экспедиции — **один год** (п. 3 ст. 797 ГК, ст. 125 УЖТ, п. 1 ст. 408 КТМ, п. 3 ст. 164 КВВТ, ст. 42 УАТ и наземного городского электрического транспорта, ст. 13 Федерального закона от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»); (13) о выдаче затонувшего в море имущества, поднятого лицом, не являющимся его собственником, — **один год** (ст. 112 КТМ); (14) вытекающих из договора имущественного страхования — **два года** (ст. 966 ГК); (15) о защите прав, вытекающих из государственных долговых товарных обязательств, перечисленных в законе, — **три года**, исчисляемые с 1 августа 2009 г. (ст. 2 Федерального закона от 01.06.1995 № 86-ФЗ «О государственных долговых товарных обязательствах»). Несколько непонятна конструкция давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного имуществу в результате террористического акта — п. 1.1 ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» говорит, что таковая определяется «в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности за совершение указанного преступления». Однако из п. 5 ст. 78 УК становится ясно, что давность привлечения к уголовной ответственности за преступления, тем или иным образом связанные с терроризмом, *не применяется*. Можно предположить, что такая давность должна составлять **15 лет** (подп. «г» п. 1 ст. 78 УК).

684. **Требования, не погашаемые давностью.** Существует ряд исковых притязаний, не подверженных действию давности, — требований, на которые никакая — ни общая, ни специальная — исковая давность не распространяется. Обращение к законодательству позволяет установить, что такие исковые притязания бывают двух видов — 1) направленные на пресечение (прекращение) длящихся правонарушений и 2) притязания, несущие в себе социальную нагрузку.

К притязаниям первого вида (из длящихся правонарушений) относятся требования (1) *вытекающие из нарушения личных неимущественных прав* и (2) требования об устранении нарушений права собственности, не соединенных с лишением владения, — так называемые *негаторные иски* (ст. 208 ГК).

---

603 Данный срок имеет значение не только давностного, но и пресекательного, ибо прекращает существование требований к поручителю. Аналогичное назначение имеют сроки вексельной и чековой давности (ст. 70 Положения о векселях и п. 3 ст. 885 ГК).

В число притязаний второго вида (социальных притязаний) входят требования (1) *о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью*[604] (ст. 208 ГК), в том числе убытков и вреда, *причиненных жизни или здоровью радиационным воздействием* (ст. 58 Федерального закона от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»), а также убытков, причиненных жизни или здоровью *террористическим актом* (п. 1.1 ст. 18 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»); (2) *вкладчиков к банкам о выдаче банковских вкладов*[605] (ст. 208 ГК); (3) *о защите прав, удостоверенных целевыми долговыми обязательствами Российской Федерации и восстанавливаемыми ценными бумагами* (ст. 9 и 11 Федерального закона от 12.07.1999 № 162-ФЗ «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации»).

685. **Начало течения исковой давности.** Течение исковой давности начинается со дня возникновения права на иск. В свою очередь *право на иск возникает со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права* (п. 1 ст. 200 ГК). Естественно, предполагается, что о нарушении своего гражданского права управомоченное лицо узнает в тот самый момент, когда произошло нарушение, что не лишает его возможности доказывать обратное, а именно: что о правонарушении ему стало известно позднее. Исключения из данного общего правила могут быть установлены ГК и иными законами; в частности, самим ГК несколько иначе определяется момент начала течения исковой давности по требованиям, вытекающим из нарушения обязательств[606] (п. 2

---

604 При этом удовлетворено такое требование может быть не более чем за три года, предшествовавшие предъявлению иска; исключение составляют случаи причинения вреда террористическим актом.

605 В литературе уже отмечалась принципиальная бессмысленность этого постановления ГК: требование вкладчика о выдаче вклада представляет собой регулятивное требование, а они, как известно, исковой давностью не погашаются. Можно предположить, что законодатель хотел выразить какую-то иную мысль, судя по всему, подчеркнуть, что требование о выдаче любого банковского вклада подлежит удовлетворению независимо от времени его предъявления — хоть через 300 лет после его внесения. При этом не имеет значения, идет ли речь о срочном вкладе, не востребованном в срок, или вкладе до востребования. Иными словами, цель обсуждаемой нормы ст. 208 ГК — указать, что *на исковую давность по искам вкладчиков к банкам не распространяются правила п. 2 ст. 200 ГК* — о сроке исполнения обязательства как начальном моменте течения исковой давности.

606 Давность по искам из нарушения обязательств *с определенным сроком исполнения* начинает течь по окончании этого срока исполнения; по искам из нарушения обязательств, *«...срок исполнения которых не определен либо определен моментом востребования»* — «...со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется льготный срок для исполнения такого требования — по окончании указанного (льготного) срока» и при этом никогда не может превысить десяти лет с момента возникновения обязательства. Внимательный читатель наверняка заметит, что мы несколько скорректировали нормы п. 2 ст. 200 ГК, поскольку в них (как и в случае с требованиями вкладчиков к банкам о выдаче вкладов) говорится не об *исковых притязаниях* из нарушения обязательств, а *о самих обязательствах — регулятивных правоотношениях*, которые задавниваться вообще не могут.

ст. 200), «по регрессным обязательствам»[607] (п. 3 ст. 200), по искам, связанным с недействительностью сделок[608], (ст. 181) и некоторым другим специальным исковым давностным срокам. Однако перемена лиц в обязательстве (состоявшаяся до или после его нарушения — безразлично) на течение исковой давности не влияет (ст. 201).

В толковании и применении общего правила о том, что исковая давность начинает течь с того момента, когда лицо *узнало или должно было узнать* о нарушении своего права, должна соблюдаться известная «середина». Любая крайность всегда опасна, но в трактовке этого правила — опасна чрезвычайно.

Одна крайность заключается в упоре на *актуальное действительное знание* конкретного истца о конкретном правонарушении (шире — основании к иску). Такое перенесение акцента позволяет фактически *парализовать действие исковой давности*: лицо, предъявившее иск, скажем, через 20 лет после правонарушения, сможет обосновывать свое столь длительное бездействие тем, что *узнало оно* о правонарушении совсем недавно — за несколько месяцев, а то и дней до предъявления иска. То, что об этом правонарушении многие другие лица узнали гораздо раньше, ничего не меняет: актуальное *чужое* знание не означает даже *должного знания* заинтересованного лица (не говоря уже о действительном). Устранению этой крайности мог бы служить институт *общего ограничения (предельной продолжительности) давности*, известный, как уже отмечалось*, отдельным нашим законодательным актам, но в качестве общего правила в ГК до недавнего времени отсутствовавший[609]. Лишь Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ ввел такое ограничение — 10 лет с момента нарушения права.

*см. п. 683

Другая крайность в определении момента начала течения исковой давности состоит в придании излишнего значения той части законоположения, которая говорит о *должном потенциальном знании*. Мало

---

607 «По регрессным обязательствам течение исковой давности начинается с момента исполнения основного обязательства», иными словами, с самого момента возникновения регрессных обязательств. В этом никакой несообразности нет, поскольку регрессное обязательство по своему существу относится к разряду *охранительных* правоотношений, способность к принудительной реализации которых предполагает иск.

608 Исковая давность по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки начинает течь «...со дня, когда началось исполнение этой сделки», либо (для иска лица, постороннего сделке) — со дня, когда истец узнал или должен был узнать о начале ее исполнения (п. 1 ст. 181 ГК); по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности — «...со дня, когда истец узнал или должен был узнать об ... обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной», за исключением давности по иску, предъявленному по двум основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 179 ГК — таковая начинает течь «...со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка».

609 Другой пример применения института общего ограничения давности мы имеем в Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров (Нью-Йорк, 14 июня 1974 г.). Согласно ст. 8 этой Конвенции продолжительность исковой давности составляет *четыре года*; при этом согласно ее ст. 23 исковая давность истекает в любом случае *не позднее чем через 10 лет со дня, когда началось ее течение.* Российская Федерация в данной Конвенции не участвует.

доказать, что лицо должно было узнать о некоем, имевшем место факте реальной действительности, надо иметь основания для уверенности в том, что лицо должно было знать (1) обо всех тех обстоятельствах, которые *являются существенными для реализации искового притязания*; (2) о том, что имевший место факт *дает основание к иску* (например, является правонарушением).

Рассмотрим пример с *квартирной кражей*, совершенной неустановленным лицом или лицами: о самом факте кражи проживающий в квартире гражданин должен узнать довольно быстро; вместе с тем пока он не получит сведений о потенциальном ответчике (похитителях, его сообщниках или лицах, во владении которых находится похищенное), он никак не сможет реализовать искового притязания. Перед нами — случай недостатка актуального и невозможности получения должного знания о фактических обстоятельствах, существенных для реализации искового притязания. В подобной ситуации исковая давность начнет течь не ранее, чем правоохранительные органы разыщут, скажем, похитителя; если же личности прикосновенных к краже так никогда и не будут установлены, то и давность так никогда и не начнет течь.

А вот пример случая, в котором отсутствует должное знание о правовой стороне факта: гражданин поскользнулся на неочищенном ото льда тротуаре, упал и при падении получил *телесные повреждения, вызвавшие долговременное расстройство здоровья*. Опять-таки, получив знание о самом факте в тот самый момент, когда он имел место, гражданин (не особенно искушенный в юридических знаниях) может так и не осознать того, что вред, причиненный его здоровью, стал следствием правонарушения со стороны местной коммунальной службы, отвечающей за безопасное состояние тротуара. Вообще вряд ли возможно рассуждать о том, когда гражданин *должен был узнать о юридической природе* того или иного конкретного факта — юридическое знание (как и всякое другое профессиональное знание) не может быть «должным». Во всяком случае формула «незнание закона не освобождает от ответственности» здесь не работает: отсутствие у гражданина достаточных познаний в области права не является правонарушением и не может влечь ни ответственности, ни иных неблагоприятных последствий, в том числе — утрату права на иск.

ГК не связывает начало течения исковой давности со случайным знанием о правонарушении — моментом, когда лицо *могло узнать* о нарушении своего права.

686. **Приостановление и перерыв исковой давности.** Течение исковой давности может быть предметом приостановления и перерыва[610]. *Приостановление течения исковой давности* выражается в том, что со дня наступления обстоятельства, являющегося основанием для приостановления, течение давности прекращается, а со дня отпадения данного основания — *возобновляется* и *продолжается в течение*

610 Кроме давности по исковым притязаниям кредиторов наследодателя: согласно абз. 2 п. 3 ст. 1175 ГК в этом случае «...срок исковой давности, установленный для соответствующих требований, не подлежит перерыву, приостановлению и восстановлению».

еще шести месяцев или давности иного (более короткого) размера[611] (п. 4 ст. 202 ГК). В отличие от приостановления *перерыв течения исковой давности* означает, что в день наступления соответствующего основания исковая давность *начинает течь заново*, так же, как если бы до этого момента она вовсе не текла (ч. 2 ст. 203). Из приведенных определений можно увидеть, что приостановление длится в течение какого-то *периода*, а перерыв представляет собой *момент* времени. Это — особенность нашего законодательства: нет принципиальных препятствий к тому, чтобы и перерыв течения исковой давности имел длящийся характер — все зависит только от того, какой круг фактических обстоятельств относится законом к числу оснований перерыва давности. Этот момент получил признание в Федеральном законе от 07.05.2013 № 100-ФЗ, внесшем соответственное изменение в ст. 204 ГК: теперь согласно ее п. 1 исковая давность перестает течь в момент обращения в суд и не течет в продолжение всего того времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права по иску.

1. Основаниями для **приостановления** исковой давности являются обстоятельства, временно затрудняющие возбуждение производства по делу или само разрешение спора по существу. К их числу ГК относит: (1) обстоятельство непреодолимой силы, препятствующее предъявлению иска; (2) нахождение истца или ответчика в составе Вооруженных Сил РФ, переведенных на военное положение; (3) отсрочка исполнения обязательств, установленная Правительством РФ (мораторий); (4) приостановление действия закона или иного правового акта, регулирующего соответствующие отношение; (5) предъявление гражданского иска, впоследствии оставленного без рассмотрения, в том числе в уголовном процессе; (6) при применении сторонами спора предусмотренной законом альтернативной (несудебной) процедуры его разрешения — медиации, посредничества и др.

Первые четыре обстоятельства (предусмотренные в п. 1 ст. 202 ГК) могут стать основаниями *для приостановления течения исковой давности*, если они возникли или продолжали действовать *в ее последние шесть месяцев* или (если продолжительность давности равна шести месяцам или менее шести месяцев) в любое время, в продолжение давности. Любое из них дает возможность квалифицировать себя как основание для приостановления давности немедленно при своем наступлении.

Иначе обстоит дело с последними (пятым и шестым) обстоятельствами, на которые указывают, соответственно, п. 2 ст. 204 и п. 3

611 ГК говорит об этом так: «*Остающаяся часть срока удлиняется* до шести месяцев, а если срок исковой давности равен шести месяцам или менее шести месяцев — до срока давности». Буквальное толкование оставляет неразрешимой ситуацию, в которой основание для приостановления отпало ... после истечения давности, т.е. ситуацию, в которой никакой «части срока», «остающейся» и подлежащей «удлинению» не имеется («остающаяся часть срока» равна нулю). По этой причине представляется более правильным говорить о том, что с отпадением основания приостановления течение давности возобновляется. При этом продолжительность возобновленной течением давности не может превышать шести месяцев или иного (более краткого) срока.

ст. 202 ГК. До недавнего времени предъявление иска рассматривалось, вообще говоря, как основание для перерыва давности, а не для ее приостановления (см. ниже). Но предъявление гражданского иска, соединенное с его оставлением без рассмотрения, может получить различное юридическое значение, которое будет зависеть, в том числе и от того, предъявлен ли он как *самостоятельный*, или же как подчиненный иск в рамках уголовного процесса. Если будет оставлен без рассмотрения *самостоятельный* гражданский иск, то «... течение срока исковой давности, начавшееся до предъявления иска, продолжится в общем порядке, если иное не вытекает из оснований, по которым осуществление судебной защиты права прекращено»; если же будет оставлен без рассмотрения гражданский иск *в уголовном деле*, то исковая давность возобновит свое течение только с момента вступления в законную силу соответствующего приговора. Такое (по существу приостанавливающее) действие предъявление иска оказывает *в любом случае*, т.е. независимо от того, когда оно (предъявление) имело место — в последние шесть месяцев срока или ранее. Однако, если остающаяся часть срока менее шести месяцев (в том числе равна нулю), она, так же как в общем случае, «удлиняется» до шести месяцев, «...за исключением случаев, если основанием оставления иска без рассмотрения послужили действия (бездействие) истца.

Особое выделение такого основания для приостановления давности, как применение сторонами спора предусмотренной законом альтернативной (несудебной) процедуры его разрешения, обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, оно «работает» (оказывает приостанавливающее действие) *всегда*, независимо от того, когда это имело место — в последние шесть месяцев срока или ранее, а во-вторых — тем, что такое (приостанавливающее) действие «работает» *только в течение строго определенного срока* — времени, установленного законом для проведения соответствующей процедуры, а при отсутствии такого срока — в течение шести месяцев со дня начала соответствующей процедуры. Подобного ограничения не знает ни один из других случаев приостановления — там приостановление будет длиться все то время, в течение которого будет существовать и действовать основание для него (год — значит год, два года — значит два года и т.д.).

Специальные основания приостановления течения исковой давности известны и некоторым другим нормативным актам. Так, п. 2 ст. 407, а также ст. 412 КТМ вводят дополнительно к предусмотренным ГК также такие основания приостановления течения исковой давности, как (1) *предъявление* к перевозчику *претензии*, вытекающей из договора морской перевозки груза (приостанавливает течение давности на период рассмотрения перевозчиком претензии); (2) *вынесение диспашером постановления о наличии общей аварии* (приостанавливает течение давности на время проведения расчетов по общей аварии до дня получения диспаши заинтересованным лицом).

2. Обстоятельством, **прерывающим** течение давности, признается согласно ч. 1 ст. 203 ГК факт, подкрепляющий право на иск новым основанием, а именно — совершение обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга (например, признания претензии, частичного платежа, просьбы об отсрочке, заключения договора, направленного на замену существующего долга или изменение

его условий и т.д.). До недавнего времени (до Федерального закона от 07.05.2013 № 100-ФЗ) основанием для перерыва давности признавалось также «предъявление иска в установленном порядке», что создавало целый ряд практических затруднений и теоретических недоумений. Мы рассказали о них в прошлом издании Учебника, к которому и отсылаем интересующихся читателей. Здесь же нам достаточно отметить, что теперь все эти затруднения сняты, хотя и своеобразным способом: п. 1 ст. 204 ГК — не квалифицировав предъявление иска ни в одном из качеств (ни как основание для перерыва, ни как основание для приостановления давности) — установил, что «*...со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права ...* ***срок исковой давности не течет***», но в случае оставления иска без рассмотрения *возобновляет (продолжает) свое течение в общем порядке*, т.е. в оставшейся (неистекшей) или удлиненной до 6-ти месяцев, части (ст. 204). При этом возобновление течения давности начинается с момента вступления в законную силу либо определения суда об оставлении иска без рассмотрения, либо (если речь идет о гражданском иске в уголовном процессе) — приговора по соответствующему уголовному делу (п. 2 ст. 204).

Почему же в таком случае предъявление иска не внесли в число оснований для приостановления давности? Очевидно, потому, что оно оказывает приостанавливающее действие не всегда, а *только тогда, когда предъявленный иск оставлен без рассмотрения*. В момент предъявления иска невозможно сказать, чем окончится процесс, а значит и юридический эффект предъявления предвидеть невозможно. Если спор будет разрешен по существу (неважно, в каком смысле — удовлетворения ли требований истца, или отказа в таковых) право на иск будет прекращено и об исковой давности, следовательно, уже не будет никаких оснований рассуждать.

687. **Пропуск исковой давности, ее применение и восстановление.** Как уже отмечалось исковая давность сама по себе не имеет юридического значения. Юридически значимым обстоятельством является *пропуск истцом исковой давности*, т.е. его бездействие в деле осуществления принадлежащего ему права на иск в продолжение всей исковой давности. Никто, однако, не вправе ссылаться на факт пропуска давности до тех пор, пока он не установлен *судом*. До революции и в советский период суд, установивший в процессе рассмотрения иска факт его предъявления за пределами исковой давности (т.е. факт пропуска исковой давности), должен был *применить исковую давность — отказать в иске*. В настоящее время применение исковой давности не имеет императивного (инквизиционного) характера — оно осуществляется судом *только по заявлению стороны спора*. Следовательно, суд обязан не только принять к рассмотрению каждый предъявленный иск, но и *рассмотреть любое требование по существу* в том числе и тогда, когда в процессе рассмотрения он установит факт пропуска исковой давности. Даже при поступлении заявления стороны в споре о приме-

нении исковой давности суд не имеет права немедленно остановить рассмотрение дела и вынести «отказное» решение: сначала он должен 1) *разрешить спор по существу*, после чего (если истец не опровергнет доводов ответчика о пропуске давности, не станет ходатайствовать о ее восстановлении или такое ходатайство, будучи поданным, будет найдено необоснованным) 2) *отказать в иске*, причем, мотивировать такой отказ 3) *именно пропуском исковой давности* (п. 2 ст. 199 ГК).

Данное рассуждение станет вполне понятным, если вспомнить, что предметом исковой давности является *право на защиту по иску* — право на благоприятное для истца судебное решение. Пропуск исковой давности в ситуации, когда фактические обстоятельства дела подтверждают законность и обоснованность требований истца, лишает последнего данного права. Но *пропуск исковой давности не поражает права на иск в процессуальном смысле — права на правосудие*, т.е. на законное, всестороннее, объективное и беспристрастное судебное разбирательство. Показательно, что такое право принадлежит не только истцу, но каждому из лиц, участвующих в деле: само их участие в нем свидетельствует о наличии у каждого из них своего собственного интереса в судебном установлении фактических обстоятельств дела и его разрешении по существу. Отказывать в удовлетворении такого интереса у суда нет, конечно, никаких оснований. Иначе получилось бы, что пропуск давности истцом умаляет правоспособность (право на правосудие) иных участвующих в деле лиц, в то время как право истца на благоприятное судебное решение по иску — то единственное, что может и должен прекратить пропуск исковой давности[612].

Заявление о применении исковой давности может быть сделано *только стороной спора* — истцом или ответчиком, действующими как лично, так и через представителей, но не иными лицами, участвующими в деле. Обычно такое заявление делается, конечно, *ответчиком*, причем, как правило, в самом начале процесса — так ведут себя лица, внутренне знающие о том, что они в соответствующем споре не правы, а также ответчики, не желающие обременять себя представлением доказательств своей правоты. Какими бы мотивами ни руководствоваться, следует помнить, что грамотно и нелицеприятно действующий суд рассмотрит и разрешит дело по существу в соответствии с представленными доказательствами и иными имеющимися в нем материалами *в любом случае*, в том числе и тогда, когда ответчик сделал заявление о пропуске истцом исковой давности. Полагаясь на одно только «дав-

612 К сожалению, данное рассуждение весьма радикально расходится с действующим законодательством, в том числе с ч. 6 ст. 152 ГПК, который позволяет суду рассматривать возражение ответчика относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности уже в предварительном судебном заседании и при установлении данного факта — принять решение об отказе в иске «*...без исследования иных фактических обстоятельств по делу*». Аналогичное указание находим и в норме абз. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК, который считает вполне достаточным указать в мотивировочной части решения, отказывающего в иске в связи с признанием неуважительными причин пропуска срока исковой давности, на установление судом *только одного этого обстоятельства*. Экономя, конечно, время и ресурсы гражданских судов, подобные нормы не имеют ничего общего с правосудием. Можно только порадоваться, что АПК подобных постановлений не содержит.

ностное» возражение, сосредоточивая основное внимание на всестороннем обосновании именно его, ответчик нередко упускает из виду содержательную сторону процесса. Даже если суд откажет в иске, согласившись с давностным возражением, такое решение по существу будет утверждать правоту истца и вполне может послужить весомым «аргументом» при внесудебном урегулировании отношений сторон.

Почему ГК говорит о том, что «давностное» заявление может делаться не одним только ответчиком, а любой «*стороной в споре*» (т.е. как ответчиком, так и истцом)? Ведь очевидно, что в громадном большинстве случаев такое заявление будет делаться *ответчиком*. Существуют ли ситуации, когда заявление о пропуске исковой давности делается *истцом*? Ответ на этот (на первый взгляд, странный) вопрос очевиден: конечно, существуют, и это те случаи, когда такое заявление *невыгодно делать ответчику*. Все они так или иначе вращаются вокруг одного сюжета: *в процессе рассмотрения дела обе стороны понимают, что истец не сможет доказать фактических обстоятельств и, в конечном счете своего права*. Ясно, что ответчику в подобном случае выгоднее довести процесс до конца, дабы получить решение «отказное» *по сути*, а не просто по мотиву пропуска оппонентом исковой давности. Для истца же, напротив, предпочтительнее отказное решение, принятое по давностному (чисто формальному) мотиву, поскольку оно сохраняет за ним подтвержденное судом (хотя бы и косвенно) требование, составляющее натуральное обязательство — эффект, которого не дают ни отказ от иска, ни реализация истцом какой-либо другой из принадлежащих ему процессуальных возможностей[613]. Сделанное в подобной ситуации заявление об «авто-пропуске» давности, конечно, весьма напоминает злоупотребление правом, однако отказать в признании такой возможности за истцом — значит нарушить принцип процессуального равенства сторон.

Как можно было бы пытаться парализовать заявление о пропуске исковой давности? Существует несколько способов: (1) можно *оспаривать правильность давностного заявления по существу* (например, доказывая иной начальный момент течения давности, неправильность ее исчисления, или применения давности иной, более короткой продолжительности и т.д.); (2) можно доказывать, что давностное заявление сделано без учета обстоятельств, являвшихся основаниями для *приостановления* или (3) *перерыва* в ее течении; наконец, (4) можно ходатайствовать о *восстановлении* исковой давности, доказав *уважительность причин ее пропуска* (ст. 205 ГК). Последнее средство закон предоставляет только *истцам-гражданам*. Уважительными могут быть признаны, в частности, такие причины пропуска исковой давности, как тяжелая болезнь истца, его беспомощное состояние, неграмотность, пребывание на службе в вооруженных силах, не находившихся на военном положении, пребывание в командировке, отбывание наказания

613 Существует, впрочем, мнение, согласно которому «...формулировка п. 2 ст. 199 ГК РФ о применении исковой давности по заявлению стороны в споре не должна ... толковаться в том смысле, что давность применима и по заявлению истца, являющегося стороной в споре (исключение, очевидно, будет составлять случай судебного зачета, когда направленное против ответчика возражение о пропуске исковой давности заявляется истцом)» (*Сарбаш С.* Вопросы исковой давности // Хозяйство и право. 2000. № 4. С. 19).

в месте лишения свободы и др. Любое из подобных обстоятельств должно быть (1) неразрывно связано с личностью данного конкретного истца, (2) препятствовать предъявлению иска и (3) наступить либо продолжать действовать в течение последних шести месяцев исковой давности, а если продолжительность давности равна шести месяцам или менее шести месяцев, то принимаются в расчет обстоятельства, наступившие в любое время, в продолжение всего течения давности.

Восстановление судом давности не означает ни ее *продления*, ни *изменения начала ее отсчета.* Термин «восстановление» следует понимать относительно, т.е. *применительно лишь к одному определенному иску*. Суд рассматривает его так, *как будто исковая давность не истекла*, что не отменяет того обстоятельства, что *в действительности она все-таки истекла.* Восстановление давности означает *рассмотрение конкретного иска несмотря на истечение давности и заявление ответчика об этом.* В случае предъявления другого иска по тому же поводу истцу придется повторно обосновывать уважительность причин пропуска давности, если ответчик сделает заявление о ее применении.

В советской литературе существовал вялотекущий спор о возможности или невозможности внесудебного применения исковой давности, которому «повезло» быть унаследованным современной литературой и, что самое неприятное, действующим законодательством, а именно — некоторыми нормами первой части ГК, связавшими юридические последствия не с *судебным применением* исковой давности, а с простым ее *истечением.* Именно: (1) истечение давности по главному требованию *влечет за собой истечение давности по искам о защите дополнительных прав* (ст. 207); (2) момент истечения давности по виндикационному иску является в то же время *начальным моментом течения давности приобретательной*, истечение которой, в свою очередь, может вообще лишить истца права собственности на спорную вещь (п. 4 ст. 234); (3) истечение исковой давности по требованию к одному из лиц, участвующих в обязательстве, само по себе *не затрагивает требований кредитора к остальным участникам обязательства* (п. 1 ст. 308); (4) истечение исковой давности по известному требованию, о котором (т.е. об истечении) сделано заявление другой стороны (должника), *лишает такое требование способности быть предметом зачета* (ст. 411). И если третий случай особенных проблем не вызывает (ведь в нем идет речь об *отсутствии* юридического значения у факта истечения давности), то случаи 1), 2) и 4) нуждаются, конечно, в разъяснении.

Прежде всего надо уточнить, что все нормы ст. 207 и 411 ГК не имеют смысла при своем буквальном прочтении. Исковая давность применяется только к правам на иски, но не к регулятивным правам (требованиям). Оставим эту неточность на совести законодателя, объяснив ее особенностями исчисления давности по искам, направленным на защиту обязательственных прав (п. 2 ст. 200). Что же касается существа проблемы, то оно заключается в следующем: *поскольку заявление о пропуске* (*истечении*) *исковой давности может быть предметом оспаривания* (см. выше про содержательные репликации, ссылки на основания приостановления и перерыва, а также восстановления), *внесудебное применение давности следует признать невозможным.* Нормы ГК, говорящие, как может показаться, об обратном, должны пониматься поэтому следующим образом: они предоставляют заин-

тересованному лицу возможность самоопределения того, пропустил ли его контрагент исковую давность и действовать исходя из результатов этого самоопределения, но *исключительно на свой страх и риск*. Так, например, (1) поручитель, отказывающийся платить потому, что считает притязание к себе задавненным *по причине пропуска давности по основному обязательству*, рискует (не доказав этого возражения в суде) оказаться в просрочке; (2) владелец, ссылающийся на истечение давности владения, присоединенной им *к самостоятельно исчисленной исковой*, рискует (в том случае, если противная сторона в суде докажет неправильность такого исчисления) своим статусом давностного владельца; наконец, (3) *заявление о* применении давности, направленное на поражение зачетоспособности регулятивного требования, *может быть* (*по сути своей*) *сделано только суду* (в рамках процесса о недействительности произведенного зачета).

688. **Последствия пропуска (истечения) исковой давности.** На каком же основании суд, столкнувшись с заявлением стороны спора о пропуске исковой давности и найдя исковую давность действительно пропущенной, может и должен отказать в удовлетворении иска, во всех иных отношениях законного и бесспорочного? Ответ на этот вопрос есть разъяснение того юридического значения, которое имеет сам *факт пропуска* (или, как обычно говорят, *истечения*) *исковой давности*. Пропуск исковой давности* выступает *одним из элементов сложного фактического состава*, который прекращает право на судебную защиту либо на судебную реализацию охраняемого законом интереса, т.е. *право на иск*. Последующее накопление необходимых элементов состава порождает *правовой эффект, имеющий обратную силу*, традиционно приурочиваемую к одному только факту пропуска (истечения) давности.

*см. п. 682

В этом отношении пропуск исковой давности может быть уподоблен факту открытия наследства, который, не порождая и не изменяя никаких гражданских правоотношений *сам по себе*, все же становится основой для последующего накопления фактического состава (в частности, из таких фактов, как принятие наследства, оформление наследственных прав и раздел наследства). С накоплением необходимого состава его юридическому эффекту придается *обратная сила*: наследство признается принадлежащим наследникам *с момента его открытия*, несмотря на то что необходимые для приобретения наследства факты наступили позднее.

С тезисом о том, что пропуск впоследствии примененной судом исковой давности является тем фактом, к которому приурочивается истцом утрата возможности исковой защиты права (права на иск), никто в общем и не спорит. Но еще в дореволюционную эпоху развития российской цивилистики была высказана мысль о том, что пропуск исковой давности прекращает не одно только право на иск, но и *само нарушенное материальное право, защищаемое иском*, подобно тому, как прекращает право собственности истечение давности приобретательной. Теорию так называемой *единой давности* отстаи-

вали многие видные ученые, к примеру, К. Д. Кавелин: «*Под давностью*, — указывал он, — *разумеется* пользование, в продолжение известного времени, определенного законом, несуществующим правом, или *непользование правом, вытекающим из юридического отношения уже существующего, вследствие чего*, в первом случае, установляется новое юридическое отношение, а во втором — *существующее* (*юридическое отношение. — В. Б.*) *прекращается*. Давность первого рода называется *приобретательной*, второго — *погашающей*. — Давностью установляются новые юридические отношения только по реальным предметам, а по нереальным (действиям, правам) не установляются. Прекращаются (погашаются) давностью всякие юридические отношения, каков бы ни был их предмет. Таким образом, когда давностью установляются новые юридические отношение по реальному предмету, прежние, такие же юридические отношения, по тому же предмету, прекращаются (например, право собственности, приобретаемое давностью одним, теряется тем самым для другого); *когда же давностью погашаются юридические отношения по нереальным предметам* (по «действиям и правам», т.е. по обязательствам. — *В. Б.*), *то вместо этих отношений не возникают другие*»[614].

Впрочем, тогда же была сформулирована и концепция, отказывающаяся видеть в давности исковой и приобретательной какие-либо общие черты, достаточные для построения на их основе общего института давности как основания прекращения (погашения) материальных прав. Давность *приобретательная* действительно оказывает материально-правовое прекращающее действие, это верно. Но действие давности *исковой* ограничивается уничтожением одного только права на иск, но не защищаемого иском материального права. Ничего несообразного в таком несоответствии нет. То, что и то и другое суть давность — еще ни о чем не говорит: ни о том, что давность исковая должна обладать чертами приобретательной, ни о том, что приобретательная должна нести в себе черты давности исковой. «В источниках римского права, — писал И. Е. Энгельман, — мы не находим ни юридического термина, выражающего то, что по упомянутой теории означается словом давность, ниже самого понятия о ней. То, что по вышеизложенной теории является выражением одного общего понятия, оказывается весьма различного свойства. Так называемые стороны одного и того же учреждения суть отдельные учреждения, не имеющие общего основания, не состоящие между собой в непосредственной связи ... — Из давности исковой сочинили общую погасительную давность вследствие неосуществления права, с причислением к ней даже всех процессуальных и других сроков, не имеющих в юридическом отношении ничего общего с давностью. ... — По римскому праву все случаи, в которых истечение времени имеет влияние на приобретение и прекращение прав ... развились ... более или менее самостоятельно и оказываются по существу своему вполне различными друг от друга. В особенности различаются между собой самые важные из них, имеющие преобладающее теоретическое значение, — давность владения и давность исковая. Между тем как давность владения отно-

614 *Кавелин К. Д.* Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: Опыт систематического обозрения // Избранные произведения по гражданскому праву. М., 2003. С. 226.

сится лишь к праву собственности на вещи осязаемые, где возможно владение, которое и есть в этом учреждении главный двигатель, давность исковая распространяет свое действие на все имущественные права *по отношению к отысканию и к защите их иском по суду. Давностью исковой не отменяется самое право, но только возможность защищать оное, требовать его признания*»[615] (выделено нами. — *В. Б.*).

Спор перешел в советскую литературу[616], где вскоре был перенесен на (традиционную и в какой-то мере неизбежную для той эпохи) большe идеологическую почву. Основанная на знаменитом ленинском тезисе о праве, которое «...есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»[617] (цитируемом ли непосредственно в той или иной работе, либо же просто подразумеваемом ее автором) «...цепочка рассуждений о природе давностного срока становилась предсказуемой и единственно возможной ... Так, если возможность быть принудительно осуществленным с помощью государственного аппарата внутренне присуща любому субъективному праву, если в результате нарушения права указанная возможность актуализируется, из-за чего субъективное право переходит в другую стадию своего развития или, что одно и то же, преобразуется в единственно возможное состояние — состояние "годности" к принуждению с помощью государственного аппарата, т.е. в право на иск (в материальном смысле), то истечение исковой давности ведет к погашению указанного права на иск и, следовательно, самого субъективного права»[618].

Большинством современных писателей разделяется взгляд, согласно которому пропуск (истечение) исковой давности прекращает *только право на иск*, но *не прекращает самого нарушенного права*. Эта — и только эта! — концепция может быть принята нами как

---

615 *Энгельман И. Е.* О давности по русскому гражданскому праву. М., 2003. С. 113, 117.

616 С подачи М. М. Агаркова (Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 50—60).
Обзор и анализ точек зрения, см.: *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. С. 223—239; *Деревянко Г. Ф.* Последствия истечения исковой давности // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. V : Вопросы гражданского права. М., 1958. С. 35—58; *Мусарский С. В.* О существовании обязательств с истекшей исковой давностью // Законодательство. 2008. № 7. С. 33—38; *Терещенко Т. А.* Исковая давность: Проблема переосмысления традиционного представления // Правоведение. 2006. № 3. С. 39—61.

617 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99. В работе М. М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву» этот тезис открывает параграф, посвященный понятию санкции в обязательстве: «Как указал Ленин, "...право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права"... Поэтому в понятие обязательства неизбежно в качестве его элемента входит и санкция, обеспечивающая осуществление права кредитора и исполнение обязанности должника. В силу обязательства должник не только должен исполнить то, что составляет содержание его обязанности, но и отвечает в случае неисполнения» (С. 44). Ну а коль скоро «...санкция является необходимым элементом понятия обязательства, то *обязательство мы имеем налицо лишь в тех случаях, когда неисполнение одной из сторон* (*должником*) *дает другой стороне* (*кредитору*) *право осуществить свои требования в принудительном порядке* (*по общему правилу через суд*) и получить от должника удовлетворение либо в натуре, либо в виде денежного возмещения (убытки или штраф, либо то и другое вместе)» (С. 50. выделено нами. — *В. Б.*). Отсюда и получается, что с истечением (пропуском) исковой давности по обязательству это последнее неизбежно должно будет прекратиться.

618 *Терещенко Т. А.* Указ. соч. С. 40—41.

сторонниками теории регулятивного и охранительного права. Если верно, что право на иск является одной из правовых форм, направленных на реализацию государственного принуждения (средства обеспечения исполнения охранительной обязанности), то *пропуск исковой давности просто по определению никак не может повлиять на регулятивное гражданское правоотношение, с которым ни понятие иска, ни понятие давности ровным счетом никак не связаны.* Не случайно противоположный взгляд *обязательно* предполагает принципиальное непринятие центрального постулата нашей теории, четко разделяющей и противопоставляющей друг другу регулятивные и охранительные правоотношения. Воззрение, согласно которому пропуск исковой давности прекращает не только право на иск, но и *защищающееся им материальное гражданское право*, допустимо только в рамках советских концепций «права на иск в материальном смысле», «права на защиту» как правомочия, «дремлющего» в составе каждого субъективного гражданского права с самого момента его возникновения, но «пробуждаемого» фактом гражданского правонарушения и приводящего нарушенное субъективное право «в боевое состояние». Но даже оставаясь в рамках этой — противостоящей — концепции, нельзя не согласиться с И. Б. Новицким в том, что представляется правильным поставить ответ на вопрос о действии исковой давности «...в связи с тем экономическим основанием, которое лежит в основе института исковой давности, и с той целью, которую он преследует. ... — Установлением сроков исковой давности вовсе не имелось в виду освобождать обязанное лицо ... от лежащей на нем обязанности и этим как бы поощрять неисполнение обязательства в расчете на возможность пропуска управомоченным лицом срока на предъявление иска. Поэтому, отказывая управомоченному лицу в активной защите его права исковым порядком, ... закон все же считается с самим его (материальным) правом и соответствующей обязанностью на другой стороне. Это выражается в том, что в случае добровольного исполнения должником лежащей на нем обязанности по истечении срока давности такое исполнение признается имеющим юридическую силу»[619]. Думается, что именно в этом смысле должны быть истолкованы и нормы ст. 206 и 1109 современного российского ГК, не позволяющие должнику, исполнившему обязательство за пределами пропущенной кредитором исковой давности, возможности потребовать исполненное обратно.

---

619 *Новицкий И. Б.* Сделки. Исковая давность. С. 228, 229.
Подробнее вопрос о социальных функциях исковой давности см.: Там же. С. 142—151.

Указатели к тому II

Указатель сокращений

Наименования государств

РФ — Российская Федерация (в надлежащем, соответствующем контексту);

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика;

СССР — Союз Советских Социалистических Республик.

Наименования государственных органов[620]

ЦИК СССР — Центральный Исполнительный комитет СССР;

СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР;

ЦБ РФ — Центральный банк Российской Федерации (Банк России).

Конституция

Конституция — Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.

Гражданский кодекс

ГК — Гражданский кодекс РФ. См.:

— **часть первая ГК**: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ;

— **часть вторая ГК**: Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ;

— **часть третья ГК**: Федеральный закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ;

— **часть четвертая ГК**: Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

Прежнее гражданское законодательство

ГК РСФСР 1922 г. — Гражданский кодекс РСФСР: принят 31 октября 1922 г. на IV сессии ВЦИК РСФСР IX созыва; введен в действие постановлением ВЦИК РСФСР от 11.11.1922;

Основы гражданского законодательства 1961 г. — Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утверждены Законом СССР от 08.12.1961;

ГК РСФСР 1964 г. — Гражданский кодекс РСФСР: Утвержден Законом РСФСР от 11.06.1964;

Основы гражданского законодательства 1991 г. — Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утверждены постановлением Верховного Совета СССР от 31.05.1991 № 2211–1.

Иные отраслевые кодексы

БК — Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ;

Водный кодекс — Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.06.2006 № 73-ФЗ;

---

620 Наименования органов государственной власти РФ сокращены в соответствии с Перечнем, утвержденным распоряжением Администрации Президента РФ и Аппарата Правительства РФ от 16.07.2008 № 943/788.

Градостроительный кодекс — Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ;
ЖК — Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 189-ФЗ;
ЗК — Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ;
КоАП — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2991 № 195-ФЗ;
ЛК — Лесной кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2006 № 200-ФЗ;
НК — Налоговый кодекс Российской Федерации: часть первая — Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая — Федеральный закон от 05.08.2000 № 117-ФЗ;
СК — Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ;
ТК — Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ.

Процессуальные кодексы

ГПК — Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ;
АПК — Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2002 № 95-ФЗ.

Транспортные уставы и кодексы

Воздушный кодекс — Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ.
КВВТ — Кодекс внутреннего водного транспорта РФ: Федеральный закон от 07.03.2001 № 24-ФЗ;
КТМ — Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: Федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ;
УЖТ — Устав железнодорожного транспорта РФ: Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ.

Иные сокращения

АО — акционерное общество;
гл. — глава (-ы);
ЗАО — закрытое акционерное общество;
ООО — общество с ограниченной ответственностью;
п. — пункт (-ы);
подп. — подпункт (-ы);
разд. — раздел (-ы);
см. — смотри;
СМИ — средства массовой информации;
ср. — сравни;
ст. — статья (-и);
ч. — часть (-и).

Алфавитно-предметный указатель

Аберрация — см. Ошибка;
Абсолютная и относительная недействительность сделок — п. 557;
Абсолютные и относительные события — п. 486.1, 667;
Абстрактное и конкретное — п. 476, сноска (закрепленное нормой права как А. и имеющее место в реальной действительности как К.), 477 (А. предпосылки и К. условия динамики гражданско-правовых форм), 576 (условия А. договорного типа и условия К. гражданско-правового договора), 681, «б» (направления теории права на иск);
Абстрактное мышление — п. 281, в том числе сноска, 285, сноска, 447, 475—477, 632.2, 665;
Абстрактность (как свойство правоспособности) — п. 264, 277, 279—282, 403, 469, 604, 605, 661;
Абстрактные и каузальные сделки (и обязательства) — п. 437, в том числе сноска (смешение с публичной достоверностью), 438, 554, в том числе сноска, 582;
Абстрактные и конкретные убытки — п. 643;
Абстрактные правовые формы — п. 277, 476, сноска, 493, 502;
Автономия воли — п. 265, 407, 464, 465, сноска, 484, 501, 504, 505, 510, 512, 533, 558, 563, 566 и 567 (договорное регулирование общественных отношений как сфера проявления А. в.), 568, 603—606 (в корпоративном праве), 613, 616, сноска, 617, 618, 627, 629, 630;
Автономные некоммерческие организации — п. 329 (А. н. о. как организационно-правовая форма юридических лиц);
Автономные учреждения — п. 329 (А. у. как организационно-правовая форма юридических лиц);
Авторские права — п. 309 (как предмет самостоятельного приобретения и осуществления несовершеннолетними), 454 (как правовая форма принадлежности уникальных результатов творческой деятельности), 456 (как правовая форма формальной охраны результатов творческой деятельности), 458 (объекты А. п.);
Авторство — п. 465, 467.1;
Агентский договор — п. 312, 316, 322 (прекращение А. д. с признанием гражданина-агента ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим);
Агентства федеральные (разновидность органов исполнительной власти) — п. 373;
Агенты — п. 530 (как лица, действующие на чужой счет);
Адвокатские образования — п. 329 (А. о. как организационно-правовая форма юридических лиц);
Адееспособность — § 8 гл. 10, в том числе п. 317 (понятие), 318 (гражданско-правовое значение), 562 (сделки, совершенные в состоянии А.);
Административная защита гражданских прав — п. 518 (органы, организации и лица, занимающиеся А. з. г. п.);
Административные акты — см. Акты административные;
Акты административные — п. 541 (соотношение со сделками), 618 (соотношение с судебными актами); § 2 и 3 гл. 21, в том числе п. 622 (сфера и пределы гражданско-правового использования А. а.), 623 (формы воздействия А. а. на частные отношения), 624 (виды А. а.), 625 (регистрационные А. а.), 626 (лицензионные А. а.), 627 (плановые А. а.), 628. (конститутивные А. а.), 629 (А. а. согласования и контроля), 630 (распорядительные А. а.), 631 (А. а. относительного действия);
Акты власти — п. 333, 334 (акты государственной регистрации юридических лиц); гл. 21, в том числе § 1 [понятие и признаки, в том числе п. 615 (определение), 616 (властное происхождение), 617 (области и основания допустимого вмешательства), 618 (формы А. в., административные и судебные акты), 619 (ясность и бесповоротность А. в.), 620 (возможность обжалования А. в.), 621 (способы вторжения А. в. в частную жизнь)], § 2 и 3 (административные акты — см.); § 4 (судебные акты — см.);

см. также § 5 гл. 22 (недействительные юридические акты);
Акты гражданского состояния — п. 302 (понятие, смысл выделения и виды), 493 (как юридические состояния);
Акты корпоративные — см. Корпоративные акты;
Акты юридические — п. 484, 485.1, 500 и 501 (общее понятие и виды); 541 (соотношение со сделками); гл. 18 (сделки — см.), гл. 19 (договоры — см.), 20 (корпоративные А. — см.), 21 (А. власти — см.);
Акцепт (принятие предложения заключить договор) — п. 590, 591, 592 (А. предложения об участии в торгах), 593 (А. предложения заключить договор, обязательный для заключения);
Акционерное общество — см. Государственные акционерные общества, Общества (хозяйственные);
Алеаторные и коммутативные сделки — п. 556.2, 585;
Аноним, анонимное участие в обороте — п. 332, в том числе сноска (недоступность А. у. в о. для юридических лиц как общее правило), 463 (1) (право физического лица на А. у. в о.);
Антимонопольные требования — п. 336 (при создании юридических лиц), 352 (при ликвидации юридических лиц), 359, 360 (при реорганизации юридических лиц);
Арбитражные суды — п. 516 (4) (подведомственность);
Артель — см. Кооперативы;
Ассоциации и союзы — см. Объединения;
Аукцион — п. 592 (А. американский и А. голландский);
Аффект (состояние А.) — см. Адееспособность;
Аффилированные лица — п. 303;
Баланс (юридического лица) — п. 328, 331; см. также Ликвидация;
Банки — п. 350 (минимальный уставной капитал), 433, 434 (уполномоченные Б.), 434 (иностранные Б.);
Банкротство — см. Несостоятельность;
Безвестно отсутствующий — см. Безвестное отсутствие;
Безвестное отсутствие — § 9 гл. 10, в том числе п. 319 (существо и назначение института Б. о.), 320 (условия констатации Б. о.), 322 (последствия признания Б. о.), 324 (явка безвестно отсутствующего);
Безвозмездность, безвозмездные договоры — см. Возмездные и безвозмездные договоры;
Бездокументарные ценные бумаги — п. 450^3;
Безналичные денежные средства и безналичные расчеты — п. 432, 450^2;
Безобъектные правоотношения — п. 385 (проблема Б. п.), 403;
Бесповоротность — п. 537 (сделки); 619 (акта власти);
Бесхозяйное имущество — п. 356;
Биржи — п. 329, 346 (товарные, фондовые и валютные Б. как организационно-правовая форма юридических лиц);
Блага (объекты гражданского права и гражданских правоотношений) — предисловие, разд. V, в том числе гл. 13 (общее учение), 14 (материальные Б. — см.) и 15 (нематериальные Б. — см.);
Благо (теория Б. как объекта прав) — п. 384;
Благотворительные организации — п. 346;
Бланкетность — см. Абстрактность;
Брак — п. 302 (заключение и расторжение Б. как акт гражданского состояния), 305 (2) (вступление в Б. как основание диспенсации), 322 (упрощенный порядок расторжения Б. с безвестно отсутствующим), 323 (прекращение брака с гражданином, объявленным умершим), 493 (состояние в Б. как юридическое состояние);
Брачные отношения — см. Брак, Семейные отношения;
Бумаги на предъявителя — см. Ценные бумаги;
Валюта, валютные ценности — п. 430.2, 431, сноска (золотое содержание иностранных В.), 433 (иностранная В., В. ц. и операции), 434 (принципы правового регулирования валютных операций);
Вещество (вид материи) — п. 409, 410;
Вещи — гл. 14, в том числе § 1 |понятие В., в том числе — п. 410 (В. как матери-

альные блага), 411 (господство над В.), 412 (потребительная и меновая стоимость (полезность и ценность) В.)|, § 2 |виды В., в том числе 413 (движимые и недвижимые В.), 414 (В. родовые и индивидуальные), 415 (В. потребляемые и не потребляемые), 416 (В. делимые и неделимые), 417 (главные В. и принадлежности), 418 (В. простые и сложные) 419 (капиталы и доходы), 420 (иные классификации В.)|; § 3 (недвижимые В. — см.), § 4 (деньги и валютные ценности — см.), § 5 (ценные бумаги — см.);

Вещь (теория В. как объекта прав) — п. 384;

Вещный договор — п. 556 (1) (частный случай распорядительной сделки);

Визитная карточка — п. 463 (4) (как средство индивидуализации физического лица);

Вина — п. 645 (понятие), 646 (соотношение с причинной связью), 669 (соотношение со случаем);

Виндикационный иск — п. 324 (В. и. объявившегося безвестно отсутствующего или объявленного умершим лица), 636 (как средство защиты от правонарушения), 675 (соотношение с иском из неосновательного обогащения);

Вклады — п. 309 (как предмет самостоятельного распоряжения несовершеннолетних);

Внешность, внешний облик человека — п. 463 (3) (как средство индивидуализации физического лица);

Внутренние документы (юридических лиц) — п. 330;

Военные действия — п. 321 (значение В. д. при решении вопроса об объявлении гражданина умершим);

Военные суды — п. 516 (3) (подведомственность);

Воздушные трассы (как вид материальных благ) — п. 442;

Возмездные и безвозмездные договоры — п. 324, 474 (6) (услуги), 578 (условие о цене — М. с. в. — как обычное условие возмездного договора), 584;

Возмещение убытков — п. 324 (объявившемуся безвестно отсутствующему или объявленному умершим лицу), 395 (В. у. как средство восстановления имущества), 636 (как средство защиты от правонарушения); п. 675 (соотношение требования о В. у. с иском из неосновательного обогащения);

Возраст — п. 291—297 и 301 (влияние В. на правоспособность);

Волеизъявление — п. 533, 564 (договор как согласованное В. нескольких лиц); см. также Действие;

Воля (в гражданском праве) — § 2 гл. 9 |В. как основание гражданской правосубъектности — субъектная теория В. и ее критика, в том числе п. 265 (понятие В.), 266 (волевая теория правосубъектности), 267 (волевое направление в объяснении правосубъектности), 271 (соотношение с теорией юридической личности)|; п. 483 (зависимость от В. частных лиц как основание классификации юридических фактов); п. 534, 535 (В. как источник сделки — волевая теория сделки и ее критика); п. 485, 512, 533, 541, 603 и 604 (индивидуальная и коллективная (общая) В. как основание различения сделок и корпоративных актов), 533 и 564 (соотношение нескольких В. с единым согласованным волеизъявлением нескольких лиц — договором), 580 (толкование договора с целью выяснения В. договорившихся сторон), 603, сноска (недробимость В. одного лица);

Восприятие сделки — п. 537;

Восстановление (исковой давности) — п. 687;

Вред (ущерб) — п. 501 (причинение В.), 642;

Время (его течение как основа для понятия срока) — предисловие, п. 676 (субстанциональная и реляционная концепция В.), 677 (измерение и исчисление В.), 678 (4) (реляционная концепция В. и теория относительности А. Эйнштейна как непреодолимые препятствия для причисления сроков к категории юридических фактов); см. также Пространство и время;

Встречная вина — п. 663 (вина потерпевшего, вина кредитора, просрочка кредитора);

Встречное удовлетворение — см. Потребительная и меновая стоимость;
Вывеска — см. Коммерческое обозначение (вывеска);
Выделение (как форма реорганизации юридических лиц) — п. 358;
Вымысел — см. Фикции юридические;
Гарантии интересов кредиторов — п. 354—356 (при ликвидации юридических лиц), 361 (при реорганизации юридических лиц);
Гендерная (половая) принадлежность — п. 303;
Гены (как вид материальных благ) — п. 441;
Гестор — п. 532;
Гибель вещи — п. 414, в том числе сноска;
Главная вещь и принадлежность — п. 417;
Гласность (публичность) — п. 310, 314 (сведений об ограничении дееспособности и о признании граждан недееспособными), 330 (учредительных документов юридического лица), 354 (сведений о ликвидации юридического лица), 361 (сведений о реорганизации юридического лица), 398 (Г. или определенность как обязательное свойство всякого объекта гражданских прав); см. также Государственная регистрация;
Господство (над вещами) — п. 411;
Государства, государственные образования (как субъекты гражданского права) — см. Публично-правовые образования;
Государственная компания — п. 329 (Г. к. как организационно-правовая форма юридических лиц), 366 (способность публично-правовых образований создавать Г. к.);
Государственная корпорация — п. 329 (Г. к. как организационно-правовая форма юридических лиц), 366 (способность публично-правовых образований создавать Г. к.);
Государственная регистрация — п. 299, 300 и 324 (Г. р. рождения и смерти); § 3 гл. 11 [Г. р. юридических лиц, в том числе п. 328 и 333 (значение), 334 (источники регламентации и органы, осуществляющие Г. р.), 334[1] (значение, последствия и ответственность за нарушения в сфере Г. р. юридических лиц), 335 и 336 (системы Г. р.), 341 (Г. р. фактов создания, реорганизации и ликвидации юридических лиц), 351 (Г. р. вновь создаваемых юридических лиц), 356[1] (исключение недействующего юридического лица), 363 (Г. р. юридических лиц при реорганизации)]; п. 413 (Г. р. недвижимости — назначение и функции), 427 (органы, осуществляющие Г. р. прав на недвижимость) 428 (Г. р. прав и сделок с недвижимостью), 478 (2) (как элемент фактического состава), 497, сноска (доказательственное значение Г. р.), 542 (Г. р. сделок); § 3 гл. 18 [Г. р. сделок, в том числе п. 551 (общие сведения и круг сделок, подлежащих Г. р.), 552 (последствия несоблюдения требования о Г. р. сделки)], 583 (договоры, подлежащие и не подлежащие Г. р.; связь этого деления с классификацией договоров на реальные и консенсуальные); п. 624-а, 625 (акты Г. р. как административные акты);
Государственные акционерные общества — п. 370;
Государственные предприятия — см. Унитарные предприятия;
Граждане — см. Физические лица;
Гражданская правосубъектность — см. Правосубъектность;
Гражданский иск в уголовном процессе — п. 686 (1) (его оставление без рассмотрения как основание приостановления исковой давности);
Гражданский оборот — п. 405 (соотношение с понятием экономического оборота); § 6 гл. 13, в том числе п. 406 (определение Г. о.), 407 (Г. о. как динамика гражданских правоотношений), 408 (объекты Г. о.);
Гражданское правонарушение (в узком смысле слова — вредоносное деяние) — п. 637 (термин); § 2 гл. 22, в том числе п. 640 (полный и усеченный состав гражданского правонарушения), 641 (противоправное деяние), 642 (вред материальный (ущерб) и нематериальный), 643 (убытки), 644 (причинная связь), 645 (вина), 646 (разграничение

причинной связи и вины), 647 (нарушения обязательств как Г. п.); см. также п. 667;

Гражданское правоотношение — предисловие, п. 263, 264, 267–269, 271, 272, 277, в том числе сноска, 279–282, 287, 288, 302, 319, 322, 327, 337, 338, 352, 365, в том числе сноска, 366, 367, 380, 381, 383, 384, 385, в том числе сноска, 386–389, 391, в том числе сноска, 329, сноска, 398, 403, 404, 406, в том числе сноска, 407, 411, 416, 436–438, 442, сноска, 468, 469, 471, 474 (3), 475, 476, в том числе две сноски, 477, в том числе две сноски, 478, 483, 485, сноска, 488, 489, 491.1, в том числе сноска, 493, 494, 497, 502, 503, в том числе сноска, 506, 512, сноска, 513, сноска, 514, 515, 520, 521, 522, в том числе сноска, 523, 524, 530, 533–535, 538, 553, 555, 556, 558, 563–566, 584, 586, 590, 594, 595, 602, 605, 613, 615–617, 621–623, 625, в том числе сноска, 626, 627, 629, 632, в том числе сноска, 633, сноска, 634, 636, в том числе сноска, 637, 638, 640, в том числе сноска, 642, 647–649, 650, сноска, 659, 661, 665–668, 677, 679, 681, 684, сноска;

Гражданско-правовые формы — п. 263, 271, 274, 275, в том числе сноска, 277, в том числе сноска, 278, 279, 280, в том числе сноска, 281, 290, 337, 387, 388, в том числе сноска, 396, 406–408, 440, 442, 443, 445, 446, сноска, 447, 450, сноска, 461, 468, в том числе сноска, 469, 475, 476, 478, в том числе сноска, 493, 500, 502, 504, 511, 512, 515, 522, в том числе сноска, 555, 563, 565, в том числе сноска, 603, в том числе сноска, 608, 610, сноска, 615, 616, 621, 632, 637, 639, 654, 661, 665, 673, 677, 681, 688; см. также пункты Указателя об отдельных видах гражданско-правовых форм — гражданских правоотношениях, правоспособности, секундарных правах и др.;

Гражданство — п. 302 (перемена Г., приобретение второго или двойного Г.), 303 (влияние на гражданскую правоспособность), 433 (безразличие фактора Г. для целей валютного законодательства);

Группа лиц — п. 303;

Давность — см. Исковая давность;

Движимость, движимые вещи — п. 413 (разграничение с недвижимыми вещами);

Дееспособность — § 5 гл. 9 (общее учение о Д.), § 5, 6 гл. 10 (Д. физических лиц), § 4 гл. 11 (юридических лиц); в том числе п. 275 (как правовая форма правосубъектности), 282 (понятие и смысл), 304 (понятие и виды Д. граждан), 305 (содержание и основания возникновения полной Д.), 307 (частичная Д.), 308 (Д. малолетних), 309 (Д. несовершеннолетних), 310–313 (ограниченная Д.), 338, 340 (Д. юридических лиц), 500 (действия Д. лиц как предмет классификации на законные и незаконные), 561 и 562 (сделки, оспоримые по причине недостатков в Д.); см. также Адееспособность, Недееспособность, Ограниченная дееспособность;

Действие (в гражданском праве) — п. 384 (теория Д. как объекта прав); п. 533–537, 563 (сделка как Д. и представление о Д. — см.);

Действия (как юридические факты) — п. 483 (общее понятие), 485 (2) (Д. и бездействие), 500 (Д. юридические); гл. 17 (правомерные Д. — см.), 18 (сделки — см.), 19 (договоры — см.), 20 (корпоративные акты — см.), 21 (акты власти — см.), 22 (неправомерные Д. — см.);

Действия и события (как основные категории юридических фактов) — п. 484, 485; см. также Неправомерные действия, Правомерные действия, События;

Делимые и неделимые вещи — п. 416;

Деловая репутация — см. Честь, достоинство и деловая репутация;

Деловые обыкновения — п. 572;

Денежные суррогаты — п. 430, 431;

Деньги — п. 412 (как мера стоимости); § 4 гл. 14, в том числе п. 429 (определение Д.), 430 (историческая и территориальная относительность Д.), 431 (денежная единица и денежная система), 432 (место Д. в системе объектов гражданских прав), 450[2] (безналичные денежные средства); см. также Валюта, валютные ценности;

Динамическое понимание правоспособности — п. 278;

Диспенсация — п. 298. 305;
Доброе имя — см. Честь, достоинство и деловая репутация;
Добросовестность — п. 509 (при осуществлении прав и исполнении обязанностей), 555 (Д. в содействии разрешению условия в сделке);
Доверенность — п. 312, 316, 322 (прекращение Д. с признанием гражданина ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим);
Доверительное управление — п. 312, 316, 322 (прекращение договоров Д. у. с признанием гражданина-управляющего ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим), 322 и 324 (имуществом безвестно отсутствующего);
Договор присоединения — п. 573;
Договорные типы — п. 585;
Договоры — гл. 19, в том числе § 1 [общее учение о Д. — п. 563 (определение), 564 (Д. как многосторонняя сделка), 565 (гражданско-правовые последствия Д.), 566 (практическое значение (действие) Д.), 566[1] (действие договоров по кругу лиц и оглашение договора), 567 (пределы договорного регулирования)], § 2 (свобода Д. — см.), § 3 (содержание и форма Д. — см.), § 4 [виды Д., в том числе п. 582 (постановка вопроса), 583 (реальные и консенсуальные Д.), 584 (возмездные и безвозмездные Д.), 585 (поименованные и непоименованные Д., договорные типы), 586 (Д. в пользу третьих лиц)], § 5 (заключение Д. — см.), § 6 (изменение и расторжение Д. — см.);
Договоры между отсутствующими — п. 588, 593;
Дожитие — п. 297, 301 (как основание динамики правоспособности);
Документы — п. 477, 481, 492, 497 (как заменители юридических фактов), 546—549 (как письменная форма выражения содержания сделки); см. также Административные акты, Акты (юридические), Акты власти, Внутренние документы, Судебные акты, Учредительные документы, Ценные бумаги;
Должностные лица — п. 528 (как лица, действующие на чужой счет);
Доминирующее положение — п. 346, 662 (злоупотребление Д. п.);
Домициль — см. Место жительства, Место нахождения;
Достоверность — см. Публичная достоверность;
Достоинство — см. Честь, достоинство и деловая репутация;
Достойное отношение к посмертной воле — п. 467.2;
Доходы — см. Капиталы и доходы;
Дочерние и зависимые организации — п. 346;
Евро — п. 430 (3) (как коллективная валюта);
Единые недвижимые комплексы — п. 426[1];
Животные — п. 264 (о возможности признания Ж. субъектами прав), 439 (Ж. как вид материальных благ);
Жизненные отношения — см. Общественные отношения;
Жизнь — п. 299—300 (как период существования гражданина), 319 (концепция презумпции Ж. как основания безвестного отсутствия), 470 (1) (как непосредственно охраняемое законом нематериальное благо);
Заблуждение — п. 479 (З., вызванное обманом, как условие совершения оспоримой сделки), 493 (состояние З. как юридическое состояние), 499 (факт З. как предмет процессуального признания), 509 и 519 (добросовестное З. приобретателя прав), 532 (З. как причина совершения действий в чужом интересе), 535, 536 (З. и его влияние на формирование и изъявление воли в сделке), 562, 573 (существенное З. как основание для оспаривания сделки), 607 (З. в содержании корпоративного акта), 645 (виновное введение в З. как предмет доказывания), 674 (З. и неосновательное обогащение);
Заинтересованность — см. Сделки с заинтересованностью;
Заключение договора — § 5 гл. 19, в том числе п. 587 (технологии ведения преддоговорного процесса и преддоговорная ответственность), 588 (договоры

присутствующих и отсутствующих), 589 (преддоговорные техники), 590 (оферта и акцепт), 591 (публичные обращения и акты их принятия), 592 (заключение договора на торгах), 593 (особенности З. д., обязательных для заключения);

Законные и незаконные действия — п. 500 (соотношение с разделением действий на правомерные и неправомерные);

Заменители фактических обстоятельств — см. Документы, Презумпции, Фикции;

Засвидетельствование самоличности подписи — п. 549;

Защита гражданских прав — § 3 гл. 17, в том числе п. 514 (понятие, меры (способы), формы и порядок), 515 (принцип судебной З. г. п.), 516 (распределение компетенции внутри российской судебной системы), 517 (медиационный и третейский (квазисудебный) порядок З. г. п.), 518 (З. г. п. в административном порядке); 519 (самозащита Г. п.); 520 (меры оперативного воздействия);

Звания (степени, титулы, награды и т.п.) — п. 463 (2) (как средство индивидуализации физического лица и его деятельности);

Здания — см. Строения;

Здоровье — п. 470 (2) и 470 (3) (физическое и психическое З. как непосредственно охраняемое законом нематериальное благо);

Земельные участки — п. 397 (соотношение с находящимся на нем зданием), 422 (как недвижимые вещи — понятие, категории и разрешенное использование З. у.);

Знак обслуживания — см. Товарный знак (знак обслуживания);

Злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной — см. Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной;

Злоупотребление — п. 501, 510, 511, 511[1] (З. правом); п. 501 (З. властью или служебным положением);

Золотая акция — п. 370;

Золото, золотое содержание денежной единицы — п. 429, сноска, 430.1, 431, в том числе сноска;

Иждивение — п. 303, 322;

Издержки — п. 643;

Изменение и расторжение договора — § 6 гл. 19, в том числе п. 594 (смысл и последствия И. и Р. д.), 595 (основания), 596 (договор об И. и Р. д.), 597 (существенное нарушение), 598 (существенное изменение обстоятельств), 599 (односторонний отказа от исполнения договора), 600 (отказ внешнего управляющего от исполнения договоров должника);

Изобретение — п. 460 (1) (понятие и признаки);

Именные ценные бумаги — см. Ценные бумаги;

Имущественная обособленность (юридических лиц) — п. 327 (правовые формы И. о. юридических лиц), 331 (сущность И. о. юридического лица), 337 (гражданско-правовые формы), 342 (самостоятельная имущественная ответственность как следствие И. о.), 350 (обособление имущества и минимальный уставный капитал), 394 (И. о. как предпосылка гражданской правосубъектности);

Имущественные (правовые) комплексы — п. 404, 426;

Имущественные отношения — см. Общественные отношения;

Имущество — § 3 гл. 13, в том числе п. 392 (многозначность термина), 393 (функциональная концепция И.), 394 (обособленное И. как предпосылка гражданской правосубъектности), 395 (способность И. к восстановлению посредством возмещения убытков); 401 (понятие и состав И. по ст. 128 ГК), 402 (понятие «иное И.»);

Имя — п. 302 (перемена И. как акт гражданского состояния), 463 (1) (как средство индивидуализации физического лица);

Индивидуализация — см. Средства индивидуализации;

Индивидуализация вещи — см. Родовые и индивидуальные вещи;
Индивидуализация лиц, их деятельности и ее результатов — см. Средства индивидуализации;
Индивидуализм — п. 326, 327 (как основа института юридического лица); см. также Автономия воли;
Индивидуально-определенные вещи — см. Родовые и индивидуальные вещи;
Индоссамент — п. 438;
Иностранные государства — п. 364;
Иностранные граждане (иностранцы) — п. 283;
Интерес — § 3 гл. 9 (теория субъекта как носителя И.); 268 (понятие И.), 269 (теория И. как основы правосубъектности), 271 (соотношение с теорией юридической личности), 396 (способность к удовлетворению частного имущественного И. как одно из свойств объектов гражданских прав); п. 632 (2) (принудительная реализация охраняемого законом И. как цель судебной деятельности);
Иск, исковое притязание — п. 632 (2), 681 (как требование, обращенное к суду), 682 (как предмет исковой давности);
Исковая давность — § 5 гл. 23, в том числе п. 682 (определение) 683 (продолжительность), 684 (требования, не погашаемые давностью), 685 (начало течения), 686 (приостановление и перерыв), 687 (пропуск, применение и восстановление И. д.), 688 (последствия пропуска (истечения) И. д.);
Исполнение обязанностей — § 2 гл. 17, в том числе п. 505 (общий обзор проблематики), 506 (существо И. о. и требования, предъявляемые к И. о.), 507 (отказ от И. о.), 508 (разумность действий по И. о.), 509 (добросовестность действий по И. о.);
Исполнительное производство — п. 316 (приостановление И. п. в связи с признанием гражданина-должника недееспособным), 322 (приостановление или прекращение И. п. в отношении безвестно отсутствующего), 323 (прекращение И. п. в отношении должника, объявленного умершим);
Истечение исковой давности (последствия) — п. 688;
Кабальные сделки — см. Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной;
Казна — п. 365;
Каналы радиочастотные (как вид материальных благ) — см. Полосы радиочастот;
Капиталы и доходы — п. 309, 313 (Д. как предмет самостоятельного распоряжения несовершеннолетних), 419 (понятие К. и Д.), 527 (режим Д. подопечных лиц);
Каузальные сделки — см. Абстрактные и каузальные сделки;
Квази-деликты — п. 639.1, § 6 гл. 22;
Классовая теория права — п. 267.1, 268 (применительно к субъектам права);
Клетки (биол.) **и их линии** (как вид материальных благ) — п. 441, 460 (1) (как изобретение);
Коллективные валюты — п. 430;
Коллективы (формально организованные объединения людей) — п. 263, 264, 267, 269, 270, 271, 273, 344, 388, 394, 402, 450, сноска, 463 (2) и 5, 485, 493, 512, в том числе сноска, 533, 602–605, 609, 613, 615, 658, 666;
Комбинационные теории субъекта права — п. 270;
Комиссионеры — п. 530 (как лица, действующие на чужой счет);
Комиссия — п. 312, 316, 322 (договор К., его прекращение с признанием гражданина-комиссионера ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим);
Коммерческие организации — п. 334, 339;
Коммерческое обозначение (вывеска) — п. 464 (4) (как средство индивидуализации товаров и услуг);
Коммутативные сделки — см. Алеаторные и коммутативные сделки;
Компенсация — п. 395 (способ восстановления нарушенного неимущественного интереса);
Компетенция — п. 263, 266, 274, 340, в том числе сноска, 366, 373, 376, 378, 516,

в том числе сноска, 521, 528, 541, 567, 609, 619, 622, 629, 654;
Компромисс (баланс) индивидуального и общественного — п. 264 (как идея, выражающая существо понятия о субъектах прав), 327, 328 (как идея, выражающая существо современного института юридического лица), 389, 396 (как принцип, определяющий, какие субстанции признавать объектами прав, а какие нет);
Конклюдентные действия (как форма сделки) — п. 542, 544, 581, 590 (акцент К. д.);
Конкретизация — см. Реализация правоспособности;
Конкретные убытки — см. Абстрактные и конкретные убытки;
Конкурс — п. 592 (как форма торгов);
Конкурсная масса — п. 355;
Конкурсный управляющий — п. 353—356 (понятие, деятельность и отчет), 600 (отказ К. у. от исполнения договоров несостоятельного должника);
Консенсуальные договоры — см. Реальные и консенсуальные договоры;
Конститутивные административные акты — п. 624 (г), 628;
Конституционный Суд РФ — п. 516 (5) (подведомственность);
Контролирующие и контролируемые организации — п. 346;
Контроль — п. 624 (г), 629 (акты К. как вид административных актов);
Конфиденциальность сведений — п. 465, 467 (3);
Кооперативы — п. 329 (производственные и потребительские К. как организационно-правовые формы юридических лиц), 350 (паевой фонд К.), 352 (специальные основания ликвидации производственных К.);
Корпоративные акты — п. 485 (1) (общее понятие); п. 541 (соотношение со сделками); гл. 20, в том числе § 1 [понятие и юридическая природа К. а., в том числе п. 601 (общее представление о проблеме и ее истоках), 602 (сделочная, нормативная и специально-юридическая теории К. а.), 603 (необходимая предпосылка к решению проблемы), 604 (К. а. как частноправовые акты особого рода; определение К. а.), 605 (К. а. как продукт частной свободы — автономии воли)]; § 2 [действие К. а., в том числе п. 606 (внутрикорпоративное действие К. а.) 607 (ретро- и перспективное действие), 608 («широкое» внутреннее действие К. а.), 609 (внешнее действие К. а.)]; § 3 [виды К. а., в том числе п. 610 (классификация К. а. по субъектам их принятия), 611 (виды К. а. по кругу адресатов), 612 (виды К. а. по содержанию), 613 (виды К. а. по их форме), 614 (безусловно и условно действительные (оспоримые) К. а.), 614[1] (решения общих собраний как единственный, урегулированный ГК РФ, вид К. а.)]; см. также § 4 гл. 22 (недействительные юридические акты);
Корпоративный контроль — п. 319 (К. к. как объект гражданских прав);
Корпорации и учреждения — п. 344;
Косвенные убытки — см. Прямые и косвенные убытки;
Крестьянское (фермерское) хозяйство — п. 294 (способность быть членом. К. (ф.) х.), 303 (ведение К. (ф.) х. как вид предпринимательской деятельности), 329 (ассоциации К. (ф.) х. как юридические лица), 351, 606;
Крупные сделки — п. 559;
Легитимация (держателя по ценной бумаге) — п. 436, 438;
Ликвидатор и ликвидационная комиссия — см. Ликвидация;
Ликвидация (юридических лиц) — п. 341; § 7 гл. 11, в том числе п. 352 (понятие и основания Л., Л. добровольная и принудительная), 353 (лица и органы, осуществляющие Л.), 354 (информационные элементы Л.), 355 (промежуточный ликвидационный баланс, реестр, очередность требований кредиторов и их удовлетворение), 356 (окончательный ликвидационный баланс и завершение ликвидации), 356[1] (исключение недействующего юридического лица);
Лица (субъекты гражданского права и гражданских правоотношений) — предисловие, разд. IV, в том числе гл. 9 (общее учение), 10 (физические Л.), 11

(юридические Л.) и 12 (публично-правовые образования); см. еще Субъекты правоотношений, прав и обязанностей (соотношение понятий);
Лица без гражданства — п. 283;
Лицензирование — п. 341, 346 (Л. как источник правоспособности юридического лица), 352 (нарушение требований Л. как основание для принудительной ликвидации юридических лиц), 405 (как способ ограничения объектов в обороте), 442 (в сфере использования воздушного пространства), 443 (в сфере использования радиочастотного спектра), 477, сноска (как юридический факт); 624 (б), 626 (акты Л. как вид административных актов);
Личность — п. 285;
Личность юридическая (субъектная теория Л. ю.) — § 4 гл. 9;
Личные права — п. 337, сноска, 465 (объекты Л.П.);
Луна — п. 399, 411 (юридическая природа продажи так называемых участков на Л.);
Малолетние граждане — п. 292 (понятие М. г. и их правоспособность), 307, 308 (дееспособность М. г.);
Малые предприятия — п. 346;
Материализм, материалистическая философия — п. 409, 447;
Материальные блага — гл. 14, в том числе § 1 (п. 409 — общее понятие материи и М. б.; виды М. б.), § 2–5 (вещи — см.), § 6 [иные виды материальных Б. (не являющиеся вещами), в том числе — п. 439 (животные), 440 (человеческие тела, органы и ткани), 441 (клетки, их линии и штаммы микроорганизмов, гены и хромосомы), 442 (воздушные трассы, линии и коридоры и др.), 443 (полосы радиочастот и радиочастотные каналы), 444 (энергия и мощность), 445 (физические поля)]; п. 449 (отличие от идеальных объектов), 453 (материальный носитель как объективная форма результатов творческой деятельности);
Медиация — п. 517;
Мелкие бытовые сделки — п. 308, 312;
Меры защиты гражданских прав — п. 514, 519 (М. самозащиты);
Меры оперативного воздействия — п. 520;
Место жительства — п. 303, 322 и 323 (снятие с регистрационного учета по М. ж. безвестно отсутствующих и объявленных умершими), 433 (для целей валютного законодательства);
Место нахождения (юридического лица) — п. 340;
Место пребывания — п. 323;
Милиция (органы М.) — п. 518 (2) (как организация, занимающаяся внесудебной защитой гражданских прав);
Министерства федеральные (разновидность органов исполнительной власти) — п. 373;
Министерство финансов РФ — п. 374;
Мировые судьи — п. 516 (1) (подведомственность);
Мнимые сделки — п. 651;
Многосторонние сделки — см. Договоры, Одно- и многосторонние сделки;
Молчание (как форма сделки) — п. 542, 545, 590 (акцепт М.);
Монетный двор — п. 429, сноска;
Моральный вред — п. 642 (понятие), 664 (деяние, причиняющее М. в.);
Москва (как субъект РФ — участник гражданских отношений) — п. 378;
Мотив — п. 265 (сильнейший и последний М. к действию), 538 (М. совершения сделки, его отличие от основания);
Мощность (как вид материальных благ) — см. Энергия и мощность;
Муниципальные образования (как субъекты гражданского права) — см. Публично-правовые образования;
Муниципальные предприятия — см. Унитарные предприятия;
Наименование (юридического лица) — п. 328, 332, 338, 464 (1) (как средство индивидуализации юридических лиц); см. также Фирменное наименование;
Наименование места происхождения товара — п. 464 (3) (как средство индивидуализации товаров и услуг);
Наименования и обозначения специальные — п. 463 (5) (как средство индивидуализации результатов деятельности физического лица);

Наличные и долговые имущества — п. 420;
Нарушения обязательств (как гражданское правонарушение) — п. 501, 647;
Насилие — см. Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной;
Национальный режим — п. 283;
Непотребляемые вещи — см. Потребляемые и непотребляемые вещи;
Невменяемость — см. Дееспособность, Недееспособность;
Недвижимость, недвижимые вещи — п. 413 (разграничение с движимыми вещами); § 3 гл. 14, в том числе п. 421 (состав Н.), 422 (земельные участки), 423 (строения, постройки, здания и сооружения), 424 (помещения), 425 (объекты незавершенного строительства), 426 (предприятия «на ходу»), 426[1] (единые недвижимые комплексы), 427 (органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на Н.), 428 (регистрация прав на Н. и сделок с Н.);
Недееспособность — п. 302; § 7 гл. 10, в том числе п. 314 (понятие), 315 (основания констатации Н.), 316 (последствия констатации Н.);
Недействительные юридические акты — гл. 22, в том числе § 3 [сделки как Н. ю. а. — недействительные сделки, в том числе п. 648 (понятие и виды Н. с.; ничтожные сделки), 649 (виды Н. с.), 650 (Н. с. незаконного содержания и направленности), 651 (мнимые и притворные сделки), 652 (Н. с., которые предполагаются не отвечающими интересам своих участников)], § 4 [недействительные корпоративные акты, в том числе п. 653 (понятие и виды Н. к. а.), 654 (ничтожные К. а.), 655 (оспоренные К. а.), 656 (последствия недействительности К. а.)]; § 5 [недействительные акты власти, в том числе п. 657 (основание недействительности), 658 (круг актов, подлежащих судебному оспариванию), 659 (последствия судебного оспаривания актов власти), 660 (к проблеме пределов противодействия ничтожным актам власти и незаконным действиям ее представителей)];
Неделимые вещи — см. Делимые и неделимые вещи;
Недобросовестная конкуренция — п. 662 (как случай квази-деликта);
Незаключенный договор — п. 552, 581;
Незаконные действия — см. Законные и незаконные действия;
Неизвестность — см. Конфиденциальность сведений;
Некоммерческие организации — п. 334, 339, 352 (специальные основания ликвидации);
Некоммерческое партнерство — п. 329 (Н. п. как организационно-правовая форма юридических лиц);
Нематериальные блага — п. 401 и 402 (по ст. 128 ГК); глава 15, в том числе § 1 [понятие и виды Н. б., в том числе — п. 446 (Н. б. как личное (неимущественное) благо), 447 (Н. б. как антоним материального), 448 (соотношение неимущественного и Н. б.), 449 (свойства Н. б. и соотношение Н. б. с материальными), 450 (виды Н. б.), 450[1] (о квази-вещных Н. б.)]; § 2 (*квази-вещные нематериальные блага*); и § 3 и 4 (результаты творческой деятельности — см.), § 5 (средства индивидуализации — см.), § 6 (социальные условия активности личности — см.), § 7 (непосредственно охраняемые законом Н. б. — см.), § 8 (работы и услуги — см.);
Неосновательное обогащение — п. 501; § 3 гл. 23, в том числе п. 672 (понятие и конкурирующие подходы к его конструированию), 673 (Н. о. как юридический факт), 674 (основание и основательность обогащения), 675 (применение норм ГК о Н. о.);
Непоименованные договоры — п. 585;
Неполная дееспособность — п. 304;
Непосредственно охраняемые законом нематериальные блага — п. 468 (понятие и причина их существования), 469 (гражданско-правовые формы непосредственной законной охраны нематериальных благ), 470 (виды Н. о. з. н. б.);
Неправомерные действия — предисловие, п. 484; гл. 22, в том числе § 1 [понятие и система Н. д., в том числе п. 636 (определение Н. д. и их места в системе

юридических фактов), 637 («гражданское правонарушение» как терминологическое обозначение для Н. д.), 638 (гражданско-правовые последствия Н. д.), 639 (виды Н. д.)]; § 2 (гражданские правонарушения — см.); § 3 (недействительные сделки — см. Недействительные юридические акты), § 4 (недействительные корпоративные акты — см. Недействительные юридические акты), § 5 (недействительные акты власти — см. Недействительные юридические акты), § 6 [другие виды Н. д., в том числе п. 661 (нарушения гражданской правоспособности), 662 (угрозы или потенциально вредоносные деяния), 663 (встречная вина) 664 (причинение морального вреда)];

Непреодолимая сила — § 2 гл. 23, в том числе п. 669 (понятие и соотношение со случаем), 670 (гражданско-правовое значение), 671 (теории Н. с. — объективная, субъективная и случайной причинности);

Нерезиденты — см. Резиденты и нерезиденты;

Несовершеннолетние граждане (не являющиеся малолетними) — п. 293 и 294 (понятие и правоспособность Н. г.), 307, 309 (дееспособностьН. г.), 313 (ограничение дееспособности Н. г.);

Несостоятельность (банкротство) — п. 303, 352 (как основание для принудительной ликвидации юридических лиц), 353, в том числе сноска (круг юридических лиц, которые могут быть признаны несостоятельными и порядок ликвидации при Н. (б.)), 595 и 600 (отказ от исполнения сделок несостоятельного должника);

Несчастный случай — п. 321 (значение Н. с. при решении вопроса об объявлении гражданина умершим);

Нетрудоспособность — п. 303;

Ничтожные сделки — п. 308 (Н. с. малолетних), 316 (Н. с. недееспособных), 648 (общее понятие), 650—652 (виды Н. с. — С. незаконного содержания и направленности, мнимые и притворные С., С. недееспособных и малолетних);

Нормы гражданского права — п. 263;

Нотариусы — п. 518 (5) (как лица, занимающиеся внесудебной защитой гражданских прав);

Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной — п. 562 (как основания для оспаривания сделок);

Обогащение (неосновательное) — см. Неосновательное обогащение;

Оборот — см. Гражданский оборот;

Оборотные средства — см. Основные фонды и оборотные средства;

Обособленность — см. Имущественная обособленность;

Обращение в доход государства — п. 356 (имущества, оставшегося после завершения ликвидации юридического лица);

Обстоятельства юридические — п. 396—400 (свойства объектов прав как О. ю.), 409—412 (свойства вещей как О. ю.) и 449 (свойства нематериальных благ как О. ю.); п. 477, 494;

Общества (хозяйственные) — п. 329 (с ограниченной и дополнительной ответственностью, а также акционерное, как организационно-правовые формы юридических лиц), 346 (имеющие стратегическое значение), 350 (уставный капитал О. (х.), особенности его формирования), 352 (специальные основания ликвидации);

Общественные (жизненные, социальные, фактические, имущественные, экономические и т.д.) **отношения** (как предмет гражданско-правового регулирования) — предисловие, п. 263, 267—269, 271—275, 277, 279, 280, 281, в том числе сноска, 285, 290, 319, 326, сноска, 352, 365, в том числе сноска, 370, 375, 377, 378, 380, сноска, 381, 383, 386, 387, 388, в том числе сноска, 389, 390, 392—394, 397, 398, сноска, 402, 406, 408, 410, 411, 417, 433, 442, 444, 445, 447, 448, в том числе сноска, 462, 466—469, 473, сноска, 475, 476, в том числе сноска, 477—479, 483, 484, 486, 495, в том числе сноска, 500, 501, 510, 511, 515, 517, 522, сноска, 530, 533, 556, 563, 566—568, 575, 580,

585, 587, 590, 602, в том числе сноска, 603, в том числе сноска, 604, 605, 615–617, в том числе сноски по всем трем пунктам, 618, 619, 623, 624, 631, 637, 639. 642, 645, 646, 658, 665, 666, 668, 672, 673, в том числе сноска, 675, 678, 681, 688;

Общественный договор — п. 567 (концепция О. д. Ж.-Ж. Руссо);

Общие гражданские права — п. 512 (особенности процесса осуществления);

Объединение капитала — п. 327 (теория О. к. как цели института юридического лица);

Объединения — п. 329, 346 (юридических лиц, предпринимательские, общественные и религиозные О. как организационно-правовые формы юридических лиц);

Объединения людей — см. Коллективы;

Объекты гражданских правоотношений — см. Блага, Материальные блага, Нематериальные блага;

Объекты незавершенного строительства — п. 425 (как недвижимые вещи);

Объекты прав и гражданских прав — § 1, 2, 4 и 5 гл. 13, в том числе п. 380 (современное состояние учения об О. п.), 381 (относительность понятия об О. п.), 382 и 383 (неопределенность понятия об О. п., о его природе и месте), 384 (монистические и плюралистические концепции О. п.), 385 (безобъектные правоотношения), 386 и 387 (состояние учения об О. п.), 388 (определение О. г. п.), 389 и 390 (правообъектность, ее обоснование, существо и содержание), 391 (функциональное понимание О. г. п.), 396 (способность О. г. п. к удовлетворению частного имущественного интереса), 397 (обособленность (внутреннее единство) О. г. п.), 398 (определенность О. г. п.), 399 (трудовое происхождение О. г. п.), 400—402 (признание О. г. п. ex lege, в том числе включение в перечень ст. 128 ГК), 403 (права как О. г. п.), 404 (имущественные комплексы как О. г. п.), 405 (О. г. п. различной степени свободы в обороте); см. также Блага, Материальные блага, Нематериальные блага;

Объем правоспособности — п. 288—290 (общей), § 3 гл. 10 (зависимость О. п. от возраста);

Объявление умершим — п. 302, § 9 гл. 10, в том числе п. 319 (существо и назначение института О. у.), 321 (условия О. у.), 321[1] (о соотношении сроков, применяемых в различных ситуациях для целей О. у.), 323 (последствия О. у.), 324 (явка объявленного умершим), 495 (фикция как основа института О. у.);

Обычаи делового оборота — п. 572;

Обычные условия договора — п. 576, 578;

Обязательные для заключения договоры — п. 570 (случаи О. д. з. д.), 593 (особенности процесса их заключения);

Обязательственные сделки — см. Распорядительные и обязательственные сделки;

Ограниченная дееспособность — п. 302, 310—313;

Одно- и многосторонние сделки — п. 553, 590 (оферта и акцепт как О. с.);

Односторонний отказ от исполнения договора (как способ его изменения или расторжения) — п. 599, 600;

Ожидание (состояние О.) — п. 263, 278, 489, 524, 538, 555, 586, 605, 631;

Опека — п. 307, 308; п. 316 (понятие и виды), 525—527;

Опекун — см. Опека;

Оперативное воздействие — см. Меры оперативного воздействия;

Определения суда — см. Судебные акты;

Определенность — п. 398 (как свойство объектов гражданских прав),414 (О. родовая и индивидуальная как свойство вещей);

Опцион, опционный договор — п. 574;

Организационное единство (юридических лиц) — п. 329;

Организационно-правовые формы (юридических лиц) — п. 329 (понятие и перечень), 354 (юридическое лицо в стадии ликвидации как О.-п. ф.);

Организация, организационное единство — п. 328—330 (юридическое лицо как О., О. е. юридического лица и его оформление);

Органы и ткани (человеческие) (как вид материальных благ) — п. 440;

Органы исполнительной власти — п. 299, 300, 302 (органы ЗАГС); п. 312, 316, 322 (органы опеки и попечительства); § 3 гл. 12 (публично-правовых образований), в том числе п. 373 (система и структура федеральных О. и. в.), 374 (Минфин России и Казначейство России), 375 (Росимущество), 376 (иные О. и. в., выступающие от имени Российской Федерации в гражданских правоотношениях), 377 (участие Российской Федерации в гражданских правоотношениях через организации, не входящие в число ее органов), 378 (О. и. в., выступающие в гражданских правоотношениях от имени субъектов РФ — на примере г. Москвы), 379 (органы муниципальных образований), 518 (государственные органы, занимающиеся защитой гражданских прав в административном порядке); См. также Государственная регистрация;

Органы общественной самодеятельности — п. 329 (О. о. с. как организационно-правовая форма юридических лиц);

Органы судебной власти — п. 516 (распределение компетенции внутри российской судебной системы в сфере защиты гражданских прав);

Органы юридического лица — п. 329, 340 (понятие и виды), 349 (формирование О. ю. л. при его создании);

Ордерные ценные бумаги — см. Ценные бумаги;

Основание (causa) предоставления — п. 554, 584, 674 (приобретения или сбережения), 681 (удовлетворения иска);

Основание (causa) сделки — п. 538, 554;

Основания (динамики гражданских правоотношений) — см. Факты;

Основные фонды и оборотные средства — п. 420;

Оспоримые (и оспоренные) сделки — § 5 гл. 18, в том числе п. 557, 648 и 649 (место О. с. в системе юридических фактов), 558 и 649 (причины признания сделок оспоримыми — теории «важности» и «распознаваемости» дефектов сделки — и виды О. с.), 559 (О. с. юридических лиц), 560 (О. с. без полномочий); п. 309, 311, 312, 318 и 561 (О. с. недостаточно дееспособных физических лиц); п. 562 (О. с. дееспособных граждан);

Осуждение (к лишению свободы) — п. 302;

Осуществление прав — § 2 гл. 17, в том числе п. 505 (общий обзор проблематики), 507 (отказ от О. п. и от самого права), 508 (разумность действий по О. п.), 509 (добросовестность действий по О. п.), 510 (пределы О. п.), 511 (теория злоупотребления правом), 512 (О. п., принадлежащих нескольким лицам)

Открытие наследства — п. 323 (как основное последствие объявления умершим);

Отлагательные условия — п. 555;

Отменительные условия — п. 555;

Относительность — см. Теория относительности А. Эйнштейна;

Относительные события — п. 486.1;

Отрицательные факты — п. 487;

Отсутствие — см. Безвестное отсутствие;

Отцовство — п. 302 (установление О. как акт гражданского состояния), 322 (его установление при безвестно отсутствующей матери);

Отчет в своих действиях — п. 315 (неспособность О. в с. д. как условие признания гражданина недееспособным), 317 (как основание адееспособности);

Оферта (предложение заключить договор) — п. 489, 590, 592 (приглашение к участию в торгах), 593 (О. заключить договор, обязательный для заключения);

Охрана гражданских прав — п. 513 (понятие и виды мер О. г. п.);

Очередность удовлетворения — п. 355;

Ошибки — предисловие (О. ученых как повод к их признанию и исправлению); п. 507, 660 (каждое частное лицо принимает на себя имущественные и правовые последствия собственных О.), 532 (действия в чужом интересе как следствие О.), 534—536 (О. в оценке действительной воли лица), 668 (5) (место О. в системе событий);

Ощущения (как продукт чувственного восприятия, противоположность представлению) — предисловие, 263, 267,

385, 409, 447—449; см. также Общественные отношения;
Паевой фонд — п. 350;
Партии политические — п. 346;
Партнерство — см. Некоммерческое партнерство;
Патентные права — п. 454 (как правовая форма принадлежности воспроизводимых результатов творческой деятельности), 457 (как правовая форма содержательной охраны результатов творческой деятельности), 460 (объекты П. п.);
Патронаж — п. 306;
Патронат — п. 306;
Пенсионная правоспособность — см. п. 296, 297, 322 (при безвестном отсутствии), 323 (при объявлении умершим), 324 (ее прекращение при явке безвестно отсутствующего или объявленного умершим кормильца);
Передаточное распоряжение — см. Трансферт;
Передаточный акт — п. 360, 362;
Передача (traditio) вещи — п. 438 (П. ценной бумаги);
Перерыв (исковой давности) — п. 686;
Письменная форма сделки — п. 309 (письменное согласие или одобрение родителей), 354 (письменное сообщение и уведомления кредиторов юридического лица о его ликвидации), 361 (письменное сообщение и уведомления кредиторов юридического лица о его реорганизации), 497, сноска (доказательственное значение П. ф. с.), 542, 546 (простая), 547 (квалифицированная), 549 (нотариальная), 550 (последствия несоблюдения требования о П. ф. с.), 581 (П. ф. договора), 593 (протокол об итогах торгов как П. ф. с.);
Планирование — п. 624 (в), 627 (акты П. как вид административных актов);
Подпись — п. 463 (1) (как средство индивидуализации физического лица); п. 497 и 548 (П. на документе о сделке и суррогаты П.), 549 (засвидетельствование самоличности П.);
Полезная модель — п. 460.2;
Полезность, польза — см. Потребительная и меновая стоимость вещей;
Полная дееспособность — п. 305;
Полномочия — п. 522 (понятие); см. также п. 263, 266, 322, 323, 340, 341, 352, 360, 365, сноска, 366, 376, 379, 467, 507, 516, 518, 521, 522, в том числе сноска, 523, в том числе сноска, 524, 527, в том числе сноска, 528, 558—560 (сделки без П. или с недостатком П.), 567, 603, сноска, 609, 610, 622, 624, сноска, 628, 629, 649, 650, 657, 686;
Положительные и отрицательные факты — п. 487;
Полосы радиочастот (как вид материальных благ) — п. 443;
Поля (физ.) (как вид материальных благ) — п. 409, 445;
Помещения — п. 416 (как части внутренних пространств зданий и сооружений); 424 (как недвижимые вещи);
Попечитель — см. Попечительство;
Попечительство — п. 306, 309, 312 (понятие и виды), 525—527;
Поручение — п. 312, 316, 322 (договор П., его прекращение с признанием гражданина ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим);
Поручение на перевод ценных бумаг — см. Трансферт;
Порядок защиты гражданских прав — п. 514—519;
Постановления суда — см. Судебные акты;
Постройки — см. Строения;
Поступки юридические — п. 484 и 500 (общее понятие), 501 (правомерные П. ю.), 540 (соотношение правомерных П. ю. со сделками);
Потестативные условия — см. Произвольные условия;
Потребительная и меновая стоимость вещей — п. 396, 412; 578, 584 и 674 (условие о цене — М. с. в. — как обычное условие возмездного договора);
Потребляемые и непотребляемые вещи — п. 415;
Права — п. 403 (как объекты гражданских прав), 408 (как объекты гражданского оборота);

Правительство РФ — п. 376 (как орган, представляющий Российскую Федерацию в гражданских правоотношениях);
Право на иск — см. Иск;
Правовая сфера (как противоположность реальной действительности) — см. Гражданско-правовые формы;
Правовое положение — предисловие, п. 263, 283, 290, в том числе две сноски, 322, 330, 343, 346, 361, 365, 367, 369, 370, 468, 485, 489, 497, 504, 516.4, 518, 521, 526, 530, 531, 537, 555, сноска, 605, 609, 619, 628, 632, 634, 652;
Правовой режим — п. 290, 346, 365, 369, 383, 388 (понятие), 400, 404 (имущественный комплекс как частный случай П. р.), 419, 420, 423, 424, 426, 435, 439, 450, 458, сноска, 462, 464, 465, 471, 472, 473.2, 479, 494, 592, 622, 626;
Правовой статус — п. 266, 274, 279, в том числе сноска, 290, в том числе две сноски, 306, 322, 328, 330, 340, 343, 346, 347, 360, сноска, 361, 364, 367, сноска, 371, 373, 376, 390, 397, 410, 412, 437, 450, сноска, 463, 468, 473 (3), 485, 516, сноска, 526—531, 603, 605, 607, 608, 613, 624, сноска, 652, 660, 674, 687;
Правовые формы — см. Гражданско-правовые формы;
Правомерные действия — предисловие, п. 484; гл. 17, в том числе § 1 (понятие и виды — п. 500 (определение правомерных действий), 501 (юридические акты и правомерные юридические поступки), 502 (сферы влияния П. д.), 503 (осуществление, исполнение, охрана, защита как П. д.), 504 (П. д. на свой и чужой счет); § 2 (осуществление прав и исполнение обязанностей — см.), § 3 (охрана и защита прав — см.), § 4 (реализация чужой гражданской правосубъектности — см.); см. также гл. 18 (сделки — см.), 19 (договоры — см.), 20 (корпоративные акты — см.), 21 (акты публичной власти — см.);
Правомочия — п. 276 (элементы правоспособности);
Правонарушение — см. Гражданское правонарушение;
Правообъектность — п. 389, 390;
Правоотношение — см. Гражданское правоотношение;
Правопреемство универсальное — п. 357, 358 (при реорганизации юридических лиц);
Правоспособность — § 5 гл. 9 (общее учение о П.), § 2—4 гл. 10 (П. физических лиц), § 4 гл. 11 (юридических лиц); в том числе п. 275 (как правовая форма правосубъектности), 276 (определение П., ее содержание и объем), 277 (признаки П.), 278 («динамическое» понимание П.), 279 (частная и относительная П.), 280 (П. как субъективное право), 281 (механизм реализации (конкретизации, «сгущения») правоспособности; § 2—4 гл. 10 (П. физических лиц), в том числе п. 286 (определение), 287 (источники регламентации), 288 (содержание и объем), 289 (равенство), 290 (соотношение с категориями правового положения и правового статуса), 291 (влияние возраста), 292 (П. малолетних), 293 и 294 (П. с 14 до 18 лет), 295 и 296 (совершеннолетие и П.), 297 (прекращение элементов П. дожитием), 298 (зависимость П. от дееспособности), 299 (рождение как основание возникновения П.), 300 (смерть как основание прекращения П.), 301 (дожитие как основание изменения П.), 302 (акты гражданского состояния), 303 (влияние иных факторов на П.), 312 (ограничение дееспособности и его влияние на П.), 315 (признание недееспособным и его влияние на П.), 337 и 338 (П. юридических лиц), 339 (зависимость П. от вида организации), 340 (реализация П. юридического лица), 341 (изменение П.), 342 (способность к ответственности как элемент П. юридического лица), 366 (П. публично-правовых образований), 512 и 603 (П. коллективная или корпоративная);
Правосубъектность — гл. 9, в том числе § 1 (понятие и пределы), § 2—4 (различные теории П.), § 5 (право- и дееспособность — см.); гл. 17 [правомерные действия как действия по реализации П., в том числе своей (§ 1—3) и чужой (§ 4) — см. Реализация гражданской правосубъектности, Чужой счет];

Предварительный договор — см. п. 574, 587;
Преддоговорная ответственность и преддоговорный процесс — п. 587—589, 593;
Пределы — п. 264 (гражданской правосубъектности), 510 (осуществления и защиты гражданских прав), 519 и 660 (самозащиты, в том числе против ничтожных актов власти и незаконных действий ее представителей), 566 и 567 (договорного регулирования), 569 (договорной свободы), 615 (изучения гражданским правом актов власти), 622 (гражданско-правового использования административных актов);
Предметы потребления — см. Средства производства и предметы потребления;
Предпосылки (динамики гражданских правоотношений) — п. 477, 478 (1), 479, 492;
Предпринимательство, предпринимательская деятельность — п. 303, 305;
Предприятия — см. Унитарные предприятия;
Предприятия «на ходу» — п. 426 (как недвижимые вещи);
Представительства (обособленные подразделения юридических лиц) — см. Филиалы и представительства;
Представительство — п. 306 и 521 (как частный случай деятельности на чужой счет), 522 (понятие и содержание П.), 523 (виды П. — П. добровольное, законное и должностное; П. материальное и процессуальное), 524 (виды добровольного П. — П. фидуциарное и коммерческое); п. 307—309 и 525 (законное П.), 526 (родители и усыновители), 527 (опекуны и попечители), 562 (злонамеренное соглашение представителя одной стороны в сделке с другой стороной);
Представление — п. 263, 267, 385, 409, 447—449 (как продукт умственной деятельности — противоположность ощущениям), 536, 537, 563 (П. о действии как сделка);
Предъявление (ценных бумаг) — см. Презентация;
Презентация, презентационная природа (ценных бумаг) — п. 435, 437;
Презумпции — п. 477, 481, 492, 496;
Преклюзивные сроки — см. Пресекательные сроки;
Преобразование (как форма реорганизации юридических лиц) — п. 358 (в том числе ограничения права на П.);
Пресекательные сроки — п. 679.2;
Претерпевание — предисловие, п. 263, 331, сноска, 380, 387, 397, 398, 477, 485, в том числе сноска, 489, 510, 519, 641, 679;
Преюдиции — п. 498;
Приватизация — п. 358, 370 (имущественных комплексов унитарных предприятий), 366, 368 (как особый способ прекращения права публичной собственности);
Приглашение делать оферты — п. 591;
Приговоры — см. Судебные акты;
Признания (процессуальные) — п. 499;
Применение (исковой давности) — п. 687;
Примерные условия договоров — п. 572;
Принадлежность вещи — см. Главная вещь и принадлежность;
Приобретение (неосновательное) — см. Неосновательное обогащение;
Приостановление (исковой давности) — п. 686;
Присоединение (как форма реорганизации юридических лиц) — п. 358;
Притворные сделки — п. 651;
Причинная связь — п. 409 (в естественных науках, как закон взаимодействия различных форм материи); 478 (1) (между фактическими обстоятельствами и их юридическими последствиями), 644, 646 (как элемент состава гражданского правонарушения);
Продиктованные договоры — п. 573;
Произведения (творчества) — п. 455 (общее понятие и виды), 456 (П. формальной гражданско-правовой охраны), 457 (П. содержательной гражданско-правовой охраны), 458 (П. — объекты авторского права), 459 (П. — объекты смежных прав), 460 (П. — объекты патентного права), 461 (иные охраняемые правом П.);
Произвольные условия (в сделке) — п. 555;
Прокуратура РФ (органы прокуратуры) — п. 518 (1) (как организация, за-

нимающаяся внесудебной защитой гражданских прав);
Промышленный образец — п. 460 (3);
Пропуск (исковой давности) — п. 687 (понятие), 688 (последствия);
Пространство и время (пространственно-временной континуум) — п. 409, 676;
Простые и сложные вещи — п. 418;
Противоправное деяние (как элемент состава гражданского правонарушения) — п. 641;
Противоправные действия — см. Неправомерные действия;
Профессиональные союзы — п. 346;
Прямые и косвенные убытки — п. 643;
Псевдоним — п. 463 (1) (как вариант творческого имени физического лица);
Психическое расстройство — п. 315 (как условие признания гражданина недееспособным);
Психологическая теория права — п. 267 (2), 269 (применительно к субъектам права);
Публичная достоверность — п. 437 (ценной бумаги); п. 625 (записей в государственных реестрах юридических лиц и прав на недвижимое имущество);
Публичная оферта — п. 570, 591, 592 (приглашение к участию в торгах), 593;
Публично-правовые образования (как субъекты гражданского права) — п. 274 (условия признания правосубъектности за П.-п. о.), 347 (разграничение случаев участия в обороте П.-п. о. от случаев участия в обороте их органов); гл. 12, в том числе § 1 (общие положения), § 2 (гражданские отношения с участием П.-п. о.), § 3 [органы, представляющие П.-п. о. в гражданских правоотношениях, в том числе п. 364 (понятие и виды П.-п. о.), 365 (концепция П.-п. о. как «субъектов особого рода»), 366 (гражданская правоспособность), 367 (пределы применения к П.-п. о. норм о юридических лицах), 368—371 (участие П.-п. о. в вещных, наследственных, обязательственных, корпоративных и исключительных правоотношениях), 372 (ответственность П.-п. о.)] и т.д. См. также Органы власти;
Публичные и частные юридические лица — п. 343;
Публичный договор — п. 570;
Работники — п. 528 (как лица, действующие на чужой счет);
Работы — п. 470 (4) (способность к производству Р. как непосредственно охраняемое законом нематериальное благо); § 7 гл. 15, в том числе п. 471 (понятие Р. и его соотношение с понятием услуг), 472 (источники гражданско-правового регулирования выполнения Р.), 473 (виды Р.);
Равенство правоспособности — п. 276, 277, 289;
Радиочастоты (как вид материальных благ) — см. Полосы радиочастот;
Разделение (как форма реорганизации юридических лиц) — п. 358;
Разделительный баланс — п. 360, 362;
Разрешение условия — п. 555;
Разрешительная система (государственной регистрации юридических лиц) — п. 336;
Разумность — п. 508 (при осуществлении прав и исполнении обязанностей);
Распорядительные административные акты — п. 630;
Распорядительные и обязательственные сделки — п. 556.1, 583 (соотношение Р. с. с понятием реального договора), 596 (соглашение об изменении или расторжении договора как Р. с.);
Расторжение договора — см. Изменение и расторжение договора;
Реализация (гражданской правосубъектности) — п. 281, 476; гл. 17, в том числе § 1—3 (действия лица по Р. собственной Г. п. — см. Защита прав, Исполнение обязанностей, Осуществление прав, Охрана прав) и § 4 (действия лица по Р. чужой Г. п. — см. Чужой счет);
Реалистическое направление (в объяснении сущности юридического лица) — п. 273, 326, сноска;
Реальная действительность — см. Общественные отношения;
Реальные и консенсуальные договоры — п. 583;
Реальный ущерб и упущенная выгода — п. 643;

Регистрация — см. Государственная регистрация;
Регистрируемые и не регистрируемые договоры — п. 583;
Регрессное требование — п. 675 (соотношение с иском из неосновательного обогащения);
Резиденты и нерезиденты — п. 433, 434;
Резолютивные условия — см. Отменительные условия;
Реклама (и ее значение в деле заключения договора) — п. 591;
Реорганизация (юридических лиц) — п. 341; § 8 гл. 11, в том числе п. 357 (понятие и юридическое значение Р.), 358 (формы Р.), 359 (антимонопольные условия Р.), 360 (решение о Р.), 361 (гарантии интересов кредиторов юридического лица при Р. и уведомление о Р.), 362 (передаточный акт и разделительный баланс), 363 (оформление Р. и ее результатов), 363[1] (недействительная и несостоявшаяся реорганизация);
Репатриация — п. 434 (Р. валютной выручки);
Реституционное требование — п. 675 (соотношение с иском из неосновательного обогащения);
Решение суда — см. Судебные акты;
Решения (в сфере создания и деятельности юридических лиц) — 348 (о создании юридических лиц), 352 и 353 (о ликвидации), 360 (о реорганизации), 601 и сл. (Р. коллегиальных и единоличных органов юридических лиц — см. также Корпоративные акты), 614[1] (Р. собраний как единственный, урегулированный ГК РФ, вид корпоративных актов);
Риск — п. 326, 327 (ограничение Р. как цель института юридического лица);
Родители — п. 307—309, 525—527;
Родовые и индивидуальные вещи — п. 414;
Родство, родственные отношения — см. Семейные отношения;
Рождение — п. 299 (понятие и влияние на правоспособность), 302 (как акт гражданского состояния), 477, сноска (как юридический факт);
Рукоприкладчик — п. 548;
Самовольная постройка — п. 423;
Самозащита гражданских прав — п. 519, 660 (проблема пределов противодействия ничтожным актам власти и незаконным действиям ее представителей);
Самоуправство — п. 519 (отличие от самозащиты гражданских прав);
Сбережение (неосновательное) — см. Неосновательное обогащение;
Свобода договора — § 2 гл. 19, в том числе п. 568 (понятие и содержание принципа С. д.), 568[1] (перспективы развития С. д.), 569 (пределы С. д.), 570 (публичный договор и иные, обязательные для заключения договоры), 571 (типовые договоры), 572 (примерные условия договоров), 573 (договор присоединения) и продиктованные договоры), 574 (предварительный договор);
Связанность (состояние С.) — п. 263, 278, 299, 489, 553, 555, 574, 605;
Сгущение — см. Реализация (гражданской правоспособности);
Сделки — п. 308 (мелкие бытовые С.), 485 (1) (общее понятие); гл. 18, в том числе § 1 [общее учение о С., в том числе п. 533 (определение), 534, 535 (волевая теория сделки и ее критика), 536 (С. как представление), 537 (восприятие и бесповоротность С.), 538 (основание (causa) С.), 539 (правомерность и результативность С.), 540 (соотношение С. с юридическими поступками), 541 (соотношение С. с иными видами юридических актов), 541[1] (согласие на совершение С.)]; § 2 (форма С. — см.), § 3 (государственная регистрация С. — см.), § 4 [виды С., в том числе п. 553 и 563 (одно- и многосторонние С.), 554 (абстрактные и каузальные С.), 555 (С. безусловные и условные), 556 (С. распорядительные и обязательственные, алеаторные и коммутативные, коммерческие и фидуциарные)], § 5 (оспоримые С. — см.); см. также § 3 гл. 22 (недействительные юридические акты); см. также Договоры;
Сделки с заинтересованностью — п. 559;
Секундарные права — п. 263, 278, 279, 489, сноска, 502, 503, 507, 522, 523, 553, в том числе сноска, 555, 576, 587, 590, 591, 599, 629;

Селекционное достижение — п. 461.1;
Семья, семейные отношения — п. 303 (гражданско-правовое значение), 311 (постановка С. в тяжелое материальное положение как основание ограничения дееспособности);
Сертификация — п. 405 (как разновидность лицензирования и как способ ограничения объектов в обороте);
Синаллагматические договоры — п. 584;
Складочный капитал — п. 350;
Скоропортящиеся вещи (грузы, товары и т.д.) — см. Тленные и нетленные вещи;
Слияние (как форма реорганизации юридических лиц) — п. 358;
Сложные вещи — см. Простые и сложные вещи;
Службы федеральные (разновидность органов исполнительной власти) — п. 373;
Случай — § 2 гл. 23, в том числе п. 669 (понятие и соотношение с непреодолимой силой и виной), 670 (гражданско-правовое значение);
Случайные условия — п. 555 (в сделке); п. 576, 579 (С. у. договора как антоним условиям существенным и обычным);
Смежные права — п. 459 (объекты С. п.);
Смерть — п. 300 (понятие и влияние на правоспособность), 302 (как акт гражданского состояния), 319 (концепция презумпции С. как основания безвестного отсутствия);
Смета (юридического лица) — п. 331;
События (как юридические факты) — п. 483 (общее понятие), 486 (1) (абсолютные и относительные С.); гл. 23, в том числе § 1 [понятие и виды, в том числе п. 665 (определение С.), 666 (относительность С.), 667 (абсолютные и относительные С.), 668 (проблема классификации С.)]; § 2 (случай и непреодолимая сила — см.); § 3 (неосновательное обогащение — см.); § 4 (сроки — см.); § 5 (исковая давность — см.);
Совершеннолетие и совершеннолетние граждане — п. 295—298, 301, 302 (понятие С. и правоспособность С. г.), 305 (дееспособность С. г.), 311 и 312 (ограничение дееспособности С. г.), 526;
Совместная деятельность — п. 348 (договор о С. д. по созданию юридического лица);
Совместные (смешанные) предприятия — п. 346;
Согласие — п. 541[1] (С. на совершение сделки);
Согласование — п. 624 (д), 629 (акты С. как вид административных актов);
Соглашения и согласованные действия (в конкурентном праве) — п. 662;
Содержание (как предоставление средств к существованию) — см. Иждивение;
Содержание договора — п. 572 (примерные условия договоров), § 3 гл. 19, в том числе п. 575 (условия договора), 576 (разграничение условий договоров на существенные, обычные и случайные), 577 (существенные условия), 578 (обычные условия), 579 (случайные условия), 580 и 589 (толкование договора);
Содержание правоспособности — п. 288;
Создание (юридических лиц) — п. 341; § 6 гл. 11, в том числе п. 347 (способность создавать юридические лица), 348 (решение (договор) о С.), 349 (утверждение устава и формирование органов), 350 (обособление имущества и минимальный уставный капитал), 351 (государственная регистрация), 477, сноска (как юридический факт);
Сооружения — см. Строения;
Состав — п. 479 (С. юридического факта); п. 479, 640 (С. гражданского правонарушения); п. 479 (С. преступления); п. 479 (С. противоправных сделок); см. также Фактический состав;
Состав юридический — см. Фактический состав;
Состояния юридические — п. 477, 493;
Социальные отношения — см. Общественные отношения;
Социальные условия активности личности (как нематериальные блага) — п. 450; § 5 гл. 14, в том числе п. 465 (общие положения), 466 и 467 (виды С. у. а. л., охраняемых правом);
Союзы и ассоциации — см. Объединения;
Специальные средства индивидуализации — п. 463 (5) (специальные наиме-

нования и обозначения, используемые физическими лицами), 464 (5) (специальные средства визуальной идентификации юридических лиц);
Спиртные напитки — п. 311 (злоупотребление С. н. как условие ограничения дееспособности);
Способы защиты гражданских прав — п. 514;
Средства индивидуализации — п. 462 (понятие и виды С. и.), 463 (С. и., используемые физическими лицами), 464 (С. и., используемые юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями);
Средства производства и предметы потребления — п. 420;
Сроки — предисловие, п. 486 (2) (С. как вид событий); § 4 гл. 23, в том числе п. 677 (определение), 678 (место С. в системе юридических фактов), 679 (виды С.), 301, 320, 321, 321[1], 680 (техника определения и исчисления сроков); см. также Время и Исковая давность;
Стартовый капитал — п. 350;
Стечение тяжелых обстоятельств — см. Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной;
Стоимость — см. Потребительная и меновая стоимость вещей;
Строения (постройки, в том числе здания и сооружения) — п. 397 (соотношение с земельным участком, на котором находится С.), 423 (как недвижимые вещи);
Суброгация — п. 529;
Субъекты гражданских правоотношений — см. Лица;
Субъекты гражданского права — см. Лица;
Субъекты правоотношений, прав и обязанностей (соотношение понятий) — п. 263;
Субъекты федерации (как субъекты гражданского права) — см. Публично-правовые образования;
Судебное решение — см. Судебные акты;
Судебные акты — п. 341 (как основания для ограничения правоспособности юридических лиц); п. 618 (соотношение с административными актами); § 4 гл. 21, в том числе п. 632 («проблема» С. а., ее постановка и условия решения), 633 («проблема» судебного решения в системе юридических фактов), 634 (судебное решение как заменитель (суррогат) юридического факта), 635 (иные судебные акты);
Суды общей юрисдикции — п. 516 (2) (подведомственность);
Суррогаты фактических обстоятельств — см. Документы, Презумпции, Фикции;
Суспензивные условия — см. Отлагательные условия;
Существенное изменение обстоятельств (как основание для изменения или расторжения договора) — п. 595, 598;
Существенное нарушение договора (как основание для его изменения или расторжения) — п. 595, 597;
Существенные условия договора — п. 576, 577;
Тайна — см. Конфиденциальность сведений;
Творчество, творческая деятельность — § 2 и 3 гл. 15 (результаты Т. д. как блага), в том числе — п. 451 (понятие Т.), 452 (вторичный характер и срочная охрана результатов Т.), 453 (независимость прав на результат Т. д. от прав на вещь, являющуюся его объективной формой), 454 (уникальные и повторяемые результаты Т. д.), 455 (произведения и их виды), 456 (произведения формальной гражданско-правовой охраны), 457 (произведения содержательной гражданско-правовой охраны); См. также Произведения (творчества);
Тела (человеческие) (как вид материальных благ) — п. 440;
Теории юридического лица — см. Юридические лица;
Теория относительности А. Эйнштейна (и ее значение для понимания сути времени и сроков) — п. 676, 678.4;
Типовые договоры — п. 571;
Ткани (человеческие) (как вид материальных благ) — См. Органы и ткани;
Тленные и нетленные вещи — п. 420;
Товар — п. 412, 471 (рабочая сила как Т.);

Товарный знак (знак обслуживания) — п. 464 (2) (как средство индивидуализации товаров и услуг);
Товарищество (товарищества) — п. 312, 316, 322 (договор Т., его прекращение с признанием гражданина ограниченно дееспособным, недееспособным или безвестно отсутствующим); п. 329 (полное и коммандитное Т. как организационно-правовые формы юридических лиц, а также некоммерческие Т.), 332, сноска (негласные Т.), 348 (договор о совместной деятельности (Т.) по созданию юридического лица), 350 (складочный капитал Т. — юридических лиц);
Толкование договора — п. 580, 589;
Топология интегральной микросхемы — п. 461 (2);
Торги — п. 592, 593;
Торгово-промышленные палаты — п. 329, 334, 346;
Торговые и гражданские юридические лица — п. 345;
Торговые представительства — п. 376;
Торговые сделки — п. 556.4;
Трансплантация органов и тканей — п. 440;
Трансферт — п. 438;
Третейское разбирательство — п. 322 (его прекращение с признанием безвестного отсутствия кого-либо из его участников), 517 (как порядок защиты гражданских прав);
Третьи лица — п. 529 (Т. л., привлекаемые для исполнения по обязательствам), 586 (договоры в пользу Т. л.);
Труд, способности к труду — п. 470 (4) (как непосредственно охраняемое законом нематериальное благо);
Трудовой договор (контракт) — п. 305 (работа по Т. д. как основание для эмансипации), 322 (расторжение Т. д. с безвестно отсутствующим работником), 323 (прекращение Т. д. при объявлении работника умершим);
Тяжелое материальное положение — п. 311 (постановка семьи в Т. м. п. как условие ограничения дееспособности);
Убыток (убытки) — п. 643;
Уведомительная система (государственной регистрации юридических лиц) — п. 335;
Угроза — см. Обман, насилие, угроза, стечение тяжелых обстоятельств, злонамеренное соглашение представителя одной стороны сделки с другой стороной;
Угроза причинения вреда — п. 662;
Умерший — см. Объявление умершим;
Универсальное правопреемство — см. Правопреемство универсальное;
Унитарные предприятия — п. 329 (У. п. как организационно-правовая форма юридических лиц), 350 (уставный фонд У. п.), 358 (приватизация имущества У. п.), 366 (способность публично-правовых образований создавать У. п.);
Управляющий и управляющая организация — п. 530 (как лица, действующие на чужой счет); см. также Доверительное управление, Конкурсный управляющий;
Упущенная выгода — см. Реальный ущерб и упущенная выгода;
Условия (динамики гражданских правоотношений) — п. 477, 478.1, 479, 492;
Условия договора — см. Содержание договора или пункты Указателя, относящиеся к видам условий — Существенным, Обычным и Случайным;
Условные сделки — п. 489, 555, 575 (отличие «условия» в сделке от «условия» в смысле элемента содержания договора);
Услуги — п. 470 (4) (способность к оказанию У. как непосредственно охраняемое законом нематериальное благо); § 7 гл. 15, в том числе п. 471 (понятие У. и его соотношение с понятием работ), 472 (источники гражданско-правового регулирования оказания У.), 474 (виды У.);
Устав (юридического лица) — см. Корпоративные акты, Учредительные документы;
Уставный капитал — п. 350;
Уставный фонд — п. 350;
Устная форма сделки — п. 542, 543;
Усыновители — см. Родители, Усыновление;

Усыновление (удочерение) — п. 302 (как акт гражданского состояния), 322 (при безвестном отсутствии родителя);
Участники (юридических лиц) — п. 528 (как лица, действующие на чужой счет);
Учет технический — п. 413, 428 (отдельных видов имущества);
Учредительные документы (юридических лиц) — п. 330, 348, 349, 363; см. также Баланс, Передаточный акт, Разделительный баланс, Решения, Смета;
Учредительный договор — см. Учредительные документы;
Учреждение — п. 329 (У. как организационно-правовая форма юридических лиц), 358 (преобразование государственных и муниципальных У.);
Учреждение юридических лиц — см. Создание (юридических лиц);
Учреждения (как противоположность корпорациям) — см. Корпорации и учреждения;
Фактические отношения — см. Общественные отношения;
Фактический состав — п. 333 (на примере создания и государственной регистрации юридического лица); § 3 гл. 16, в том числе п. 488 (общее понятие), 489 (элементы Ф. с.), 490 (терминологическое обозначение), 491 (виды Ф. с.);
Факты (юридические Ф.) — предисловие, п. 281; разд. VI, в том числе гл. 16 (общее учение, в том числе § 1 (область понятия о гражданско-правовых фактах), § 2 (виды юридических фактов)); см. также гл. 17 (правомерные действия — см.), 18 (сделки — см.), 19 (договоры — см.), 20 (корпоративные акты — см.), 21 (акты публичной власти — см.), 22 (неправомерные действия — см.), 23 (события — см.);
Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) — п. 352 (как орган, имеющий право требовать ликвидации юридических лиц), 360 (как орган, имеющий право требовать реорганизации юридического лица), 518 (4) (как организация, занимающаяся внесудебной защитой гражданских прав);
Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) — п. 527;
Федеральная налоговая служба (ФНС России) — п. 334 (регистрация юридических лиц), 352 (как орган, имеющий право требовать ликвидации юридических лиц);
Федеральная служба судебных приставов (ФССП) — п. 518 (3) (как организация, занимающаяся внесудебной защитой гражданских прав);
Федеральное агентство по управлению государственным имуществом — п. 375;
Федеральное казначейство — п. 374;
Фидуциарные и коммерческие сделки — п. 322, 556;
Физические лица — п. 272 (условия признания правосубъектности за Ф. л.); гл. 10, в том числе § 1 (понятие), § 2—4 (правоспособность Ф. л. — см.), § 5—8 (дееспособность, недееспособность и адееспособность — см.), § 9 (безвестное отсутствие Ф. л. и их объявление умершими — см.); в том числе п. 283 (терминология), 272, 284 (человек), 285 (личность);
Фикции юридические — п. 477, 481, 492, 495 (понятие); п. 273, 326 (теория Ф. как теория юридического лица); п. 564 (фиктивный субъект как носитель договорной воли);
Филиалы и представительства — см. п. 351;
Фирменное наименование — п. 332, 464 (1) (как средство индивидуализации коммерческих организаций);
Фонд — п. 329 (Ф. как организационно-правовая форма юридических лиц), 350 (как имущество унитарных предприятий и кооперативов), 352 (специальные основания ликвидации);
Форма договора — п. 581;
Форма сделок — § 2 гл. 18, в том числе п. 542 (общие положения и виды Ф. с.), 543 (устная Ф. с.), 544 (конклюдентные действия), 545 (молчание), 546 (простая письменная Ф. с.), 547 (квалифицированная письменная Ф. с.), 548 (подпись на документах о сделках и ее суррогаты), 549 (нотариальная Ф. с.),

550 (последствия несоблюдения требования о письменной Ф. с.); § 3 гл. 19 (форма договоров — см. Содержание и форма договора);
Формы защиты гражданских прав — п. 514;
Формы правовые — см. Гражданско-правовые формы;
Форс-мажор — см. Непреодолимая сила;
Хромосомы (как вид материальных благ) — п. 441;
Ценность, цена — см. Потребительная и меновая стоимость вещей;
Ценные бумаги — п. 430.1, 433 (внешние Ц. б. как валютные ценности); § 5 гл. 14, в том числе п. 435 (определение), 436 (материальное право и формальная легитимация), 437 (публичная достоверность), 438 (основная классификация ценных бумаг — бумаги на предъявителя, ордерные и именные);
Центральный банк РФ (Банк России) — п. 336 (как орган, устанавливающий специальные требования к банкам и банковской деятельности), 343 (как юридическое лицо особой формы организации), 352 (как орган, имеющий право требовать ликвидации юридических лиц — кредитных организаций), 374 (как банк, ведущий счета Казначейства России), 376, 377 (как организация, представляющая Российскую Федерацию в гражданских правоотношениях), 429 (как эмитент денег), 432 (установление Ц. б. предельного размера наличных расчетов), 433 (как лицо, имеющее право осуществлять любые валютные операции без ограничений);
Частичная дееспособность — п. 307;
Частные юридические лица — см. Публичные и частные юридические лица;
Человек — п. 284 (Ч. как животное в биологическом смысле), 437 (Ч. с юридической точки зрения не относится к категории животных);
Честь, достоинство и деловая репутация — п. 465, 467.4;
Чужой счет («за Ч. с.», «на Ч. с.») — п. 306, 504; § 4 гл. 17, в том числе п. 521 (понятие и круг случаев реализации чужой гражданской правосубъектности — действия на Ч. с.); 340 и 528 (действия должностных лиц, участников и работников организаций), 529 (действия лиц, привлекаемых для передачи исполнения по обязательствам), 530 (действия комиссионеров и агентов), 340 и 531 (действия управляющих чужим имуществом и чужими делами), 532 (действия гесторов); см. также Представительство;
Шикана — п. 511;
Штаммы микроорганизмов — п. 441 (как вид материальных благ), 460 (1) (как изобретение);
Экономические отношения — см. Общественные отношения;
Электронная цифровая подпись (ЭЦП) — п. 548;
Элементы фактического состава — п. 489;
Эмансипация — п. 298, 305;
Энергия и мощность (как вид материальных благ) — п. 409, 410, 444;
Юридическая личность — § 4 гл. 9 (теория Ю. л. как субъекта права); п. 271 (понятие Ю. л.), 272 (правосубъектность людей), 273 (правосубъектность организаций), 274 (правосубъектность публично-правовых образований);
Юридические акты — см. Акты (юридические);
Юридические аналоги фактов и составов — п. 477, 481; § 4 гл. 16, в том числе п. 492 (общее представление), 493 (юридические состояния), 494 (юридические обстоятельства), 495 (фикции), 496 (презумпции), 497 (документы), 498 (прецедиции), 499 (признания);
Юридические действия — см. Действия (юридические);
Юридические лица — п. 273 (теории Ю. л.); гл. 11, в том числе § 1 (существо конструкции Ю. л.), § 2 (понятие и признаки Ю. л.), § 3 (государственная регистрация Ю. л.), § 4 (право- и дееспособность), § 5 (виды Ю. л.), § 6—8 (создание, ликвидация и реорганизация Ю. л. — см.); в том числе п. 325 (предпосылки возникновения), 326, 327 (Ю. л. как продукт баланса эгоистического и общественного интересов), 328 (определение Ю. л.), 329 (организационное

единство и организационно-правовые формы Ю. л.), 330 (документы Ю. л.), 331 (имущественная обособленность, баланс и смета Ю. л.) и т.д.;
Юридические обстоятельства — см. Обстоятельства юридические;
Юридические поступки — см. Поступки юридические;
Юридические состояния — см. Состояния юридические;
Юридические факты — см. Факты;
Юридические фикции — см. Фикции юридические;
Юридический состав — см. Фактический состав;
Явочно-нормативная система (государственной регистрации юридических лиц) — п. 335.
Act of God — см. Непреодолимая сила;
Ad hoc — п. 517;
Causa предоставления — см. Основание (causa) предоставления;
Causa сделки — см. Основание (causa) сделки;
Clausula rebus sic stantibus — п. 598;
Condictio — см. п. 672;
Consideration — п. 584, 674;
Contrat dadhésion — см. Договор присоединения;
Damnum fatale — см. Непреодолимая сила;
Diktierter Vertrag — см. Продиктованные договоры;
Force-majeure — см. Непреодолимая сила;
Gestaltungsrechte — см. Секундарные права;
Nasciturus — п. 299;
Negotiorum gestio — п. 306, 532;
Pacta sunt servanda — п. 566.1, 598;
Pactum de contrahendo — см. Предварительный договор;
Quis? Quid? Ubi? Quibas auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? — п. 506;
Rechte des rechtlichen Könnens — см. Секундарные права;
Res corporalis и res incorporalis — п. 403;
Res mancipi и res nec mancipi — п. 420;
Sui generis — п. 585, сноска;
Vis major — см. Непреодолимая сила.
6-летний возраст — п. 302, 308, 314, 526;
6,5-летний возраст — п. 292;
8-летний возраст — п. 292;
10-летний возраст — п. 292, 297;
11-летний возраст — п. 297;
12-летний возраст — п. 297;
14-летний возраст — п. 293, 301, 302, 307, 308, 313, 419, 526, 561, 652;
15-летний возраст — п. 293;
16-летний возраст — п. 294, 301;
17-летний возраст — п. 294;
18-летний возраст — см. Совершеннолетие;
20-летний возраст — п. 296;
23-летний возраст — п. 297;
25-летний возраст — п. 296;
30-летний возраст — п. 296;
35-летний возраст — п. 296, 297;
40-летний возраст — п. 296;
55-летний возраст — см. Пенсионная правоспособность;
60-летний возраст — см. Пенсионная правоспособность;
65-летний возраст — п. 297;
70-летний возраст — п. 297.

Именной указатель

В настоящем Указателе приняты следующие обозначения: 1) указание типа «гл. 9», «гл. 20» и т.д. означает, что имя, к которому оно приурочено, встречается в разделе «Основная литература» к гл. 20; 2) «п. 682» означает, что соответствующее имя упомянуто в основном тексте указанного пункта; 3) «п. 682, сноска» означает, что данное имя упомянуто в одной из сносок к обозначенному пункту; 4) «511, в том числе сноски» — что имя упомянуто в основном тексте п. 511, а также в нескольких сносках к нему.

Фамилии авторов источников из разделов «Дополнительная литература» в настоящий Указатель *не включены*.

Полужирным шрифтом выделены фамилии ученых, знакомство с названными и цитированными трудами которых является *абсолютно необходимым* для успешного изучения гражданского права.

При фамилиях и именах лиц, не имеющих отношения к юриспруденции, в скобках дается пояснение, о ком идет речь, например: «Айвазовский И. К. (художник)», «Арцибашев С. (режиссер-постановщик)», «Вавилов С. И. (физик)» и т.д.

Фамилии и имена иностранных авторов приводятся как на кириллице, так и (в квадратных скобках) на соответствующем иностранном языке, например: «Веркман К. Д. [Werkman C. J.] », «Винер Н. [Wiener N.] », «Гёльдер Э. [Hölder E.] » и др.

Абашин Э. — гл. 10;
Аболонин В. О. — гл. 17;
Абрамов С. Н. — п. 682, сноска;
Авдюков М. Г. — п. 498, сноска, гл. 21;
Агарков М. М. — п. 278, 279, 280, в том числе сноска, гл. 13, п. 383, в том числе сноска, 384, 386, 391, в том числе сноски, 392, сноска, гл. 14, п. 435, сноска, 438, п. 450[1], 450[2], 474.6, в том числе сноска, 497, в том числе сноски, гл. 17, п. 505, сноска, 511, в том числе сноски, гл. 18, п. 533, сноска, 536, в том числе сноска, 540, в том числе сноска, 557, сноска, 558, 570, сноска, 574, сноска, 598, сноска, гл. 20, п. 601, сноска, гл. 21, п. 616, сноска, 627, в том числе сноска, гл. 22, п. 646, в том числе сноски, 658, гл. 23, п. 672, в том числе сноски, 673, 674, сноска, 675, сноска, 688, сноски;
Адам (библейский персонаж) — п. 265;
Айвазовский И. К. (художник) — п. 414;
Александров В. — гл. 11;
Александров Н. Г. — п. 275, сноска, 479;
Алексеев С. С. — гл. 9, сноска, п. 263, сноска, 280, в том числе сноски, гл. 13, п. 380, в том числе сноска, 381, сноска, гл. 18;
Андреев В. К. — гл. 17;
Антимонов Б. С. — гл. 15, 22;
Антонова Л. И. — гл. 20;
Арзамасцев А. Н. — п. 672;
Архипов Б. Н. — п. 602, в том числе сноска;
Арцибашев С. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Асадуллин М. Р. — гл. 9;
Аскназий С. И. — п. 627;
Афанасьева Е. Г. — гл. 20, п. 602, сноска;
Бабаев А. Б. — гл. 18, п. 602, 681, сноски;
Бабаев В. К. — гл. 16, п. 495, сноска, 496, сноска, 498, сноска;
Бабкин С. А. — гл. 14, п. 421, в том числе сноски, 456, сноска;
Багандов А. Б. — гл. 21;
Бакирова Е. Ю. — гл. 16;
Бакшинскас В. Ю. — гл. 20, п. 602, сноска;
Бевзенко Р. С. — п. 602;
Бегичев Б. К. — п. 280;
Безруков А. М. — гл. 16;
Белов В. А. — предисловие, сноска, п. 277, сноска, гл. 11, 13, п. 380, сноска, 404, сноски, гл. 14, 15, 16, 17, 18, п. 533, сноска, 555, сноска, гл. 19, п. 565, сноска, 597, сноска, гл. 20, п. 602, сноски, гл. 23, п. 672, сноска, 681, сноска;
Белова С. Н. — гл. 10;
Белоножкин А. Ю. — гл. 17;
Белькова Е. Г. — гл. 10;
Белявский А. В. — п. 446;
Беляев А. Р. (писатель-фантаст) — п. 284, сноска;
Беляева З. С. — п. 601, сноска;

Белякова А. М. — гл. 22;
Беляцкин С. А. — гл. 23;
Берновский К. — гл. 13;
Богомолова В. — п. 441, сноска;
Богуславский М. М. — гл. 15;
Бондаренко Э. Н. — гл. 16;
Борисов С. М. — гл. 14;
Брагинский М. И. — гл. 12, п. 365, в том числе сноска, гл. 19, п. 565, сноска, 588, сноска;
Братусь С. Н. — гл. 9, п. 264, сноска, 266, сноска, 269, в том числе сноска, 273, сноска, 274, сноски, 275, сноска, 277, сноска, 280, гл. 10, 11, п. 326, сноска, 343, сноска, гл. 12, п. 365, в том числе сноски, 406, сноска, гл. 22, п. 682, сноска;
Брауде И. Л. — гл. 13, п. 384, 386, сноска;
Брун М. И. — гл. 18;
Булгаков М. А. (драматург) — п. 284, 402;
Быков А. Г. — гл. 21, п. 627;
Былков В. В. — п. 672;
Вавилин Е. В. — гл. 17;
Вавилов С. И. (физик) — посвящение;
Варул П. А. — гл. 22;
Василевская Л. Ю. — гл. 18;
Васильев Г. С. — гл. 14;
Васильев Р. Ф. — гл. 21;
Веберс Я. Р. — гл. 9, п. 275, сноска, 280, в том числе сноски, гл. 10;
Вейнке В. — гл. 15;
Векслер В. И. (физик) — п. 445;
Венедиктов А. В. — п. 268, в том числе сноска, 269, в том числе сноска, 270, в том числе сноски, 273, сноска, 275, сноска, гл. 11, п. 627;
Вербицкая Ю. О. — гл. 14;
Вердников В. Г. — гл. 21;
Веркман К. Д. [Werkman C. J.] — гл. 15;
Вершинин А. П. — гл. 17;
Виктюк Р. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Вилкин С. С. — п. 568, сноска, гл. 20, п. 602, в том числе сноска, 605, сноски, 612, в том числе сноски;
Вильянский С. И. — п. 450[1];
Винер Н. [Wiener N.] (основоположник кибернетики) — п. 449, сноска;
Виткявичус П. П. — п. 274, сноски, гл. 12, п. 365, сноска;
Витрук Н. В. — гл. 9, п. 280, сноска;
Витрянский В. В. — гл. 14, 19, п. 565, сноска, 588, сноска;
Воеводин Л. Д. — п. 280;
Волчинский В. К. — п. 446;
Вольфсон Ф. И. — п. 627;
Габов А. В. — гл. 11;
Гавзе Ф. И. — п. 564, в том числе сноска;
Гаврилов Э. П. — гл. 15;
Гальперин С. И. — п. 601, сноска, 602;
Гамбаров Ю. С. — п. 267, сноска, 269, сноска, 270, в том числе сноски, гл. 14, 17;
Гёльдер Э. [Hölder E.] — п. 266;
Генкин Д. М. — п. 632, 646, сноски, 671, сноска, 672, сноска;
Гербутов В. С. — п. 672, в том числе сноска;
Герваген Л. Л. — п. 273, сноска, гл. 11;
Гирке О.-Ф. [von Gierke O.-F.] — п. 273;
Гойхбарг А. Г. — п. 627;
Голубцов В. Г. — гл. 12;
Гордон А. О. — гл. 17;
Гордон В. М. — п. 632, в том числе сноска;
Горелик И. Н. — гл. 14;
Горький А. М. (писатель) — п. 265;
Горюнова Е. Н. — гл. 16;
Грибанов В. П. — п. 268, сноска, 280, в том числе сноска, гл. 11, 17, п. 511, сноска, гл. 22, 23, п. 677, сноска, 678, в том числе сноски;
Гримм Д. Д. — гл. 9, в том числе сноска, п. 263, сноска, 264, в том числе сноска, 273, сноска, 326, сноска, гл. 13, п. 386, сноска, гл. 16, п. 477, сноска, гл. 17, 18, 23, п. 672, в том числе сноски;
Громов С. А. — гл. 18;
Губин Е. П. — п. 268, сноска, гл. 20, п. 602, сноска;
Гукасян Р. Е. — п. 268, сноска;
Гуляев И. Б. — п. 450[2];
Гурвич М. А. — п. 498, сноска, гл. 23;
Гуревич И. С. — п. 446, 450[1];
Гуреев П. П. — п. 446;
Гуссаковский Н. Н. — п. 602, 604, в том числе сноска;
Гутников О. В. — гл. 11;
Гутников О. В. — гл. 18, 22;
Гюнтер А. Р. — п. 617, сноска, 619, сноска;
Данилин В. И. — гл. 16;
Данилова Е. Н. — гл. 15;
Дебольский Н. Н. — гл. 10;
Денисевич Е. М. — гл. 18;

Денисов А. А. — п. 601, сноска;
Деревянко Г. Ф. — п. 688, сноска;
Дилленц В. — гл. 15;
Добровольский А. А. — п. 632;
Дозорцев А. В. — п. 406, сноска;
Дозорцев В. А. — гл. 15, п. 549, сноска;
Доманжо В. П. — гл. 17, п. 511, сноска;
Дормидонтов Г. Ф. — п. 495, сноска, 496, сноска;
Достоевский Ф. М. (драматург) — п. 402;
Дудин А. П. — гл. 13;
Дунаева Н. В. — гл. 10;
Дурдыневский В. Н. — гл. 21;
Дювернуа Н. Л. — п. 264, в том числе сноска, 271, в том числе сноски, 273, сноски, гл. 11, 14, 18;
Дюги Л. [Duguit L.] — п. 272;
Дюма Р. [Dumas R.] — гл. 15;
Евецкий А. А. — гл. 11, 17;
Егоров К. Ф. — п. 446;
Ежов Ю. А. — гл. 10;
Елистратов А. И. — п. 616, сноска;
Ельяшевич В. Б. — гл. 11, 23;
Ем В. С. — п. 602, в том числе сноска;
Емельянов В. И. — гл. 17;
Ермолова О. Н. — гл. 15;
Ефимова Л. Г. — п. 450[2];
Жак д'Эз [Jacques d'Euse] — см. Иоанн XXII;
Журавлев Н. П. — гл. 19;
Загайнова С. К. — гл. 21;
Зайцев Л. И. — п. 601, сноска;
Захарова А. Е. — гл. 14;
Захарова О. Н. — гл. 23;
Зейдер Н. Б. — п. 498, сноска, гл. 21;
Зейц А. Г. — гл. 19, п. 598, сноска;
Зиновьев А. А. (философ) — п. 281, сноска;
Зинченко С. А. — п. 290, сноска, гл. 16;
Златкин В. — п. 463, сноска;
Зыкова И. В. — гл. 11;
Иванов Г. А. — п. 267, сноска;
Иеринг Р. [von Jhering R.] — п. 268, в том числе сноска, 269, в том числе сноски, 270;
Иисус Христос — п. 305, сноска;
Илларионова Т. И. — гл. 9;
Ильенков Э. В. (философ) — п. 281, сноска;
Иннокентий IV (римский папа в 1245—1254 гг.) — п. 326, сноска;
Иоанн (евангелист) — п. 447;
Иоанн XXII (римский папа в 1316—1334 гг.) — п. 326, сноска;
Ионас В. Я. — гл. 15;
Иоффе О. С. — гл. 9, сноска, п. 275, сноска, 280, гл. 13, п. 382, 383, в том числе сноски, 384, 385, в том числе сноски, 386, 446, гл. 16, п. 477, сноска, 558, гл. 19, 21, п. 627, в том числе сноски, гл. 22, п. 682, сноска;
Исаков В. Б. — гл. 16, п. 476, сноска, 477, сноска, 478, сноски, 479, сноска, 486, сноска, 488, сноски, 489, сноска, 491, сноски, 496, сноска, 498, сноска, 632, в том числе сноски, 665, сноска, 668, в том числе сноска, 678, в том числе сноска;
Кабалкин А. Ю. — гл. 21;
Кабытов Н. П. — п. 290, сноска;
Кавелин К. Д. — п. 688, в том числе сноска;
Казанцев Л. Н. — гл. 17;
Калмыков Ю. Х. — гл. 22;
Каминка А. И. — гл. 13, п. 604, в том числе сноски;
Кант И. (философ) — п. 285;
Кант И. [Kant I.] (философ) — п. 676, в том числе сноска;
Канторович Я. А. — гл. 23;
Каплунова Е. С. — гл. 23;
Карадже-Искров Н. П. — гл. 14;
Каранетов А. Г. — гл. 19;
Карасс А. В. — п. 420, сноски;
Кармазинов (литературный персонаж) — п. 402;
Карпов М. С. — гл. 17;
Кашанин А. В. — гл. 18;
Керимов Д. А. — п. 268, сноска;
Кечекьян С. Ф. — п. 658, сноска, 660, в том числе сноска;
Кириллова М. Я. — гл. 23, п. 677, сноска, 678, в том числе сноска, 682, сноска;
Кистяковский И. А. — гл. 9, п. 271, в том числе сноски, 272, сноска;
Китайский В. Е. — гл. 15;
Клейн Н. И. — гл. 21;
Клейнман А. Ф. — п. 632;
Ковалев А. О. — гл. 18;
Козлова Н. В. — п. 273, сноска, гл. 11, 20, п. 602, в том числе сноска, 603, сноска;
Комаров А. С. — гл. 22;
Компанеец Е. С. — п. 450[1];
Кони А. Ф. — гл. 17;

Коновалов А. И. (литературный персонаж) — п. 265;
Коркунов Н. М. — гл. 9, сноска, п. 267, в том числе сноска, 269, сноски, 384, сноска;
Косарева И. А. — гл. 16;
Котарев С. Н. — гл. 10;
Котелевская И. В. — гл. 21;
Кравцов А. К. — гл. 21, п. 627;
Красавчиков О. А. — гл. 9, п. 275, в том числе сноски, 280, сноска, 317, в том числе сноски, гл. 13, п. 383, сноска, 406, сноска, 408, сноска, 446, в том числе сноска, 448, сноска, гл. 16, п. 476, в том числе сноски, 477, сноска, 478, сноска, 479, в том числе сноски, 486, сноска, 487, сноски, 488, сноска, 489, сноска, 490, в том числе и сноска, 491, в том числе сноски, 501, сноска, 540, в том числе сноски, 602, в том числе сноска, гл. 21, п. 615, сноска, 619, сноска, 621, сноска, 623, сноски, 624, сноски, 632, в том числе сноски, 633, в том числе сноски п. 665, сноска, 667, в том числе сноски, 668, в том числе сноска, 678, в том числе сноска;
Красавчикова Л. О. — гл. 15, п. 446, 469, в том числе сноска;
Крашенинников Е. А. — гл. 14, 17, п. 557, сноска, 632, сноски, гл. 23, п. 681, в том числе сноски, 682, в том числе сноска;
Крашенинников П. В. — гл. 23, п. 677, сноска, 678, в том числе сноска, 682, сноска;
Кривцов А. С. — гл. 22;
Кудрявцев В. Н. — гл. 16;
Кузнецова Л. В. — гл. 18;
Кузнецова Л. Г. — гл. 10;
Кузнецова О. А. — гл. 16, п. 496, сноска;
Кулагин М. И. — гл. 11;
Кулишер А. — п. 619, сноска, 620, сноска, 621, сноска;
Куник Я. А. — п. 682, сноска;
Курбатов А. Я. — п. 268, сноска;
Курылев С. В. — п. 477, сноска;
Кучер А. Н. — гл. 19, п. 590, сноски;
Лаврентьев Д. К. — п. 601, сноска, 602;
Лазарев А. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Ландкоф С. Н. — гл. 10, 11;
Лапач В. А. — п. 290, сноска, гл. 13;
Лейбниц Г.-В. [von Leibniz G-W.] (философ и математик) — п. 676;
Лемм С. (польский писатель и философ) — п. 284, сноска;
Ленин В. И. — п. 268, в том числе сноска, 409, сноска, 688, сноска;
Лермонтов М. Ю. (поэт) — п. 285, сноска;
Лешков В. Н. — гл. 9;
Липавский В. — п. 290, сноска;
Литовкин В. Н. — гл. 11;
Лобачевский Н. И. (математик) — п. 676;
Ломакин Д. В. — п. 279, сноски, 280, в том числе сноска, гл. 20, п. 602, в том числе сноска, 605, в том числе сноска;
Ломоносов М. В. — посвящение;
Лоренц Х.-А. [Lorentz H.-A.] (физик) — п. 676;
Лотфуллин Р. К. — гл. 16, п. 495, в том числе сноски;
Лоуренс Э. [Lawrence E.] (физик) — п. 445;
Луиц Л. А. — п. 450[1];
Луиц Л. А. — гл. 14, п. 576, сноска, 627, в том числе сноска, 646, в том числе сноски;
Магазинер Я. М. — гл. 13, п. 383, в том числе сноска, 384, 386;
Макарцева М. В. — гл. 10;
Маковская А. А. — гл. 14, 20, п. 602, в том числе сноска, 614, сноска, 654, сноски;
Маковский А. Л. — п. 672;
Малеин Н. С. — гл. 10, п. 450[1], 511, в том числе сноски, гл. 22;
Малеина М. Н. — гл. 15, п. 446, в том числе сноски;
Малиновский А. А. — гл. 17;
Малько А. В. — п. 268, сноска;
Мананкова Р. П. — гл. 19;
Манигк А. [Manigk A.] — гл. 18;
Марк (евангелист) — п. 305, сноска;
Маркосян А. В. — гл. 16;
Маркс К.-Г. [Marx K.-H.] (философ, экономист) — п. 267, в том числе сноска, 327, в том числе сноска, 447, в том числе сноска;
Матвеев Г. К. — гл. 22;
Матфей (евангелист) — п. 305, сноска;
Махмутова М. М. — гл. 10;
Мезрин Б. Н. — гл. 9;
Мейер Д. И. — п. 304, сноска, 495, сноски, 496, сноска;
Миколенко Я. Ф. — п. 646, сноски, 672, сноска;
Милль Дж. Ст. (философ) — п. 305.3, сноска;

Миловидов Н. Н. — п. 498, сноска, гл. 21;
Минковский Г. [Minkowski H.] (математик) — п. 676;
Мирзоев В. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Мирошниченко Е. С. — п. 677, сноска;
Михайлов С. В. — гл. 9;
Михайлов С. В. — п. 268, сноска;
Михайлова И. А. — гл. 10;
Михеева Л. Ю. — гл. 10;
Мицкевич А. В. — п. 280, гл. 12;
Можейко В. Н. — гл. 11;
Мозолин В. П. — гл. 19;
Молочков Ф. Ф. (дипломат) — п. 463, сноска;
Мотовиловкер Е. Я. — п. 450²;
Мотовиловкер Е. Я. — п. 514, сноска, 632, сноска, 681, в том числе сноски, 682, в том числе сноски;
Мотылева В. Я. — гл. 15;
Мусарский С. В. — п. 688, сноска;
Мусин В. А. — п. 280;
Насыров Р. Г. — гл. 18;
Невзгодина Е. Л. — гл. 17, п. 672;
Некрасов П. А. (поэт) — п. 285, сноска;
Нерсесов Н. О. (Н. И.) — гл. 14, 17, п. 601, сноска, 602;
Нефедьев Е. А. — п. 601, сноска, 602;
Нечаев В. М. — гл. 19;
Николов Х. — гл. 21;
Новак Д. Б. — п. 672, в том числе сноска;
Новицкий И. Б. — п. 268, сноска, 490, сноска, гл. 18, п. 535, сноски, 536, в том числе сноска, 558, гл. 19, п. 574, сноска, 576, сноска, 627, в том числе сноска, гл. 22, п. 646, сноски, гл. 23, п. 678, сноски, 681, сноска, 682, сноска, 688, в том числе сноски;
Новоселова Л. А. — п. 672;
Нолькен А. М. — гл. 19;
Овчинников Н. И. — гл. 21;
Ойгензихт В. А. — гл. 16, п. 496, сноска;
Орлова О. Б. — гл. 10;
Осецкий Ф. И. — гл. 23;
Осокина Г. Л. — гл. 17, 21, п. 632, сноска;
Останиной Е. А. — гл. 18;
Павлодский Е. А. — гл. 23, п. 670, сноска, 671, сноски;
Панкевич А. В. — гл. 15;
Пассек Е. В. — гл. 23, п. 669, сноска, 670, сноска;
Пахман С. В. — гл. 10, п. 601, сноска, 602;
Пашуканис Е. Б. — п. 627;
Пергамент А. И. — гл. 13;
Пергамент М. Я. — гл. 23, п. 671, сноска;
Перетерский И. С. — гл. 17, 18, 19, п. 602, в том числе сноска;
Петков Т. — гл. 21;
Петр I (император) — п. 265;
Петражицкий Л. И. — гл. 9, сноска, п. 267, в том числе сноски, 269, в том числе сноска, 270, в том числе сноска, 383, в том числе сноски, 384, сноска, 388, 601, сноска, 602, 604, в том числе сноски;
Петрухин И. Л. — п. 446;
Пикуль В. И. (писатель, историк) — п. 669, в том числе сноска;
Пиленко А. А. — гл. 15;
Пионтковский А. А. — п. 280;
Пирвиц Э. Э. — гл. 23;
Писемский П. А. — п. 450¹;
Писемский П. А. — п. 601, сноска, 602;
Планиоль М. [Planiol M.] — п. 511;
Плинер В. А. — п. 450²;
Покровский И. А. — п. 333, в том числе сноска, 402, в том числе сноска, гл. 15, 462, сноска, гл. 17, п. 511, сноска;
Полдников Д. Ю. — гл. 19, п. 564, сноска;
Поленина С. В. — гл. 10;
Полищук Н. И. — гл. 16;
Полонский Э. Г. — п. 450¹, 450²;
Полумордвинов Д. И. — п. 498, сноска;
Попов Б. В. — гл. 23, п. 681, сноска;
Попондопуло В. Ф. — гл. 22;
Портянкина С. П. — гл. 10;
Поттер Г. (литературный персонаж) — п. 284, сноска;
Преображенский Ф. Ф. (литературный персонаж) — п. 284;
Придворов Н. А. — п. 446;
Принцип Г. (сербский националист) — п. 268;
Приходько А. И. — гл. 17;
Прокопович Ф. — п. 265;
Пронина М. Г. — п. 446;
Пуанкаре Ж. — А. [Poincaré J. — A.] (математик, физик, философ) — п. 676;
Пугинский Б. И. — гл. 19, п. 563, в том числе сноски;
Пучинский В. К. — гл. 16;
Пушкин А. А. — гл. 12;

Пышкин И. И. — гл. 12;
Пятков Д. В. — гл. 12, п. 365, сноска;
Рабинович Н. В. — гл. 18, 22;
Раевич С. И. — гл. 15;
Разумовский И. П. — гл. 9;
Растеряев Н. — гл. 18, 22;
Рахмилович В. А. — гл. 11;
Рейхардт (литературный персонаж) — п. 669;
Реутов С. И. — гл. 16;
Ринг М. П. — п. 678, сноска, 681, сноска, 682, сноска;
Ровный В. В. — гл. 13, 14, 17, 19;
Рождественский А. А. — гл. 9, сноска, п. 616, сноска;
Рожкова М. А. — гл. 11, 13, 14, 16, п. 476, сноска, 477, сноска, 478, в том числе сноски, 479, в том числе сноски, 484, сноска, 488, сноска, 489, сноска, 491, сноски, гл. 18, п. 541, в том числе сноска, п. 602, в том числе сноска, гл. 21;
Романец Ю. В. — гл. 19, п. 585, в том числе сноска;
Роулинг Дж. К. (английская писательница) — п. 284, сноска;
Рубанов А. А. — гл. 11;
Рубинштейн Б. М. — п. 627;
Руссо Ж.-Ж. [Rousseau J.-J.] — п. 567, в том числе сноска;
Рыбалов А. О. — гл. 13;
Рылеев К. Ф. (декабрист, поэт) — п. 285, сноска;
Рясенцев В. А. — п. 446, гл. 17, 18, 23;
Савельев А. И. — гл. 19;
Савиньи Ф.-К. [von Savigny F.-C.] п. 267, 269;
Свердлык Г. А. — гл. 17;
Сейнароев Б. М. — гл. 21;
Семенова А. Е. — гл. 22, 23, п. 672, в том числе сноски, 674, сноска;
Сенчищев В. И. — гл. 13, п. 383, в том числе сноска, 388, сноска;
Сергеев А. Н. — гл. 15, п. 446, сноска, 564, сноска, 678, сноска;
Сериков Ю. А. — гл. 16;
Серова О. А. — гл. 11;
Симолин А. А. — гл. 18;
Синибальдо Фиески [Sinibaldo Fieschi] — см. Иннокентий IV;
Синицына С. А. — п. 672;
Сирота Е. Г. — гл. 20;
Скарженовский Н. Г. — п. 450[1];
Скворцов О. Ю. — гл. 14;
Слесарев В. Л. — гл. 22;
Смирнов В. Т. — гл. 22;
Смышляев Д. В. — п. 290, сноска;
Собчак А. А. — гл. 22;
Соломин Ю. (актер, режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Софронов В. — п. 463, сноска;
Стальгевич А. К. — п. 477, сноска;
Станиславский К. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Старилов Ю. Н. — гл. 21;
Степанов Д. И. — гл. 15, п. 471, сноска, п. 602, в том числе сноски, 603, сноска;
Степанов С. А. — гл. 14;
Страунинг Э. Л. — гл. 17;
Стучинский М. Г. — гл. 10;
Стучка П. И. — п. 280;
Субочев В. В. — п. 268, сноска;
Суворов Н. С. — гл. 9, сноска, п. 273, сноска, гл. 11;
Сулейманова С. А. — п. 277, сноска, 280, в том числе сноска;
Суханов Е. А. — п. 273, сноска, 275, сноска, 285, сноска, 338, сноска, 371, сноска, 383, сноска, 406, сноска, 446, сноски, 449, сноска, 486, сноска, 505, сноска, 508, сноска, 509, сноска, 510, сноска, 519, сноска, 520, сноска, 566, сноска, 576, сноска, 601, сноски, 602, сноска, гл. 22, п. 672, сноска, 674, сноска;
Суховерхий В. Л. — п. 446;
Сырых В. М. — п. 281, сноска;
Тагайназаров Ш. Т. — гл. 15, п. 446, 448, сноска;
Таль Л. С. — гл. 20, п. 602, 616, сноски;
Тарановский Ф. В. — гл. 9, сноска, п. 272, сноска;
Тарасенко Ю. А. — п. 602;
Тарасов И. Т. — п. 601, сноска;
Тарасова А. Е. — гл. 10;
Тархов В. А. — гл. 22;
Татищев В. Н. — п. 265, 266, 268, 304;
Тверитинова О. Г. — гл. 10;
Терещенко Т. А. — п. 688, сноски;
Тихомиров Ю. А. — гл. 21;
Тихонькова Н. В. — гл. 21;
Ткач А. П. — гл. 18;
Ткаченко Ю. Г. — п. 476, сноска;
Толстой В. С. — гл. 18;

Толстой Ю. К. — п. 275, сноска, 384, сноска, 385, сноска, 386, 388, 446, сноска, гл. 23;
Торган К. Э. — п. 268, сноска;
Трофименко А. В. — гл. 15;
Трубецкой Е. Н. — гл. 9, сноска, п. 272, сноска;
Тузов Д. О. — гл. 18, 22;
Туктаров Е. Ю. — гл. 14, п. 672;
Туминас Р. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Турбин А. (литературный персонаж) — п. 402;
Тыцкая Г. И. — гл. 15;
Тычинин С. В. — гл. 10;
Удинцев В. А. — п. 601, сноска, 602;
Ульяницев В. Г. — гл. 19;
Усольцева С. В. — гл. 15;
Ушивцева Д. А. — гл. 23;
Уэллс Г. (английский писатель-фантаст) — п. 284, сноска;
Фарнсворт Е. А. [Farnsworth E. A.] — гл. 19;
Фаршатов И. А. — гл. 23, п. 682, сноска;
Федоров А. Ф. — п. 450[1], 601, сноска, 602;
Филимонов Д. А. — гл. 17;
Филиппов П. М. — гл. 17;
Финкель Н. К. — гл. 15;
Фитцджеральд Дж.-Ф. [Fitzgerald G.-F.] (физик) — п. 676;
Флейшиц Е. А. — гл. 9, п. 277, в том числе сноски, 280, 281, в том числе сноски, гл. 15, п. 446, 450[1]; гл. 22, 23, п. 672, в том числе сноска, 674, сноска;
Фокин В. (режиссер-постановщик) — п. 459, сноска;
Франц-Фердинанд К.-Л.-Й. [Franz-Ferdinand von Osterreich-Este] (эрцгерцог Австрии) — п. 268;
Халфина Р. О. — п. 385, сноска, 391, в том числе сноски, гл. 19, 21;
Хаскельберг Б. Л. — гл. 14, 19;
Хвостов В. М. — гл. 9, сноска;
Цитович П. П. — п. 345, сноска, п. 601, сноска, 602, 603, в том числе сноски;
Черепахин Б. Б. — п. 275, сноска, гл. 10, 19, п. 598, сноска, п. 682, сноска;
Чернышев В. И. — гл. 23;
Чернышева С. А. — п. 446;
Чечина Н. А. — п. 498, сноска, гл. 21, п. 632, 633, в том числе сноска;
Чечот Д. М. — п. 280, 498, сноска, гл. 17;
Чигир В. Ф. — гл. 10, 11;
Чижов Н. Е. — п. 272, сноска;
Чичерин Б. Н. — гл. 19;
Чорновол Е. П. — гл. 17;
Чубаров В. В. — гл. 14;
Чуваков В. Б. — п. 557, сноска, 558, сноска;
Чудиновская Н. А. — гл. 16;
Шамшов А. А. — гл. 23;
Шапкина Г. С. — гл. 21;
Шаргородский М. Д. — гл. 9, сноска, п. 275, сноска;
Шариков П. П. (литературный персонаж) — п. 284;
Шахматов В. П. — гл. 10, п. 479, в том числе сноска, гл. 18, 22, п. 672;
Шварц Х. И. — гл. 22;
Швондер (литературный персонаж) — п. 284;
Шевченко Я. Н. — гл. 10;
Шершевский И. В. — гл. 17;
Шершеневич Г. Ф. — гл. 9, сноска, п. 265, в том числе сноска, п. 450[1], гл. 15, п. 601, сноска, 602;
Шестакова М. П. — гл. 21;
Ширвиндт А. М. — гл. 16;
Шиткина И. С. — гл. 20, п. 602, в том числе сноска;
Шопенгауэр А. (философ) — п. 304;
Щедровицкий Г. П. (философ) — п. 281, сноска;
Эйнштейн А. [Einstein A.] (физик-теоретик) — п. 676;
Эльяссон Л. С. — п. 450[1];
Энгельман И. Е. — п. 688, в том числе сноска;
Энгельс Ф. [Engels F.] — п. 267, в том числе сноска, 327, сноска, 447, сноска;
Эннекцерус Л. [Enneccerus L.] — п. 410, в том числе сноски, 447;
Юрченко А. К. — гл. 10;
Яблочков Т. М. — гл. 21, 23, п. 669, сноска, 671, в том числе сноски;
Яичков К. К. — гл. 22;
Яковлев В. Ф. — гл. 9, 19;
Яковлева С. — п. 290, сноска;
Якушев П. А. — гл. 17;
Якушев В. С. — гл. 11;
Ямпольская Ц. А. — п. 280;
Ярков В. В. — гл. 16;
Яроменко К. Б. — гл. 15, п. 446, гл. 22.

Указатель статей ГК, цитированных и упомянутых в томе II

Ст. 1 — п. 505, 515, 568 (п. 1), 365, 450[3], 473, сноска, 496, 504, 505, 568, 617 (п. 2), 473, сноска (п. 3);
Ст. 2 — п. 283, 365, 462, 471 (п. 1);
Ст. 4 — п. 566 (п. 2);
Ст. 5 — п. 572;
Ст. 7 — п. 365 (п. 2);
Ст. 8 — п. 288, 480, 512, 563, 622 (п. 1), 625 (п. 2), 480, 634 (статья в целом);
Ст. 8.1 — п. 551 (п. 1), 549 (п. 3 и 5), 427 (разбор по абзацам и пунктам, а также в целом), 428, 625 (в целом);
Ст. 9 — п. 283, 450[3], 504, 505, 679 (п. 1), 283, 507 (п. 2);
Ст. 10 — п. 480, 509, 511[1] (п. 1), 511[1] (п. 2—4), 480 (п. 2), 496 (п. 3), 508 (п. 5), 362, 508, 509, в том числе сноски, 510, сноска (статья в целом);
Ст. 11 — п. 515 (п. 1), 518 (п. 2);
Ст. 12 — п. 515, 622;
Ст. 13 — п. 369, 480, 615, сноска, 620, 622, 657, 659, 660;
Ст. 14 — п. 473, сноска, 519, 660;
Ст. 15 — п. 473, сноска, 643 (п. 2), 529, 659, 660 (статья в целом);
Ст. 16 — п. 369, 480, 615, сноска, 622, 659, 660;
Ст. 17 — п. 287 (статья в целом), 286 (п. 1), 299, 300 (п. 2);
Ст. 18 — п. 277, 287, 288, 347;
Ст. 19 — п. 463 (п. 1), 496 (статья в целом);
Ст. 20 — п. 293, 495 (п. 2);
Ст. 21 — п. 304, 305 (п. 1), 305 (п. 2), 495 (статья в целом);
Ст. 22 — п. 287;
Ст. 23 — п. 495 (п. 2), 464 (п. 3), 287, 625 (статья в целом);
Ст. 24 — п. 287;
Ст. 26—28 — п. 495;
Ст. 26 — п. 309, 541[1] (п. 1), 294, 309, 313, 419 (п. 2), 309, 533 (п. 3), 310, 313, 419, сноска, 493 (п. 4), 307, 561, сноска (статья в целом);
Ст. 27 — п. 294, 305 (п. 1), 305, 625 (статья в целом);
Ст. 28 — п. 307 (статья в целом), 308, 526, 527 (п. 1), 308 (п. 2), 308, 496, 533 (п. 3);
Ст. 29 — п. 311 (п. 1, 2, 3), 315 (п. 1), 310, 3112, в том числе сноски, 312 (п. 3), 311[2], 314, 495, 652 (статья в целом);
Ст. 30 — п. 310 (п. 1, 2), 311, 311[1], 312 (п. 1), 311, 311[2], в том числе сноски, 312 (п. 2), 311[2], сноска, 314, 315 (п. 3), 310, 311[2], в том числе сноска, 493, 495 (статья в целом);
Ст. 31—40 — п. 527;
Ст. 31 — п. 527 (п. 1—3), 311 (п. 2);
Ст. 32 — п. 473, сноска, 527 (п. 2), 311 (статья в целом);
Ст. 33 — п. 306 (п. 1), 489, 527 (п. 2);
Ст. 36 — п. 527, в том числе сноски (п. 2—4);
Ст. 37 — п. 419, 527 (п. 1), 308, в том числе сноска, 419, 526, 650 (п. 2), 308, в том числе сноска, 526, 527, 650 (п. 3), 419, 526 (статья в целом);
Ст. 38 — п. 322, 527;
Ст. 39 — п. 527 (п. 3);
Ст. 41 — п. 306;
Ст. 42—44 — п. 319;
Ст. 42 — п. 319 (ч. 1), 321, 495 (ч. 2), 320, 480 (статья в целом);
Ст. 43 — п. 322 (п. 1), 322, 480 (статья в целом);
Ст. 44 — п. 324;
Ст. 45 — п. 319, 321, 321[1] (п. 1), 321[1] (п. 2), 323, 495 (п. 3), 319, 480, 495, 496 (статья в целом);
Ст. 46 — п. 324 (п. 1 и 2), 319, 496 (статья в целом);
Ст. 47 — п. 302, 493 (п. 1), 480 (статья в целом);
Ст. 48 — п. 328, в том числе сноска, 331 (п. 1), 328, в том числе сноска, 337, сноски (п. 2), 337 (п. 3), 330 (п. 4), 496 (статья в целом);
Ст. 49 — п. 626 (п. 1), 362 (п. 2), 328, 333, 338, сноска, 356 (п. 3);
Ст. 50 — п. 339 (п. 1), 329, 339 (п. 2 и 3), 339 (статья в целом);
Ст. 50.1 — п. 348 (статья в целом и разбор по пунктам);
Ст. 51 — п. 328, в том числе сноска, 333 (п. 1), 328, в том числе сноска, 333, 334[1], 495 (п. 2), 334[1] (п. 3, 4, 6 и 7), 328, сноска, 333 (п. 8), 335, 625 (статья в целом);
Ст. 52 — п. 330 (п. 1, 3, 4, 6), 528, сноска (п. 3);
Ст. 53 — п. 330, 340, в том числе сноска (п. 1), 340, в том числе сноска, 528 (п. 2), 340, 508, сноска (п. 3);

Ст. 53.1 — п. 340, в том числе сноска, 342 (п. 3), 340, 344, сноска, 355, 356[1], 532 (в целом);
Ст. 53.2 — п. 344, сноска, 346 (статья в целом);
Ст. 54 — п. 332, 464 (п. 1), 340 (п. 2), 340, сноска (п. 3), 332, 464 (п. 4), 330 (п. 5), 464 (статья в целом);
Ст. 55 — п. 340;
Ст. 56 — п. 342 (п. 1 и 2), 495, 613 (п. 4);
Ст. 57 — п. 358, 360 (п. 1), 360 (п. 2), 359 (п. 3), 363 (п. 4);
Ст. 58 — п. 358 (п. 1—5), 361 (п. 5), 362 (статья в целом);
Ст. 59 — п. 362 (п. 1 и 2 и статья в целом);
Ст. 60 — п. 361, в том числе сноска (п. 1, 2, 4 и статья в целом), 362 (п. 3 и 5);
Ст. 60.1 — п. 363[1], в том числе сноска (статья в целом и разбор по пунктам);
Ст. 60.2 — п. 363[1] (статья в целом и разбор по пунктам);
Ст. 61 — п. 352, 363 (п. 1), 352 (п. 3, 6), 353, сноска, 354 (п. 4), 353 (п. 5);
Ст. 62—64.1 — п. 353;
Ст. 62 — п. 353 (п. 2, 3, 4 и 5), 354, 613 (статья в целом);
Ст. 63 — п. 354 (п. 1), 355 (п. 1, 2, 4, 5), 353 (п. 2, 4), 356, 495 (п. 6, 8), 356 (п. 9), 613 (статья в целом);
Ст. 64 — п. 355, в том числе сноска (п. 1, 4 и 5), 356 (п. 3), 355, 356 (п. 5.1), 356, в том числе сноска (п. 5.2), 495 (п. 6), 356 (п. 7);
Ст. 64.1 — п. 355 (п. 1, 2);
Ст. 64.2 — п. 356[1] (п. 1), 352, 356[1] (п. 2), 352 (статья в целом);
Ст. 65 — п. 342 (п. 1), 353, в том числе сноска (п. 1 и статья в целом);
Ст. 65.1—65.3 — п. 329, 344, сноска;
Ст. 65.1 — п. 329, 344 (п. 1), 344 (п. 2), 337, 344 (в целом);
Ст. 65.2 — п. 330, 350 (п. 1), 350 (п. 4);
Ст. 65.3 — п. 330 (п. 3);
Ст. 66—67.3 — п. 344, сноска;
Ст. 66—81 — п. 329, сноска;
Ст. 66 — п. 329 (п. 2, 3 и статья в целом), 283 (п. 4), 347 (п. 6);
Ст. 66.1 — п. 329, 350 (в целом), 350 (п. 1);
Ст. 66.3 — п. 330, 614[1] (п. 3), 330 (п. 4);
Ст. 67 — п. 613 (п. 2), 279, 329 (статья в целом);
Ст. 67.1—67.3 — п. 329;
Ст. 67.1 — п. 549, 614[1] (п. 3), 329 (в целом);
Ст. 67.2 — п. 348 (п. 10), 330 (статья в целом);
Ст. 67.3 — п. 342 (п. 2 и 3), 345, 532 (статья в целом);
Ст. 68 — п. 358 (п. 1), 361 (п. 2), 613 (п. 4), 329 (статья в целом);
Ст. 69 — п. 464.1, сноска (п. 3);
Ст. 70 — п. 350, 613 (п. 2);
Ст. 72 — п. 528, 560 (п. 1), 508, сноска (п. 2), 609 (статья в целом);
Ст. 73 — п. 350 (п. 2);
Ст. 74 — п. 350;
Ст. 75 — п. 361 (п. 2);
Ст. 76 — п. 298, 312, 316, 322, 350, 599 (п. 1), 508, сноска (п. 2);
Ст. 77 — п. 599 (п. 1);
Ст. 78 — п. 350 (п. 1 и 3);
Ст. 79 — п. 350;
Ст. 80 — п. 350;
Ст. 81 — п. 352;
Ст. 82—86 — п. 329, сноска;
Ст. 82 — п. 361 (п. 2), 464.1, сноска (п. 4), 322 (п. 5);
Ст. 83 — п. 350 (п. 2);
Ст. 85 — п. 599 (п. 2), 350 (статья в целом);
Ст. 86 — п. 350, 352;
Ст. 86.1 — п. 350 (п. 2), 329 (статья в целом);
Ст. 87—94 — п. 329, сноска;
Ст. 87 — п. 350 (п. 1), 464.1, сноска (п. 2);
Ст. 88 — п. 352 (п. 1 и статья в целом);
Ст. 90 — п. 333, 350 (п. 3), 331, 352 (п. 4), 350, 352 (статья в целом);
Ст. 93 — п. 350 (п. 5);
Ст. 96—104 — п. 329, в том числе сноска;
Ст. 95 — п. 360, сноска (п. 3);
Ст. 96 — п. 350 (п. 1), п. 464.1, сноска (п. 2);
Ст. 97 — п. 352;
Ст. 99—101 — п. 350;
Ст. 99 — п. 331 (п. 4), 352 (статья в целом);
Ст. 106.1—106.6 — п. 329;
Ст. 106.2 — п. 464, сноска (п. 3);
Ст. 106.3 — п. 350 (статья в целом);
Ст. 109 — п. 350, сноска (п. 1);
Ст. 111 — п. 599 (п. 1);
Ст. 113 — п. 350 (п. 3), 464, сноска (п. 4), 342, 368, 372 (п. 6), 329 (статья в целом);
Ст. 114 — п. 350 (п. 2—5), 352 (п. 4 и статья в целом), 329, 531 (статья в целом);
Ст. 116 — п. 352 (статья в целом);
Ст. 117 — п. 329, сноски;
Ст. 120 — п. 372 (п. 2);

Ст. 123 — п. 474 (п. 1), 599 (п. 2);
Ст. 123.1—123.3 — п. 329;
Ст. 123.1 — п. 329 (статья в целом);
Ст. 123.2 — п. 464, сноска (п. 2);
Ст. 123.3 — п. 352 (п. 1);
Ст. 123.4—123.7 — п. 329;
Ст. 123.4 — п. 350 (п. 2);
Ст. 123.8—123.11 — п. 329;
Ст. 123.8 — п. 350 (п. 3);
Ст. 123.11 — п. 350 (п. 2);
Ст. 123.12—123.14 — п. 329;
Ст. 123.12 — п. 464, сноска (п. 2);
Ст. 123.13 — п. 350 (п. 2);
Ст. 123.15 — п. 329 (статья в целом);
Ст. 123.16 — п. 329 (статья в целом);
Ст. 123.17—123.20 — п. 329;
Ст. 123.17 — п. 464, сноска (п. 2), 358 (п. 3, 4);
Ст. 123.18 — п. 350 (статья в целом);
Ст. 123.20 — п. 352, в том числе сноска (статья в целом и п. 2);
Ст. 123.21—123.23 — п. 329;
Ст. 123.21 — п. 329 (п. 2), 342 (п. 3);
Ст. 123.22 — п. 329 (п. 1), 342, 372 (п. 4—6);
Ст. 123.23 — п. 342 (п. 2);
Ст. 123.24 — п. 464, сноска (п. 2), 329 (статья в целом);
Ст. 123.25 — п. 329 (статья в целом);
Ст. 123.26—123.28 — п. 329;
Ст. 123.28 — п. 342 (п. 2);
Ст. 124 — п. 364, 365 (п. 1), 366 (п. 2);
Ст. 125 — п. 366 (п. 1—3), 283 (п. 3), 624, сноска (статья в целом);
Ст. 126 — п. 372 (п. 1—5), 368 (п. 5);
Ст. 127 — п. 364, 372;
Ст. 128 — п. 392, в том числе сноска, 400, 401, 402, 403, 450[1], 450[2], 462, 471, 472;
Ст. 129 — п. 471 (п. 1), 405 (п. 1 и 2), 462 (п. 4), 400 (статья в целом);
Ст. 130 — п. 421, 425, 426 (п. 1), 413, 426[1] (п. 2), 426[1], 428, 450[2], 551 (статья в целом);
Ст. 131 — п. 428, 497, сноска, 551, 625, сноска (п. 2), 551 (п. 4), 426[1], 427, 428, 551, 625 (статья в целом);
Ст. 132 — п. 416, 426 (п. 1), 392, 404 (п. 2), 404, 421, 426, 428, 464, 551 (статья в целом);
Ст. 133 — п. 416 (п. 1, 2 и 3, а также статья в целом), 426[1] (статья в целом);
Ст. 133.1 — п. 416 (абз. 1), 396, сноска, 421, 426[1], 464 (статья в целом);
Ст. 134 — п. 418;
Ст. 135 — п. 417;
Ст. 136 — п. 419 (статья в целом);
Ст. 137 — п. 439;
Ст. 138 — п. 451;
Ст. 140 — п. 429, 450[2] (статья в целом);
Ст. 141 — п. 433 (статья в целом), 434 (ч. 2);
Ст. 142 — п. 420, 435, 450[1], 450[3] (п. 1), 497, сноска, (п. 2), 450[1] (статья в целом);
Ст. 143 — п. 438 (п. 2, 3, 4 и статья в целом);
Ст. 144 — п. 437, сноска (п. 1);
Ст. 145 — п. 437, сноска (п. 1, 2, 3), 438, сноска (п. 1);
Ст. 146 — п. 436 (п. 1), 438 (п. 2 и 3), 549 (п. 9);
Ст. 147 — п. 437, в том числе сноска (п. 2);
Ст. 147.1 — п. 437, сноска (п. 3 и 4);
Ст. 149—149.5 — п. 450[1];
Ст. 149 — п. 450[3] (п. 1—4), 450[1], 450[3], 497, сноски (статья в целом);
Ст. 149.1 — п. 450[3] (п. 1);
Ст. 149.2 — п. 450[3] (п. 1, 3—6);
Ст. 149.3 — п. 450[3] (статья в целом);
Ст. 149.4 — п. 450[3], 614[1], 683 (п. 2), 450[3] (статья в целом);
Ст. 149.5 — п. 450[3] (п. 1);
Ст. 150 — п. 446, 448, 467 (п. 1), 467 (п. 2), 467, 664 (статья в целом);
Ст. 151 — п. 400, 402 (п. 1), 470, 659, 664 (статья в целом);
Ст. 152 — п. 467, в том числе сноска, 496 (п. 1), 683 (п. 10);
Ст. 152.1 — п. 463 (статья в целом);
Ст. 152.2 — п. 467 (п. 1, 2 и статья в целом);
Ст. 153 — п. 533;
Ст. 154—156 — п. 541[1];
Ст. 154 — п. 563 (п. 1), 288, 553 (п. 2), 553 (статья в целом);
Ст. 155 — п. 553;
Ст. 156 — п. 480, 552, 553;
Ст. 157 — п. 489 (п. 1), 495, 555 (п. 3), 541[1], 555, 579 (статья в целом);
Ст. 157.1 — п. 541[1] (по пунктам и в целом), 545 (п. 4);
Ст. 158—165 — п. 541[1];
Ст. 158 — п. 495, 544 (п. 2), 495, 545 (п. 3), 542 (статья в целом);
Ст. 159 — п. 543 (п. 1), 543, 546 (п. 2, 3);
Ст. 160 — п. 463, 544, 546, 547, 550 (п. 1), 548 (п. 2), 463, 533, 548, 549 (п. 3);
Ст. 161 — п. 522, сноска (п. 1), 543 (п. 2), 496 (статья в целом);

Ст. 162 — п. 497, сноска, 543, 550 (п. 1), 479, сноска, 543, 550 (п. 2), 496 (статья в целом);
Ст. 163 — п. 549 (п. 1 и 2), 550 (п. 3), 463 (статья в целом);
Ст. 164 — п. 428, 551, 552 (п. 1), 551 (п. 2), 428, 551 (статья в целом);
Ст. 165 — п. 479, сноска, 497, сноска, 552 (п. 1), 550, в том числе сноска (п. 1, 3, 4), 683 (п. 1, 2 и 4), 552 (п. 3);
Ст. 165.1 — п. 541[1] (статья в целом);
Ст. 166 — п. 496, 557, 570 (п. 1), 557 (п. 2), 480, 649 (статья в целом);
Ст. 167 — п. 557 (п. 1, 3), 570 (п. 3), 480 (статья в целом);
Ст. 168 — п. 650 (п. 1), 559, 649, 650, 652 (п. 2), 558, 569, 650 (по пунктам и в целом);
Ст. 169 — п. 480, 649, 650, 654 (статья в целом);
Ст. 170 — п. 539, сноска, 651 (п. 1), 569, 649, 651 (п. 2);
Ст. 171—178 — п. 496;
Ст. 171 — п. 311[2] (п. 1), 495, 652 (п. 2), 316, 317, 480, 500, 501, 649, 652 (статья в целом);
Ст. 172 — п. 495 (п. 2), 652 (п. 3), 308, 500, 501, 649, 652 (статья в целом);
Ст. 173 — п. 558, 559, в том числе сноска (статья в целом);
Ст. 173.1 — п. 541[1] (п. 1), 512 (п. 2), 558, 559, 560 (статья в целом);
Ст. 174 — п. 512, 566[1] (п. 1), 340, 366, 495, 528, 558, 559, 560, 614[1] (статья в целом);
Ст. 174.1 — п. 566[1], 649, 652 (статья в целом);
Ст. 175 — п. 561, в том числе сноска (п. 1), 305 (3), 309, 526, 558 (статья в целом);
Ст. 176 — п. 561, в том числе сноска (п. 1), 311, 311[2], 312, 558 (статья в целом);
Ст. 177 — п. 318, 562 (п. 1), 318, 562 (п. 2), 317, 558 (статья в целом);
Ст. 178 — п. 496, 640, 645 (п. 2), 558, 562, 573 (статья по пунктам и в целом);
Ст. 179 — п. 685, сноска (п. 1), 500, сноска, 558, 562, в том числе сноска, 573, сноска (по пунктам и в целом);
Ст. 180 — п. 576, сноска;
Ст. 181 — п. 683, сноска, 685, сноска (п. 1), 683 (п. 2), 685 (статья в целом);
Ст. 181.1—181.5 — п. 480, 512, 614[1];
Ст. 181.1 — п. 512, 614[1] (п. 2);
Ст. 181.2 — п. 614[1], в том числе сноска (по пунктам и в целом);
Ст. 181.3 — п. 614[1] (статья по пунктам и в целом);
Ст. 181.4 — п. 363[1] (п. 3), 683 (п. 5), 363[1], 614[1], 655 (статья по пунктам и в целом);
Ст. 181.5 — п. 654 (статья в целом);
Ст. 182—189 — п. 306;
Ст. 182 — п. 340, сноска, 522, 523, 566[1], 624, сноска (п. 1), 524, 650 (п. 3), 438, 496 (статья в целом);
Ст. 183 — п. 495, 528 (п. 1), 528, 559 (п. 2), 340, 541[1], 559 (статья по пунктам и в целом);
Ст. 184 — п. 524 (п. 2 и статья в целом);
Ст. 185—187 — п. 522;
Ст. 185 — п. 463, 523, 566[1], 614[1] (п. 4), 438, 496 (статья в целом);
Ст. 185.1 — п. 549 (п. 1), 463, 548, 549, в том числе сноска (п. 3);
Ст. 187 — п. 312, 322, 473, сноска (п. 1), 549 (п. 3), 524 (статья в целом);
Ст. 188 — п. 298, 312, 316, 322 (подп. 6 и 7 п. 1), 524, 599 (п. 1, 2);
Ст. 188.1 — п. 549 (п. 2), 522, 524, сноска (статья по пунктам и в целом);
Ст. 189 — п. 549, сноска (п. 1), 523 (п. 2);
Ст. 190 — п. 555, 679, сноска, 680;
Ст. 191 — п. 301, 495, 680, в том числе сноска;
Ст. 192 — п. 301, 680 (п. 1), 680 (п. 2), 301, 495, 680 (п. 3), 680 (п. 4);
Ст. 193 — п. 495, 680;
Ст. 194 — п. 495 (п. 2), 680 (статья в целом);
Ст. 195 — п. 682;
Ст. 196 — п. 683 (п. 1, 2);
Ст. 197 — п. 683 (п. 1, 2);
Ст. 198 — п. 683;
Ст. 199 — п. 678, 682, 687 (п. 2), 682, сноска (п. 3);
Ст. 200 — п. 683, 685 (п. 1), 685, в том числе сноска (п. 2, 3);
Ст. 201 — п. 685;
Ст. 202 — п. 482, 670 (подп. 1 п. 1), 671, сноска (п. 1), 686 (п. 1), 686 (п. 3 и 4), 678, сноска (статья в целом);
Ст. 203 — п. 686 (ч. 2), 495 (статья в целом), 678, сноска (статья в целом);
Ст. 204 — п. 686 (п. 1, 2 и статья в целом);
Ст. 205 — п. 670, 678, сноска, 687;
Ст. 206 — п. 688;
Ст. 207 — п. 687;

Ст. 208 — п. 684, в том числе сноска;
Ст. 209 — п. 392 (п. 1);
Ст. 211 — п. 670;
Ст. 213 — п. 625, сноска (п. 3);
Ст. 214 — п. 368 (п. 4 и вся статья);
Ст. 215 — п. 368 (п. 3 и вся статья);
Ст. 217 — п. 368;
Ст. 218 — п. 419 (абз. 2 п. 1), 625, сноска (п. 4);
Ст. 219 — п. 425;
Ст. 220 — п. 453, сноска, 496;
Ст. 222 — п. 423;
Ст. 223 — п. 495 (абз. 2 п. 2), 625, в том числе сноска (п. 2);
Ст. 224 — п. 495;
Ст. 225 — п. 368 (п. 3), 356, 496 (статья в целом);
Ст. 226 — п. 356;
Ст. 227—229 — п. 500;
Ст. 227 — п. 420 (п. 3);
Ст. 228 — п. 368 (п. 2), 496 (статья в целом);
Ст. 229 — п. 473, сноска;
Ст. 230—232 — п. 439;
Ст. 230 — п. 640, сноска;
Ст. 231 — п. 368 (п. 1);
Ст. 232 — п. 473, сноска;
Ст. 233 — п. 368 (п. 2), 496 (статья в целом);
Ст. 234 — п. 687 (п. 4), 387, 496, 500, 625, сноска, 678 (статья в целом);
Ст. 235 — п. 624, сноска;
Ст. 237 — п. 511^1 (статья в целом);
Ст. 239 — п. 496 (п. 1);
Ст. 241 — п. 439;
Ст. 242 — п. 368;
Ст. 243 — п. 368;
Ст. 246 — п. 609;
Ст. 248 — п. 419;
Ст. 250 — п. 515, сноска, 650, 683 (п. 3);
Ст. 253 — п. 496 (п. 2), 496, 512, 558, 560 (п. 3), 558, 560 (п. 4), 609 (статья в целом);
Ст. 256 — п. 496;
Ст. 257 — п. 419 (п. 3);
Ст. 260 — п. 422 (п. 2);
Ст. 261 — п. 422 (п. 3);
Ст. 262 — п. 283 (п. 1);
Ст. 263 — п. 422 (п. 1);
Ст. 264 — п. 422 (п. 2);
Ст. 279 — п. 624, сноска;
Ст. 280 — п. 624, сноска;
Ст. 282 — п. 683;
Ст. 291 — п. 329 (п. 2);
Ст. 292 — п. 298, 312, 316 (абз. 2 п. 1);
Ст. 293 — п. 472;
Ст. 294—297 — п. 531;
Ст. 294—299 — п. 368, сноска;
Ст. 295 — п. 419 (абз. 2 п. 1), 350, 489, 541^1, 624, сноска, 650 (п. 2);
Ст. 296 — п. 624, сноска (п. 2), 531 (статья в целом);
Ст. 297 — п. 419 (п. 2);
Ст. 298—300 — п. 531;
Ст. 298 — п. 331, сноска (п. 2, 3);
Ст. 299 — п. 531;
Ст. 300 — п. 531;
Ст. 301 — п. 496;
Ст. 302 — п. 432, сноска (п. 3), 496, 509, 625, сноска (статья в целом);
Ст. 303 — п. 496, в том числе сноска;
Ст. 304 — п. 496;
Ст. 305 — п. 368, 387, 496;
Ст. 306 — п. 368, 476, сноска, 624, сноска;
Ст. 307 — п. 563;
Ст. 308 — п. 687 (п. 1), 566^1 (п. 3);
Ст. 310 — п. 506, 507, 595, в том числе сноски;
Ст. 311 — п. 506;
Ст. 312 — п. 506;
Ст. 313 — п. 529, в том числе сноска (п. 1, 2), 506 (статья в целом);
Ст. 314 — п. 508, сноска (п. 2), 506, 678 (статья в целом);
Ст. 315 — п. 506;
Ст. 316 — п. 506, 678;
Ст. 317 — п. 506;
Ст. 320 — п. 506, 553;
Ст. 322 — п. 416 (п. 1);
Ст. 327 — п. 495 (п. 2);
Ст. 328 — п. 599 (п. 2), 488, 513, сноска (статья в целом);
Ст. 330 — п. 479 (п. 1);
Ст. 331 — п. 497, сноска, 550;
Ст. 337 — п. 473, сноска;
Ст. 338 — п. 495 (п. 3);
Ст. 339 — п. 497, сноска, 549, 550 (п. 2), 428, 549, 550 (п. 3), 428, 497, сноска, 550 (п. 4);
Ст. 344 — п. 496, 670 (п. 1);
Ст. 345 — п. 508, сноска;
Ст. 346 — п. 650 (п. 2);
Ст. 348 — п. 496 (п. 2);
Ст. 349 — п. 518 (п. 5);
Ст. 351 — п. 670 (п. 1);
Ст. 353 — п. 566^1, 650 (п. 1);
Ст. 355 — п. 496 (ч. 3);
Ст. 358 — п. 547, 581 (п. 2), 670 (п. 3), 496, 640 (п. 4);
Ст. 361 — п. 640;
Ст. 362 — п. 497, сноска, 550;
Ст. 363 — п. 640;
Ст. 364 — п. 599;
Ст. 367 — п. 683 (п. 4);
Ст. 368 — п. 569, сноска;
Ст. 375 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 380 — п. 496 (п. 3), 592 (статья в целом);
Ст. 381 — п. 592, в том числе сноска (п. 1, 2 и статья в целом);
Ст. 382 — п. 560, 566^1 (п. 2), 495 (п. 3);
Ст. 384 — п. 438;
Ст. 385 — п. 420 (п. 2), 496 (статья в целом);
Ст. 386 — п. 438;
Ст. 387 — п. 476, сноска;

Ст. 388 — п. 560 (п. 3), 566[1] (п. 4);
Ст. 389 — п. 549 (п. 1), 551 (п. 2), 438, сноска (п. 3);
Ст. 391 — п. 489, 541[1] (п. 1), 549 (п. 4), 553 (статья в целом);
Ст. 392 — п. 599;
Ст. 393 — п. 529;
Ст. 394 — п. 506;
Ст. 395 — п. 496, сноска (п. 1), 495, 515 (статья в целом);
Ст. 396 — п. 599 (п. 3);
Ст. 397 — п. 473, сноска, 508, сноска;
Ст. 398 — п. 566[1] (ч. 1);
Ст. 399 — п. 508, сноска (п. 1), 599 (п. 3);
Ст. 401 — п. 496, 645, в том числе сноска (п. 1), 496, 645 (п. 2), 482, 483, сноска, 496, 640, 670, в том числе сноска, 671, сноска (п. 3);
Ст. 402 — п. 495, 506, 528;
Ст. 403 — п. 495, 506;
Ст. 404 — п. 508, сноска (п. 1), 663 (статья в целом);
Ст. 405 — п. 670 (п. 1), 495 (п. 3), 506, 529, 679, сноска (статья в целом);
Ст. 406 — п. 496, 670 (п. 2), 663 (статья в целом);
Ст. 408 — п. 420, 496 (п. 2), 663 (статья в целом);
Ст. 409 — п. 506, 507, 596;
Ст. 410—412 — п. 507;
Ст. 410 — п. 553;
Ст. 411 — п. 687;
Ст. 414 — п. 507, 596;
Ст. 415 — п. 507;
Ст. 416 — п. 670 (п. 1);
Ст. 420 — п. 563 (п. 1, 2), 553 (статья в целом);
Ст. 421 — п. 283, 568, 569 (п. 1), 288, 480, 568 (п. 2), 480, 568 (п. 3), 568, 569 (п. 4), 569, 572 (п. 5), 568, 568[1] (статья в целом);
Ст. 422 — п. 566, в том числе сноска, 569 (статья в целом);
Ст. 423 — п. 584, в том числе сноска (п. 1—3), 496 (п. 3);
Ст. 424 — п. 578 (п. 3);
Ст. 425 — п. 566, 566[1] (п. 1—3);
Ст. 426 — п. 569, 570 (п. 1), 570, в том числе сноска (п. 2), 569, 570 (п. 3), 569 (п. 4);
Ст. 427 — п. 572;
Ст. 428 — п. 573 (п. 1), 508, сноска, 573 (п. 2), 573 (п. 3), 569, 573, 589 (статья в целом);
Ст. 429 — п. 574 (п. 1), 550, 573, 574 (п. 2), 574 (п. 3), 574 (п. 4), 570 (п. 5), 497, сноска, 569, 574 (статья в целом);
Ст. 430 — п. 586 (п. 1), 586, 596 (п. 2), 599 (п. 3), 565, 586, сноска (статья в целом);
Ст. 431 — п. 580, 589;
Ст. 432—436 — п. 589;
Ст. 432 — п. 479, сноска, 495, 552, 576, сноски, 577, 581, 589 (п. 1), 495, 590 (п. 2), 495 (п. 3);
Ст. 433 — п. 495 (п. 1), 552 (п. 3);
Ст. 434 — п. 495, 581 (п. 1), 546 (п. 2), 495, 544, 546, 581 (п. 3), 581 (статья в целом);
Ст. 435—443 — п. 553;
Ст. 435 — п. 489, 590 (п. 1), 489, 495, 590 (п. 2), 590 (статья в целом);
Ст. 436 — п. 590;
Ст. 437 — п. 589 (п. 1), 570, 589, 591 (п. 2), 589, 590 (статья в целом);
Ст. 438—443 — п. 591;
Ст. 438—449 — п. 589;
Ст. 438 — п. 590 (п. 2), 544, 546, 581, 581, 590 (п. 3), 489, 590 (статья в целом);
Ст. 439 — п. 495, 590;
Ст. 441 — п. 590, в том числе сноска (п. 1);
Ст. 442 — п. 495, 590 (ч. 1), 590 (ч. 2);
Ст. 443 — п. 590;
Ст. 444 — п. 495;
Ст. 445 — п. 593 (п. 1—2, 4), 570, 593 (п. 3), 570 (статья в целом);
Ст. 446 — п. 570, 574, 593;
Ст. 447—449 — п. 592;
Ст. 447 — п. 592 (п. 1—4);
Ст. 448 — п. 592, в том числе сноска (п. 1—4), 599 (п. 2, 3), 570, 592, 593 (п. 5), 569 (статья в целом);
Ст. 449 — п. 592;
Ст. 450—452 — п. 515, сноска;
Ст. 450 — п. 595, в том числе сноска (п. 1), 496, 595, 597, 599 (п. 2), 495, 595, в том числе сноска, 599 (п. 3);
Ст. 451 — п. 508, сноска, 595, 598 (п. 1), 598 (п. 2, 4);
Ст. 452 — п. 596 (п. 1), 594, 595 (п. 2);
Ст. 453 — п. 570, 596 (п. 3), 594 (п. 4, 5);
Ст. 456 — п. 578 (п. 2);
Ст. 458 — п. 578 (п. 1, 2);
Ст. 459 — п. 578 (п. 1), 670 (статья в целом);
Ст. 461 — п. 496 (п. 1);
Ст. 463 — п. 599 (п. 1, 2);
Ст. 464 — п. 578 (ч. 2), 508, сноска (статья в целом);
Ст. 466 — п. 578 (п. 1), 508, сноска (п. 2);
Ст. 467 — п. 506, 599 (п. 2);
Ст. 468 — п. 508, сноска (п. 4, 5);
Ст. 469 — п. 506 (п. 2);
Ст. 470 — п. 508, сноска (п. 1);

Ст. 475 — п. 473 (п. 1), 508, сноска, 599 (п. 2), 472 (статья в целом);
Ст. 476 — п. 496, 640, 670, в том числе сноска (п. 2);
Ст. 477 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 480 — п. 508, сноска (п. 1), 508, сноска, 599 (п. 2);
Ст. 483 — п. 508, сноска (п. 1), 472 (статья в целом);
Ст. 484 — п. 599 (п. 3);
Ст. 486 — п. 599 (п. 4);
Ст. 487 — п. 488 (п. 2);
Ст. 489 — п. 577 (п. 1);
Ст. 492 — п. 570;
Ст. 493 — п. 581;
Ст. 495 — п. 508, сноска (п. 3);
Ст. 497 — п. 473, сноска (п. 4);
Ст. 499 — п. 508, сноска (п. 3);
Ст. 503 — п. 472;
Ст. 507 — п. 593, сноска;
Ст. 509 — п. 631 (п. 2);
Ст. 510 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 514 — п. 508, сноска (п. 2), 473, сноска (п. 3);
Ст. 515 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 518 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 519 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 520 — п. 508, сноска (п. 1), 472, 473, сноска (статья в целом);
Ст. 523 — п. 496, 597 (п. 2 и 3);
Ст. 524 — п. 508, сноска, 643, в том числе сноска (п. 1—4), 508, сноска (п. 3);
Ст. 525—534 — п. 369;
Ст. 528 — п. 570 (п. 5), 593 (статья в целом);
Ст. 529 — п. 624, 631 (п. 1), 631 (п. 2, 5), 593 (статья в целом);
Ст. 530 — п. 631 (п. 1), 508, сноска (п. 3);
Ст. 534 — п. 599;
Ст. 535—538 — п. 420;
Ст. 538 — п. 640, сноска;
Ст. 539 — п. 570;
Ст. 540 — п. 545 (п. 2);
Ст. 547 — п. 640, сноска;
Ст. 549 — п. 577 (п. 2);
Ст. 550 — п. 479, 497, сноска, 547, 550;
Ст. 555 — п. 577 (п. 1);
Ст. 558 — п. 428, 551 (п. 2), 428, 479 (статья в целом);
Ст. 560 — п. 547 (п. 1), 547, 550 (п. 2), 428, 551 (п. 3), 428, 497, сноска (статья в целом);
Ст. 562 — п. 683 (п. 3);
Ст. 563 — п. 670 (п. 2);
Ст. 565 — п. 496 (п. 3);
Ст. 566 — п. 599;
Ст. 568 — п. 496 (п. 1);
Ст. 572 — п. 473 (п. 1), 507 (статья в целом);
Ст. 573 — п. 551 (п. 2);
Ст. 574 — п. 428 (п. 3 и статья в целом);
Ст. 575 — п. 526;
Ст. 584 — п. 428, 479, 549 (статья в целом);
Ст. 585 — п. 577 (п. 2);
Ст. 587 — п. 670 (п. 3);
Ст. 589 — п. 283 (п. 1);
Ст. 590 — п. 474 (п. 1);
Ст. 595 — п. 670;
Ст. 600 — п. 670;
Ст. 602 — п. 474 (п. 1), 508, сноска (п. 3);
Ст. 606 — п. 419 (абз. 2);
Ст. 609 — п. 550 (п. 1), 428, 551 (п. 2 и статья в целом);
Ст. 610 — п. 545, 599 (п. 2), 495 (ч. 2 п. 3), 508, сноска (п. 3);
Ст. 612 — п. 473, 670 (п. 1), 472 (статья в целом);
Ст. 614 — п. 474 (подпункт 3 п. 2), 670 (п. 4);
Ст. 615 — п. 350, в том числе сноска, 489, 541[1] (п. 2);
Ст. 616 — п. 508, сноска (п. 1), 472, сноска (статья в целом);
Ст. 619 — п. 508, сноска (ч. 1, 3), 472, сноска (статья в целом);
Ст. 620 — п. 508, сноска (подп. 1), 670 (подп. 4), п. 472, сноска (статья в целом);
Ст. 621 — п. 508, сноска (п. 1), 590 (п. 2);
Ст. 626 — п. 570;
Ст. 629 — п. 472, в том числе сноска;
Ст. 630 — п. 518 (п. 3);
Ст. 631 — п. 472, сноска;
Ст. 633 — п. 428, 551;
Ст. 634 — п. 472, сноска;
Ст. 640 — п. 645;
Ст. 643 — п. 428, 551;
Ст. 644 — п. 472, сноска;
Ст. 650 — п. 577 (п. 2);
Ст. 651 — п. 547, 550 (п. 1), 428, 551 (п. 2 и статья в целом), 497, сноска (статья в целом);
Ст. 654 — п. 577 (п. 1);
Ст. 656—664 — п. 531;
Ст. 656 — п. 426 (п. 1);
Ст. 657 — п. 683 (п. 3);
Ст. 658 — п. 547 (п. 1), 428, 551 (п. 2 и статья в целом), 547, 550 (п. 3), 497, сноска (статья в целом);
Ст. 661 — п. 472, сноска;
Ст. 662 — п. 508, сноска (ч. 2);
Ст. 668 — п. 508, сноска (ч. 2);
Ст. 669 — п. 670;
Ст. 670 — п. 495 (п. 1);
Ст. 672 — п. 570 (п. 2);
Ст. 676 — п. 472, сноска;
Ст. 677 — п. 283 (п. 2);

Ст. 679 — п. 283;
Ст. 680 — п. 283;
Ст. 681 — п. 472, сноска;
Ст. 682 — п. 599 (п. 2);
Ст. 686 — п. 283 (статья в целом);
Ст. 689 — п. 599 (п. 2);
Ст. 693 — п. 472;
Ст. 695 — п. 472, сноска;
Ст. 696 — п. 670;
Ст. 697 — п. 496;
Ст. 698 — п. 670 (п. 2);
Ст. 699 — п. 599 (п. 1, 2);
Ст. 705 — п. 670;
Ст. 708 — п. 599 (п. 2);
Ст. 709 — п. 599 (п. 5), п. 473, сноска (п. 6);
Ст. 710 — п. 496 (п. 1);
Ст. 715 — п. 508, сноска, 599 (п. 3), 472 (статья в целом);
Ст. 716 — п. 508, сноска (п. 2, 3);
Ст. 720 — п. 508, сноска (п. 4), 670 (п. 7), 472 (статья в целом);
Ст. 721 — п. 508, сноска (п. 1);
Ст. 723 — п. 508, сноска (п. 1, 3), 472 (статья в целом);
Ст. 724 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 725 — п. 683 (п. 1);
Ст. 730 — п. 570;
Ст. 737 — п. 508, сноска (п. 1), 472 (статья в целом);
Ст. 738 — п. 508, сноска;
Ст. 741 — п. 670;
Ст. 742 — п. 670;
Ст. 743 — п. 496 (п. 1, 4);
Ст. 744 — п. 599 (п. 1, 2), 508, сноска (п. 4);
Ст. 745 — п. 496 (п. 2), 599 (п. 3);
Ст. 750 — п. 508, сноска (п. 1);
Ст. 753—755 — п. 472;
Ст. 754 — п. 599 (п. 2);
Ст. 755 — п. 496 (п. 2), 508, сноска (п. 4);
Ст. 757 — п. 472;
Ст. 763—768 — п. 369;
Ст. 765 — п. 570, 593;
Ст. 769—778 — п. 369;
Ст. 769 — п. 472 (п. 1), 670, сноска (п. 3);
Ст. 773 — п. 472;
Ст. 775 — п. 670, сноска;
Ст. 776 — п. 670, сноска;
Ст. 777 — п. 496 (п. 1);
Ст. 778 — п. 599;
Ст. 779—783 — п. 369;
Ст. 779 — п. 471, сноска, 472, 474 (п. 2);
Ст. 781 — п. 670 (п. 3);
Ст. 782 — п. 599 (п. 1, 2);
Ст. 783 — п. 472;
Ст. 785 — п. 547 (п. 2);
Ст. 786 — п. 547 (п. 2);
Ст. 789 — п. 570;
Ст. 792 — п. 508, сноска;
Ст. 794 — п. 640, 670;
Ст. 795 — п. 496, 670 (п. 1), 640 (статья в целом);
Ст. 796 — п. 496, 671 (п. 1);
Ст. 797 — п. 683 (п. 3);
Ст. 800 — п. 671;
Ст. 801 — п. 473, сноска (п. 1);
Ст. 806 — п. 508, сноска, 599;
Ст. 809 — п. 496 (п. 3);
Ст. 813 — п. 670;
Ст. 816 — п. 369;
Ст. 817 — п. 369, 379;
Ст. 819 — п. 569, сноска;
Ст. 820 — п. 497, сноска, 550;
Ст. 823 — п. 596;
Ст. 824 — п. 579 (п. 2);
Ст. 825 — п. 569, сноска;
Ст. 828 — п. 560;
Ст. 830 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 834 — п. 570;
Ст. 835 — п. 569, сноска (п. 1), 559 (п. 2, 3);
Ст. 836 — п. 581 (п. 1), 497, сноска, 550 (статья в целом);
Ст. 838 — п. 599 (п. 2, 3);
Ст. 841 — п. 496;
Ст. 843 — п. 496 (п. 1);
Ст. 845 — п. 569, сноска (п. 4);
Ст. 846 — п. 570 (п. 2);
Ст. 857 — п. 467 (статья в целом);
Ст. 861—885 — п. 432;
Ст. 862 — п. 432 (п. 1);
Ст. 864 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 868 — п. 599 (п. 1, 3);
Ст. 869 — п. 599 (п. 1, 2);
Ст. 876 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 878 — п. 495, 547 (п. 1), 547 (п. 2);
Ст. 885 — п. 683, сноска (п. 3);
Ст. 888 — п. 508, сноска (п. 1);
Ст. 889 — п. 508, сноска (п. 3);
Ст. 893 — п. 599 (п. 1), 420, 670 (п. 2);
Ст. 896 — п. 670 (п. 3);
Ст. 897 — п. 473, сноска (п. 2);
Ст. 898 — п. 473, сноска;
Ст. 901 — п. 496, 640 (п. 1), 670 (п. 3);
Ст. 908 — п. 570;
Ст. 910 — п. 599 (п. 1), 420 (п. 2);
Ст. 912 — п. 547;
Ст. 919 — п. 547 (п. 2);
Ст. 922 — п. 640, 670 (п. 3);
Ст. 923 — п. 581 (п. 2), 570 (статья в целом);
Ст. 924 — п. 496 (п. 1);
Ст. 925 — п. 640, 670 (п. 2);
Ст. 927 — п. 570;
Ст. 929 — п. 482, 640;
Ст. 930 — п. 482;
Ст. 931 — п. 495 (п. 3);
Ст. 932 — п. 495 (п. 3);
Ст. 933 — п. 495 (ч. 3);
Ст. 938 — п. 569, сноска;
Ст. 940 — п. 550 (п. 1), 497, сноска;
Ст. 942 — п. 555 (п. 1);
Ст. 958 — п. 599 (п. 2);

Ст. 962 — п. 508, сноска (п. 1, 3);
Ст. 965 — п. 483 (статья в целом);
Ст. 966 — п. 683;
Ст. 968 — п. 329, в том числе сноска (п. 2 и статья в целом);
Ст. 971—979 — п. 523;
Ст. 973 — п. 508, сноска (п. 2, 3);
Ст. 977 — п. 298, 312, 322, 316 (абз. 4 п. 1), 322, 599 (п. 1), 599 (п. 2);
Ст. 980—989 — п. 306;
Ст. 980 — п. 496 (п. 1);
Ст. 981 — п. 508, сноска, 532 (п. 1), п. 532 (п. 2);
Ст. 983 — п. 504, 532 (п. 2);
Ст. 984 — п. 532 (п. 1);
Ст. 986 — п. 545;
Ст. 987 — п. 532;
Ст. 990 — п. 530 (п. 1);
Ст. 993 — п. 560 (п. 3), 533 (статья в целом);
Ст. 995 — п. 508, сноска (п. 1), 496 (п. 2), 508, сноска, 545, 599 (п. 3);
Ст. 996 — п. 530 (п. 1);
Ст. 999 — п. 545;
Ст. 1002 — п. 298, 312, 316, 322 (абз. 4), 599 (статья в целом);
Ст. 1005 — п. 530 (п. 1), 496 (п. 2);
Ст. 1008 — п. 545 (п. 3);
Ст. 1010 — п. 298, 312, 316, 322 (абз. 3);
Ст. 1011 — п. 530;
Ст. 1012—1026 — п. 322, 531;
Ст. 1017 — п. 550 (п. 1), 547 (п. 2), 547, 550 (п. 3), 497, сноска (статья в целом);
Ст. 1021 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 1022 — п. 496, 670 (п. 1), 640 (статья в целом);
Ст. 1024 — п. 298, 312, 316, 322 (абз. 4 и 7 п. 1);
Ст. 1028 — п. 550, 552 (п. 1), 551, 552 (п. 2), 497, сноска (статья в целом);
Ст. 1031 — п. 551 (п. 2);
Ст. 1036 — п. 551, 552 (п. 2);
Ст. 1037 — п. 599 (п. 1), 551, 552 (п. 2);
Ст. 1042 — п. 496 (п. 2);
Ст. 1044 — п. 496, 560 (п. 3), 609 (статья в целом);
Ст. 1050 — п. 298, 312, 316 (абз. 2 п. 1), 322, 599 (п. 1);
Ст. 1051 — п. 599;
Ст. 1053 — п. 495;
Ст. 1054 — п. 332, сноска;
Ст. 1057 — п. 592 (п. 5);
Ст. 1064 — п. 496, 640, 645 (п. 2), 479, 511^1, 663, 640, сноска (п. 3);
Ст. 1065 — п. 479, 480 (п. 1), 479 (п. 2), 662 (статья в целом);
Ст. 1066 — п. 511^1, 519;
Ст. 1067 — п. 479, 511^1, 519, 640;
Ст. 1068 — п. 528;
Ст. 1069—1071 — п. 528, 615, сноска, 659, 660;
Ст. 1069 — п. 369, 659;
Ст. 1070 — п. 369, 640 (п. 1), 496, 645 (п. 2), 659 (статья в целом);
Ст. 1073 — п. 308, 318, сноска, 496 (п. 1), 308, 496 (п. 2, 3), 298 (абз. 2 п. 4);
Ст. 1074 — п. 309 (п. 1), 309, 496 (п. 2), 298 (п. 3);
Ст. 1075 — п. 298 (п. 3);
Ст. 1076 — п. 496 (п. 1), 298 (п. 3), 316, 317 (статья в целом);
Ст. 1077 — п. 312 (статья в целом);
Ст. 1078 — п. 293, 317, 318, сноска (п. 1), 317 (п. 2 и 3), 298, 317, 640 (статья в целом);
Ст. 1079 — п. 496, 640, 670 (п. 1), 640 (п. 2), 671 (статья в целом);
Ст. 1081 — п. 645 (п. 3);
Ст. 1082 — п. 643;
Ст. 1083 — п. 663;
Ст. 1085 — п. 663 (п. 1);
Ст. 1087 — п. 293 (п. 1—3);
Ст. 1088 — п. 296 (п. 2);
Ст. 1089 — п. 663;
Ст. 1094 — п. 663;
Ст. 1095 — п. 640;
Ст. 1098 — п. 640, 670;
Ст. 1099—1101 — п. 470;
Ст. 1099 — п. 664 (п. 1 и 2);
Ст. 1100 — п. 640, 664;
Ст. 1101 — п. 508, сноска (п. 2);
Ст. 1102 — п. 672 (п. 1, 2);
Ст. 1103 — п. 675;
Ст. 1104 — п. 670 (п. 2);
Ст. 1105 — п. 672 (п. 1), 496, сноска (п. 2);
Ст. 1107 — п. 496, сноска;
Ст. 1109 — п. 688 (п. 2), 324 (п. 3);
Ст. 1112 — п. 404 (ч. 1);
Ст. 1114 — п. 495 (п. 2);
Ст. 1116 — п. 299, 368 (п. 1), 368 (п. 2);
Ст. 1118 — п. 298, 312, 316 (п. 2);
Ст. 1124—1127 — п. 549;
Ст. 1125 — п. 518 (п. 1 и 2), 548 (п. 3), 533 (статья в целом);
Ст. 1126 — п. 518 (п. 3);
Ст. 1127 — п. 508, сноска (п. 4);
Ст. 1132 — п. 518;
Ст. 1134 — п. 518 (п. 1);
Ст. 1139 — п. 439;
Ст. 1142—1145 — п. 493;
Ст. 1145 — п. 493 (п. 3);
Ст. 1148 — п. 493;
Ст. 1151 — п. 368;
Ст. 1152 — п. 625, сноска (п. 4);
Ст. 1153 — п. 518 (п. 1), 496 (п. 2);
Ст. 1154 — п. 678 (п. 1);
Ст. 1155 — п. 518 (п. 2);
Ст. 1162 — п. 368 (п. 1), 518 (статья в целом);

Ст. 1168 — п. 416 (статья в целом);
Ст. 1171—1173 — п. 518;
Ст. 1173 — п. 340;
Ст. 1175 — п. 686, сноска (п. 3);
Ст. 1189 — п. 496 (п. 2);
Ст. 1191 — п. 508, сноска (п. 3);
Ст. 1221 — п. 496 (п. 2);
Ст. 1225 — п. 462 (п. 1);
Ст. 1226 — п. 462;
Ст. 1227 — п. 453 (п. 1 и 2);
Ст. 1228 — п. 467 (п. 2, 4);
Ст. 1229 — п. 454, сноска (статья в целом), 609 (п. 3);
Ст. 1232 — п. 551 (п. 2, 3), 551, 552, сноска (п. 6), 625, в том числе сноска (статья в целом);
Ст. 1234 — п. 550, 551, 552, сноска (п. 2);
Ст. 1235 — п. 550, 551, 552, сноска (п. 2);
Ст. 1236 — п. 496 (п. 2);
Ст. 1243 — п. 463 (п. 5);
Ст. 1244 — п. 508, сноска (п. 5);
Ст. 1252 — п. 496 (п. 2), 508, сноска (п. 3);
Ст. 1255 — п. 467 (подп. 2 п. 2);
Ст. 1257 — п. 496;
Ст. 1258 — п. 613 (п. 2), 467 (статья в целом);
Ст. 1259—1264 — п. 400;
Ст. 1259 — п. 456, 458 (п. 1), 458 (п. 2), 458 (п. 6), 463 (п. 7);
Ст. 1260 — п. 458, в том числе сноска (п. 2 и статья в целом);
Ст. 1261 — п. 458;
Ст. 1262 — п. 551, 552, сноска (п. 5), 496, 625 (п. 6), 625 (статья в целом);
Ст. 1263 — п. 459, сноска;
Ст. 1265 — п. 467 (п. 1), 463 (статья в целом);
Ст. 1267 — п. 467 (п. 1);
Ст. 1268 — п. 508, сноска (п. 1);
Ст. 1291 — п. 453, сноска (п. 1, 2);
Ст. 1292 — п. 453;
Ст. 1293 — п. 453;
Ст. 1294 — п. 453, сноска;
Ст. 1295—1298 — п. 400;
Ст. 1298 — п. 371 (п. 1);
Ст. 1302 — п. 496;
Ст. 1303 — п. 459 (п. 1);
Ст. 1304 — п. 457, 458, сноска, 459 (п. 1), 400 (статья в целом);
Ст. 1312 — п. 496;
Ст. 1313 — п. 459;
Ст. 1314 — п. 467;
Ст. 1315 — п. 463, 467 (п. 1);
Ст. 1316 — п. 467 (п. 1);
Ст. 1317 — п. 459 (подп. 3 и 4 п. 2), 496 (п. 4);
Ст. 1322 — п. 459;
Ст. 1323 — п. 508, сноска (п. 1);
Ст. 1329 — п. 459;
Ст. 1333—1336 — п. 458, сноска;
Ст. 1334 — п. 459 (п. 1), 496 (п. 3);
Ст. 1337 — п. 459 (п. 1);
Ст. 1345 — п. 454, сноска (п. 2), 467 (подп. 2 п. 2);
Ст. 1347 — п. 496;
Ст. 1348 — п. 467;
Ст. 1349—1355 — п. 400;
Ст. 1349 — п. 460 (п. 1);
Ст. 1350 — п. 441, 457, 460 (1) (п. 1), 460 (1) (п. 2, 4), 460.1, сноска (п. 3);
Ст. 1351 — п. 457, 460 (2) (п. 1), 460 (2) (п. 2), 460.1, сноска (п. 3);
Ст. 1352 — п. 457, 460 (3) (п. 1), 460 (3) (п. 2), 460 (3), 460.1, сноска (п. 3);
Ст. 1353 — п. 625;
Ст. 1356 — п. 467;
Ст. 1357 — п. 550 (п. 3);
Ст. 1358 — п. 454, сноска (п. 1), 496 (п. 2), 441 (статья в целом);
Ст. 1359 — п. 670 (п. 1);
Ст. 1360 — п. 371;
Ст. 1362 — п. 496 (п. 1);
Ст. 1369 — п. 551, 552, сноска;
Ст. 1373 — п. 371 (п. 1);
Ст. 1374—1405 — п. 625;
Ст. 1374 — п. 460.2, сноска;
Ст. 1375 — п. 460.2, сноска;
Ст. 1381 — п. 460.2, в том числе сноска, 460 (3) (п. 1);
Ст. 1394 — п. 463 (п. 1);
Ст. 1408 — п. 467 (подп. 2 п. 1);
Ст. 1410 — п. 496;
Ст. 1411 — п. 467;
Ст. 1412—1414 — п. 400;
Ст. 1412 — п. 461;
Ст. 1413 — п. 461 (п. 1, 2, 4—6);
Ст. 1414 — п. 625;
Ст. 1418 — п. 467;
Ст. 1419 — п. 463;
Ст. 1420 — п. 550 (п. 3);
Ст. 1423 — п. 496 (п. 1);
Ст. 1427 — п. 551, 552, сноска;
Ст. 1433—1445 — п. 625;
Ст. 1434 — п. 461 (п. 1);
Ст. 1448 — п. 461 (п. 1), 461, 496 (п. 2), 400 (статья в целом);
Ст. 1449 — п. 467 (подп. 2 п. 1);
Ст. 1450 — п. 496;
Ст. 1451 — п. 467;
Ст. 1452 — п. 461 (п. 1, 5), 551, 552, сноска (п. 7), 461, 496 (п. 8), 625 (статья в целом);
Ст. 1453 — п. 467;
Ст. 1457 — п. 461 (п. 2);
Ст. 1460 — п. 551, 552, сноска (п. 2);
Ст. 1472 — п. 670 (п. 2);
Ст. 1471 — п. 371;
Ст. 1473 — п. 464 (п. 1), 461, 464 (п. 2), 371 (п. 4), 400, 464 (статья в целом);
Ст. 1475 — п. 625;

Ст. 1477 – п. 464 (п. 1, 2), 400 (статья в целом);
Ст. 1480 – п. 625;
Ст. 1482 – п. 464;
Ст. 1483 – п. 371 (п. 2), 463 (п. 4), 463 (п. 9), 464 (статья в целом);
Ст. 1487 – п. 453, сноска;
Ст. 1490 – п. 551, 552, сноска (п. 1);
Ст. 1492–1507 – п. 625;
Ст. 1516 – п. 464 (п. 1);
Ст. 1518 – п. 464 (п. 2);
Ст. 1538 – п. 464 (п. 1, 2 и статья в целом);
Ст. 1539 – п. 464 (п. 2);
Ст. 1544 – п. 371 (п. 1);
Ст. 1546 – п. 371;
Ст. 1551 – п. 551, 552, сноска (п. 2).

Наши книги можно приобрести:

Учебным заведениям и библиотекам:
в отделе по работе с вузами
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: vuz@urait.ru

Частным лицам:
список магазинов смотрите на сайте urait.ru
в разделе «Частным лицам»

Магазинам и корпоративным клиентам:
в отделе продаж
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru

Отзывы об издании присылайте в редакцию
e-mail: red@urait.ru

Новые издания и дополнительные материалы доступны
в электронной библиотечной системе «Юрайт»
biblio-online.ru

Учебное издание

Белов Вадим Анатольевич

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
ТОМ II.2
ОБЩАЯ ЧАСТЬ
Факты

Учебник для бакалавриата и магистратуры

Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Petersburg». Печать цифровая.
Усл. печ. л. 40,38. Тираж 1000 экз. Заказ № 1027, 60 экз.

ООО «Издательство Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4а.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru